П-22600
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Л. В. ЧЕРЕПНИН

РУССКИЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ АРХИВЫ XIV–XV ВЕКОВ

1

П 22600

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ПРОВ. 2000

Л. В. ЧЕРЕПНИН

РУССКИЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ АРХИВЫ XIV—XV веков

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

169015

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1948 · ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
член-корр. АН СССР *С. В. БАХРУШИН*

ВВЕДЕНИЕ

ЗАДАЧИ И ПРИЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ РУССКИХ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ XIV—XV вв.

В русской исторической науке вопрос о феодальных отношениях в Северо-восточной Руси в XIV—XV вв. поставлен уже давно. В классических трудах В. И. Ленина[1] была дана исключительная по своей глубине характеристика феодального способа производства и указаны пути, которыми шло закрепощение непосредственных производителей. Но представители буржуазной историографии, игнорируя эти глубокие ленинские указания, пошли в изучении феодальных отношений по другому, неверному теоретическому пути, намеченному Н. П. Павловым-Сильванским.[2] Ошибочность методологии Павлова-Сильванского заключается в том, что он рассматривает феодализм как совокупность юридических институтов, а не как систему производственных отношений между двумя антагонистическими классами: феодалами-землевладельцами и зависимыми от них непосредственными производителями-крестьянами. Руководствуясь сравнительно-историческим методом в его буржуазной трактовке, Павлов-Сильванский проводит чисто внешние параллели между русскими и западно-европейскими феодальными порядками. На тех же позициях юридической школы стоят: П. И. Беляев, автор статьи «Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение»,[3] и писавший уже после Октябрьской революции С. Б. Веселовский.[4] Его работы представляют собой по существу полемику против марксизма с позиций буржуазных авторов: Мейтланда, Сибома, Фюстель-де-Куланжа и др.

Не раскрыв сущности феодального способа производства, характера производственных отношений в феодальном обществе, буржуазные исследователи не могли правильно разрешить и проблемы складывания Русского государства.

Политическая история XIV—XV вв., междукняжеские взаимоотношения периода феодальной раздробленности и процесс формирования Русского государства послужили предметом исследования в монографии А. Е. Преснякова «Образование Великорусского государства».[5] Процесс

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. III, стр. 158—159, 170; т. XII, стр. 237.

[2] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. Его же. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907, переиздание, Пгр., 1924. Библиографию книг, статей, рецензий, касающихся вопроса о феодализме в России, выдвинутого трудами Н. П. Павлова-Сильванского, см. в приложении к его книге «Феодализм в удельной Руси», СПб., 1910, стр. 505.

[3] П. И. Беляев. Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение. Журнал министерства юстиции, 1916, № 8, стр. 139—179; № 9, стр. 129—166.

[4] С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима, М., 1926. Его же. Село и деревня в Северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936. Его же. Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси. М.—Л.,1947.

[5] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, Пгр., 1918.

этот автор неправильно сводил к эволюции великокняжеской власти, отрывая его от экономического развития и явлений классовой борьбы. М. К. Любавский, посвятивший свою книгу тому «материальному фундаменту, на котором созидалась новая государственная власть Великороссии, т. е. княжениям и их населению»,[6] остался в плоскости историко-географических наблюдений. Автор не понял классовой сущности государства и рассматривал его создание как чисто внешний процесс расширения территории.

В советской историографии изучение феодальных отношений ведется с принципиально отличных от буржуазной исторической науки позиций, в свете марксистско-ленинского учения об общественных формациях. С точки зрения марксистско-ленинской методологии сделал попытку подойти к изучению социально-экономического уклада и правовых институтов Северо-восточной Руси Б. Д. Греков.[7] На такой же теоретической основе стремились построить изложение социально-экономических и политических явлений XIV—XV вв. авторы учебника по истории СССР для высших учебных заведений, составленного под редакцией Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и В. И. Лебедева. Вопрос об образовании Русского государства рассматривается в советской исторической науке в связи с указаниями товарища Сталина на «потребности самообороны» как на ускоряющий момент создания «централизованных государств» на востоке Европы и на роль великороссов в качестве «объединителя национальностей».[8]

В советской исторической науке заложены теоретические предпосылки для дальнейшего углубленного исследования социально-экономической и политической истории Северо-восточной Руси в XIV—XV вв., в период феодальной раздробленности, и в то время, когда происходил процесс образования Русского государства. Но это изучение может быть плодотворным только в том случае, если предварительно будет произведена критическая разработка источников указанного периода. Речь идет не только о расширении круга источников, на которых обычно строится исследование феодальных отношений XIV—XV вв., но, главным образом, о пересмотре с точки зрения передовой теории марксизма-ленинизма тех памятников, которые уже давно являются объектом изучения,— о построении марксистско-ленинского источниковедения.

Труды исследователей, которые посвящают свое внимание периоду XIV—XV вв., обычно основываются на двух типах исторических источников. Это, во-первых, литературные памятники, прежде всего летописные своды, и, во-вторых, актовый материал и памятники законодательные. История русского летописания XIV—XV вв. изучена уже сравнительно достаточно. В буржуазной историографии с новыми техническими приемами изучения летописей выступил А. А. Шахматов.[9] Но эти приемы вследствие буржуазного характера мировоззрения автора привели его к утверждению ряда ложных концепций, например, теории норманского происхождения Киевского государства. Поэтому перед советской историографией встала задача критического пересмотра наследия Шахматова. На путь этого пересмотра частично встал уже М. Д. Приселков,[10] попытавшийся, хотя и недостаточно, связать историю развития летопис-

---

[6] М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности, Л., 1929, стр. 2—3.

[7] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.—Л., 1946.

[8] И. В. Сталин. Соч., т. II, стр. 304; т. V, стр. 15 и 34. См. дискуссию по вопросу об образовании Русского национального государства. «Вопросы истории», 1946, № 2—3, 4, 7, 12.

[9] А. А. Шахматов. Обзор русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938.

[10] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940.

ных сводов с классовой и внутриклассовой борьбой в феодальном обществе. В настоящее время А. Н. Насонов, М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачев и др. продолжают изучение летописных сводов XIV—XV вв. как общерусских, так и местных.

До сих пор наша историческая литература специально не занималась обзором и критическим анализом различных видов актов и законодательных памятников XIV—XV вв. Буржуазные исследователи при изучении русских феодальных отношений XIV—XV вв. обычно пользовались теми или иными актами в качестве иллюстративного материала. Для характеристики определенного явления феодальной жизни или института феодального права выбирался тот документ, который казался наиболее красочным и наиболее полно раскрывающим выдвигаемое автором положение. При этом не хотели понять, что каждый источник представляет историческое явление. Возникнув в определенных условиях времени и места, в обстановке классовой и политической борьбы, он носит на себе отпечаток именно этих условий, проникнут классовой направленностью и политической целеустремленностью. С такой точки зрения и надо к нему подходить.

Явно ошибочной является принадлежащая буржуазному автору А. С. Лаппо-Данилевскому попытка обобщить наблюдения над актами частно-правового характера в виде курса дипломатики. Курс этот построен на враждебной марксистско-ленинской теории методологической основе неокантианства. Самая серьезная критика этого курса является задачей советского источниковедения.

В настоящей работе сделана попытка дать критический обзор и разбор актов и законодательных памятников XIV—XV вв., выяснив происхождение наиболее важных источников этого типа. Мне казалось очень существенным применить к актовому материалу те приемы критической разработки памятников, которыми пользуются советские исследователи при изучении летописных текстов. Они исходят из предпосылки, что история древнерусского летописания представляет собой историю создания летописных сводов, и стремятся к реконструкции таких сводов, не сохранившихся в подлинном виде, подвергшихся позднейшей обработке и дополнениям. Не менее существенной задачей применительно к актам XIV—XV вв. является восстановление феодальных архивных собраний указанного времени: великокняжеского московского архива, архивов удельных княжеств Московского дома, великих княжеств Тверского и Рязанского, вольных городов Новгорода и Пскова, московской митрополичьей кафедры, ряда русских монастырей. Документы, хранившиеся в этих архивах, представляли определенное единство и цельность по своему подбору, точно так же, как цельность построения отличает памятники летописного типа. Задачей советского источниковедения, в противоположность буржуазному, является раскрыть классовый и политический смысл документов, понять их происхождение в обстановке борьбы в феодальном обществе.

Таким образом, в основу построения предлагаемой читателю монографии положена предпосылка о необходимости рассматривать происхождение каждого отдельного документа в связи с историей того феодального архива, к которому он относится, а историю архивов — в связи с классовыми противоречиями, с борьбой отдельных феодальных центров и внешнеполитическими мероприятиями феодального государства. Первая часть работы посвящена изучению архивов отдельных княжений, Великого Новгорода и Пскова.

Первые четыре очерка рассматривают историю государственного архива Московского великого княжества со времен Ивана Калиты и до княжения Ивана III включительно. В московском великокняжеском архиве хранились преимущественно духовные и договорные грамоты как вели-

ких, так и удельных князей. Мне казалось совершенно необходимым выяснить происхождение этого собрания. В результате ряда наблюдений удается установить, что оно образовалось из собраний удельных князей галицких, можайских, серпуховско-боровских, верейских и др., попавших в Москву после ликвидации этих уделов в результате политической борьбы при Василии Темном и Иване III. История княжеских архивов отражает историю политических отношений XIV—XV вв. Оказывается, можно выявить состав документов, относящихся к архиву того или иного удельного княжества. Основанием для этого служит не только содержание документов, но и дипломатический и палеографический анализ сохранившихся грамот (изучение их формуляра, почерка, других внешних признаков), данные сфрагистики (наблюдения над печатями) и т. д. Выясняется, что в числе дошедших до нашего времени духовных и договорных грамот имеются не только документы московских уделов, но и фрагменты рязанского и тверского великокняжеских архивов, вывезенных в Москву во второй половине XV в.

Итак, в первых четырех очерках нашего исследования задача реконструкции феодальных архивных собраний, образовавшихся в ряде политических центров XIV—XV вв., сочетается с попыткой проследить процесс концентрации этих архивов в Москве в связи с объединительной политикой московского центра и борьбой с феодальной оппозицией.

Метод воссоздания цельных архивных фондов периода феодальной раздробленности позволяет глубже, всестороннее и полнее выяснить происхождение каждого отдельного документа из числа духовных и договорных грамот. Документ выступает как продукт борьбы антагонистических классов и результат внутриклассовых противоречий, как политическое орудие феодальной верхушки. Среди текстов междукняжеских докончаний мы находим проекты, выдвинутые одной стороной, участвовавшей в соглашении, но не принятые и отвергнутые другой. Некоторые договорные акты возникали на основе встречных проектов, отражавших противоположные интересы, и поэтому они носят следы двойной редакции. Духовные московских князей подвергались переработке под влиянием изменившихся политических условий. Духовные князей удельных редактировались в Москве, их общее содержание и отдельные формулировки изменялись в соответствии с требованиями великокняжеской власти. Поняв историю того архивного собрания, к которому относится данный документ, проследить затем историю текста самого документа в связи с породившими его противоречиями в феодальном обществе — таков путь, которым я шел в своей работе. Внешние данные источников, которые обычно игнорировались исследователями (разнообразие почерков, наличие вставок позднейшей рукой и иными чернилами и т. д.), в сочетании с внутренними признаками, помогали выяснить происхождение памятников. В ряде случаев удалось иначе датировать духовные и договорные княжеские грамоты, чем это делали предшествующие исследователи. Расположенные в иной хронологической последовательности, интерпретированные и использованные на основе марксистско-ленинской методологии документы дали возможность осветить процесс создания Русского государства.

Мне казалось очень полезным, конечно, учитывая особенности источников, применить в своем исследовании еще один метод, которым пользуются советские исследователи, изучающие летописные памятники. Летописный свод служит источником, с одной стороны, для воссоздания изображаемых в нем фактов, с другой — для понимания того, как воспринимал и оценивал этот факт составитель свода. Двойное значение в качестве исторического источника имеют и духовные и договорные акты XIV—XV вв. Более ранние документы использовались московскими и другими князь-

ями в политической борьбе более позднего времени. На них ссылались князья, предъявляя друг другу определенные требования, их по-разному интерпретировали, делая те или иные политические выводы. Вопросу об использовании памятников исторического прошлого в политической жизни XV в. посвящена в особенности глава IV, в которой рассматриваются документы московского государственного архива при Иване III. Здесь мне удалось установить, что в великокняжеской канцелярии составлялись специальные копийные книги докончальных и духовных княжеских грамот, к которым прибегали для государственных потребностей в борьбе за централизацию. Специальное внимание в этом очерке уделено также тем пометам 80-х и 90-х годов XV в., которые имеются на актах предшествующего времени и которые свидетельствуют о том, что при Иване III эти акты, в целях государственного строительства и борьбы за централизацию, пересматривались, подбирались, систематизировались, с них снимали списки.

Изложенные выше приемы изучения духовных и договорных грамот принципиально отличаются от подходов к этому источнику, которые характерны для буржуазных исследователей. С. М. Соловьев и Б. Н. Чичерин рассматривали духовные и договорные грамоты абстрактно и недиалектически, как материал, отражающий общие нормы «междукняжеского права», и не пытались вскрыть происхождение и развитие этих норм в связи с классовой и внутриклассовой борьбой в феодальном обществе. В диссертации С. М. Соловьева, посвященной «Истории отношений между князьями Рюрикова дома», имеется специальная глава «Об отношениях между князьями вообще» в период от Ивана Калиты до Ивана III. В этой главе автор ставит своей задачей «изложить те принятые правила, те обычные нормы, которыми князья наши руководствовались в сношениях друг с другом». Соловьев считает, что «положения междукняжеского права повторяются почти одинаково во всех грамотах», и не находит поэтому даже нужным ссылаться на отдельные договоры.[11] Б. Н. Чичерин изучал духовные и договорные грамоты в поисках ответа на схоластически поставленный вопрос: «какая форма общественного союза существовала в это время — гражданское общество или государство» и давал ответ в последнем смысле.[12] В. Н. Дебольский подверг исследованию духовные и договорные грамоты московских князей только как историко-географический источник.[13] Некоторые наблюдения источниковедческого характера над текстами духовных и договорных грамот сделал А. Е. Пресняков,[14] суммировав их, главным образом, в примечаниях. Однако ограниченность буржуазного мышления лишает Преснякова возможности правильно расценить политическое значение изучаемых им актов. Ведь стягивание в Москву, как центр Русского государства, удельно-княжеских архивов не было только механическим делом. Оно имело крупнейшее значение в ряду других мер по государственной централизации, укреплению аппарата власти, подавлению феодальной раздробленности.

В своей работе я считал также необходимым, по возможности, восполнить те пробелы, которые имеются в дошедшем до нас собрании духовных и договорных грамот из-за гибели некоторых памятников. Это удавалось сделать путем введения в научный оборот архивных описей XVI—XVII вв., в которых содержатся сведения об утраченных документах.

---

[11] С. М. Соловьев. История отношений между князьями Рюрикова дома, М., 1847, стр. 307—308.

[12] Б. Н. Чичерин. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. Опыты по истории русского права, М., 1858, стр. 365.

[13] В. Н. Дебольский. Духовные и договорные грамоты московских князей как исторический источник, вып. I, СПб., 1901; вып. 2, СПб., 1902.

[14] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. V.

Главы V и VI посвящены документам, касающимся взаимоотношений Новгорода с великими князьями. Обычно принято думать, что эти документы представляют собой остатки новгородского государственного архива периода самостоятельности, конфискованного Иваном III после присоединения Новгорода. Детальный анализ источников убедил меня в неправильности этой точки зрения. Весь комплекс сохранившихся актов распадается на две группы. В одной группе — договорные грамоты Новгорода с тверскими князьями. Они сохранились в подлинниках и являются наследием не новгородского, а тверского архива, попавшего в Москву, по-видимому, после присоединения Твери в 1485 г. В другой группе — сборник копий с новгородских документов, снятых в Москве в 70-х годах XV в. в связи с походами Ивана III на Новгород. Соответственно происхождению двух названных групп документов, из которых одна восходит к тверскому, другая — к московскому архивам, они рассматриваются нами раздельно, в двух самостоятельных очерках.

Выяснение социальных и политических условий происхождения каждой отдельной докончальной грамоты (рассматриваемой в связи с историей данного архивного фонда), как и в предыдущих очерках, все время остается в центре моего внимания. Метод изучения сводного текста определенных разновидностей актов, который в свое время был очень популярен в русской буржуазной историографии, является принципиально неверным. Применительно к новгородским докончаниям с князьями такая «Сводная Новгородская грамота» дана С. М. Соловьевым в приложении к его исследованию «Об отношениях Новгорода к великим князьям».[15] Подобный метод, как метод недиалектический, затемняет классовую сущность актов.

Как и в главах, посвященных истории московского великокняжеского архива, критический анализ договорных актов Великого Новгорода имеет целью вскрыть наличие в них той или иной редакции, отражающей тверские, московские или новгородские интересы, сопоставить между собой проекты, выдвинутые различными сторонами и послужившие основой для окончательного текста той или иной докончальной грамоты, отражающей таким образом конфликты между отдельными феодальными центрами.

Очень существенной представляется мне задача выяснения причин составления сборника копий с новгородских актов, появившегося в Москве в 70-х годах XV в., и целей, которые он преследовал. Разрешение этого вопроса проливает свет на характер тех грамот, которые скопированы в сборнике. Оказывается, что между всеми грамотами имеется внутренняя связь, что они подобраны по определенному принципу и расположены по продуманной системе. В силу этого изучение Двинской уставной грамоты нельзя отрывать от Новгородской судной грамоты. Рассмотрение же обоих памятников во взаимной связи проливает свет на историю и того и другого. Выясняется, что при составлении сборника такие документы, как Новгородская судная грамота, были внесены в него намеренно не полностью. По определенным практическим соображениям из Новгородской судной грамоты были скопированы только интересовавшие в данный момент московскую великокняжескую власть разделы, а значительная часть памятника не попала в сборник. Тем самым удается в какой-то мере разрешить вопрос о том, что представляла собой Новгородская судная грамота в полном виде. Сборник обслуживал задачи политики московского правительства, пытавшегося, опираясь на социальные низы, раздавить феодальную оппозицию в Новгороде и включить его в состав Русского государства.

Темой главы VII является документальное наследие государственного архива Пскова. В этом очерке рассматривается история Псковской судной

[15] С. М. Соловьев. Об отношениях Новгорода к великим князьям, М., 1846.

грамоты. Предпосылкой для ее изучения служит мысль о том, что текст этого памятника псковского права дошел до нас в московской редакции 70—80-х годов XV в., подвергнувшей его соответствующим переделкам и выпустившей из него некоторые разделы. Параллельное рассмотрение новгородских и псковских памятников дает возможность уловить внутреннюю связь между составлением в Москве при Иване III сборника копий с документов, относящихся к истории Великого Новгорода, и появлением московской редакции Псковской судной грамоты. Возникает основание говорить о том, что в 70—80-х годах XV в. в Москве был поднят вопрос о кодификации местных памятников русского права, о централизации в области законодательства. Мне казалось, далее, существенным попытаться восстановить более ранние редакции Псковской судной грамоты, предшествующие московской. При этом я считал необходимым отказаться от обычного представления о том, что в тексте Псковской судной грамоты отдельные статьи расположены в хронологическом порядке и что поэтому для воссоздания истории текста памятника достаточно механически разбить его на ряд частей, представляющих собой разновременные напластования. Состав Псковской судной грамоты мне кажется значительно более сложным, и, изучая его, я находил, что каждая новая редакция заключалась не в простой приписке к тексту предшествующих дополнительных постановлений, а в новой переработке статей, их перегруппировке, переделке.

Критическому разбору актов, сохранившихся в архивах церковных феодальных организаций (митрополичьей кафедры, монастырей) и дающих материал для характеристики феодальной системы хозяйства и положения класса непосредственных производителей, будет посвящена вторая часть монографии, готовая к печати.

Такова структура работы, таковы приемы, которым я следовал при изучении актового материала и законодательных памятников XIV—XV вв., и те основные выводы, которые я имел возможность сделать.

Из всего изложенного видно, что в настоящей монографии внешняя критика текстов источников и внешняя история изучаемых памятников служили путем к постановке целого ряда проблем складывания Русского государства. Так, наблюдения над текстами великокняжеских духовных грамот пролили свет на крупные дипломатические победы, одержанные в Золотой Орде правительствами Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича. Первый заставил ордынские власти признать вотчинные права московских князей на великое княжение, а второй — отступил от старого обычая посылать княжеские духовные на утверждение хана. В результате критического анализа источников феодальная война второй четверти XV в. выступает как этап в создании Русского государства. Изучение тех изменений, которые претерпел формуляр доконча́льных грамот великих московских князей с удельными при Иване III, показал, что усиленная переработка норм междукняжеских отношений велась в великокняжеской канцелярии в начале 80-х годов XV в. и что толчком к этой работе послужило нашествие Ахмата. Вообще история текстов договорных и духовных княжеских грамот рассматривается мною в контексте московско-литовских и московско-ордынских отношений, с одной стороны, отношений Московского княжества к Тверскому и Рязанскому — с другой, наконец, в связи с внутренней политикой князей московского дома. Точно так же законодательные памятники — Новгородская, Псковская судные и Двинская уставная грамоты — интересовали меня не с точки зрения содержащихся в них общих правовых норм; мне казалось необходимым показать происхождение этих памятников в результате развития классовых противоречий и политической борьбы.

Указатель к книге составлен И. У. Будовницем.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДОКУМЕНТЫ МОСКОВСКОГО ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО АРХИВА XIV ВЕКА

§ 1. Основные задачи, связанные с изучением документов московского великокняжеского архива

Формирование государственного архива великого княжества Московского освещено в исторической литературе недостаточно.

Имеющиеся на эту тему труды посвящены или анализу известной описи царского архива второй половины XVI в., напечатанной в «Актах Археографической Экспедиции»,[1] или вопросу об организационной структуре архива—о том, представлял ли он собой самостоятельное учреждение или находился при Посольском приказе.[2] При этом вопрос о государственном архиве часто подменялся вопросом о царской библиотеке, о которой сохранились известия иностранцев.[3]

В настоящей работе сделана попытка пойти несколько иным путем — именно подвергнуть критическому анализу те остатки московского великокняжеского архива, которые хранятся в Государственном древлехранилище Центрального Государственного архива древних актов (ЦГАДА).

В основном — это духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. Они были напечатаны еще в «Древней Российской Вивлиофике» Н. И. Новикова, затем в начале XIX столетия в «Собрании государственных грамот и договоров», и поэтому исследователи в большинстве не считали нужным обращаться в архив при работе над этими

---

[1] ААЭ, т. I, стр. 335, № 289. Об этой описи см. А. Н. Я с и н с к и й. Московский государственный архив в XVI в., СПб., 1909.

[2] Литературу вопроса см. у Н. П. Л и х а ч е в а. Библиотека и архив московских государей в XVI ст., СПб., 1894, стр. 1—15, 66—67, 80. С. А. Белокуров считал, что в XV — начале XVI в. государственные акты хранились в великокняжеской «казне», а с учреждением Посольского приказа они поступили туда. По мнению А. И. Соболевского, не только в XV в., но и в XVI—XVII вв. в Москве существовал государственный архив, находившийся где-то в тайнике под Кремлем. Н. П. Лихачев утверждает, что государственный архив —«казна», образовавшийся в XV в., с самого начала помещался при Посольском приказе.

[3] Ливонская хроника Иенштедта второй половины XVI — начала XVII в. сохранила известие пастора Ваттермана, видевшего библиотеку Ивана IV. Профессор Дерптского университета Дабелов опубликовал составленный анонимным автором каталог книг Ивана IV (Н. П. Л и х а ч е в. Указ. соч., стр. 27).

источниками. Однако изучение духовных и договорных грамот в оригиналах дает чрезвычайно много. Сплошной просмотр Государственного древлехранилища обнаруживает, прежде всего, новые тексты (именно черновые проекты) опубликованных духовных и договорных грамот XV в.[4] Эти тексты дают ряд до сих пор не известных вариантов и позволяют выявить историю составления некоторых документов, освещая тем самым политические взаимоотношения эпохи.

Но интерес представляют не только новые тексты и варианты. Внимательный палеографический и дипломатический анализ тех документов, которые уже известны в печати, дает материал для дополнительных наблюдений и выводов. Ранее опубликованные грамоты приобретают новый исторический смысл в том случае, если нам удается установить по оригиналам, когда, каким путем, при каких обстоятельствах они попали в Москву. Обращение к памятникам, хранящимся в Государственном древлехранилище, позволяет вскрыть процесс концентрации в московском великокняжеском архиве архивов других великих и удельных княжений. Эта концентрация отражает политическую историю Московского княжества.

До сих пор исследователи при изучении духовных и договорных грамот рассматривали их как источник, непосредственно освещающий исторические события и явления, но не останавливали внимания на том, что документы эти сохраняли свое политическое значение долгое время спустя после своего составления. Между тем обратить внимание на эту сторону дела весьма важно. Ряд грамот имеет на оборотной стороне пометы XV в. Сравнивая между собой почерки, которыми сделаны эти пометы и пробуя их датировать, можно установить, что в некоторых случаях, на основании поручений великокняжеской власти, в государственном архиве Московского княжества производились подбор и систематизация документов, имевших уже за собой некоторую давность, и они использовались, как это удается выявить, в целях текущей политики. В исторической литературе уже достаточно убедительно доказано, что в основу летописных сводов обычно клались документы княжеских архивов. Но в какой мере эти документы использовались для нужд государственного строительства, об этом говорилось недостаточно.

Некоторые грамоты дошли до нас в списках (одном или нескольких, современных оригиналу или более позднего времени). Это обстоятельство представляет интерес даже в том случае, если эти списки воспроизводят оригинал буквально и не имеют никаких расхождений между собой. А. Е. Пресняков в своей статье о завещании Василия III указывает, что когда составлялась докончальная или духовная грамота, то с нее тут же снимали несколько копий, для того чтобы сохранить подлинник.[5] Ближайшее изучение водяных знаков той бумаги, на которой написаны копии, показывает, что снятие копий часто происходило далеко не одновременно с оформлением подлинного акта, а значительно позднее. Более или менее точная датировка списка по водяному знаку позволяет выяснить, почему понадобилось снятие копии. Обычно это делалось тогда, когда старый документ приобретал актуальное значение в политической борьбе более позднего времени.

Следует считать большим пробелом в литературе, посвященной истории великокняжеского архива, то, что для ее изучения не привлекались

---

[4] Все грамоты XIV в., хранящиеся в Гос. древлехранилище ЦГАДА, уже опубликованы.

[5] А. Е. Пресняков. Завещание Василия III. Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, П., 1922, стр. 71, 72, 76.

сохранившиеся в ЦГАДА описи архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг.,[6] особенно последняя. В архиве при Посольском приказе хранились старые материалы московской великокняжеской казны. Исследователи занимались исключительно упомянутой описью царского архива XVI в., но она, во-первых, дошла до нас в дефектном виде, а, во-вторых, по самым своим приемам не дает достаточного представления об отдельных документах. Описи же 1614 г. и 1626 г. (особенно вторая) содержат необычайно подробные сведения о каждом документе со всеми его внешними признаками. Поэтому, кто занимался этими документами по подлинникам, сразу узнает их описание.[7] Опись 1626 г. чрезвычайно важна тем, что дает сведения о документах, в настоящее время утраченных. Можно подумать, что ценность описи 1626 г. для изучения материалов XV в. несколько спорна, потому что она составлена после пожара, уничтожившего часть архивных документов. Однако сличение между собой описей 1614 и 1626 гг. приводит к заключению, что как раз старые материалы московского великокняжеского архива от пожара пострадали меньше всего и, повидимому, в основном сохранились.

Наконец, последнее, на что следует обратить внимание, это на вопрос о том, ограничиваются ли материалы московского великокняжеского архива теми документами, которые хранятся в Государственном древлехранилище в ЦГАДА. На этот вопрос приходится ответить отрицательно. Действительно, хорошо известно, что опубликованные договорные грамоты не все извлечены из Государственного древлехранилища; часто они взяты и из других фондов. Тем не менее эти документы по своему характеру, несомненно, восходят все к тому же великокняжескому (затем — царскому) архиву. Выявить полностью его актовое наследие представляет задачу научно интересную и важную.

В дальнейшем исследовании выясняется, прежде всего, роль документов великокняжеского московского архива XIV—XV вв. в политической жизни того времени, в той борьбе, которую вели московские князья с великими князьями рязанскими, тверскими; с вольными русскими городами Новгородом и Псковом; с Золотой Ордой, с Польско-Литовским государством.

Уже в XIV в., в результате напряженной политической жизни Московского княжества, в казне московских князей стали откладываться акты, характеризующие их деятельность. Древнейшие из них, сохранившиеся до нашего времени, относятся к княжению Ивана Калиты, — это тексты его завещания.

§ 2. Духовные грамоты Ивана Даниловича Калиты

Духовных грамот Ивана Даниловича Калиты известно две.[8] По вопросу об их датировке в литературе находим самые противоречивые высказыва-

---

[6] Опись 1614 г. была составлена окольничим кн. Д. И. Мезецким и дьяком Петром Даниловым. В 1626 г., после большого московского пожара, окольничий Ф. Л. Бутурлин и дьяки И. Болотников и Г. Нечаев снова «переписывали в Посольском приказе всякие дела», уцелевшие от огня.

[7] Еще Н. П. Лихачев указывал на необходимость полного издания описей Посольского приказа. «К сожалению,— пишет он,— архив (Министерства иностранных дел.— *Л. Ч.*) не печатает ни новых своих описей, ни драгоценных старинных переписей...». Опись 1626 г. была известна Лихачеву по копии из «Портфелей» Миллера, и он привел из нее выдержки в своей книге «Библиотека и архив московских государей в XVI столетии», СПб., 1894, стр. 66—67, прим. 2. Отрывки из описей Посольского приказа исключительно в части, касающейся сношений Московского государства с Польско-Литовским в XVI—XVII вв., напечатаны С. А. Белокуровым в «Сборнике Русского исторического общества», тт. 137 и 142.

[8] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 1—2. Указания на духовные Калиты см. в описях архива Посольского приказа 1614 г., л. 33 об., и 1626 г., л. 2 об.

ния, предположения одних авторов не согласованы с другими. В «Древней Российской Вивлиофике» грамоты опубликованы под 1328—1341 гг.— годами княжения Калиты.[9] «Собрание государственных грамот и договоров» поместило оба документа под 1328 г., исходя из имеющихся в них указаний на то, что они написаны перед поездкой великого князя в Орду.[10] Н. М. Карамзин колеблется между 1328 и 1331 гг., когда московский князь также побывал в Орде. Ранее 1328 г., указывает автор, грамоты не могли появиться потому, что на печатях, к ним привешенных, имя князя Ивана сопровождается титулом «великий»; с другой стороны, в документах упомянута княгиня Елена (Олена), жена Калиты, которая умерла в 1331 г.[11] И. И. Срезневский настаивает на разновременности двух грамот и одну из них относит к 1327—1328 гг., а другую — к 1331 г.[12]

Противоречивые утверждения находим у А. В. Экземплярского. В основном тексте своей монографии он говорит, что обе духовных Калиты написаны одновременно в 1328 г., а в примечании вносит очень существенные поправки в датировку документов, предложенную его предшественниками. Экземплярский отметил, что, называя княгиню Елену, духовные грамоты говорят о ней как об умершей. Иван Данилович передает принадлежавшие покойной золотые вещи ее дочери Фетинье: «А что золото княгини моее Оленино, а то есмь дал дчери своей Фетиньи». В то же время в обеих духовных Иван Калита упоминает и вторую свою жену, с меньшими детьми, которых поручает старшему сыну (от первого брака) Семену и которым выделяет определенные владения и доходы: «А приказываю тобе, сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою с меншими детми...»; «а се даю княгини своей с меншими детми...» Указание на волости и села, завещанные московским князем на прожиток своей «княгине» и «меншим детям», Экземплярский сопоставляет с некоторыми данными, которые можно извлечь из духовных грамот второго сына Калиты — Ивана Ивановича. В них читаем: «А княгини Ульяна по отца моего князя великого по грамоте по душевной ведает волости и осмничее и села до своего живота». И в другом месте: «А что волости за княгинью за Ульяною, ис тых волостий по ее животе дети мои дадут дчери ее Сурожик, село Лучинское».[13] Иван II ссылается на «душевную грамоту» своего отца, обращаясь к которой видим, что Сурожик, Лучинское, «из городских волостий... осмничее» входят в число тех владений и доходов, которые были предназначены его жене. Отсюда следует, что княгиня Ульяна, о которой речь идет в духовной Ивана Ивановича — это вторая жена Ивана Калиты, мачеха Ивана II. Следовательно, духовные Ивана Даниловича Калиты не могли быть составлены раньше 1331 г., когда умерла его первая супруга Елена.[14]

Вывод Экземплярского получил подтверждение в опубликованном после выхода в свет его исследования летописном тексте, содержащем известие о втором браке Калиты: «того же лета (6940-го, т. е. в 1332 г.) оженися в другые князь великый Иван Даниловичь».[15]

---

[9] «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. I, М., 1788, стр. 47—56, № 1—2.
[10] СГГД, т. I, стр. 31—35, № 21—22.
[11] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV, изд. 2-е, СПб., 1819, примечания, стр. 191, № 325.
[12] И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.), изд. 2-е, СПб., 1882, стр. 182 и 184.
[13] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 4—5. СГГД, т. I, стр. 39—43, № 25—26.
[14] А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. I, СПб., 1889, стр. 79—80.
[15] Русские летописи. Летописец русских царей (ЧОИДР, 1898, кн. I, отд. II, стр. 43). ПСРЛ, т. XVII, стр. 30, прим. 56.

А. В. Орешников и А. Е. Пресняков, пользуясь наблюдениями Экземплярского, попытались приурочить обе духовные к определенным моментам жизни и деятельности московского князя. После 1332 г. Иван Калита ездил в Орду — в 1336 г., в 1339 г. и, по данным (мало вероятным) некоторых летописных текстов (например, Никоновской летописи) еще в 1340 г. А. В. Орешников приводит опубликованную И. И. Срезневским запись с похвалою великому князю Ивану Даниловичу, находящуюся на последнем листе книги евангельских чтений Антониева-Сийского монастыря, писанных «в граде Москове на Двину к святей Богородици». Иван Данилович назван в этой записи «рабом божиимь Ананиею черньцем».[16] Летописи также говорят, что он умер в «черньцех и в скиме» («во иноцех и в схиме»).[17]

Поскольку обе духовных написаны от имени не черньца Анании, а «худого раба божия Ивана» и поскольку смерть Калиты Орешников датирует не 1341 г. (как некоторые летописные тексты), а началом 1340 г., он и считает, что духовные должны быть отнесены ко времени до конца 1339 г. Ввиду того, что завещатель сам указывает в своих грамотах на их связь с поездками в Орду, Орешников датирует первую из них 1336 г., вторую — 1339 г.[18]

Как это ни странно, чрезвычайно интересная работа по русской сфрагистике А. В. Орешникова осталась, повидимому, неизвестной А. Е. Преснякову или, во всяком случае, не использованной им. По крайней мере, в своем исследовании он отмечает, что «обе до нас дошедшие духовные грамоты Ивана Калиты обычно относят, следуя «Собранию государственных грамот и договоров», к 1328 г., хотя невозможность такой датировки давно указана А. В. Экземплярским». При этом Пресняков ни слова не говорит о том, что Орешников, продолжив наблюдения Экземплярского, отказался от традиционной датировки изучаемых документов. Сам Пресняков говорит о времени их возникновения довольно глухо. С его точки зрения, «наилучший повод для приурочения» первой духовной Калиты дает его поездка в Орду, «в годину возобновления борьбы между ним и князем Александром Михайловичем» (тверским). Вторую грамоту, по мнению Преснякова, «надо отнести к последним годам жизни и княжения Ивана Калиты, когда он использовал свою победу над Тверью не только для усиления своей великокняжеской власти, но и для примыслов к своей московской вотчине».[19] Исходя из этих высказываний А. Е. Преснякова, можно думать, что первую духовную он относит к 1339 г., вторую — к 1340 г.

От правильной датировки текстов завещаний Калиты зависит верное понимание их политического смысла. Но для того, чтобы эта датировка была исторически обоснованной, наблюдения над внешними признаками документов и анализ их содержания необходимо поставить в связь с изучением великокняжеской политики Калиты. Только на фоне последней могут приобрести значение и исторический интерес разбираемые духовные. А. Е. Пресняков рассматривает раздельно великокняжескую политику Ивана Даниловича и его потомков от истории «московской вотчины» Калиты и последующих московских князей. Такой подход иногда затем-

---

[16] И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, СПб., 1879, стр. 145, № LXXXVI.

[17] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 98; т. VII, стр. 206; т. X, стр. 211.

[18] А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. Труды Московского нумизматического общества, т. III, вып. 1, М., 1903, стр. 119—121.

[19] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 163, прим. 2. Точку зрения А. Е. Преснякова принимает М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности, стр. 41, прим. 1.

няет действительный смысл некоторых документов, рисующих внутренние отношения между князьями московского дома, в частности смысл княжеских завещаний.

Пытаясь уточнить время написания духовных грамот Ивана Даниловича Калиты, прежде всего следует исходить из результатов разысканий А. В. Экземплярского, который весьма убедительно доказал, что они появились не ранее 1332 г.

Сопоставляя оба документа между собой, убеждаемся, что они написаны разными лицами, но близкими по общим признакам почерками,[20] составлены в присутствии одних и тех же послухов и дают в основном тождественный текст. Главное различие заключается в том, что во вторую духовную вставлен перечень сел («опрочь московских»), которые Иван Калита приобрел в Новгородских, Владимирских, Костромских, Переяславских, Юрьевских, Ростовских пределах.[21] Вторая грамота написана на листе пергамена большего размера, причем к концу текста почерк становится более убористым, чем в начале. Создается впечатление, что писец второй духовной заготовил для нее кусок пергамена с таким расчетом, чтобы полностью уместить на нем текст первого документа и, кроме того, дополнительный список внемосковских сел, завещанных Иваном Калитой его сыновьям. Предварительный расчет оказался не вполне точным, и писцу пришлось постепенно сокращать размеры букв.

К обеим духовным привешены однотипные серебряные позолоченные печати восьмигранной формы, чеканенные одним и тем же штемпелем. На лицевой стороне каждой из них изображен Иисус Христос в рост, в кресчатом венце, с благословляющей правой рукой и евангелием в левой. На оборотной стороне изображен Иоанн Предтеча с поднятой благословляющей правой рукой и свитком — в левой. Легенда, начинающаяся на одной стороне печатей и заканчивающаяся на другой, — «Печать великого князя Ивана». Печать при второй духовной шнурком, прикрепляющим ее к грамоте, была соединена с другой, свинцовой, небольшого размера печатью (ныне утраченной). На ней с одной стороны была изображена тамга, в виде плетенья, а с другой — шестиугольная звезда, сложенная из двух треугольников с четырьмя шариками посредине. Эта дополнительная свинцовая печать, имевшаяся только при второй духовной московского князя, несомненно татарского происхождения: изображения сетки и татарской звезды встречаются на золотоордынских монетах XIV в.

Исследователи (за исключением А. В. Орешникова) не обращали должного внимания на наличие при грамоте Калиты золотоордынской печати и не задавались также вопросом, почему эта печать скрепляла

---

[20] В первой духовной указано: «А грамоту писал дьяк князя великого Кострома», во второй имя дьяка не названо.

[21] Остальные расхождения текстов не существенны. Например, в первой духовной: «Се дал есмь сыну своему большему Семену Можаеск...» Во второй: «Се дал есмь сыну своему большему Семену Можаеск со всими волостьми...» Список волостей, завещанных Семену Ивановичу, дополнен во второй духовной указанием на Середокоротну. Вторая грамота отличается от первой также некоторой редакционной перестройкой материала. Так, в первом документе после распределения различных предметов княжеского обихода завещатель «приказывает» своему старшему сыну Семену его «молодшую братью» и свою «княгиню с меншими детми», а затем вспоминает о своих стадах. Во втором документе, в целях большей стройности и последовательности изложения, о поручении Семену его отцом братьев и мачехи говорится после того, как исчерпаны все вопросы хозяйственного характера. Б. Н. Чичерин, не обратив внимания на эти редакционные изменения, утверждает, что во второй духовной вообще не говорится о «приказе» семьи завещателя его старшему сыну Семену (Б. Н. Чичерин. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, стр. 287). Первая духовная заканчивалась сакральной формулой: «А кто сию грамоту порушит, судит ему бог». Перед этим шли имена послухов и писца. Вторая грамота заканчивается перечнем послухов, а угроза божьим судом имеется ранее.

только одну (обычно датируемую более поздним временем) грамоту, а на другой отсутствовала.

Мне представляется мало убедительным предположение Орешникова, что «приложение татарской печати для большей крепости завещания сделано на царевом (т. е. ханском) дворе в московском кремле».[22] Гораздо правильнее, по-моему, думать, что Иван Калита возил текст своего завещания в Золотую Орду, где к нему и была привешена печать. Это случилось скорее всего в 1339 г., когда московский князь одержал в Орде победу над своим соперником в борьбе за великокняжеский стол — Александром Михайловичем тверским.

Летопись говорит, что после того, как Александр Михайлович получил от Узбека ярлык на великое княжение, Иван Данилович Калита в 1339 г. отправился в Орду с двумя своими сыновьями Семеном и Иваном, а третьего сына Андрея послал в Новгород. В Орде московский князь добился вызова Александра тверского, который и был затем казнен. Но Иван Калита, не дожидаясь прибытия в Орду Александра Михайловича и решения его дела ханом, вернулся в русские пределы, потребовал с новгородцев ханский «запрос» в двойном размере, а осенью направил в Орду трех своих сыновей. По летописному сообщению, они были оттуда отпущены «с пожалованием и со многою честию и любовию».[23]

Я считаю, что, побывав в Орде вместе со своими двумя сыновьями, затем отправив туда же всех трех сыновей, московский князь воспользовался этими визитами для того, чтобы получить от хана утверждение своего отцовского «ряда» детям-наследникам, которые дважды предстали пред ханские очи.

Если мое предположение правильно, то необходимо все же разрешить вопрос о взаимоотношении двух сохранившихся текстов княжеского завещательного акта и выяснить, почему именно второй из них скреплен татарской печатью. Вопрос этот очень сложен ввиду отсутствия твердых данных и скудости источников. Текстуальная близость обоих документов заставляет говорить и об их близости по времени. Однако трудно допустить, чтобы все те внемосковские «примыслы», которые зафиксировала вторая духовная, были сделаны в какой-то один, сравнительно узкий, хронологический отрезок. Вероятно, это разновременные приобретения, и часть из них, возможно, падает на первые годы вслед за утверждением Калиты на великокняжеском столе, когда, по летописному выражению, «бысть тишина в Руси на многа лета».[24] Очень правдоподобно, что к моменту составления первой духовной Калита был владельцем всех указанных во второй духовной сел. Но почему же они не упомянуты в первом документе?

Я решаюсь предложить следующее объяснение текстуальным различиям, наблюдаемым в двух изучаемых памятниках. Это два одновременных варианта завещательного акта, которые московский князь возил в Орду в 1339 г. Он решил добиваться утверждения варианта, в котором был указан более широкий круг владений вне пределов собственно Московского княжения. В то же время Иван Калита предвидел возражения против этого текста (поскольку села были расположены на территории

---

[22] А. В. Орешников. Указ. соч., стр. 120. О наличии в Москве специального татарского двора говорит Герберштейн: «В крепости Московии был дом, в котором жили татары, чтобы знать все, что делалось в Московии». Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах, СПб., 1908. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, стр. 16.

[23] ПСРЛ, т. X, стр. 211; т. VII, стр. 205.

[24] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 102; т. I, стр. 230; т. IV, стр. 51; т. V, стр. 218; т. VII, стр. 201; т. X, стр. 196.

великого Владимирского княжения и в чужих княжествах) и на всякий случай захватил другой проект, в котором речь шла о волостях и селах, расположенных только на территории Московского княжества. Претензии Калиты были удовлетворены в пределах более выгодного второго проекта, который и скрепила золотоордынская печать.

Читающийся во второй грамоте список «примыслов» Калиты носит характер явной вставки, сделанной в текст первой грамоты. Он не соединен органически с распределением московских волостей и сел и помещен довольно случайно, после распоряжений по разделу движимого имущества. Поэтому я и считаю, что два сохранившихся текста завещания Калиты представляют собой не разновременные его редакции, а заготовленные сразу проекты духовной, один из которых должна была санкционировать золотоордынская власть.

Если принять мои предположения, то, может быть, удастся осветить по-новому и очень темный вопрос относительно «купель» Ивана Калиты, о которых говорит духовная грамота Дмитрия Донского. В этом памятнике «куплями» Калиты названы: Галич, Белоозеро, Углич.[25] Между тем, ни сам Калита, ни его сыновья Семен и Иван Иванович в своих завещательных актах совсем не упоминают об этих приобретениях. Кроме того, в Галиче и на Белоозере во второй половине XIV в. еще были свои князья. Историки по-разному толкуют свидетельство духовной Дмитрия Донского. По словам Н. М. Карамзина, «сии уделы до времен Донского считались великокняжескими, а не московскими: потому не упоминается об них в завещаниях сыновей Калитиных».[26] Против этого возражает С. М. Соловьев. Он указывает, что Калита не мог «прикупать к великому княжению, которое вовсе не принадлежало в собственность его роду, и по смерти его могло перейти к князю тверскому или нижегородскому. Это значило бы обогащать других князей на свой счет. Дело объясняется тем, что Калита купил эти города у князей, но оставил еще им некоторые права владетельных, подчиненных, однако, князю московскому, а при Дмитрии Донском они были лишены этих прав».[27] Объяснение Соловьева принял Б. Н. Чичерин.[28] По мысли В. И. Сергеевича, упоминание о «куплях деда» в завещании Донского имело своей целью оправдать захват названных владений, совершенный самим Донским.[29] А. Е. Пресняков воспроизводит в несколько новом освещении точку зрения Карамзина.[30] А. Н. Насонов склоняется к предположению Сергеевича.[31] М. К. Любавский предлагает новую гипотезу: «Иван Данилович Калита выручил князей углицкого, галицкого и белозерского, внеся за них ордынские недоимки, но зато названные князья должны были поступиться в его пользу своей самостоятельностью, низойти на положение служебных князей, держащих свои отчины по милости князя московского, под условием службы ему. Так как при этом ни Калита, ни его преемники до Донского не брали княжеств в свое непосредственное владение и управление,

---

[25] «А сына своего благословляю князя Юрья своего деда куплею Галичем... А сына своего князя Андрея благословляю куплею деда же своего Белым-озером... А сына своего князя Петра благословляю куплею же своего деда Углечем полем...» (ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 7. СГГД, т. I, стр. 59).

[26] Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IV, стр. 247.

[27] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. СПб., изд. «Общественная польза», б. г., кн. I, стб. 930, прим. 5.

[28] Б. Н. Чичерин. Указ. соч., стр. 244.

[29] В. И. Сергеевич. Древности русского права, т. I, изд. 3-е, СПб., 1909, стр. 58—60.

[30] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 150—153.

[31] А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.— Л., 1940, стр. 105, прим. 3.

то эти княжества и не фигурируют в числе волостей, отказываемых по духовным грамотам московских князей».[32]

Мне кажется, возможно предположить, что существовал какой-то третий проект духовной Ивана Даниловича Калиты, в котором говорилось о его «куплях» на территории Галича, Белоозера, Углича, хотя объем и характер этих сделок в настоящее время установить невозможно по недостатку материала. Во всяком случае Орда вмешивалась в территориальные отношения русских князей, и, как будет показано ниже, появление завещания сына Калиты — Ивана Ивановича было связано с требованием, обращенным к нему от ордынского посла, произвести пересмотр московско-рязанской границы. В завещании Калиты опасность отторжения татарами московских волостей ощущается вполне реально: «А по грехом моим ци имуть искати татарове которых волостий, а отымуться, вам сыном моим у княгини моей поделити вы ся опять тыми волостми на то месь».

Очевидно, третий проект духовной Калиты, который имел в виду его внук Дмитрий Иванович, говоря о «куплях деда», не был утвержден в Орде, поскольку выступили с какими-то претензиями местные князья. Некоторые указания летописей содержат слабые намеки на это. В 1339 г. «думою» Калиты Узбек вызвал в Орду ряд русских князей. Когда туда отправился князь Василий Давыдович ярославский, Иван Калита пытался его дорогою «переимать».[33] Этот поступок казался историкам мало понятным.[34] Между тем, смысл его, может быть, разъясняется дополнительным свидетельством Тверской летописи, из которой узнаем, что вместе с Василием ярославским в Орду шел князь Романчук белозерский.[35] Предвидя споры относительно своих сделок по белозерским владениям, московский князь и устроил засаду на дороге своему противнику. Что касается Углича, то он, по предположению А. В. Экземплярского, входил в состав Ростовского княжества.[36] А известен рассказ жития Сергия Радонежского о том, что Иван Калита учинил в Ростовских пределах «насилование».[37] Мы можем предполагать там со стороны московского князя земельные захваты, облекавшиеся в какие-то формы легальных юридических сделок. Одна из этих сделок нашла свое отражение в тексте его духовной, упоминающей об условном владении селом в Ростове Борисом Ворковым, в котором многие исследователи были склонны видеть первого помещика,[38] но который в действительности, повидимому, нес службу с собственной

---

[32] М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности, стр. 54. По поводу «купель» Калиты новые соображения высказаны А. И. Копаневым. О «куплях» Ивана Калиты. «Исторические записки», т. 20, 1946, стр. 24—37.

[33] ПСРЛ, т. III, стр. 79.

[34] «Странным кажется,— пишет А. В. Экземплярский,— что Калита, думою которого позваны князья в Орду, посылал 500 человек перехватить в пути Василия (Давыдовича ярославского), что ему не удалось, и Василий благополучно достиг Орды. Впрочем, интересы князей так мелко и запутанно переплетались, а летописные известия так скудны и скупы на объяснения причин и поводов к княжеским столкновениям, что по этим обстоятельствам мы не вправе заключать о противоречивых действиях и скорее должны предположить, что он, т. е. Иван Данилович, имел какие-нибудь серьезные причины задержать зятя до прибытия его в Орду, хотя он и позван туда его же думою» (А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. I, стр. 77—78).

[35] ПСРЛ, т. XV, стр. 422.

[36] А. В. Экземплярский. Указ. соч. т. II, стр. 132.

[37] «...И не мало их от ростовець московичем имениа своя с нужею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своем со укоризною взимаюше, и тщима руками отхожаху, иже последняго бедства образ...» (ПСРЛ, т. X, стр. 128).

[38] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 382.

вотчины.[39] В подобной служебной зависимости могли оказаться от Калиты не только частные вотчинники, но и местные князья (по типу последующих служебных князей).

Неверным надо признать обычное представление о духовных Ивана Даниловича Калиты как об актах, посвященных чисто внутренним отношениям в Московском княжестве, закрепляющих семейный «ряд» готовящегося к смерти отца своим сыновьям, составленных в Москве и положенных сразу в княжескую казну. Конечно, путь в Орду был опасен и сопряжен с риском. Поэтому, уезжая, князь мог предвидеть, что он уже больше не вернется, и на всякий случай заготовить и спрятать в надежном месте текст своего предсмертного завещания. На подобные настроения указывают такие выражения, как: «пишу душевную грамоту, ида в Орду... аже бог что розгадаеть о моемь животе...». Я считаю весьма вероятным, что каждая духовная грамота была составлена в двух противнях, один из которых оставался в Москве, а другой был предназначен для Орды. Так сделал, например, как увидим ниже, с текстом своего завещания сын Калиты Иван Иванович. Считаю также возможным, что для утверждения в Орду Иван Калита отправил свои грамоты с сыновьями уже после того, как в результате личной поездки ознакомился с положением дел в Орде и обеспечил там для себя благоприятную обстановку. Недаром, прежде чем отправить в Орду уже без себя трех сыновей, московский князь постарался получить с Новгорода в двойном размере «царев запрос». Во всяком случае для меня несомненно одно: духовные Калиты играли определенную роль в его великокняжеской политике, связанной с ордынскими отношениями.

С этой точки зрения многое становится понятным в содержании изучаемых грамот. Иван Калита стремился закрепить великокняжеское достоинство за своим потомством, и эта задача была им разрешена в значительной мере успешно в результате его неоднократных поездок в Орду. Для достижения своих целей Калите было важно сохранить за московским княжеским домом единство и цельность и продемонстрировать это в Орде. Он хотел показать, что подобная политика обеспечит Орде своевременное и полное поступление «выхода», ответственность за который ложится на всех его сыновей-наследников, во главе со старшим братом. Поэтому он и посылал в Орду всех трех Ивановичей, а не одного Семена, которому по духовной «приказаны» братья и который является для них «печальником», первым среди равных из князей московского дома. В целях сохранения финансовой мощности Московского княжества, необходимой для исправной выплаты «выхода», по распоряжению Ивана Калиты, Москва поступила в общее ведение всех его наследников и только отдельные доходные статьи поделены между ними. «Численных людей» (т. е. население, обложенное данью, предназначенной, главным образом, для татарских надобностей) князья «ведають... собча, а блюдуть вси сдного». Внутри Московского княжества каждый из сыновей Ивана Калиты получил ряд отдельных владений, составивших в совокупности его «уезд» (термина «удел» пока еще нет).[40] Из наиболее крупных городов Семену Ивановичу великий князь передал Можайск и Коломну с волостями, Ивану Ивановичу — Звенигород, Андрею — Серпухов. Это наделение является временным и, не нарушая единства Московского княжества, предполагает возможность передела в случае изменения состава и границ московской территории в результате ордынской политики. Несомненно, это была целая программа, и московский князь хотел, чтобы ее основы

---

[39] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси, стр. 300.

[40] Этот термин встречается впервые в договорной грамоте Семена Ивановича с братьями, о которой см. ниже.

были признаны Ордой.[41] Распорядки внутри московского княжества тесно связаны с ордынскими отношениями Калиты.

В заключение я хотел указать в подтверждение моего понимания духовных Калиты, что с завещаниями московских князей считались в Орде, очевидно, именно потому, что первоначально их тексты при составлении возились князьями в Орду. Во всяком случае, в начале 30-х годов XV в. галицкий князь Юрий Дмитриевич искал перед ханом великокняжеского стола «духовною отца своего великого князя Дмитрия».[42]

§ 3. Договорная грамота великого князя Семена Ивановича с братьями 1350—1351 гг. и духовная Семена Ивановича 1353 г.

Основы завещательного акта Ивана Даниловича Калиты после его смерти были подтверждены и дополнены докончанием его трех сыновей.[43]

Договорная грамота великого князя Семена Ивановича с братьями обычно датируется 1340 или 1341 г. (в зависимости от датировки смерти Калиты), так как в тексте документа имеется указание на крестоцелование трех князей-братьев «у отня гроба».[44] Однако это выражение вряд ли нужно понимать в том смысле, какой мы вкладываем в наши слова, когда говорим: «у раскрытого гроба» или «у свежей могилы», т. е. сразу, непосредственно после смерти того, о ком идет речь. Выражение «у отня гроба» в изучаемом документе имеет символическое значение. Его смысл, мне кажется, может быть лучше всего вскрыт из сравнения с заключительными словами духовной Семена Ивановича: «А пишу вам се слово того деля, чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла». В обоих случаях подчеркивается уважение к памяти покойного московского князя Ивана Даниловича Калиты, которое проявляется со стороны его сыновей в желании следовать основным принципам его великокняжеской политики.

Из самого текста договора можно извлечь данные в подкрепление мысли о том, что он был оформлен некоторое время спустя после смерти Калиты. Между братьями успела произойти какая-то «свада». Боярин Алексей Петрович (Хвост) «вшел в коромолу к великому князю» и внес распрю в отношения между ним и его братьями Иваном и Андреем. Были какие-то споры из-за отцовского наследства. Но братья пришли к примирению

---

[41] А. В. Экземплярский указывал: «Нам кажется, что у Ивана Калиты была определенная мысль и цель об упрочении за своим потомством великокняжеского достоинства и за Москвой значения первопрестольного города: первого он мог достигнуть только тогда, когда его дети — при известных личных качествах — будут в состоянии удовлетворять алчным и корыстолюбивым требованиям Орды, т. е. когда будут в состоянии располагать богатой казной; второго же он достигал при выполнении его детьми первой части программы. Значит, Калите нужно было оставить материальную силу своим наследникам, и вот он делит свое достояние почти поровну, ибо мог сомневаться в том, что тому, а не другому сыну достанется великокняжеский стол. В то же время он отдает детям Москву в общее их владение и таким образом еще вернее достигает второй цели: кто ни будет из детей великим князем, все-таки он будет московским, потому что будет привязан к Москве той частью наследства, которая предоставлена ему в ней по завещанию» (А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. I, стр. 81).

[42] ПСРЛ, т. VIII, стр. 96.

[43] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 1. Опись архива Посольского приказа 1614 г., лл. 35 об.— 36; опись 1626 г., л. 2 об. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 56—61, № 3. СГГД, т. I, стр. 35—37, № 23.

[44] В СГГД — 1341 г. Н. М. Карамзин пишет: «В 1340 г. торжественно воссев на престоле в соборном храме Владимирском, он (Семен) при гробе отца клялся братьям жить с ними в любви...» (Указ. соч., изд. 2-е, т. IV, стр. 252). И. И. Срезневский помещает указание на грамоту под 1340 г. (Указ. соч., стр. 190). А. В. Экземплярский останавливается на 1341 г. (Указ. соч., т. I, стр. 82). Но С. М. Соловьев совершенно правильно отметил, что «нет достаточных причин полагать, чтобы договор был написан тотчас после смерти Калиты» (Указ. соч., кн. I, стр. 950, прим. 6).

и «съступилися» Семену Ивановичу «пол-тамги» «на старейшинство», несколько сел и дворцовых «путей».

Для правильной датировки изучаемого договора необходимо как следует вскрыть смысл отдельных его статей. Между тем, документ чрезвычайно труден для понимания, во-первых, потому, что он дошел до нас в очень дефектном виде, и в некоторых местах совершенно недоступен для восстановления,[45] во-вторых, отсутствие дополнительных источников делает невозможным объяснение целого ряда темных мест памятника.

В начале документа содержится статья, которая проливает свет на причины оформления договорной грамоты: «А кто иметь нас сваживати наш [и бояре?], исправа ны учинити, а нелюбья не держати, а виноватого казнити по исправе». Из-за чего произошла «свада» между братьями? Ответ на этот вопрос, мне кажется, может дать сопоставление цитированной только что статьи с другим условием грамоты, помещенным в конце: «А что ся учинить просторожа от мене, или от вас, или от моего тысяцьского, и от наших наместников, исправа ны учинити, а нелюбья не держати». Очевидно, бояре, создававшие «сваду», обвиняли великого князя в неумелом руководстве военными силами Московского княжества.

Главным виновником междукняжеской ссоры по докончальной грамоте был боярин Алексей Петрович (Хвост), очевидно близкий ко двору князя Ивана Ивановича и противник военно-политического руководства со стороны князя Семена Ивановича. Об этом боярине договорный акт говорит следующее: «А что Олексей Петровичь вшел в коромолу к великому князю, нам князю Ивану и князю Андрею к собе его не приимати, ни его детий, и не надеятись ны его к собе до Олексеева живота: волен в нем князь великий, и в его жене, и в его детях. А тобе, господине князь великий, к собе его не приимати же в бояре; а мне, князю Ивану, что дал князь великий из Олексеева живота, того ми Олексею не давати, ни его жене, ни его детем, ни инымь ни чимь не подмагати их». Впоследствии, как мы узнаем из летописей, Алексей Петрович занял должность тысяцкого при Иване Ивановиче, когда тот, после смерти своего брата, стал великим князем владимирским. Зная это обстоятельство, мы поймем, почему рассматриваемая нами договорная грамота требует, чтобы в случае военной «просторожи», виновником которой окажется великий князь Семен или его тысяцкий, остальные князья без предварительной «исправы» не «держали нелюбья» на них. Очевидно, Алексей Петрович уже в то время добивался должности тысяцкого и, пользуясь покровительством князя Ивана Ивановича, вел интриги против его старшего брата. При Семене Ивановиче тысяцким был какой-то Василий, присутствовавший при составлении междукняжеской договорной грамоты. Надо думать, что это Василий Васильевич Вельяминов, который, возможно, также имеется в виду летописями как противник Алексея Петровича в княжение Ивана Ивановича. Воскресенская и Симеоновская летописи сообщают, что в 1357 г. тысяцкий Алексей Петрович был найден в Москве убитым, «убиение же его дивно некако и незнаемо, аки ни от кого же, никем же, токмо обретеся на площади лежа; неции же глаголют, яко втаю съвет сътвориша и ков коваша нань, и тако всех боар общею думою убиен бысть».[46] Никоновская летопись сообщает некоторые дополнительные сведения об этом событии: «И бысть мятежь велий на Москве того ради убийства;

---

[45] В настоящее время грамота распалась на клочки, собранные и наклеенные (иногда очень неудачно) на лист позднейшей бумаги. При изучении договора часто приходится предпочитать «Собрание государственных грамот и договоров» подлиннику, поскольку в момент издания СГГД подлинник изучаемого документа был сохраннее и издатели могли полнее восстановить текст, чем это возможно теперь.

[46] ПСРЛ, т. VIII, стр. 10; т. XVIII, стр. 99.

и тако тае же зимы, по последнему пути, большии бояре московстии отъехаша на Рязань з женами и з детьми». В 1358 г. «князь великии Иван Иванович... перезва к себе паки дву бояринов своих, иже отъехали были от него на Рязань, Михайло и зять его Василей Васильевичь».[47] Итак, убийство Алексея Петровича осуществилось «общею думою» всех бояр. После этого «большии» бояре, в числе их Василий Васильевич, как можно думать,— Вельяминов,[48] бывший тысяцкий Семена Ивановича, уезжают в Рязань. Словом, перед нами продолжение старой вражды, имевшей место еще при Семене Ивановиче и отразившейся в его договоре с братьями. Очевидно, «большие бояре» — это «старые бояре», упоминаемые в духовной Семена Ивановича, «хто хотел отцю нашему добра и нам». А Алексей Петрович подходит под понятие «лихих людей», пользуясь выражением той же духовной.

Близость докончальной грамоты великого князя Семена с братьями по содержанию к событиям, разыгравшимся уже в конце 50-х годов XIV в., а также совпадения ее с духовной Семена Ивановича заставляют относить изучаемый документ скорее не ко времени непосредственно вслед за смертью Калиты, а ко второй половине княжения его старшего сына. Я считаю наиболее правильным датировать его 1350—1351 гг. и ставить в связь с ордынскими и литовскими отношениями Москвы. В 1349 г. великий князь литовский Ольгерд Гедиминович отправил в Орду послов «просити себе помощи на великого князя Семена». Последний, со своей стороны, «посла своих киличеев... ко царю жаловатися на Олгерда, ...яко Олгерд с братиею улус его, отчину князя великого, испустошили».[49] В договорной грамоте, являющейся предметом нашего рассмотрения, имеется дефектное место, которое свидетельствует о военных действиях московских князей, возможно, связанных с разорением московской «отчины» Ольгердом: «а которыи люди по нашим волостем выиманы нын... войны...» Повидимому, бояре, к группировке которых принадлежал Алексей Хвост, были сторонниками литовского сближения. При этом указывали на военные неудачи великого князя и его тысяцкого в борьбе с Литвой. В начале 50-х годов XIV в. Семен Иванович предпринял поход под Смоленск,[50] очевидно, в интересах Орды, с которой смоленские князья в 30-х годах XIV в. порвали отношения зависимости, признав политическое верховенство Литвы.[51] Эта великокняжеская политика, согласованная с Ордой, вызывала возражения боярской оппозиции.

Предложенное мною выше понимание характера боярских интриг как соперничества сторонников ордынской ориентации,—с одной стороны, сближения с Литвой — с другой за руководство военными силами Московского княжества находит подтверждение в событиях второй половины 50-х годов XIV в. Убийство тысяцкого Алексея Петровича и одновременный отъезд московских бояр в Рязань произошли в 1357 г., т. е. в период между 1353 г., когда рязанцы отняли московскую волость Лопасню, и 1358 г., когда ордынский посол предъявил великому князю Ивану Ивановичу требование о пересмотре московско-рязанской границы.[52]

Рязанская земля была тесно втянута в орбиту влияния, с одной стороны литовского, с другой — ордынского. В 1339 г. войска рязанского князя Ивана Коротопола, вместе с военной силой Ивана Калиты и ордынского

---

[47] ПСРЛ, т. X, стр. 229—230.

[48] О тысяцком Василии Васильевиче Вельяминове см. ПСРЛ, т. VIII, стр. 21, 52, 97.

[49] ПСРЛ, т. VII, стр. 215.

[50] Там же, стр. 216; т. X, стр. 223; т. XVIII, стр. 97.

[51] А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 112, прим. 1.

[52] См. об этом ниже, § 4.

воеводы Товлувия, ходили под Смоленск.[53] Поэтому московская боярская смута 50-х годов XIV в. непосредственно связана с рязанскими отношениями. Когда в 1353 г. Москва потеряла Лопасню, отошедшую к Рязанскому княжеству, это обстоятельство дало повод противникам политики князя Семена Ивановича (к тому времени уже умершего) снова выступить с критикой его действий, диктовавшихся близостью с Ордой.

В Никоновской летописи содержится следующий рассказ о взятии Лопасни: «Того же лета (1353 г.), в Петрово заговение, месяца июня в 22 день, взяша рязанци Лопасну; князь же их Олег Иванович тогда был еще млад; и наместника изымаша Михаила Александровича и повезоша его на Рязань, и бысть тамо во истомлении велице, и потом едва выкупиша его, и тако отъиде во-свояси».[54] Предполагаю, что лопасненский наместник Михаил Александрович — это тот самый Михаил Александрович, имя которого, в качестве свидетеля, вместе с именем тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, мы встречаем в договорной грамоте Семена Ивановича с братьями. Очень может быть, что «просторожа», допущенная с Лопасней, привела после смерти великого князя Семена к смене всего военного руководства и вернула на должность тысяцкого удаленного Семеном боярина Алексея Петровича. Устраненная после событий 1353 г. от власти боярская группировка в 1357 г. расправилась с Алексеем Петровичем, видным деятелем противной партии, а затем организаторы убийства Алексея Петровича «отъехали» в Рязань. Интересно, что о вызове в 1358 г. великим князем Иваном Ивановичем обратно в Москву двух, повидимому, наиболее влиятельных бояр (Михаила и его зятя Василия Васильевича)[55] летопись говорит непосредственно после рассказа о прибытии Ивана II из Орды: «...прииде из Орды и перезва к себе паки дву бояринов...» Ясно, что этот вызов объясняется тем, что Иван II решил действовать в соответствии с ордынской политической ориентацией своего предшественника.

В свете всех приведенных выше соображений становятся понятными основные принципы доканчальной грамоты 1350—1351 гг. Она ставит своей задачей восстановить союз между князьями московского дома, нарушенный боярской «крамолой» и «свадой». Этот союз («быти ны заодин до живота») строится на началах «старейшинства» великого московского князя, отношения которого с «братьей молодшей» определяются формулой: «...брата своего старейшего имети ны и чтити во отцево место, а брату нашему нас имети (в братстве без обиды во всем?)». Указанная формула представляет собой более развернутое определение того уклада, о котором говорил в своей духовной Калита, «приказавшийся» своему старшему сыну, в качестве «печальника по бозе», его «братью молодшую».

Междукняжеское единство проявляется в согласованных действиях в области внешней политики, в совместном заключении политических союзов. «А кто будет брату нашему старейшему недруг, то и нам недруг, а кто будет брату нашему старейшему друг, то и нам друг. А тобе, господине князь великий, без нас не доканчивати ни с ким; а братье твоей молодшей без тобе не доканчивати ни с ким».

Великому князю принадлежит руководящая роль в военной области. Он является верховным распорядителем военных сил Московского княжества, и в этом отношении братья обязаны ему подчиняться. «А где ми будет всести на конь, всести вы со мною; а где ми будеть самому не всести,

---

[53] ПСРЛ, т. IV, стр. 55; т. VII, стр. 206; т. X, стр. 211; т. XVIII, стр. 93.

[54] ПСРЛ, т. X, стр. 227.

[55] Может быть, Михаил и Михаил Александрович, бывший наместником в Лопасне в 1353 г.— одно и то же лицо. Тогда его родственная связь с тысяцким В. В. Вельяминовым в значительной мере уясняет все то, о чем говорилось выше.

а будеть мп вас послати, всести вы на конь без ослушанья». В то же время великий князь, наряду со своими братьями, несет ответственность за правильную организацию боевых действий, и всякая допущенная в этом отношении оплошность влечет за собой «исправу», которую осуществляют все участники соглашения.[56] Таким образом, в военном деле чувствуется единство князей московского дома.

Докончальная грамота, повидимому, дополнила и развила положения духовной Калиты о «блюдении собча... содиного» «численных людей». Дефектный и не поддающийся восстановлению текст, насколько можно судить по сохранившимся отрывочным выражениям, говорил о запрещении принимать в княжескую службу «численных людей». Таким образом, соглашение 1350—1351 гг. следует программе Ивана Калиты, согласно которой финансовая мощь Московского княжества, обеспечивающая правильное поступление «выхода» в Орду, является средством борьбы за великокняжеское достоинство.

Первый среди равных из князей московского дома, «старейший брат», руководитель наступательных и оборонительных действий, осуществляемых совместными силами всех трех князей, получил некоторые преимущества материального характера. Младшие братья «съступилися» ему «на старейшинство» «пол-тамги» и ряд доходных статей из дворцовых «путей». В отношении «тамги» такой порядок был принят и на будущее: «И потом на старейший путь, кто будеть старейший, тому пол-тамги, а молодшим двум пол-тамги».

Изучаемая грамота впервые отчетливо сформулировала и основные принципы удельной системы. Подтвердив раздел владений, произведенный между сыновьями Иваном Даниловичем Калитой, она признала наследственность этих владений вместе с будущими княжескими «примыслами» и их самостоятельность в области управления, «вольность» боярской службы и право боярского отъезда. В договоре находим запрет князьям, их боярам и слугам покупать в чужих уделах земли и, повидимому, посылать в другие княжения приставов и данщиков.

Заканчивая анализ договорной грамоты 1350—1351 гг., необходимо остановиться на встречающемся в ней титуле князя Семена: «князь великий Семен Иванович всея Руси».[57] Сопоставляя этот титул с некоторыми летописными данными, можно думать, что он говорит о появлении изучаемого документа в самом начале княжения Семена. Летописи отмечают, что непосредственно после смерти Ивана Калиты хан признал великое княжение за Семеном, «и вси князи русскыа [были] даны ему в руце».[58] Имеются сведения о состоявшемся, по возвращении Семена из Орды, зимой 1341г. съезде в Москве всех русских князей. «Тое же зимы бысть велик съезд на Москве всем князем русским».[59] А. Е. Пресняков, указывая, что Семен как раз «в ту же пору определял особым договором «у отня гроба» свои отношения к родным братьям», предполагает, что «на московском съезде должны были сложиться договорные соглашения великого князя Симеона с князьями тверским и рязанским, суздальским, ростовским, ярославским,

---

[56] А. Е. Пресняков, по-моему, неправильно толкует статью договора: «А что ся учинит просторожа от мене, или от вас, или от моего тысяцьского, и от наших наместников, исправа ны учинити, а нелюбья не держати». Он считает, что смысл статьи «в устранении ответственности младших братьев перед великим князем за промахи в военной охране» (Указ. соч., стр. 168). Я считаю, напротив, что ударение сделано на ответственности самого великого князя.

[57] Этот же титул находим и на его печати, привешенной к духовной грамоте. О печати см. соображения М. Н. Тихомирова. Исторические связи русского народа с южными славянами. «Славянский сборник», М., 1947, стр. 176.

[58] ПСРЛ, т. VII, стр. 206; т. V, стр. 222.

[59] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 93; т. X, стр. 212.

а, вероятно, и другими».[60] Конечно, это очень заманчивое предположение, но содержание докончальной грамоты Семена Ивановича с братьями вводит нас в обстановку не московского съезда 1341 г., а боярской смуты 50-х годов XIV в. В то же время в нашем распоряжении имеется документ, относящийся ко второй половине княжения Семена Ивановича и свидетельствующий, что и в это время названный князь рассматривался в Орде как великий князь всея Руси,— это грамота ханши Тайдулы, датированная по монгольскому календарю следующим образом: «свиного лета, осмаго месяца в пятый ветха». В переводе на христианское летоисчисление получается 26 сентября 1347 г., т. е. дата очень близкая к предположенному нами выше времени оформления соглашения трех сыновей Ивана Калиты. Обращение Тайдулы к русским князьям в неудачной передаче переводчика звучит так: «А вы, русские князи, Семеном почен всеми».[61] Семен выступает здесь таким же великим князем всея Руси, как и в своем докончании с братьями.

Докончальная грамота 1350—1351 гг. легла в основу духовной Семена Ивановича,[62] которая прямо на нее и ссылается: «...положил есмь на бозе и на вас, на своей братьи, тако имете блюсти по нашему докончанию, како тогда мы целовали крест у отня гроба».

Время написания духовной грамоты великого князя Семена определяется довольно точно. Она оформлена «перед владыкою володимерьским перед Олексеем». Это имя упоминается и вторично, когда великий князь убеждает своих братьев не слушать «лихих людей», а следовать советам «отца нашего владыки Олексея, тако же старых бояр». Алексей, будущий митрополит, был поставлен во владимирские епископы 19 декабря 1352 г.[63] Следовательно, раньше этого времени не могло появиться изучаемое княжеское завещание. Но оно написано, несомненно, уже после смерти митрополита Феогноста, последовавшей 11 марта 1353 г.,[64] иначе, вероятно, князь-завещатель сослался бы на него.

В своей духовной Семен Иванович не упоминает в числе наследников детей мужского пола, так как все они умерли в младенческом возрасте. Последние из них: Иван и Семен погибли от морового поветрия в марте 1353 г., через неделю после смерти митрополита Феогноста. А 26 апреля скончался от той же болезни и сам Семен Иванович.[65]

На похоронах Феогноста присутствовали в Москве епископы: Алексей владимирский, Афанасий коломенский, Афанасий волынский.[66] Из них первые два значатся в качестве свидетелей в духовной московского великого князя. Очевидно, она и была написана сразу после похорон митрополита и княжеских сыновей, в середине марта 1353 г. Особой обстановкой, в которой появилось завещание Семена, объясняется и его торжественный стиль (забота о «неугасимой свече» у гроба родителей и у своего и т. д.).

---

[60] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 162.

[61] М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пгр., 1916, стр. 79, 95.

[62] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 3. Опись архива Посольского приказа 1614 г., лл. 37—37 об., опись 1626 г., лл. 2 об.—3. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 61—64, № 4. СГГД, т. I, стр. 37— 38, № 24. При духовной три печати. Одна из них — великокняжеская, серебряная, с изображением на лицевой стороне св. Симеона Перса. По сторонам изображения надпись: Семен С-ты. На оборотной стороне — надпись: [Печа]ть великого Семенова всея Руси. Остальные две печати — восковые, со стершимися изображениями (возможно, братьев Семена).

[63] ПСРЛ, т. VII, стр. 217.

[64] ПСРЛ, т. VII, стр. 217; т. X, стр. 226; т. XVIII, стр. 98.

[65] Там же.

[66] Там же.

В духовной Семен называет себя Созонтом: это имя он, очевидно, принял при пострижении.[67]

Правда, в тексте духовной грамоты Семена Ивановича есть одно загадочное дефектное место, из которого, может быть, имеются основания заключить, что в момент составления завещания кто-то из княжеских сыновей был еще жив. Именно в начале документа мы читаем: «А по бозе приказываю своей братье князю Ивану и князю Андрею свою княгиню и своего... (оторван текст приблизительно в четыре буквы)... и свои бояре». Кого «приказывает» великий князь своим братьям вместе со своей княгиней? Н. М. Карамзин восстанавливает имеющийся в тексте пробел как «сына».[68] Такое чтение представляется возможным С. М. Соловьеву[69] и советскому исследователю М. Н. Тихомирову.[70]

Однако трудно себе представить, чтобы, упомянув о сыне, великий князь не назвал его по имени, а наблюдения над подлинником убеждают в том, что на вырванном небольшом кусочке бумаги, кроме слова из четырех букв, ничего другого уместиться не могло и для имени места нехватило бы. Непонятно также и то, что в дальнейшем Семен Иванович больше ни слова не говорит о сыне и все свое имущество отказывает жене. Такого рода завещательное распоряжение при наличии прямого наследника необычно для московских князей и не встречается ни в одной из известных нам духовных грамот. В. И. Сергеевич сделал отсюда совершенно неправильный вывод о характере духовной Семена Ивановича. «Семен Иванович, — пишет он, — отказал весь свой удел, полученный от отца, с присоединением сел, купленных им в Переяславле, Юрьеве, Владимире, Костроме и Дмитрове, жене своей Марии, урожденной княжне тверской. У князя был сын, но он не его сделал наследником, а жену. Он передал ей свои владения без всякой оговорки. Он не говорит, что дает свой удел на время малолетства сына или по ее живот. Он переносит на нее безусловно все те права, которые имел сам, предполагая, думаем, что она со временем передаст эти права также по духовной грамоте его сыну. А умрет сын раньше матери? Завещание не предусматривает этого случая. Надо думать, что княгиня сохраняла за собой в этом случае право пожизненного владения. Таким образом, Семен передал самый большой удел Московского княжества Марии Александровне тверской, княжне дома, исстари враждебного дому московскому».[71]

Мне кажется, повторяю, совершенно невозможным допустить, чтобы при наличии у Семена Ивановича сына он не раскрыл в своей духовной его имени и ничего не отказал ему из своего имущества. Безымянное упоминание сына можно было бы объяснить и так, что это сын еще не родившийся, но ожидаемый отцом. Но в таком случае по отношению к нему завещатель употребил бы выражение: «а даст ми бог сына», которое находим, например, в духовной грамоте Дмитрия Донского.

Между тем, рассматривая дефектное место в контексте с предшествующими и последующим завещательными распоряжениями, мы получаем другое его чтение. Перед данным дефектным текстом в завещании говорится: «Даю ряд своей княгине, велел есмь у нее быти *своему дяде Василью...*». Непосредственно за этими словами идет подлежащая разъяснению фраза: «...А по бозе приказываю своей братье, князю Ивану и князю Андрею,

---

[67] М. Н. Тихомиров считает, что Созонт — христианское имя Семена, т. к. он родился 7 сентября на память «мученика Созонта» (М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, М., 1947, стр. 39, прим. 3).

[68] Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IV, примечания, стр. 225, № 365.

[69] С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 950, прим. 8.

[70] М. Н. Тихомиров, Указ. соч., стр. 39.

[71] В. И. Сергеевич. Древности русского права, т. I, стр. 66.

свою княгиню, и своего..., и свои бояре». Из сопоставления с предыдущим совершенно очевидно, что пробел в грамоте следует восполнить словом: «дядю».[72]

О каком *дяде Василии* идет речь? Ответ на этот вопрос вытекает из дальнейшего текста: «...положил есмь на бозе и на вас на своей братьи, тако имете блюсти по нашему доконченью, како тогда мы целовали крест у отня гроба». Князь Семен Иванович «приказывает» своим братьям княгиню, дядю Василия и бояр и высказывает уверенность, что они будут «блюсти» их по докончальной грамоте 1350—1351 гг. А из указанной грамоты мы узнаем, что при крестоцеловании трех князей «у отня гроба» присутствовал ряд их бояр, из тех, кто, по словам князя Семена, «хотел отцю нашему добра и нам». Среди этих бояр на первом месте встречаем тысяцкого Василия. Невольно возникает предположение: не одно ли это лицо с княжеским дядей Василием, которого завещание Семена также называет первым из «старых» бояр? Другими словами, и в договорном акте 1350—1351 гг., и в духовной 1353 г. фигурирует все тот же тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов, который, возможно, находился в родстве с великим князем Семеном Ивановичем.[73] Дальнейшие немногочисленные сведения о судьбе Василия Васильевича Вельяминова подтверждают возможность указанного родства. Жена Вельяминова крестила сына Дмитрия Донского — Константина.[74] Известен летописный рассказ о поясе, подмененном тысяцким Вельяминовым на свадьбе у великого князя Дмитрия Донского и послужившем якобы причиной войны между Василием II и Юрием галицким в 30-х годах XV в.[75] Под 1374 г. летопись сообщает о смерти «последнего тысячского Василея Васильева сына Протасиевича в черньцех и в схиме» и его погребении у церкви Богоявления.[76]

На родственные связи тысяцкого Василия Вельяминова с московским княжеским домом указывает наличие в великокняжеском архиве его документов. В грамоте Донского Е. Новоторжцу читаем: «А приказал есмь его блюсти *дяде* своему Василью тысяцькому».[77]

Итак, предложенная выше интерпретация дефектного текста завещания великого князя Семена 1353 г. говорит о его тесной связи с докончальной грамотой трех сыновей Ивана Калиты и убеждает в правильности датировки последней началом 50-х годов XIV в.

§ 4. Духовная грамота великого князя Ивана Ивановича 1358 г.

С именем сына Калиты и брата Семена — Ивана Ивановича, ставшего с 1353 г. великим князем, связаны два текста духовного завещания.[78] В «Древней Российской Вивлиофике» первый напечатан под 1356—1359 гг., второй — под 1359 г.[79] В «Собрании государственных грамот и договоров» — оба под 1356 г.[80] И. И. Срезневский считает, что первая грамота

---

[72] Возможность такой конъектуры признавал С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 950, прим. 8.

[73] Н. М. Карамзин совершенно необоснованно считает, что «дядя Василий» — князь Василий Михайлович кашинский, приходившийся дядей жене Семена — Марии Александровне, дочери великого князя Александра Михайловича тверского. (Указ. соч., т. IV, прим., стр. 225, № 365. См. также М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 39).

[74] ПСРЛ, т. VIII, стр. 52.

[75] Там же, стр. 97.

[76] Там же, стр. 21.

[77] В описи 1626 г. читаем: «Грамота Василья тысецкого, что купил у Семена Васильевича да у Юрия Васильевича Чагощу вотчину всю, а писал Грешник, а хто именем Грешник, а того не написано. Печать на чорном воску, а другая оторвалась. Году не написано» (Гос. древлехранилище, опись 1626 г., л. 10 об.). Д А II, т. I, стр. 9, № 8.

[78] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 4—5. Описи архива Посольского приказа: 1614 г., лл. 32 и 39; 1626 г., л. 3—3 об.

[79] «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 64—74, № 5—6.

[80] СГГД, т. I, стр. 39—43, № 25—26.

написана не ранее 1356 г., так как в качестве послуха в ней упомянут ростовский епископ Игнатий, занявший епископскую кафедру как раз в этом году. Поводом для написания духовной могла служить поездка князя в Орду в 1357 г. к новому хану Бердибеку. Вторая грамота, по мнению Срезневского, могла быть заготовлена в 1359 г., перед кончиной Ивана Ивановича.[81] А. В. Орешников повторил соображения Срезневского.[82]

Ближайший сравнительный анализ двух сохранившихся текстов завещания Ивана Ивановича приводит, прежде всего, к бесспорному выводу, что нет никаких оснований видеть в них *различные по своей редакции грамоты*, возникшие в разное время или написанные одновременно. Несомненно, перед нами *два противня одного завещательного акта.*

Наиболее существенное различие между обоими текстами заключается в перечне сел, находившихся в пожизненном владении за княгиней Марьей Александровной, вдовой великого князя Семена Ивановича.

Первая грамота
(по СГГД, т. I, № 25)

А что ис тых волостий за княгинью за Марьею, те волости до ее живота и села; а по ее животе те волости и села сыну моему князю Дмитрью: Городна, Мезыни, Песочна, Середокоротна, Похряне, Устьмерска, Брашевая, Гвоздна, селце Ивань, деревни Маковець, Левичин, Скулнев, Канев, Кошира, Гжеля, Горетова, Горки, село на Северце, село Малино, село Холмы, село Костянтиновское, село Оринниьское, село Островьское, село Копотеньское, село Микульское, село Малаховьское, село Напрудьское, село Илмовьское, село Новое, Мещерка у Коломны.

Вторая грамота
(по СГГД, т. I, № 26)

А что ис тых волостий за княгинью за Марьею, а те волости до ее живота; а по ее животе те волости сыну моему князю Дмитрью: Городна, Мезыни, Песочна, Середокоротна, Похряне, Устьмерьска, Брашевая, Гвоздна, сельце Ивань, деревни Маковець, Левичин, Скулнев, Канев, Кошира, Гжеля, Горки, Горетовка, село в Похряньском уезде на Северце, село Малино, село Холмы, село Костянтиновьское, село Оринниьское, село Островьское, село Копотеньское, село Микульское, село Малаховьское, село Напрудьское, село Илмовьское, село Новое, *а ис тых сел которая будет за княгинью за Марьею села, те до ее живота; а по ее животе те села сыну моему князю Дмитрию* Мещерка у Коломны.

Совершенно очевидно, что переписчик второго текста. повторив дважды княжеское распоряжение о том, что владения, выделенные княгине Марии Александровне в Коломенском уезде, после ее смерти переходят к старшему сыну завещателя — Дмитрию Ивановичу,— оторвал от общего списка коломенских волостей и сел Мещерку у Коломны. В первой грамоте говорится сразу об условиях владения княгиней и волостями и селами, а затем следует их перечень. Вторая грамота сначала указывает на временный (пожизненный) характер владения Марии Александровны коломенскими волостями, затем перечисляет эти волости, после них называет коломенские села и заканчивает вторичным напоминанием о пожизненном владении уже применительно не к волостям, а к селам. Таким образом, у нас нет никаких оснований говорить о принципиально отличных редакциях первой и второй грамот. Просто при переписке набело чернового текста переписчик в одном случае несколько изменил его конструкцию, допустив тем самым отмеченный выше ляпсус.

Так же перебит при переписке и список сел в Звенигородском уезде, завещанных Иваном II своему сыну Ивану. В двух грамотах названы одни и те же села, но в разном порядке.

---

[81] И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 214.
[82] А. В. Орешников. Указ. соч., стр. 121.

Итак, в основе обеих изучаемых грамот лежит один черновик. Повторяю, мы имеем дело с двумя противнями, переписанными одним лицом (почерк документа абсолютно одинаковый);[83] оформленными одновременно в присутствии одних и тех же свидетелей; с одинаковыми печатями великого князя Ивана Ивановича.[84] Совершенно естественно возникает вопрос: для каких целей понадобилось оформление великокняжеского завещательного акта в двух противнях? Думаю, что один из них должен был остаться в княжеской казне, а другой Иван II предполагал отвезти в Золотую Орду с тем, чтобы к нему там привесили печать (по образцу духовной Ивана Даниловича Калиты). К этому вопросу я вернусь еще ниже, после того как удастся разрешить вопрос о дате изучаемого завещания.

Указания на время возникновения духовной Ивана Ивановича мы находим в тех местах грамот, где говорится о московско-рязанских отношениях. Великий князь завещает своему племяннику, князю Владимиру Андреевичу, взамен волости Лопасни, отнятой рязанским войском в 1353 г.,[85] Новый городок в устье реки Поротли, из числа бывших рязанских владений. Другие свои приобретения на Рязанской территории Иван II пускает в раздел между своими сыновьями: «А что ся мне достали места Рязаньская на сей стороне Оки, ис тых мест дал есмь князю Володимеру в Лопастны места,— Новый городок на усть Поротли. А пная места Рязаньская отменьная сыном моим князю Дмитрью и князю Ивану,— поделятся наполы». Далее завещатель высказывает опасение по поводу того, что татары будут претендовать на некоторые московские владения, принадлежавшие ранее рязанским князьям, считает даже возможным, что они отнимут те или иные волости. В таком случае он дает наказ своим наследникам заново произвести передел земель, вознаградив того, кто окажется потерпевшим в результате отторжения у него части территории, полученной по наследству: «А ци по грехом имуть искати из Орды Коломны, или Лопастеньских мест, или отменьных мест Рязанских, а по грехом ци отъимется которое место, дети мои князь Дмитрий, князь Иван, князь Володимер и княгини в то место поделятся безпеньными месты».

Мне кажется, что самый стиль приведенных выше завещательных распоряжений позволяет с уверенностью говорить, что они продиктованы не просто трезвой предусмотрительностью осторожного политика, который считает нужным учесть неблагоприятные для себя комбинации в ближайшем будущем. Эти распоряжения, повидимому, вызваны какими-то *вполне реальными планами ордынской политики*, которые сделались известными московскому князю. Поэтому я считаю наиболее правильным связать цитированные выше места духовной Ивана Ивановича с летописным известием 1358 г. о том, что ордынский посол Мамат-Хожа присылал к московскому князю «о розъезде земли Резанской». Перед этим он побывал в Рязанской земле «и много тамо зла сотвори». Очевидно, Мамат-Хожа действовал в духе традиционной ордынской политики, стремясь внести разлад в московско-рязанские отношения и таким образом ослабить и Московское и Рязанское княжества. По словам летописи, «князь же великий не впусти его в свою отчину в Русскую землю». Впоследствии Мамат-Хожа был признан в Орде «крамольником» («к царю в крамолу вниде»),[86] и это-то обстоятельство и спасло Ивана II от ответственности

---

[83] Писец один и тот же — Нестерко.

[84] На лицевой стороне — изображение св. Иоанна с благословляющей правой рукой и евангелием в левой. По сторонам надписи: слева — Агнос, справа — Ио[анн]. На оборотной стороне надпись в пяти строках: печать князя великого Ивана Иванов[и][ча].

[85] ПСРЛ, т. X, стр. 227.

[86] ПСРЛ, т. VIII, стр. 10.

за нежелание подчиниться предписанию ордынского посла о пересмотре московско-рязанской границы. Но Иван II, отказавшись впустить Мамат-Хожу в свои владения, естественно должен был ожидать дальнейших наступательных действий из Орды. Это ожидание и отразилось в тексте его завещания.

Таким образом, я считаю, что опасения грамот Ивана Ивановича на счет того, что из Орды «имут искати» Рязанских мест, прямо ведут нас к тревожной обстановке 1358 г. как времени написания духовной. Иван II, не выполнив распоряжения Мамат-Хожи, опасался, что его могут привлечь в Орде к ответу за этот поступок. В заготовленном им тексте завещания, один экземпляр которого предназначался для передачи в Орду на рассмотрение, великий князь не случайно говорит о возможности в ближайшем будущем изменений в московско-рязанском рубеже.

Отказываясь видеть в сохранившихся грамотах Ивана II различные редакции духовного завещания названного князя, я в то же время считаю, *что известному нам тексту завещательного акта, представленного двумя противнями, предшествовал другой, относившийся к более раннему времени и до нас не дошедший.* Следы его можно обнаружить в тех противоречиях, которые находим в духовной Ивана Ивановича последней редакции. Таковы, например, друг друга исключающие сведения относительно коломенских волостей: Песочны, Середокоротны, Похрян. С одной стороны, они значатся за вдовой великого князя Семена Ивановича — Марьей Александровной. С другой стороны, Иван II выделяет их своей жене княгине Александре.

Аналогичные наблюдения можно сделать и относительно владений, состоявших пожизненно за вдовой Калиты — княгиней Ульяной. В одном месте завещания читаем: «А княгини Ульяна, по отца моего князя великого по грамоте по душевной, ведаеть волости и осмничье и села до своего живота; а по ее животе дети мои князь Дмитрий и князь Иван и братаничь князь Володимер и моя княгини поделятся на четверо без обиды». Ниже говорится о том, что не все волости, находившиеся в пожизненном владении Ульяны, поступают в раздел между наследниками московского великого князя Ивана II. Некоторые волости переходят к ее дочери: «А что волости за княгинью за Ульяною, не тых волостий по ее животе дети мои князь Дмитрий, князь Иван, князь Володимер дадут дчери ее Сурожик, село Лучинское». Это распоряжение представляет явную вставку в перечень предметов домашней княжеской утвари. Интересно, что указанная вставка непосредственно соединена с другой, в которой речь идет о том, что княгиня Мария Александровна имеет право до своего «живота» владеть «примыслами» своего мужа: Заячковым, перешедшим к нему по «благословенью» тетки Анны, и Заберегом, купленным у князя Семена Новосильского. Опять бросается в глаза, что распоряжение об этих двух волостях оторвалось от аналогичных указаний на пожизненные владения Марии Александровны в начале духовной.

Все эти противоречия текста завещания Ивана II дошедшей до нас редакции 1358 г. могут быть объяснены только тем, что он возник на основе более ранней духовной грамоты этого князя, которая решала по-иному вопрос о распределении волостей между тремя княгинями: вдовами Калиты и Семена и женой самого завещателя. Очевидно, Иван II впоследствии несколько урезал долю Марии Александровны, передав часть ее волостей своей княгине Александре. Вследствие недостаточно внимательной редакции текста позднейшего завещания в нем остались следы прежнего наделения волостями Марии Александровны, восходящего еще к духовной грамоте Семена Ивановича.

За недостатком данных трудно установить время написания первого завещательного акта Ивана II. Повидимому, он был составлен в начале его княжения. Я заключаю это из указаний грамоты 1358 г. на передачу Владимиру Андреевичу серпуховскому Нового городка на устье Поротли взамен Лопасни. Вероятно, эта передача произошла вскоре после захвата Лопасни рязанцами.

У Ивана Ивановича были основания для написания духовной в первые же годы своего княжения, так как завещание его покойного брата оставляло много неясного. Семен Иванович передал своей жене весь свой удел: города Коломну и Можайск с волостями и селами, а также свой «жеребий» московской тамги, но не указал, как поступить с этим уделом после смерти его вдовы. В духовной Семена имелась ссылка на докончание 1350—1351 гг. Но в последнем также не было указаний на этот счет. Докончальная грамота 1350—1351 гг. только подтвердила раздел, произведенный Калитой, и установила, что после смерти кого-либо из трех его сыновей их владения переходят к женам и детям: «... кого из нас бог ответет, печаловати княгинею его и детми как при животе, так и по животе; а не обидети..., ни имати ничего ото княгини и от детий, чим ны кого благословил отець наш по разделу».

Иван II, очевидно, и начал с пересмотра некоторых положений договора 1350—1351 гг. и духовной Семена 1353 г.[87] Из редакции завещания Ивана Ивановича 1358 г., восходящей к более раннему тексту, можно вскрыть, в чем состоял этот пересмотр. Города Коломну и Можайск, вопреки завещанию Семена, Иван II передает своему старшему сыну Дмитрию, свой Звенигородский удел — второму сыну Ивану. Удел своего младшего брата Андрея (третьего сына Калиты) Иван II оставил за его сыном и наследником Владимиром Андреевичем. Москва приказана двум сыновьям Ивана II — Дмитрию и Ивану. К племяннику великого князя Владимиру Андреевичу переходит только доля его отца Андрея: «на Москве в наместничестве треть, и в тамзе, и в мытех, и в пошлинах городских треть, что потягло к городу». Отступления от договорной грамоты 1350—1351 гг. замечаются и в том, что старший наследник не получает половины тамги «на старейшинство»; дворцовые «пути» также делятся на три части. Согласно с распоряжениями Калиты, князья «блюдуть сопча сопиного» «численных людей».

Оставался неясным вопрос о пожизненных владениях вдовых княгинь, к которому Иван II вернулся во второй редакции своего завещания 1358 г.

§ 5. Договорные грамоты великого князя Дмитрия Ивановича с удельным князем Владимиром Андреевичем серпуховским

Дошедшие до нас договорные грамоты времени великого московского князя Дмитрия Ивановича характеризуют его отношения с его двоюродным братом удельным князем московского дома Владимиром Андреевичем серпуховским; с великими князьями тверским и рязанским; наконец, с великим литовским князем Ольгердом. Только рассмотрение этих грамот *в целом и в их взаимной связи* дает возможность правильно понять основные явления политической жизни в княжение Дмитрия Ивановича. К сожалению, исследователи часто отрывали изучение докончальных грамот великого князя Дмитрия с Владимиром Андреевичем как документов, касающихся междукняжеских отношений *внутри московской*

[87] Если предполагать, что одна из восковых печатей при духовной Семена Ивановича принадлежала его брату Ивану, то, следовательно, Семен взял с последнего обязательство следовать своему завещанию, опасаясь, что Иван может от него отступить.

«*вотчины*» (А. Е. Пресняков), от договорных актов, отражающих *связи Московского княжения* с другими княжествами: Тверским, Рязанским и т. д. Такое искусственное обособление часто затемняло смысл привлекаемых к исследованию документов.

Докончальных грамот Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем серпуховским известно три. Две из них оформлены при митрополите Алексее (1354—1378),[88] одна — при митрополите Пимене (1380—1389).[89]

Первую грамоту[90] исследователи относили обычно или к 1362[91] или к 1364 г.[92]

В 1362 г. Дмитрий Иванович одержал победу над своим соперником в борьбе за Владимирское великое княжение — князем Дмитрием Константиновичем суздальским,[93] и это обстоятельство, по мысли ряда авторов, могло послужить ему поводом для оформления договора со своим двоюродным братом. Между прочим, в этом договорном акте Дмитрий берет с Владимира обязательство «не искати» его владений: «... что мя благословил отець мой князь великий Иван уделом дяди моего князя великого Семеновым». Поскольку речь идет об уделе дяди Дмитрия — покойного великого князя Семена Ивановича, но ничего не говорится об уделе младшего брата Дмитрия — князя Ивана Малого, можно думать, что грамота относится ко времени до октября 1364 г., когда Иван умер[94] и его владения перешли к Дмитрию.

Сторонники датировки 1364 г. выдвигают другой аргумент: если бы младший брат Дмитрия Ивановича — Иван Малый был жив в момент заключения докончания, его имя фигурировало бы в тексте; очевидно, грамота написана уже после его смерти.

Надо сказать, что последнее соображение более существенно (хотя А. Е. Пресняков думает обратное). Упоминание о присоединении удела Ивана Малого к владениям Дмитрия Ивановича могло отсутствовать потому, что смысл изучаемого документа не в точном определении состава «вотчины» каждого из князей, а в другом: в установлении между ними союзных отношений на основе заключения феодального договора.

К 1362 г. докончание не может быть отнесено уже потому, что Дмитрию Ивановичу было тогда около двенадцати лет, Владимиру Андреевичу — девять. Правда, исследователи указывают, что за князей действовали их бояре. Но договорная грамота свидетельствует скорее о самостоятельности великого князя Дмитрия Ивановича, а не о его зависимости от боярского окружения. Хотя в начале документа мы находим ссылку на докончание трех сыновей Ивана Калиты 1350—1351 гг.[95] как основу для взаимоотношений между Дмитрием и Владимиром, но в действительности замечаем много отступлений от этого докончания середины XIV в. в сторону усиления позиций великого князя. В частности, и ряд вопросов, каса-

---

[88] П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1877, стр. 2.

[89] Там же, стр. 3.

[90] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 2.

[91] СГГД, т. I, стр. 44—45, № 27; С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 985; И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 219; А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 172, прим. 1.

[92] Н. М. Карамзин. Указ. соч., изд. 2-е, т. 5, стр. 6, и примечания, стр. 3, № 1. Экземплярский допускает противоречия в датировке грамоты, относя ее то к 1462 г., то к 1464 г. (А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. I, стр. 94; т. II, стр. 295). В «Древней Российской Вивлиофике» (ч. I, изд. 2-е, стр. 74—78, № 7) даны очень широкие хронологические рамки: 1362—1378 гг.

[93] ПСРЛ, т. VIII, стр. 12; т. XI, стр. 1; т. XVIII, стр. 101; т. XXIII, стр. 113.

[94] ПСРЛ, т. VIII, стр. 12; т. XI, стр. 3; т. XVIII, стр. 102; т. XXIII, стр. 113.

[95] «А жити ны потому, как то отци наши жили с братом своим с старейшим, з дядею нашим со князем с великим с Семеном».

ющихся боярской службы, разрешается с точки зрения великокняжеских интересов.

Поэтому я считаю нужным связывать оформление подлежащей анализу докончальной грамоты с моментом выступления московского великого князя Дмитрия Ивановича на арену самостоятельной политической деятельности, причем деятельности, имевшей общерусское значение. Таким моментом явился 1367 год. В это время в Москве были построены каменные укрепления. Их возведение было задумано Дмитрием Ивановичем совместно с его двоюродным братом Владимиром Андреевичем и «старейшими» боярами: «Тое же зимы князь великий Дмитрей Ивановичь, погадав с братом своим с князем Володимером Андреевичем и с всеми бояры старейшими, и сдумаша ставити город камен Москву».[96] Летописи объясняют разработку князьями плана оборонительных сооружений стремлениями Дмитрия Ивановича к собиранию власти: «Того же лета князь велики Дмитрей Ивановичь заложи град Москву камен и начаша делати безпрестани; и всех князей русских привожаше под свою волю, а которыа не обвиновахуся воле его, а на тех нача посегати...»[97]

С 1367 г. начинается борьба Дмитрия Ивановича московского с Михаилом Александровичем микулинским, ставшим с 1368 г. великим князем тверским. В этой борьбе Михаил Александрович нашел поддержку со стороны своего зятя великого князя литовского Ольгерда, который в конце 60-х — начале 70-х годов XIV в. совершил несколько походов на Москву.

Вмешавшись в усобицу между Михаилом Александровичем, его дядей Василием Михайловичем кашинским и двоюродным братом Еремеем, великий князь Дмитрий Иванович и митрополит Алексей в 1368 г. «зазваша [Михаила] на Москву любовию» на третейский суд, но, как только тот прибыл, «поимаша его и бояр его всех, и разведоша их разно и держав их в истоме». Арестованный князь Михаил был «посажен» на Гавшином дворе. Его спасло появление в Москве татар из Орды. Летопись говорит: «И потом незадолго время приидоша татарове от Орды... князь же великий тогда укрепив князя Михаила крестным целованием, отпустив его в свою отчину».

Когда после смерти своего дяди Василия Михайловича, в том же 1368 г. Михаил Александрович сел на великое княжение Тверское, Дмитрий Иванович, не желавший видеть на Тверском великокняжеском столе союзника Литвы, двинул большое войско на тверские владения. Михаил бежал в Литву и организовал первый приход Ольгерда с многочисленной военной силой к Москве.[98]

Так началась длительная и упорная война между Москвой и Тверью, в связи с которой великому князю Дмитрию Ивановичу пришлось столкнуться с таким крупным и сильным противником, каким являлся великий князь литовский Ольгерд Гедиминович.

Если правильно мое предположение о том, что оформление договора между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем непосредственно предшествовало всем изложенным выше обстоятельствам московско-тверского конфликта, то в таком случае изучаемая докончальная грамота приобретает значение документа, характеризующего отношения московско-тверские и московско-литовские. Дмитрий Иванович, начав «посягать» на тверского князя Михаила Александровича, в предвидении осложнений между Москвой и Тверью, поспешил заключить союз с удельным серпуховским князем.

---

[96] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 106.
[97] ПСРЛ, т. XI, стр. 8.
[98] ПСРЛ, т. VIII, стр. 15; т. XI, стр. 10—11; т. XVIII, стр. 107—108.

Действительно, после 1367 г. Владимир Андреевич активно участвует в военных действиях своего «старейшего» брата. В 1368 г. он выгнал литовцев из Ржева, затем во время нашествия Ольгерда вместе с Дмитрием Ивановичем сидел в осаде в Москве, в то время как его рать была послана задержать литовские войска; в конце 1368 г. Владимир был отправлен в Новгород для организации защиты Пскова от нападения ливонских рыцарей.[99]

Рассмотрим же в свете исторических явлений конца 60-х годов XIV в. основные положения договорной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича с князем удельным Владимиром Андреевичем 1367 г. Она ссылается в качестве образца на докончание Семена Ивановича с братьями — грамоту 1350—1351 гг.: «А жити ны потому, как то отци наши жили с братом своим с старейшим, з дядею нашим со князем с великим с Семеном». Однако характер междукняжеских отношений по договорному акту 1367 г. отличается бо́льшим подчинением «молодшего брата» великокняжеской власти. Вместо формулы докончальной грамоты сыновей Ивана Калиты: «быти нам заодин, до живота, а брата своего старейшего имети ны и чтити во отцево место, а брату нашему нас имети [в братстве без обиды во всем]», находим другую: «а тобе, брату моему молодшему князю Володимеру, держати ти подо мною княженье мое великое честно и грозно, а добра ти мне хотети во всемь; а мне, князю великому, тобе, брата своего, держати в братстве без обиды во всемь». Правда, рассматриваемый документ допускает некоторые колебания по вопросу о том, на каких началах должна строиться «служба» «брата молодшего» «брату старейшему». Безапелляционное само по себе условие: «А тобе, брату моему молодшему, мне служити *без ослушанья*..., а мне тобе кормити по твоей службе» — несколько смягчено указанием на добровольный характер этой «службы», основанной на взаимном соглашении и отвечающей обоюдным интересам: «... без ослушанья по згадце, како будеть мне слично и тобе, брату моему молодшему...» Точно так же говорится о полюбовном разрешении междукняжеских конфликтов: «А чего ны будет поискати, тобе ли, мне ли, а тому також межи нас исправа».

Повторяя соответствующие статьи договора 1350—1351 гг. об общих «друзьях» и «недругах» и о совместном заключении «докончаний», грамота 1367 г. дополняет эти положения весьма существенным пунктом: «А что ти слышав о мне от крестьянина ли, от поганина ли о моем добре или о лисе, или о нашей отчине и о всех крестьянех, то ти мне поведати вправду, без примышленья, по целованью; а мне також тебе поведати». Понятно появление подобного условия в договорном тексте, возникшем в годы борьбы между Москвой и Тверью, когда тверской князь искал и литовской и татарской поддержки. Вспомним, что освобождением из-под ареста в Москве в 1368 г. Михаил Александрович был обязан появлению там посланцев из Орды и что вскоре после выхода из заключения Михаил отправился в Литву за помощью против московского князя.

Договорные отношения между великим князем Дмитрием Ивановичем и его двоюродным братом строятся на основе признания владельческой самостоятельности обоих князей: «тобе знати своя отчина, а мне знати своя отчина». Этот общий принцип развивается далее в ряде специальных статей, запрещающих покупку сел в чужом уделе, держание там закладней и оброчников, посылку приставов и данщиков, выдачу жалованных грамот.

Однако согласно с духовными первых московских князей и с договорной грамотой 1350—1351 гг. докончание 1367 г. особо останавливается

---

[99] ПСРЛ, т. VIII, стр. 15—16; т. XI, стр. 10—11; т. III, стр. 89.

на «блюдении...сединого» князьями «численных людей», а также слуг под дворским и черных людей, которые «потягли... к сотником».

Право сношений с Ордой грамота 1367 г. предоставляет великому князю. В конце 60-х — начале 70-х годов XIV в., когда Дмитрий Иванович и Михаил Александрович тверской спорили по вопросу о великом княжении, обращаясь по этому поводу в Орду, указанный пункт был политически очень важен. «Ордынская тягость и протор» уплачиваются «молодшим братом» с своего удела через «брата старейшего» «по давным свертком».

Очень большое место в рассматриваемом документе уделено вопросам боярской службы. Это объясняется тем, что в начальные годы княжения Дмитрия Ивановича фактическое руководство политическими делами в Московском княжестве принадлежало его боярам. Во время боярского правления каждый из князей накопил, очевидно, большое количество претензий к чужим боярам. Наличие подобных претензий отмечает договорная грамота, устанавливая также формы их разбирательства посредством третейского суда: «А чего ми будеть искати на твоих боярех или чего искати тобе на моих боярех, нам отослати от собе по боярину, те тому делу учинять исправу; а ци о какове деле межи собе сопрутся, ехати им на третий, кого собе изберуть, тамо ехав перемолвятся». Договорный акт 1367 г. свидетельствует также о частых боярских отъездах, имевших место в малолетство Дмитрия Ивановича: «А кто будеть бояр и слуг к тобе, брату моему молодшему, от мене отъехал до сего докончанья, или по семь докончаньи к тобе приедеть...» В принципе подтверждая вольность боярской службы, выражающуюся в праве отъезда, грамота 1367 г., однако, ограничивает это право в отношении кормленщиков, которым предъявляется требование о предварительном отказе и расчете: «А который боярин поедеть ис кормленья от тобе ли ко мне, от мене ли к тобе, а службы не отслужив, тому дати кормленье по исправе, а любо служба отслужити ему».

Особо выделяется вопрос об участии бояр удельного князя в военных походах великого князя. Задачи борьбы с Тверью и Литвой, поставленные Дмитрием Ивановичем в конце 60-х годов XIV в., требовали пристального внимания к организации управления военными силами. В договорную грамоту внесено обязательство удельного князя посылать «без ослушанья» своих бояр и слуг по требованию «старейшего брата». Нетчиков великий князь «казнит» совместно с удельным. Вопрос об освобождении тех или иных бояр решается на основании «доклада» Владимира Андреевича Дмитрию Ивановичу, «по згадце» обоих князей: «А кого коли оставити у тобе бояр, про то ти мне доложити, то ны учинити по згадце: кому будеть слично ся остати, тому остатися; кому ехати, тому ехати». Но, требуя в военном деле подчинения великокняжеской воле, докончание 1367 г. признает за удельно-княжескими полками право выступать под собственным «стягом» в составе великокняжеских военных сил: «А коли ти будеть всести со мною на конь, а кто будеть твоих бояр и слуг, где кто ни живеть, тем быти под твоим стягом».

Второй договор между великим князем Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем серпуховским [100] значится в «Собрании государственных грамот и договоров» под 1371 г.[101] Эта дата обычно принимается исследователями.[102] Основания для нее приводятся следующие. Дмитрий

---

[100] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 4.

[101] СГГД, т. I, стр. 49—50, № 29.

[102] См. С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 986. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 173, прим. 1. И. И. Срезневский принимает 1370 г. (И. И. Срезневский, Указ. соч., стр. 224). А. В. Экземплярский, как и в других случаях, допускает ряд противоречий в определении времени возникновения документа. В первом

Иванович передает в удел своему двоюродному брату Галич и Дмитров, а последний галицкий князь был изгнан Дмитрием в 1363 г.[103] В грамоте упомянут сын великого князя. Если это Василий Дмитриевич, то документ оформлен не ранее 1371 г. — года его рождения.[104] Наконец, одно дефектное место текста («...пожалует нас бог, найдем тобе, князю великому, великое [княжение]...») как будто свидетельствует о тревоге за великое княжение, а такая тревога, естественно, могла возникнуть у московского князя в 1371 г., когда тверской князь Михаил Александрович вывез из Орды ярлык на великое княжение для себя.

Московско-тверские взаимоотношения после первого нашествия на Москву Ольгерда развертывались так. В 1370 г. Дмитрий Иванович отправил большую рать в Тверское княжество. Михаил Александрович бежал в Литву. Не получив там помощи, он отправился в Орду, где добился ярлыка на великое княжение, посадить на которое его должен был посол Сарыхожа. Но Дмитрий «заставы разосла на все пути», не пустил Михаила на Русь и заставил его возвратиться в Литву. На этот раз обращение Михаила к Ольгерду имело успех, и великий князь литовский в конце 1370 г. вторично появился под Москвой, но города не взял и заключил перемирие с Дмитрием Ивановичем. Михаил Александрович спять направил свой путь в Орду и в начале 1371 г. снова вышел оттуда с ярлыком на великое княжение.[105] При таких обстоятельствах — считают исследователи — Дмитрий Иванович и заключил свой второй договор с Владимиром Андреевичем.

Надо сказать, что датировка изучаемой доконча́льной грамоты затруднена тем, что она дошла до нас в очень дефектном виде. От документа сохранилась только середина, левый же и правый его края оторваны. Но и уцелевший текст заставляет признать принятую в литературе датировку договорного акта великого князя со своим двоюродным братом неверной. Прежде всего, отрывочные уцелевшие места позволяют уверенно говорить о том, что в момент заключения договора и у Дмитрия Ивановича был уже не один только сын, и Владимир Андреевич являлся отцом нескольких детей. В подтверждение этого приведем несколько выдержек из источника: «...вотчины ми, господине, твоее и великого княженья... ми под тобою не искати и *под твоими детьми*, ни моим [*детем*]...и до живота и *твоим детем*...»; «...господине, дал в удел Галичь, Дмитров с волостьми и с селы....и *твоим детем под моими детьми* и до живота...»; «...ни грамот жаловальных не давати..., *ни моим детем*...»; «... а тобе, князю великому, держати...*детем и моих дети* во всем; а тобе, князю великому, и *тво*[*им детем*] мне, брату твоему молодшему, и *моим детем* без твоего...»; «а ци бог розмыслить о сыну о твоем, о брате...ис твоих болший, того ми держати братом старейшим...».

Отсюда можно заключить, что договорную грамоту, являющуюся предметом нашего рассмотрения, следует датировать временем значительно позднее 1371 г., когда состоялся брак Владимира Андреевича с дочерью великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича Еленой.[106]

томе своей монографии он соглашается с датировкой «Собрания государственных грамот и договоров»; во втором томе относит грамоту к 1359—1363 гг. на основании дефектного места: «пожалует нас бог, найдем тобе, князю великому, великое...» А. В. Экземплярский дополняет текст словом «княжение» и считает, что речь идет о борьбе за великое княжение между Дмитрием Ивановичем и суздальским князем Дмитрием Константиновичем (А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. I, стр. 103, прим. 253; т. II, стр. 219—221).

[103] ПСРЛ, т. IV, стр. 64.

[104] ПСРЛ, т. VIII, стр. 19; т. XI, стр. 17; т. XVIII, стр. 112; т. XXIII, стр. 117.

[105] ПСРЛ, т. VIII, стр. 17—18; т. XI, стр. 13—14; т. XVIII, стр. 109—110; т. XXIII, стр. 115—116.

[106] ПСРЛ, т. I, стр. 232; т. VIII, стр. 9; т. XI, стр. 17; т. XVIII, стр. 112.

Конечно, одних формальных признаков никогда не бывает достаточно для выяснения времени и обстоятельств возникновения того или иного источника. Так и в данном случае необходимо понять смысл памятника и выявить исторические условия, вызвавшие его появление. Основное в рассматриваемой докончальной грамоте — это разграничение великого княжения и «вотчины» Дмитрия Ивановича от «вотчины и удела» Владимира Андреевича; определяются поземельные отношения между великим и удельным князьями, утверждается самостоятельность территориальной власти князей и власти над зависимыми от них людьми.

Летопись отмечает, что особый интерес к своей «вотчине» Владимир Андреевич проявил в 1374 г. До этого времени он больше был занят делами своего «старейшего брата» Дмитрия Ивановича и выполнял его поручения, продиктованные задачами великокняжеской политики. С 1374 г. Серпухов делается стольным городом особого удельного княжества, и Владимир Андреевич выступает князем-вотчичем, устроителем своего удела: «Того же лета князь Володимир Андреевич заложи град Серпухов дубов в своей отчине, и даде людем и всем купцем ослабу и лготу многу, и приказа наместничество града Якову Юрьевичю, нарицаемому Новосилцу, околничему своему».[107] Тогда же Владимир Андреевич обратился к Сергию Радонежскому с просьбой об основании в его владениях монастыря. Сергий лично побывал в Серпухове, где и была заложена церковь Зачатия богородицы, а при ней учрежден общежительный монастырь.[108] В 1380 г. в Серпухове был освящен собор св. Троицы.[109]

Вторая договорная грамота Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем по своему характеру должна быть отнесена к 1374—1375 гг. Она резко отличается от первого докончания. В ней чувствуется особенное внимание к территориальным отношениям между двумя князьями.

Совокупность владений удельного князя Владимира Андреевича обозначается термином «вотчина и удел». Грамота гарантирует независимость этих владений по суду, сбору дани и т. д. от власти великого князя: «А в вотчину ти, господине, в мою и в удел данщиков ти своих, ни приставов не всылати, ни грамот жаловальных не давати, ни закладний ти не держати, ни сел ти не купити». Наряду с городами, волостями и селами, перешедшими к удельному князю по наследству от отца, он получает «в удел» долю в новых приобретениях своего «старейшего брата» (Галич, Дмитров): «...господине, дал в удел Галичь, Дмитров с волостьми и с селы...» Это—великокняжеское пожалование («чем мя еси, господине, пожаловал»). Однако Дмитрий Иванович обязался за себя и за своих детей «блюсти» переданную своему «молодшему брату» «в удел» территорию (так же, как и его наследственные земли), «не обидети» и «не искати» их в границах, установленных междукняжеским соглашением.

Тем же двойным термином («вотчина и удел») пользуется изучаемая докончальная грамота и для обозначения владений Дмитрия Ивановича, отличая их от великого княжения. Владимир Андреевич берет на себя обязательство «не искать» великого княжения под Дмитрием и «блюсти» «вотчинные» и «удельные» (наследственные и новоприобретенные) владения своего «старейшего брата» на тех же началах, на каких тот гарантировал неприкосновенность его «вотчины и удела». От лица Владимира Андреевича рассматриваемое докончание еще раз повторяет условия, согласно которым запрещалась посылка в пределы чужой территории (в данном

---

[107] ПСРЛ, т. XI, стр. 20.
[108] Там же, стр. 20—21.
[109] Там же, стр. 45—46.

случае принадлежавшей Дмитрию Ивановичу) данщиков, приставов, выдача жалованных грамот, держание закладников и оброчников.

Грамота затрагивает также отношения обоих князей к «уделу» вдовы Ивана Калиты — княгини Ульяны — по сбору дани.

При детальном разграничении удельно-вотчинных княжеских интересов особо выделен вопрос об «ординцах и делюях» как категории населения, подлежащего совместному ведению князей московского дома. Их положение определяется ссылкой на порядки, установившиеся «при наших отцех».

Итак, исходя из анализа содержания второй докончальной грамоты Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем, приходим к выводу, что наиболее приемлемой для нее датой являются 1374—1375 гг., когда Владимир Андреевич выступает с ярко выраженными чертами *удельного серпуховского князя*, обстраивающего свое вотчинное гнездо.

Этой датировке не только не противоречат, но, наоборот, ее подтверждают те отрывочные (вследствие дефектности текста) слова грамоты, которые свидетельствуют о тревоге московского князя за великое княжение и, по мнению А. Е. Преснякова, ведут нас к 1371 г.: «...пожалует нас бог, найдем тобе, князю великому, великое [княжение]». Совсем не обязательно связывать цитированное выше место с событиями 1371 г. Оно вполне может быть также объяснено исторической обстановкой 1374—1375 гг.

К 1374 г. относится «розмирие» Дмитрия Ивановича «с татары и с Мамаемь». В 1375 г. в Тверь бежали московские изменники, сын тысяцкого Иван Васильевич и Некомат Сурожанин. Тверской князь Михаил Александрович отправил их в Орду, где они получили для него от Мамая ярлык на великое княжение и вернулись в Русь в сопровождении ордынского посла Ачихожи. Михаил «сложил крестное целование» к Дмитрию Ивановичу и послал своих наместников в Торжок и Углич. Тогда великий князь Дмитрий Иванович, собрав общерусское ополчение, двинулся на Тверь и осадил город, который был вынужден капитулировать.[110]

Если относить, как это я предполагаю, вторую договорную грамоту Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем к 1374—1375 гг., то цитированную выше фразу: «...пожалует нас бог, найдем тобе, князю великому, великое [княжение]» можно понимать в том смысле, что в момент заключения договора в Москве был уже решен вопрос о походе на Тверь. А от результатов этого похода зависело, кому будет принадлежать великое княжение: Дмитрию Ивановичу московскому или Михаилу Александровичу тверскому.

Договоры великого князя Дмитрия с Владимиром Андреевичем серпуховским 1367 и 1374—1375 гг. были подтверждены новым соглашением названных князей, оформленным при митрополите Пимене в 1389 г. Этому третьему междукняжескому соглашению [111] предшествовало «розмирие», о котором летописи рассказывают под 1388 г. Отношения приняли очень обостренный характер и привели к аресту великим князем ряда бояр своего «молодшего брата». «Тогда же розмирие бысть великому князю Дмитрию Ивановичю с князем Володимером Андреевичем, и поимани быша бояре старейшии княже Володимеровы и разведены вси разно по городом, и сидеша вси в нятии у приставов». Затем, под 1389 г., летописи говорят о примирении князей: «Марта 25, на благовещение, князь великий Дмитрий Ивановичь взя мир и прощение и любовь с княземь Володимером Ан-

---

[110] ПСРЛ, т. XI, стр. 21—23; т. VIII, стр. 21—23; т. XVIII, стр. 113—116.

[111] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 7. Указания на договорные грамоты великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем серпуховским см. также в описи архива Посольского приказа 1614 г., лл. 13—13 об., 24, 31 об.—32, 35 об., 40 об., 46 об.; в описи 1626 г., лл. 3 об.— 4,6.

дреевичем».[112] Эти «мир и прощение и любовь» вылились в текст третьей по счету договорной грамоты двух князей, дата которой (март 1389 г.), таким образом, устанавливается с предельной точностью.[113]

Из летописных сообщений не совсем ясны причины «розмирия» между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем, которое произошло в 1388 г. Исследователи по-разному объясняют этот междукняжеский конфликт. Договорная грамота 1389 г., говорит А. В. Экземплярский, «проливает некоторый свет на розмирье. Договором этим Владимир Андреевич обязывается признавать великого князя *отцом* (по прежним договорам — братом старейшим), *сына его — старшим братом*. Очевидно, великий князь хотел этим договором укрепить новый порядок престолонаследия так, чтобы великокняжеский стол переходил от великого князя-отца к старшему его сыну, т. е. чтобы великокняжеский стол оставался в одном роде и переходил от одного к другому в нисходящей линии по праву первородства. Сопоставляя этот договор с розмирьем, некоторые думают, что розмирье произошло оттого, что Владимир Андреевич не хотел уступать своего права на великое княжение племяннику, т. е. сыну великого князя».[114]

Подобное освещение характера междукняжеских разногласий конца 80-х годов XIV в. явно несостоятельно потому, что текст докончания 1389 г. по вопросу об отношении удельного князя к великому княжению не дает ничего принципиально нового по сравнению с договорной грамотой 1374—1375 гг. Оба документа пользуются близкой по смыслу формулой для установления системы феодальной иерархии. По договору 1389 г. Владимир Андреевич обязался «имети» Дмитрия Ивановича «отцем», его сына Василия — «братом старейшим», второго сына Юрия Дмитриевича — «братом», остальных детей — «братьею молодшей». Грамота 1389 г. все время называет (прибегая к терминам родства, для характеристики феодально-иерархических взаимоотношений) Дмитрия Ивановича «отцом» Владимира Андреевича, а последнего — «сыном» великого князя. Докончание 1374—1375 гг. предпочитает термины «брат старейший» (великий князь Дмитрий) и «брат молодший» (удельный серпуховской князь Владимир). Однако в самом начале грамоты 1374—1375 гг. говорится, что Владимир Андреевич признает «брата своего старейшего князя великого *собе отцом*». Непосредственным продолжением этой фразы служит строка: «а сына твоего...», за которой в тексте видим пробел. Но имеются все основания восполнить указанное место словами:«...имети собе братом старейшим». Право на подобную реконструкцию текста дает одна из последних статей (также дефектная) документа: «а ци бог розмыслить о сыну о твоем, о брате...ис твоих больший, а того ми держати братом старейшим...», т. е. в случае смерти старшего наследника Дмитрия Ивановича следующий по старшинству его сын становится для Владимира Андреевича «братом старейшим». Таким образом, оба документа, относящиеся один к 1374—

---

[112] ПСРЛ, т. VIII, стр. 52; т. XI, стр. 94; т. XVIII, стр. 138.

[113] Эту дату принимают Н. М. Карамзин (указ. соч., т. V, изд. 2-е, стр. 103), С. М. Соловьев (указ. соч., кн. 1, стб. 986), И. И. Срезневский (указ. соч., стр. 258), А. В. Экземплярский (указ. соч., т. I, стр. 121; т. II, стр. 299, 300), А. Е. Пресняков (указ. соч., стр. 176). В СГГД, т. I, стр. 55—57, № 33, договор помещен под 1388 г.; в «Древней Российской Вивлиофике», изд. 2-е, ч. 1, стр. 94—99, № 12 — под 1380—1389 гг.

[114] А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 299—300. Подобное понимание политического смысла договорного акта 1389 г. восходит еще к Карамзину: «Сия грамота наиболее достопамятна тем, что она утверждает новый порядок наследства в великокняжеском достоинстве, отменяя древний, по коему племянники долженствовали уступать оное дяде. Владимир именно признает Василия и братьев его, в случае Дмитриевой смерти, законными наследниками великого княжения» (Н. М. Карамзин. Указ. соч., изд. 2-е, т. V, стр. 104).

1375 гг., другой — к 1389 г., рисуют по существу одинаковые феодально-иерархические междукняжеские связи. Точно так же в обоих актах говорится о «блюдении» великого княжения серпуховским удельным князем не только под самим Дмитрием Ивановичем, но и под его старшим сыном и под другими детьми. Что касается формулы о «держании» великого княжения «честно и грозно», то она была включена уже в первый договор 1367 г.[115]

Итак, никакого «нового порядка престолонаследия» грамота 1389 г. (по сравнению с более ранними документами) не утверждала. Она возобновляла тот политический уклад, основы которого уже были намечены предшествующими соглашениями великого князя Дмитрия с Владимиром Андреевичем. Некоторые статьи договорного формуляра, как увидим ниже, были уточнены, развиты, дополнены, частично изменены. Но никакой *коренной ломки* установившихся на основе прежних докончальных грамот порядков не было, и, очевидно, не в этой ломке заключалась причина ссоры Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем серпуховским в 1388 г.

С. М. Соловьев предлагает этой ссоре другое объяснение. Дело, по его мнению, заключалось в том, что Владимир Андреевич захватил несколько деревень у великого князя.[116]

Однако в нашем распоряжении имеется источник, который показывает, что княжеская распря была вызвана не поползновениями Владимира серпуховского на владения Дмитрия Ивановича, а тем, что последний лишил своего «сына и молодшего брата» переданных ему в 1374—1375 гг. «в удел» городов: Галича и Дмитрова. Этим источником является опись архива Посольского приказа 1626 г., которая дает следующие сведения относительно текста договорной грамоты 1389 г.: «Грамота докончалная великого князя Дмитрея Ивановича з братом ево со князем Володимером Ондреевичем, писана на листу, у ней были три печати, испорчены, при Пимене митрополите всеа Русии, а в котором году, того не написано, ветха, истлела, вся исклеена харатьею, а на харатье подписано: со князем Володимером докончалная тое зимы, коли князь великий отнел за себя Галичь да Дмитров от брата».[117] Внешние признаки документа, указанные описью 1626 г., вполне отвечают действительности. Это очень ветхий подлинник, местами совершенно истлевший, так что восстановление текста в некоторых случаях возможно только по находящемуся при нем списку, по палеографическим данным относящемуся к 80-м годам XV в.[118] Из трех печатей уцелели лишь две, а от одной сохранились одни обломки. Та помета, которая имелась, судя по описи 1626 г., на документе и которую сейчас уже нельзя прочесть, относится (так же как и названный список с грамоты), повидимому, к 80-м годам XV в. В это время, как увидим ниже,[119] по заданию великокняжеской власти, производился разбор московского государственного архива, и документы, представлявшие значение для государственных потребностей, извлекались, с них снимали копии, а на оригиналах делались соответствующие пометы.

---

[115] Неправильное противопоставление третьей грамоты двум первым находим у А. Е. Преснякова. Указ. соч., стр. 184.

[116] С. М. Соловьев, Указ. соч., кн. I, стб. 986. Данные об этом захвате Соловьев почерпнул из духовной грамоты Дмитрия Донского: «А которые деревни отоимал был князь Володимер от Лыткиньского села княгини моее к Берендееве слободе, а те деревни потянут к Лыткинскому селу моее княгини». ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 7. СГГД, т. I, стр. 60, № 34.

[117] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., л. 6 об.

[118] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 8.

[119] См. гл. IV.

Итак, помета на тексте третьего докончания между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем серпуховским, которую мы вправе отнести к княжению Ивана III, раскрывает сущность конфликта между Дмитрием и Владимиром, происшедшего в 1389 г. Поводом к раздору было лишение великим князем своего двоюродного брата права на владение Галичем и Дмитровом. Это очень важное известие, так как судьба двух указанных городов в конце XIV в. до того момента, как Дмитрий Иванович передал их по своей духовной сыновьям Юрию и Петру, представлялась весьма темной исследователям. А. В. Экземплярский писал: «...хотя и есть некоторое основание думать, что Галич и Дмитров непродолжительное время были во владении Владимира Андреевича Храброго, тем не менее — пока не подтвердится наша догадка более очевидными доказательствами — ряд галицких князей из рода Ивана Калиты мы должны начинать с Юрия Дмитриевича».[120] По мнению А. Е. Преснякова, «нет основания полагать, что владение Галичем и Дмитровом закрепилось за Владимиром Андреевичем хотя бы на некоторое время: нельзя даже утверждать, чтобы оно вообще осуществилось».[121] Сейчас мы можем уверенно говорить о том, что в период с 1374—1375 гг. по 1389 г. удельным галицким и дмитровским князем являлся Владимир Андреевич. Я думаю, что он был лишен этих владений Дмитрием, когда тот приступил к подготовке текста своей духовной грамоты и решил включить Галич и Дмитров в число городов, назначаемых по завещанию своим сыновьям. Действительно, из летописей узнаем о рождении в 1388 г. у Владимира Андреевича в Дмитрове сына Ярослава,[122] значит в это время Дмитров принадлежал еще Владимиру. В духовном завещании 1389 г. Дмитровом (так же как и Галичем) распоряжается уже Дмитрий Донской. В период времени между рождением у Владимира Андреевича сына и оформлением духовной Донского был заключен третий договор великого князя со своим двоюродным братом. Эти хронологические соображения являются лишним аргументом в пользу того, что изучаемая третья договорная грамота появилась в тот момент, когда Галич и Дмитров перешли из рук Владимира обратно к Дмитрию.

Докончание 1389 г. очень тонко и осторожно решает вопрос о междукняжеских территориальных взаимоотношениях. Его терминология отличается от терминологии договорного текста 1374—1375 гг. Последний выдвигал три понятия: «великое княжение», «вотчина» (наследственные владения) и «удел» (доля в новых территориальных приобретениях). Грамота 1389 г. говорит только о «великом княжении» и «уделе», причем, определяя состав «удела» Дмитрия Ивановича, перечисляет исключительно города и доходы, полученные им по наследству. «Удел» Дмитрия Донского выступает в следующих границах: «А чим мя благословил отець мой князь великый Иван в городе в Москве и в станех два жеребья, и пошлин всех два жеребья, также и Коломна с волостми, и Можаеск с волостми и отъездными месты, и великым княженьем...». Таким образом, и право на великое княжение (как и на удельные владения) грамота мотивирует отцовским «благословеньем». В состав владений Владимира Андреевича входит прежде всего то, «чимь благословил» его «отець князь Андрей [123] в городе Москве и в станех треть, и пошлин всех треть, удел, чем... благословил отець твой...». Особо выделены великокняжеские «пожалования» Владимиру Андреевичу: Городец, которым Иван II заменил Владимиру Андреевичу

---

[120] А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 222.
[121] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 175.
[122] ПСРЛ, т. VIII, стр. 52.
[123] Мы не знаем завещания отца Владимира, князя Андрея Ивановича. О нем ничего не говорит и духовная грамота Ивана II, в которой только указано: «А братаничь мой князь Бладимир ведает уезд отца своего».

Лопасню, отнятую рязанцами; Лужа и Боровск, пожалованные Дмитрием Владимиру по челобитью последнего, переданному через митрополита Алексея, и волости из бывшего удела княгини Ульяны.

Эти указания договорного текста смутили А. Е. Преснякова, и он сделал из них вывод о том, что Владимир Андреевич фактически никогда не владел Галичем и Дмитровом: «По свидетельству третьего договора между великим князем Дмитрием и князем Владимиром Андреевичем, еще при жизни митрополита Алексея и при его посредничестве, князь Владимир получил от великого князя Дмитрия Лужу и Боровск сверх того приращения его владений, какое вызвано было кончиной княгини Ульяны, а не Галич и Дмитров».[124] Это совершенно не верное заключение из умолчания источника. Докончание 1389 г. не называет Галича и Дмитрова ни в числе владений Дмитрия Донского, ни в составе удела Владимира Андреевича именно потому, что оно считает достаточным уточнить наследственные владения обоих князей и особо оговорить «пожалования» Донского его двоюродному брату;[125] молчаливо подразумевается, что все прочие великокняжеские «примыслы» принадлежат великому князю.

Повторяя статьи прежних договоров относительно самостоятельности территориальной власти каждого из князей, грамота 1389 г. более детально останавливается на разъяснении некоторых положений.

Присмотримся к особенностям текста 1389 г., а затем попытаемся дать им объяснение. Так, выраженный в общей форме запрет покупать села в чужих уделах дополняется в тексте 1389 г. некоторыми специальными постановлениями, ставящими своей целью защиту от расхищения земель слуг под дворским и черных людей: «А хто будет покупил земли данные, служни или черных людей, по отца моего животе по князя великого по Иванове, а те, хто взможет выкупити, ине выкупят; а не взмогут выкупити, ине потянут к черным людем; а хто не въсхочет тянути, ине ся земль съступят, а земли черным людем даром».[126]

О «блюдении (князьями) содиного» и неприеме в службу грамота 1389 г. говорит не только относительно тяглого сельского населения («численных людей», слуг под дворским, черных людей), но и городских жителей (гостей, суконников, городских людей).

Подсудность населения каждого из уделов своему князю, а населения территории великого княжения — великому князю ясно выражена в следующих словах грамоты 1389 г.: «А ударит ми челом мой на твоего, хто живет в твоем уделе, и мне послати к тобе, и тобе ему исправа учинити; а ударит ти челом твой на моего, хто живет в моем уделе и в великом княженьи, и тобе послати ко мне, и мне ему исправа учинити; а за ним слати нам своих бояр».

Разбор судебных дел в Москве предоставлен великому князю или его наместнику. Наместник удельного князя только присутствует на суде и получает свою долю судебных пошлин. Таким образом, решающая роль в московских судах принадлежит великому князю. Но вызов на суд в Москву бояр из уделов осуществляется каждый раз приставом того князя, кому данный боярин служит: «А судов ти московских без моих наместников не судити; а яз иму московскыи суды судити, тем ми ся с тобою делити; а буду опроче Москвы, а ударит ми челом москвитин на москвитина, пристава ми дати, а послати ми к своим наместником,

---

[124] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 175—176.

[125] Лужа и Боровск, как и Городец,— пограничные места с Рязанским княжеством.

[126] Грамота 1367 г. говорила о неприеме в службу и «блюдении содиного» слуг под дворским и черных людей. В тексте 1389 г. два прежних условия: «в службу не приимати» и «блюсти... их содиного» дополнены третьим: «земль их не купити».

ини исправу учинят, а твои наместники с ними; а ударит ми челом хто из великого княженья на москвитина на твоего боярина, и мне пристава послати по него, а тобе послати за своим своего боярина».

Статьи грамоты 1389 г., посвященные вопросу о союзных, политических и военных, договорных взаимоотношениях между великим и удельным князьями, в основном, как это уже было сказано, повторяют нормы докончальных грамот 1367 г. и 1374—1375 гг., а в качестве первоисточника ссылаются на соглашение великого князя Семена Ивановича с братьями 1350—1351 гг. По сравнению с докончанием 1367 г., в договорном акте 1389 г. более четко и определенно сформулировано служебное обязательство удельного князя: «а служити ти мне без ослушанья», вместо формулы 1367 г.: «...служити без ослушанья по згадце, како будеть мне слично и тобе, брату моему молодшему». Служебный договор предоставляет великому князю право призывать удельного с собою в походы и отправлять его вместе с его боярами по военным надобностям: «А коли мне будет самому всести на конь, а тобе со мною; или тя куды пошлю, и твои бояре с тобою».

Подтверждая «вольность» боярской службы, договор 1389 г. одновременно говорит о подвластности бояр и слуг тому или иному из князей в фискальном и военном отношениях по месту жительства. Князья должны «блюсти» чужих бояр, проживающих в их уделах, «как и своих», но имеют право на них «дань взяти, как и на своих». В походы бояре отправляются с воеводами тех князей, на территории которых расположены их земельные владения: «А коли ми будет послати на рать своих воевод, а твоих бояр хто имет жити в моемь уделе и в великом княженьи, тем поехати с моим воеводою, а моим потому же с твоим воеводою».

Последняя статья противоречит договору 1367 г., который тот же вопрос решал в совершенно противоположном смысле, предоставляя боярам право, независимо от места жительства, выступать в походы под «стягом» того князя, которому они служат: «А коли ти будеть всести со мною на конь, а кто будеть твоих бояр и слуг, где кто ни живеть, тем быти под твоим стягом». Последующие докончальные грамоты возвращаются к порядкам, установленным докончанием 1367 г., отступая по указанному вопросу о боярской службе от договорного акта 1389 г.

Очень большое внимание уделяет грамота 1389 г. организации сбора дани для уплаты «выхода» в Орду. Наряду с обычной «ордынской тягостью и протором» договор упоминает «долг бессерменьский и протор», т. е. задолженность великого князя в Орде.[127] Устанавливается точно та доля в «ордынской тягости и проторе» (320 рублей на общую сумму в 5 тысяч рублей, «а прибудет ли, убудет ли, ино по расчоту»), которую Владимир Андреевич вносит со своего удела великому князю, так как только последний производит расчет с Ордой. Предшествующие докончания глухо указывали, что Владимир платит свою долю «по давным свертком». Сбор дани в Москве, московских станах и переварах осуществляется совместно данщиками обоих князей, но вся сумма поступает в казну великого князя, который уплачивает «выход». Договор предусматривает раздел дани в том случае, «оже ны бог избавит, ослободит от Орды». В случае чрезвычайного сбора, когда великий князь привлекает к уплате дани своих «больших»

---

[127] Кроме того, упоминается «русьский долг», который сделал на имя великого князя Дмитрия Ивановича в 1377 г. в Константинополе митрополит Пимен, добиваясь поставления на митрополию: «Пимин же кабалою оною великого князя с своими советники позаимоваша сребро в рост на имя великого князя у фрязь и у бесермень, растет же сребро то и доселе и розсулиша посулы и раздаваша много на все стороны» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 32).

и «путных» бояр, удельный князь также должен «взяти на своих...по кормленью и по путем...» и передать в великокняжескую казну.

Учитывая возможность в будущем междукняжеских распрей, грамота 1389 г., подобно договору 1367 г., говорит о третейском их разборе боярами. Новым является указание на митрополита в качестве третейского судьи. Только если митрополия будет вакантной, выбор «третьего» предоставляется боярам, которые «чинят» «исправу»: «а не будет митрополита в сей земле, ине на третей, кого собе изберут». Последняя фраза указывает, что договор состоялся незадолго до отъезда из Москвы в Константинополь митрополита Пимена (т. е. до 13 апреля 1389 г.).[128]

Многие особенности и отличия договорного текста 1389 г. от предшествующих докончальных грамот станут ясными, если мы рассмотрим его на фоне исторической обстановки 80-х годов XIV в., особенно на фоне русско-ордынских отношений.

В 1382 г. Москва подверглась страшному разорению во время нашествия Тохтамыша. Впечатление от этого разорения отразилось в рассказах летописных сводов: «Бяше бо дотоле видети град Москва велик и чюден, и много людей в нем, кипяше богатством и славою, превыде же вся грады в Русстей земли честию многою, в нем бо князи и святителие живяста; в се же время изменися доброта его, и отыиде слава его, и всея чести во едином часе изменися; егда взят бысть и пожжен, не видети иного ничего же, развее дым, и земля, и трупиа мертвых многых лежаща».[129]

Дальнейшие мероприятия Орды заключались в противодействии объединительной политике Москвы. Тохтамыш поддерживал на Нижегородском княжении противника Москвы князя Бориса Константиновича и, по слухам, предполагал поделить великое княжение между Дмитрием московским и Михаилом тверским («обещевая комуждо дати великое княжение»). Летописец, называя Тохтамыша «царем воложским и всех орд высочяйшим царем», приписывает ему слова, сказанные тверскому князю Михаилу Александровичу о том, что он «поустрашил» своего «улусника» князя Дмитрия Ивановича, после чего тот стал «служить правдою».[130]

В 1384 г. «по всему княжению Московскому» из Орды была наложена «дань велия», так что пришлось собирать «з деревни по полтине, тогда же и златом даваше в Орду».[131]

Становится понятным, почему договорная грамота между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем 1389 г. так детально останавливается на организации сбора дани для уплаты «ордынской тягости» и «долга бессерменьского».

Пристальное внимание к тяглому сельскому и городскому населению, которое проявляет междукняжеский договорный акт 1389 г., объясняется громадным ущербом, нанесенным Московскому княжеству нашествием Тохтамыша, во время которого пострадали и горожане и сельчане. В Москве в то время много «бежиан збежалося с волостей и от иных градов елико прилучившихся в то время, и от стран бояре, сурожане и суконники и прочие купци». Московские храмы были наполнены «богатством всякого товара».— «то все взяша на расхыщение погании».[132] Не случайно в грамоте 1389 г. говорится о «блюдении» гостей, суконников, городских людей. Восстановление экономических сил и финансовой мощи Московского княжества являлось неотложной задачей.

---

[128] ПСРЛ, т. XI, стр. 95.
[129] Там же, стр. 78.
[130] Там же, стр. 84. А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 136—138.
[131] ПСРЛ, т. XI, стр. 85.
[132] Там же, стр. 73, 77.

Я считаю далее, что своеобразное (отличное от предшествующих и последующих договоров) разрешение вопроса о боярской службе (организация полков по месту жительства, независимо от служебного договора) вызвано тем же татарским нападением на Москву в 1382 г. В это время, по словам летописи, в князьях и боярах «обретеся...разность», «бывшу же промежу ими неединачеству и неимоверьству». Великий московский князь Дмитрий Иванович увидел «во князех и в боярех своих и во всех воиньствах своих разньство и распрю, аще же и оскудение воинства».[133] В силу этого Дмитрий пришел к выводу о невозможности сопротивления и, оставив Москву, уехал в Переяславль, а оттуда мимо Ростова в Кострому. Ополчение Владимира Андреевича в это время стояло в Волоколамске, и, судя по летописному рассказу, названный князь являлся сторонником активной борьбы с татарами.

Разногласия по вопросу об обороне, которые вскрылись в 1382 г., очевидно, привели Дмитрия Ивановича по совету с Владимиром Андреевичем серпуховским к мысли о необходимости военной реформы. Она выразилась в том, что в основу формирования полков был положен новый (территориальный) принцип, который должен был сделать армию более боеспособной. Мысль о возможности реванша за московское разорение 1382 г. видна в словах грамоты 1389 г.: «а оже ны бог избавит, ослободит от Орды». Вряд ли можно согласиться с А. Е. Пресняковым, когда он говорит о «полном восстановлении (в конце XIV в.) ордынских связей зависимости и ханского «пожалования»: «В восьмидесятых и начале девяностых годов XIV века великий князь, по-старому, улусник ханский, и санкция его власти ханским ярлыком одна из ее опор».[134]

Наоборот, имеются основания думать, что в 80-х годах XIV в. в Москве назревал план борьбы с татарами при литовской помощи. Сторонником сближения с Ордой являлся с конца 80-х годов старший сын Дмитрия Донского Василий.

§ 6. Московско-литовские докончальные грамоты в княжение Дмитрия Ивановича

Я старался выше показать, что тексты трех договоров великого князя Дмитрия Ивановича и удельного Владимира Андреевича дают материал не только для характеристики взаимоотношений между князьями московского дома, но и рисуют отношения Московского княжества с Тверским, а также раскрывают историю московско-литовских и московско-ордынских связей. Докончальные грамоты московского князя Дмитрия с князьями литовским, тверским и рязанским восполняют картину политических связей Москвы в конце XIV в.

Из документов, касающихся взаимоотношений Москвы и Литовского государства в княжение Дмитрия Ивановича, в московском великокняжеском архиве сохранился один. Это договор о перемирии, заключенный послами великого князя литовского Ольгерда с послами владимирско-московского князя Дмитрия Ивановича.[135] Срок перемирия был установлен в три месяца: «от Оспожына заговенья до Дмитриева дни», т. е. от 31 июля по 26 октября. Но какого года? Для ответа на этот вопрос необходимо присмотреться к истории литовско-русских столкновений в княжение Дмитрия и Ольгерда. Известны три похода Ольгерда на Москву, организованные

---

[133] ПСРЛ, т. XI стр. 72—73.

[134] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 328.

[135] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 5, Опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 50, опись 1626 г., л. 4.

в значительной мере по инициативе тверского князя Михаила. Первый относится к концу 1368 г. Ольгерд выступил вместе со своими сыновьями, братом Кейстутом, племянником Витовтом, «всими князьми литовстими», Михаилом Александровичем тверским и «смоленской силой». Разбив московский сторожевой полк, литовские войска подступили к Москве и подвергли ее трехдневной осаде. Не взяв города, Ольгерд снял осаду, «но остаток (посада) пожже и монастыри, и церкви, и волости, и села попали, а христианы иссече, а ины в полон поведе, иже не успели разбежатися, имение же их пограби, и много зла сътвори, возвратися в землю свою». Вторично Ольгерд двинулся на Москву в конце 1370 г. и в начале декабря подошел к городу. На этот раз осада продолжалась восемь дней и закончилась перемирием, заключенным до конца 1371 г. («до Петрова дни»), хотя Ольгерд настаивал на «вечном мире». В июне 1371 г., в отсутствие великого князя, находившегося в Орде, в Москву явились литовские послы и «докончаша мир», причем тогда же состоялась договоренность о браке Владимира Андреевича серпуховского с дочерью Ольгерда Еленой. В третий раз Ольгерд «в силе тяжце подвижеся...и поиде ратью к Москве» летом (в июне) 1372 г. Этот поход, как и первые два, был предпринят «в думе с князем Михаилом тферским съединого». Неудачный бой под Любутском заставил Ольгерда отказаться от дальнейших враждебных намерений в отношении Москвы и заключить с нею мир.[136]

Обычно исследователи относят рассматриваемую сейчас литовско-московскую докончальную грамоту или к середине 1371 г.[137] или (большинство) к 1372 г.,[138] связывая ее, таким образом, со вторым или третьим походами Ольгерда.

Мне кажется, текст грамоты дает прямые указания на события 1371 г. Литовские послы выступают от имени Ольгерда и Кейстута Гедиминовичей и смоленского князя Святослава Ивановича. Кроме того, в докончальную грамоту вписаны с литовской стороны князья Михаил Александрович тверской, Дмитрий Ольгердович брянский «и те князи, хто будут у князя у великого у Ольгерда в имени его, и у князя великого Святослава такоже». Эти данные вполне соответствуют летописным сведениям о том, что в 1371 г. Ольгерд «поиде... на великого князя Дмитрия Ивановича с силою многою, с ним же брат его Кестутий, и вси князи литовстии, и князь Святослав смоленский с силою смоленскою, и князь Михайло с тферичи».[139]

С московской стороны, среди князей, «хто будут со князем с великим з Дмитрием Ивановичем, и с его братом со князем с Володимером Андреевичем в любви и в докончаньи», упомянуты Олег Иванович рязанский, Владимир Ярославич пронский, Роман новосильский и др. Это следует сопоставить с тем, что во время второго Ольгердова нашествия в 1371 г. на помощь Москве явилась рязанская рать во главе с Владимиром пронским.[140] Интересно, что в московско-литовской договорной грамоте и Олег

---

[136] ПСРЛ, т. VIII, стр. 15—20; т. XI, стр. 10—19; т. XVIII, стр. 108—112.

[137] Так в СГГД, т. I, стр. 52—53, № 3; А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 236, прим. 1. В «Древней Российской Вивлиофике», изд. 2-е, ч. 1, стр. 88—90, № 10, грамота помещена под 1362—1389 гг.

[138] Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. V, изд. 2-е, стр. 34; примечания стр. 15, № 29. С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 1, стб. 966. Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества, М., 1858, стр. 165. И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 227.— Из изложения А. В. Экземплярского невозможно понять, когда же был заключен изучаемый московско-литовский договор, так как об одной и той же грамоте он говорит дважды, связывая ее один раз с походом Ольгерда 1371 г., другой раз — с Любутским сражением (Указ. соч., т. I, стр. 101 и 104).

[139] ПСРЛ, т. VIII, стр. 17.

[140] Там же.

Иванович и Владимир Ярославич, рассматриваемые как московские союзники, именуются «великими» князьями. Мне кажется, это не случайно. Между Олегом и Владимиром шла борьба за великое Рязанское княжение. Московский князь использовал эту борьбу в своих интересах. В середине 1371 г. он еще не знал, кто из рязанских князей захочет быть с ним в союзе и кому он в силу этого сам окажет поддержку. Поэтому в договорном тексте 1371 г. оба они названы «великими» и оба в условной форме записаны в докончание на стороне Москвы. К концу года положение определилось. В декабре 1371 г. произошел разрыв между Дмитрием Ивановичем и рязанским князем Олегом. Последний потерпел поражение от московской рати в бою на Скорнищеве, после чего рязанский великокняжеский стол занял Владимир пронский.[141]

В конце 1370 г., после восьмидневной осады Москвы, Ольгерд заключил с Дмитрием Ивановичем перемирие по июнь («до Петрова дни»). Изучаемый сейчас договор говорит о продлении срока перемирия еще на три месяца. Поскольку вторичный срок считается с 31 июля, очевидно грамота была составлена во второй половине июля. Действительно, летописи говорят, что послы Ольгерда явились в Москву около 15 июля, вскоре после того, как Дмитрий Иванович уехал в Орду.[142] Значит, московско-литовское докончание было оформлено в его отсутствие. Поэтому и печать у грамоты не княжеская, а митрополичья.

Отъезд Дмитрия был вызван тем, что незадолго до него в Орде побывал его соперник князь Михаил Александрович и вернулся оттуда с ярлыком на великое княжение, но не был принят жителями Владимира.

Если учесть эту сложную политическую обстановку, то многое станет ясным в московско-литовской договорной грамоте. Великое княжение именуется «отчиной» Дмитрия Ивановича. Документ вспоминает о «грабежах», совершенных Михаилом Александровичем на великокняжеской территории «на первом перемирьи, на другом и на третьем». Имеется в виду нарушение ряда договорных грамот о перемирии, начиная с 1368 г. Предполагается возможным, что Михаил тверской, заручившись ханским ярлыком, и в дальнейшем начнет «пакостити в нашей отчине, в великом княженьи, или грабити». Московские представители выговаривают право «ведаться» с ним самим и требуют невмешательства Литвы в московско-тверские отношения. Литовский князь не должен считать «изменой» со стороны Москвы высылку из городов великого княжения тверских наместников и волостелей, а в случае отказа последних выехать — их ареста: «а где будет князь Михайло послал в нашю отчину в великое княжение наместники или волостели, и тых ны сослати доловь; а не поедут, и нам их имати, а то от нас не в измену». Это условие имело вполне реальное значение, поскольку наместники Михаила Александровича сидели в Костроме, Мологе, Угличе, Бежецком Верхе.[143]

Грамота указывает далее, что в Орду отправилось московское посольство («пошли в Орду ко царю люди жаловаться на князя на Михаила») и опять-таки настаивает на нейтралитете Литвы в тверском вопросе; этот вопрос будет разрешен в Орде, по договоренности с Мамаем, самими москвичами: «а то есмы в божьей воли и во цареве, как повелит, так ны деяти, а то от нас не в измену».

Очень интересно сопоставить это условие с теми данными, которые можно почерпнуть из летописей о переговорах, веденных Дмитрием Ивановичем в Орде. Переговоры эти закончились благоприятно для Москвы.

---

[141] ПСРЛ, т. VIII, стр. 18; т. XI, стр. 16—17; т. XVIII, стр. 111—112.
[142] ПСРЛ, т. XI, стр. 15.
[143] Там же.

Мамай отпустил Дмитрия «со многою честию» и с ярлыком на великое княжение, а тверскому князю велел передать: «Княжение есми тебе дали великое, и давали ти есмя рать и силу посадити тя на великом княжении, и ты рати и силы нашпа не взял, а рекл есми своею силою сести на великом княжении, и ты седи с кем ти любо, а от нас помощи не ищи».[144]

Из сопоставления приведенного летописного рассказа с текстом грамоты выясняется очень тонкая и умная политика и дипломатия московского правительства. Задача, которую оно перед собой поставило, заключалась в полной изоляции Твери. Для этого нужно было добиться нейтралитета и со стороны Литвы и со стороны Орды и оставить Михаила Александровича без всякой поддержки. Московское правительство действовало по единому, заранее обдуманному плану. Отправляясь в Орду, Дмитрий Иванович поручил Владимиру Андреевичу серпуховскому, митрополиту Алексею и боярам, остававшимся в Москве, склонить послов Ольгерда к тому, чтобы они предоставили Михаила собственным силам; сам Дмитрий аналогичные предложения изложил в Орде и достиг того, что они были приняты.

Обращает на себя внимание еще то обстоятельство, что московско-литовская докончальная грамота предоставляет в пределах великого княжения «путь чист» литовским и смоленским послам и торговцам. С Тверью же Москва не желает иметь никаких дел. О праве проезда через великое княжение для тверских купцов в грамоте нет ни слова, и только в отношении тверских послов московско-литовское соглашение допускает дипломатическую оговорку, обеспечивая им «путь чист»: «А оприсень послов, тферичем нет дел в нашей отчине в великом княженьи». Это условие продиктовано стремлением московского правительства экономически и политически изолировать Тверь, заставить ее отказаться от всяких притязаний на московскую «отчину» — великое княжение.

Таков, как мне представляется, смысл договорной грамоты 1371 г. Если предложенная мною интерпретация ее основных пунктов является правильной, то становится понятным и самое построение документа, на особенности которого исследователи до сих пор не обращали внимания. В самом деле, формуляр договорного акта 1371 г. отличается непоследовательностью. Начало документа как будто говорит за то, что он составлен от имени литовского князя Ольгерда и других союзных князей. «Се яз князь великий Олгерд...(и т. д.)...послали есмы своих послов к брату своему к великому князю Дмитрею Ивановичю... (и т. д.)...Те послове учинили межы нас перемирие...(и т. д.)...А в том докончаньи князь Михайло тферьский...» и т. д. Но в дальнейшем изложение ведется от лица московских представителей: «А что князь Михайло...пограбил в *нашей отчине* в великом княжении...»; «а где будет князь Михайло поехал в *нашю отчину* в велпкое княженье»; «...и тых *ны* сослати доловь...»; «...а то от *нас* не в измену...» и т. д.

Конструкция всей этой второй группы статей выдает их московское происхождение. А по содержанию они отличаются, как говорилось выше, явно антитверским характером. В самом деле, при чтении документа кажется непоследовательным помещение в нем статей, требующих от Ольгерда отказа от всякой поддержки Михаила Александровича тверского, в то время как вначале Михаил указан в тексте докончания в качестве союзника Ольгерда. История текста докончальной грамоты вскрывает причины подобной непоследовательности. Литовские послы явились в Москву с предложением о продлении перемирия или, возможно, даже о заключении «вечного мира», за что высказывался Ольгерд еще в конце

[144] ПСРЛ, т. X, стр. 15.

1370 г. Послы считали нужным включить в мирный трактат всех тех князей, «хто будут у князя у великого у Ольгерда в имени его», и, в первую очередь, Михаила Александровича. Московское правительство выдвинуло свои встречные требования, настаивая на предоставлении ему права самому, без литовского посредничества, уладить московско-тверские дела. На основе предложений обеих договаривающихся сторон был составлен договорный текст, скрепленный крестоцелованием литовских и русских представителей, заверенный двумя печатями: литовской и московской митрополичьей. Противоречия этого текста бросаются в глаза. Иначе и не могло быть, поскольку взгляды Литвы и Москвы на участие в литовско-московском соглашении 1371 г. тверского князя расходились.

Сохранившийся литовско-московский акт 1371 г. носил предварительный характер и подлежал утверждению Ольгерда. Поэтому в него вошла статья, предоставляющая Ольгерду право, не нарушая трехмесячного перемирия, отвергнуть разработанные в Москве условия: «А си грамота аже будет князю великому Ольгерду нелюба, ин отошлет; а хотя и отошлет, а на сем перемирьи и докончаньи межы нас с Ольгердом войны нет до Дмитриева дни». Вероятно, докончание 1371 г., оформленное в Москве, не удовлетворило великого князя литовского, поэтому в следующем, 1372 г. мы видим его снова воюющим на стороне Михаила тверского, против Дмитрия Ивановича.

Докончание 1371 г. является единственным памятником московско-литовских отношений в княжение великого князя Дмитрия, сохранившимся в московском великокняжеском архиве. Остальные документы утрачены; надо думать, вывезены во время польской интервенции начала XVII в. Но опись архива Посольского приказа 1626 г. сохранила сведения об одной копийной книге, составленной при Иване III,[145] в которую вошли не сохранившиеся до нашего времени материалы, касающиеся связей Москвы с Литовским государством за 70—80-е годы XIV в.

Данные названной копийной книги, неизвестные до сих пор исследователям, прежде всего подтверждают представление о тексте только что рассмотренной литовско-московской докончальной грамоты как договоре, заключенном в Москве в 1371 г. боярским правительством и митрополитом Алексеем с литовскими послами. Опись 1626 г. так характеризует список с интересующего нас документа: «докончалная грамота Олексея митрополита всеа Русии с послы великого князя Ольгерда, как они приходили к великому князю Дмитрею».[146]

Знакомство с описью 1626 г. совершенно исключает возможность датировки изучаемого литовско-московского докончания 1372 годом и опровергает доводы тех исследователей, которые пытаются связать этот документ с обстоятельствами московско-литовского сражения под Любутском. Дело в том, что опись 1626 г. упоминает о списке московско-литовского договора, заключенного после боя под Любутском, совершенно определенно отличая его от текста докончания, оформленного в Москве в 1371 г. митрополитом Алексеем и боярами: «грамота докончалная Олгердова с великим князем Дмитреем Ивановичем под Любуцком».[147]

Опись 1626 г. вносит поправки в хронологию событий начала 70-х годов XIV в., предложенную А. Е. Пресняковым. Из летописей мы знаем, что посольство Ольгерда, посетившее Москву в июле 1371 г., договорилось по вопросу о женитьбе Владимира Андреевича серпуховского на Елене Ольгердовне. Но самый брак Пресняков относит к 1372—1373 гг., ко

---

[145] Об этом см. гл. IV.
[146] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., лл. 4 об.— 5.
[147] Там же, л. 6—6 об.

времени после Любутского боя.[148] Однако в описи 1626 г. рядом с договором, заключенным Дмитрием Ивановичем с Ольгердом под Любутском, назван документ, из которого совершенно ясно видно, что в момент оформления Любутского соглашения Владимир Андреевич был уже женат и что, следовательно, его брак состоялся в 1371 г., непосредственно после визита в Москву литовских послов: «Да тут же грамота от великого князя от Ольгерда и от великого князя от Кестутья к свату их к великому князю Дмитрею Ивановичю и к зятю их ко князю Володимеру Ондреевичю о росправном деле».[149]

Особенно интересны данные описи 1626 г. о тех документах по истории московско-литовских отношений, вошедших в копийную книгу конца XV в., которые относятся ко времени после смерти Ольгерда (в 1377 г.), так как подлинные тексты их до нас не дошли.

Эти документы свидетельствуют о том, что великий князь Дмитрий Иванович стремился использовать борьбу между сыновьями Ольгерда в конце 70-х годов XIV в., для того чтобы привлечь некоторых из них на свою сторону и принять на московскую службу. Сторонником подобного сближения с литовскими князьями и организации при их помощи борьбы с татарами являлся серпуховской князь Владимир Андреевич, литовские связи которого поддерживались через его женуЕлену Ольгердовну. Опись 1626 г., говоря о копийной книге с литовскими документами, называет неизвестную исследователям «грамоту докончалную великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича с великим князем Ондреем Олгердовичем да...[ответную] грамоту докончалную великого князя Ондрея Олгердовича с великим князем Володимером Ондреевичем, а князь Володимер кончал за брата своего за князя Дмитрея Ивановича, а которого году, того ни в одной грамоте не объявилось».[150] Андрей Ольгердович — князь полоцкий, сын Ольгерда от первого брака. После смерти Ольгерда начался мятеж среди литовских Гедиминовичей, вызванный передачей Ольгердом своему сыну от второй жены Иулиании (урожденной княжны тверской) Литовского великого княжения. В связи с этим Андрей Ольгердович в 1377 г. ушел из Полоцка в Псков, где он княжил и раньше, в качестве наместника Ольгерда, а оттуда явился в Москву к Дмитрию Ивановичу, который «приат его в любовь». В 1379 г. на московскую службу перешел и другой Ольгердович — Дмитрий, князь брянский, также принятый «в любовь» и получивший в держание Переяславль. Оба Ольгердовича активно выступали во время Куликовской битвы на стороне великого князя Дмитрия Ивановича.[151]

Недошедшие до нас, но упомянутые описью 1626 г. докончальные грамоты Андрея Ольгердовича с великим князем Дмитрием и Владимиром Андреевичем серпуховским можно было бы отнести к 1377 г., когда Андрей Ольгердович приехал в Москву. Но, сопоставляя сведения об этих документах с другими данными той же описи, я прихожу к несколько иному выводу. В середине 80-х годов, после нашествия Тохтамыша, Дмитрий Донской завязывает непосредственные связи с великим литовским князем Ягайлом Ольгердовичем. Опись 1626 г. называет документ, который до сих пор не знали исследователи: «докончальную грамоту великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича с великим князем Ягайлом и з братьею ево, и со князем Скиригайлом, и со князем Карибутом; и против того другую грамоту великого князя Ягайла и брата его Скиригайла и Карибута, как они докончали и целовали крест великому

[148] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 304, прим. 2.
[149] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., л. 6.
[150] Там же, л. 5 об.
[151] ПСРЛ, т. VIII, стр. 33, 34, 36.

князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Володимеру Ондреевичю и их детем лета 6902 [6892?]-го году.[152] Итак, в 1384 г. состоялся договор Дмитрия Донского с Ягайлом.

Оказывается, предполагался брак Ягайла с дочерью московского князя. На этот счет состоялось специальное соглашение Дмитрия Донского с матерью Ягайла, вдовой Ольгерда — Иулианией Александровной (дочерью тверского князя Александра Михайловича). Сведения об этом документе, также совершенно не знакомом исследователям, сообщает все та же опись 1626 г.: «Грамота великого князя Дмитрея Ивановича и великие княгини Ульяны Олгердовы, докончанье о женитьве великого князя Ягайла Олгердова, женится ему у великого князя Дмитрея Ивановича на дочери, а великому князю Дмитрею Ивановичю дочь свою за него дати, а ему великому князю Ягайлу быти вь их воле и креститися в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди».[153]

Эти широкие планы московско-литовского сближения не осуществились. Польское влияние при дворе Ягайла пересилило русское и привело к браку Ягайла с Ядвигой и к Кревской унии Литвы с Польшей 1386 г.[154]

Документы московского великокняжеского архива, которые могли бы осветить московские переговоры с Литвой середины 80-х годов XIV в., очевидно, все были вывезены во время польской интервенции в начале XVII в. И только случайные сведения описи 1626 г., основанные на просмотре копийной книги конца XV в., приоткрывают завесу над этой интересной страничкой из истории московско-литовских отношений при Дмитрии Донском.

К тому же времени, к 1384—1385 гг., я считаю наиболее правильным отнести и упомянутое выше докончание Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича с Андреем Ольгердовичем. В 1381 г. Андрей Ольгердович, в связи с борьбой, поднятой против Ягайла его дядей Кейстутом, вернулся в Полоцк, где остался и после победы Ягайла. Соглашение с ним Дмитрия Донского и Владимира серпуховского намечало путь к сближению с Ягайлом.

§ 7. Договорные грамоты великого князя Дмитрия Ивановича с тверским и рязанским князьями

В московском архиве отсутствуют оригиналы московско-тверских и московско-рязанских докончальных грамот. Сохранились лишь в списках конца XV в. докончания Дмитрия Ивановича с Михаилом Александровичем тверским[155] и Олегом Ивановичем рязанским.[156] Правда, в отношении последнего текста в литературе имеется предположение, высказанное А. Е. Пресняковым, что это «проект договора, составленный в Москве, не утвержденный и не вошедший в силу». Автор делает такое заключение из отсутствия печатей на документе.[157] Но стоит внимательнее присмотреться к тексту, чтобы убедиться в ошибочности этой точки зрения. И почерк, и бумага ведут нас ко времени княжения Ивана III, к 90-м годам XV в.[158] Перед нами — копия с утраченного сейчас оригинала, снятая по предписанию Ивана III. То же следует сказать и относительно московско-тверского договорного акта.

---

[152] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., лл. 5 об.— 6.

[153] Там же, л. 5.

[154] Об этом см. подробнее в гл. IV.

[155] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 3. Опись архива Посольского приказа 1626 г., л. 7.

[156] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 6. Опись архива Посольского приказа 1626 г., л. 4 об.

[157] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 241, прим. 3.

[158] Водяной знак — голова быка (по Н. П. Лихачеву № 1278). Об этом см. гл. IV.

Докончальная грамота Дмитрия Ивановича с Михаилом Александровичем значится в «Собрании государственных грамот и договоров» под 1368 г.,[159] хотя совершенно очевидно, что она была оформлена в 1375 г.,[160] после похода Дмитрия на Тверь. По словам летописей, Михаил Александрович, осажденный в Твери войском великого князя Дмитрия Ивановича и не получивший поддержки из Литвы, на которую он рассчитывал, чувствуя безнадежность сопротивления, послал к Дмитрию владыку Евфимия и «старейших бояр...с покорением и с челобитьем, прося мира и даяся в всю волю великого князя». Последний «взя мир с князем Михаилом Александровичем на всей своей воле, и грамоты пописав, отъиде прочь от града».[161] Список с московского противня этого докончания с «крестоцелованием» Михаила и сохранился в Государственном древлехранилище.

Мне кажется, что значение московско-тверской докончальной грамоты 1375 г. еще не расценено в должной мере в исторической литературе. Ее смысл не только *в закреплении победы Москвы над Тверью,* но и в признании московского князя *руководителем общерусской политики.* В 1371 г. в переговорах с Литвой и Ордой Москва стремилась изолировать Тверь, чтобы подчинить ее себе. Сейчас Дмитрию Донскому удалось добиться поражения своего давнего и сильного соперника — тверского князя. Он использовал это поражение для того, чтобы выработать договорный текст, в котором московско-тверские взаимоотношения рассматривались бы в плане общерусских интересов, защищаемых великим князем владимирским и московским перед Ордой и Литвой.

Общерусские политические начала ярко выражены в одной договорной статье, которая гласит: «А князи велиции крестьянстии и ярославстии с нами один человек». Поход на Тверь 1375 г. представлял собой действительно общерусское предприятие, в котором приняли участие князья суздальско-нижегородские, ярославские, городецкий, ростовские, белозерский, моложский, стародубский, смоленский, брянский, кашинский, новосильский, оболенский, тарусский и др.[162] Союз этих князей под верховенством великого князя владимирского и московского был закреплен в договорном тексте 1375 г., согласно которому и в дальнейшем, в случае «обиды», причиненной Михаилом тверским кому-либо из «князей велиць крестьянстих», Дмитрий Иванович, «дозря их правды», обещает «боронитися с ними...от Михаила содиного».

Чрезвычайно интересно, что в общерусский союз включен и князь смоленский. В докончании имеется следующая статья: «А пойдут на нас Литва, или на смоленьского на князя на великого, или на кого на нашу братью на князей, нам ся их боронити, а тобе с нами всим содиного». В тексте соглашения Москвы с литовскими послами 1371 г. князь смоленский выступал на стороне Ольгерда. Таким образом, изучаемый документ 1375 г. выходит из узких рамок московско-тверского соглашения и перерастает в план согласованного поведения русских князей в отношении Литвы и Орды. С этим надо сопоставить то, что говорилось в предыдущем параграфе о попытках привлечения московским князем в 70-х годах XIV в. на свою сторону некоторых из литовских князей.

---

[159] СГГД, т. I, стр. 46—49, № 28.

[160] Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. V, изд. 2-е, стр. 41—43. С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 969. В. С. Борзаковский. История Тверского княжества, СПб., 1876, стр. 162. И. И. Срезневский. Указ. соч., СПб., 1882, стр. 231. А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. I, стр. 107; т. II, стр. 493, прим. 1492. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 211, прим. 8. В «Древней Российской Вивлиофике» (изд. 2-е, ч. 1, стр. 78—86, № 8) указаны широкие хронологические рамки: 1362—1378 гг.

[161] ПСРЛ, т. VIII, стр. 23; т. XI, стр. 23; т. XVIII, стр. 116.

[162] ПСРЛ, т. XI, стр. 23.

Правильность предложенной интерпретации смысла докончания 1375 г. подтверждается также тем, что и в Орде и в Литовском государстве события, связанные с тверской осадой, рассматривали как попытку общерусского объединения, представлявшую угрозу для западных и восточных соседей Руси. Литовский князь и Мамай, очевидно, не сговариваясь между собой, старались этой попытке помешать. Войска Мамая, вскоре после поражения Михаила тверского, приходили под Нижний-Новгород и Новосиль «глаголюще: почто естя воевали Тверь?» В наказание за участие в тверском походе татары «попленища» «всю землю Новагорода Нижнего и с многим полоном возвратишася в Орду». Та же участь постигла и Новосильское княжество. В свою очередь, Ольгерд Гедиминович «всю землю Смоленскую повоева и поплени, и грады многи Смоленскиа взя и пожже, и люди в полон поведе» за ту же самую вину: «почто естя ходили воевати князя Михаила тверского?»[163]

Итак, вопрос о московско-тверских отношениях в середине 70-х годов XIV в. расценивался русскими соседями с точки зрения роста объединительных тенденций в среде русских княжеств, группировавшихся вокруг Москвы.

В качестве главы союза русских князей Дмитрий Иванович предъявил в грамоте 1375 г. «вотчинные права» на великое княжение Владимирское. В этом отношении он проводил ту точку зрения, которая была им выдвинута еще в 1371 г., в договоре с послами Ольгерда Гедиминовича. Михаилу было предъявлено условие: «Вотчины ти нашие Москвы и всего великого княженья и Новагорода Великого блюсти и не обидети; а вотчины ти нашие Москвы и всего великого княженья и Новагорода Великого под нами не искати и до живота, и твоим детем и твоим братаничем».

Специальная статья докончания обязывала Михаила не соглашаться на предложения татар, если они, в целях «свады» его с московским князем, предложат ему ярлык, подтверждающий великокняжеские права. Со своей стороны, Дмитрий Иванович обещал не принимать из рук татар Тверского княжества, признавая его «вотчиной» Михаила. Известно, что поводом для московского похода на Тверь в 1375 г. послужило получение тверским князем у Мамая ярлыка на великое Владимирское княжение. По договорным условиям 1375 г. великокняжеское достоинство закреплялось за московским домом. Политике Орды с раздачей ярлыков на великокняжеские права докончальная грамота противопоставляла добровольный отказ от этих прав со стороны тверского князя в пользу московского.

В состав великого княжения договорный акт 1375 г. включал и Новгород. Тверской князь «целует крест» на имя великого князя Дмитрия Ивановича, князя Владимира Андреевича и Великого Новгорода. Помета на обороте изучаемого документа, сделанная более поздним почерком, отмечает наличие на оригинале новгородских печатей: «Сесь список с записи со Тферские за новгородскими печатми великого князя Дмитрея Ивановича». Новгородские войска участвовали в осаде Твери,и в тексте договорной грамоты Дмитрий внес пункт о принадлежности Новгорода к своей «вотчине».[164]

Тверской князь был лишен права самостоятельных политических действий в отношении Орды и Литвы. Вопрос о том, поддерживать ли мир с Ордой, уплачивать ли ей «выход» — должен был разрешаться по «думе» с Дмитрием Ивановичем. Наступательные и оборонительные действия против татар предпринимаются по решению великого князя: «А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тобе соединого всем противу

[163] ПСРЛ, т. XI, стр. 24.
[164] Об этом см. в гл. V.

их; или мы пойдемь на них, и тобе с нами содиного пойти на них». Михаил обещал «сложить целованье» к Ольгерду и другим Гедиминовичам и активно участвовать в обороне от них русских княжеств и в военных походах в Литву.

В целях ослабления Тверского княжества и подрыва авторитета великого князя тверского московское правительство добилось провозглашения независимости от Твери Кашинского удела и поставило его, в числе других русских княжений, в непосредственные отношения к Москве. В частности, уплата кашинским князем «выхода» в Орду должна была совершаться помимо тверского князя. «А в Кашин ти ся не вступати, и что потягло х Кашину, ведает то вотчичь князь Василей; ни выходом не надобе тобе ко Тфери Кашину тянути; а его ти не обидети; а имешь его обидети, мне его от тобе боронити». Это условие было одним из проявлений стремления Дмитрия московского объединить под своим верховенством русских князей. С конца 60-х — начала 70-х годов XIV в. кашинский князь Михаил Васильевич, женатый на дочери Семена Ивановича московского Василисе, не раз «складывал крестное целование» к Михаилу тверскому и переходил на сторону Москвы.[165]

Сам Михаил Александрович тверской по условиям докончальной грамоты 1375 г. переходит на положение «молодшего брата» Дмитрия Ивановича, равного по месту, занимаемому на лестнице феодально-иерархических отношений, Владимиру Андреевичу серпуховскому. Он берет обязательство выступать в походы вместе с Дмитрием и Владимиром и посылать своих воевод с его воеводами.

Интересно, что в качестве третейского судьи по спорным делам между московским и тверским князьями грамота 1375 г. называет рязанского князя Олега. Я ставлю это в связь с тем, что в тексте московского договора с литовскими послами 1371 г. Олег указан «в любви и в докончаньи» с Дмитрием Ивановичем. В том же 1371 г., в связи с соглашением между Москвой и представителями Ольгерда, как будет указано ниже, повидимому, был заключен и московско-рязанский договор.

Согласно договорной грамоте 1375 г., Москва возобновила торговые отношения с Тверью, о расторжении которых говорил московский договор с литовскими послами 1371 г. Было решено дать «путь чист» гостям и купцам и вернуться к «старой пошлине» по взиманию мыта и других торговых сборов.

Территориальные и владельческие отношения между владимирским и московским князем, с одной стороны, тверским — с другой строятся на тех же началах, что и взаимоотношения между Дмитрием Ивановичем и его «молодшим братом» Владимиром Андреевичем. Соблюдая право боярского отъезда, договор 1375 г. особо оговорил, что договаривающиеся князья могут подвергнуть наказанию тех из своих бояр, кто оказался виновным в измене во время прошлой московско-тверской войны. «А кто будет служа нам, князем, а вшол в каково дело, а того поискав своим князем, а того своим судьям опчим не судити». Взаимное княжеское обязательство «не вступаться» в земли отъехавших бояр докончальная грамота 1375 г. не распространяет на села изменивших московскому князю Некомата Сурожанина и сына тысяцкого Ивана Васильевича Вельяминова, которые были конфискованы Дмитрием Ивановичем.

Детально предусмотрены соглашением 1375 г. последствия московско-тверской войны 1375 г., связанные с формами и сроками возвращения полона и возмещения убытков, причем не только Москве, но и Новгороду.

Близок по своему общему характеру к московско-тверскому доконча-

---

[165] ПСРЛ, т. VIII, стр. 19; т. XI, стр. 12, 17, 19, 20.

нию 1375 г. также договор великого князя Дмитрия Ивановича с рязанским князем Олегом Ивановичем начала 80-х годов XIV в. Он не отличается такою распространенностью, как только что рассмотренная грамота, уделяющая много внимания подробностям военного столкновения между Москвой и Тверью. Но основной *формуляр* московско-рязанского соглашения совпадает с договором Москвы с Тверью. Дмитрий Иванович — «брат старейший», Олег Иванович — «брат молодший». Каждый из князей «блюдет» «вотчину» другого, причем «великое княжение» считается «вотчиной» Дмитрия Донского. Олег обязуется «сложити целованье к Литве» и отказывается от права самостоятельной внешней политики. «Любовь» и «нелюбовь» с Литвой, «мир» или «немир» с татарами, «данье» татарам — устанавливаются Олегом в соответствии с решениями великого князя Дмитрия Ивановича и его брата Владимира Андреевича. Спорные княжеские дела разрешаются «вопчим судом». Торговый и таможенный союз между княжествами великим Владимирским и Московским — с одной стороны, Рязанским — с другой выражаются в условиях «держать мыты давныи пошлыи», «не замышляти непошлых мытов...вывода... и рубежа». Точно указана граница («роздел земель») великому княжению, московским и коломенским волостям с рязанской территорией, причем некоторые пункты на последней уступлены Олегом Дмитрию Ивановичу. Особо отмечены также «татарские места», завоеванные Дмитрием или Олегом и, согласно грамоте, остающиеся в их владениях.

Московско-рязанский договор исследователи обычно относят, вслед за «Собранием государственных грамот и договоров», к 1381 г.[166]

Основание для датировки документа дает прежде всего указание на то, что он составлен «по благословленью» митрополита Киприана. Последний пришел в Москву на митрополию в мае 1381 г., а в конце 1382 г. был выслан Дмитрием Ивановичем в Киев, затем поехал в Царьград и вернулся из Царьграда обратно уже после смерти Дмитрия.[167]

Датируя московско-рязанскую докончальную грамоту 1381 годом, исследователи считают, что поводом для ее оформления послужило поведение Олега рязанского в 1380 г., во время похода Дмитрия Ивановича против Мамая и сражения на Куликовом поле. Олег вошел в сношения с Мамаем и Ягайлом литовским и не выставил своих войск великому князю. После Куликовской битвы Дмитрий Донской решил «послати рать свою на князя Олега», но приехавшие в Москву рязанские бояре сообщили, что Олег бежал (очевидно, в Литву), и обратились к Дмитрию с челобитьем не предпринимать военных действий. Тот ограничился отправкой в Рязань наместников,[168] а по возвращении Олега, добавляют исследователи, заставил его заключить договор на невыгодных для него условиях. Однако текст московско-рязанского докончания, рассматриваемый в свете летописных данных, скорее ведет нас к 1382 г. как времени своего возникновения.

Во второй половине 1382 г. произошло нашествие на Русь Тохтамыша. Олег рязанский, желая отвести удар от своих владений, по словам летописца, «царя обведе около своея отчины земли Рязанскиа... своему княжению помогаше». Летопись говорит, что рязанский князь давал советы

---

[166] СГГД, т. I, стр. 53—55, № 22. С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 1, стр. 984. А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 587. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 241, прим. 3. Н. М. Карамзин относит грамоту к 1380 г. (Указ. соч., изд. 2-е, т. V, стр. 77), И. И. Срезневский — к 1381—1382 гг. (Указ. соч., стр. 246). В «Древней Российской Вивлиофике» (изд. 2-е, ч. 1, стр. 90—94, № 11) указана дата в пределах с 1378 по 1389 г.

[167] ПСРЛ, т. VIII, стр. 42.

[168] Там же, стр. 41.

Тохтамышу, «како пленити землю Русскую, и како без труда взяти камен город Москву, и како победити и изнимати великого князя Дмитрия Ивановича».[169] Тем не менее, на обратном пути от Москвы татарские войска разорили территорию Рязанского княжества. А затем Рязанское княжество подверглось вторичному разорению уже со стороны московской рати, оказавшейся «пуще» татарской, учинившей «землю его (рязанского князя) до остатку пусту» и заставившей самого его снова бежать (надо думать, как и в первый раз, в Литву).[170]

После разорения Москвы Тохтамышем Орда снова прибегает к излюбленной политике в отношении Москвы, противопоставляя ей другие княжества и тем мешая объединению русских земель под властью московского князя.[171] В 1382 г. в Орду отправился, в надежде на получение ярлыка на великое княжение, Михаил Александрович тверской с сыном, «а поидоша не прямицами, но околицею, и не путьмя, опасаяся и таяся великого князя Дмитрея Ивановича, ища себе великого княжениа Володимерского и Новогородцкого».[172] В Орду же поехал за ярлыком на великое княжение Нижегородско-Суздальское старый враг Москвы Борис Константинович городецкий. Политическая обстановка становилась тревожной для Москвы. Ввиду распада московско-тверского соглашения 1375 г. естественно было подумать о том, чтобы связать аналогичным договором Рязань. В октябре 1382 г. Дмитрий Иванович вызвал митрополита Киприана в Москву из Твери, где тот находился во время осады Москвы Тохтамышем.[173] По возвращении Киприана и могла быть оформлена докончальная грамота московского князя с Олегом (вероятно, вернувшимся к тому времени из Литвы), обязавшая последнего отказаться от самостоятельной внешней политики и подчинить ее московским интересам.

Против моего предположения как будто можно возразить, принимая во внимание одно место из договорного текста: «А что ся ни деяло дотоле, как есмя целовали крест, тому всему погреб до спасова преображенья дни за четыре дни; а суд вопчий межи нас от того празника всему». Смысл этой статьи заключается в том, что «вопчий суд» разбирает только те спорные дела между договаривающимися князьями, которые возникнут после их «крестоцелования», именно после праздника преображения (6 августа). Но в августе 1382 г. изучаемый договор не мог быть заключен, так как в это время как раз Тохтамыш организовал поход на Москву. Следовательно, приходится как будто принять для изучаемого договорного акта дату — 6 августа 1381 г.

Я считаю, однако, что, говоря о княжеском «крестоцеловании» «до спасова преображенья дни за четыре дни», докончальная грамота имеет в виду *не тот договор, текст которого записан в ней самой, а какое-то соглашение прежних лет.* Князья условились, что «вопчий суд» рассмотрит все их конфликты, начиная с определенного момента *в прошлом,* когда ими было оформлено какое-то докончание, но при этом они вовсе не имели в виду *настоящего докончания,* так как тогда речь могла бы итти только *о будущих спорах,* а это из текста грамоты вовсе не вытекает. Напротив, непосредственно перед цитированной выше статьей в ней говорится: «А что князь великий Дмитрий и брат князь Володимер билися на Дону с татары, от того времени что грабежь, или что поиманые люди и у Дмитрия, и у его брата князя Володимера, тому межи нас суд вопчий отдати по исправе». На первый взгляд получается противоречие: с одной стороны,

---

[169] ПСРЛ, т. VIII, стр. 43.
[170] Там же, стр. 47; т. XI, стр. 81.
[171] А. Н. Насонов, Указ. соч., стр. 136.
[172] ПСРЛ, т. XI, стр. 81.
[173] Там же.

все претензии, относящиеся ко времени до настоящего договора (если речь идет о договоре 1381 г. или — по моему предположению — 1382 г.), предаются забвению («тому всему погреб»); с другой стороны, считается обязательным возврат награбленного во время московско-рязанских ссор в связи с событиями Куликовской битвы (1380). Примирить это противоречие можно только при условии допущения, что под августовским докончанием имеется в виду договор не 1381 г., а более ранний.

Я считаю наиболее вероятным, что «крестоцелование» «до спасова преображенья дни за четыре дни» происходило в 1371 г. В конце июля этого года, как говорилось выше, литовские послы договорились в Москве с боярским правительством, возглавляемым митрополитом Алексеем, об условиях трехмесячного перемирия, причем в текст докончальной грамоты был включен, *в качестве союзника Москвы*, и Олег рязанский. Но упоминание его имени носило условный характер. Предполагалось, что в ближайшее время будут выяснены московско-рязанские взаимоотношения и выявлена политическая позиция, которую пожелает занять рязанский князь. Весьма вероятно, что в начале августа 1371 г., в связи с московско-литовским соглашением, в Москве было оформлено и докончание с Олегом Ивановичем. Именно на него ссылается грамота 1382 г.

Подтверждение моей мысли я нахожу в тексте более позднего договорного акта великого московского князя Василия Дмитриевича с рязанским князем Федором Ольговичем 1402 г., в котором читаем: «...что будеть в моей отчине того полону, коли была рать отца моего великого князя Дмитрея Ивановича на Скорнищеве у города, и тот мой полон отпустити...»[174] Сражение между московскими и рязанскими военными силами на Скорнищеве произошло в декабре 1371 г. Возникает естественный вопрос: почему грамота 1402 г., написанная через 30 лет после Скорнищевского боя, останавливается на его последствиях, а близкий к этому событию документ 1382 г. обходит его полным молчанием? По-моему, ответ может быть только один: московско-рязанская договорная грамота 1382 г. выработала общее положение, согласно которому все претензии, возникшие у любой из договаривающихся сторон с момента заключения августовского соглашения 1371 г., подлежат рассмотрению «вопчего суда». В силу этого не было надобности особо оговаривать возмещение убытков, понесенных обеими сторонами в декабре 1371 г. Московско-рязанский договор 1402 г. установил иную давность для третейского разбирательства междукняжеских конфликтов, решив предать забвению все дела, относящиеся к княжению Дмитрия Донского и своевременно не возбужденные: «А суд вопчи межи нас по приставленью отца моего великого князя Дмитрея Ивановича». При таком положении естественно было упомянуть об отпуске полонянников, захваченных как москвичами, так и рязанцами во время Скорнищевской битвы, относящейся еще ко времени Дмитрия Ивановича.

Если правильно мое предположение о существовании московско-рязанского докончания от августа 1371 г., на текст которого ссылается договорный акт 1382 г., то мы получаем новый материал для характеристики политики московского правительства в 70-х годах XIV в. В 1371 г. Дмитрий Иванович, добиваясь путем переговоров с Литвой и Ордой, полной изоляции Твери, в то же время искал союза с Рязанью на основе подчинения ее внешней политики своим интересам. Содержание несохранившейся московско-рязанской докончальной грамоты 1371 г., насколько мы можем о нем судить по договорному тексту 1382 г., совпадает в ряде наиболее существенных пунктов с условиями соглашения между Москвой

---

[174] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 11. СГГД, т. I, стр. 67.

и Тверью 1375 г. Эта близость свидетельствует об общности тех задач, которые были поставлены московским правительством в отношениях с Тверским и Рязанским княжествами.

Но в конце 1371 г., после августовского соглашения, между Москвой и Рязанью произошел разрыв, закончившийся военным столкновением на Скорнищеве. Исследователям были не вполне понятны причины этого конфликта. Я считаю, что на них может пролить свет сравнительный анализ договорных текстов, заключенных московским правительством с Литвой в 1371 г., с Тверью — в 1375 г., с Рязанью — в 1382 г. (на основе соглашения 1371 г.). Выше уже было указано, что в договорных условиях с литовскими послами и рязанский князь Олег, и его противник Владимир пронский названы «великими князьями». Мне это кажется не случайным. Я думаю, что Дмитрий Иванович стремился, порвав зависимость Пронского удела от Рязанского великого княжения, поставить его в непосредственные отношения к Москве, подобно тому, как в 1375 г. он провозгласил независимость Кашинского удела от Твери. Вероятно, в договоре 1371 г. между Москвой и рязанским князем Олегом Ивановичем содержалась (как и в московско-тверском докончании 1375 г.) статья, устанавливающая самостоятельность до сих пор зависимого от него удельного (Пронского) княжения. Именно это условие, надо думать, и вызвало осложнения в московско-рязанских отношениях в конце 1371 г. Не случайно после боя на Скорнищеве Дмитрий Иванович посадил на великом Рязанском княжении Владимира Ярославича пронского.[175]

В 1372 г. Олег вернул себе Рязань, и в 1375 г. он выступает в качестве третейского судьи по спорным делам между Москвой и Тверью. В 80-х годах XIV в. Олег Иванович вошел в сношения с Ягайлом литовским, Мамаем, Тохтамышем и оказывал им поддержку в борьбе с Москвой. Лишь в 1382 г. великий князь Дмитрий Иванович вернул Олега к прежним отношениям зависимости, установленным еще договором 1371 г.

§ 8. Духовные грамоты великого князя Дмитрия Ивановича

Сохранились две духовных грамоты великого князя Дмитрия Ивановича. От первой грамоты уцелел только конец.[176] Из него ясно, что завещание было «явлено» митрополиту Алексею, который привесил к нему свою печать.[177] На основании дошедшего до нас фрагмента памятника трудно судить о времени его возникновения и о его содержании. Во всяком случае дата, под которой документ помещен в «Собрании государственных грамот и договоров» (1371),[178] не может быть принята, так как в духовной упоминается сын Дмитрия Ивановича Василий, родившийся 30 декабря 1371 г.[179] Таким образом, духовная была написана в период времени с 1372 г. по 1378 г., когда умер митрополит Алексей.[180] Сознавая всю недостаточность имеющихся данных для датировки памятника, я считаю наиболее правильным отнести его к 1375 г., ко времени перед походом Дмитрия на Тверь. Это был год тревожный для Москвы. У великого князя произошло «розмирие» с Мамаем. В самой Москве открылась измена. Сын тысяцкого Иван Васильевич Вельяминов и Некомат Сурожанин перебежали в Тверь,

---

[175] ПСРЛ, т. VIII, стр. 19.

[176] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 6.

[177] К грамоте привешены две печати: митрополита Алексея и самого Дмитрия Ивановича.

[178] СГГД, т. I, стр. 51, № 30.

[179] ПСРЛ, т. VIII, стр. 19.

[180] И. И. Срезневский глухо датирует духовную временем до 1378 г. (Указ. соч., стр. 237).

к Михаилу Александровичу и были им отправлены в Орду за ярлыком на великое Владимирское княжение. Организуя поход на Тверь, Дмитрий Иванович был готов встретиться с соединенными силами тверскими, татарскими и литовскими. Это подчеркивает летописец, рассказывая о событиях 1375 г.: Михаил тверской «приводил ратью зятя своего, великого князя литовского Олгерда Гедиминовича и много зла христианом сътвори, а ныне сложися с Мамаемь, и со царемь его, и со всею Ордою Мамаевою, а Мамай яростию дышит на всех нас, и аще сему попустим, сложився с нами, имать победити всех нас».[181] В такой угрожающей для Москвы обстановке и могла быть написана первая духовная Дмитрия. Приведу два аргумента в пользу предложенной мною датировки. Во-первых, в грамоте, кроме Василия Дмитриевича, упомянуты другие дети Дмитрия Ивановича, правда не названные по именам. В ноябре 1374 г. у великого князя родился сын Юрий, будущий князь галицкий.[182] Вероятно, духовная составлена после его рождения. С другой стороны, на некоторые соображения может навести сопоставление печатей при двух духовных Дмитрия Ивановича. Имя князя на второй из них сопровождается титулом: «великий князь всея Руси». На первой печати — «великий князь». Это, по-моему, указывает на появление первой духовной до победы над Тверью, после которой московский князь в договоре, заключенном со своим соперником, выступает в качестве главы союза русских князей: «А князи велиции крестьянстии и ярославьстии с нами один человек».

Наконец, следует сопоставить первую духовную Дмитрия со вторым договором этого князя с Владимиром Андреевичем серпуховским, который я также отношу к 1374—1375 гг. В этой докончальной грамоте о великокняжеском семействе говорится в таких же выражениях, какими пользуется и духовная Дмитрия: сын Василий и дети. Связь между завещанием московского князя и его докончанием со своим двоюродным братом дает право на интересные выводы. Дмитрий Иванович, готовясь к войне с Тверью, борьбе с которой он придавал большое значение в своей объединительной политике, постарался устроить московские дела: договорился по ряду вопросов с Владимиром Андреевичем серпуховским и составил завещание на случай смерти.

Вторая духовная грамота Дмитрия Донского[183] поддается точной датировке. Поскольку в числе владений, передаваемых великим князем своим сыновьям, фигурируют Дмитров и Галич, завещание не могло быть написано ранее 25 марта 1389 г., когда договор между великим князем Дмитрием и Владимиром Андреевичем закрепил принадлежность Галича и Дмитрова Москве. Из отсутствия упоминания в тексте духовной о митрополите Пимене, а также из того, что при документе нет митрополичьей печати, можно заключить о его появлении после 13 апреля 1389 г., когда Пимен уехал из Москвы.[184] Во время оформления завещательного акта великий князь ожидал рождения сына: «а даст ми бог сына...» Последний сын, Константин, родился 16 мая 1389 г.,[185] за несколько дней до смерти отца. Итак, вторая духовная Дмитрия Ивановича падает на период времени с 13 апреля по 16 мая 1389 г.[186]

---

[181] ПСРЛ, т. XI, стр. 23.

[182] Там же, т. VIII, стр. 21.

[183] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 7. См. также указания на духовные грамоты Дмитрия Ивановича в описях 1614 г., л. 43—43 об. и 1626 г., л. 7—7 об.

[184] ПСРЛ, т. VIII, стр. 32.

[185] Там же.

[186] Под 1389 г. грамота помещена в «Древней Российской Вивлиофике» (изд. 2-е, ч. 1, стр. 100—109, № 13) и в «Собрании государственных грамот и договоров» (т. I, стр. 58—62, № 34). См. также Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. V, изд. 2-е, стр. 105

В своем втором завещании Дмитрий Донской во многом повторяет распоряжения своих предшественников. Он «приказывает» Москву своим четырем сыновьям.[187] За Владимиром Андреевичем серпуховским сохраняется право на владение «третью» городских доходов. Из остальных двух третей («двою жеребьев») половина выделена старшему наследнику великого князя Василию «на стариший путь», а половина поделена поровну между тремя прочими сыновьями. В этом отношении Дмитрий Иванович вернулся к порядкам, установленным докончанием великого князя Семена с братьями 1350—1351 гг. и нарушенным отцом Дмитрия Иваном Ивановичем в его духовной 1358 г.

При разделе московских владений Василий Дмитриевич получил Коломенский удел, Юрий — Звенигородский, Андрей — Можайский, Петр — Дмитровский.[188]

В отличие от духовных грамот прежних князей, которые не касались вопроса о великом княжении, завещательный акт Дмитрия Донского рассматривает великое княжение в качестве «вотчины» московского князя, которая переходит к его старшему сыну Василию: «А се благословляю сына своего князя Василия своею отчиною великим княженьем». С. М. Соловьев указывал на такое применение вотчинного права к владению великокняжеским столом как «неслыханное прежде распоряжение».[189] Но никто из исследователей не вскрыл смысла этого распоряжения. Московский князь Дмитрий Иванович, начиная с 70-х годов XIV в., в своих отношениях с князьями литовским, рязанским, тверским, серпуховским последовательно проводит ту мысль, что великое княжение является «вотчиной» московского княжеского дома. В середине 80-х годов XIV в. эта точка зрения была признана Ордой. Я считаю, что текст духовной грамоты Дмитрия Донского, относящийся к вопросу о великом княжении, следует сопоставить с летописным известием о посылке в 1383 г. Дмитрием своего сына Василия в Орду «тягатися о великом княжении Володимерьском и Новогородцком» с Михаилом тверским.[190] Победа осталась за московским князем, причем Тохтамыш, по рассказу летописи, заявил Михаилу Александровичу: «Аз улусы своя самь знаю, и кийждо князь русский на моем улусе, а на своем отечестве живет по старине, а мне служит правдою, и яз его жалую; а что неправда предо мною улусника моего князя Дмитреа московского, и аз его поустрашил, а он мне служит правдою, и яз его жалую по старине *во отчине его*; а ты поиди в свою отчину во Тферь и служи мне правдою, и яз тебя жалую».[191] Тохтамыш сформулировал то самое положение, на котором настаивал Дмитрий Донской перед своим соперником тверским князем Михаилом Александровичем и которое вошло в московско-тверскую докончальную грамоту 1375 г.: Тверь — «вотчина» Михаила; Владимирское великое княжение — «вотчина» Дмитрия.

А. В. Экземплярский писал: «До чего упало теперь значение татар в глазах московского князя, показывает то обстоятельство, что Дмитрий Иванович, как видно из его духовного завещания, благосло-

---

и прим., стр. 55, № 116. И И. Срезневский. Указ. соч., стр. 259. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 185, прим. 1 (духовная датируется 1388—1389 гг.). О боярах, упомянутых в качестве свидетелей при духовной, см. С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 1, стб. 1004—1006.

[187] Пятый сын Иван по каким-то неизвестным нам причинам оказался обделенным отцом.

[188] Пятый сын Иван получил ничтожную долю: две волости и одно село, с правом свободного ими распоряжения: «А в том уделе волен сын мой князь Иван, который брат до него будет добр, тому даст». Остальные братья не могли свободно распоряжаться своими уделами.

[189] С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 1, стб. 1003.

[190] ПСРЛ, т. XI, стр. 82.

[191] Там же, стр. 84.

вляет своего сына Василия Владимирским княжеством, этим символом великокняжеского достоинства, как *своей отчиной*». А. Е. Пресняков по этому поводу замечает: «Не вижу оснований противопоставлять духовную Донского признанию авторитета ханской власти: в Орде считались с русскими правами и обычаями, и князь Юрий Дмитриевич будет позднее ссылаться перед ханом на духовную отца».[192] Оба автора недооценивают значения распоряжения Дмитрия Донского как крупной победы в Орде. Московский князь внес в свое завещание пункт о передаче великого княжения старшему сыну не потому, что он игнорировал татар, а потому, что он сумел добиться от Тохтамыша признания своих вотчинных прав. Дипломатическая победа Дмитрия Донского заключалась именно в том, что он заставил хана авторитетом его власти утвердить выдвинутые им вотчинные основы владения великокняжеским столом. И Юрий Дмитриевич ссылался впоследствии на духовную своего отца именно потому, что она была санкционирована в Орде.

Теперь понятно, почему в завещание Дмитрия Ивановича в числе великокняжеских владений включены «купли» Калиты: Галич, Белоозеро, Углич, которыми князь-завещатель наделил своих сыновей Юрия, Андрея и Петра, дополнительно к московским уделам. Дмитрию Донскому удалось то, чего не мог добиться его дед: получить санкцию Орды на закрепление за московским домом владений, входивших в состав великого княжения.

Стремясь сохранить единство среди князей московского дома, великий князь Дмитрий, по примеру своих предшественников, не считает свой раздел владений окончательным и допускает возможность передела в случае смерти кого-либо из наследников или изменения состава их владений. Передел осуществляет княгиня-мать: «А по грехом которого сына моего бог отъимет, и княгини моя поделит того уделом сынов моих; которому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не вымут. А даст ми бог сына, и княгини моя поделит его, возмя по части у болшие его братьи. А у которого сына моего убудет отчины, чем есмь его благословил, и княгини моя поделит сынов моих из их уделов; а вы, дети мои, матери слушайте».

Но Московско-Коломенский удел старшего из Дмитриевичей — Василия по распоряжению завещателя не подводится под общее правило и представляет исключение из установленного порядка. В случае смерти Василия он переходит к следующему по старшинству сыну Дмитрия: «А по грехом отымет бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел, а того уделом поделит их моя княгини». Исследователи видят здесь несовершенство редакции и считают, что Дмитрий Донской имел в виду случай бездетной смерти своего старшего наследника, так как при жизни отца-завещателя он еще не был женат; в случае рождения у Василия сына, как думают исследователи, это распоряжение естественно отпадало.[193]

Подобная предпосылка мне кажется совершенно произвольной. Нет никаких оснований предполагать неясность редакции текста духовной грамоты. Распоряжение о переходе Московско-Коломенского удела после смерти Василия Дмитриевича (независимо от того, будет ли у него потомство) к старшему из оставшихся в живых его братьев продиктовано сознательными политическими соображениями его отца. Василий Дмитриевич являлся сторонником московско-литовского сближения. После того как не состоялся проект о династическом союзе Москвы с Литовским государ-

---

[192] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 329—330, прим. 4.

[193] С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 1, стб. 1003, прим. 2. А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. I, стр. 122. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 389

ством путем брака Ягайла с дочерью Дмитрия Донского, начинается сближение Василия с Витовтом Кейстутовичем.

В 1386—1387 гг. Василий бежал из Орды, куда он был послан отцом, в Подолию, к волошскому воеводе Петру и на Волыни виделся с Витовтом. Во время переговоров между ними был решен вопрос о женитьбе Василия на дочери Витовта Софье. Дмитрий Иванович отправил за своим сыном посольство из «старейших бояр». Вместе с Василием Дмитриевичем в Москву прибыли литовские паны и, повидимому, официально договорились о браке Василия с Софьей Витовтовной.[194] Дмитрий Донской, учитывая тесную связь с Витовтом его старшего сына и опасаясь, что в случае его смерти самый важный из московских уделов, с которым были связаны великокняжеские права, фактически перейдет во владение Литовского княжеского дома (к вдове Василия Софье или к его сыну от Софьи), постарался предупредить эту возможность в своем завещании. Теми же опасениями за целость московских владений, вызванными литовской ориентацией Василия Дмитриевича и его браком с литовской княжной, объясняется руководящая роль, предоставленная в духовной Донского его жене в последующих переделах волостей, которые будут вызваны изменениями в княжеском семействе. Власти матери-вдовы подчинен и старший сын Василий.

Моя интерпретация духовной Дмитрия Донского будет подтверждена дальнейшими наблюдениями над документами княжений Василия I и Василия II.

---

[194] ПСРЛ, т. XI, стр. 86, 90—91.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДОКУМЕНТЫ МОСКОВСКОГО ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО АРХИВА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV ВЕКА

§ 1. Договорные грамоты великого князя Василия Дмитриевича с удельными князьями московского дома

Вскоре по вокняжении Василия Дмитриевича у него произошло столкновение с серпуховским удельным князем Владимиром Андреевичем. 15 августа 1389 г. Василий был «посажен» на княжение во Владимире ордынским послом Шихматом. Непосредственно вслед за известием о «посажении» Василия летописи сообщают о его «розмирье» с двоюродным дядей Владимиром. Последний вместе с сыном Иваном и «старейшими боярами» вначале удалился к себе в Серпухов, а затем отправился в Торжок, где и пробыл некоторое время. Причиной ссоры, очевидно, служил все тот же вопрос о Галиче и Дмитрове, отнятых у Владимира Дмитрием и переданных им по завещанию своим сыновьям. Примирение состоялось «тоя же зимы по крещении», т. е. после 6 января 1390 г., причем великий князь придал Владимиру к его «отчине» Волок и Ржеву.[1]

До нас дошла докончальная грамота Василия I с удельным князем серпуховским,[2] по всем признакам относящаяся как раз к указанному времени.[3] В ней находим условие о передаче великим князем Владимиру Андреевичу владений, которые называет летопись: «И что ти дал в вудел Волок с волостьми, а волости Издетемле, да Войничи, да Ржеву с волостьми, того нам под тобою блюсти, а не обидети». Прямая ссылка на отъезд Владимира в Торжок имеется в статье грамоты, касающейся расчетов удельного серпуховского князя со своим «старейшим братом» по уплате «ордынской тягости»: «А что ординьская тягость и коломеньский посол, коли еси *был в своей отчине,* а то нам по розчоту; а

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 121; т. VIII, стр. 60; т. XVIII, стр. 139.

[2] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 9. Опись архива Посольского приказа 1614 г., лл. 39 об.— 40; опись 1626 г., л. 9.

[3] В «Древней Российской Вивлиофике» (изд. 2-е, ч. 1, стр. 109—114, № 14) грамота значится под 1389—1408 гг.; в СГГД (т. I, стр. 62—64, № 35) — под 1389 г. Так же как и СГГД, датируют договор Н. М. Карамзин (История государства Российского, т. V, изд. 2-е, стр. 126, примечания, стр. 89, № 139); И. И. Срезневский (Древние памятники русского письма и языка, стр. 260); А. В. Экземплярский (Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. I, стр. 125—126; т. II, стр. 300). 1390 год в качестве даты грамоты принимают С. М. Соловьев (История России с древнейших времен, кн. I, стб. 1013) и А. Е. Пресняков (Образование Великорусского государства, стр. 330, прим. I).

володимерьскии послы, *как ты выехал ис своее отчины*, а тот ти протор не надобе». В договоре содержится указание на то, что во время отсутствия Владимира Андреевича в его «отчине» сидели великокняжеские волостели. В связи с этим Василий I должен им «исправа учинити»: «что взято [волостелями] право, ино то взяти; а что взято криво, а то по исправе отдати». Полоняянники, взятые в княжеское «нелюбье», освобождаются; с тех, кто отдан на поруку или приведен к целованию, — решено «порука и целованье свести». Наконец, в грамоте находим статьи, касающиеся боярской службы во время «нелюбья» между князьями.

Летописная датировка договора началом 1390 г. подтверждается тем, что в его тексте отсутствует ссылка на «благословение» митрополита. Очевидно, грамота относится ко времени до приезда в Москву митрополита Киприана, т. е. до марта 1390 г.[4]

Поставленная в контекст исторических событий первых лет княжения Василия Дмитриевича, грамота рисует интересные политические мероприятия московского правительства по расширению территории Московского княжества. В это время положение Тохтамыша пошатнулось. Он предпринял в 1389 г. поход против Тимура, который привел в дальнейшем к ответному наступлению со стороны последнего и к полному поражению Тохтамыша. «... Бысть бой царю Тахтамышу со царем Аксак-Темиром и побежен бысть царь Тахтамышь; сам убежа, а рать его избиена бысть».[5]

Неизбежное ослабление Тохтамыша в результате борьбы с Тимуром давало основание московскому правительству рассчитывать на то, что он не будет противодействовать присоединению к Москве некоторых владений: Мурома, Тарусы. Эти расчеты отразились в тексте договора 1390 г.: «а найду собе Муромь или Торусу, или иная места...» По всей вероятности, под выражением «иная места» следовало подразумевать Нижегородское княжение, которое не названо прямо лишь по дипломатическим соображениям. Впоследствии (в 1392—1393 гг.) Василий I получил ярлыки сразу на Нижний-Новгород, Мещеру, Тарусу, Муром, Городец.[6] Но подготовка к их включению в состав московских владений велась с 1389 г. Василию I было известно, что в этом году нижегородский князь Борис Константинович поехал в Орду за ярлыком на Нижегородское княжение. Борис не застал в Орде Тохтамыша, выступившего в это время в поход против Тимура, и отправился за ним, догнал его в пути и добился получения ярлыка.[7] В том же году в Орде был Василий Дмитриевич и из-за осложнений между Тохтамышем и Тимуром «утече у царя за Яик и приде на свою отчину на Москву».[8] По возвращении в Москву великого князя, очевидно, был разработан план расширения московской территории путем переговоров с Ордой и привлечения на московскую сторону нижегородского боярства. Этот план был приведен в действие в начале 90-х годов, когда Василий Дмитриевич, отправившись в Орду, «златом» и «сребром» «умзди князей царевых, чтобы печаловалися о нем царю Тахтамышу» по поводу ярлыка на великое княжение. После получения ярлыка Василий I вернулся в Москву, а «посла царева» вместе со своими боярами отправил

---

[4] «Тоя же зимы (6898) пред великим заговением поиде Киприан митрополит всеа Русии из Киева на Москву... и приде к Москве в великое говение на средокрестной неделе» (ПСРЛ, т. XI, стр. 122).

[5] ПСРЛ, т. XI, стр. 122 (под 1392 г.); т. XV, стр. 446 (под 1391 г.).

[6] ПСРЛ, т. IV, стр. 99; т. V, стр. 245; т. VI, стр. 122; т. VIII, стр. 62; т. XI, стр. 154.

[7] ПСРЛ, т. XI, стр. 121.

[8] В Новгородской IV летописи это известие помещено под 1389 г. (ПСРЛ, т. IV, стр. 97), в Воскресенской — под 1390 г. (ПСРЛ, т. VIII, стр. 60), в Никоновской — под 1391 г. (ПСРЛ, т. XI, стр. 125). А. Н. Насонов считает возможным остановиться на 1389 г. (см. А. Н. Насонов. Монголы и Русь, стр. 138, прим. 2).

в Нижний-Новгород, где почва в среде местного боярства была уже подготовлена. Боярин Василий Румянец изменил своему князю Борису и выдал его москвичам.[9]

Я считаю, что основная задача договорной грамоты Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем 1390 г. заключалась *в распределении политических и военных функций между обоими князьями.* Василий Дмитриевич брал на себя задачи ордынской политики и оборону восточных границ Московского княжества. На долю Владимира Андреевича падала организация обороны западных границ. Именно поэтому ему была дана в удел Ржева, на которую претендовали одновременно и Москва, и Тверь, и Литва. Еще в 1368 г. серпуховской князь выгнал литовцев из Ржевы, но затем она опять отпала от Москвы. В 1376 г. Владимир Андреевич, посланный на Ржеву Дмитрием Ивановичем, так и не смог ее взять.[10]

Грамота 1390 г. также отмечает непрочность владения Ржевой серпуховским князем: «А ци какимь деломь отойметься от тобе Ржева, и дати ми тобе во Ржевы место Ярополчь да Медуши, а искати ны Ржевы, а тобе с нами соединого; а найдем Ржеву, и Ржева тобе, а волости наши нам...» Действительно, Ржева скоро отошла к Твери, и тверской князь Михаил Александрович в 1399 г. передал ее по духовному завещанию своему сыну Ивану.[11]

Поделив между собой роли на восточных и западных рубежах, князья в то же время должны были выработать мероприятия по обороне Москвы, которые гарантировали бы в дальнейшем город от участи, постигшей его в 1382 г. Рассчитывая использовать борьбу между Тохтамышем и Тимуром в московских интересах, пытаясь, в надежде на слабость Орды, расширить пределы Московского княжества на востоке и юге, Василий Дмитриевич в то же время должен был предвидеть возможность повторения событий 1382 г. и быть готовым к новому нашествию татарских полчищ. Угроза этого нашествия стала совершенно реальной в 1395 г., когда Тимур, разбив Тохтамыша, повернул к северу и, повидимому, направился к Москве. Во время этого похода были применены принципы обороны Москвы, разработанные Василием Дмитриевичем с Владимиром Андреевичем в 1390 г.

Князья отвергли установленный при Дмитрии Донском территориальный принцип формирования полков и вернулись к старому правилу, согласно которому бояре, независимо от места жительства, выступают с воеводами тех князей, которым они служат. Но докончальная грамота 1390 г. провела важные организационные мероприятия другого порядка, касающиеся непосредственно «городной осады». По этому поводу в грамоте находим следующее условие: «Такоже и городная осада, оже ми, брате, самому сести в городе, а тобе ми послати из города, и тобе оставити своя княгини, и свои дети, и свои бояре; а будеть ми тобе оставити в городе..., ехати ми из города, и мне, брате, оставити своя мати, и свою братью молодшюю, и свои бояре». Смысл этого постановления, мне кажется, ясен. Во время войны город не должен оставаться беспризорным, поэтому оба князя одновременно не могут его покидать. Один из князей выступает в поход, другой обязательно находится в Москве в целях обороны города, и на его попечение передается семья князя, отправившегося навстречу врагу. Я думаю, что это условие надо прямо ставить в связь с событиями

---

[9] Летопись рассказывает об этом под 1392 г. (ПСРЛ, т. VIII, стр. 162; т. XI, стр. 147). Но сохранилась жалованная грамота, выданная в Нижнем-Новгороде от имени Бориса Константиновича (именуемого «великим князем») в 1393 г. (ААЭ, т. I, стр. 7, № 12).

[10] ПСРЛ, т. VIII, стр. 15; т. XI, стр. 25.

[11] ПСРЛ, т. IV, стр. 360.

1382 г. Тогда Дмитрий Донской, считая бесцельным сопротивление Тохтамышу, ушел из Москвы в Переяславль, а затем, через Ростов, в Кострому. Владимир Андреевич находился с войском у Волока. Отсутствие сильной княжеской власти в столице вызвало «мятеж», жертвой которого едва не сделалась супруга великого князя Евдокия. Поводом к волнениям, разыгравшимся в городе, послужили разногласия по основному вопросу: оставить Москву и сдать ее врагу или же организовать сопротивление. «А во граде Москве мятеж бысть велик: овии бежати хотяху, а инии во граде седети хотяху. И бывши мятежи и распри велицей, и восташа злыа человецы друг на друга и сотвориша разбои и грабежи велии. Людие же хотяще бежати из града вон, они же не пущаху их, но убиваху их и богатство и имение их взимаху». Очень показательно, что население, оставшееся в городе, очевидно, в знак протеста против князя, покинувшего его в критическую минуту, решило не выпускать из Москвы его княгиню. «Киприан же митрополит всея Руси возпрещаше им. Они же не стыдяхуся его и небрежаху его, и великую княгиню Евдокию преобидеша. Митрополит же и великая княгиня начаша у них проситися из града, они же не пущаху их, ниже бояр великих устрашишася, но на всех огрозишася, и во всех градных вратех с обнаженными оружии стояху, и со врат градных камением метающе, не пущающе никого же изыти из града». Митрополиту и княгине с трудом удалось добиться, чтобы им дали возможность уйти из города.[12] Мне кажется, именно этими московскими волнениями, возникшими в результате того, что князья оставили Москву на произвол судьбы, и чуть было не погубившими великокняжескую семью, было вызвано постановление 1390 г. о «городной осаде».

В соответствии с этим постановлением князья действовали в 1395 г., во время нашествия Тимура, когда Василий Дмитриевич выступил из Москвы к Коломне, а Владимир Андреевич остался в Москве в осаде.[13]

Совершенно необоснованно предположение С. М. Соловьева о том, что условия договора 1390 г. о «городной осаде» свидетельствуют о «сильной недоверчивости между родственниками»—князьями.[14] Дело было не в «недоверчивости», а в том, чтобы избежать в будущем повторения печального опыта 1382 г.

Мы остановились на наиболее существенных положениях докончальной грамоты 1390 г. В других пунктах она в основном повторяет предшествующий договорный акт между Дмитрием Донским и Владимиром Андреевичем, дополняя его некоторыми специальными условиями, касающимися владения слободами, доходными статьями московского дворцового хозяйства и т. д.

Из формул междукняжеских взаимоотношений заключаем о некотором повышении политического значения серпуховского удельного князя. В его прежнем докончании с Дмитрием Донским имелось следующее основное договорное обязательство: «Тебе, брату моему молодшему и моему сыну князю Володимеру Андреевичу, держати ти подо мною, и под моимь

---

[12] ПСРЛ, т. XI, стр. 73.

[13] Там же, стр. 159—160.

[14] С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 1013. Точку зрения С. М. Соловьева принял А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. I, стр. 126. А. Е. Пресняков ограничивается краткими замечаниями, построенными в вопросительной форме: «может быть тут (в постановлениях о городной осаде.— *Л. Ч.*) имеем скорее отражение воспоминаний князя Владимира Андреевича о том, как Москва была покинута во время нахождения Тохтамыша?» (Указ. соч., стр. 330, прим. 1). Если связывать статьи договора 1390 г. о «городной осаде» с московскими волнениями 1382 г., то вряд ли можно объяснять появление этих статей неприятными воспоминаниями, оставшимися у Владимира. Речь шла о новом принципе обороны, разработанном великим князем совместно со своим двоюродным дядей.

сыном под князем под Васильем, и под моими детми, княженье мое великое честно и грозно; а добра ти мне хотети и моим детем во всемь, а служити ти мне без ослушанья». В договоре Владимира с Василием I формула несколько иная: «А держати ти мене, князя великого, брата своего старейшего, честно; а нам тобе держати в братьстве, и во чти, без обиды». Выражение «честно» вместо «честно и грозно», отсутствие фразы «служити ти мне без ослушанья» — говорят о некоторой переработке, по требованию Владимира Андреевича, формул междукняжеских отношений после «розмирья» 1389 г.

По договору между Василием I и Владимиром Андреевичем первый обязался не судить московских «городьских судов и становых, что к городу тянеть» без наместника Владимира. Докончальная грамота Дмитрия Донского и Владимира Андреевича 1389 г. разрешала тот же вопрос в интересах великого князя: ему принадлежало право суда в Москве, и он только должен был делиться судебными пошлинами со своим двоюродным братом.

Таким образом, Владимир Андреевич серпуховской после ссоры с племянником добился некоторых прав, которых он был лишен по докончанию с Дмитрием Донским. Летописные данные проливают свет на причины тех уступок, на которые пошел Василий Дмитриевич. Под 1390 г. летописи говорят о приезде в Москву новгородских послов, которые «взяли по старине мир» с московским великим князем.[15] Последний после этого послал в Новгород своего наместника Остафья Сыту. Можно думать, что прибытию посольства к Василию Дмитриевичу предшествовала его размолвка с Великим Новгородом, а эта размолвка, в свою очередь, возможно, находилась в связи с описанной выше ссорой между Василием I и Владимиром Андреевичем. Не случайно Владимир отъезжал из Серпухова в Торжок. Повидимому, он надеялся в случае необходимости прибегнуть к помощи новгородцев против великого князя. Василий Дмитриевич, который в 1389—1390 гг. ставил перед собой задачи распространения московских границ в восточном и южном направлениях, был заинтересован в том, чтобы обеспечить спокойствие на западных и северо-западных границах. Оборону их он рассчитывал поручить серпуховскому князю, с которым поспешил примириться, заключив одновременно мир с Новгородом.

В докончальной грамоте Василия I с Владимиром Андреевичем серпуховским 1390 г. обращает еще на себя внимание указание на поездку брата великого князя Юрия Дмитриевича галицкого в Орду. «А выйдеть Юрьи с посломь, и нам то подняти по розчоту, по выходу». Таким образом, Юрий Дмитриевич находился в Орде в момент составления изучаемого договорного акта, хотя и был включен в его текст в качестве «брата молодшего» великого князя и «брата» Владимира Андреевича. Из Орды он должен был вернуться с послом. Исследователи как-то не фиксировали внимания на этом факте, о котором молчат летописи, но который представляет большой интерес. Можно думать, что эта поездка стояла в связи с завещанием Дмитрия Донского, согласно которому Юрий был объявлен наследником Василия I.

Договор Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем 1390 г. в начале XV в. был пересмотрен и обновлен. Вторая договорная грамота названных князей [16] составлена «по благословенью» митрополита Киприана, следовательно, до 16 сентября 1406 г., когда Киприан скончался.[17]

---

[15] ПСРЛ, т. III, стр. 95; т. IV, стр. 97.

[16] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 12. Опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 35 об.; опись 1626 г., л. 9 об.

[17] ПСРЛ, т. XI, стр. 194.

Для уточнения даты документа имеет значение указание на крестоцелование Василия Дмитриевича «за своего сына за князя за Ивана, и за свои дети, кого ми бог даст». Из этой фразы видно, что в момент заключения договора у Василия I был только один сын Иван (второй по старшинству). Он родился в 1397 г.[18] Старший сын великого князя Юрий Васильевич родился в 1395 г., а скончался в конце 1400 г.[19] Вышеприведенный текст свидетельствует, что изучаемое докончание могло быть оформлено только после смерти Юрия, т. е. не ранее 1401 г. По-моему, имеются все основания отнести грамоту к 1401—1402 гг., вопреки датировке ее, существующей в исторической литературе.[20]

Прежде всего, согласно данному документу, в состав удела московского великого князя включены Нижний-Новгород, Муром, Мещера, «места... Татарская и... Мордовьская, как было... за великим князем Дмитрием Константиновичем». В 1389—1390 гг. Василий Дмитриевич только высказывал надежду на присоединение этих владений. Теперь эта надежда стала реальностью. Я ставлю в связь приведенную статью договора с победой Василия I над суздальско-нижегородским князем Семеном Дмитриевичем, который пытался скопить силы в мордовских землях и вернуть себе Нижегородское княжение. В 1401 г. Василий Дмитриевич послал своих воевод захватить семью Семена Дмитриевича, надеясь таким путем заставить покориться его самого. Воеводы с великокняжеской ратью «идоша на Мордву, наехаша же ю (княгиню — жену Семена. — *Л. Ч.*) в Татарьской земли... и ту изымаша княгиню Семенову Александру и ограбивше ю приведоша на Москву и з детми». После этого сам князь Семен вошел в сношения с Москвой и заявил о своей покорности.[21] Борьба Василия I с нижегородско-суздальскими князьями имела большое политическое значение. Это видно из того, что она привлекла к себе внимание духовенства. Кирилл Белозерский писал московскому великому князю: «Да слышел есми, господине князь великий, что смущение велико межу тобою и сродники твоими князми суждальскими. Ты, господине, правду свою сказываешь, а они свою; а в том, господине, межи нас крестьяном кровопролитие велико чинится... Слышел есмь, что доселе были (суздальско-нижегородские князья. — *Л. Ч.*) у тебе в нужи, да от того ся, господине, и возбранили. И ты, господине, бога ради, покажи к ним свою любовь и жалованье, чтобы не погибли в заблужении в Татарских странах, да тамо бы не скончались...»[22]

Я думаю, что вскоре вслед за тем, как Семен Дмитриевич «вниде в покорение» к московскому великому князю, последний заключил свой второй договор с серпуховским удельным князем. Василий I потребовал от Владимира Андреевича, чтобы тот не вступался во все нижегородские владения, перешедшие к Москве, в том числе в «Татарския и Мордовския места». Последнее указание прямо, по-моему, ведет нас к походу 1401 г.

По второй договорной грамоте Василия I с Владимиром Андреевичем последний не должен также «вступаться» в те волости, которые были пожалованы московским великим князем князю Ивану Борисовичу. А. Е. Пресняков думал, что речь идет об удельном князе Иване Борисовиче кашинском, и находил противоречие в документе: с одной стороны,

---

[18] ПСРЛ, т. VI, стр. 129; т. VIII, стр. 70.

[19] ПСРЛ, т. VI, стр. 124; т. VIII, стр. 65, 74.

[20] В «Собрании государственных грамот и договоров» грамота значится под 1405 г. (СГГД, т. I, стр. 69—71, № 3). Эту дату принимают А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 302, и А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 379. В «Древней Российской Вивлиофике» (ч. 1, изд. 2-е, стр. 115—120, № 15) документ отнесен к 1390 г.

[21] ПСРЛ, т. VIII, стр. 75.

[22] АИ, т. I, стр. 22, № 12.

договор утвержден по благословению митрополита Киприана, умершего в 1406 г., с другой стороны — в нем говорится о земельных пожалованиях Ивану Борисовичу кашинскому, который только в 1408 г. отъехал из Кашина в Москву к Василию Дмитриевичу.[23] Я считаю, что все противоречия исчезнут, если признать, что упоминаемый в грамоте Иван Борисович — это не удельный кашинский князь, а младший сын нижегородского князя Бориса Константиновича. Когда в 1392 г. Василий I получил ярлык на Нижегородское княжение, он отправил в ссылку по городам» самого Бориса Константиновича, его жену и детей.[24] Далее летописи молчат о судьбе Ивана Борисовича до второго десятилетия XV в., когда он вместе с братом Даниилом поднимает новую борьбу с Москвой за Нижегородское княжение, а в 1416 г. мирится и приезжает к великим князьям в Москву.[25] Исходя из данных договорной грамоты Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем 1401—1402 гг., можно думать, что в это время Иван Борисович, находясь в зависимости от московского великого князя, получил от него в держание какие-то из Городецких волостей. Передача Городецких волостей сыну нижегородского князя Бориса Константиновича была, естественно, более уместной, чем князю кашинскому. Таким образом, мы получаем лишнее подтверждение выдвинутой гипотезе о том, что вторая докончальная грамота Василия I с князем серпуховским появилась в результате борьбы московского и суздальско-нижегородских князей в самом начале XV в. Пожалование Василием Дмитриевичем Ивана Борисовича, может быть, было ответом на обращение Кирилла Белозерского не дать погибнуть нижегородским князьям «в заблужении в Татарских странах».

Договорная грамота 1401—1402 гг. оформила обмен владениями между Василием I и Владимиром Андреевичем. Последний «отступился» великому московскому князю «Волока с волостми и Ржевы с волостми», а вместо них получил «в удел и в вотчину» Городец, Углич, Козельск, Гоголь, Алексин, «куплю Пересветову». Относительно Городца и Козельска грамота высказывает опасение, что они «отымутся» от Владимира Андреевича: в таком случае эти владения будут заменены временно другими, а оба князя должны «искати... Городца и Козельска single». Договорившись «не вступаться» друг к другу в вотчины, выяснив отношения по сбору дани для уплаты «выхода» в Орду, Василий Дмитриевич и Владимир серпуховской решили за себя и за своих детей «жити... по первой грамоте по докончальной». Владимир Андреевич обязался вместе со своими детьми исполнять военные поручения не только самого великого князя, но и его сына: «А коли, господине, будет сын твой в твое место, и всядет сын твой на конь, ино и мне с ним всести на конь; а коли, господине, сын твой не всядет на конь, ино и мне не всести на конь; а куды, господине, сын твой пошлет моих детей, и им всести на конь без ослушанья».

Основное в изучаемом документе — территориальная мена, смысл которой не разъяснен в существующей исторической литературе. Так, А. Е. Пресняков следующим образом высказывается по поводу «разделов и переделов владениями, которые характерны для времени великого князя Василия Дмитриевича»: эти разделы и переделы «нарушают устойчивость обычного удельного владения, все более сдвигают его со старой основы — отцовского ряда, наследственности детей и обычно-правового уклада междукняжеских владельческих отношений — на почву произвольных договорных соглашений, результат которых оформляется как великокняжеское «пожалование в удел» или «в удел и в вотчину» и как уступка

[23] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 379, прим. 3.
[24] ПСРЛ, т. XI, стр. 148.
[25] Об этом см. ниже.

требованиям той или иной из сторон, спорящих о волостях, т. е. великого князя и его «младшей братьи».[26]

Однако эти разделы диктовались не одним только княжеским произволом. В них была своя логика, которую и не попытался вскрыть А. Е. Пресняков. В 1390 г. Василий I передал Владимиру Андреевичу Ржеву и Волок потому, что, устремив свое внимание на восток и юго-восток, он предполагал в деле обороны западных границ Московского княжества положиться на серпуховского князя. В 1401—1402 гг. великий князь взял обратно у своего двоюродного дяди Ржеву и Волок потому, что его ближайшие политические задачи данного времени были связаны с московско-литовскими и московско-новгородскими, т. е. западными и северо-западными, отношениями.

Действительно, после побега в конце 90-х годов XIV в. из Орды Тохтамыша под ударами Тимура, Василий Дмитриевич на ряд лет порвал свои ордынские связи. Он не ездил к новому хану Темир-Кутлую и к его преемнику с 1400 г. Шадибегу. Только при Булат-Салтане (с 1407 г.) Василий I снова завел сношения с Ордой, правда, не бывая там лично и уклоняясь от уплаты «выхода».[27]

Московское княжество втягивается в орбиту литовских отношений. В борьбе с Ордой Москва рассчитывала на помощь великого князя литовского Витовта, тестя Василия Дмитриевича. Но в 1399 г. Витовт потерпел поражение от татар на берегах Ворсклы. Его широкие планы о сокрушении Золотой Орды не оправдались. Еще ранее указанного сражения замечается некоторое обострение московско-литовских отношений. Витовту приписывали замысел посадить в Орде беглого хана Тохтамыша и при его помощи овладеть Москвой»: «...совещашася Витофт с Тахтамышем глаголя: аз тя посажю на царстве, а ты мене посади на Москве на великом княжении, на всей Руской земли».[28] Татарские планы Витовта были тесно связаны с его новгородской политикой. По Салинскому договору, заключенному Витовтом в конце 1398 г. с Ливонским орденом, он обещал помочь последнему овладеть Псковом и потребовал, в свою очередь, поддержки для покорения Новгорода. В 1399 г., на почве указанных проектов Витовта, произошел временный разрыв между ним и Василием I.[29] С начала XV в. Василий I проявляет усиленное внимание к Новгороду и Смоленску, на которые предъявлял притязания Витовт. В 1401 г. московский великий князь предпринял наступательные действия против Новгорода, ставя перед собой задачу захвата Двинской земли.[30] В 1401 же году смоленский князь Юрий Святославич, изгнанный из Смоленска Витовтом, снова утвердился в своей «отчине».[31] С этого времени, не оказывая прямой поддержки Юрию Святославичу против Витовта, Василий Дмитриевич, вместе с тем, не упускает из поля зрения отношений Юрия смоленского со своим тестем.

---

[26] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 379.

[27] Едигей писал в своей грамоте московскому князю в 1408 г.: «А Темир-Кутлуй сел на царстве, а ты улусу государь учинился, и от тех мест у царя еси в Орде не бывал, царя еси во очи не видал, ни князей, ни старейших бояр, ни меньших, ни иного еси никого не присылывал, ни сына, ни брата ни с которым сыном не посылывал. И потом Шадибек осмь лет царствовал, и у того еси также не бывал и никого еси ни с которым же словом не посылывал. И Шадибеково царство также ся минуло, и ныне царь Булат-Салтан сел на царстве и уже третей год царствует, также еси ни сам не бывал, ни сына, ни брата, ни старейшего боарина не присылывал... А обиды каковы ни будут или от князей русских, или от Литвы, и ты к нам на них жалобныа шлешь ежелет, и жалобныа грамоты, и оборони у нас от них просишь...» (ПСРЛ, т. XI, стр. 210).

[28] ПСРЛ, т. VIII, стр. 72—73.

[29] ПСРЛ, т. IV, стр. 195.

[30] ПСРЛ, т. III, стр. 101.

[31] ПСРЛ, т. VIII, стр. 75.

В 1401 г. Василий I, после похода его воевод в «Мордовскую землю» и явки с повинной князя Семена Дмитриевича, мог считать в какой-то мере разрешенным вопрос о Нижегородском княжестве. Естественно, что с этого времени в центре его внимания оказываются новгородские, смоленские, литовские дела. Показателем такого изменения политических интересов и служит второй договор московского великого князя с удельным князем серпуховским, согласно которому Василий I получает в свои руки важные пункты на северо-западном и западном направлениях — Волок и Ржеву. В то же время Владимиру Андреевичу были переданы города на юге и востоке. В частности, пожалование его Городцом, некоторые волости которого находились в держании у князя Ивана Борисовича нижегородского, преследовало цель поставить под наблюдение удельного князя московского дома недавно приобретенную территорию Нижегородского княжества.

Три события 1401 г., казалось бы, внутренне между собою не связанные: поход в «Мордовскую землю», отправка рати на Двину и возвращение Юрием Святославичем Смоленска, взятые вместе дают основание для датировки второго докончания Василия I с Владимиром серпуховским.

Необходимо остановиться и еще на одной стороне вопроса. Желание великого князя получить в свои руки Ржеву диктовалось не только московско-литовскими, но и московско-тверскими отношениями. Софийская II летопись под 1396 г. сообщает следующий факт: «Того же лета князь великий Василей Дмитриевичь московский со князем Михаилом тферским подкрепиша миру и соединишася вси князи русьскии заодно и послаша грамоты разметныя ко князю Витовту Кестутьевичу литовскому».[32] А. Е. Пресняков отмечает, что эта «одиноко стоящая в наших летописных сводах запись» подходит не к 1396, а к 1399 г., когда у Василия I произошло «розмирье» с Витовтом[33]. Я думаю, что возможна другая интерпретация приведенного текста. В 1396 г. Михаил сделал попытку заключить военный союз с Василием I. Эта попытка оставила свой след в проекте московско-тверского договора, который явится предметом дальнейшего рассмотрения. Во всяком случае к концу XIV в. намечаются более тесные отношения Москвы и Твери. В связи с развитием этих отношений надо рассматривать и вопрос о Ржеве. В 1399 г., как было указано, она значится в числе тверских владений,[34] в начале XV в. снова переходит к Москве.

Дополнением к договорным грамотам Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем служит завещание последнего, дошедшее до нас в нескольких списках XV в. (оригинал утрачен).[35]

Владимир серпуховской умер в мае 1410 г. В летописи находим следующий рассказ о его смерти: «Тое же весны месяца маа [6918-го года] преставися князь Володимер Андреевичь, внук Иванов, правнук Данила московского, и завеща княгине своей и детем своим дати в дом Христов и Пречистыа Богородици и великих чюдотворцев Петра и Алексея в митрополичь всея Русии, и отцу своему пресвященному Фотею митрополиту киевскому и всея Русии по собе и по своем роду село свое Кудрино и з деревнями и со всеми угодии, как пошло изстарины». Далее говорится о том, что вдова покойного князя Елена Ольгердовна исполнила его волю и сде-

---

[32] ПСРЛ, т. VI, стр. 128.

[33] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 342, прим. 1.

[34] ПСРЛ, т. IV, стр. 360.

[35] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 10—12. Опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 38 об.; опись 1626 г., л. 8. По вопросу о том, когда и для каких целей были сняты списки с духовной грамоты Владимира Андреевича, а также куда делся оригинал завещания,— см. гл. IV.

лала вклад митрополичьей кафедре, причем летопись подробно перечисляет деревни, относящиеся к селу Кудрину.[36]

Запись об этом вкладе Елены Ольгердовны находим и в копийных книгах документов митрополичьего дома.[37]

В тексте завещания Владимира Андреевича распоряжение о передаче после его смерти села Кудрина кафедре отсутствует. В то же время Кудрино не фигурирует и в числе сел, передаваемых завещателем наследникам, очевидно, именно потому, что оно предназначалось в качестве посмертного дара церкви и Владимир сделал на этот счет *устные указания* своей жене. Во всяком случае исследователи, исходя из данных летописи, относили духовную грамоту серпуховского князя к 1410 г.[38] Однако ближайшее рассмотрение показывает, что дошедший до нас (в списке) текст завещания Владимира был написан еще задолго до его смерти.

Уточнить дату изучаемой духовной грамоты дают возможность содержащиеся в ней завещательные распоряжения Владимира Андреевича относительно Городца. Передавая его двум своим сыновьям Семену и Ярославу, князь вносит следующую оговорку: «А отъимется Городець от детей от моих, и на то место сыну князю Семену, князю Ярославу — Тошня наполы». Это распоряжение сделано на основе докончальной грамоты 1401—1402 гг., согласно которой Василий I взял на себя следующее обязательство: «А какими делы отымется от брата моего князя Володимера или от его детей Городець... и мне им дати в Городця место Тошну». Но в первой духовной грамоте московского великого князя Василия Дмитриевича, относящейся, как будет выяснено ниже, к 1406—1407 гг., вопрос о Тошне решается иначе. Она входит в состав удела младшего брата Василия I — Константина Дмитриевича, который родился за четыре дня до смерти Дмитрия Донского и поэтому не был им наделен. В завещании Дмитрия Донского, написанном до рождения Константина, было только упомянуто: «А даст ми бог сына, и княгини моя поделит его, возмя по части у болшие его братьи». В соответствии с этим указанием Василий I, составляя в 1406—1407 гг. свой первый завещательный акт, и выделил удел Константину: «А брата своего и сына благословляю князя Константина, даю ему в удел Тошню да Устюжну, по духовной грамоте отца нашего великого князя». В двух последних своих духовных грамотах (конца второго и начала третьего десятилетий XV в.) Василий I отказывается от своего распоряжения по поводу Тошны, сделанного в 1406—1407 гг., и возвращается к условиям, выработанным относительно нее в договорной грамоте с Владимиром Андреевичем 1401—1402 гг. Тошна принадлежит (причем теперь уже безоговорочно, независимо от судьбы Городца) наследникам серпуховского удельного князя, и великокняжеским сыновьям предоставляется лишь право ее выменять: «а Тошну оже выменит сын мой князь Василей у княжих детей у Володимеровых по докончальной нашей грамоте с их отцем, ино Тошня княгине же моей».

Сопоставляя между собой все приведенные выше акты, приходим к следующему выводу: завещание Владимира Андреевича было написано

---

[36] ПСРЛ, т. XI, стр. 214.

[37] Гос. Исторический музей, рукописное собрание Синодальной библиотеки, кн. № 276, лл. 47 об.— 48. Всесоюзная публичная библиотека им. В. И. Ленина, собрание рукописей И. Д. Беляева, кн. № 127 (1620), лл. 40—41. АЮБ, т. II, стр. 563—564, № 178/1.

[38] Под 1410 г. духовная грамота Владимира Андреевича значится в «Древней Российской Вивлиофике», изд. 2-е, ч. 1, стр. 134—147, № 19, и в СГГД, т. I, стр. 74—79, № 40. Ту же дату принимают: Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. V, изд. 2-е, стр. 203; А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 302; А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 380.

до первой духовной грамоты Василия Дмитриевича, т. е. до 1406—1407 гг., так как князь-завещатель, следуя условиям докончания 1401—1402 гг., считает, что в случае утраты Городца его наследники имеют законное право на Тошну. В 1406—1407 гг. Василий I, вопреки обязательству, принятому на себя в 1401—1402 гг., отдал Тошну своему брату Константину. В дальнейшем же он возвратил ее серпуховскому княжескому дому, причем этот возврат уже не был обусловлен судьбой Городца.

Сравнивая текст завещания Владимира Андреевича с докончальной грамотой 1401—1402 гг., я нахожу, что это документы, составленные одновременно или близко по времени. По докончанию 1401—1402 гг. Городец и другие владения были переданы московским великим князем «в удел и в вотчину» не только самому Владимиру, но и его детям. Василий Дмитриевич обязался от своего имени и от имени своего сына Ивана, в случае смерти Владимира Андреевича, «блюсти и боронити...» под его детьми как «их вотчины», доставшиеся по наследству, так и «те места, которых... великий князь сам *отступил* (серпуховскому княжескому дому) *в удел и в вотчину*». Поэтому Василий I «целовал крест» не только за себя, но «и за своего сына за князя за Ивана, и за свои дети, кого ми бог даст», а Владимир Андреевич, в свою очередь, перечислил при крестоцеловании всех своих сыновей.

Одновременно с заключением докончания со своим двоюродным племянником серпуховской удельный князь решил, посредством «ряда» своим сыновьям, закрепить за своим потомством как владения, перешедшие по наследству от его отца, так и города и волости, полученные им от великого князя. В исторической литературе не отмечена тесная внутренняя связь между духовной грамотой Владимира Андреевича и докончанием 1401—1402 гг. Между тем совершенно очевидно, что когда Владимир «приказывает» свою княгиню и детей «брату своему старейшему великому князю Василью Дмитриевичю», чтобы тот ими «ся печаловал», он имеет в виду договорные условия 1401—1402 гг. о «блюдении, обороне, печаловании» великим князем князей серпуховского дома, их «вотчины» и «удела». Точно так же статья духовной серпуховского князя: «також и бояр своих приказываю брату своему старейшему великому князю, которыи бояре имут служити моей княгине и моим детем», — соответствует аналогичному пункту договора 1401—1402 гг.: «также, господине, кто имется держати бояр моее княгини и моих детей, и тебе, великому князю, и твоим детем блюсти тех бояр, как и своих».

Как докончальная грамота 1401—1402 гг. различает в составе владений серпуховского княжеского дома, с одной стороны, «вотчину», т. е. города, волости и села, завещанные Владимиру Андреевичу его отцом князем Андреем Ивановичем, с другой — территорию, переданную «в вудел и в вотчину» Владимиру с потомством Василием I, так совершенно такое же подразделение находим и в рассматриваемом завещательном акте Владимира. В последнем мы встречаем такую терминологию: с одной стороны, «отчина», которая делится «по уделам» между сыновьями-наследниками, с другой стороны — доли, выделяемые сыновьям из «князя великого удела Василья Дмитриевича», т. е. из пожалованных последним серпуховскому княжескому дому в 1401—1402 гг. владений.

К докончальной грамоте между Василием I и Владимиром Андреевичем восходят и те места завещания серпуховского князя, в которых речь идет о замене Городца и Углича, в случае их утраты, другими территориальными пожалованиями.

Наконец, бросается в глаза полное совпадение между докончанием 1401—1402 гг. и завещательным актом Владимира в расчетах по сбору дани с Городца и Углича для уплаты татарского «выхода». При этом

завещание прямо ссылается на докончальную грамоту: «А сын мой князь Семен, князь Ярослав возмут дани з Городца и з Городецьских волостей в новогородской (т. е. нижегородской) выход, в полторы тысячи рублев, возмут сто рублев и шестьдесят рублев *по нашему докончанью*... а сын князь Ондрей, князь Василей возмут дани с Углеча поля сто рублев и пять рублев...» В договорной грамоте 1401—1402 гг.: «А дати ми, господине, тебе с Углеча поля в семь тысячь рублев сто рублев и пять рублев, а с Городця и с тех волостей, которые ми еси волости к Городцю придал, дати ми тебе в полторы тысячи рублев сто рублев и шестьдесят рублев».

К приведенным выше аргументам в пользу датировки духовной грамоты Владимира Андреевича 1401—1402 гг. и ее появления одновременно с докончанием серпуховского князя с великим князем московским или вскоре после него я приведу еще один. В завещании уделено много внимания вопросу о Городце: положению бояр, суду, сбору дани, тамги, мыта на Городецкой территории. Естественнее всего думать, что эти распоряжения, детально устанавливающие порядки в пределах Городца, относятся к тому времени, когда Городец перешел в руки Владимира. Если бы (согласно господствующему в литературе взгляду) завещание серпуховского князя относилось действительно к 1410 г., то вряд ли мы нашли бы в нем указания на принадлежность Городца Владимиру Андреевичу. По всем данным во время нашествия Едигея в 1408 г. в Нижнем и Городце были посажены сыновья нижегородского князя Бориса Константиновича Даниил и Иван, которые были там до конца 1410 г.[39]

При изучении духовной грамоты Владимира Андреевича бросается в глаза, что она является слепком с завещания Дмитрия Донского. В обоих актах князья «дают ряд» своим княгиням и сыновьям. Владимир Андреевич, как и Дмитрий Донской, поручает сыновей своей жене, а их матери, наказывая им ей повиноваться. Княгиня, по его распоряжению, получает руководящую роль в делах: «Также приказываю дети свои княгине своей; а вы, дети мои, живите заодин, а матерь свою чтите и слушайте». Такое же наставление давал своим сыновьям и великий князь Дмитрий: «Приказываю дети свои своей княгине; а вы, дети мои, живите заодин, а матери своей слушайте во всем».

Принадлежащая серпуховскому князю «треть» в Москве переходит ко всем его сыновьям, которые «ведают (эту треть) по годом». Нераздельное владение Москвой, доходами с которой князья пользуются «по жеребьям», характерно для порядков московского княжеского дома. Эти порядки нашли свое отражение и в духовной Дмитрия Донского.

По примеру великого князя Дмитрия Владимир Андреевич выделил своему старшему сыну Ивану «на старейший путь» в Москве и станах повышенную долю доходов в виде оброков с различных промышленников и ремесленников.[40] «Треть численных своих людей в Москве и в станех» Владимир поделил пополам между двумя младшими сыновьями Андреем и Василием. По духовной Дмитрия Донского, два его жеребья численных людей распределены между всеми сыновьями, причем это распределение обусловлено «блюдением (численных людей) содиного». Наконец, своей

---

[39] А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 143.

[40] Самый принцип выделения доходных статей «на старейший путь» в обеих духовных различен. Иван Владимирович получил «в Москве и станех конюшей путь, бортници, садовници, псари, бобровники, бараши и делюи». Дмитрий Донской дал старшему сыну половину принадлежавшей ему доли пошлин и сборов в Москве и станах, кроме того, «Васильцево сто» и Добрятинскую борть с Добрятинским селом. Что касается бортников в городских станах, путей конюшего, сокольничего и ловчего, то ими братья Дмитриевичи должны были «поделиться ровно».

княгине Владимир Андреевич завещал «свою треть тамги московские, и восмничее, и гостиное, и весчее, и пудовое, и пересуд, и серебреное литье, и все пошлины московские». В этом отношении серпуховской князь действовал также по примеру великого князя московского Дмитрия, который передал своей жене Евдокии осмничее и половину своей доли московской тамги (вторая половина пошла сыновьям).

Распределение владений между сыновьями по уделам проведено Владимиром по той же системе, по какой проводил и Дмитрий Донской. Вначале названы города и волости, составлявшие княжескую «вотчину», затем московские села и, наконец, города и волости из «князя великого удела Василия Дмитриевича». Последней категории владений соответствуют в духовной Дмитрия Донского города и волости на территории великого княжения, различаемые от Московской «вотчины».

Доля, которая определена по завещанию Владимира его княгине, складывается: 1) из *специально назначенных* ей завещателем и *выделенных из уделов сыновей в пожизненное пользование* волостей и сел; 2) из сел, переданных княгине в «опричнину» *с правом свободного распоряжения*. В этом отношении духовная серпуховского князя опять-таки копирует московские порядки, которые установлены завещательным актом Дмитрия Донского.

Выморочный княжеский удел, по распоряжению Владимира Андреевича, поступает в раздел между оставшимися в живых братьями; при наличии же у умершего князя сына удел отца переходит к нему по наследству. В этом отношении указания завещания Владимира Андреевича более определенны, чем духовной грамоты Дмитрия Донского, в которой говорится о разделе, очевидно, выморочного удела после смерти его владельца, но не предусматривается возможность, что у покойного князя может остаться прямой наследник.

Целый ряд положений духовной Владимира Андреевича, касающихся отношений между его сыновьями, заимствован из договорных грамот князей московского дома. Это обычные условия: не посылать приставов в чужой удел, «ни судов... не судити», «ни грамот... жаловальных не давати, ни дани не имати брату на братне уделе», «сел не купити» и т. д. Подтверждается «вольность» боярской службы и устанавливается подведомственность бояр и слуг «судом и данью... по уделом, где кто живет».

Очень бедны документы, характеризующие отношения великого князя Василия Дмитриевича к другим князьям московского дома, кроме Владимира Андреевича. В списке конца XV в. сохранилась докончальная грамота Василия с его братьями Андреем и Петром Дмитриевичами.[41] Договор, на первый взгляд, поражает своей бессодержательностью. Мы находим в нем изложенные в очень общей форме обязательства: «быти... заодин и до живота»; иметь общих друзей и недругов; «ни канчивати ни с кем, не ссылатися» без взаимного согласия. Удельные князья должны «держати (князя великого) во отца ... место», а тот, в свою очередь, обещает «держати (своих братьев) в братстве и в чести, без обиды», «жаловатися и печаловатися» ими и их вотчинами. Договаривающиеся стороны обязуются «блюсти и не обидети» друг под другом уделов, полученных от отца. Удельные князья «без ослушанья» отправляются в походы по посылкам великого князя. В конце докончания — краткие статьи о вольности боярской службы, «блюдении» чужих бояр и слуг, проживающих в княжеских вотчинах, «как и своих», выступлении бояр и слуг в поход не по месту жительства, а по служебному договору, и о «городной осаде».

---

[41] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 10. О времени и обстоятельствах составления этого списка см. в гл. IV.

Повторяю, перед нами голый договорный формуляр, лишенный как будто всякого конкретного содержания.

Этим и объясняется трудность датировки документа. Твердые основания для этого дают только указания на «благословение» митрополита Киприана и на то, что грамота составлена «по слову» матери князей, вдовы Дмитрия Ивановича Донского Евдокии Дмитриевны. Последняя умерла 7 июня 1407 г.[42], митрополит Киприан скончался 16 сентября 1406 г.[43]

Из разбираемой грамоты можно как будто заключить, что в момент ее оформления и у Андрея и у Петра уже были дети: «того ти, господине, под нами всего блюсти, а не обидети, и твоим детем также под нашими детми»; «а которого, господине, из нас бог отымет, и тобе, господине, того под нашими детми, также нашия вочины блюсти, а не обидети, и твоим детем». Однако при более пристальном наблюдении оказывается, что вышеприведенные выражения представляют собой *формулы междукняжеских докончаний, в общем смысле* (но не применительно к конкретным условиям данного момента), *подтверждающие наследственность уделов*. Правильность именно такого понимания договорного акта подтверждается, прежде всего, тем, что у Петра Дмитриевича во время заключения докончания (если принять для него даже предельную дату — сентябрь 1406 г.) не могло быть детей, так как он в январе 1407 г. только женился на Ефросинии Полиевктовне, внучке последнего московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова.[44] Мне кажется, что договорный текст дает основание даже прямо заключить, что в нем речь идет о будущем потомстве Андрея и Петра Дмитриевичей, а в момент написания грамоты и Петр и Андрей были холостыми. Когда документ говорит о неприкосновенности вотчины *великого князя*, то он упоминает тут же его *княгиню* и детей: «а по грехом, господине, бог отведет по нашим тобя, а нам, господине, того всего также под твоею *княгинею* и под твоими детми блюсти, а не обидети, а быти с ними заодин». Но грамота не называет «княгинь» — жен Андрея и Петра, хотя говорит об их детях. Вряд ли это случайно. Достаточно привести в параллель договорный акт Василия I с Владимиром Андреевичем, чтобы убедиться, что, предусматривая возможность смерти удельного князя, он охраняет от «обид» со стороны великого князя не только детей покойного, но и его вдову: «А отоймет бог брата моего князя Володимера, и мне, князю великому, и моим детем под его *княгинею* и под его детми трети их московские и их вотчины... блюсти, и боронити, и печаловатися, а не обидети, ни вступатися». Поэтому я считаю, что упоминание детей Андрея и Петра Дмитриевичей в их докончальной грамоте с Василием I диктовалось желанием зафиксировать на будущее общий принцип княжого права, согласно которому, если у умерших князей останутся прямые наследники, они получают владения своих отцов. Понятно, что подобное желание было вызвано отсутствием соответствующего постановления в духовной Дмитрия Донского. В последней содержалось такое распоряжение: «А по грехом которого сына моего бог отымет, и княгини моя поделит того уделом сынов моих; которому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не вымут». После кончины Дмитрия Донского его сыновья «по слову» матери, из воли которой они не должны были выходить и которой предоставлялось право раздела выморочных владений, постановили: при наличии у князей потомства уделы переходят к детям, и вопрос о разделе между братьями не ставится. Именно в этом, повидимому,

---

[42] ПСРЛ, т. I, стр. 234; т. V, стр. 256; т. VI, стр. 134; т. VIII, стр. 81.
[43] ПСРЛ, т. XI, стр. 194.
[44] ПСРЛ, т. XI, стр. 197; т. VI, стр. 133; т. VIII, стр. 80.

основной смысл изучаемого докончания, для которого в прочих пунктах характерна бедность содержания.

Если правильно высказанное выше предположение, что к моменту оформления договора с великим князем Андрей и Петр Дмитриевичи не были еще женаты, то дату докончальной грамоты придется отнести ко времени ранее 8 октября 1403 г., когда князь Андрей женился на дочери князя Александра Патрикеевича Стародубского Аграфене.[45]

Для датировки изучаемого документа имеет значение то обстоятельство, что он дошел до нас в списке, сделанном на одном листе вместе со списком докончания Василия I с рязанским князем Федором Ольговичем от 25 ноября 1402 г.

Необходимо далее обратить внимание на связь договорного акта между Василием, Андреем и Петром Дмитриевичами, с одной стороны, и Василием Дмитриевичем и Владимиром Андреевичем — с другой. Что названные документы действительно связаны между собой, это видно из первой духовной Василия Дмитриевича 1406—1407 гг., которая сразу ссылается на оба акта вместе: «А о своем сыне и о своей княгине покладаю на бозе и на своем дяде, на князи на Володимере Ондреевиче, и на своей братьи на князи на Ондрее Дмитреевиче и на князе на Петре Дмитреевиче, *и докончанью*, как ся имут печаловатися».

В докончальной грамоте князей Дмитриевичей в числе владений, составлявших удел Петра Дмитриевича, опущен Углич, хотя духовная Дмитрия Донского предназначала его именно Петру. Указанный пропуск объясняется пересмотром состава удела названного князя в связи с передачей Углича Василием I по докончанию 1401—1402 гг. Владимиру серпуховскому. Таким образом, взаимная зависимость двух договорных актов московского великого князя с родными братьями и с двоюродным дядей в данном случае не подлежит сомнению.

Наконец, показательно, что в договоре Василия I с Андреем и Петром Дмитриевичами нашли отражение те самые принципы организации военных сил («городная осада», формирование полков по служебному, а не по территориальному признаку), которые были приняты договорными актами между московским великим и серпуховским удельным князьями.

Суммируя все приведенные выше наблюдения, я прихожу к выводу: договор Василия I с Андреем и Петром был оформлен в 1401—1402 гг., близко по времени к докончанию московского великого князя с Владимиром Андреевичем или одновременно с ним.[46] Оба акта содержали гарантии, данные за себя и своих детей великим князем удельным князьям московского дома и их детям относительно неприкосновенности как их наследственных, так и пожалованных им великим князем владений.

Имеются все основания думать, что в 1401—1402 гг. Василий Дмитриевич заключил не первое соглашение с братьями.

Прежде всего обращает на себя внимание заголовок, данный изучаемому договору Василия, Андрея и Петра Дмитриевичей в списке конца XV в.: «Грамота докончальная великого князя Василия Дмитриевича с меншею братьею со князем Ондреем Дмитриевичем новая». Выражение «*новая*» указывает на то, что договорному тексту 1401—1402 гг. предшествовал какой-то другой, более ранний. Этот вывод подтверждается данными описи архива Посольского приказа 1626 г., дающей следующие

---

[45] ПСРЛ, т. VIII, стр. 76; т. VI, стр. 132.

[46] В «Древней Российской Вивлиофике» грамота датирована 1389—1403 гг. (ч. 1, изд. 2-е, стр. 120—122, № 16); в СГГД — 1405 г. (т. I, стр. 68—69, № 37). Дату СГГД принимают А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 342, и А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 382.

сведения о текстах договорных грамот Василия с Андреем и Петром Дмитриевичами: 1) «Грамота докончальная великого князя Василия Дмитреевича з братьею со князем Ондреем да со князем Петром Дмитреевичи при митрополите Киприяне всеа Русии, ветха, а у ней 3 печати привешены, на черном воску, изломаны, рука митрополита Киприяна по гречески, а в котором году писана, того не знать». 2) «Тетратка, а в ней грамота докончалная великого князя Василья Дмитреевича с меншою ево братьею со князем Ондреем да со князем Петром Дмитреевичи, при митрополите Киприяне, а которого году, того не написано». 3) «Списки з докончалных и с целовалных грамот великого князя Василья Дмитреевича с меншою братьею со князем Ондреем Дмитреевичем. Другая грамота на том же листу великого князя Василья Дмитреевича со князем Федором Олговичем резанским лета 6911-го году».[47]

Из трех перечисленных описью 1626 г. текстов до нас дошел только один: список (конца XV в.) договорной грамоты Василия Дмитриевича, сделанный на общем листе со списком московско-рязанской докончальной грамоты 1402 г. Два остальных текста, названных описью 1626 г., может быть, представляют собой оригинал и вторую копию того же самого документа. Но, исходя из заголовка «грамота... новая», который имеется на списке докончания князей Дмитриевичей, соединенном со списком московско-рязанского акта, вернее думать, что два не сохранившихся текста, о которых говорит опись 1626 г., представляют собой подлинник и копию договора Василия I с Андреем и Петром не 1401—1402 гг., а более раннего времени. Предположительно их можно отнести к началу княжения Василия Дмитриевича, т. е. приблизительно к тому времени, когда Василий заключил свое первое докончание с Владимиром серпуховским (1390). Но здесь возникает вопрос: какой смысл был московскому великому князю оформлять письменным образом свои отношения с братьями, когда одному из них (Андрею) было восемь лет,[48] другому (Петру)— четыре-пять лет?[49] Этот вопрос связан с другим: о взаимоотношениях Василия I со своим братом Юрием Дмитриевичем.

В московском великокняжеском архиве (фонд Государственного древлехранилища ЦГАДА) не сохранилась ни одна докончальная грамота московского великого князя с Юрием галицким. Ничего не говорят о существовании этих грамот и архивные описи Посольского приказа 1614 г. и 1626 г. Но в составе одного сборника второй половины XV в. Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина до нас дошел текст докончания Василия и Юрия Дмитриевичей, написанный от имени последнего.[50] Отсутствие этого документа в великокняжеском архиве заставляет особо критически отнестись к названному списку. А. Е. Пресняков вообще игнорирует его,[51] хотя для этого нет никаких оснований.

В издании «Актов Археографической Экспедиции» текст докончания московского и галицкого князей отнесен ко времени около 1390 г.[52] Подобная датировка имеет основания, особенно если сопоставить эту грамоту

---

[47] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа, лл. 8—9. См. также опись 1614 г., лл. 11—11 об., 35 об.

[48] ПСРЛ, т. I, стр. 233; т. VIII, стр. 42; т. XV, стр. 441.

[49] ПСРЛ, т. VIII, стр. 49.

[50] № Q—XVII—58, лл. 25 об.—26 об.; ААЭ, т. I, стр. 6, № 10.

[51] А. Е. Пресняков пишет: «Юрий... видимо, находился в гневной оппозиции к старшему брату во все время его великого княжения, хотя и ходил в походы по его посылкам на Новгород и в Двинскую землю, на волжских болгар. Ни летописные своды, ни иные какие источники не дают указания на причины раздора между братьями; *нет и договоров между ними*» (А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 383. Курсив мой.— *Л. Ч.*).

[52] Эту дату принимает И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 266.

с договорным актом Василия I и Владимира серпуховского начала 1390 г., в которую включен Юрий Дмитриевич. Поскольку в тексте докончания Василия и Юрия Дмитриевичей имеется указание на «благословение» митрополита Киприана, приходится предположить, что этот документ был написан несколько позднее договора московского князя с Владимиром Андреевичем, после приезда в Москву митрополита Киприана, т. е. не ранее марта 1390 г.[53]

По своему содержанию докончальная грамота московского и галицкого князей очень близка к рассмотренному выше договору Василия с Андреем и Петром Дмитриевичами. Совпадают почти все статьи договорного формуляра. Некоторые незначительные различия в конструкции документов не нарушают нашего представления об их общности. Текст докончания московского великого князя с Андреем и Петром Дмитриевичами написан «по слову» матери князей, вдовы Дмитрия Донского Евдокии. Это указание на материнскую волю опущено в грамоте Василия и Юрия, но зато в нее включено специальное княжеское обязательство: в согласии с духовной своего отца «матерь свою... держати в матерстве и во чти». Несколько расходятся в деталях, но не по существу, и формулы междукняжеских отношений. По докончанию между Василием I, Андреем и Петром Дмитриевичами: «А тобе, господине, нам, князь великы, держати в отца нашего место великого князя; а тобе, господине князь великы, такоже нас держати в братстве и в чести без обиды». По грамоте Василия и Юрия: «А тобя, господине, князя великого, держати в старишиньстве, по душевной грамоте отца своего; и тобе, господине князь великий, такоже меня держати в братстве и во чти без обиды».

Но есть одно различие серьезного принципиального характера между двумя рассматриваемыми докончальными грамотами. Если Андрей и Петр Дмитриевичи признали «по душевной грамоте отца» великое княжение и Московско-Коломенский удел не только за самим своим старшим братом, но и за его потомством, то в грамоте Василия и Юрия речь идет о признании галицким князем прав на великое княжение, Москву и Коломну, лишь одного Василия Дмитриевича, но не его детей.

Сопоставим оба текста:

Докончальная грамота Василия I с Андреем и Петром Дмитриевичами	Докончальная грамота Василия I с Юрием Дмитриевичем
А чем тя благословил отець наш князь великый в Москве, и Коломною с волостьми, и всем великым княженьем, или что еси собе примыслил, и того нам всего под тобою блюсти, а не обидити, *и под твоими детми, такоже нашим детем. А по грехом, господине, бог отведет по нашим тобя, а нам, господине, того всего такоже под твоею княгинею и под твоими детми блюсти, а не обидити.*	А чим, господине, тобя благословил отець наш князь великий в Москве, Коломною и с волостми, и всим великим княжением, или что еси себе примыслил, а мне под тобою того всего блюсти такоже, а не обидети.

Таким образом, докончальная грамота Василия I с Юрием галицким не дает никакого разъяснения по поводу распоряжения, имевшегося в духовной Дмитрия Донского о переходе по смерти Василия Дмитриевича его удела к следующему по старшинству брату, т. е. Юрию. Не вносится та или иная поправка в это распоряжение. Основной вопрос о наследственности великокняжеского удела и о переходе по прямой линии великокняжеского стола просто обойден молчанием. Речь все время идет только

[53] ПСРЛ, т. XI, стр. 122.

о личных взаимоотношениях двух старших представителей московского княжеского дома, но не об отношениях, которые должны сложиться после смерти одного из братьев между оставшимся в живых князем и детьми покойного. Вряд ли подобный двусмысленный текст мог удовлетворить московского великого князя. Я думаю, что сохранившийся список докончания представляет собой проект, вышедший из канцелярии галицкого князя и не утвержденный Василием I. Именно потому, что договор остался неоформленным, и не сохранилось никаких его следов в московском великокняжеском архиве.

Я представляю себе историю изучаемого проекта докончания московского и галицкого князей следующим образом. После смерти Дмитрия Донского произошло «розмирье» между великим князем Василием I и Владимиром серпуховским. В начале января 1390 г. состоялось примирение. В текст докончания великого московского и серпуховского князей был включен заочно Юрий Дмитриевич и к грамоте была привешена его печать, хотя сам галицкий князь в это время находился в Орде. После его возвращения Василий I намеревался оформить договором свои с ним отношения, но это не было сделано, так как проект, предложенный галицким князем, казался неприемлемым Василию Дмитриевичу. Последний выдвигал, повидимому, со своей стороны условия, нашедшие свое отражение в договоре Василия I с Андреем и Петром Дмитриевичами, первая редакция которого, как выше было указано, могла относиться к 1390 г. Вероятно, Василий Дмитриевич предполагал вписать Юрия Дмитриевича как раз в этот текст. Поскольку у великого князя не состоялась договоренность с Юрием, он ограничился соглашением со своими младшими братьями. Это соглашение не имело практического значения ввиду малолетства Андрея и Петра, но было политически важно в качестве показателя изоляции Юрия галицкого среди князей московского дома.

§ 2. Документы, касающиеся взаимоотношений великого князя Василия Дмитриевича с Рязанью и Тверью

25 ноября 1402 г., почти одновременно с докончаниями с братьями Андреем и Петром Дмитриевичами и с двоюродным дядей Владимиром Андреевичем серпуховским, Василий I заключил договор (от своего имени и от имени братьев) с рязанским князем Федором Ольговичем. Текст договорной грамоты дошел до нас в списке конца XV в.[54]

Указанная докончальная грамота была оформлена после смерти великого князя рязанского Олега Ивановича, когда его сын Федор Ольгович получил в Орде от хана Шадибека ярлык на «отчину его и дедину великое княжение Рязаньское».[55]

Московско-рязанский договорный акт 1402 г., рассматриваемый в связи с теми грамотами, о которых шла речь в предшествующем параграфе, и в контексте московско-литовских и московско-ордынских отношений начала XV в., приобретает очень большой интерес. В основе докончальной грамоты 1402 г. лежит текст соглашения великого московского князя Дмитрия Ивановича с великим князем рязанским Олегом Ивановичем 80-х годов XIV в. Однако этот текст подвергся ряду дополнений и изменений, вызванных исторической ситуацией начала XV в.

---

[54] ЦГАДА. Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 11. Опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 11 об.: опись 1626 г., л. 9. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 122—129, № 17. СГГД, т. I, стр. 63—68, № 36. О времени, к которому относится список, и обстоятельствах, при которых он был снят, см. гл. IV.

[55] ПСРЛ, т. XI, стр. 188.

Выше уже было указано, что с конца XIV в. внимание московского великого князя начинают усиленно привлекать новгородские и литовские дела. В то же время Василию I было важно обеспечить спокойствие на юго-восточных границах и в этих целях держать в своих руках нити ордынской политики. Именно поэтому московское правительство берет под свой контроль рязанско-ордынские отношения, требуя от рязанского князя, который именуется «братом молодшим» князя московского, чтобы он ставил в известность Москву о своих связях с Ордой и о вестях, ее касающихся: «А коли имешь киличея слати в Орду, и то ти нам явити; а что ти слышев от Орды, а то ти нам поведати, а вести ти нам отсылати; а отдалится от нас Орда, тобе с нами учинити по думе».

В то же время рязанский князь должен проявлять дипломатию в обращении с ордынскими послами, оказывая им ласковый прием. Подобное тактичное поведение расценивается докончальной грамотой 1402 г. с точки зрения его пользы для общерусского дела: «или к тобе посол татарьской придет, и тобе того почтити крестьянского деля добра, а то тобе не в измену». Московский князь рекомендовал князю рязанскому ту самую тактику в отношении Орды, сущность которой хорошо охарактеризовал впоследствии Едигей в своем письме Василию I: «преже сего.... послов царевых чтили, и гостей дръжали без истомы и без обиды».[56]

Таким образом, Москва выдвинула перед Рязанью отчетливые задачи в области ордынской политики: поддерживать с Ордой внешне добрые корректные отношения и в то же время внимательно следить за ее намерениями, доносить о них в Москву и не предпринимать самостоятельных действий без ведома последней. Рязанско-ордынские связи московский великий князь пытается втянуть в орбиту своего влияния и подчинить своим планам.

Такое же стремление со стороны московского правительства использовать в своих целях внешнюю политику Рязани замечается и в статье докончальной грамоты 1402 г., посвященной Литве. В этом направлении документ дает очень лаконичную и осторожную формулировку: «А въсхочет с тобою (Федором Ольговичем) тесть мой (Василия Дмитриевича) князь великий Витофт любви, ино тобе с ним взяти любовь, со мною по думе, как будет годно». Трудно уловить из этой уклончивой фразы, желает ли в действительности московский князь «любви» между своим тестем великим князем литовским и своим «молодшим братом» великим князем рязанским. Смысл подобной *намеренно нечеткой* редакции пункта докончания, касающегося Рязани и Литвы, станет ясным, если присмотреться к тому, как складывались на практике, в начале XV в. рязанско-литовские отношения и как их расценивала Москва.

С конца XIV в. Олег рязанский организует сопротивление литовскому наступлению на русские области. После взятия Смоленска Витовтом в 1395 г. Олег предпринял ответный поход на Литву в союзе с князьями пронским, козельским и муромским.[57] В 1396 г. он совершил нападение на Любутск.[58] После поражения Витовта на Ворскле Олег помог смоленскому князю Юрию Святославичу вернуть Смоленск.[59] Вторичное наступление Витовта на Смоленск осенью 1401 г. послужило поводом к походу рязанского князя на Брянск.[60]

Рассматривая все перечисленные военные мероприятия Олега Ивановича, направленные против Литвы, А. Е. Пресняков пишет: «он действует

---

[56] ПСРЛ, т. XI, стр. 210.
[57] ПСРЛ, т. VIII, стр. 68—69; т. XI, стр. 161—162.
[58] ПСРЛ, т. VIII, стр. 70; т. XI, стр. 166.
[59] ПСРЛ, т. VIII, стр. 75; т. XI, стр. 184—186.
[60] ПСРЛ, т. VIII, стр. 75; т. XI, стр. 187.

вполне самостоятельно, не только вне зависимости от политики великого князя всея Руси, но и в разрез с уступчивостью великого князя Василия Дмитриевича по отношению к Витовту и его подчинением влиянию тестя».[61] Мне кажется, что это противопоставление московско-литовских и рязанско-литовских отношений упускает из виду одну, весьма существенную, сторону вопроса: московский великий князь был заинтересован в том, чтобы Рязань находилась в состоянии «розмирья» с Литвой, хотя он не мог и не хотел это заявить прямо. Будучи сам в союзе с Витовтом, Василий Дмитриевич в то же время молчаливо поддерживал те силы, которые могли противостоять намечавшемуся литовскому захвату русских областей. Поэтому борьба литовского и рязанского князей за Смоленск вполне соответствовала политическим видам московского правительства. Смысл вышеприведенной статьи московско-рязанской докончальной грамоты 1402 г., касающейся литовского вопроса, заключается в том, что Рязань не может заключить мирного соглашения с Литвой без согласия Москвы. Мирные предложения Витовта, если таковые последуют, рязанское правительство должно довести до сведения великого князя московского. Формально это требование вызывалось тем, что еще по договору 80-х годов XIV в. между московским и рязанским князьями последний был лишен права самостоятельной внешней политики. По существу же рязанско-литовское соглашение не входило в планы московского правительства, так как оно грозило опасностью организованного наступления со стороны Витовта (при рязанской поддержке) на русские земли.

Предложенное понимание текста докончальной грамоты 1402 г. становится особенно убедительным при сопоставлении его с договорным актом Дмитрия Донского и рязанского великого князя Олега Ивановича. Согласно последнему, вопрос о рязанско-литовских отношениях разрешается до известной степени формально. «Любовь» или «нелюбовь» между Рязанью и Литвой вытекает из тех отношений, в которых в данный момент находится московский князь с князем литовским: «А будет князь великий Дмитрей Иванович и брат князь Володимер с Литвою в любви, ино и князь великий Олег с Литвою в любви; а будет князь великий Дмитрий и князь Володимер с Литвою не в любви, и князю великому Олегу быти со князем с великим с Дмитрием и со князем со Володимером на них единого». Во время заключения докончания с рязанским великим князем Федором Ольговичем в 1402 г. Василий I был в «любви» с Витовтом, но по мысли московского великого князя отсюда еще вовсе не следовало, что на основе «любви» должны были строиться и рязанско-литовские отношения. Вопрос о соглашении Федора Ольговича рязанского с Витовтом мог быть разрешен особо, «по думе» с Василием Дмитриевичем московским.

Очень тактично и тонко поставив перед рязанским правительством основные задачи в области взаимоотношений с Ордой и Литвой, Василий I взял также под свой контроль отношения Федора Ольговича рязанского с князьями новосильским и тарусскими, указав в докончальной грамоте 1402 г., что «те князи со мною один человек». Все конфликты рязанского князя с новосильским и тарусскими разрешаются третейским боярским судом, за исполнением решений которого наблюдает Василий I: «А что ся учинит межи вас по любви слово о земли или о воде, или о ином о чем, и вам отъслати бояр, ини соехався, да учинят исправу; а о чем сопрутся, ини едут на третей, кого себе изберут; а на кого помолвит третей, и виноватой отдасть; а не отдасть, и правой пошлет к великому князю Василию Дмитреевичю, и князь великы пошлет к виноватому впервые, и вдругие, и втретьие; а не послушает виноватый и князя великого Ва-

[61] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 245—246.

силья Дмитреевича, а не отдасть, князю великому исправити, а целованья не сложити, а то ему не в измену».

В описи архива Посольского приказа 1626 г. имеются неизвестные до сих пор исследователям данные о том, что великий князь московский связал специальным договором князя тарусского Дмитрия Семеновича. Опись 1626 г. сообщает следующие сведения об этом не сохранившемся договорном тексте: «Тетратка, а в ней список з докончальные грамоты князя Дмитрея Семеновича торусского, на одном листу, с великим князем Васильем Дмитреевичем, а году не написано».[62] Очень вероятно, что названный документ относится к тому же времени, что и докончания великого князя московского с князьями Владимиром Андреевичем серпуховским и Федором Ольговичем рязанским, т. е. к 1401—1402 гг. Выше было указано, что согласно летописным данным, Василий Дмитриевич в начале 90-х годов получил в Орде одновременно ярлыки на Нижний-Новгород, Мещеру, Тарусу, Муром, Городец. Докончальными грамотами начала XV в. московский князь стремится определить положение этих владений в составе Московского великого княжения. Кое-где были сохранены еще местные князья, перешедшие на положение служебных по отношению к Москве.

В этой же связи следует обратить внимание на условие московско-рязанского соглашения 1402 г. о принадлежности Москве Мещеры. На Мещерские земли не должны предъявлять претензий ни рязанские князья, ни рязанские бояре: «А что Мещерьская места, что будеть купил отець твой (Федора Ольговича) князь великы Олег Ивановичь, или вы, или ваши бояря, в та места тобе, князю великому Федору Ольговичю, не вступатися, ни твоим бояром; а земля к Мещере по давному». В договоре Дмитрия Донского и Олега Ивановича эта статья была дана в менее развернутой форме.

Представляют интерес те изменения, которые в тексте 1402 г. претерпела статья московско-рязанского докончания 80-х годов XIV в. относительно владений, отнятых у татар Дмитрием Донским.

Договор Дмитрия Ивановича московского с Олегом Ивановичем рязанским	Договор Василия Дмитриевича московского с Федором Ольговичем рязанским
А что Татарская места отоимал князь великий Дмитрий Иванович за себя от татар до сего до нашего докончанья, та места князю великому Дмитрию...	А что будеть отець наш князь великы Дмитрей Ивановичь отоимал Татарьская места и *Мордовьска места*, а ци переменит бог татар, и та места мне великому князю Василью Дмитреевичю...

Дополнительная ссылка в грамоте 1402 г. на «Мордовские места» появилась, вероятно, в связи с московским походом в «Мордовскую землю» в 1401 г. Аналогичная ссылка имеется и в договоре Василия I с Владимиром Андреевичем серпуховским.

Особое внимание уделяет московско-рязанский договорный акт 1402 г. взаимоотношениям рязанского князя Федора Ольговича с князем пронским Иваном Владимировичем. В этом отношении Василий I продолжает политику своего отца, стремясь поставить Пронский удел в непосредственную зависимость от Москвы. Вследствие этого оба князя, и рязанский и пронский, именуются «великими», «обиды» между ними разрешаются третейским судом, возглавляемым митрополитом, и неисполнение какой-либо из сторон решений этого суда влечет за собой вмешательство великого князя московского.

Все рассмотренные выше договорные условия, предложенные Москвою Рязани в 1402 г., лишали рязанского великого князя самостоятель-

---

[62] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., лл. 9 об.— 10.

ности во взаимоотношениях как с Литвой и Ордой, так и с соседними русскими княжествами, наконец, с собственными уделами. Зависимость Рязани от Москвы становилась настолько реальной, что потребовалась специальная оговорка (которой не было в предшествующем московско-рязанском договоре) о невмешательстве московского князя во внутренние дела Рязанского княжения, и о неприкосновенности рязанских территориальных границ: «Такоже мне, князю великому Василью Дмитреевичю, и моей братье... в землю в Рязанскую и во князи в рязаньские не вступатися».

Но формально Федор Ольгович вступает в соглашение с Василием I на правах *великого князя*. Поэтому докончальная грамота 1402 г., ликвидировав последствия московско-рязанских столкновений, имевших место в последней четверти XIV в., детально останавливается на формах третейского разбирательства будущих междукняжеских конфликтов. Третейский суд по московско-рязанским недоразумениям строится таким образом, что одна из сторон называет трех русских князей, а другая сторона выбирает кого-либо из названных лиц в качестве судьи: «А третей межи нас хто хочет, тот воименует три князи крестьянские; а на ком ищут, тот себе изберет из трех одиного, а судьи нашп вопчии о чем сопрутся, ино им третей потому ж».

Полную противоположность только что рассмотренному договорному акту Москвы с Рязанью представляет по своему характеру текст докончания между московским князем Василием Дмитриевичем и князем тверским Михаилом Александровичем. Этот документ дошел до нас в списке второй половины XV в. в составе того же самого сборника Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина,[63] который сохранил нам и проект соглашения Василия I с Юрием Дмитриевичем галицким. Среди сохранившихся материалов московского великокняжеского архива (фонд Государственного древлехранилища ЦГАДА) нет ни подлинника, ни списков этой докончальной грамоты. Ничего не говорят о ней и описи архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг.

Сравнивая текст грамоты из собрания Публичной библиотеки с московско-тверским докончанием 1375 г., убеждаемся, что она сильно переработала договорные условия 1375 г. в выгодную для Твери сторону. Тверской князь назван уже не «молодшим братом», а «братом» великого князя московского. В случае нападения на московские владения татар, литовцев, немцев или ляхов и личного выступления против них Василия I, Михаил тверской посылает ему на помощь своих сыновей и «братаничей». Если нападению подвергнется Тверское княжество, Василий Дмитриевич московский сам отправляется вместе с ним: «А по грехам пойдет на нас (Василия I с братьею.—*Л. Ч.*) царь ратию, или рать татарьская, а всяду на конь сам и своею братьею, и тобе, брате, послати ко мне на помочь свои два сына да два братанича, а сына ти одного у себя оставити. А пойдут, брате, на нас Литва, или немцы, или ляхи, и тобе, брате, послати дети свои и братаничи на помочь, а корм им взять, а иным не корыстоватись ничем. Також и пойдут на вас татарове, или Литва, или немци, и мне к вам самому ити на помочь и своею братьею; а будет ми которой брат надобе оставить собе на сторожу, и мне оставить; а корм взять, а не корыстоватись ничем». В 1375 г. отношения были иными: тверской князь был обязан лично участвовать в военных походах князя московского: «А где ми буде, брате, пойти на рать, или моему брату князю Володимеру Ондреевичу, всести ти с нами самому на конь без хитрости; а пошлем воевод, и тобе и своих воевод послати... А пойдут на нас татарове или на тебе, би-

[63] № Q—XVII—58, лл. 51 об.—55; ААЭ, т. I, стр. 9—11, № 14.

тися нам и тобе содиного всем противу их; или мы пойдем на них, и тобе с нами содиного пойти на них... А пойдут на нас Литва... или на кого на нашу братью на князей, нам ся их боронити, а тобе с нами всим содиного; или пойдут на тобе, и нам такоже по тобе помогати, и боронитися всим содиного».

Докончальная грамота Василия Дмитриевича с Михаилом Александровичем, известная нам по списку Ленинградской публичной библиотеки, предоставляет Твери, вопреки московско-тверскому договору 1375 г., право самостоятельных отношений с Ордой: «а к Орде ти, брате, путь чист».

Что касается литовского вопроса, то, согласно изучаемому документу, Василий I московский должен «сложить целованье» к Витовту и в дальнейшем не заключать с ним докончаний без согласия тверского правительства: «А к Витовту ми (Василию I) целование сложити; а тобе, брате, також явить Витовту, что есте с нами один человек; а будет нам, брате, взять любовь с Витовтом или с Литвою, и нам, брате, без тобе (Михаила Александровича) любви не взять, ни без твоих детей, ни внучат; а вам, брате, без нас любви с ним не взять, тобе, ни твоим детем, и твоим внучатом, ни без нашие братьи, ни без наших детей». В 1375 г., напротив, московский князь Дмитрий Иванович требовал от Михаила тверского, чтобы тот «сложил» крестоцелование к Ольгерду литовскому и подчинил свою политику в отношении Литвы московским интересам.

Необходимо вскрыть историю рассмотренного сейчас текста, загадочного в том отношении, что он целиком отражает тверские интересы, которым, согласно докончальной грамоте, должна подчиниться Москва, отказавшись от позиций, завоеванных в 1375 г.

В «Актах Археографической Экспедиции» документ датирован временем около 1398 г. В. С. Борзаковский считает, что грамота составлена после 1395 г., так как в ней говорится, что в случае надобности Михаил Александрович посылает двух сыновей на помощь Москве, а одного оставляет при себе; после 1395 г. у Михаила осталось в живых трое сыновей.[64]

Для датировки документа имеет значение известие, помещенное в Софийской II летописи под 1396 г. и цитированное уже нами выше: «Того же лета князь великий Василей Дмитреевичь московский со князем Михаилом тферским подкрепиша миру; и соединишася вси князи русьстии заодно, и послаша грамоты разметные ко князю Витовту Кестутьевичу литовскому».[65] Это летописное сообщение находится в противоречии с другими сведениями, говорящими о мирных отношениях Василия I с Витовтом в 1396 г. и в ближайших следующих годах (до «розмирья» 1399 г.). В 1396 г. на пасху Василий Дмитриевич и митрополит Киприан были в гостях у Витовта в Смоленске.[66] В 1397 г. Витовт приезжал в Коломну, «князь же великий видеся ту с ним и многу честь и дары вдасть ему».[67] После переговоров в Коломне московский и литовский князья посылают совместное посольство в Новгород. Как примирить все эти данные с рассказом Софийской II летописи, под 1396 г., о «разметных грамотах», посланных Василием I, Михаилом Александровичем и «всеми русскими князьями» Витовту? Я считаю, что во время официальных свиданий московского князя с Витовтом Василий Дмитриевич одновременно вел переговоры о заключении союза с Тверью. Тверское правительство в 1396 г. предло-

---

[64] В. С. Борзаковский. История Тверского княжества, стр. 170; прим. стр. 104, № 799.

[65] ПСРЛ, т. VI, стр. 128.

[66] ПСРЛ, т. VII, стр. 128; т. VIII, стр. 69; т. XI, стр. 164, 166.

[67] ПСРЛ, т. VI, стр. 129; т. VIII, стр. 70; т. XI, стр. 168.

жило Москве свой проект договорных условий, который сохранился в списке Ленинградской публичной библиотеки, рассмотренном выше. По этому проекту московский великий князь должен был разорвать свои дружественные отношения с Литвой. Повидимому, предполагалось создание антилитовского блока русских князей, причем Тверь претендовала на одно из руководящих мест в этом блоке. Софийская II летопись изобразила московско-тверские переговоры как состоявшееся докончание, за которым последовала посылка «разметных грамот» в Литву от имени всех русских князей. В действительности договор между Василием Дмитриевичем и Михаилом Александровичем остался неоформленным, и поэтому среди документов московского великокняжеского архива мы не находим московско-тверской докончальной грамоты 1396 г. ни в оригинале, ни в списках.

§ 3. Духовные грамоты великого князя Василия Дмитриевича

Завещание великого князя Василия Дмитриевича перерабатывалось трижды. Сохранились три его духовные грамоты, относящиеся к разному времени.

Первая духовная грамота Василия [68] была написана, повидимому, в конце 1406 г. — первой половине 1407 г. Князь-завещатель несколько раз упоминает свою мать, вдову Дмитрия Донского Евдокию Дмитриевну;[69] она умерла 7 июня 1407 г.[70] С другой стороны, в этой грамоте нет указания на «благословение» митрополита, которое находим в двух позднейших; нет и митрополичьей печати. Отсюда можно сделать вывод, что первая духовная написана после смерти митрополита Киприана, последовавшей 16 сентября 1406 г.[71] Таким образом, изучаемый памятник надо датировать временем со второй половины сентября 1406 г. по начало июня 1407 г.[72]

Для того чтобы оценить в должной мере значение духовной грамоты 1406—1407 гг., необходимо присмотреться к той политической обстановке, в которой она возникла. Это был период обострения русско-литовских отношений. В начале 1406 г. великий князь литовский Витовт напал на Псковские волости. Тогда Василий Дмитриевич разорвал с Витовтом мир и послал свои войска «воевати землю Литовскую». 7 сентября 1406 г. московские полки встретились с войсками литовского князя у реки Плавы «и стоявше немного, разыдошася, взявши перемирие до того же году». В сентябре 1407 г. произошла новая встреча московских и литовских сил у Вязьмы.[73] Все эти военные столкновения заканчивались перемириями, возобновляемыми несколько раз.

Литовская опасность заставила московское правительство искать татарской помощи и возобновить сношения с Ордой. В 1405 г. в Москву приходил ордынский посол,[74] а в 1406 г., во время московско-литовского

---

[68] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 9.

[69] «А отведет бог матерь мою, ино по матери моне животе Песочна моей же княгине; а из сел ей матери моие Малино со всеми деревнями... А отведет бог матерь мою, ино Иледам да Комела княгине моей, а Перехта сыну моему князю Ивану...»

[70] ПСРЛ, т. I, стр. 234; т. V, стр. 256; т. VI, стр. 134; т. VIII, стр. 81.

[71] ПСРЛ, т. II, стр. 352; т. III, стр. 103; т. IV, стр. 109; т. VI, стр. 133.

[72] В «Древней Российской Вивлиофике» (изд. 2-е, ч. 1, стр. 119—134, № 18) грамота датирована 1410 годом; в СГГД (т. I, стр. 72—74; № 39) — временем около 1406 г. Н. М. Карамзин относит духовную к 1407 г. (Указ. соч., т. V, изд. 2-е, стр. 222; прим. стр. 135, № 228); также А. В. Экземплярский (Указ. соч., т. II, стр. 135, прим. 338). А. Е. Пресняков говорит о 1405—1407 гг. (Указ. соч., стр. 350, прим. 3).

[73] ПСРЛ, т. VIII, стр. 78—81.

[74] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 281.

столкновения на реке Плаве, к Василию Дмитриевичу явилась «изо Орды рать татарская от царя Шадибека на помощь».[75]

Среди московского боярства были две группы. Одна настаивала на сближении с Ордой в целях борьбы с литовцами; другая отмечала рискованность подобного русско-татарского союза, указывая, что он облегчит татарам нашествие на Русские земли, если они задумают его предпринять. Эта часть московских бояр предвидела позднейший набег на Москву Едигея (в 1408 г.). Тверская летопись приводит следующие рассуждения «старцев», недовольных обращением к татарской помощи во время битвы при Плаве: «Добра ли се будет дума юных наших бояр, иже приведоша татар на помощь. Не сих ли ради и Киеву и Чернигову беды приключишася, иже когда имущи брань со собою, и подымаючи половец навожаху на ся, да прьвое бо наимуючи ихь сребро подаша из земля своеа, а инии же смотриша наряди рускыа и самим издолеша; да не будет той пакости и нашей земли на прочая дни, да не како татарове съсмотрят наряда земля нашея и въсхотят сами прити на ны, якоже бысть ся».[76] Здесь прямо указано, что общение русских с татарами привело к нашествию Едигея.

В таких тревожных для Москвы обстоятельствах, во время «розмирья» с Литвой и накануне прихода Едигея, была написана первая духовная грамота Василия Дмитриевича. На нее наложила свой отпечаток обстановка начала XV в., когда московское правительство не держалось твердой и уверенной внешней политики, когда шла борьба между сторонниками литовской и ордынской ориентации.

На разногласия боярских партий по вопросу о внешнеполитическом курсе указывал и Едигей в своем письме Василию I: «Добры нравы и добра дума и добрая дела были во Орде от Федора (Кошки); добрый был человек, которые добрые дела ординьские той тебе вспоминал; и то ся минуло, и ныне у тебя сын его Иван, казначей твой и любовник и старейшина, и ты ныне ис того слова и ис того думы не выступаешь; ино того думою учинилася твоему улусу пакость и христиане изгибли».[77]

В первой духовной Василия Дмитриевича чувствуется неуверенность в судьбе своих владений и своего наследника. Василий благословляет последнего «своею отчиною третью Москвы, своим жеребьем, и с пошлинами», и с доходными статьями, и Коломной с волостями и селами. Ряд коломенских волостей, московских сел, и некоторые свои «примыслы» вне Московско-Коломенского удела великий князь завещал своей жене Софье Витовтовне. Но относительно великокняжеского стола Василий I не сделал никаких распоряжений. Он говорит только в условной форме: «А даст бог сыну моему князю Ивану княженье великое держати...» Тот же тон неуверенности не покидает завещателя и тогда, когда он касается судьбы Нижегородского княжения и Мурома. Он не передает этих владений сыну по завещанию, хотя и высказывает надежду, что тот когда-нибудь их получит: «А даст бог сыну моему князю Ивану держати Новгород Нижний, да Муром...»

Дмитрий Донской при составлении своей духовной обеспечил согласие Орды на закрепление великокняжеского стола за своим сыном Василием I. Последний же, когда в 1406—1407 гг. пришла его очередь писать заве-

---

[75] ПСРЛ, т. VIII, стр. 78.

[76] ПСРЛ, т. XV, стр. 476; т. XI, стр. 207.

[77] ПСРЛ, т. XI, стр. 210. В противоположность приведенному выше летописному тексту, Едигей приписывает разлад Москвы с Ордой советам «молодых» бояр: «И ты бы опять тако не деял, а молодых не слушал, а собрал бы еси старейших своих бояр и многих старцев земских, да думал бы еси с ними добрую думу». Цитированный летописный рассказ, напротив, излагает дело таким образом, что благодаря «думе юных... бояр» великий князь привел татар на помощь против Литвы.

щание, не мог рассчитывать на поддержку ни Орды, ни Литвы, с которыми у него были натянутые отношения. Не было согласия и среди князей московского дома. Василий I поручил свою княгиню и сына двоюродному дяде Владимиру серпуховскому и братьям Андрею и Петру Дмитриевичам, но не упомянул о двух других братьях Юрии и Константине, не питая, очевидно, к ним доверия.

Вторая духовная грамота Василия Дмитриевича[78] напечатана в «Древней Российской Вивлиофике» под 1425 г.,[79] в «Собрании государственных грамот и договоров»— под 1423 г.[80] А. В. Экземплярский считает, что грамота написана около 1421 г., так как в ней Василий Дмитриевич поручает сына Василия, наряду с другими братьями, своему брату Константину Дмитриевичу, а по летописям известно, что в 1419 г. великий московский князь поссорился с Константином, который уехал в Новгород и вернулся оттуда в Москву только в 1421 г.[81] А. Е. Пресняков обращает внимание на то, что Василию Дмитриевичу в момент составления завещания не принадлежал Нижний-Новгород, и, исходя из этого, приходит к выводу, что документ относится к 1418 г., когда Нижегородским княжением владел князь Александр Иванович Брюхатый. Но Пресняков впадает в противоречие сам с собой, когда в другом месте своего исследования, ссылаясь на ссору Василия I с Константином Дмитриевичем 1419 г. и на примирение между ними, происшедшее через год с лишним, говорит, что это примирение отразилось на второй духовной московского князя, которую, таким образом, Пресняков, вслед за Экземплярским, очевидно, относит к 1421 г.[82]

Мне кажется, что поводом к составлению завещания послужила смерть старшего из оставшихся к тому времени в живых сына и наследника Василия Дмитриевича — Ивана, последовавшая в июле 1417 г.[83] Поскольку первая духовная грамота представляла собой «ряд» великого князя «своему сыну князю Ивану», являвшемуся в то время единственным наследником, постольку кончина Ивана заставила Василия Дмитриевича написать завещание на имя следующего сына, Василия. «А сына своего князя Василья,— пишет Василий Дмитриевич,— благословляю своею вотчиною великим княженьем, чем мя благословил мой отець».

Нижегородским княженьем Василий I «благословляет» своего сына условно. Из текста завещания вытекает, что, когда оно составлялось, великий князь сам не владел Нижним-Новгородом и только рассчитывал в будущем его получить: «А оже ми даст бог Новгород Нижний, и яз и Новым городом Нижним благословляю сына своего князя Василья со всем». Это место духовной, по-моему, также свидетельствует о том, что она относится к 1417 г.

Очень интересно, что летописи в связи с известием о смерти Ивана Васильевича (сына московского великого князя) рассказывают под 1416—1417 гг. о приезде в Москву суздальско-нижегородских князей Ивана и Даниила Борисовичей и Ивана Васильевича. За два года до приезда Ивана Васильевича, т. е. в 1414 г., по словам летописей, прибыл в Москву и его сын Александр Иванович Брюхатый. Особенно показательно, повторяю, что летописные своды вспоминают обо всем этом в контексте с рассказом о кончине московского княжича Ивана, который являлся «наре-

---

[78] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 13. Т а м ж е, № 14 — список этой грамоты конца XV в.

[79] «Древняя Российская Вивлиофика», ч. 1, изд. 2-е, стр. 147—152, № 20.

[80] СГГД, т. I, стр. 80—82, № 41.

[81] А. В. Э к з е м п л я р с к и й. Указ. соч., т. II, стр. 135, прим. 338.

[82] А. Е. П р е с н я к о в. Указ. соч., стр. 282, прим. 1, стр. 383, прим. 1.

[83] ПСРЛ, т. VIII, стр. 88.

ченным князем великим Нижнего Новагорода».[84] Очевидно, эта кончина изменила планы Василия I относительно Нижегородского княжения. Наплыв в Москву местных князей, все время не терявших надежды на возвращение своей «отчины» и делавших к этому попытки при помощи Орды,[85] заставила Василия Дмитриевича согласиться на то, чтобы кто-либо из них (угодный ему) вернулся на Нижегородское княжение на каких-то условиях зависимости от Москвы. В 1418 г. Александр Иванович Брюхатый женился на дочери великого князя московского Василисе и был «посажен» Василием I на Нижегородском княжении.[86] Формально он пользовался правами «великого князя», но фактически, вероятно, признавал протекторат своего тестя. До нас дошли две жалованных грамоты Александра Брюхатого Благовещенскому и Спасо-Евфимьеву монастырям. Одна из них «дана... июля того лета, коли князь Александр Иванович сел на своей отчине на Новегороде».[87] Другая выдана тогда, «коли великий князь Александр Иванович взял мир с великим князем».[88] Итак, во втором документе Александр Иванович назван великим князем.

Очень вероятно, что Василий I противопоставлял Александра Ивановича в качестве угодного ему нижегородского князя Даниилу и Ивану Борисовичам, которые в 1418 г. «бежаша с Москвы от великого князя Василиа Дмитреевича».

В дальнейшем Даниил Борисович продолжал добиваться Нижегородского стола. Известна его жалованная грамота Благовещенскому монастырю, в которой он называет себя «великим князем». В конце ее указано: «А дана грамота маиа в 8 того лета, коли князь великий Данило Борисович вышол на свою отчину от Махамета царя в другий ряд».[89] Документ, повидимому, относится уже к концу 20-х — началу 30-х годов XV в., когда в летописях упоминается Магмет.

Итак, из всего вышеприведенного материала вытекает, что второе завещание Василия Дмитриевича написано в 1417 г., после смерти его сына Ивана, когда единственным наследником стал следующий его сын Василий Васильевич. Нижегородское княжение, предназначавшееся великим князем ранее Ивану, после кончины последнего было передано местному князю Александру Ивановичу Брюхатому, которого Василий I женил на своей дочери. Это обстоятельство отразилось на тексте второй духовной грамоты.

При датировке второй духовной Василия Дмитриевича необходимо также обратить внимание на то, что в числе братьев, которым великий князь «приказывает» своего сына и наследника Василия, упомянут Константин Дмитриевич. В двух других духовных Василия Дмитриевича (первой

---

[84] ПСРЛ, т. VIII, стр. 88—89; т. XI, стр. 231—232; т. XVIII, стр. 163.

[85] Сыновья нижегородского князя Бориса Константиновича Даниил и Иван были, повидимому, посажены в своей «отчине» Едигеем во время его нашествия на Москву. Продержались они в Нижнем-Новгороде до 1410 г., затем ушли в Болгары или в Мордовскую землю и в 1411 г. приходили на Русь с болгарскими, жукотинскими и мордвинскими князьями. В 1412 г. нижегородские князья получили ярлык на «свои отчины» от Зелени-Салтана. В 1414 г. Нижний-Новгород занял посланный Василием I Юрий Дмитриевич, местные князья бежали, а затем прибыли в Москву с повинной (ПСРЛ, т. VIII, стр. 85—88; т. XI, стр. 215—231).

[86] ПСРЛ, т. VIII, стр. 90.

[87] Гос. Историч. музей, рукописное собрание Синодальной библиотеки, кн. № 276, лл. 275 об.— 276. Всесоюзная публичная библиотека им. В. И. Ленина, рукописное собрание И. Д. Беляева, кн. № 127 (1620), лл. 290 об.— 291. ААЭ, т. I, стр. 13, № 17.

[88] АИ, т. I, стр. 31—32, № 25.

[89] Гос. Историч. музей, рукописное собрание Синодальной библиотеки, кн. № 276, лл. 274 об.—275 об. Всесоюзная публичная библиотека им. В. И. Ленина, рукописное собрание И. Д. Беляева, кн. № 127 (1620), лл. 289—290 об.; кн. № 128 (1621), № 1. ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, № 6099, гл. 2. ААЭ, т. I, стр. 13—14, № 18.

и третьей) имя Константина отсутствует. О ссоре Василия I с Константином Дмитриевичем летописи рассказывают под 1419 г. Московский великий князь захотел «подписати под сына своего Василиа брата своего меншаго Константина», т. е. потребовал от последнего присяги своему наследнику. Константин запротестовал и отказался выполнить великокняжескую волю, за что был лишен вотчины. После этого Константин отправился в Новгород.[90] Совершенно очевидно, что эта ссора не предшествовала составлению второй духовной грамоты Василия Дмитриевича, а следовала за ней. Этим и объясняется расхождение между двумя последними духовными Василия I (второй и третьей) в их отношении к Константину Дмитриевичу. Возможно, что и причина-то ссоры заключалась в том, что московский великий князь без согласия своего младшего брата вписал его в текст своего духовного завещания и тем самым как бы заставил признать права своего сына Василия Васильевича на великое княжение. Константин же, по соглашению с Юрием галицким, надо думать, не желал этого сделать, ссылаясь на духовную Дмитрия Донского. Нашему предположению не противоречит то обстоятельство, что ко второй духовной Василия Дмитриевича, среди других печатей, привешена и печать Константина. Вспомним первую договорную грамоту Василия I с Владимиром серпуховским 1390 г., скрепленную печатью Юрия галицкого, который в момент составления грамоты был в Орде.

Итак, второй текст завещания Василия Дмитриевича падает на время до 1419 г., вернее всего — на 1417 г.

Во второй духовной Василий Дмитриевич уже прямо, без всяких оговорок, «благословляет» своего сына Василия Васильевича «своею вотчиною великим княжением», чем его «благословил» его отец великий князь Дмитрий Иванович. Передает Василий I сыну и Муром.

Вторая духовная была составлена в то время, когда московско-литовские связи окрепли и литовское влияние в Москве было сильно. Этим объясняется, прежде всего, то видное место, которое уделяет в своем завещании 1417 г. Василий I своей жене Софье Витовтовне, в качестве регентши при малолетнем Василии II. В самом начале духовной говорится : «Приказываю своего сына князя Василья своей княгине, а ты, сын мой князь Василей, чти матерь свою и слушай своие матери в мое место своего отца». В тексте 1406—1407 гг. Софье Витовтовне предоставлялась менее значительная роль при ее сыне Иване Васильевиче. В конце завещания, в отличных от грамоты 1417 г. выражениях, Василий I давал наказ Ивану: «А ты, сын мой князь Иван, держи матерь свою во чти и в матерстве, как бог рекл, а мое благословенье на тобе».

Для характеристики литовской ориентации московского правительства в конце второго десятилетия XV в. интересно также, что Василий I «приказал» свою семью (жену и сына) своему тестю Витовту,[91] а уже затем своим братьям Андрею, Петру и Константину [92] (имя Юрия Дмитриевича галицкого попрежнему отсутствует) и двум сыновьям покойного Владимира Андреевича серпуховского Семену и Ярославу.

---

[90] ПСРЛ, т. VIII, стр. 90.

[91] «А приказываю своего сына князя Василья и свою княгиню и свои дети своему брату и тестю великому князю Витовту, как ми рекл, на бозе да на нем, как ся имет печаловати...» На московско-литовские отношения указывают и следующие места грамоты: «А иc судов даю сыну своему князю Василью... каменное судно большое, што ми от великого князя от Витовта привезл князь Семен, да кубок хрустальный, што ми король прислал».

[92] К грамоте привешены печати Василия I, Андрея, Петра и Константина Дмитриевичей. Подпись (по-гречески) митрополита Фотия.

Третья духовная Василия Дмитриевича [93] написана в 1423 г. Об этом свидетельствуют пометы, сделанные на современном документу списке: почерком, совпадающим с почерком списка —«список с тое грамоты, что пошла к великому князю Витовту с Олексеем в лето 30 первое з середохрестья»; и другим почерком —«список з грамоты, что поимал Олексей с собою во Литву, коли с митрополитом поехал с Фотеем на средохрестную».[94] Средокрестная неделя в 1423 г. приходилась на начало марта. Это предельная дата составления Василием I третьей редакции своего завещательного акта, так как затем этот акт был отправлен в Литву.[95]

Целью поездки митрополита Фотия было предъявление текста подлинной духовной московского князя великому князю литовскому. Это имело большое политическое значение, но в литературе указанный факт не оценен и не разъяснен должным образом. Я считаю, что до Василия I московские князья добивались утверждения своих завещаний в Орде. Так поступил и Дмитрий Донской, заставив Орде признать передачу великого княжения его сыну Василию Дмитриевичу. Но последний нарушил старый обычай. Василий I сделал это, очевидно, потому, что в духовной его отца, согласованной с ордынскими властями, был пункт, согласно которому великокняжеские права после его (Василия) смерти должны были перейти не к его сыну, а к брату Юрию Дмитриевичу. Юрий впоследствии и добивался великокняжеского стола в Орде, ссылаясь на текст духовной Донского. Василий Дмитриевич решил, вопреки обычаю, договориться о содержании своего завещания с великим литовским князем Витовтом, «печалованию» которого он поручил свою жену и сына (дочь и внука Витовта). Они также были направлены к Витовту вслед за митрополитом Фотием.[96] Василий Дмитриевич мог рассчитывать, что если Витовт согласится с текстом его завещания, то он поможет его сыну (а своему внуку) Василию Васильевичу отстоять от Юрия галицкого права на великое княжение.

Текст духовной грамоты Василия I 1423 г. в основном совпадает с грамотой 1417 г. Однако имеются и некоторые, весьма существенные различия между этими документами. Во-первых, Нижний-Новгород в 1423 г. является уже бесспорным великокняжеским владением, которым Василий Дмитриевич «благословляет» своего сына Василия Васильевича: «А сына своего князя Василья благословляю своими примыслы, Новым городом Нижним со всем...». Во-вторых, относительно великого княжения духовная 1423 г. проявляет ту же неуверенность, которая отличает завещательный акт 1406—1407 гг. и которой мы не находим в тексте 1417 г. «Благословляя» своего сына Василия великим княжением, князь-завещатель делает следующую оговорку: «А даст бог сыну моему великое княженье, ино и яз сына своего благословляю князя Василия». Наконец, в-третьих, в 1417 г. Василий I поручал свою семью трем братьям (Андрею, Петру и Константину), в 1423 г. — только двум (Андрею и Петру).

Первый и третий пункты отмеченных текстуальных расхождений абсолютно понятны. Нижегородский князь Александр Иванович Брюха-

---

[93] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 15. К грамоте привешена большая великокняжеская печать. Подпись (по-гречески) митрополита Фотия.

[94] Там же, № 16. Указания на духовные грамоты Василия I см. в описях архива Посольского приказа: 1614 г., л. 43 об., 1626 г., л. 11—11 об.

[95] В «Древней Российской Вивлиофике» (изд. 2-е, ч. 1, стр. 153—158, № 21) третья духовная грамота Василия Дмитриевича дана под 1455 г. (!). Очевидно, это опечатка, и надо читать: 1425 г. В СГГД (т. I, стр. 83—85, № 42) — дата 1424 г. Н. М. Карамзин принимает, в качестве даты духовной, 1425 г. (Указ. соч., т. V, изд. 2-е, стр. 220). Правильно датировал документ 1423 годом А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 351, прим. 2.

[96] ПСРЛ, т. XI, стр. 238—239.

тый скончался вскоре после своего брака с дочерью великого князя московского. Таким образом, Нижний-Новгород вернулся в состав московских владений. Ссора Василия I с Константином Дмитриевичем, последовавшая в 1419 г., заставила московского князя вычеркнуть имя своего младшего брата из числа тех князей московского дома, которым он «приказал» свою жену и сына.

Объяснения требует третий пункт: почему Василий I в таких неуверенных тонах говорит о возможности перехода великокняжеского стола к его сыну, а не дает прямого на этот счет распоряжения, как это сделал его отец Дмитрий Иванович в 1389 г. и сам он в 1417 г.? Обычно ссылаются на те опасения, какие внушали Василию I намерения его брата Юрия галицкого. Василий Дмитриевич имел основания предполагать, что Юрий не примирится с получением великокняжеского стола его племянником и начнет с ним борьбу, а за исход этой борьбы Василий ручаться не мог. Такое объяснение, по-моему, явно несостоятельно. Та уклончивая позиция в отношении великого княжения, которую занял Василий I в 1423 г., не только не предотвращала возможной междукняжеской распри Юрия Дмитриевича с Василием Васильевичем, но, напротив, ей способствовала.

Я считаю, что Василий Дмитриевич изменил в грамоте 1423 г. (по сравнению с духовной 1417 г.) формулировку текста, посвященного вопросу о великокняжеских правах своего сына, потому что он отказался в это время от обычая своих предшественников посылать княжеские духовные на утверждение в Орду и пошел по другому пути: послал митрополита Фотия со своей духовной грамотой в Литву. Текст грамоты 1423 г. было решено согласовать с великим литовским князем Витовтом. Но для утверждения за тем или иным из князей великокняжеского достоинства требовалось получение в Орде ярлыка. Поскольку Василий I порвал с прежней московской традицией, согласно которой князь-завещатель, представляя текст своего завещания хану, заранее договаривался о ярлыке для своего наследника-сына, постольку он и не мог внести в духовную прямого распоряжения о передаче великого княжения Василию Васильевичу. Ему оставалось только рассчитывать, что его тесть Витовт поможет своему внуку в борьбе с соперниками за великокняжеское достоинство. Эта надежда и нашла свое выражение в формуле: «А даст бог сыну моему великое княженье».

Если Дмитрий Донской одержал в Орде большую дипломатическую победу, заставив ее признать принадлежность великокняжеского стола старшим князьям московского дома, то Василий Дмитриевич пошел дальше: он сделал попытку решить вопрос о великом княжении независимо от Орды. К этому решению Василий Дмитриевич пришел только в начале 1423 г. В 1417г. у него, вероятно, была еще мысль обратиться со своей духовной в Орду, хотя он уже и в то время рассчитывал на «печалование» Витовта о его семье. Поэтому в духовной 1417 г. Василийе ще шел по стопам своего отца и прямо распорядился о передаче великого княжения своему наследнику Василию II.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДОКУМЕНТЫ МОСКОВСКОГО ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО АРХИВА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XV ВЕКА

§ 1. Состав документов московского великокняжеского архива второй четверти XV в.

Среди документов московского великокняжеского архива второй четверти XV в. можно обнаружить остатки самостоятельных архивов князей галицких, можайско-верейских, серпуховско-боровских, попавшие в Москву после победы Василия II над своими противниками во время известной феодальной усобицы 30—40-х годов XV в.

Прежде всего выделяется большая группа актов, связанных с Юрием Дмитриевичем галицким и его сыном Дмитрием Шемякой. Это 1) два договора Юрия Дмитриевича с великим князем московским Василием Васильевичем;[1] 2) докончание Юрия с Иваном Андреевичем можайским и Михаилом Андреевичем верейским;[2] 3) духовная Юрия галицкого;[3] 4) три договорных грамоты между Дмитрием Шемякой и Василием II;[4] 5) договорный акт Дмитрия Шемяки и суздальских князей Василия и Федора Юрьевичей;[5] 6) докончание Дмитрия Шемяки и можайского князя Ивана

---

[1] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд I, рубр. II, № 13 и 18. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 158—180, № 22—25. СГГД, т. I, стр. 86—90, № 43—44; стр. 99—104, № 49—50. Оба договора дошли до нас в двух противнях, от лица каждого из участников соглашения. Указания на них см. также в описях архива Посольского приказа: 1614 г., лл. 31—31 об., 45—45 об.; 1626 г., л. 13—13 об.

[2] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 16. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 181—183, № 26. СГГД, т. I, стр. 94— 95, № 47. См. также описи архива Посольского приказа: 1614 г., л. 46 об.; 1626 г., л. 13 об.— 14.

[3] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 17. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 191—196, № 28. СГГД, т. I, стр. 105—106, № 51.

[4] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 19, 20, 21, 22, 23. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е. ч. 1, стр. 196—254, № 29—37. СГГД, т. I, стр. 107—132, № 52—60. Два договора дошли до нас в двух экземплярах, каждый в двух противнях, от лица каждого из князей. См. также описи архива Посольского приказа 1614 г., лл. 35, 41 об.; 1626 г., лл. 12 об., 15 об.— 16.

[5] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 25; список с грамоты: т а м ж е, № 26. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 354—359, № 56. СГГД, т. I, стр. 135—137, № 62. См. также описи архива Посольского приказа: 1614 г., л. 46; 1626 г., л. 13 об.

Андреевича с Михаилом Андреевичем верейским и Василием Ярославичем боровским о посылке с повинной к Василию II.[6]

Ряд наблюдений свидетельствует о том, что часть перечисленных грамот представляет собой наследие архива Галицкого удельного княжества. Прежде всего два договора между великим князем московским Василием Васильевичем и Дмитрием Юрьевичем галицким дошли до нас в двух тождественных экземплярах, причем каждый экземпляр состоит из двух противней, написанных от имени каждого из князей, участвовавших в докончании.[7] Грамоты сшиты попарно и скреплены печатями обоих князей. Один экземпляр из двух противней предназначался для московского князя, другой, совершенно аналогичный, — для галицкого. Совершенно очевидно, что тексты, оформленные для Дмитрия Шемяки, могли оказаться в московском великокняжеском архиве только в результате конфискации и вывоза в Москву архива Галицкого княжества.

Два договора Василия II с Юрием Дмитриевичем сохранились каждый в одном экземпляре из двух сшитых вместе грамот, оформленных в обоих случаях от лица и московского и галицкого князей.[8] Уцелевший до нашего времени экземпляр более раннего договора 1428 г. предназначался, повидимому, с самого начала для галицкого удельного князя и был возвращен Василию II Юрием после того, как он нарушил свой договор с великим князем московским и отправился в Орду добиваться ярлыка на великое княжение. Это видно из пометы на обороте докончания: «А сю грамоту князю великому прислал съкладною вместе князь Юрьи, к Орде ида». На некоторые соображения по вопросу о происхождении экземпляра второго, позднейшего докончания 30-х годов XV в. наводит тот порядок, в котором соединены в нем грамоты. Докончание начинается с крестоцеловальной записи Василия II с дядями Юрию галицкому. Очевидно, обе сохранившиеся грамоты этого договора, как и договора 1428 г., принадлежали галицкому князю и попали в Москву из архива Галицкого удельного княжества. В обоих разбираемых случаях никак нельзя допустить, что каждый из участников соглашений мог получить на руки лишь одну грамоту, оформленную от лица того, с кем он вступил в союз, так как тогда княжеские печати должны были бы скреплять и в первом и во втором случаях не два противня договорного текста, сшитые вместе, а каждый из них в отдельности.

Одна из договорных грамот Василия II с Дмитрием Шемякой и его братом Дмитрием Юрьевичем Красным с припиской от 24 июня 1440 г. представлена в московском великокняжеском архиве только одним экземпляром, который является московским противнем:[9] грамота закрепляет крестоцелование обоих Дмитриев московскому великому князю.

Кроме договорных актов галицких князей с великим князем московским, среди документов московского великокняжеского архива имеются, как было указано выше, тексты докончаний Юрия Дмитриевича галицкого и его сына Дмитрия Шемяки с князьями суздальскими,[10]

---

[6] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 32. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 297—300, № 47. СГГД, т. I, стр. 149—150, № 67. См. также описи архива Посольского приказа: 1614 г., лл. 41 об.— 42; 1626 г., л. 16 об.

[7] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 19—22. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 196—249, № 29—36. СГГД, т. I, стр. 107—130, № 52—59.

[8] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 13 и 18. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 158—180, № 22—25. СГГД, т. I, стр. 86—90, № 43—44; стр. 99—104, № 49—50.

[9] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 23. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 249—254, № 37. СГГД, т. I, стр. 130—132, № 60.

[10] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 25. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 354—359, № 56. СГГД, т. I, стр. 135—137, № 62.

можайским,[11] верейским,[12] серпуховско-боровским,[13] наконец, духовная Юрия (в списке).[14] В отношении перечисленных материалов, представляющих собой памятники истории Галицкого удельного княжества, можно с уверенностью утверждать, что они попали в московский государственный архив после победы Василия II над Дмитрием Шемякой. Первоначально же договорные акты галицких князей с другими удельными князьями, естественно, хранились в княжеском архиве Юрия Дмитриевича и его сыновей.

Итак, не подлежит сомнению, что в числе других документов московского великокняжеского архива, до нас дошли остатки архивного фонда Галицкого удельного княжения. Этот фонд сохранил свою цельность и в составе московского архива. Из описи последнего, составленной в конце XVI в., мы узнаем, что «докончалные грамоты великого князя Василья Васильевича со князем Юрьем Дмитриевичем, со князем Дмитрием Шемякою» хранились в 138 ящике. Опись архива Посольского приказа 1626 г. особо выделяет тексты докончаний Василия II с Юрием Дмитриевичем,[15] с Дмитрием Шемякой,[16] договорные грамоты Юрия и Дмитрия Шемяки с удельными князьями. [17] То обстоятельство, что большинство изучаемых документов, связанных с именами Юрия Дмитриевича и Дмитрия Шемяки галицких, еще в XVI—XVII вв. рассматривались составителями архивных описей в качестве материалов единого фонда, свидетельствует об общности их происхождения.

Некоторые палеографические наблюдения подтверждают также наш вывод о том, что ряд договорных грамот галицких князей с великим князем московским и с некоторыми князьями удельными представляет собой наследие архива Галицкого княжества. Выше было высказано предположение, что текст второго по времени договора Василия II с Юрием Дмитриевичем, состоящий из двух противней, оформленных от имени

---

[11] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 16. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 181—183, № 26. СГГД, т. I, стр. 94—95, № 47.

[12] Там же. Кроме того, ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 32. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 297—300, № 47. СГГД, т. I, стр. 149—150, № 67.

[13] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 32. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 297—300, № 47. СГГД, т. I, стр. 149—150, № 67.

[14] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 17. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 191—196, № 28. СГГД, т. I, стр. 105—106, № 51.

[15] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., лл. 12—13 об.

[16] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., лл. 12 об., 15 об.— 16: «...7 грамот докончальных великого князя Василья Васильевича з братьею ево со князем Дмитреем да со князем Дмитреем же Юрьевичи, писаны четыре в 6944-м году, а в трех грамотах году не написано, сшиты по две вместе, а у них по две печати на чорном воску, позамяты, а иные отламались, а семая ветха, добре роспалась, а у ней было привешено три печати на чорном воску, обламалися, а рук у них ничьих нет». Кроме того, одна докончальная грамота указана отдельно.

[17] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., лл. 13 об.— 14, 16—16 об.: «...2 грамоты докончальные великого князя Дмитрея Юрьевича, по которой целовал крест брату своему Ивану Ондреевичю (можайскому), а по другой целовал крест князь Иван Андреевич великому князю Дмитрею Юрьевичю; писаны обе в лето 6954-го апреля в 28 день, сшиты обе вместе, а у них 2 печати на воску замялись, и грамоты ветхи, испродрались... Запись целовалная князя Дмитрея Юрьевича да князя Ивана Ондреевича, что целовали крест братье своей князю Михайлу Ондреевичю (верейскому) да князю Василью Ярославичю (серпуховско-боровскому), что им бить челом брату своему великому князю Василью Васильевичю, чтоб их докончания принял; у них две печати на воску, а году не написано; а назади написано: перемирная грамота». Кроме того, отдельно указаны докончание Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями и договор Юрия Дмитриевича с Иваном Андреевичем можайским и Михаилом Андреевичем верейским.

каждого из князей,[18] является экземпляром, предназначавшимся для Юрия. На эту мысль, как я указывал, наводит тот факт, что из двух сшитых друг с другом и скрепленных вместе печатями грамот первой помещена крестоцеловальная запись Василия II Юрию Дмитриевичу. Но и вторая грамота того же докончания (с крестоцелованием от лица Юрия к Василию II) принадлежит к галицкому экземпляру, так как ее почерк сходен с почерком договорного акта Юрия Дмитриевича с удельными князьями можайскими и верейским[19] — памятником безусловно галицкого происхождения, не связанным с московскими документами. С другой стороны, замечаем близость почерка, которым написана первая грамота того же докончания Василия II с Юрием, с почерком одного из противней договора Василия II с Дмитрием Шемякой.[20]

Конфискация архива галицких князей московским правительством последовала или после взятия Василием II в 1450 г. Галича,[21] или, вернее, после смерти Дмитрия Шемяки в 1453 г. в Новгороде.[22] Имеются известия о том, что, бежав после поражения от великого князя московского в Новгород, Дмитрий Шемяка захватил туда с собой и свою казну.[23]

Кроме остатков галицкого удельно-княжеского архива, среди документов Государственного древлехранилища ЦГАДА выделяется группа договорных грамот Василия II с можайским князем Иваном Андреевичем, которые по всем признакам были вывезены в Москву из архива Можайского удельного княжества. Таких грамот дошло до нас шесть.[24] В двух из них вместе с Иваном Андреевичем, в качестве участника докончаний, выступает и его брат Михаил верейский.[25] Тексты докончаний великого князя московского Василия Васильевича с Иваном Андреевичем можайским, как и памятники московско-галицких взаимоотношений в княжение Василия II, в составе материалов московского государственного архива не утратили характера отдельного собрания и сохранили его даже в XVI—XVII вв. Судя по описи московского царского архива XVI в., докончальные грамоты Василья Васильевича с Иваном Андреевичем хранились, вместе с текстами договоров Василия II с Юрием Дмитриевичем и Дмитрием Шемякой, в 138 ящике.[26] Особо выделены московско-можайские договорные акты также в описях архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг.[27]

---

[18] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 18. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 168—180, № 24—25. СГГД, т. I, стр. 99—104, № 49—50.

[19] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 16. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 181—183, № 26. СГГД, т. I, стр. 94—95, № 47.

[20] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 21 а. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 196—202, № 29. СГГД, т. I, стр. 107—109, № 52.

[21] ПСРЛ, т. IV, стр. 131; т. V, стр. 270; т. VI, стр. 178—179; т. VIII, стр. 122—123; т. XII, стр. 75; т. XVIII, стр. 205.

[22] ПСРЛ, т. III, стр. 141; т. IV, стр. 126, 132, 215; т. V, стр. 31, 271; т. VI, стр. 180; т. VII, стр. 226; т. VIII, стр. 2, 144; т. XII, стр. 109; т. XVIII, стр. 208.

[23] См. Послание митрополита Ионы новгородскому архиепископу Евфимию от 1452 г.; Дмитрий Шемяка, по словам Ионы, «княгиню свою, и дети, и весь свой кош оставя у вас в Великом Новегороде, да от вас ходя в великое княжение, христианство губил и кровь проливал» (ААЭ, т. I, стр. 465, № 372).

[24] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 15, 24, 28, 30, 31 (копия с № 30), 33, 34. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 254—262, № 38—39; стр. 279—297, № 43—46. СГГД, т. I, стр. 92—94, № 46; стр. 133—135, № 61; стр. 138—139, № 63; стр. 146—149, № 66; стр. 151—154, № 68—69.

[25] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 15 и 24. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 254—262, № 38 и 39. СГГД, т. I, стр. 92—94, № 46; стр. 133—135, № 61.

[26] ААЭ, т. I, стр. 345, № 289.

[27] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа, 1614 г., лл. 12—13, 32—32 об., 36—37; опись 1626 г., лл. 14 об.— 15 об., 18—19.

Все шесть докончальных грамот между Василием II и Иваном Андреевичем можайским сохранились в одном экземпляре, причем в отношении пяти документов совершенно очевидно, что это противни, предназначавшиеся для можайского князя, которому «целует крест» великий князь московский. Лишь в одном случае перед нами крестоцеловальная запись от имени Ивана Андреевича Василию II.[28] Из пяти грамот, представлявших собой можайские противни, три скреплены печатями и московского великого князя и можайского удельного,[29] одна запечатана только печатью Ивана Андреевича, [30] и, наконец, к одной приложена печать великого князя тверского Бориса Александровича,[31] выступавшего посредником между Василием II и Иваном Андреевичем. Недошедшие до нас противни грамот с двумя печатями, которые должен был получить на руки великий князь московский Василий Васильевич, конечно, также были скреплены печатями и его собственной и Ивана можайского. Наличие на одном из перечисленных выше договорных актов печати только одного можайского князя объясняется скорее всего тем, что печать Василия II просто утерялась. Печать Бориса Александровича тверского была приложена, само собою разумеется, как к можайскому, так и к московскому противням докончальной грамоты.

Наш вывод, что собрание докончальных грамот великого князя московского Василия Васильевича с Иваном Андреевичем можайским поступило (за исключением одного документа) в московский государственный архив из архива Можайского удельного княжества, подтверждается некоторыми палеографическими наблюдениями. Бросается в глаза своеобразный росчерк, который мы находим в конце текста трех документов, связанных с именем можайского князя Ивана Андреевича, причем в двух случаях перед нами московско-можайские договорные акты, в одном случае — можайско-галицкое докончание.[32] Очевидно, этот росчерк сделан не московским и не галицким, а можайским дьяком.

Можайский архив был вывезен в Москву, надо думать, в 1454 г., когда Иван Андреевич с семьей бежал в Литву, а Василий Темный «пришед к Можайску взят его, и умилосердився на вся сущая в граде том пожалова их, и наместники своя посадив, возвратися к Москве».[33] Таким образом, можайские архивные материалы попали в московскую великокняжескую казну вскоре после конфискации в 1453 г. галицкого архива Шемяки.

Договорных грамот Василия II с Михаилом Андреевичем сохранилось три,[34] причем одна в списке. Два акта представляют собой противни

---

[28] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 34. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 279—283, № 43. СГГД, т. I, стр. 153—154, № 69.

[29] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 15, 24, 30. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 254—258, № 38; стр. 259—262, № 39; стр. 291—297, № 46. СГГД, т. I, стр. 92—94, № 46; стр. 133—135, № 61; стр. 146—149, № 66.

[30] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 33. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 287—290, № 45. СГГД, т. I, стр. 151—152, № 68.

[31] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 28. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 283—286, № 44.—СГГД, т. I, стр. 138—139, № 63.

[32] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 15, 16, 33. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 181—183, № 26; стр. 259—262, № 39; стр. 287—290, № 45. СГГД, т. I, стр. 92—95, № 46—47; стр. 151—152, № 68.

[33] ПСРЛ, т. VIII, стр. 144; т. IV, стр. 132, 147; т. V, стр. 271; т. VI, стр. 180; т. XII, стр. 109; т. XVIII, стр. 208—209.

[34] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 27, 35, 38. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 262—270, № 40—41; стр. 349—354, № 55. СГГД, т. I, стр. 140—142, № 64; стр. 155—156, № 70; стр. 168—170, № 75. См. также опись архива Посольского приказа 1614 г., лл. 13 об., 36; опись 1626 г., лл. 15—15 об., 18, 20—20 об. Говоря о трех грамотах, я не считаю тех актов, в которых Михаил верейский выступает вместе с Иваном можайским.

с крестоцелованием от имени великого князя Василия Васильевича к Михаилу верейскому,[35] один заключает в себе обращение от лица Василия II к Михаилу с предложением «целовать крест».[36] Таким образом, перед нами два верейских противня, один — московский. Сосредоточение в Москве документов верейского архива относится уже ко времени Ивана III, который взял у Михаила Андреевича верейского его прежние договорные грамоты с Василием II и заменил их новыми текстами.[37] В княжение Ивана III в московский великокняжеский архив, вероятно, и поступили те документы верейского архивного фонда, связанные с именем Михаила Андреевича, которые были названы выше. Отсутствие среди материалов московского государственного архива XV в. московских противней некоторых докончаний Василия Темного с Михаилом верейским объясняется тем, что они хранились в митрополичьей казне. Так, текст последнего по времени договора Василия Васильевича с Михаилом Андреевичем от 1 июля 1450 г. известен нам в противне, полученном в свое время Михаилом,[38] а затем при Иване III переданном им в московский великокняжеский архив. Но в митрополичьем формулярнике мы встречаем копию с другого противня этого документа, оформленного для Василия II.[39]

В середине 50-х годов XV в., кроме архивов Галицкого и Можайского уделов, московское правительство получило также архивные материалы Серпуховско-Боровского удельного княжества. Сохранившиеся документы этого фонда представляют собой четыре договорных текста серпуховско-боровского князя Василия Ярославича (внука Владимира Андреевича) с Василием II.[40] Из них одно докончание дошло до нас в двух тождественных экземплярах, причем каждый экземпляр состоит из двух сшитых попарно и скрепленных двумя печатями противней, оформленных от лица каждого из князей — участников соглашения.[41] В данном случае, как и в рассмотренных выше случаях с докончальными грамотами между великим князем московским Василием Васильевичем и Дмитрием Шемякой, мы можем быть уверены, что один экземпляр договора (из двух противней) получил Василий II, другой — Василий Ярославич. Последний экземпляр мог попасть в московский государственный архив только из архива Серпуховско-Боровского удельного княжения.

Два докончания Василия Васильевича и Василия Ярославича сохранились каждое лишь в одном экземпляре, состоящем из двух соединенных вместе противней, написанных от имени, с одной стороны, московского, с другой — серпуховско-боровского князей и заверенном

---

[35] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 27, 38. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 265—270, № 41; стр. 349—354, № 55. СГГД, т. I, стр. 140—142, № 64; стр. 168—170, № 75.

[36] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 35. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 262—265, № 40. СГГД, т. I, стр. 155—156, № 70.

[37] Об этом см. гл. IV.

[38] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 38. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 349—354, № 55. СГГД, т. I, стр. 168—170, № 75.

[39] Государственный исторический музей. Рукописное собрание Синодальной библиотеки, кн. № 562, лл. 146—149 об.

[40] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 14, 36, 37, 40, 42. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 300—349, № 48—54; стр. 395—413, № 63—64. СГГД, т. I, стр. 90—92, № 45; стр. 156—168, № 71—74; стр. 177—184, № 78—79; стр. 195—201, № 84—85. См. также описи архива Посольского приказа: 1614 г., лл. 37 об.— 38; 1626 г., лл. 21—22.

[41] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 36—37. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 305—332, № 49—52. СГГД, т. I, стр. 156—168, № 71—74.

печатями обоих князей.[42] Порядок, в котором расположены грамоты в каждом экземпляре (вначале крестоцеловальная запись Василия Ярославича, затем Василия II), свидетельствует скорее о том, что перед нами тексты, предназначавшиеся для московского великого князя.

Наиболее ранний договорный акт великого князя московского Василия Васильевича с удельным князем Василием Ярославичем известен лишь в списке, снятом с противня, принадлежавшего Василию Ярославичу.[43] Документ начинается с предложения о крестоцеловании, адресованного серпуховско-боровским князем Василию II «с братьею». Оригинал этого договорного текста, как ясно из анализа его формуляра, несомненно попал в московский великокняжеский архив из казны серпуховско-боровского удельного князя.

Архив князя Василия Ярославича московское правительство, очевидно, захватило в 1456 г., после того как Василий серпуховско-боровский был арестован и заточен в Угличе, а его сын и жена бежали в Литву.[44]

Докончальные грамоты рязанских князей (Ивана Федоровича с Юрием Дмитриевичем галицким и с Василием II московским)[45] известны только в списках конца XV в. Происхождение этих списков будет выяснено ниже.[46] Оригиналы названных документов, вместе с другими актами, относящимися к Рязанскому княжеству, оказались в руках московского правительства скорее всего в 1456 г., после смерти рязанского князя Ивана Федоровича. Последний «приказал» свое княжение и восьмилетнего сына Василия великому князю московскому Василию Темному. Малолетний наследник рязанского княжеского стола был взят Василием Темным в Москву, а в Рязани появились московские наместники.[47] Тогда же, вероятно, в Москву были вывезены некоторые архивные материалы рязанских князей.[48]

Итак, мы имеем право утверждать, что в 50-х годах XV в., после ликвидации междукняжеской усобицы 30—40-х годов, московское правительство позаботилось о том, чтобы вывезти в Москву архивы из ряда княжеств, принимавших участие в феодальной войне. Сосредоточение в стольном городе Московского великого княжества местных архивных фондов являлось, таким образом, прямым следствием победы Василия Темного над удельными князьями, выступления которых против великокняжеской власти мешали процессу объединения русских земель. Документы периода феодальной войны 30-х и 40-х годов XV в. не утратили своего актуального политического значения и после того, как эта война закончилась. Как будет выяснено ниже, многие акты первой половины и середины XV в. использовались московскими великими князьями и в их дальнейшей борьбе с удельными князьями.

---

[42] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 40 и № 42. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 333—349, № 53—54; стр. 395—413, № 63—64. СГГД, т. I, стр. 177—184, № 78—79; стр. 195—201, № 84—85.

[43] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 14. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 300—305, № 48. СГГД, т. I, стр. 90—92, № 45.

[44] ПСРЛ, т. IV, стр. 132, 147; т. V, стр. 279; т. VI, стр. 181; т. VIII, стр. 147; т. XII, стр. 112; т. XVIII, стр. 212.

[45] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 17 и 29. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 184—191, № 27; стр. 270—279, № 42 СГГД, т. I, стр. 96—99, № 48; стр. 142—146, № 65. См. также описи архива Посольского приказа: 1614 г., лл. 17—17 об., 11 об.— 12; 1626 г., лл. 14—14 об., 17 об.

[46] См. гл. IV.

[47] ПСРЛ, т. IV, стр. 147; т. V, стр. 272; т. VI, стр. 181; т. VIII, стр. 147; т. XII, стр. 111—112; т. XVIII, стр. 212.

[48] См. гл. IV.

164015

Выше уже говорилось, что договорные грамоты Василия Васильевича II, хранившиеся в московском государственном архиве, часто представляют собой противни, предназначавшиеся для князей галицких, можайских, серпуховско-боровского и т. д. В Москву эти грамоты попали только после того, как Василий Темный одержал окончательную победу над названными князьями. Но ведь при заключении договора московский великий князь также получал противень докончальной грамоты. Почему же многие из таких противней отсутствуют среди документов московского великокняжеского архива в то время, как в этом же архиве сохранились документы, вывезенные в Москву из удельных княжений? Я думаю, это объясняется тем, что в 1446 г., когда Москва оказалась в руках Дмитрия Шемяки, он вместе со своим союзником князем Иваном Андреевичем можайским захватил казну московских великих князей, причем многие документы, находившиеся в казне, не были возвращены Василию II и погибли, а может быть, были сознательно уничтожены галицким и можайским князьями.

Из докончальной грамоты Василия II с Иваном Андреевичем можайским от сентября 1447 г. мы узнаем, что Иван Андреевич «взял в ... (великокняжеской) казне грамоты докончальные, и ярлыки, и дефтери, и иные которые грамоты надобные». Можайский князь обязался «все то... отъдати великому князю по крестному целованию»,[49] но у нас нет никакой уверенности, что это обещание было выполнено. В послании ряда русских епископов к Дмитрию Шемяке, датированном 29 декабря 1447 г., также содержится требование о возврате великокняжеской казны: «... где еси что ни поимал казны, и поклажай, и ярлыков, и грамот докончалных всех, и дефтерей, и иных каких грамот, что еси поимал в великого князя казне, и что ему ялся то все отдати, брату своему старейшему великому князю, по докончальным грамотам, и по перемирной грамоте, и по крестному целованью,— и толко ему того всего не отдаси,... ино то не мы тобе учиним, но сам на собе наложишь тягость церковную духовную...».[50]

Угроза церковного отлучения, очевидно, не оказалась достаточно сильным средством, которое заставило бы галицкого князя выполнить условие докончальных грамот и отдать московскому великому князю захваченный им великокняжеский архив. После победы над Дмитрием Шемякой и его союзниками Василий II в свою очередь конфисковал их архивы. Этим и объясняется то странное, на первый взгляд, явление, что в московской княжеской казне оказались противни договорных грамот, написанные для удельных князей, и в то же время оттуда исчезли тексты докончаний, принадлежавшие самому Василию Васильевичу Темному.

§ 2. Документы московского великокняжеского архива, относящиеся ко времени борьбы Василия II с Юрием Дмитриевичем галицким

Сохранившиеся документы московского великокняжеского архива не дают возможности проследить за ходом борьбы между Василием II и его дядей Юрием Дмитриевичем галицким за великокняжеский стол в первые годы после смерти великого князя Василия Дмитриевича. Наиболее ранняя из сохранившихся докончальных грамот Василия Васильевича с Юрием Дмитриевичем относится к 11 марта 1428 г.[51] Между тем, из летописных данных мы имеем право заключить, что договорный акт

---

[49] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 30. СГГД, т. I, стр. 148, № 66.

[50] АИ, т. II, стр. 82, № 42.

[51] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 13. СГГД, т. I, стр. 86—90, № 43—44.

1428 г. был далеко не первым документом, оформившим отношения Василия II с его дядей.

Летописные своды так изображают события 1425—1428 гг. В ту же ночь, когда скончался Василий Дмитриевич, митрополит Фотий послал в Звенигород за Юрием Дмитриевичем, но последний, «не ходя на Москву», удалился в Галич. На великом княжении сел Василий Васильевич, с которым Юрий заключил перемирие до Петрова дня, т. е. до июня 1425 г. В то же время и московское правительство, и Юрий Дмитриевич стали подготавливать военные силы. В скором времени произошло столкновение. Московские войска заставили Юрия отступить к Нижнему-Новгороду, а затем бежать за Суру. Юрий возобновил переговоры, настаивая на перемирии на год. Московское правительство, заручившись поддержкой литовского князя Витовта, «печалованию» которого Василий Дмитриевич поручил своего сына, стремилось добиться от галицкого князя полного отказа от претензий на великое княжение. Последовал дипломатический визит митрополита Фотия в Галич, а затем ответное боярское посольство от Юрия побывало в Москве. При этом Юрий согласился прислать бояр в Москву для дальнейших переговоров только под угрозой митрополичьего неблагословения. В результате состоялось соглашение, по которому спорное дело между двумя претендентами на великокняжеский стол (Василием Васильевичем и Юрием Дмитриевичем) было решено перенести на суд в Орду: «И доконча мир на том, что князю Юрию не искати княженна великого собою, но царемь: которого царь пожалует, той будет князь велики владимерский и Новугороду Великому и всей Русии».[52] Таким образом, если правительство Василия II искало опоры в Литве, то Юрий надеялся найти защиту своим интересам в Орде.

О дальнейших московско-галицких взаимоотношениях до 1428 г. летописные своды не дают сведений, но из текста мартовского договора 1428 г. между Василием II с дядьями Андреем и Константином, с одной стороны, и Юрием Дмитриевичем — с другой мы узнаем, что междукняжеская распря продолжалась и после докончания 1425 г. Договор 1428 г. ликвидирует последствия междукняжеского «нелюбия», «войн» и «грабежей», очевидно, имевших место в трехлетие с 1425 по 1428 г. Вырабатываются условия об отпуске князьями «нятцев», о «сведении» «на обе стороны» «поруки и целования». Докончальная грамота указывает, что до 1428 г. великокняжеские наместники, волостели, посельские, тиуны «ведали... отчину» Юрия Дмитриевича и боярские села в его «отчине». Накопилось множество спорных дел, и князья договорились «отослати по боярину», которые должны были «учинить исправу».

Юрий Дмитриевич галицкий признал себя по договору 11 марта 1428 г. «братом молодшим» великого московского князя Василия Васильевича и обязался «блюсти» под ним и его детьми его «отчину в Москве», «Коломну с волостьми...,все великое княжение», Нижний-Новгород, Муром и все великокняжеские примыслы. Таким образом, Юрий отказался от всяких притязаний на великокняжеские права, признав их за своим племянником на основании духовной грамоты великого московского князя Василия Дмитриевича. Со своей стороны, Василий Васильевич не должен был «вступаться» в удельные владения Юрия, которые тот получил по духовной грамоте Дмитрия Донского. Наконец, Юрий гарантировал неприкосновенность владений своих младших братьев Андрея и Константина и внуков Владимира Андреевича серпуховского.

Из летописей и из текста докончальной грамоты 1428 г. не совсем

---

[52] ПСРЛ, т. VIII, стр. 92—93; т. VI, стр. 142; т. XII, стр. 1—3; т. XVIII, стр. 167—168; т. XXIII, стр. 146.

ясно, каким путем московскому великому князю Василию удалось привести к покорности своего дядю. Между тем, опись архива Посольского приказа 1626 г. содержит некоторые дополнительные данные, которые проливают свет на происхождение сохранившегося договорного акта 11 марта 1428 г., Опись 1626 г., кроме этого акта, называет еще две грамоты, заключенные в том же 1428 г. Василием II с Юрием Дмитриевичем. Сопоставляя между собой сведения описи 1626 г. об этих трех документах, замечаем следующее: один из них (дошедший до нас) написан от имени Василия II и его двух дядей — Андрея и Константина Дмитриевичей; другой — от лица Василия и Андрея Дмитриевича (без упоминаний Константина), третий — только от Василия, без участия как Андрея, так и Константина. Опись 1626 г. следующим образом описывает три договорных текста 1428 г.: 1) «2 грамоты докончальные (т. е. два противня), что целовал крест великому князю Василью Васильевичю и князю Ондрею и князю Костентину Дмитриевичем брат их князь Юрья Дмитреевичь, а другая запись, на чом целовал князь великий Василей Васильевичь и за братью свою за князя Ондрея и за князя Костентина Дмитреевичев князю Юрью Дмитреевичю при митрополите Фотее всеа Русии; писаны на листех в лето 6936-го году марта в 11 день; сшиты вместе обе; у них три печати на воску, четвертая отпала; у обеих рука Фатея митрополита писана по гречески»; 2) «2 грамоты докончальные (два противня) великого князя (так!) Юрья Дмитреевича с великим князем Васильем Васильевичем и з братом ево со князем Ондреем Дмитреевичем, и великого князя Василья Васильевича и брата ево князя Ондрея Дмитреевича с великим князем Юрьем Дмитреевичем; писаны в 6936-м году при Фотее митрополите»; 3) «2 грамоты докончалные (два противня) великого князя (так!) Юрья Дмитреевича и сына ево князя Дмитрея Меншова (так!)[53] с великим князем Васильем Васильевичем, и великого князя Василья Васильевича с великим князем Юрьем Дмитреевичем и сыном ево со князем Дмитрием Меншим; у них 5 печатей на чорном воску; писаны в 6936-году при Фатее митрополите».[54]

Итак, составитель описи 1626 г. подчеркивает, что в 1428 г., при ближайшем участии митрополита Фотия, были оформлены три договора от имени московского великого князя Василия Васильевича с Юрием Дмитриевичем, причем одна грамота рассматривала взаимоотношения только между двумя князьями — Василием и Юрием; к оформлению другой был привлечен еще Андрей Дмитриевич; наконец, участником третьего докончания, наряду с Андреем, явился также Константин Дмитриевич. Совершенно очевидно, что задача политики московского правительства, руководимого митрополитом Фотием, заключалась в попытке, использовав различные комбинации договорных отношений между московским великим князем Василием Васильевичем и братьями Дмитриевичами, изолировать Юрия от Андрея и Константина.

Из рассказов летописных сводов можно вывести заключение, что во время усобицы 1425—1428 гг. Андрей и Константин Дмитриевичи, а также Петр Дмитриевич, умерший до составления договорной грамоты 11 марта 1428 г., стояли на стороне Василия II.[55] Между тем ряд летописей очень неясно изображает участие Андрея и Константина в борьбе с Юрием. Так, Софийские I и II летописи говорят о посылке весной 1425 г. под Нижний против Юрия — Андрея, который «брата князя Юрья не дошед, да воротился».[56] Имеются некоторые данные о том, что Андрей

[53] Очевидно, ошибка: имеется в виду Дмитрий Шемяка.
[54] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., лл. 12—13 об.
[55] ПСРЛ, т. VIII, стр. 92.
[56] ПСРЛ, т. V, стр. 263; т. VI, стр. 225.

вернулся «норовя брату».[57] В других летописях (Воскресенской, Никоновской, Симеоновской) участником похода назван не Андрей, а Константин, вынужденный вернуться из-за невозможности перейти через реку Суру, за которую ушел Юрий.[58] Все эти противоречия, умолчания и неясности летописных текстов заставляют предполагать, что позиция младших Дмитриевичей во время распри Юрия галицкого с племянником с самого начала не была столь прямолинейной. Юрий Дмитриевич имел основания рассчитывать на прямую или тайную поддержку Андрея и Константина.

К 1428 г. междукняжеские отношения осложнились в связи со смертью Петра Дмитриевича, не оставившего потомства. Возник вопрос о судьбе выморочного Дмитровского удела. Сохранились сведения описи 1626 г. (неизвестные до сих пор исследователям) о том, что после Петра осталась духовная грамота,[59] но содержания ее мы не знаем. Дошедший до нас договорный текст 11 марта 1428 г. не говорит ни слова о том, кому из князей достался Дмитровский удел. Вряд ли молчание это случайно. Из того, что впоследствии Юрий Дмитриевич добивался Дмитрова и получил на него ярлык в Орде, можно заключить, что в сепаратном договоре 1428 г. (о существовании которого нам известно из описи 1626 г.) с Юрием Василий II согласился на передачу Дмитровского удела Юрию Дмитриевичу.[60] В договорный акт 11 марта, в заключении которого участвовали князья Андрей и Константин, пункт о Дмитрове сознательно не был включен, чтобы не поднимать вопроса о разделе волостей между младшими Дмитриевичами. Уступкой Дмитрова Юрию Дмитриевичу правительство Василия II рассчитывало внести разлад в отношения между ним и его братьями и в то же время побудить его отказаться от борьбы за великое княжение. Такой отказ мы находим в сохранившейся докончальной грамоте 11 марта 1428 г., хотя в то же время в нее включена двусмысленная формула: «а жити нам в своей отчине в Москве и в вуделех по душевной грамоте... великого князя Дмитрия Ивановича». Эта статья оставляла Юрию возможность возобновить вопрос о великом княжении путем ссылки на завещательное распоряжение своего отца. В сепаратном договоре Василия II с Юрием Дмитриевичем условие о великом княжении, повидимому, приближалось к той формуле, которую дают нам летописи под 1425 г.: «...князю Юрию не искати княженна великого собою, но царемь: которого царь пожалует, той будет князь велики владимерский и Новугороду Великому и всей Руснн».[61] На эту мысль наводит терминология описи архива Посольского приказа 1626 г., которая, называя договорные грамоты Юрия — одну с Василием II, другую — с Василием II и Андреем Дмитриевичем, употребляет в отношении Юрия титул «великий князь». В то же время этот титул отсутствует при описании договорного акта 11 марта 1428 г. между Юрием, с одной стороны, и Василием II, Андреем и Константином Дмитриевичами — с другой.

Подводя итоги предшествующему изложению, можно сказать, что в начале 1428 г. отношения между князьями московского дома были сложными и напряженными. Сетью перекрестных договоров с удельными князьями московское правительство Василия II старалось предупредить назревавшее междукняжеское столкновение. Смерть в октябре 1430 г. деда

---

[57] Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. V, изд. 2-е, прим., стр. 170, № 257.
[58] ПСРЛ, т. VIII, стр. 92; т. XII, стр. 2; т. XVIII, стр. 167.
[59] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., л. 17.
[60] Говоря о действиях Василия II в первые годы его княжения, я имею в виду политику боярского правительства, руководимого митрополитом Фотием.
[61] ПСРЛ, т. VIII, стр. 93.

Василия II по матери — великого князя литовского Витовта,[62] а в июле 1431 г. кончина митрополита Фотия [63] побудили Юрия Дмитриевича на активные действия. После Витовта власть в Литве перешла к свояку Юрия Свидригайлу. Почти одновременно сошли со сцены и митрополит Фотий, подписавший духовную Василия Дмитриевича, и Витовт, которому духовная была предъявлена. Момент для выступления Юрия в целях пересмотра вопроса о великом княжении на основе завещательного распоряжения своего отца великого московского князя Дмитрия Ивановича был наиболее благоприятным.

Уже под 1430 г. летописи говорят о том, что «князь Юрьи Дмитреевичь разверже мир с великим князем Василием Василиевичем». Под 1431 г. в летописных сводах находим известие, согласно которому «князь велики Василей да князь Юрий Дмитреевичь, дядя его, спершися о великом княжении, похотеша итти в Орду к царю Махметю».[64] На оборотной стороне сохранившегося экземпляра договора Василия II с Юрием Дмитриевичем от 11 марта 1428 г. имеется помета: «А сю грамоту князю великому прислал съкладною вместе князь Юрьи к Орде ида».

Таким образом, Юрий Дмитриевич прислал Василию II принадлежавший ему экземпляр договора 11 марта 1428 г. вместе со складною грамотою. Соперники решили перенести свое спорное дело о великом княжении на суд в Орду. Судебное разбирательство состоялось в Орде в 1431—1432 гг. Летописи красочно описывают сцену суда, отмечая бурные прения, разыгравшиеся между двумя истцами и сторонниками того и другого из ханского окружения. При этом Василий Васильевич ссылался на наследственные права на великое княжение, полученные от деда и отца. Юрий галицкий обосновывал свои притязания, опираясь на летописные своды и текст духовной грамоты Дмитрия Донского. «Царь же повеле своим князем судити князей русских,— читаем в Воскресенской летописи,— и многа пря бысть межи их: князь велики по отечеству и по дедству искаше стола своего, князь же Юрьи летописци, и старыми списки, и духовною отца своего великого князя Дмитрия...». По летописному рассказу, требования Юрия не были удовлетворены вследствие умелой политики в Орде боярина московского великого князя Василия — Ивана Дмитриевича Всеволожского. Отстаивая права Василия II, он дипломатично апеллировал к ордынским «дефтерям» и «ярлыкам», противопоставляя ханское «жалованье» «мертвой грамоте» Дмитрия Донского, на которую ссылался в своих политических целях в Орде Юрий галицкий. Речь Всеволожского в передаче Воскресенской летописи заключала в себе следующие аргументы в пользу московского князя: «Наш государь великий князь Василей ищеть стола своего великого княжения, а твоего улусу, по твоему цареву жалованию и по твоим дефтерем и ярлыком, а се твое жалование пред тобою; а господин наш князь Юрий Дмитреевичь хочет взяти великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованию, волного царя; а ты волен во своем улусе, кого въсхощешь жаловати на твоей воли; а государь наш князь велики Василей Дмитреевичь великое княжение дал своему сыну великому князю Василию по твоему жалованию волного царя; а уже, господине, которой

---

[62] ПСРЛ, т. II, стр. 354; т. III, стр. 111; т. V, стр. 264; т. VI, стр. 143; т. VIII, стр. 95; т. XII, стр. 9; т. XVIII, стр. 170; т. XXIII, стр. 146.

[63] ПСРЛ, т. II, стр. 354; т. III, стр. 111; т. IV, стр. 206; т. V, стр. 27; т. VI, стр. 144; т. VIII, стр. 95; т. XII, стр. 10; т. XVIII, стр. 171.

[64] ПСРЛ, т. VIII, стр. 95; т. XII, стр. 9 и 15; т. XVIII, стр. 171.

год седит на столе своем, а на твоем жаловании, тебе, своему государю волному царю, правяся, а самому тебе ведомо».[65]

А. Е. Пресняков, интерпретируя цитированный летописный текст, приходит к выводу, что Василий Дмитриевич обеспечил заранее утверждение своей духовной ханским ярлыком на имя своего наследника Василия II; в то же время Василий Дмитриевич предъявил духовную и Витовту.[66] Мне кажется, рассказ летописи надо понимать совершенно в ином смысле. Основной мотив выступления Всеволожского — это противопоставление «мертвой грамоте» Дмитрия Донского ханских «дефтерей» и «ярлыков», выдача которых тому или иному претенденту зависит от воли хана, а не от княжеского завещания. Выражение: «а се твое жалование пред тобою» — вовсе не означает, что Всеволожский тут же предъявил ярлык, который Василий Дмитриевич выхлопотал для своего сына. Это выражение равнозначно другому: «а ты волен во своем улусе, кого въсхощешь жаловати на твоей воли», т. е. хан по своему усмотрению вправе выдать ярлык тому, кому он найдет нужным. Защищая права на великое княжение Василия Васильевича, Всеволожский указывал, что оно перешло к нему от отца, который владел великокняжеским столом, по ханскому «жалованию».[67] Далее московский боярин ссылался на давность владения великокняжеским столом самим Василием II и на его верность хану как основания для выдачи московскому князю ярлыка. Самое интересное — это то, что Всеволожский не пытался оспаривать духовную Дмитрия Донского по существу. Очевидно, он признавал, что по своему содержанию она является документом, свидетельствующим о великокняжеских правах Юрия. Задача Всеволожского сводилась к тому, чтобы, не комментируя завещания, смысл которого не возбуждал сомнений, просто отвергнуть его в качестве доказательства на ханском суде. Такая позиция, занятая Всеволожским, является достаточным аргументом против тех исследователей, которые считают причиной спора Василия с Юрием недоговоренность, неясность редакции, двусмысленность завещания Дмитрия Донского. В то же время попытка Всеволожского выдвинуть впротивовес духовной Дмитрия Донского другие основания для решения вопроса о великокняжеском столе, показывает, что до Василия Дмитриевича утверждение в Орде великокняжеских завещаний было нормой. Всеволожский настойчиво подчеркивал, что «князь велики Василей Дмитриевичь великое княжение дал своему сыну великому князю Василию по твоему жалованью волного царя» именно потому, что Василий Дмитриевич нарушил старинный обычай и при составлении своего завещания обошелся без ордынской санкции. Всеволожский не говорит прямо о том, что духовная Василия I, вопреки тому укладу, который вел свое начало со времен Ивана Калиты, была предъявлена вместо ордынских властей Витовту. Но не касаясь открыто этого поступка Василия I, московский боярин старается оправдать его верностью Василия II ханской власти: «...седит на столе своем, а на твоем жаловании, тебе, своему государю волному царю, правяся». Наконец, в выступлении Всеволожского проскальзывает еще один мотив: вручение ярлыка

---

[65] ПСРЛ, т. VIII, стр. 96.

[66] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 387, прим. 2.

[67] А. Е. Пресняков, по-моему, дает неверное толкование словам летописи: «а государь наш князь велики Василей Дмитреевичь великое княжение дал своему сыну великому князю Василию по твоему жалованию волного царя». Он видит здесь прямое указание на ярлык, которого Василий Дмитриевич еще при жизни сумел добиться для своего сына. В действительности речь идет о том, что *сам Василий Дмитриевич* занимал великокняжеский стол по ханскому «жалованию» и на этом основании передал его сыну.

Юрию было бы политически недальновидным, так как утвердившийся в Литве после смерти Витовта великий князь Свидригайло является «побратимом» галицкому князю, и возможность заключения союза между Юрием и Свидригайлом таит в себе угрозы для Орды. Я думаю, что этот аргумент заключал намек на то, что в свое время Дмитрий Донской лишил будущее потомство Василия Дмитриевича великокняжеского стола и предназначил его для Юрия, боясь за судьбы великого княжения, если оно окажется в руках детей Софьи Витовтовны, княгини литовского происхождения. Тогда великого князя московского пугала возможность перехода русских земель в дом литовского князя Витовта. Сейчас ордынские власти должны были призадуматься над политическими последствиями того соглашения, которое последует между великим князем, если им станет Юрий, и Свидригайлом. Выдвижение Юрия в качестве кандидата на великое княжение имело смысл во времена Донского, но не в княжение Василия II.

Таков, как мне представляется, был ход мыслей Ивана Дмитриевича Всеволожского, изложенных им в Орде. Расчеты московского боярина, защищавшего интересы Василия II с позиций ордынского хана, которого Всеволожский уверял, что права московского великого князя имеют опору в его ханской воле,— оказались верными. Великое княжение осталось в конце концов за Василием Васильевичем, а Юрий Дмитриевич получил ярлык на Дмитровский удел. Выше было высказано предположение, что Василий II еще в 1428 г., после смерти Петра Дмитриевича, согласился на уступку Дмитрова Юрию.

В исторической литературе до сих пор не сделана попытка поставить в связь с летописными сообщениями о суде в Орде, происходившем в 1431—1432 гг., некоторые документы московского государственного архива.[68] Между тем, основания для подобного сопоставления имеются. Мы знаем, что Юрий Дмитриевич занимался в Орде разбором и толкованием текста духовной грамоты Дмитрия Донского и еще каких-то «списков» документов. Сторонники московского князя Василия выдвигали в качестве основного довода против притязаний Юрия ссылку на ханское «жалование». Они пытались не столько разбить аргументацию противной стороны, построенную на текстуальном анализе духовной Донского (и, может быть, каких-либо других актов московского государственного архива), сколько отстранить эту духовную в качестве судебного доказательства. Очевидно, в этом и заключалась «многая пря» на ханском суде. Но Всеволожский, конечно, должен был иметь список того документа, который служил главным орудием в руках его противника,— духовной Донского.

В Государственном древлехранилище ЦГАДА, среди материалов московского великокняжеского архива, наряду с подлинным завещанием 1389 г. Дмитрия Донского, сохранился список с него.[69] Духовная 1389 г.— наиболее ранняя грамота, с оригинала которой была снята в свое время копия. В Государственном древлехранилище отсутствуют списки с сохранившихся там предшествующих завещанию Донского 1389 г. подлинных грамот других московских князей: Ивана Калиты, Семена Ивановича и Ивана Ивановича. Очевидно, какие-то причины заставили московское правительство обратить особое внимание на грамоту Донского и скопировать ее. Когда же и вследствие чего появился интерес к этому акту?

---

[68] М. Д. Приселков указывает, что Юрий Дмитриевич представил ордынскому хану список «Летописца великого русского» редакции 1389 г. М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 169.

[69] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 8.

Водяной знак бумаги, на которой написана копия духовной Донского, — корона — ведет нас к 20-м годам XV в.[70] Таким образом, имеются все основания предполагать, что эта копия предназначалась для того суда, который состоялся в Орде по делу между Юрием галицким и Василием II. Список мог быть сделан еще до судебного разбирательства 1431—1432 гг., в 1425 г. или 1428 г., когда по докончальным грамотам между Василием и Юрием было решено передать дело о великом княжении на решение хана.

По вопросу о происхождении изучаемого списка можно высказать два, одинаково правдоподобных, предположения. Он мог быть сделан по заданию московского правительства; поскольку Юрий ссылался преимущественно именно на завещание Дмитрия Донского, постольку московский князь должен был иметь под руками список этого акта для наведения в нем соответствующих справок. Но возможно, что названным списком пользовался, напротив, Юрий, снявший его для себя, а затем этот список, в числе других материалов галицкого архива, попал в 50-х годах XV в. в Москву.

Суд в Орде не прекратил усобицы между Василием Васильевичем и Юрием Дмитриевичем. Дальнейшая борьба за великое княжение между двумя соперниками нашла свое отражение в целом ряде позднейших документов московского великокняжеского архива. Время и условия их возникновения, их взаимоотношение между собой недостаточно выяснены в существующей исторической литературе.

В конце июня 1432 г. князья вернулись из Орды.[71] В октябре того же года ханский посол Мансырь-Усан посадил Василия II на великое княжение.[72] Учитывая возможность продолжения войны с галицким князем, Василий Васильевич постарался связать с собой сетью договоров удельных князей московского дома: серпуховско-боровского, можайского, верейского. До нас дошла (в копии XV в.). договорная грамота Василия Ярославича боровского, с одной стороны, и Василия II, Константина Дмитриевича, Ивана Андреевича можайского и Михаила Андреевича верейского — с другой.[73] В основном названный документ повторяет условия докончания между Василием I и Владимиром Андреевичем серпуховским от 1390 г.[74] Обычно изучаемая докончальная грамота Василия Ярославича с Василием II датируется временем около 1433 г.[75] Между тем, имеются основания уточнить эту дату. По-моему, наиболее правильным будет связать появление грамоты с браком Василия II и сестры серпуховско-боровского князя Марии Ярославны. Свадьба произошла, судя по летописям, 7 или 8 февраля 1433 г.[76] В феврале же или в январе, очевидно, был заключен рассматриваемый договорный акт. Как известно, летописи как раз свадьбу Василия II считают исходным пунктом позднейших княжеских междоусобий. Тогда произошла известная история с драгоценным поясом Василия Юрьевича Косого (сына Юрия Дмитриевича). К тому же времени относится отъезд боярина Ивана

---

[70] По Лихачеву, № 364.

[71] ПСРЛ, т. IV, стр. 266; т. VIII, стр. 96; т. XII, стр. 16.

[72] ПСРЛ, т. VI, стр. 148.

[73] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 14. СГГД, т. I, стр. 90—92, № 45. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 300—305, № 48 (под совершенно невозможной датой — 1449 г.).

[74] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 9. СГГД, т. I, стр. 62—64, № 35.

[75] Так в СГГД. См. также А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II, стр. 312. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 391—392, прим. 3.

[76] ПСРЛ, т. VI, стр. 148; т. VIII, стр. 97; т. XII, стр. 17.

Дмитриевича Всеволожского в Галич. Не вдаваясь в интерпретацию летописного рассказа о драгоценном поясе, мы имеем право утверждать, что с января — февраля 1433 г. Василий II стремился обеспечить себе поддержку со стороны удельных князей. Первым шагом в борьбе с Юрием было занятие Василием Дмитрова, закрепленного за Юрием ханским ярлыком.[77] Это произошло, очевидно, после заключения договора с Василием Ярославичем, так как в названном договорном тексте Дмитров еще не упоминается в числе владений московского великого князя.

Материалы архивных описей XVII в. показывают, что в начале 1433 г. великий князь московский Василий Васильевич, действительно, искал союза с рядом князей. Его докончание с Василием Ярославичем не было единственным. Тогда же Василий II оформил несохранившийся союзный договор с Рязанью, о существовании которого до сих пор исследователи не знали. Опись архива Посольского приказа 1614 г. дает следующие сведения о московско-рязанской докончальной грамоте 1433 г.: «Грамота докончальная великого князя Василья Васильевича с удельными со князми Иваном Федоровичем (рязанским), и со князем Костянтином Дмитреевичем, и со князем Иваном, и со князем Михайлом Ондреевичи, и со князем Васильем Ярославичем; писана лета 6914-го (так!) коли Кичи-Ахмет царь воевал Резанскую землю; печатей и рук нет».[78] Опись 1626 г. также упоминает московско-рязанский договорный акт 1433 г.: «Грамота докончалная великого князя Василия Васильевича с великим князем Иваном Федоровичем (рязанским), да со князем Иваном Ондреевичем, да со князем Михайлом Ондреевичем, да со князем Володимером (так!) Ярославичем; писана лета 6941-го; рук у ней и печатей нет».[79]

Датировка договора 1433 годом по данным архивных описей XVII в. устанавливается в достаточной степени точно. Совершенно очевидно, что в описи 1614 г. дата 6914 г. получилась по ошибке из 6941 г. Об этом достаточно убедительно говорит ссылка на разорение Рязанской земли Кичи-Ахметом, который упоминается в русских летописях в 1432 г. в связи с рассказом о пребывании в Орде Василия II и Юрия Дмитриевича.[80]

Данные описей 1614 г. и 1626 г. убедительно свидетельствуют также о том, что в начале 1433 г. образовался союз удельных князей московского дома, возглавлявшийся великим князем московским. В него входили Иван Андреевич можайский, Михаил Андреевич верейский, Василий Ярославич серпуховско-боровский, ошибочно названный в описи 1626 г. Владимиром Ярославичем. Соглашение с Рязанью было оформлено от имени общемосковского княжеского союза.

Несмотря на отсутствие в настоящее время текста московско-рязанской докончальной грамоты 1433 г., известия о которой дошли до нас только в архивных описях XVII в.,[81] мы можем довольно отчетливо представить себе ее основной политический смысл.

В княжение Витовта Рязанская земля вошла в сферу влияния Литовского княжества. Сохранились (в списках) акты коммендации князей Ивана Федоровича рязанского и Ивана Владимировича пронского

---

[77] ПСРЛ, т. VIII, стр. 97.

[78] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1614 г., лл. 11 об.— 12.

[79] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., лл. 14—14 об.

[80] ПСРЛ, т. VIII, стр. 96.

[81] Описи 1614 г. и 1626 г. имеют в виду, несомненно, не оригинал, а список московско-рязанского договора 1433 г., так как отмечают отсутствие на документе рукоприкладств и печатей. Вообще все московско-рязанские докончальные грамоты дошли до нас в списках XV в.

Витовту, согласно которым московско-рязанские отношения были поставлены под контроль великого князя литовского.[82] После смерти в 1430 г. Витовта и перехода власти к свояку Юрия Дмитриевича Свидригайлу московское правительство постаралось подчинить Рязанское княжество своему влиянию. В 1431—1432 гг. Василий II был занят поездкой в Орду и судом с Юрием. По возвращении из Орды поставленная задача была им приведена в исполнение.

Итак, Василию II к началу 1433 г. удалось добиться изоляции Юрия среди русских князей. Самим Юрием после его прибытия из Орды была написана духовная грамота, дошедшая до нас в списке XV в.[83] В «Собрании государственных грамот и договоров» оригинал завещания отнесен к 1434 г.[84] Та же дата еще ранее дана памятнику в «Древней Российской Вивлиофике».[85] В эту датировку рядом исследователей была уже давно внесена поправка. Указывали, что грамоту следует относить ко времени возвращения Юрия из Орды, когда он получил Дмитров, т. е. к 1432 г.[86] Действительно, Юрий Дмитриевич упоминает в своей духовной о передаче ему ханом Дмитрова и в свою очередь отказывает его всем трем своим сыновьям: «А чем мя бог пожаловал и царь Дмитровом..., что было за братом за моим, за князем за Петром, чем его отець мой благословил князь великий Дмитрей, и яз тем благословляю трех своих сынов...». Таким образом, совершенно несомненно появление духовной вскоре после ордынской поездки, из которой Юрий вернулся в конце июня 1432 г. Только я считаю гораздо правильнее, вопреки большинству исследователей, датировать текст завещания не второй половиной 1432 г., а началом 1433 г.

Духовная Юрия резко отличается от других аналогичных грамот удельных князей отсутствием обращения к великому князю. Достаточно сравнить изучаемый документ с завещанием Владимира Андреевича,[87] чтобы убедиться в существенной разнице между обоими памятниками в указанном направлении. Владимир Андреевич начинал с «приказа» своей княгини, детей и бояр «брату своему старейшему», великому московскому князю, который должен ими «печаловаться». Духовная Юрия — это «ряд» его трем сыновьям, касающийся раздела между ними владений, без всякого обращения к великокняжескому авторитету. О великом князе (не называя его по имени) Юрий упоминает только в одном месте духовной грамоты, касаясь вопроса об уплате его сыновьями дани в великокняжескую казну с Звенигорода и Галича. Для политической направленности завещания Юрия Дмитриевича показательна и еще одна его особенность. Оно основано на духовной Дмитрия Донского и переполнено ссылками на этот документ в целях обоснования прав на отдельные

---

[82] ААЭ, т. I, стр. 17—18, № 25—26. Грамоты не имеют даты. Наиболее правильным представляется отнесение их к моменту съезда князей на коронацию Витовта в Троках. На съезде присутствовал и рязанский князь (А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. I, стр. 153). Среди документов великокняжеского архива присяжные записи рязанского и пронского князей Витовту отсутствуют. Нет о них упоминания и в описях 1614 г. и 1626 г. Записи известны по сборнику Публичной библиотеки в Ленинграде № Q — XVII — 58, лл. 47—48, 65—65 об.

[83] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 17. На обороте помета: «Список с духовные со княжи Юрьевы Дмитреевича».

[84] СГГД, т. I, стр. 105—106, № 51.

[85] «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 191—196, № 28.

[86] Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. V, изд. 2-е, стр. 264; прим., стр. 181, № 276, С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, стб. 1058. А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 235. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 392, прим. 3.

[87] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 10—12. СГГД, т. I, стр. 74—79, № 40.

владения. В то же время Юрий ни разу не называет грамот Василия Дмитриевича, хотя, например, Вятку он получил от последнего.[88] Все отмеченные мною черты духовной Юрия свидетельствуют о том, что она написана в момент его разрыва с Василием II уже после прибытия князей из Орды.

Летописи указывают, что этот разрыв произошел в начале 1433 г. В феврале этого года присутствовавшие в Москве на свадьбе Василия II сыновья Юрия — Дмитрий и Василий, «раззлобившеся побегоша с Москвы к отцу в Галич». К моменту прибытия сыновей Юрий уже был готов к походу против московского князя Василия Васильевича, начать который подговаривал Юрия отъехавший к нему московский боярин Иван Дмитриевич Всеволожский.[89] Не будучи уверен в исходе похода, галицкий князь в это время написал свою духовную, в которой включил в число владений, передаваемых по наследству сыновьям, также и Дмитров, сославшись при этом на ханский ярлык. Таким образом, духовная Юрия почти одновременна с договорными грамотами Василия II с Василием Ярославичем серпуховско-боровским и Иваном Федоровичем рязанским.

Быстрота наступления на Москву обеспечила Юрию успех предприятия. После битвы в конце апреля 1433 г. на берегах Клязьмы с ополчением, собранным Василием II, Юрий занял Москву и сел на великокняжеском столе.

Василий Васильевич бежал сначала в Тверь, затем в Кострому, где его захватил Юрий и, по совету боярина Семена Морозова, дал ему Коломенский удел.[90]

Московский великокняжеский архив не сохранил нам документов, относящихся к деятельности Василия II во время его пребывания в Коломне. Однако, несомненно, в это время Василием II был предпринят ряд мероприятий по организации сопротивления Юрию Дмитриевичу, захватившему Москву. В результате этих мероприятий «князи, и бояре, и воеводы, и вси дворяне, и слуги начаша отказыватися от князя Юрья Дмитреевича за великого князя Василья Васильевича и поидоша с Москвы на Коломну безпрестани, от мала и до велика». Московские бояре и вольные слуги приняли явно сторону Василия II. Юрий признал, «яко непрочно ему великое княжение», и предложил Василию Васильевичу вернуться в Москву.[91] Это произошло в том же 1433 г. Условия, на которых Юрий уступил своему сопернику великокняжеский стол, были закреплены в специальной договорной грамоте.[92] Ее анализ приводит к интересным выводам о характере междукняжеских взаимоотношений после того, как Юрий Дмитриевич в первый раз побывал на великом княжении.

На стороне Василия Васильевича при заключении договора выступают его дядья Константин Дмитриевич, Иван Андреевич можайский,

---

[88] См., например, в договорной грамоте Василия II с Юрием Дмитриевичем от 11 марта 1428 г.: «Также что тя (Юрия) пожаловал отець мой (Василия II) князь велики Василей Дмитриевичь Вяткою... а тебе держати Вятка по отца моего грамоте, великого князя Василья Дмитриевича» (СГГД, т. I, стр. 87, № 44). В духовной Юрия нет ни слова о пожаловании ему Вятки Василием I: «А се даю трем своим сыном: Василью, Дмитрею, да Дмитрею Меньшему Вятку з городы и волости, а тем ся дети мои поделят межи собе ровно».

[89] ПСРЛ, т. VIII, стр. 97.

[90] ПСРЛ, т. VI, стр. 148; т. VIII, стр. 97—98; т. XII, стр. 17—18; т. XVIII, стр. 173; т. XXIII, стр. 147.

[91] ПСРЛ, т. XII, стр. 18—19.

[92] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 18. СГГД, т. I, стр. 99—104, № 49—50 (два противня). «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 168—180, № 24—25.

Михаил Андреевич верейский, Василий Ярославич серпуховско-боровский, т. е. все те князья московского дома, союз которых Василий Васильевич возглавил еще в январе — феврале 1433 г. Юрий Дмитриевич «целует крест» от своего имени и от имени своего младшего сына Дмитрия Красного. Что касается двух его старших сыновей Василия и Дмитрия Шемяки, то относительно них в договорной грамоте содержится условие, согласно которому Юрий не должен их «принимать до своего живота». Летописи объясняют это обязательство тем, что дети Юрия Василий и Дмитрий Шемяка убили любимого ближнего боярина («любовника») своего отца Семена Морозова, а затем, узнав о массовом отъезде к Василию II из Москвы бояр, покинули Юрия, оставив его в одиночестве. В гневе на своих старших сыновей Юрий и заключил договор с Василием Васильевичем о том, «что ему детей своих к себе не приимати и помочи им не давати».[93] Эта летописная версия повторяется и многими исследователями.[94] Но рассматривая договорное условие о неприеме Юрием своих сыновей в контексте летописных данных о событиях в Москве в 1433 г., можно притти к иному выводу. Убийство Семена Морозова Василием и Дмитрием Шемякой Юрьевичами было вызвано тем, что он, повидимому, явился организатором заговора в пользу Василия II и, выступив инициатором передачи последнему Коломенского удела, обеспечил ему поддержку местного боярства.[95] Отъезд сыновей Юрия Дмитриевича, приглашение последним в Москву Василия II и удаление в Звенигород, а оттуда в Галич были заранее продуманным и согласованным тактическим маневром. Отказываясь в договорной грамоте с Василием II от старших своих детей, Юрий стремился парализовать этим бдительность московского князя, а затем начать против него организованное восстание. Недаром, когда Василий II, по заключении договора с Юрием, послал на Кострому против Василия и Дмитрия своего воеводу Юрия Патрикеевича, последнего встретили полки Юрия Дмитриевича.[96]

По докончальной грамоте с Василием II Юрий Дмитриевич отказался от притязаний на великое княжение и Дмитровский удел, обещав отдать великому князю полученный в свое время на Дмитров «царев ярлык». Василий II, в свою очередь, «отступился» Юрию «в вотчину и в вудел» от Бежецкого Верха и ряда костромских волостей. Стремление Юрия получить владения в Костроме объясняется, конечно, тем, что Кострома являлась центром военных действий против великого князя со стороны Василия и Дмитрия Юрьевичей, с которыми Юрий обещал порвать связь, но в действительности действовал совместно.

Своеобразна та терминология, которой пользуется рассматриваемая докончальная грамота для характеристики междукняжеских отношений. Василий II является для Юрия «братом старейшим». В свою очередь Юрий требует признания себя со стороны Константина Дмитриевича «братом старейшим», со стороны Ивана и Михаила Андреевичей и Василия Ярославича — «дядею». Мне кажется, эти формулы, определяющие систему междукняжеской феодальной иерархии, являются показателем намерений Юрия Дмитриевича завязать непосредственные отношения

---

[93] ПСРЛ, т. XII, стр. 19.

[94] Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. V, изд. 2-е, стр. 262. С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 1057. А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. I, стр. 158; т. II, стр. 232. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 390—391.

[95] По словам летописи, Василий и Дмитрий Шемяка Юрьевичи перед убийством Семена Морозова укоряли его: «Ты злодей, коромолник, учинил еси ту беду отцу нашему и нам; издавна еси коромолник и наш лиходей!». Иван Дмитриевич Всеволожский и галицкие бояре были против передачи Коломенского удела Василию II (ПСРЛ, т. XII, стр. 18—19).

[96] ПСРЛ, т. XII, стр 19.

с удельными князьями московского дома, возглавив по примеру Василия II их союз. Эта задача была им выполнена после вторичного захвата Москвы в 1434 г. Интересно, что терминология договорных междукняжеских отношений, с которой мы встречаемся в грамоте 1433 г., повторяется в докончании Юрия с рязанским князем Иваном Федоровичем 1434 г.[97] Иван Федорович, обращаясь к Юрию, называет его «господине дядя».

Юрий Дмитриевич выговорил себе по договору 1433 г. с Василием II право не помогать ему в военных действиях против Литвы и не участвовать лично в великокняжеских походах («а в Литву ти у мене помочи не имати; а к тобе ми не ездити»). Эти условия обеспечили Юрию возможность подготовить военную силу и организовать совместно со своими детьми сопротивление великокняжеским воеводам на Костроме.

Расценив подобные действия Юрия как «измену», Василий II отправил рать к Галичу и заставил бежать Юрия на Белоозеро. Завязалась новая борьба. Ответное выступление Юрия с сыновьями против Василия II привело к поражению последнего и его бегству в Новгород. Это произошло в начале 1434 г.[98] Ко времени пребывания великого князя в Новгороде я отношу его договорную грамоту с князьями Иваном Андреевичем можайским и Михаилом Андреевичем верейским.[99] По поводу датировки этого документа в литературе имеются противоречивые суждения. Грамота содержит обычные нормы договорных взаимоотношений, но в ней встречается одно выражение, указывающее на необычные условия, в которых она была оформлена: «а даст, господине, тобе бог, великому князю, достати своее вотчины великого княженья...». Таким образом, несмотря на то, что изучаемый акт все время именует Василия Васильевича «великим князем», очевидно, в момент написания этого акта Василий II фактически не владел великокняжеским столом и только добивался его возвращения. А. В. Экземплярский относит грамоту ко времени до октября 1432 г., т. е. до того момента, когда по возвращении из Орды после суда с Юрием Василий был посажен на великокняжеском столе ханским послом.[100] Невозможность такой датировки указана А. Е. Пресняковым. Он обратил внимание на то, что в изучаемой грамоте отсутствует имя князя Константина Дмитриевича, следовательно, она появилась после его смерти а в 1432 г. Константин еще был жив. Сам Пресняков предлагает отнести рассматриваемый договор Василия II с Иваном и Михаилом Андреевичами «ко времени коломенского сиденья великого князя Василья», т. е. ко времени первого захвата Москвы Юрием Дмитриевичем.[101] Однако это предположение находится в противоречии с собственными наблюдениями Преснякова: Василий II получил Коломенский удел от Юрия еще при жизни Константина, так как имя Константина мы встречаем даже в докончании Василия II с Юрием Дмитриевичем, заключенном после уступки им Василию в 1433 г. Москвы.[102] Таким образом, единственно правильной будет попытка связать изучаемую докончальную грамоту с событиями борьбы за Москву после вторичного изгнания из нее Василия II.

---

[97] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 17. СГГД, т. I, стр. 96, № 48.

[98] ПСРЛ, т. VI, стр. 149; т. VIII, стр. 98; т. XII, стр. 19; т. XVIII, стр. 174; т. XXIII, стр. 148.

[99] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 15. СГГД, т. I, стр. 92—94, № 46. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 259—262, № 39 (под совершенно невозможной датой — 1445 г.).

[100] А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 322.

[101] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 391—392, прим. 3.

[102] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 18. СГГД, т. I, стр. 99—104, № 49—50.

Летописи рассказывают, что, будучи в Новгороде, Василий Васильевич отправил боярина Андрея Федоровича Голтяева в Тверь, где находился Иван можайский, и предложил ему не разрывать с ним союза («чтобы от него не отступал, а был бы с ним заедин»). Можайский князь ответил двусмысленно: «Господине государь, где ни буду, а везде есми твой человек, но чтобы ныне отчины не потеряти, да матка бы не скиталася по чюжей отчине, а всегда есмь твой».[103] Расшифровывая этот ответ, приводимый в различных летописных сводах, приходим к выводу, что Иван Андреевич не отказался от подтверждения своих союзнических отношений с Василием II, но воздержался от открытого выступления на его стороне. Поэтому мы вправе предположить, что Андрей Голтяев оформил в Твери от имени Василия Васильевича договор с Иваном можайским и его братом Михаилом,[104] предусматривавший, что названные князья не будут помогать Юрию Дмитриевичу. Именно такой смысл имели в данных условиях шаблонные договорные формулы: «быти нам, господине, с тобою с великим князем везде заодин и до живота; а хто будет, господине, тобе, великому князю, друг, то и нам друг; а хто, господине, тобе будет, великому князю, недруг, то и нам недруг» и т. д.

Вскоре произошел и открытый переход Ивана можайского и Михаила верейского на сторону Юрия Дмитриевича. Подступая к Москве, последний, как и Василий II, направил к Ивану Андреевичу в Тверь посла Якова Жестова, «зовя его к себе». Иван можайский откликнулся на призыв, учитывая, что реальная сила в данных условиях на стороне Юрия, и, отправившись к последнему, встретился с ним у Троице-Сергиева монастыря. Тогда-то, вероятно, и были оформлены отношения между Юрием и братьями Андреевичами в виде докончальной грамоты,[105] которую обычно неправильно относят ко времени первого захвата Москвы Юрием.[106]

По этому докончанию Иван можайский обязуется за себя и за своего брата Михаила «сложить целование» к Василию II и в дальнейшем «не канчивати» и «не ссылатися» с ним; «блюсти» под Юрием, а в случае его смерти, под его детьми его «вотчину» Москву, все великое княжение, наследственный Звенигородский и Галицкий удел и «пожалованный царем» Дмитров. Юрий, со своей стороны, гарантирует братьям Андреевичам неприкосновенность их «отчины». В конце договора помещена формула: «а сего нам целованья промежи собе не сложити, а правити». Она подчеркивает неуверенность Юрия в прочности договорных отношений с удельными князьями, которые совсем недавно «целовали крест» Василию II.

Относить докончальную грамоту Юрия с Иваном и Михаилом Андреевичами ко времени первого пребывания Юрия на великом княжении, как это делает Пресняков, нельзя потому, что в грамоте упоминается поход на Галич, организованный Василием II после того, как Юрий уступил ему Москву. В этом походе принимали участие и братья Андреевичи. Поэтому Юрий требует от Ивана Андреевича отпуска «полона», захваченного «в наше розмирие», когда можайский князь «воевал... Галич и Галичьские волости, также и Звенигородские волости». Со своей стороны, Юрий Дмитриевич обязуется отпустить «полон», взятый в Можайских

---

[103] ПСРЛ, т. XII, стр. 20.

[104] К грамоте привешены только две печати (великокняжеская и Ивана можайского). Следовательно, Михаил лично в оформлении договора не участвовал.

[105] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 16. СГГД, т. I, стр. 94—95, № 47. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. I, стр. 181—183 № 26.

[106] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 391—392, прим. 3.

волостях и на Белоозере, куда он был вынужден бежать в 1433 г., во время нападения на Галич московских сил.[107]

Я считаю совершенно не верным то взаимоотношение, которое устанавливает А. Е. Пресняков между договорными грамотами братьев Андреевичей с Василием II, с одной стороны, и с Юрием Дмитриевичем—с другой. Относя их, как указано выше, к тому времени, когда Юрий сидел впервые в Москве, а Василий II в Коломне, Пресняков отмечает, что договор с Юрием «заключен раньше перехода можайских князей на сторону Василия, т. е. раньше, чем определилось положение дел, сгубившее первое великокняжеское выступление Юрия».[108] Датируя обе грамоты началом 1434 г., временем вторичного изгнания Василия II Юрием из Москвы, я представляю себе взаимоотношение документов совсем иначе, чем Пресняков. Докончание Ивана Андреевича за себя и брата Михаила с Юрием было заключено после договора Андреевичей с Василием II, когда перевес сил Юрия стал для названных князей совершенно ясным.

На интересные соображения по вопросу о происхождении текста договорной грамоты Юрия Дмитриевича с князьями Иваном и Михаилом Андреевичами наводят наблюдения над ее внешним видом. Последние три строчки, начиная со слов: «...сести в осаде, опроче путных бояр...» и далее: «а на сем на всем, князь Иван Андреевичь своим братом со князем с Михайлом, целуй ко мне крест к своему отцю великому князю Юрью Дмитреевичю и к моим детем, по любви, безо всякие хитрости; а сего нам целованья промежи собе не слежити, а правити», — написаны более мелким почерком, отличным от почерка всей грамоты. Возможно, что основной текст документа был заготовлен во время пребывания князей в Троице-Сергиевом монастыре, а его оформление относится ко времени после 31 марта 1434 г., когда Юрий Дмитриевич вторично взял Москву.[109]

Между 31 марта и 5 июня (дата смерти Юрия)[110] был заключен московско-рязанский договор, сохранившийся в списке конца XV в.[111] В «Древней Российской Вивлиофике» и «Собрании государственных грамот и договоров» названная докончальная грамота Юрия Дмитриевича с сыновьями, с одной стороны, и рязанского князя Ивана Федоровича — с другой помещена под 1433 г. Однако такая датировка документа не может быть принята потому, что он рассматривает последствия похода Василия II на Галич уже после того, как Юрий в 1433 г. уступил Москву Василию II. В этом походе принимал участие и рязанский князь. Московско-рязанский договор Юрия (именуемого «великим князем») с Иваном Федоровичем рязанским от апреля—мая 1434 г. содержит следующие условия по поводу галичского «полона» 1433 г.: «А что есми посылал свою (Ивана Федоровича)

---

[107] У грамоты только две печати, так как Михаил лично не присутствовал при ее оформлении.

[108] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 392 (конец примечания, начало которого помещено на стр. 391). В подтверждение своей точки зрения Пресняков ссылается на то, что в договоре с Иваном и Михаилом Андреевичами Юрий в числе своих владений не называет Коломны, очевидно, вследствие того, что она передана Василию II. Это соображение неубедительно. Юрий различает: Москву, великое княжение, наследственный удел и Дмитровский удел, полученный от хана. Такое деление владений совершенно отчетливо. Особо упоминать о Коломне не было надобности.

[109] ПСРЛ, т. VIII, стр. 98: «...в среду на святой недели город взят». Пасха в 1434 г. была 28 марта.

[110] ПСРЛ, т. V, стр. 266.

[111] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 17. Перед текстом: «Грамота княжа Юрьева Дмитреевича да княжа Иванова Федоровича докончалная». На обороте другим почерком и чернилами: «Грамота докончалная великого князя Юрья Дмитреевича». СГГД, т. I, стр. 96—99, № 48. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 184—191, № 97.

рать с твоим (Юрия Дмитриевича) братанычем со князем с Васильем и воевали, и грабили, и полон имали, ино грабежу тому всему погреб; а что полон твой (Юрия Дмитриевича) галичьской в моей отчине у кого ни будет, или хто будет кого запровадил и запродал, и мне тот твой полон весь велети собрати и отдати тобе по тому ж целованью без хитрости».[112]

Обычно считается, что московско-рязанская докончальная грамота, оформленная в апреле — мае 1434 г., воспроизводит (с некоторыми редакционными изменениями) текст более раннего договора Василия Дмитриевича московского с Федором Ольговичем рязанским от 25 ноября 1402 г.[113] Однако в действительности в основе договорного акта 1434 г. кроме грамоты 1402 г. лежит еще текст недошедшего до нас докончания Василия II с Иваном Федоровичем начала 1433 г., о котором сообщают сведения архивные описи 1614 г. и 1626 г. Ссылка на это докончание имеется в самом начале договорной грамоты 1434 г.: «...такжо ми не канчивати с твоим братыничем со князем Васильем, ни ссылатися, ни в вотчину ми его свою не примати, ни его бояр, которые ему служат; *а целованье ми к нему сложити*, а быти ми с тобою на него заодин».

Сравнительный анализ московско-рязанских договорных текстов 1434 г. и 1402 г. дает возможность выяснить, какие условия грамоты 1434 г., отсутствующие в договоре 1402 г., восходят к докончанию 1433 г. Таким образом, мы можем предположительно восстановить содержание несохранившегося документа.

К докончальной грамоте Василия II с Иваном Федоровичем начала 1433 г. я возвожу обязательство, взятое на себя Иваном Федоровичем в 1434 г., «брать любовь» с литовским князем Свидригайлом только «по думе» с великим князем московским Юрием и «писаться» в докончальной литовско-рязанской грамоте «одним человеком» с московским князем. Совершенно естественно думать, что это условие содержалось в том договоре, который заключил Василий II с Иваном Федоровичем рязанским вскоре после смерти Витовта. При Витовте политика Рязанского княжества была всецело подчинена литовским интересам. Иван Федорович рязанский «дался на службу» Витовту, обещал без его «воли... ни с кем не доканчивати, ни пособляти», а во время «нелюбия» великого литовского князя со своим внуком Василием II, оказывать ему помощь против последнего «без хитрости».[114] Кончина Витовта и переход власти в Литве к Свидригайлу побудили московского великого князя Василия Васильевича в начале 1433 г. пересмотреть московско-рязанские отношения и втянуть Рязанское княжество в сферу московского влияния. В договорный акт Василия II с Иваном Федоровичем рязанским была внесена формула о согласованной политике московского и рязанского князей в отношении великого литовского князя Свидригайла. Затем эта формула была повторена в соглашении Юрия Дмитриевича с Иваном Федоровичем следующего 1434 г.

Из договора Василия II с Иваном Федоровичем рязанским начала 1433 г. заимствовал, вероятно, Юрий Дмитриевич статью, обязывавшую рязанского князя участвовать в военных походах великого князя московского и посылать своих воевод вместе с его воеводами. Подобного

---

[112] Ошибочная датировка, данная договорной грамоте Юрия Дмитриевича с Иваном Федоровичем рязанским в «Древней Российской Вивлиофике» и в «Собрании государственных грамот и договоров», исправлена рядом исследователей, которые отнесли ее к 1434 г. См. Н. М. Карамзин. Указ. соч., изд. 2-е, т. V, стр. 264. А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 597. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 251 и 392.

[113] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 11. СГГД, т. I, стр. 65—68, № 36.

[114] ААЭ, т. I, стр. 17, № 25.

условия не было в грамоте 1402 г., и имеются все основания возвести его к договорному тексту начала 1433 г., так как в то время московский великий князь Василий Васильевич пытался обеспечить себе поддержку со стороны русских князей против Юрия Дмитриевича. В 1434 г., сам Юрий, став великим князем, начал проводить аналогичную политику.

Противоречивые условия содержит докончальная грамота Юрия Дмитриевича с Иваном Федоровичем рязанским 1434 г. по вопросу о порядке разрешения спорных дел между князьями рязанским и пронским. С одной стороны, договорный акт 1434 г. повторяет нормы, заключавшиеся в московско-рязанской грамоте 1402 г. о митрополичьем третейском суде и о вмешательстве великого князя только в том случае, если одна из сторон откажется подчиниться этому суду: «А что ся промежи нас учинит какова обида, и нам отслати своих бояр, и они учинят исправу; а о чем ся сопрут, ино им третей отець наш митрополит; а кого митрополит обвинит, ино ему обидное отдати; а не отдаст, ино тобе то великому князю отправити, а то тобе не в измену». Но непосредственно перед цитированными постановлениями, источником которых является, как указано, договорный текст 1402 г., в грамоте 1434 г. дается совершенно иное решение того же самого вопроса — именно рязанско-пронские конфликты без всякого предварительного разбирательства митрополитом передаются на управу великого князя московского: «А что ся промежи нас учинит, ино межи нас учинити тобе, великому князю, а нам тобя слушати». Кроме несовместимости двух приведенных условий по существу, с формальной стороны бросается в глаза неловкость конструкции текста докончания 1434 г., которая проявляется в повторениях: «а что ся промежи нас учинит...», «а что ся межи нас учинит какова обида...» Совершенно очевидно, что подобная нечеткая редакция появилась в результате комбинации двух различных источников.

А. Е. Пресняков обратил внимание на противоречивость рассматриваемого места московско-рязанского договорного акта 1434 г. и дал ему следующее объяснение: формула о великокняжеской управе была при редактировании грамоты написана на полях, как заменяющая условие 1402 г. о третейском митрополичьем суде, «а в списке грамоты сохранились обе (формулы — *Л. Ч.*) по недоразумению».[115] Надо сказать, что соображения Преснякова проливают свет лишь на чисто внешний процесс редактирования грамоты 1434 г. (механическое сочетание основного текста с записью на полях). Но происхождение статьи, появившейся, по предположению Преснякова, на полях редактируемого документа в замену старого правила, остается все же невыясненным. Я считаю, что договорное условие, предоставляющее разрешение споров между рязанским и пронским князьями власти московского великого князя, вошло в договорный формуляр 1434 г. из докончальной грамоты Василия II с Иваном Федоровичем 1433 г. Оформляя это докончание, Василий Васильевич воспользовался той практикой, которая применялась в отношении рязанского и пронского князей Витовтом до его кончины в 1430 г. В своих присяжных записях Витовту Иван Федорович рязанский и Иван Владимирович пронский обязались во всех спорных делах «положить на осподаря на великого князя на Витовта», а тот в свою очередь обещал им «исправа давати... о всех делех чисто».[116] Приведя рязанского князя в начале 1433 г. к крестоцелованию на свое имя, московский великий князь Василий Васильевич потребовал от него и от князя пронского признания своего авторитета в раз-

---

[115] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 252 (продолжение примечания к стр. 251).

[116] ААЭ, т. I, стр. 17—18, № 25—26.

решении тех конфликтов, которые возникнут между ними. Тем самым он получал возможность осуществлять влияние на названных князей. При редактировании договорной грамоты Юрия Дмитриевича с Иваном Федоровичем 1434 г. заимствованный из докончания 1433 г. пункт о великокняжеской управе был помещен рядом с формулой о митрополичьем третейском суде, взятой из грамоты 1402 г.

Конечно, из докончальной грамоты Василия II с Иваном Федоровичем 1433 г. внесены в договорный текст 1434 г., оформленный при Юрии Дмитриевиче, условия об отпуске рязанским князем «Едигеева полону», «запроваженного и запроданного» в его «отчине», и некоторые другие статьи.

Таким образом, утвердившись в Москве в самом конце марта 1434 г., Юрий Дмитриевич потребовал формального признания своей великокняжеской власти и со стороны удельных князей московского дома, и со стороны великого князя рязанского. Неожиданная смерть Юрия в Москве в начале июня 1434 г. внесла новые осложнения в междукняжеские отношения.

§ 3. Документы, касающиеся взаимоотношений великого князя московского Василия II с Василием Косым, Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным Юрьевичами второй половины 30-х и начала 40-х годов XV в.

Мне кажется, что в существующей исторической литературе дается совершенно не правильное изображение взаимоотношений докончальных грамот, заключенных Василием II с Дмитрием Шемякой и его братом Дмитрием Красным в годы, непосредственно последовавшие за смертью Юрия Дмитриевича. Из-за ошибочной датировки отдельных документов и неправильного приурочения их к тем или иным историческим событиям получается неверная картина политической истории второй половины 30-х годов XV в.

Согласно летописным данным, утвердившись вторично в Москве в конце марта 1434 г., Юрий Дмитриевич отправил двух своих сыновей, Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного, против изгнанного великого князя Василия II, который вначале бежал в Новгород Великий, а оттуда через Кострому отправился в Нижний. Василий II, чувствуя безнадежность своего положения («князю же великому не быть ни откуды помощи»), собирался уже искать поддержки в Орде, когда из Москвы пришло известие о кончине Юрия и вокняжении его сына Василия Косого: «...князь Василий Косой седе на великом княжении в Москве». Обоих Дмитриев Юрьевичей эта весть застала во Владимире, где они стояли «с многою силою». Не желая признавать великим князем старшего брата, они вошли в переговоры с Василием II, послав к нему посольство в Нижний-Новгород. Василий II прибыл во Владимир и, «смирившеся» со своими противниками, которые признали его великокняжеские права, пошел вместе с ними к Москве. Василий Косой, пробыв на великом княжении только месяц, бежал в Ржеву, а Василий Васильевич «опять седе на Москве». По договоренности с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным, Василий II пожаловал первого Угличем и Ржевой, а второго — Бежецким Верхом.[117]

Обычно исследователи относят к моменту утверждения Василия II в Москве его договор с Дмитрием Шемякой, дошедший до нас в двух экземплярах (каждый в двух противнях) и напечатанный в «Собрании

---

[117] ПСРЛ, т. VI, стр. 149; т. VIII, стр. 98—99; т. XII, стр. 19—20; т. XVIII, стр. 175; т. XXIII, стр. 148.

государственных грамот и договоров» под № 52—55.[118] Между тем, совершенно очевидно, что докончальной грамотой, оформленной Василием II с двумя братьями Юрьевичами по возвращении в Москву во второй половине 1434 г., следует считать документ, помещенный в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 60 и датированный в указанном издании, как и в «Древней Российской Вивлиофике», 1440 годом.[119] Эта дата поставлена издателями по недоразумению. [120] На обороте документа действительно имеется приписка, сделанная 24 июня 1440 г. (о третейском суде по междукняжеским делам). Но почерк этой приписки отличается от того почерка, которым написан основной текст, поэтому говорить о современности приписки самому документу нет никаких оснований. Аналогичная приписка, также от 24 июня 1440 г., имеется на обороте докончальной грамоты Василия II с Дмитрием Шемякой от 13 июня 1436 г.[121]

Все содержание договорной грамоты Василия II с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным, отнесенной в «Собрании государственных грамот и договоров» к 1440 г., ведет ее к 1434 г., когда Василий II занял Москву. Из летописей мы знаем, что Василий II пожаловал тогда двум братьям Юрьевичам Углич, Ржеву и Бежецкий Верх. Действительно, в изучаемой грамоте говорится о том, что великий князь московский передал обоим младшим сыновьям Юрия Дмитриевича «во очину княжь Костянтинов удел Дмитриевича, Ржову и Угличе с московьскими жеребьи, и с волостми, и с селы...» и Бежецкий Верх, «што ся был отступил...князю Юрью Дмитриевичю с волостьми и с селы...» В других договорных грамотах Василия II 30-х — начала 40-х годов XV в. о переходе к сыновьям Юрия Дмитриевича Бежецкого Верха уже не говорится, так как в 1435 г. Великий Новгород потребовал у великого московского князя, чтобы Бежецкий Верх был возвращен ему в качестве исконного новгородского владения.[122] В рассматриваемом докончании Василия II с братьями Дмитриевичами имеется условие о «держании» ими Бежецкого Верха «по старине с Новымгородом».

Кроме своего пожалования Василий II признал за Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным их наследственный удел, перешедший к ним по «благословению» отца. Признание это сделано в общей форме, без перечисления конкретных владений, как это делают другие грамоты: «...очины...вашее, чим вас благословил отець ваш князь Юрьи Дмитриевичь своею очиною, городы и волостьми и селы...» Этот лаконизм также сви-

---

[118] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 19—20. На обороте № 20а помета: «Княжа Дмитреева Юрьевича с великим князем Васильем Васильевичем». На обороте № 20б — другим почерком XVII в.: «2 грамоты докончальные великого князя Василья Васильевича з братьею ево со князем Дмитреем да со князем же Дмитреем же Юрьевичи; году не написано». СГГД, т. I, стр. 107—118, № 52—55. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 196—221, № 29—32. К 1434 г. относят указанный договорный текст Н. М. Карамзин (Указ. соч., изд. 2-е, т. V, стр. 265; примечания, стр. 182, № 277); С. М. Соловьев (Указ. соч., кн. I, стб. 1058); А. В. Экземплярский (Указ. соч., т. I, стр. 160, прим. 356; т. II, стр. 237); А. Е. Пресняков (Указ. соч., стр. 393, прим. 1).

[119] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 23. СГГД, т. I, стр. 130—132, № 60. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 249—254, № 37.

[120] Вслед за «Собранием государственных грамот и договоров» и «Древней Российской Вивлиофикой», 1440 годом ошибочно датируют грамоту Н. М. Карамзин (Указ. соч., изд. 2-е, т. V, стр. 274, прим., стр. 188, № 290); С. М. Соловьев (Указ. соч., кн. I, стб. 1061); А. В. Экземплярский (Указ. соч., т. II, стр. 239). А. Е. Пресняков не высказывается прямо по вопросу об обстоятельствах появления рассматриваемой грамоты. См. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 393, прим. 2; стр. 397, прим. 2.

[121] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 21—22. СГГД, т. I, стр. 118—130, № 56—59.

[122] ПСРЛ, т. III, стр. 112.

детельствует о раннем происхождении документа, сразу после вступления в Москву Василия II. Другие договорные акты Василия Васильевича и Дмитрия Шемяки проявляют более пристальный интерес к составу удельных владений галицких князей, вызванный конкретными территориальными взаимоотношениями в период после утверждения Василия II на великокняжеском столе.

Рассматриваемая грамота, которую я считаю нужным передатировать вместо 1440 года 1434 годом, ликвидирует последствия недавнего междукняжеского «нелюбья» и объявляет «дерть» имевшим место во время этого «нелюбья» «судам, войнам и грабежам», как среди самих князей, так и среди княжеских людей. Нормальным укладом, к которому возвращается грамота, является порядок, установленный договором между Василием II и Юрием Дмитриевичем, когда последний уступил Василию Москву.[123] Докончание Василия Васильевича с братьями Юрьевичами прежде всего воспроизводит (с некоторыми вариантами) общие договорные условия Василия с Юрием, как «брата старейшего» и «брата молодшего»: о верности друг другу, о совместном заключении политических союзов, о предоставлении права сношений с Ордой великому князю и т. д.

Кроме того, в тексте изучаемого докончания, датируемого мною 1434 годом, имеются конкретные ссылки на отдельные параграфы договора Василия II и Юрия после потери последним в 1433 г. Москвы. Таково, например, обязательство сыновей Юрия Дмитриевича вернуть Василию II «*по тому докончанью*» все, что было взято у него их отцом.

То,что рассматриваемая нами докончальная грамота Василия II с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным берет за основу договорных отношений условия, разработанные Василием и Юрием Дмитриевичем в 1433 г., когда тот ушел из Москвы в Звенигород, а затем в Галич,— является серьезным аргументом против отнесения документа к 1440 г. В это время междукняжеские отношения осложнились целым рядом новых обстоятельств, в силу которых договор 1433 г. не мог уже служить руководством.

Одна статья договорной грамоты Василия II с двумя младшими братьями Юрьевичами привлекала внимание сторонников ее датировки 1440 годом: московский великий князь Василий Васильевич требует возврата обоими Дмитриями того, что они «взяли на Москве *нынешним приходом*» как у самого Василия, так и у его матери, у князей, бояр, детей боярских. Исследователей смущало это указание на «нынешний приход», так как, судя по летописям, никакого нападения на Москву со стороны Дмитрия Шемяки и его брата в 1440 г. не было. С. М. Соловьев привлекает летописное известие, помещенное под 1442 г., о том, что «князь велики Василей Васильевичь възверже нелюбие на князя Дмитреа Юрьевича Шемяку и поиде на него ко Углечю»; тот сначала бежал в Бежецкий Верх, а затем совершил поход на Москву; князья примирились при посредничестве игумена Троице-Сергиева монастыря Зиновия.[124] Внося поправки в летописную хронологию, Соловьев считает, что приведенный факт имел место не в 1442 г., а в 1440 г. Нападение Шемяки на Москву, о котором летописи рассказывают под 1442 г.,— это тот самый «нынешний приход» Юрьевичей к Москве, который упоминает договорная грамота этих князей с Василием II и который, следовательно, произошел в 1440 г.[125]

С. М. Соловьев неправильно интерпретирует абсолютно ясные указания договорного акта. Беря цитированное выше место докончальной грамоты

---

[123] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 18. СГГД, т. I, стр. 99—104, № 49—50.

[124] ПСРЛ, т. XII, стр. 42.

[125] С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 1061.

о «нынешнем приходе» двух братьев Дмитриев в Москву в контексте, видим, что этот «приход» противопоставляется первому захвату Москвы Юрием Дмитриевичем в 1433 г. Следовательно, «нынешний приход» — это вторичное завладение Москвой Юрием при помощи своих сыновей в 1434 г. Действительно, грамота различает среди подлежащего возврату великокняжеского имущества: 1) «што было отдати отцу вашему, што у меня поимал...*по тому докончанью* (т. е. по докончанию, заключенному Юрием с Василием II в 1433 г., после уступки последнему Москвы) и чего будет не отдал, и што будет у вас»; 2) «также и нынеча што будете взяли на Москве нынешним приходом» (т. е. вторичным приходом Юрия, организованным им совместно с сыновьями в 1434 г.). При таком единственно правильном понимании выражения «нынешним приходом» не может быть никаких колебаний относительно датировки договорной грамоты Василия II с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным не 1440 г., а 1434 г., временем после смерти Юрия, бегства из Москвы Василия Косого и занятия ее Василием II по договоренности с младшими Юрьевичами.

Толкование С. М. Соловьева не может быть принято ввиду произвольности его перестановки летописных дат. Кроме того, если даже согласиться с предложенной им заменой 1442 г., в качестве даты похода Юрия к Москве, 1440 годом, то все же придется считаться с тем, что в этом походе участвовал один Дмитрий Шемяка, без Дмитрия Красного. «Нынешний же приход» к Москве, упоминаемый докончальной грамотой, имеет в виду обоих Дмитриев.[126]

Итак, предшествующие наблюдения дают мне право утверждать, что договор, оформленный между Василием II и Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным Юрьевичами в 1434 г., дошел до нас в виде грамоты, которую до сих пор ошибочно относили (на основании даты позднейшей приписки на обороте документа) к 1440 г.

После утверждения Василия II в Москве в 1434 г. началась его борьба за великое княжение с Василием Косым, который, скопив силы в Костроме и призвав на помощь вятчан, выступил против великого князя. Первый этап этой борьбы закончился миром, заключенным между князьями весной 1435 г., и передачей Василием II московским Василию Юрьевичу Косому «в вотчину» Дмитрова.

Пробыв в Дмитрове только месяц, Василий Косой отправился в Кострому для организации нового наступления на Москву и послал оттуда «разметные грамоты» Василию II. В Костроме Василий Косой оставался до зимнего пути, а затем двинулся оттуда в Галич и с присоединившимися снова к нему вятчанами совершил поход на Устюг. Встретив серьезное сопротивление со стороны устюжан, Василий Косой после девятинедельной осады взял город, убил воеводу, повесил владычнего десятинника «и многих устюжан секл и вешал». После устюжской операции Василий Косой направился против Василия II, «похваляся з гордостью, а с ним вятчане, да двор брата его княже Дмитриев Шемякин с ним же».

Неизвестно, было ли выступление Василия Косого в какой-либо мере согласовано с Дмитрием Шемякой, «двор» которого входил в состав военных сил Косого. Летописи сообщают только об аресте Дмитрия Шемяки Василием II и отправке его в Коломну «за пристава». Сам великий князь московский Василий Васильевич, вместе с Дмитрием Красным, князем Иваном Андреевичем можайским и выходцем из Литвы, друцким князем Иваном Бабой, организовал в первой половине 1436 г. встречный

---

[126] А. Е. Пресняков отметил ошибочность точки зрения С. М. Соловьева, но не сделал из этого никакого вывода о происхождении рассматриваемого документа (А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 397, прим. 2).

поход на Василия Косого. Последний потерпел поражение и по великокняжескому приказу был отправлен в Москву и ослеплен. Что касается Дмитрия Шемяки, то, по рассказу летописей, великий князь послал за ним в Коломну и «пожаловал его».[127]

До нас дошли два документа, касающиеся борьбы между Василием II и Василием Юрьевичем Косым. Один из них сохранился среди материалов московского великокняжеского архива. Это договор Василия II с Дмитрием Юрьевичем Шемякой, датированный 13 июня 1436 г. и оформленный в двух экземплярах (каждый в двух противнях).[128] Второй (недатированный) документ, известный нам по списку из сборника Ленинградской Публичной библиотеки второй половины XV в., представляет собой договорную грамоту Василия II, Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного, с одной стороны, и Василия Косого — с другой.[129] В фонде Государственного древлехранилища, в котором, как известно, сосредоточены остатки московского великокняжеского архива, нет ни подлинника, ни одного списка названной грамоты.

Договор Василия II с Дмитрием Шемякой от 13 июня 1436 г. получает верную оценку в качестве исторического источника только при условии правильной датировки предшествующего ему и только что нами рассмотренного докончания тех же князей 1434 г., которое до сих пор без основания относилось к 1440 г. Получалось, что это докончание было оформлено после грамоты 13 июня 1436 г. Документы рассматривались в обратной последовательности, а тем самым извращались и некоторые исторические факты.

Подобно грамоте 1434 г., договорный акт 1436 г. содержит условия о возврате великому князю Дмитрию Шемякой имущества, захваченного им или его отцом Юрием Дмитриевичем во время обоих походов последнего на Москву. «А что было отдати отцю моему, что у тобе поимал...и по своему докончанью не успел вам отдати, а что будеть у мене, и то мне вам отдати по крестному целованию; или что, господине, буду взял с своим отцемь в другой приход у тебе у великого князя..., и мне то, господине, тобе, великому князю, отдати все по докончанию и по крестному целованию». Подтверждается статья докончания 1434 г., в которой говорилось о ликвидации всех княжеских конфликтов, имевших место во время «нелюбья» 1433—1434 гг. («тому всему дерть по наше первое докончание»).

Большое внимание уделяет грамота 1436 г. последней усобице между Василием II и Василием Юрьевичем Косым, имевшей место в 1435—1436 гг. Некоторые договорные пункты наводят на мысль о том, что арест и ссылка в Коломну Дмитрия Шемяки Василием II имели основания, так как между Шемякой и Василием Косым существовали какие-то связи. Во всяком случае, по докончанию 1436 г. сам Шемяка предусматривает, что к нему «отколе... приидеть» великокняжеская казна, взятая Василием Юрьевичем, или он что-либо из этой казны «отколе... достанет». Особо договор 1436 г. останавливается на участии галицких бояр, детей боярских и тяглого населения в ополчении Василия Косого, который называется «недругом» великого князя: «...Или что будут, господине, мои люди грабили твою отчину, великого князя, и твоих князей, и бояр, и детей боярских, и земьских людей, ида к твоему недругу ко князю к Василью к Юрьевичю, или с ним хода кого будут грабили, и им также тот грабежь весь отдати назад; а кто ся чего заприть, а на то суд же и исправа».

---

[127] ПСРЛ, т. XII, стр. 20—22; т. VI, стр. 149—150; т. VIII, стр. 99—100; т. XVIII, стр. 175—176; т. XXIII, стр. 149.

[128] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 21—22. СГГД, т. I, стр. 118—130, № 56—59. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 221—249, № 33—36.

[129] № Q—XVII—58, лл. 33 об.—37, 48—51 об.; ААЭ, т. I, стр. 20—23, № 29.

В связи с недавно закончившейся княжеской усобицей грамота 1436 г. проявляет интерес к территориальным взаимоотношениям, более детально, чем докончание 1434 г., касаясь вопроса об удельных владениях Дмитрия Шемяки с братом. Подтверждается великокняжеское пожалование Юрьевичей Угличем, Ржевой и некоторыми костромскими волостями. О Бежецком Верхе уже нет речи, и это объясняется, как говорилось выше, тем, что в 1435 г. возврата Бежецкого Верха потребовали от великого князя новгородцы.

Показательно, что наряду с великокняжескими пожалованиями грамота 1436 г. касается и наследственных владений Юрьевичей, полученных по духовной их отца («чем...благословил...отец князь Юрьи Дмитриевичь своею отчиною, городы, и волостьми, и селы»). Договорный текст содержит указания на раздел этих владений, произведенный Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным в 1436 г.: «по деловым по нашим грамотам, как ся есмы ныне поделили с своим братом со князем с Дмитрием Юрьевичем с Меншим». Раздел был вызван, несомненно, победой великого князя над Василием Косым в 1436 г., его пленением и ослеплением. В связи с этим Василий Косой лишился своего удела, предназначенного ему по завещанию отца. Часть этого удела (Звенигород) перешла к великому князю, часть была поделена между братьями Василия Косого. Обычно, руководствуясь неправильным представлением о последовательности договорных грамот второй половины 30-х годов XV в., исследователи считают, что Василий II отнял Звенигород у Василья Косого сразу после утверждения в Москве в 1434 г. При расположении грамот в правильной хронологической последовательности убеждаемся, что в той из них, которая относится к 1434 г. (а ранее датировалась 1440 годом), о лишении великим князем Василия Юрьевича Звенигорода не говорится ни слова. Поэтому имеются все основания утверждать, что, заключив весной 1435 г. мир с великим князем Василием Васильевичем, Василий Косой владел до нового с ним «розмирья» не только пожалованным Дмитровом, но и наследственным Звенигородом.

Интересно, что докончание 1436 г. лишает Дмитрия Шемяки Вятки: «а в Вятку ти ся, брате, не въступати». На основе опять-таки неверной датировки документов, было принято думать, что переход Вятки к Москве последовал в 1434 г. Но в договоре, который в действительности следует датировать 1434 годом, о Вятке говорится как о владении Дмитрия Шемяки на основе соглашения Василия II с Юрием Дмитриевичем: «а Вятка по отца вашого последнему докончанью». Требование, предъявленное Василием II Шемяке в 1436 г. —«не вступаться» в Вятку, вызвано, конечно, тем, что во время княжеской смуты 1435—1436 гг. Вятка была местом, где Василий Косой собирал враждебные Москве силы.

Кроме договора Василия II с Дмитрием Шемякой 1436 г., мы располагаем, как было упомянуто, списком докончальной грамоты Василия II от своего имени и от имени двух Дмитриев Юрьевичей с Василием Косым.[130] По содержанию оба докончания Василия II (с Шемякой, с одной стороны, с Василием Косым — с другой) имеют между собой много общего. Договорный акт Василия Васильевича и Василия Юрьевича также вспоминает княжескую усобицу, предусматривая обмен полоном, захваченным друг у друга имуществом и т. д. В «Актах Археографической Экспедиции» этот последний акт датирован весной 1435 г., временем после первого выступления Василия Юрьевича против московского великого князя Василия Васильевича. По летописным данным, князья тогда помирились, причем Василий II пожаловал Василия Юрьевича Дмитровом. Действительно,

[130] ААЭ, т. I, стр. 20—23, № 29

пункт о переходе Дмитрова к Василию Юрьевичу имеется в рассматриваемой докончальной грамоте: «А что тя есмь пожаловал Дмитровым с волостми с Дмитровскыми, что вотчина твоя, братьи моей молодшей, того всего под тобою блюсти, а не обидеть, ни вступатись». И в другом месте: «А что тя есмь пожаловал, что ти есмь отступил Дмитрова с волостми Дмитровьскыми в вуделе, и что вотчина твоя, того ми под тобою блюсти, а не обидети, ни вступатись». Датировка «Актов Археографической Экспедиции» обычно принимается исследователями.[131] Однако эта датировка основана на недоразумении.

Ближе присматриваясь к докончанию Василия II с Василием Юрьевичем Косым, мы убеждаемся, что его можно отнести ко времени не ранее окончательной победы московского великого князя, одержанной над своим противником в 1436 г., после второго выступления Василия Косого. Право на такой вывод дает одно место грамоты, касающееся устюжского полона: «а что нятци поиманы на бою и устюжские,... тех тебе отпустити». Речь идет о военных действиях Василия Косого на Устюге, имевших место уже после первого примирения князей. Другая статья договорного текста заставляет перенести его дату еще на несколько лет — это обязательство Василия Косого не брать ярлыка на великокняжеский стол от татар, которые «имут... [его] сваживати» с Василием II и «почнут... [ему] давать великое княжение». Наличие такого обязательства дает, мне кажется, право связать рассматриваемый договор с событиями 1439 г. и датировать его второй половиной 1439 г. В конце 1438 г. хан Улу-Махмет, изгнанный из Орды своим братом Кичи-Махметом, двинулся в русские пределы и укрепился в Белеве. По словам летописи, желая обеспечить себе поддержку со стороны русских военных сил, Улу-Махмет «начят даватися во всю волю князем русским». Он обещал, если ему удастся овладеть «царством» в Орде, «земли Русьские стеречи, а по выходы... не посылати, ни по иное ни по что». Великий князь Василий Васильевич послал против Улу-Махмета войско во главе с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным Юрьевичами, которые потерпели поражение.[132] После этого Улу-Махмет засел в Нижнем-Новгороде и в середине 1439 г. совершил набег на Москву. Великий князь Василий Васильевич бежал за Волгу, оставив в Москве воеводу князя Юрия Патрикеевича. Махмет простоял под Москвой десять дней и «поиде прочь, граду не доспев ничто же». На обратном пути он сжег Коломну, «и людей множество пленил, а иных изсекл».[133]

Татарская опасность, нависшая над Русью и вызванная смутами в Орде, заставляла Василия II подозревать, что татары постараются использовать усобицы среди русских князей в своих целях. Я считаю вполне вероятным, что после нашествия Махмета в 1439 г. в московских правительственных кругах возник проект создания удела для Василия Юрьевича, лишенного в 1436 г. ряда владений. При этом Василий Косой должен был дать Василию II запись, что он не будет делать попыток овладеть великим княжением при помощи татар, и если татары захотят поссорить Василия Косого с великим князем, он не будет соглашаться на их предложения ярлыка на великокняжеский стол. Поскольку текста договорной грамоты Василия II с Василием Юрьевичем (ни в оригинале,

---

[131] Н. М. Карамзин. Указ. соч., изд. 2-е, т. V, прим. стр. 183, № 278. С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 1059. А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 283. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 393.

[132] ПСРЛ, т. XII, стр. 24—25; т. VI, стр. 150; т. VIII, стр. 107; т. XVIII, стр. 188—189; т. XXIII, стр. 149. См. также М. К. Любавский. Образование основной государственной территории Великорусской народности, стр. 108.

[133] ПСРЛ, т. XII, стр. 30; т. VI, стр. 169; т. VIII, стр. 107; т. XVIII, стр. 190; т. XXIII, стр. 150.

ни в списках) нет среди материалов московского великокняжеского архива и поскольку эту грамоту не упоминают описи архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг., можно думать, что договор остался неоформленным. Тот сборник, который сохранил нам список изучаемой докончальной грамоты, как правило, содержит неутвержденные проекты. Но тем не менее, если перед нами даже не формальное соглашение московского великого князя Василия Васильевича с Василием Юрьевичем Косым, а только его проект, не получивший осуществления, во всяком случае этот документ приоткрывает завесу над темными и мало изученными отношениями князей на рубеже 30-х и 40-х годов XV в. Летописи ничего не говорят нам о судьбе Василия Юрьевича после его отправки в Москву и ослепления Василием Васильевичем в 1436 г. Имеются только лаконичные летописные заметки о кончине Василия Косого в 1448 г.[134] Молчание летописных сводов приводит исследователей к выводу, что «бурная политическая карьера» Василия Косого кончилась в 1436 г.; «ослепленный по приказу великого князя Василия, он дожил до 1448 г. вне активной жизни».[135] Оказывается, что в конце 30-х — начале 40-х годов XV в. с Василием Юрьевичем еще считались, так что его отстранение от политической жизни не было полным и окончательным.

Мои выводы относительно происхождения договорного текста, касающегося взаимоотношений Василия II с Василием Косым, подтверждаются наблюдениями над помещенной в том же сборнике докончальной грамотой Василия II (вместе с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным) с великим князем тверским Борисом Александровичем.[136] Поскольку в последнем документе имеется ссылка на «благословение» митрополита Исидора, постольку он помещен в «Актах Археографической Экспедиции» между 1437 и 1440 гг. Однако в тексте грамоты имеются прямые указания на ее связь с событиями 1438—1439 гг.: походом Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного против Улу-Махмета к Белеву и нашествием Улу-Махмета на Москву. «А что, — читаем в грамоте, — есте воевали со царем, а положит на вас (Василия II и братьев Юрьевичей) царь вину в том, и мне (Борису Александровичу), вам, брате, не дати ничего в то, и моей братьи молодшей, и моим братаничем, ни нашим детем, ни внучатом, а ведатись в том вам самим». Как известно, Улу-Махмет указывал русским князьям, что в поражении под Белевом виноваты они сами, так как не согласились на его предложение взять в заклад его сына и помочь ему добиться «царства» в Орде, после чего он не стал бы брать выхода и начал бы оберегать русские пределы.

Очевидно, татарская опасность и побудила Василия II в 1439 г. искать союза с Тверью. Одновременно, как говорилось выше, был выработан проект возвращения некоторых владений Василию Косому и заключения с ним докончания. В московско-тверской докончальной грамоте, так же как и в проекте договора с Василием Косым, имеется пункт, согласно которому московский и тверской князья не должны допускать, чтобы татары стали их «сваживать» и не должны брать от них чужих владений. В случае татарской «рати» князья гарантируют друг другу помощь.

Есть и еще одна точка соприкосновения между договорными грамотами Василия II с Василием Косым, с одной стороны, и с Борисом Александровичем тверским — с другой. В первом документе имеется указание на «гостей суконников», которые «вскоромолили» на великого князя и его

---

[134] ПСРЛ, т. VIII, стр. 121: «того же лета (6956-го) преставися князь Василей Юриевичь Косой».

[135] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 393.

[136] Сборник Ленингр. Публ.б-ки №Q — XVII—58, лл. 59 об.—61 об.; ААЭ, т. I, стр. 25—26, № 33.

мать и ушли во время «розмирья» Василия II с Василием Косым из Москвы в Тверь. Второй документ содержит сведения о каких-то московско-тверских осложнениях, вызванных, очевидно, этой самой крамолой «гостей суконников», нашедших убежище в Твери. Борис тверской требует от московского великого князя «отпуска без откупа» тверского и кашинского «полона». Летописи ничего не говорят нам о столкновениях между Москвой и Тверью в конце 30-х годов XV в. Но в интересном памятнике тверской литературы — так называемом «Слове похвальном о благоверном великом князе Борисе Александровиче», написанном иноком Фомой, находим рассказ о нападении московской рати на зубцовского князя Ивана Юрьевича.[137] Весьма вероятно, что этот эпизод имел место в конце 30-х годов XV в.[138] и был связан с участием князей тверского дома в московской усобице. Зубцовский князь Иван Юрьевич вместе с великим тверским князем Борисом Александровичем значится в изучаемой докончальной грамоте 1439 г. В Твери и Тверских уделах находили приют враждебные Москве элементы: в 1433 г. Иван Всеволожский,[139] в 1434 г. — князь Иван Андреевич можайский, бывший в то время в союзе с Юрием Дмитриевичем,[140] в 1435 г. — Василий Косой.[141] Правда, и сам Василий II, изгнанный в 1433 г. из Москвы Юрием, отправился в Тверь, а уже оттуда в Кострому.[142]

В 1439 г. Василий II делает шаги к формальному сближению с Тверью, памятником чего является рассматриваемая докончальная грамота. Это сближение должно было сопровождаться разрывом со стороны Бориса Александровича своих отношений с Литвой. Подобно рязанскому князю Ивану Федоровичу, Борис тверской находился в союзе с литовским великим князем Витовтом (с 1427 г.)[143] а затем с Сигизмундом.[144] Но Рязань уже с 1433 г. вышла из сферы литовского влияния и заключила союз с Москвой. Взаимоотношения же Москвы с Тверью до конца 30-х годов XV в. оставались неопределенными. У нас нет никакой уверенности в том, что рассмотренная выше докончальная грамота Василия II с Борисом Александровичем тверским 1439 г. не осталась только проектом и была действительно оформлена в виде официального договора. Среди документов московского великокняжеского архива мы этой грамоты не находим (ни в подлиннике, ни в списках). Архивные описи XVII в. о ней не упоминают. Тот сборник, на страницах которого она скопирована, содержит, главным образом, неутвержденные тексты.

Интересные наблюдения можно сделать в отношении докончальной грамоты Василия II с Дмитрием Шемякой, помещенной в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 52—55 (два тождественных экземпляра, каждый в двух противнях).[145] Выше я уже указывал, что и издатели и исследователи относят этот документ к 1434 г., к моменту занятия Москвы Василием II после смерти Юрия Дмитриевича. Однако,

---

[137] «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». Сообщение Н. П. Лихачева, СПб., 1908, Памятники древней письменности и искусства, CLXVIII, стр. 16.

[138] Я. Л у р ь е. Роль Твери в создании Русского национального государства. Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 36, серия исторических наук, вып. 3, Л., 1939, стр. 92—93.

[139] ПСРЛ, т. VIII, стр. 97.

[140] Т а м ж е, стр. 98.

[141] Т а м ж е, стр. 99.

[142] Т а м ж е, стр. 97.

[143] РИБ, т. XXII, стр. 13—15, № 2; АЗР, т. I, № 33.

[144] В изучаемой докончальной грамоте 1439 г. читаем: «а к Жимонту нам целование сложити, без перевода».

[145] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 19—20. СГГД, т. I, стр. 107—108, № 52—55. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 196—221, № 29—32.

вопреки общепринятой точке зрения, грамоту надо датировать началом 40-х годов XV в. Для этого имеется ряд оснований.

Прежде всего, на оборотной стороне договорного акта Василия II и Дмитрия Шемяки от 13 июня 1436 г.,[146] а также на обороте докончальной грамоты тех же князей, которую я отнес к 1434 г. (а ранее относили к 1440 г.),[147] имеются приписки от 24 июня 1440 г. о междукняжеском третейском суде. Аналогичную статью о третейском разбирательстве княжеских конфликтов мы находим в самом тексте докончания, помещенного (в четырех противнях) в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 52—55. Очевидно, указанный недатированный договор был оформлен после 24 июня 1440 г., на основе формуляра предшествующих докончаний. Несомненно, в текст договора № 52—55 (по нумерации СГГД) статья о третейском суде была заимствована из приписок к более ранним докончальным грамотам,сделанным 24 июня 1440 г. Исследователи, найдя дополнительную статью о третейском суде на обороте докончальной грамоты, помещенной в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 60, на основании даты приписки (24 июня 1440 г.) датировали 1440 годом и самую грамоту, хотя все ее содержание ведет нас к 1434 г. С другой стороны, недатированный договорный акт, помещенный (в четырех противнях) в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 52—55, был отнесен исследователями к 1434 г., хотя совершенно очевидно, что в этот акт статья о третейском суде была перенесена, в качестве дополнения, из акта № 60 (по нумерации СГГД). Таким образом, дата приписки формулы о третейском суде к грамоте № 60 (на ее обороте) является в то же время terminus non ante quem для составления докончания, помещенного в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 52—55, где эта формула имеется в самом тексте. Другими словами, документы № 60, с одной стороны, и № 52—55 (четыре противня одного акта) — с другой надо хронологически переставить, датировав их в обратном порядке по сравнению с данными «Собрания государственных грамот и договоров», принятыми исследователями. При размещении договорных текстов в правильной хронологической последовательности грамота № 60 получит дату 1434 г., а докончание, помещенное (в четырех противнях) в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 52—55, — дату не ранее 1440 г.

Обращаемся к содержанию последнего договорного акта. В основном он воспроизводит текст докончания Василия II с Дмитрием Шемякой от 13 июня 1436 г., но имеет от него и ряд отличий — существенных для понимания происхождения документа. Особенный интерес представляет в этом отношении следующая статья: «А что, господине (великий князь Василий Васильевич), еще в целовании будучи есмы с тобою, не додал ти есмь нынича в выходы серебра и в ординьские проторы, или что еси посылал ко царем киличеев своих к Кичи-Магнетю и к Седи-Ахметю, а то ми (Дмитрию Юрьевичу Шемяке) тобе отдати по розчету, по сему нашему докончанью. А что еси, господине, взял на моей отчине дань на Рузе и на Вышгороде, и тобя тое дани дошло четыреста рублев и дватцать рублев, и тобе то мне завезти в выход по росчету, а досталь ми тобе отдати». А. В. Экземплярский, цитируя приведенный текст, делает на его основании явно не обоснованный вывод: «Несомненно, здесь говорится о времени, предшествовавшем смерти Юрия Дмитриевича. Таким образом, отсюда

---

[146] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 21—22. СГГД, т. I, стр. 118—130, № 56—59. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 221—249, № 33—36.

[147] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 23. СГГД, т. I, стр. 130—132, № 60. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 249—254, № 37.

мы заключаем, что Юрьевичи еще при жизни отца владели известными волостями и, между прочим, Шемяка владел Рузой и Вышгородом».[148] Между тем, в грамоте совершенно ясно говорится о взаимоотношениях между Василием II и Дмитрием Шемякой по сбору дани, имевших место в то время, когда князья были еще формально «в целовании» друг с другом. Совершенно очевидно, что имеется в виду время уже после смерти Юрия Дмитриевича, так как при его жизни Василий II не вступал в непосредственные договорные отношения с Дмитрием Юрьевичем Шемякой. Под княжеским «целованием» подразумевается, конечно, докончание великого московского князя Василия Васильевича с Шемякой 1436 г. Это докончание, очевидно, было нарушено, в связи с какими-то недоразумениями по расчетам в уплате ордынского выхода. Недоразумения эти естественнее всего отнести к началу 40-х годов XV в., когда русские князья были втянуты в смуты, происходившие в Орде между Кичи-Махметом и Улу-Махметом.

О нарушении договора 1436 г. узнаем и из других статей изучаемой грамоты: «А что, господине, еще *до складные грамоты* поимали будуть мои люди в твоих городех и в волостех и в селех, и в матери твоей селах. великие княгини, войною и грабежом, и бояр твоих селах, на то суд и исправа».

Итак, докончальная грамота Василия II с Дмитрием Шемякой, текст которой (в четырех противнях) помещен в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 52—55, была оформлена после «розмирья» между названными князьями, нарушившего договор 1436 г. Из летописных сводов известно, что такое «розмирье» имело место в 1441 г. или 1442 г. В это время «князь велики Василей Васильевичь възверже нелюбие на Дмитреа Юрьевича Шемяку (другой летописный вариант: роскинул с Шемякою) и поиде на него ко Углечю, и он побеже в Бежецкий Верх Новгородцкий... И потом же князь Дмитрей Юрьевичь Шемяка, а с ним князь Александр Черторижский, часа того пришли мало не ко Москве, и помири их игумен Зиновей троецкой и любовь межи их сотвори».[149] С. М. Соловьев без всяких оснований отнес ко времени после княжеской усобицы 1441—1442 гг. договорный акт № 60 (по нумерации СГГД), оформленный в 1434 г. В действительности же, «нелюбие», о котором рассказывают летописи под 1441—1442 гг., завершилось заключением договора, текст которого опубликован в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 52—55. Все содержание этого документа убеждает в правильности нашего вывода. Имеющееся в нем указание на складную грамоту надо сопоставлять с летописным рассказом о том, как великий князь Василий Васильевич «роскинул» с Дмитрием Шемякой. Становятся ясными причины разрыва, заключающиеся в спорах по поводу сбора дани для уплаты «выхода в Орду и в Ординьские проторы».

После примирения князья вернулись в основном к условиям их соглашения 1436 г., которые и отразились в докончальной грамоте 1441—1442 гг. (№ 52—53 по нумерации СГГД). В этой грамоте мы уже не находим подробных сведений об усобице 1435—1436 гг., которой много внимания уделял договорный акт 13 июня 1436 г. Усобица 1435—1436 гг. была делом прошлого, «недруг» московского великого князя Василий Косой уже не казался опасным; в 1439 г. московский князь Василий Васильевич предполагал даже восстановить его в ряде владений. Внимание договора № 52—55 устремлено, главным образом, на последствия княжеского «розмирья» 1441—1442 гг.

---

[148] А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 238.
[149] ПСРЛ, т. XII, стр. 42; т. VIII, стр. 111.

Подобно докончанию 1436 г., грамота 1441—1442 гг. касается вопроса об удельных владениях Дмитрия Шемяки, как пожалованных ему великим князем (Ржева, Углич, Московские села, Костромские волости), так и перешедших к нему по наследству от отца. В противоположность грамоте 1436 г., договорный акт 1441—1442 гг. точно указывает наследственные владения Шемяки: Галич, Рузу, Вышгород. О деловых грамотах Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного говорится как о документах прошлого времени: «...по деловым по нашим грамотам, как ся есмя поделили со своим братом со князем Дмитрием с Меншим». В тексте докончания 1436 г. те же раздельные акты двух братьев Юрьевичей упомянуты как документы только что оформленные: «...по деловым по нашим грамотам, как ся есмы *ныне* поделили с своим братом со князем с Дмитрием Юрьевичем с Меншим».

В этой связи надо коснуться вопроса о завещании Юрия Дмитриевича, на которое ссылается договор Василия II с Дмитрием Шемякой. Выше был подвергнут анализу текст духовной Юрия Дмитриевича, написанной им в начале 1433 г. По этой духовной Василий Косой должен был получить Звенигород, Дмитрий Шемяка — Рузу, Дмитрий Красный — Вышгород и Галич. Из текста докончальной грамоты 1441—1442 гг. мы видим, что Звенигородский удел Василия Косого московский великий князь взял себе, а Руза, Вышгород, Галич находятся во владении Дмитрия Шемяки, причем это владение обосновано ссылкой на завещание Юрия. А. В. Экземплярский видит в этом противоречие с данными духовной Юрия начала 1433 г., по которой Вышгород и Галич предназначались Дмитрию Красному. Автор предполагает, что существовала более поздняя редакция завещания Юрия Дмитриевича, которая до нас не дошла.[150] Подобное предположение вызвано недоразумением, именно тем, что Экземплярский относил текст договора 1441—1442 гг. к 1434 г. В действительности же в момент оформления изучаемого договора, раз он падает на 1441—1442 гг., Дмитрий Красный уже умер,[151] и его владения перешли к старшему брату.[152] Поэтому версия о второй редакции духовной Юрия Дмитриевича является легендой.

§ 4. Документы, касающиеся борьбы Василия II с Дмитрием Шемякой во второй половине 40-х годов XV в.

Вторая половина 40-х годов XV в. — наиболее острый и напряженный период борьбы Василия II с удельными князьями Дмитрием Юрьевичем Шемякой и его союзниками, когда московский великий князь был ослеплен своими противниками и заточен в Угличе. Прологом к этим драматическим событиям явилось поражение, понесенное 7 июля 1445 г. под Суздалем, вблизи Спасо-Евфимьева монастыря, великокняжеской ратью в битве с татарскими войсками, посланными Улу-Махметом под руководством его сыновей. Московский великий князь, вместе с Михаилом Андреевичем верейским, попал в плен, откуда был выпущен и вернулся в Москву только через четыре месяца — 17 ноября 1445 г. [153] Время пленения Василия II Дмитрий Шемяка использовал для подготовки к захвату великого княжения. Летописные своды рассказывают о переговорах,

---

[150] А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 235.

[151] Дмитрий Красный умер 22 сентября 1441 г. (ПСРЛ, т. XII, стр. 38).

[152] Всюду, где в грамоте 1436 г. речь идет о пожаловании Василием II волостями двух братьев Юрьевичей, в тексте 1441—1442 гг. множественное число в соответственных местах изменено на единственное.

[153] ПСРЛ, т. VIII, стр. 112—114; т. VI, стр. 170—172; т. XII, стр. 64—66; т. XVIII, стр. 193—196; т. XXIII, стр. 151—152.

которые вел Дмитрий Шемяка с послами Улу-Махмета о передаче ему великокняжеского стола. Улу-Махмет «к князю Дмитрею к Шемяке послал посла своего Бигича. Он же рад бысть, и многу честь подасть ему, желаше бо великого княжениа; и отпусти его со всем лихом на великого князя, а с ним послал своего посла Феодора диака Дубенского, чтобы князю великому не выйти на великое княжение».[154]

Ко времени между 7 июля и 17 ноября 1445 г., когда Василий II находился в татарском плену, я отношу договор Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями Василием и Федором Юрьевичами, внуками Василия Кирдяпы.[155] В «Собрании государственных грамот и договоров» эта грамота датирована 1446 годом. Исследователи обычно принимают указанную дату.[156] Между тем, содержание документа ведет нас ко второй половине 1445 г., когда Дмитрий Шемяка копил силы для овладения великим княжением. Если принять предлагаемую мною датировку, то тогда разъяснятся некоторые противоречия докончальной грамоты, которые не могли не броситься в глаза исследователям при ее изучении. К грамоте приложена печать Дмитрия Шемяки с надписью: «Печать *великого князя* Дмитрия Юрьевича». На обороте рассматриваемого договорного текста — помета которая также называет Шемяку «*великим князем*»: «Грамота докончальная *великого князя Дмитрея* Юрьевича с братьею со князем Васильем да со князем Федором Юрьевичи». Но в самом тексте докончания титул «великий князь» применительно к Дмитрию Юрьевичу не употребляется. Договор пользуется выражением: «господине наш князь Дмитрий Юриевичь». Напротив, судя по грамоте, великим князем в момент ее оформления был Василий Васильевич: «А лучится, господине, тобе и твоему сыну каньчивати с *великим князем* Василием Васильевичем, или с его братьею молодшою, или с его детми, и тобе, нашему господину, и твоему сыну без нас не каньчивати». В то же время одно место документа свидетельствует, что в момент его написания Дмитрий Шемяка имел определенные расчеты на овладение великокняжеским столом: «А что будем где грабили и наши бояре и наши люди в твоей отчине в великом княженье, ино тому всему дерть по та места, како жо дасть ти бог, велит достати своее отчины великого княженья».

Исследователи, датируя докончальную грамоту Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями 1446 годом, временем после ослепления Василия II, высылки его из Москвы и занятия великокняжеского стола Шемякой, естественно должны были столкнуться со всеми указанными особенностями договорного текста и дать им какое-то объяснение. Обычно думают, что договор относится к тому моменту, «когда Шемяка снова лишился Москвы», но еще продолжал вести за нее борьбу с Василием II (Соловьев, а вслед за ним Экземплярский). А. Е. Пресняков занимает в данном вопросе уклончивую позицию. «В тексте грамоты, — пишет он, — нет указания, чтобы Шемяка не владел Москвой в момент ее писания, хотя общий строй ее и заставляет отнести ее скорее ко времени возобновления борьбы Шемяки с великим князем Юрием (очевидно, опечатка; следует читать: Василием)».

---

[154] ПСРЛ, т. VIII, стр. 113.

[155] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 25. Список с грамоты там же, № 26, с пометой на обороте: «Список з грамоты докончальные князя Дмитрея Юрьевича со князем Васильем и со князем Федором Юрьевичи». СГГД, т. I, стр. 135—137, № 62. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 354—359, № 56 (под 1453 г.).

[156] Н. М. Карамзин. Указ. соч., изд. 2-е, т. V, стр. 320; прим., стр. 211, № 337. С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 1, стб. 1073. А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 245. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 400—401, прим. 4.

Мне кажется, что все противоречия исчезнут, если отнести изучаемый договорный акт ко второй половине 1445 г., когда великий князь Василий Васильевич находился в плену. Формально он еще сохранял великокняжеские права, и поэтому докончальная грамота титулует его «великим князем». Но в то же время соперник Василия II Дмитрий Шемяка рассматривал великое княжение как свою «отчину», надеялся в ближайшее время с татарской помощью получить его себе и уже пользовался великокняжеской печатью.[157] Шемяка стремился создать союз русских князей, который поддержал бы его в борьбе с Василием II, если тот освободится из плена. Такими союзниками явились для него Иван Андреевич можайский и суздальские князья. Иван Андреевич еще в 1442 г. получил от Василия II Суздаль. Это великокняжеское пожалование было продиктовано желанием Василия II заставить можайского князя, выступавшего в 1441—1442 гг. против него вместе с Дмитрием Шемякой, перейти на его сторону.[158] После пленения Василия II в 1445 г. Иван Андреевич обеспечил признание за собой «Суздальской отчины» со стороны Дмитрия Шемяки. Это вызвало протест суздальских князей, которые добились от Шемяки возврата их владений.

По докончанию 1445 г. Дмитрий Шемяка обязался «не вступаться» «в прадедину..., и в дедину, и в отчину» суздальских князей: Суздаль, Нижний-Новгород, Городец, Вятку. Относительно Суздаля в грамоте имеется специальное условие, согласно которому Дмитрий Шемяка должен обеспечить суздальским князьям переход к ним этого владения от Ивана можайского и в случае, если тот будет делать попытки вернуть себе Суздаль, помочь законным «отчичам» отстоять его: «А что еси был, господине наш князь Дмитрий Юрьевич, отступился своему брату князю Ивану Андреевичю наше отчины Суздаля, и тобе ныне тое наше отчины Суздаля своему брату князю Ивану не дати; а которыми он делы брат твой князь Иван имется в нашю отчину въступати, и тобе нас от него боронити, а за нас ти стояти». Все земельные приобретения, сделанные в пределах Нижегородско-Суздальского княжения великокняжескими и галицкими служилыми князьями и боярами, а также покупки нижегородских и суздальских земель, совершенные на основе жалованных грамот великого князя Василия II «в нашо неверемя», объявляются недействительными: «ино те все купли не в куплю, а те все волости и села нам по старине, и нашим бояром».

Взаимоотношения Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями, согласно докончальной грамоты, должны быть построены на тех же самых началах, которыми руководствовались в своих отношениях великий московский князь Дмитрий Иванович с нижегородско-суздальским князем Дмитрием Константиновичем, «по старине и по докончанью».

Все спорные дела решаются «опчими судьями», в роли же третейского судьи выступает Дмитрий Шемяка, так как в момент заключения докончания на Руси не было митрополита. Очевидно, предполагалось, что когда будет митрополит, то функции третейского судьи перейдут к нему: «А вашему, господине, великому княженью с нашею прадединою и дединою и отчиною суд по старине; а обидных делех тобе, господине, отслати

---

[157] А. В. Экземплярский высказался предположительно за возможность датировки докончальной грамоты Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями 1445 г. «Договор мог быть заключен вскоре после суздальского боя, когда великий князь взят был в плен и когда Шемяка видел возможность занять великое княжение». Однако после этого замечания Экземплярский сразу привел возражения самому себе и отказался от высказанной мысли (А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 245, прим. 674).

[158] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 151.

судей опчих, а нам, господине, отслати своих судей, ино тому исправу учинят; а чего наши судьи не узнають, ино им третий ты, господин нашь князь Дмитрий Юриевичь, до отца твоего до митрополита».

Очень показательно, что суздальские князья указывают в цитированном выше тексте на принадлежность великого княжения Дмитрию Шемяке («вашему, господине, великому княженью»). Аналогичную точку зрения находим и в других местах докончальной грамоты: «а также и нам *в твоем великом княженье* закладней не держати»; «а что будем где грабили и наши бояре и наши люди *в твоей отчине в великом княженье...*» Эти указания особенно интересны потому, что в том же документе великим князем, как мы видели выше, называется Василий Васильевич, а относительно Дмитрия Шемяки прямо говорится, что ему еще предстоит «достати своее отчины великого княженья».

Суммируя все приведенные выше наблюдения, я прихожу к выводу, что договор Дмитрия Шемяки с Василием и Федором Юрьевичами был заключен Дмитрием Шемякой во второй половине 1445 г., когда Василий II московский находился в татарском плену, а Шемяка считал себя потенциально великим князем московским. Основная политическая идея договора — в восстановлении Нижегородско-Суздальского княжения, примерно в старых территориальных пределах времен Дмитрия Константиновича, *на правах великого княжения*. Характерно, что суздальским князьям, по докончальной грамоте, предоставлено право самостоятельных сношений с Ордой: «а Орда нам, господине, знати собою». Очевидно, в программу Шемяки входило расчленение государственной территории, находившейся под властью московских князей, на самостоятельные княжества. Интересно сопоставить с этим летописные данные об обмене послами между Улу-Махметом и Дмитрием Шемякой после пленения Василия II и о попытке Дмитрия Шемяки уговорить Улу-Махмета не отпускать Василия Васильевича на великое княжение.

Принимая во внимание, что Нижний-Новгород долгое время был пунктом, где укрепился Улу-Махмет, можно думать, что проект о восстановлении великого Нижегородско-Суздальского княжения был согласован с этим татарским ханом. Исконная татарская политика состояла в стремлении выдвигать сразу нескольких великих князей и, поддерживая одного против другого, играя на противоречиях их интересов, не давать усилиться никому из них. Этой традиционной политике вполне соответствовала идея выделения из государственной территории, объединенной предшествующей деятельностью московских князей, тех владений, которые входили ранее в состав Нижегородско-Суздальского княжества, передаче их исконным «отчичам», возвращении последним суверенных прав и отказе Москвы от контроля над связями суздальских князей с Ордой.

Датировка докончальной грамоты 1445 г. Дмитрия Юрьевича Шемяки с суздальскими князьями может быть подтверждена некоторыми дополнительными наблюдениями над договорным текстом. В одной статье грамоты идет речь о передаче князем Иваном Андреевичем можайским, во время владения им Суздалем, в Троице-Сергиев монастырь села Шухобалова. Василий и Федор Юрьевичи суздальские требуют от Шемяки возврата этого села себе: «А что, господине, брат твой князь Иван Андреевич, держа за собою отчину нашу Суздаль, ин дал святой Троице село наше уделное Шухобалово..., ино, господине, то село нам по старине». До нас дошла жалованная грамота Ивана Андреевича Троице-Сергиеву монастырю на село Шухобалово. Она относится к 26 октября 1442 г.,[159]

[159] Памятники социально-экономической истории Московского государства

к тому времени, когда Иван Андреевич получил Суздаль по пожалованию от великого князя Василия II.

С этим актом следует сопоставить другой: тарханно-несудимую грамоту великого московского князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Геннадию на переданные ему села Шухобалово, Туму, Микульское и Богдан в Суздальском уезде. Судя по последнему документу, как будто выходит, что Троице-Сергиев монастырь получил село Шухобалово не от можайского князя Ивана Андреевича, а от московского великого князя Василия Васильевича, сделавшего вклад на указанное владение по «сестричиче по князе Семене Александровиче». Семен Александрович — сын князя Александра Ивановича Брюхатого суздальского и княгини Василисы Васильевны, дочери московского великого князя Василия Дмитриевича. По матери он приходился племянником Василию II. Грамота содержит полное освобождение монастырских владений от ряда повинностей (дань, посошная служба, мыт, тамга, писчая белка) и несудимость во всех делах без изъятий. Датирована грамота 6979, т. е. 1471 годом.[160]

Рассматриваемый документ весьма подозрителен с точки зрения своего происхождения. В издании «Памятников социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв.» отмечены некоторые детали текста, которые заставляют предполагать, что мы имеем дело с подделкой. Во-первых, бросается в глаза не только отсутствие подлинника, но и то обстоятельство, что грамота не сохранилась даже ни в одном списке в составе тех основных сборников копий, которые имеются в архиве б. Троице-Сергиевой лавры. Она дошла до нас в сборнике № 637 (л. л. 415—415 об.), представляющем собой собрание списков с разрозненных, часто отрывочных документов, переплетенных в одну книгу уже в XIX столетии. Затем абсолютно невозможна для княжения Василия II, умершего в 1462 г., дата документа — 1471 г. Необычны выражения грамоты. Наконец, известно, что село Шухобалово было дано монастырю не великим князем Василием II, как утверждает изучаемая грамота, а князем Иваном Андреевичем можайским.

Итак, перед нами подделка. Этот поддельный документ хранился в архиве Троице-Сергиева монастыря. Он упомянут в описи жалованных грамот и «всяких вотчинных данных крепостей», зарегистрированных в 1621 г. монастырскими старцами при пересмотре «крепостной казны»: «Грамота великого князя Василия Васильевича на село Шухобалово, излежалась вся, подклеена».[161]

Когда, при каких обстоятельствах и для каких целей была совершена подделка? Указания на это дает имя игумена Геннадия, упомянутого в грамоте. Геннадий мог быть игуменом в период со второй половины 1445 г. по начало 1446 г.[162] Следовательно, игуменство Геннадия совпадает с пленением Василия II. Поводом к подделке послужило, очевидно, то обстоятельство, что по договору Шемяки с суздальскими князьями Василием и Федором Юрьевичами пожалование Троице-Сергиеву монастырю села Шухобалова Иваном Андреевичем можайским было признано

XIV—XV вв., т. I, М., 1929, стр. 44, № 58. Сборник Муханова, изд. 2-е, СПб., 1866, стр. 407, № 300.

[160] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., т. I, стр. 47—48, № 62.

[161] Всесоюзная публичная библиотека им. В. И. Ленина, архив Троице-Сергиевой лавры, отд. XIII, кн. 637, л. 231.

[162] В 1445 г. был еще жив игумен Троице-Сергиева монастыря Зиновий, а в мае 1446 г. мы встречаем в документах имя игумена Досифея (Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 46, № 60; стр. 48—49, № 64).

недействительным. Таким образом, поддельная грамота на село Шухобалово от имени великого князя Василия Васильевича, падающая на время игумена Геннадия (1445—начало 1446 г.) и появившаяся в связи с докончанием Дмитрия Шемяки и суздальских князей, является лишним аргументом для датировки этого докончания 1445 годом. С рассмотренной подделкой можно сопоставить подчистку, сделанную монастырскими старцами в жалованной грамоте на село Шухобалово, выданной Троице-Сергиеву монастырю князем Иваном Андреевичем можайским в октябре 1442 г. Монастырские старцы подчистили в документе то место, где говорилось об освобождении села Шухобалова от податей «на десять лет» и написали вместо этого: «впрок», т. е. навсегда.[163] Первоначальная льгота на десять лет указана в одном из наиболее ранних списков грамоты.[164]

Троице-Сергиев монастырь был втянут в княжескую усобицу 40-х годов XV в. Среди монастырских старцев нашлись сторонники Дмитрия Шемяки, способствовавшие захвату и ослеплению московского великого князя Василия Васильевича в феврале 1446 г. По словам Никоновской летописи, в заговоре против Василия II, организованном в это время Дмитрием Шемякой и Иваном Андреевичем можайским, участвовала, кроме московских бояр и гостей, часть старцев Троице-Сергиева монастыря: «Мнози же и от москвич в думе с ними бяху, бояря же и гости; бе же и от черньцев в той думе с ними».[165] Ермолинская летопись еще более ярко характеризует состав и намерения заговорщиков: «...от боляр великого князя, и от гостей московских, и от троецких старцев Сергиева монастыря» все решили «во едину мысль, что поимати великого князя».[166] Поддельная грамота от имени великого князя Василия Васильевича должна была появиться, конечно, еще до его ослепления и лишения великокняжеского стола, так как после занятия Москвы Дмитрием Шемякой в начале 1446 г. в подобной подделке уже не было смысла: пожалования Василия II все равно утрачивали свою силу и требовали подтверждения новым великим князем. С другой стороны, потребность в подделке скорее всего могла возникнуть тогда, когда старцы Троице-Сергиева монастыря были лишены возможности обратиться к Василию II за получением действительной жалованной грамоты, подтверждавшей передачу монастырю села Шухобалова, сделанную Иваном Андреевичем можайским, т. е. когда великий князь находился в плену. Позже, в 1448—1449 гг., Василий II дал Троице-Сергиеву монастырю оброчную и несудимую грамоту на село Шухобалово.[167] После этого поддельная грамота на имя игумена Геннадия стала уже ненужной. Сам Геннадий как сторонник Шемяки, повидимому, не по своей воле покинул игуменство в Троице-Сергиевом монастыре. Поэтому троицкие старцы и не заносили поддельного документа 1445 г. в сборники копий с монастырских земельных актов.[168]

Кроме докончальной грамоты Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями временем пленения Василия II датируется еще один документ москов-

---

[163] Подлинник грамоты 1442 г. опубликован в Сборнике Муханова, изд. 2-е, стр. 407, № 300.

[164] Всесоюзная публичная библиотека им. В. И. Ленина, архив Троице-Сергиевой лавры, отд. XIII, кн. № 518, лл. 258 об.— 259.

[165] ПСРЛ, т. XII, стр. 67.

[166] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 152.

[167] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., т. I, стр. 59—60, № 79. Подлинник см. в ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, № 11780.

[168] О поддельной грамоте на имя игумена Троице-Сергиева монастыря Геннадия интересные соображения высказывает С. Б. Веселовский в неопубликованном сборнике актов Троице-Сергиева монастыря (примечание к акту № 126).

ского великокняжеского архива: договор московского великого князя Василия Васильевича с Иваном Андреевичем можайским и Михаилом Андреевичем верейским.[169] В грамоте указано, что она «дана в лето 6000 и 900 и 50 третье, месяца июлья в 17 день», т. е. 17 июля 1445 г. Грамота воспроизводит обычный договорный формуляр. Заключению докончания предшествовало какое-то недоразумение между князьями, сведения о котором сохранились в тексте: «А что ти, господине князь велики, на нас на свою братью на молодшею было на сердце, и то ти, господине, по се наше докончанье заднее нам оставити». Василий II обещает князьям Андреевичам «держати под ними» их «отчину», перешедшую «по душевной грамоте» их отца Андрея Дмитриевича. Кроме того, великий князь пожаловал Ивану Андреевичу Козельск и волости: Серенск, Людимск, Коробки, Вырку, куплю Пересветову, Алексин, Лисин, Свиблово, т. е. в основном владения, в свое время полученные из великокняжеского удела Владимиром Андреевичем серпуховским и завещанные им своему старшему сыну Ивану. [70]Михаил Андреевич получил освобождение на год от уплаты выхода со своих владений: «А что мя еси, господине, пожаловал, князь велики, своего брата молодшего князя Михаила Андреевича, отдал выхода на год и моей отчине, и того ти, господине, у меня не взяти от Петрова дни до Петрова дни на сей год».

Рассматриваемая докончальная грамота ставит перед исследователями трудный для разрешения вопрос: каким образом согласовать дату грамоты 17 июля 1445 г. с летописными известиями о пребывании в это время Василия Васильевича в плену? Михаил Андреевич верейский был взят в плен вместе с великим князем, но Иван Андреевич ушел от татар во время сражения под Суздалем. Неясно, каким образом он вошел затем в договорные отношения с великим князем и со своим братом Михаилом. С. М. Соловьев предполагал, что при заключении договора в татарском плену «Михаил действовал именем отсутствующего старшего брата».[171] А. Е. Пресняков высказывает сомнение по поводу объяснения Соловьева: «Крайне трудно допустить, чтобы через десять дней после пленения князья в плену занялись таким договором и притом в отсутствии главного лица». По мнению Преснякова, в дате докончальной грамоты произошла описка: следует читать не «17 июля», а «17 июня». При такой поправке придется допустить, что договор между князьями был заключен еще до июльского поражения 1445 г.[172]

Надо сказать, что оба предположения (и Соловьева и Преснякова) не разъясняют дела до конца. Трудно, действительно, думать, что докончание было оформлено в плену, причем Михаил Андреевич представлял не только свои собственные интересы, но и интересы своего брата. Против этого говорит, прежде всего, наличие при докончальной грамоте печатей всех трех князей. Каким образом у Михаила верейского в плену могла оказаться печать Ивана можайского? Объяснение Преснякова, конечно, устраняет недоразумения с датировкой документа, но нельзя не признать, что это объяснение несколько упрощенное. Легче предположить в грамоте описку, чем выяснить происхождение даты без этого, все же произвольного, допущения.

Самым правильным, по-моему, будет признать, что договор Василия II с Иваном и Михаилом Андреевичами был оформлен уже по возвращении

---

[169] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 24. СГГД, т. I, стр. 133—135, № 61. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 259—262, № 39.

[170] СГГД, т. I, стр. 76, № 40.

[171] С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 1066, прим. 3. А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 323, прим. 873.

[172] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 400, прим. 1.

великого князя из татарского плена, т. е. после 17 ноября 1445 г., но дата в документе была проставлена задним числом. Попытаемся установить, какой был смысл в подобной датировке.

Улу-Махмет отпустил Василия II на очень тяжелых условиях. Летописи рассказывают, что великий князь обязался уплатить огромный выкуп. С Василием Васильевичем пришли в большом количестве на Русь татарские князья. Такое поведение великого князя вызывало раздражение в стране, его упрекали в пристрастии к татарам во вред русским интересам. Это раздражение было использовано противником Василия II Дмитрием Шемякой. Войдя в сношения с Иваном можайским, он старался восстановить его против великого князя, внушая ему распространенные слухи, будто «царь на том отпустил великого князя, а он к царю целовал, что царю сидети на Москве и на всех градех Рускых, и на наших вотчинах, а сам хочет сести на Твери».[173] Аналогичные обвинения предъявлялись Василию Васильевичу и впоследствии, когда он был ослеплен: «Чему еси татар привел на Русскую землю, и городы дал еси им, волости подавал еси в кормление? А татар любишь и речь их паче меры без милости, и злато и сребро и имение даешь татаром».[174]

По возвращении в конце 1445 г. из плена Василий II, узнав о том, что Дмитрий Шемяка во время его отсутствия из Москвы готовился к овладению великокняжеским столом и продолжает копить силы для дальнейшей борьбы с ним, должен был принять свои меры. Одной из таких мер было привлечение на свою сторону, при посредстве Михаила Андреевича верейского, его брата Ивана Андреевича можайского. Так как тот во время пребывания Василия Васильевича в плену действовал против него, на стороне Дмитрия Шемяки, то при заключении с Иваном Андреевичем договора великий князь обещал «оставити» все, что у него «было на сердце». Поставив на докончальной грамоте дату, на четыре месяца предшествующую ее действительному оформлению, Василий II тем самым с момента своего пленения политически связывал с собой Ивана можайского и делал его ответственным за мероприятия, проводимые в результате обязательств, принятых в плену. Если Дмитрий Шемяка использовал слухи о татарских связях Василия II для того, чтобы убедить Ивана Андреевича можайского начать совместные действия против Василия, то московский великий князь противопоставлял агитации Шемяки документ, свидетельствующий о политическом союзе с Иваном Андреевичем в течение всего того времени, когда эти татарские связи завязались и оформились.

С докончальной грамотой московского великого князя Василия Васильевича и братьев Андреевичей, имеющей дату 17 июля 1445 г., я считаю очень важным сопоставить другой договорный акт Василия II с Иваном Андреевичем можайским, помещенный в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 69.[175] В этом издании документ датирован 1448 годом. Исследователи обычно относят его к 1447 г., к тому времени, когда Василию II уже удалось вернуть Москву и Шемяка вынужден был оттуда удалиться.[176] Однако никаких оснований для подобной датировки нет. В грамоте № 69 (по нумерации СГГД) нет тех статей, которые мы встречаем в тексте других докончаний Василия II с Иваном можайским 1447 г., касающихся ликвидации последствий пребывания в Москве на велико-

---

[173] ПСРЛ, т. VIII, стр. 115.

[174] ПСРЛ, т. IV, стр. 125.

[175] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 34. СГГД, т. I, стр. 153—154, № 69. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 279—283, № 43.

[176] Н. М. Карамзин. Указ. соч., изд. 2-е, т. V, стр. 329, прим. стр. 213—214, № 345. С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 1072—1074. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 404, продолжение примечания 3 со стр. 403.

княжеском столе Дмитрия Шемяки. Единственное указание на какие-то княжеские недоразумения глухо сформулировано в договорном акте № 69 в следующих выражениях: «А что ми, брате, было на сердци на тобя на своего брата молодшего, а то есмь, брате, оставил все по се наше докончание, заднего ми, брате, не поминати; а что тобе, брате, было на сердци на мене на великого князя, и то еси, брате, оставил все по се наше докончяние; заднего ти, брате, не поминати». В этой формуле нельзя видеть указаний на княжескую усобицу 1446—1447 гг., о которой все докончальные грамоты великого князя Василия Васильевича и Ивана можайского говорят, отмечая ее конкретные подробности: увоз Иваном Андреевичем, вместе с Дмитрием Шемякой, из Москвы великокняжеской казны, икон, документов, отдачу в Москве на поруки великокняжеских людей, поимание на них кабал и т. д. Приведенное выше лаконичное княжеское обязательство «оставить по се наше докончание» все, что «было на сердци» друг на друга, сближает договор Василия II и Ивана можайского № 69 (по нумерации СГГД) не с докончальными грамотами 1447 г., а с тем договорным актом московского великого князя Василия Васильевича с Иваном и Михаилом Андреевичами, который имеет проставленную задним числом дату 17 июля 1445 г., а фактически относится ко времени после 17 ноября 1445 г. И весь текст докончальной грамоты № 69 совпадает с текстом договора 1445 г. Только последнее докончание заключено от имени трех князей: Василия II, Ивана и Михаила Андреевичей; грамота № 69 — это соглашение великого князя Василия Васильевича с одним Иваном Андреевичем. Содержание грамоты № 69 повторяется в договорном акте, датированном 17 июля 1445 г., с некоторыми дополнениями, относящимися к Михаилу Андреевичу верейскому. Единственное отличие между двумя указанными документами в части, касающейся Ивана Андреевича, сводится к тому, что по докончанию № 69 Иван можайский получает в качестве великокняжеского пожалования только Лисин, по грамоте, датированной 17 июля 1445 г., кроме Лисина — также Козельск, Серенск, Людимск, Коробки, Вырку, куплю Пересветову, Алексин, Свиблово.

К докончальной грамоте № 69 были приложены две восковые печати, из которых одна (повидимому, великокняжеская) в настоящее время утрачена. Что касается сохранившейся печати, то очень интересно, что она принадлежит не Ивану Андреевичу можайскому (как следовало бы ожидать), а Михаилу Андреевичу верейскому.[177] Это обстоятельство наводит на соображения по вопросу о происхождении докончальной грамоты Василия II с князем Иваном можайским, помещенной в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 69 и ее взаимоотношении с договорным актом московского великого князя Василия Васильевича и двух братьев Андреевичей, имеющих дату 17 июля 1445 г. Я уже выше указывал, что Василий II по возвращении из татарского плена делал попытку к сближению с Иваном Андреевичем, очевидно, через его брата Михаила. Вероятно, совместно с Михаилом, великий князь выработал текст соглашения с Иваном Андреевичем, помещенный в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 69. Заверенный печатями двух

[177] Ср. печать, приложенную к докончальной грамоте № 69 (фигура с обнаженным мечом в левой руке), с печатями князя Михаила Андреевича, приложенными к его грамотам: ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 24, 27, 38, 44, 46, 47, 48, 49, 65, 66. СГГД, т. I, стр. 135, № 61; стр. 142, № 64; стр. 170, № 75; стр. 217, № 90; стр. 220, № 91; стр. 222, № 92; стр. 225, № 93; стр. 227, № 94; стр. 275, № 113; стр. 279, № 114. Печати Ивана Андреевича можайского (с изображением всадника) см. ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 24, 30, 33. СГГД, т. I, стр. 135, № 61; стр. 149, № 66; стр. 152, № 68.

князей (Василия II и Михаила верейского), этот текст через Михаила был передан Ивану Андреевичу.

Перед нами именно московский проект, представляющий собой обращение от имени великого князя к Ивану можайскому: «На сем, брате молодший князь Иван Андреевичь, целуй ко мне крест, к своему брату старейшему, к великому князю Василью Васильевичю...». Затем, когда Иван Андреевич принял в основном великокняжеские условия, выговорив себе добавочные территориальные пожалования, дополнительно к Лисину, текст двустороннего соглашения (Василия II и Ивана Андреевича, № 69 по нумерации СГГД) был переработан в докончание трех князей: Василия Васильевича, Ивана можайского и Михаила верейского (с датой 17 июля 1445 г., происхождение которой выяснено выше). Эта грамота служит ответом на предложения, сформулированные в тексте № 69, построенном от лица Ивана и Михаила Андреевичей: «...на сем, господине князь велики Василей Васильевичь, на всем целуй к нам крест к своей братьи молодшей князю Ивану Андреевичю и князю Михаилу Андреевичю...»

Сохранился еще один договор Василия II с Михаилом верейским (в списке XV в.),[178] помещенный в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 70. Содержание названного документа настолько трафаретно, что он с трудом поддается точной датировке, и исследователи большею частью просто обходят его молчанием. В «Древней Российской Вивлиофике» грамота эта помещена под 1447 г., в «Собрании государственных грамот и договоров» — под 1448 г. А. Е. Пресняков сопоставляет указанную грамоту с договорным актом Василия II и Василия Ярославича серпуховско-боровского начала 30-х годов XV в.[179] и ввиду сходства ее формуляра с формуляром последнего акта относит ее также к 30-м годам XV в.[180] Однако формуляр грамоты № 70 (по нумерации СГГД) гораздо ближе к формуляру докончания Василия II с Иваном Андреевичем можайским 1445 г. (№ 69 по нумерации того же издания). Поэтому я считаю, что документы № 69 и 70, составленные от лица московского великого князя Василия Васильевича и обращенные один — к Ивану, другой — к Михаилу Андреевичам, представляют собой два одновременно разработанных текста, которые легли в основу докончания трех князей, датированного задним числом 17 июля 1445 г. Грамота № 70 — это такой же московский проект, как и № 69. Она также содержит предложения о крестоцеловании, адресованные от имени великого князя: «На сем на всем, брате молодший князь Михайло Андреевичь, целуй ко мне крест, к своему брату старейшому, великому князю Василью Васильевичю...» Оба проекта договорного соглашения (и № 69 и № 70) были выработаны Василием II совместно с Михаилом верейским и через последнего согласованы с Иваном можайским.

1446—1447 гг. являются решающими в истории феодальной войны второй четверти XV в. В феврале 1446 г. Шемяке удалось в союзе с Иваном Андреевичем можайским (которого он снова привлек к себе), а по некоторым данным и с Борисом Александровичем тверским, одержать недолговременную победу над Василием II. Опираясь на реакционные круги московского боярства и купечества, при участии некоторой части монахов Троице-Сергиева монастыря, заговорщики захватили в Троице-Сергиевом монастыре на богомолье великого князя. Он был ослеплен и сослан в Уг-

---

[178] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 35.— СГГД, т. I, стр. 155—156, № 70, «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 262—265, № 40.

[179] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 14. СГГД, т. I, стр. 90—95, № 45.

[180] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 405, прим. 2.

лич. Туда же Шемяка отправил и детей Василия Темного, ранее обманным путем доставленных, по требованию Шемяки, из Мурома в Москву.[181]

С середины 1446 г. мы видим нарастание общественного движения, направленного против Шемяки. Национальные силы поднимаются на борьбу с захватчиком великокняжеского стола. Недовольные Шемякой и его деятельностью, препятствующей делу национального объединения, подготавливают освобождение из углицкого заточения свергнутого великого князя. Часть сторонников Василия II группируется в Литве вокруг бежавшего туда серпуховско-боровского князя Василия Ярославича.

Под натиском общественного мнения, под давлением московских служилых людей и по ходатайству митрополита Ионы, Шемяка освободил из Углича Василия Темного и дал ему «в вотчину» Вологду. Это пожалованье было скреплено крестоцелованием и «проклятыми грамотами», взятыми с великого князя. По освобождении Василий Темный отправился в Кириллов-Белозерский монастырь, где игумен Трифон разрешил его от крестоцелования Шемяке. Из Кириллова монастыря великий князь двинулся в Тверь, где закрепил свой союз с тверским князем Борисом Александровичем, устроив обручение своего сына Ивана с дочерью Бориса тверской княжной Марией. Освобождение из заточения Василия Васильевича послужило стимулом к выступлению всех общественных сил, заинтересованных в деле национального объединения. Посланный великим князем отряд под руководством боярина М. Б. Плещеева в ночь с 24 на 25 декабря 1446 г. без боя занял Москву и привел население к крестоцелованию на имя Василия II. Шемяка и Иван можайский, находившиеся на Волоке, узнав о взятии Москвы, бежали в Галич, а оттуда в Чухлому, где находилась в заточении мать великого князя Софья Витовтовна. Захватив ее с собой, оба князя перебрались в Каргополь. Василий Васильевич двинулся против Дмитрия Шемяки и можайского князя и под Угличем соединился с пришедшим из Литвы Василием Ярославичем. В Ярославле к великому князю присоединились татарские царевичи. Отправив к Шемяке посла с требованием отпустить Софью Витовтовну, Василий Темный 17 февраля 1447 г. вступил в Москву. Вскоре к нему прибыла княгиня Софья Витовтовна, отпущенная Шемякой с его боярином М. Ф. Сабуровым.[182]

В процессе той борьбы, которую вел московский великий князь Василий Васильевич с Шемякой во второй половине 40-х годов XV в., ему было очень важно, связав с собою сетью договоров русских князей, добиться полной политической изоляции своего противника. Вернув себе в конце 1446 — начале 1447 г. великое княжение, Василий II в целом ряде докончальных грамот оформляет союзные отношения с отдельными русскими князьями, привлекая их на свою сторону земельными пожалованиями. Изучение этих грамот в правильной хронологической последовательности и в связи с историческими условиями, вызвавшими их появление, помогает пониманию тех путей, которые привели в конечном итоге великого князя к победе. Изучение это тем более необходимо, что в существующей исторической литературе взаимоотношение междукняжеских договорных текстов второй половины 40-х годов XV в. далеко не всегда изображается правильно. По поводу ряда докончальных грамот Василия II

---

[181] В апреле 1446 г., после взятия Москвы, Шемяка заключил договор с Иваном Андреевичем можайским. Он не сохранился до нашего времени, но его упоминает опись архива Посольского приказа 1626 г.: «2 грамоты докончальные великого князя Дмитрея Юрьевича, по которой целовал крест брату своему князю Ивану Ондреевичю, а по другой целовал крест князь Иван Ондреевич великому князю Дмитрею Юрьевичю; писаны обе в лето 6954-го апреля в 28 де: сшиты обе вместе, а у них 2 печати на воску замялись, и грамоты ветхи, испродрались» (л. 16—16 об.).

[182] ПСРЛ, т. V, стр. 268—269; т. VI, стр. 172—178; т. VIII, стр. 115—121; т. XII, стр. 68—73; т. XV, стр. 492—494; т. XVIII, стр. 196—203; т. XXIII, стр. 152—154.

исследователи высказывают противоречивые и часто не соответствующие действительности суждения.

Овладеть Москвой Василию II удалось в результате соглашения с Борисом Александровичем тверским. Первым докончанием, оформленным Василием II после возвращения в Москву 17 февраля 1447 г., был его договор с верейским князем Михаилом Андреевичем. В тексте названной докончальной грамоты имеется дата — 19 июня 1447 г. [183] Великий князь дал Михаилу «в вотчину и в вудел» половину Заозерья, «отчины Заозерских князей половина, и с селы, и со всем с тем, как было за отчичи за князьми». Из «своее половины того же Заозерья» Василий II выделил верейскому князю еще сто деревень, а кроме того, обязался «отписать» ему «Заозерских деревень по пригожу» вместо Кубены. Заозерская «отчина» продолжала по старине тянуть «в выход и во все пошлины в Ординьские проторы» к Ярославским князьям, с которыми и должен был производить расчеты Михаил Андреевич в случае прихода в Ярославль татарского посла. Для своей наследственной «отчины» верейский князь получил от великого князя Василия Васильевича двухлетнюю льготу в уплате выхода в Орду. Закрепив перечисленными пожалованиями свой союз с Михаилом, Василий II потребовал от него крестоцелования на договорных условиях обычного типа (признание великого князя «братом старейшим»; обещание «держать великое княжение честно и грозно без обиды»; «хотеть великому князю во всем добра»; «быть с ним заодин до живота на всякого недруга» и т. д.).

Близким по времени к московско-верейской докончальной грамоте от 19 июня 1447 г. надо считать договорный акт Василия II и серпуховско-боровского князя Василия Ярославича.[184]

В этой грамоте великий князь указывает, что он «не додал» Василию Ярославичу его «дедины» — удела его деда Владимира Андреевича: Углича, Городца, Козельска, Гоголя, Алексина, купли Пересветовы, Лисина. Все указанные города и волости были в свое время пожалованы Дмитрию Шемяке и Ивану можайскому. Взамен перечисленных владений великий князь Василий Васильевич «отступился» в пользу Василия серпуховско-боровского «Дмитрова со всеми волостми, и с путь, и с селы, и со всеми пошлинами в вудел и в вотчину, со всем с тем, как был Дмитров» за великим князем. На тех же началах переходят к Василию Ярославичу Вышегородская волость, Суходол и Красное село.

Рассматриваемая докончальная грамота содержит указания на продолжающуюся борьбу между Василием Темным и Дмитрием Шемякой. Москва уже в руках великого князя, но ему еще предстоит «доставать вотчин своих недругов»: «А чего, даст бог, достанем вотчин своих недругов, и в то ти ся, брате, не въступати». Василий Ярославич обещает своему «старейшему брату», что если ему удастся отнять у Шемяки с его союзниками захваченное ими великокняжеское или боярское имущество, то он вернет его Василию Темному: «А чего, брате, достанешь от моих недругов, или отъинуды

---

[183] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 27. На обороте помета: «Грамота докончальная великого князя Василья Васильевича з братом ево со князем Михайлом Андреевичем». Другим, поздним почерком XVIII в. приписано к первой помете: «чтоб быть им в дружбе; у ней (грамоты) 2 печати на черном воску; писанная в 6955-м году июня в 19 день». СГГД, т. I, стр. 140—142, № 64. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 265—270, № 41.

[184] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 36—37 (два экземпляра, каждый в двух противнях). СГГД, т. I, стр. 156—168, № 71—74. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 305—332, № 49—52. На обороте помета одним почерком: «великого князя Василья Васильевича со князем Васильем Ярославичем»; другим почерком: «тут же князя Василья Ярославича перемирная». В СГГД — дата: 1448 г.; в «Древней Российской Вивлиофике»—1449 г.

откуды казны моей великого князя, и моей матери великие княгини, и моее великие княгини казны и поклажаев, и моих бояр и боярынь, и то ти, брате, мне отдати по сему крестному целованью».

В то же время докончание Василия Темного с Василием серпуховско-боровским предусматривает возможность обращения с повинной к великому князю Дмитрия Шемяки. Пожалование Василия Ярославича Суходолом и Красным селом носит условный характер. Оно имеет силу до того момента, пока Дмитрий Шемяка не обратится с челобитьем к Василию Темному и тот не пожалует его вотчинными владениями: «А добьет челом мне, великому князю, брат мой молодшей князь Дмитрей Юрьевич, а пожалую его вотчиною, и тобе мне отступитися Суходола и Красного села без отмены; а не дам Суходола и Красного села князю Дмитрию, и мне и у тобя не взяти, ни моим детем, и под твоими детми». Приведенная статья проливает свет на задачи, которые ставят перед собой докончальные грамоты Василия II с князьями Василием серпуховско-боровским и Михаилом верейским. Великий князь стремился не только посредством территориальных пожалований привлечь на свою сторону названных князей и обеспечить их поддержку в дальнейшей войне с Дмитрием Шемякой. Он рассчитывал также при посредничестве Михаила Андреевича и Василия Ярославича добиться получения крестоцеловальной записи от Шемяки на приемлемых для него условиях. При этом, как увидим ниже, расчет московского великого князя состоял в том, чтобы изолировать Шемяку от его ближайшего союзника Ивана Андреевича можайского, потребовав от каждого из них особую запись и не допуская совместного крестоцелования.

Действительно, в самом начале июля 1447 г. Михаил Андреевич и Василий Ярославич заключили от имени Василия II перемирие с Дмитрием Шемякой и Иваном Андреевичем можайским. Дата этого перемирия (начало июля) позволяет относить предшествующее ему докончание Василия Темного с Василием Ярославичем серпуховско-боровским к июню 1447 г., считая названное докончание одновременным с договором великого князя и Михаила верейского от 19 июня 1447 г.[185]

Перемирная запись Дмитрия Шемяки и Ивана можайского с Михаилом верейским и Василием серпуховско-боровским[186] падает, как указано, на начало июля 1447 г. («уговев Петрова говенья неделю», — как говорится в тексте).[187] Характер этого документа не выяснен должным образом в существующей литературе. Исследователи отмечают, что «соглашение великого князя с Борисом тверским заставило обоих князей (Шемяку и Ивана можайского) искать мира при посредничестве князей Михаила Андреевича и Василия Ярославича» (А. Е. Пресняков).[188] Но совершенно очевидно, что

---

[185] А. В. Экземплярский относил докончальную грамоту Василия Темного и Василия Ярославича к 1448 г. (А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 313). На одновременность этой грамоты с договорным актом Василия II и Михаила верейского от 19 июня 1447 г. указал А. Е. Пресняков (А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 405—406, прим. 3).

[186] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 32. На обороте: «перемирная грамота». СГГД, т. I, стр. 149—150, № 67. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 297—300, № 47.

[187] В «Собрании государственных грамот и договоров» перемирная запись датирована временем около 1448 г. А. В. Экземплярский указал на неправильность этой датировки, обратив внимание на то, что запись упомянута в послании духовенства Шемяке от 29 декабря 1447 г. (АИ, т. I, стр. 75—83, № 40). А. Е. Пресняков отнес изучаемую запись «к попытке соглашения, которая произошла по возвращении великого князя Василия 17 февраля 1447 г. из похода на Шемяку и свелась лишь к отпуску из плена великой княгини Софьи». Точной даты не дает никто из исследователей (А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 324, прим. 876. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 403, прим. 2).

[188] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 403.

текст перемирной записи представляет собой условия, выработанные в Москве, вероятно, одновременно с оформлением докончальных грамот Василия II с Михаилом Андреевичем и Василием Ярославичем в июне 1447 г. Названные удельные князья предложили этот московский проект Дмитрию Шемяке и Ивану можайскому, которые на его основе составили крестоцеловальную запись от своего имени. По утверждении великим князем, временный договор о перемирии должен был превратиться в постоянное докончание, оформленное в соответствующих докончальных грамотах. В начале перемирной записи читаем: «На сем яз князь Дмитрей Юрьевичь да яз князь Иван Андреевичь целовали есмя крест к своей братьи молодшей князю Михайлу Андреевичю и князю Василью Ярославичю, что мне князю Дмитрию Юрьевичю и князю Ивану Андреевичю бити челом своему господину брату старишему великому князю Василью Васильевичю, а князю великому нас свою братью молодшую жаловати, в любовь и в докончанье приняти». Формально перед нами «челобитье» великокняжеских «недругов», адресованное через князей-посредников к великому князю о приеме их «в любовь и в докончанье». Но условия «челобитья», изложенные в перемирной записи, разработаны в великокняжеской канцелярии, и эти же, продиктованные из Москвы, условия должны были войти и в будущие докончальные грамоты: «А сего нам целованья не сложити никоторыми делы, доколе нас князь примет в любовь и в докончанье по сей грамоте, а ся нам грамота писати и в докончальную грамоту».

Дмитрий Шемяка и Иван Андреевич согласились на требование великого князя, чтобы с каждым из них были оформлены «розные» докончальные грамоты. Смысл этого требования заключался в стремлении Василия Темного расколоть союз двух главных своих противников и, изолировав их друг от друга, договариваясь с каждым из них поодиночке, скорее и легче добиться признания ими его великокняжеской власти.

Со своей стороны, Шемяка и Иван можайский включили в перемирную запись статью, согласно которой великий князь не должен требовать их лично к себе до тех пор, пока в Русской земле не будет поставлен митрополит. Не доверяя договорным обязательствам, князья считали необходимым условием своей поездки в Москву поручительство митрополита, который гарантировал бы им безопасность.

В соответствии с московскими предложениями, Шемяка и Иван Андреевич, обращаясь к великому князю с просьбой о возврате им их владений, отказались: первый — от Звенигорода, Вятки, Углича, Ржевы, Бежецкого Верха; второй — от Козельска, Алексина, Лисина. Все, что было захвачено обоими князьями во время их пребывания в 1446 г. в Москве (иконы, казна и поклажа великого князя, великих княгинь Софьи Витовтовны, Марьи Ярославны и бояр, документы), — подлежало возвращению Василию II, как только он их «примет в любовь и в докончание по сей грамоте». Точно так же князья согласились на «отпуск на обе стороны нятцев», отдачу полона, взятого «у князя великого князей служебных», сведение порук с великокняжеских людей и отдачу кабал, поманных «седя на Москве». С момента заключения перемирия Шемяка и Иван можайский обязались не выступать против Василия II, союзных с ним князей Михаила верейского и Василия серпуховско-боровского, а также служивших великому московскому князю татарских царевичей и «ордынских князей»; «не ити и не изгонити их», «а вотчине... князя великого и его братии не чинити никоторые пакости».

По указанию Василия Темного, в текст перемирной записи был включен Борис Александрович тверской, поскольку он «один человек» с великим князем. Дмитрий Шемяка и Иван Андреевич обещали взять с ним «любовь и докончание... по старине».

Московское происхождение всех приведенных выше статей договорного формуляра не подлежит сомнению. Мы знаем из послания Шемяке русского духовенства от 29 декабря 1447 г., что некоторые пункты перемирной записи, хотя и принятые Шемякой, встречали с его стороны возражения, и он впоследствии сам их нарушал. Так, в дальнейшем Шемяка протестовал против составления «розных» крестоцеловальных записей отдельно на его имя и на имя Ивана Андреевича можайского. Отправив к последнему посла Михаила Сатина, Шемяка «с ним приказал ко князю к Ивану, чтобы князь Иван и к великому князю то слово с своимь послом приказал: толко пожалуешь ты, князь великий, князя Дмитрия Юрьевича, ино то еси и мене князя Ивана пожаловал; а толко не пожалуешь князя Дмитрия, ино то еси и мене князя Ивана не пожаловал».[189] Отказавшись по перемирной записи от претензий на Вятку, Шемяка в то же время заводил связи с вятчанами, стараясь поднять их против великого князя, и т. д.

Характерно, что приложенная к перемирной записи 1447 г. печать Дмитрия Шемяки имеет надпись: «Печать *великого князя* Дмитрия Юрьевича». Следовательно, принося челобитье великому князю Василию Васильевичу о приеме себя и Ивана можайского «в любовь и в докончание», Шемяка в то же время продолжал пользоваться великокняжеской печатью.

А. Е. Пресняков считает, что на основе перемирной записи, составленной в июле 1447 г., «докончание состоялось... только с Иваном можайским».[190] Это утверждение не соответствует действительности. Из послания духовенства Шемяке от 29 декабря 1447 г.[191] мы узнаем, что Шемяка, так же как и Иван Андреевич, оформил договор с московским великим князем Василием Темным:«... Тебе князь великий пожаловал, *по твоему челобитью*, вотчину твою тобе дал и *в докончание тя приял*. А ты к нему целовал честный и животворящий крест, что ти *по тем докончалным грамотам правити* к нему во всем, что у вас в них написано». Послание духовенства упоминает и перемирную запись («общую», т. е. совместную Шемяки и Ивана можайского), и докончальные грамоты Шемяки. Эти документы были предъявлены Василием II собору духовенства, на суд которого он перенес свое дело с Шемякой, когда тот снова нарушил договор: «И являл нам ныне, богомолцем своим, господин наш, а твой брат старейший, князь великий Василий Васильевичь *свои с тобою те докончальные грамоты*, да и *перемирную вашу общую грамоту*, ваше с ним управление, как есте на чем межи себя скончали и животворящий крест целовали...».

Текст докончания Шемяки и Василия II до нас не дошел, но его очень легко восстановить по посланию духовенства Дмитрию Шемяке, которое цитирует почти дословно и почти все договорные пункты. Нетрудно убедиться, что в основном договорный акт Шемяки и Василия Темного воспроизводит условия перемирной записи от июля 1447 г.

Что касается Ивана Андреевича можайского, то на основании перемирной записи он уже 20 июля 1447 г. был включен, в качестве «молодшего брата» Василия II, в договор последнего с рязанским князем Иваном Федоровичем.[192] Обычно считают, что еще до 20 июля 1447 г. сам Иван Андреевич оформил свои отношения с московским великим князем Василием Васильевичем при помощи докончальной грамоты, текст которой, полагают исследователи, напечатан (в двух вариантах) в «Собрании государственных

---

[189] АИ, т. I, стр. 79—80, № 40.

[190] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 403.

[191] АИ, т. I, стр. 75—83, № 40.

[192] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 29. СГГД, т. I, стр. 142—146, № 65. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 270—279, № 42.

грамот и договоров» под № 63 и 68. [193] Но в действительности нет никаких оснований относить, как это делает ряд исследователей,[194] тексты № 63 и 68 (по нумерации СГГД) или хотя бы один из этих текстов ко времени до 20 июля 1447 г. и видеть в них докончальные грамоты Василия II и Ивана можайского, составленные на основе условий перемирной записи от начала июля 1447 г. Бросается в глаза, что в грамотах № 63 и 68 отсутствуют как раз те пункты, на которых настаивала перемирная запись.

Изучение сохранившихся материалов московского государственного архива XV в. показывает, что договор между Иваном Андреевичем можайским и Василием Темным, оформивший предварительное соглашение о перемирии, был заключен только в сентябре 1447 г. Текст его помещен в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 66.[195] В конце грамоты указано, что она «писана.... на Коломне в лето 6956 месяца сентября» и подписана дьяком князя Ивана Андреевича Щербиной. Я считаю правильным, вопреки исторической традиции, признать именно эту грамоту (№ 66 по нумерации СГГД) за докончание Ивана можайского с Василием Темным, заключенное непосредственно (хотя и не сразу) после июльского перемирия, и отрицаю наличие каких-либо промежуточных договорных текстов. Исхожу я в своем утверждении из того, что как раз указанная грамота № 66 совпадает по своему содержанию, во-первых, с июльской перемирной записью, во-вторых, с тем докончанием между Василием Темным и Шемякой (оформленным также в соответствии с условиями перемирной записи), текст которого восстанавливается на основе послания духовенства Шемяке от 29 декабря 1447 г.

Включение Ивана можайского в качестве «брата молодшего» великого князя в докончальную грамоту последнего с князем Иваном Федоровичем рязанским от 20 июля 1447 г. было, очевидно, сделано еще до того, как между Василием Темным и Иваном можайским был оформлен договор. Основанием для упоминания Ивана Андреевича в тексте московско-рязанского докончания послужила перемирная запись от начала июля 1447 г.

По сентябрьской договорной грамоте 1447 г. с Василием II, за Иваном Андреевичем был утвержден его Можайский удел. Можайский князь, в соответствии с условиями перемирной записи, отказался от пожалованных ему ранее великим князем городов и волостей (Козельска, Серенска, Людимска, Коробок, Вырки, Алексина, купли Пересветовы), а вместо них получил «в отчину», дополнительно к наследственным владениям, Бежецкий Верх, Лисин и половину Заозерья.

Попытка московского великого князя добиться разрыва союза между Дмитрием Шемякой и Иваном можайским не удалась. Уже в конце 1447 г. Иван Андреевич снова завязывает связи с Шемякой, о чем мы узнаем из цитированного выше послания духовенства от 29 декабря 1447 г. От начала 1448 г. имеются сведения о сношениях Ивана можайского через своего тестя князя Федора Львовича Воротынского с Казимиром IV. Иван Андреевич обещал последнему, если тот его «посадит на великом княжении на Московском», «писаться» с ним в докончальных грамотах «братом молодшим», уступить ему Ржеву и Медынь и оказывать военную помощь против его

---

[193] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 28 и 33. СГГД, т. I, стр. 138—139, № 63; стр. 151—152, № 68. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 283—290, № 44—45.

[194] С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 1074. А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 324—325. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 403—404, прим. 3.

[195] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 30. СГГД, т. I, стр. 146—149, № 66. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 291—297, № 46.

«неприятелей».[196] В то же время Шемяка пытался добиться признания себя великим князем со стороны Великого Новгорода, призывал на борьбу с Василием II вятчан, старался организовать восстание в Москве, заводил сношения с Казанью. В начале 1448 г. московский великий князь открыл военные действия против Шемяки и выступил в поход, направляясь к Галичу. Из Костромы Василий II начал с Шемякой переговоры. По летописному рассказу, Шемяка, «убоявся, нача мира проситп», «целовал крест» и выдал на себя «проклятые грамоты». Содержание этих грамот летописи передают следующим образом:«... что по та места не хотети ему никоего лиха князю великому, и его детем, и всему великому княжению его, и отчине его; а преступлю сию свою грамоту, что в ней писано, ино на мне не буди милости божии и пречистые матери его, и силы честного и животворящаго креста, и молитв всех святых и великих чюдотворець земли нашея, пресвященных митрополитов Петра и Алексна, и Леонтия епископа чюдотворца ростовского,и Сергия игумена чюдотворца и прочих, также не буди на мне благословение всех епископ земли Русскна, иже суть ныне по своим епископиам, и иже всех под ними священического чину».[197]

Эти «проклятые грамоты» Шемяки до нас не дошли. Но в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 63 и 68 помещены две (текстуально почти совершенно сходные) грамоты Ивана Андреевича можайского и Василия II[198], которые относятся, по всем данным, к началу 1448 г. Конечная (цитируемая ниже) формула текстов № 63 и 68 (по нумерации СГГД) совпадает с формулой «проклятых грамот» Шемяки, которую приводят летописи: «А хто нас порушит се наше докончанье, и сию нашю утвержснную грамоту, и крестное целованье по докончальным грамотам и по сей грамоте не исправит, ино на том на виноватом не будет милости божьей. и пречистое его богоматери, и молитов великих чюдотворцев и святителей Николы и Петра и Леонтея, и преподобных старцев Сергея и Кирилла, и молитвы святых родителей наших благородных и благоверных великих князей, в сей век и в будущи». Итак, я считаю, что помещенные в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 63 и 68 акты представляют собой те самые «проклятые грамоты», которые упоминают летописи. Только летописи говорят о «проклятых грамотах», взятых Василием II с Дмитрия Шемяки; в московском великокняжеском архиве сохранились аналогичные документы на имя Ивана можайского; следовательно, датировать их надо началом 1448 г. В летописных сводах имеются хронологические данные, которые помогают уточнить эту датировку. Великий князь «дасть мир» Дмитрию Шемяке «и възвратися от Костромы в великий четверток», который в 1448 г. приходился на 21 марта. «А велик день (24 марта) взят в Ростове, а на завтрее (25 марта) празднова благовещение в Ростове же... того же дни и к Москве поиде и приде на Москву в неделю Фомину».[199] Фомина неделя в 1448 г. продолжалась с 31 марта по 6 апреля включительно. Вероятно, в апреле или несколько позже и были составлены «проклятые грамоты» на имя Ивана можайского (№ 63 и 68 по нумерации СГГД).

В исторической литературе существует иное представление о грамотах № 63 и 68. Они считаются договорными актами, заключенными Василием II с Иваном Андреевичем в 1447 г., после перемирия, взятого Иваном

---

[196] Сборник Муханова, стр. 6, № 6; АЗР, т. I, № 49.

[197] ПСРЛ, т. VIII, стр. 121; т. VI, стр. 178; т. XII, стр. 73—74.

[198] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 28 и 33. СГГД, т. I, стр. 38—139, № 63; стр. 151—152, № 68. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 279—290, № 44—45.

[199] ПСРЛ, т. VIII, стр. 121. Л. В. Черепнин. Русская хронология, М., 1944, стр. 58 и 64, таблицы XV и XVI.

можайским совместно с Дмитрием Шемякой у московского великого князя, при посредничестве Михаила верейского и Василия Ярославича серпуховско-боровского. Позже, в сентябре 1447 г., было, по мнению исследователей, оформлено новое докончание Василия Темного с Иваном можайским [200] (№ 66 по нумерации СГГД).

Подобное представление о взаимоотношении договорных текстов не может быть принято потому, что грамоты № 63 и 68 ссылаются на сентябрьское докончание 1447 г.:«... А исполнятся, господине, твоим детем по двенатцати лет, ино, господине, тогды целовати им самим *по нашим докончалным грамотам и по сей нашей грамоте*»; «... А хотети ми вам добра во всем везде без хитрости и правити ми вам *по нашим докончальным грамотам и по сей по нашей грамоте*»; «А жити ми с тобою, с своим господином, с князем Васильем Васильевичем, и с твоими детми и моим детем по нашему крестному целованью, *и по нашим докончалным грамотам, и по сей по нашей грамоте* правити и до нашего живота»; «А держати ти, господине, меня, своего брата молодшего князя Ивана Ондреевича, по крестному целованью, *и по нашим докончалным грамотам, и по сей грамоте,* и твоим детем и моих детей»; «А мне, князю Ивану Ондреевичю, к своему господину, брату своему старейшему великому князю Василью Васильевичю, и к его детем по сему по нашему крестному целованью, *и по нашим докончалным грамотам и по сей грамоте* правити во всем везде и до нашего живота, и моим детем».

Таким образом, «ся грамота» все время противопоставляется предыдушим «докончальным грамотам». Следовательно, мы не имеем никакого права говорить, что грамоты № 63 и 68 следовали непосредственно за перемирной записью 1447 г. и предшествовали соглашению Василия II с Иваном можайским, состоявшемуся в сентябре 1447 г. Наоборот, грамотами № 63 и 68 сентябрьское докончание князей лишь подтверждалось.

Тексты № 63 и 68 по существу не содержат никаких конкретных договорных условий. Они и не ставят перед собой задачи оформить новое докончание. Они восстанавливают старые междукняжеские договорные отношения, сложившиеся в сентябре 1447 г. Поэтому грамоты № 63 и 68 ограничиваются ссылками на договорный акт от сентября 1447 г. Собственное же содержание рассматриваемых документов очень бедно. Оно сводится к обязательствам, данным князьями друг другу о взаимной верности: «не хотети никакова лиха», «хотети добра во всем везде без хитрости», «жити по крестному целованью», «правити во всем везде и до живота». Этими общими фразами и помещенным в конце «заклятьем» на виновного, который «порушит се наше докончанье», исчерпывается тот материал для характеристики междукняжеских отношений, который можно извлечь из грамот № 63 и 68. Такая бесцветность содержания совершенно понятна. Изучаемые документы не являются договорными актами обычного типа. По своему характеру они целиком соответствуют именно «проклятым грамотам», которые цитируют летописи. В сентябре 1447 г. между Василием Темным и Иваном можайским был заключен договор. Затем последовал разрыв. О нем упоминают грамоты № 63 и 68, намекая на то, что Иван Андреевич действовал против великого князя в союзе с Дмитрием Шемякой: «А што, господине князь велики, по нашим грехом състалося от нас (т. е., очевидно, от Ивана можайского и от Шемяки) над тобою, над нашим господином над великим князем, и тобе, моему господину великому князю, меня тем жаловати, того ти мне, моему господину великому князю,

---

[200] С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 1074. А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 324—325. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 403—404, прим. 3.

не помнити, ни мстити, ни на сердци не держати, ни твоей матери великой княгини, ни твоей великой княгини, ни твоим детем и моим детем». После похода великого князя на Шемяку в марте 1448 г. союз Василия II с Иваном Андреевичем был возобновлен. Князья решили не оформлять текста докончания заново. Они вернулись к старому договорному акту и подкрепили его «проклятыми грамотами» (№ 63 и 68 по нумерации СГГД).

Мое понимание характера грамот № 63 и 68 и их отношения к другим, близким по времени документам московского великокняжеского архива, касающимся отношений между Василием II и Иваном можайским, подтверждается теми сведениями, которые мы можем почерпнуть из окружного послания митрополита Ионы от 1448 г. по поводу «клятвопреступления» Дмитрия Шемяки.[201] В этом послании указано, что «князь Дмитрей, в познание пришед, да своему брату старейшему великому князю добил челом и честный и животворящий крест целовал и неодинова, да то все изменял; конечное как добил челом своему брату старейшему великому князю и животворящий крест целовал, да и грамоту на себе сам написал, своею волею, такову, что ему было по то место лиха никакого не думати, ни починати на брата своего старейшего на великого князя и на христианское нестроение и кровь. А имет ли что думати или починати которое лихо на своего брата старейшего на великого князя и на христианское нестроение и кровь, не буди на нем милости божией, ни пречистые его богоматери, и великого чюдотворца Николы, и святых чюдотворець Петра и Леонтиа, и преподобных отець Сергиа и Кирила, и благословениа всех владык, и архимандритов, и игуменов, и священников, и иноков, и всего великого божия священьства, ни в си век, ни в будущий».

Из послания Ионы устанавливается следующая хронологическая последовательность договорных текстов, связанных с именем Шемяки: его перемирная запись с великим князем, докончание между ними и, наконец, «проклятые грамоты», данные Шемякой. Очевидно, в такой же самой последовательности возникли и грамоты на имя Ивана можайского.

Остается рассмотреть вопрос о том, в каком отношении друг к другу находятся акты № 63 и 68. Текстуальные различия между ними сводятся к двум моментам. Во-первых, вначале, после слов: «на сем, господине князь велики Василей Васильевичь, целуй ко мне крест, к своему брату молодшему князю Ивану Ондреевичю, и за свои дети», — в грамоте № 68 находится лишний (по сравнению с № 63) пункт: «а яз, князь Иван Андреевичь, целую крест к тобе, к своему брату старейшему к великому князю Василью Васильевичю, и к твоим детем». Во-вторых, в конце грамоты № 68 имеются дата (6956) и подпись дьяка князя Ивана Андреевича — Кулудара (отсутствующие в № 63). Кроме того, к грамоте № 63 приложена печать тверского князя Бориса Александровича, к № 68 — князя Ивана можайского. Сопоставляя между собой все эти детали, нетрудно убедиться, что грамота № 63 — это текст, выработанный в московской великокняжеской канцелярии и переданный Ивану Андреевичу через Бориса Александровича, который указан в тексте в качестве посредника. Грамота № 68 — это ответный текст, написанный от имени Ивана можайского, оформленный в его канцелярии и врученный великому князю. Дата, которую находим в № 68 —6956 г., указывает на 1448 г. Нет никаких оснований для вывода А. Е. Преснякова о том, что грамота № 63 написана до 20 июля 1447 г. (т. е. до московско-рязанского соглашения, в котором участвует Иван можайский), а грамота № 68 — в сентябре 1447 г., непосредственно перед сентябрьским докончанием Ивана можайского с Василием II № 66 (по нумерации СГГД).

---

[201] АИ, т. I, стр. 86—87, № 43. РИБ, т. VI, стб. 539—542, № 64.

К концу 40-х годов XV в. относится попытка Василия Темного внести разделение в среду суздальских князей, часть которых (Василий и Федор Юрьевичи) с 1445 г. находилась в союзе с Шемякой. Василий II противопоставил этому союзу договор, заключенный им с троюродным братом Юрьевичей Иваном Васильевичем Горбатым. [202] Оформление этого договора являлось одним из мероприятий московского великого князя, преследовавших цель добиться политической изоляции Шемяки.

Докончальная грамота Василия Темного с Иваном Васильевичем Горбатым написана «по благословенью» митрополита Ионы, т. е. не ранее конца 1448 г., поскольку Иона был поставлен на митрополию 15 декабря 1448 г.[203] В грамоте упомянуты четыре сына Василия II: Иван, Юрий, Андрей и Семен. Не названы: Борис, родившийся 21 июля 1449 г., [204] и Андрей Меньшой, родившийся 8 августа 1452 г.[205] Следовательно, хронологические пределы для изучаемого докончания устанавливаются очень точно: оно оформлено между 15 декабря 1448 г. и 21 июля 1449 г. Необходимо поэтому исправить или уточнить даты, под которыми докончальная грамота московского великого князя Василия Васильевича с Иваном Васильевичем суздальским помещена в «Собрании государственных грамот и договоров» (около 1451 г.) и в «Древней Российской Вивлиофике» (между 1449 и 1453 гг.).

Составление рассматриваемой грамоты естественнее всего поставить в связь с новой вспышкой борьбы между Василием II и Шемякой в начале 1449 г. Весной 1449 г. Шемяка, «преступив крестное целование и проклятые на себе грамоты», подступил «с многою силою» к Костроме. Осада города началась на «велик день» (13 апреля). Но в городе был сильный гарнизон, и взять город не удалось. Вскоре выступил в поход сам великий князь, взявший с собою митрополита, епископов, «и братию свою и царевичев с всею силою». Когда великокняжеские силы подошли к селу Рудину близ Ярославля, Шемяка переправился на ту же сторону Волги. Дело не дошло до сражения, и, по глухому летописному указанию, противники «тако смиришася». Летописные своды очень лаконично излагают события, так что трудно решить, что повлияло на мирный исход столкновения. Несомненно, что Василий Темный и в этом случае применил тот же метод борьбы, которым он пользовался неоднократно и ранее: постарался разъединить своих противников. В этих целях великий князь снова отдал Ивану Андреевичу можайскому Бежецкий Верх, который был пожалован ему еще в сентябре 1447 г., но затем отнят за выступления против Василия Темного на стороне Шемяки.[206] К этому времени, мне кажется, следует отнести и договор Василия II с Иваном Васильевичем Горбатым, при помощи которого великий князь рассчитывал ослабить позиции Шемяки среди суздальских князей.

Основные политические мотивы этого договора в корне противоположны докончальной грамоте Шемяки и Федора и Василия Юрьевичей суздальских 1445 г. Грамота 1445 г. ставила своей задачей полную реставрацию «вотчины» суздальских князей, на началах великого княжения, с правом самостоятельных сношений с Ордой. В 1449 г. Василий II, напротив, потребовал от Ивана Васильевича признания служебной зависимости от себя как великого князя. Иван Васильевич обязался «не приставать»

---

[202] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 41. СГГД, т. I, стр. 185—189, № 80—81. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 359—369, № 57 и 58 (два противня).

[203] ПСРЛ, т. VIII, стр. 121; т. XII, стр. 74.

[204] ПСРЛ, т. IV, стр. 146; т. V, стр. 269; т. VIII, стр. 75.

[205] ПСРЛ, т. IV, стр. 147; т. V, стр. 271.

[206] ПСРЛ, т. IV, стр. 131, 146; т. V, стр. 269; т. VIII, стр. 122; т. XII, стр. 74—75.

к великокняжескому «недругу» Дмитрию Юрьевичу, «ни к иному ни к которому недругу». То обстоятельство, что в числе «недругов» не фигурирует Иван можайский, подтверждает высказанную выше мысль о необходимости относить возникновение изучаемой докончальной грамоты ко времени после похода Василия II в апреле 1449 г. против Шемяки, когда Василий II примирился с можайским князем. По докончанию 1449 г., Иван Васильевич Горбатый должен был вернуть великому князю все «старые ярлыки» на Суздаль, Нижний-Новгород, Городец, «и на все на Новгородское княженье» и впредь «не имати новых ярлыков». «А хотя, господине,— читаем мы в договорном тексте,— которой царь ярлыки свои мне каковы даст на Новгород и на Суждаль или ко мне пришлет, и мне и те ярлыки все отдати тобе, великому князю, и твоим детем, по крестному целованью, а у собе ми их не держати». Право сношений с Ордой предоставлялось одному великому князю.

Великий князь пожаловал Ивана Васильевича «в вотчину и в удел» Городцом, его «вотчиною» — несколькими селами в Суздале, «што было за... [его] отцем», и наконец, его «куплею» в суздальских же пределах. Очень характерно это великокняжеское «пожалование» собственными «вотчинами» и «куплями» жалуемого. Суздальский князь переходит на положение прекарного держателя великокняжеских владений. Держание это обусловлено исполнением служебного договора с великим князем. Нарушение договора влечет за собой потерю «удела и вотчины»: «А отступлю от тобе, от великого князя, и от твоих детей, к которому вашему недругу, кто ни буди , ино мой удел моя вотчина тобе, великому князю, и твоим детем, чем мя еси пожаловал». Кроме того, виновному грозит митрополичье «неблагословенье»: « а отець наш Иона святый митрополит всеа Руси положит на мене тягость церковную неблагословенье». Перевод удельных князей на положение прекарных держателей характерен для политики Ивана III.[207] Но определенные шаги в этом направлении были уже сделаны и Василием Темным.

Бросается в глаза резкая разница между положением, в которое были поставлены суздальские князья по договору с Шемякой в 1445 г., и теми правами, которые получил Иван Горбатый от Василия Темного в 1449 г. Докончальная грамота 1445 г. восстановила братьев Юрьевичей в качестве великих князей в их Суздальской «вотчине». Отношения между Иваном Васильевичем и Василием II по докончанию 1449 г. приближались к отношениям к великому князю служебных князей, которые несли службу со своих «вотчин», утвержденных за ними великокняжеским «пожалованием».

Иван Васильевич Горбатый обязуется беспрекословно («без ослушанья») выполнять все служебные поручения как самого Василия II, так и его сына великого князя Ивана, выступая в походы «со всеми своими людми» по их посылкам.

Разрыв Иваном Горбатым служебных отношений с великокняжескими «недругами» и переход на великокняжескую службу связаны с прощением ему всей той «пакости», которую он или его люди причинили «отчине» великого князя, преданием забвению всех организованных им «наездов и грабежей».

Из договорного текста 1449 г. с очевидностью вытекает, что Василий II ставил перед собой задачу добиться оформления аналогичных служебных договоров с рядом других суздальских князей. Докончальная грамота предусматривает возможность, что Василию Темному или его сыну «великому князю Ивану» «добьют челом» братья Ивана Горбатого князья

---

[207] См. гл. IV.

Василий и Александр. В таком случае великий князь обещает «жаловати их вотчинами, их жеребьи, по старине, что за ними было». Один из братьев Ивана Горбатого, Василий Васильевич, по прозвищу Гребенка, с 1448 г. княжил во Пскове, сохраняя верность великому князю. В дальнейшем, после смерти Шемяки, в 50-х годах XV в., он изменил свои политические позиции и выступил против великого князя во главе новгородских войск.[208]

В цепи тех договорных актов, которыми Василий II в 1447—1449 гг. пытался закрепить свои отношения с русскими князьями и тем самым изолировать Шемяку в княжеской среде, определенное место занимает уже упоминавшаяся выше докончальная грамота Василия Темного с рязанским князем Иваном Федоровичем от 20 июля 1447 г. (сохранившаяся в списке конца XV в.).[209] Эта грамота была оформлена вскоре после соглашений Василия II с удельными князьями Михаилом верейским и Василием серпуховско-боровским и после перемирия с Дмитрием Шемякой и Иваном можайским. В договорном тексте, в качестве «молодшей братьи» великого князя московского, упоминаются названные князья московского дома: Иван и Михаил Андреевичи и Василий Ярославич. Отсутствует один Шемяка. Московско-рязанский договорный акт 1447 г. воспроизводит трафаретные формулы прежних докончальных грамот 1402, 1433 и 1434 гг. Надо думать, что некоторые княжеские обязательства (связанные, например, с возмещением убытков, причиненных обеим сторонам во время войн при Дмитрии Донском и Олеге рязанском) уже утратили свое реальное значение в 40-х годах XV в. и указывались по шаблону.

Особенностью московско-рязанской докончальной грамоты 1447 г., в отличие от более ранних договорных актов, является то внимание, которое уделяется ею отношениям с Литвой. В договоре 1434 г. содержалась статья, лишавшая рязанского князя права самостоятельной внешней политики, причем в первую очередь она имела в виду отношения с татарами: «А не приставати ми (рязанскому князю Ивану Федоровичу) к татаром; также ми не канчивати, ни ссылатися ни с иным ни с кем; а хто будет друг тобе великому князю, то и мне друг; а хто тобе недруг, то и мне недруг». Это условие изложено в грамоте 1447 г. в иной формулировке. Появилось дополнительное указание на недопустимость антимосковского союза не только с татарами, но и с Литвой. Вся статья, посвященная вопросу о согласованности внешней политики Рязанского княжества с Москвой дана в более развернутой форме и приобрела характер большей убедительности: «А не пристати ти (рязанскому князю) к татаром и к Литве никоторою хитростью, ни к иному х кому, кто будет нам недруг; а быти ти с нами везде заодин противу их; а будет с ними нам мир, ино и тобе с ними мир; а не будет с ними нам миру, ни любви с Литвою, или с татары, или с иным с кем, кто будет нам недруг, ино и тебе с ними миру нет, ни любви».

Значительно распространеннее по своей аргументации в договорном тексте 1447 г. (по сравнению с докончанием 1434 г.) другая статья, посвященная специально обязательству Ивана рязанского «брать любовь» с литовским князем «по думе» с великим князем московским и «писаться» с ним «одним человеком» в докончальных грамотах. Наконец, в договоре 1447 г. появилось условие, согласно которому Василий Темный должен лично

---

[208] ПСРЛ, т. IV, стр. 213—216.

[209] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 29. На обороте помета: «Грамота докончальная [другим почерком] великого князя Василья Васильевича со князем Иваном Федоровичем [снова первым почерком] писана на Москве лета 6955 году июля в 20 день». СГГД, т. I, стр. 142—146, № 65. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 270—279, № 42.

выступать в поход и «боронить» Ивана Федоровича рязанского в случае нападения на него великого князя литовского. В грамоте 1447 г. великокняжеское обязательство «боронити» князя рязанского стояло лишь в общей форме и не связывалось прямо с возможностью военных действий между Литвой и Рязанью.

Показательно это стремление Москвы взять под свой контроль рязанско-литовские связи. Те напряженные усилия, которые вынуждено было уделять правительство Василия II ликвидации внутренней смуты в стране, сковывали его энергию в области московско-литовских отношений. Лишенный возможности проявить инициативу в наступательной политике в сторону Литовского государства, Василий II ставил своей задачей обеспечить московское влияние в Тверском и Рязанском княжествах и предупредить возможность их союза с Литвой в ущерб московским интересам.

В конце 40-х годов XV в. эта задача не получила осуществления. По договору, заключенному с Казимиром IV в конце августа 1449 г.,[210] Василий II признал за рязанским князем Иваном Федоровичем право «служити» Казимиру и обещал «про то на него не гневатися, ни мстити ему». В названной же докончальной грамоте Борис Александрович тверской «и со всею братьею и с братаничы своими» значится «в стороне» Казимира IV и в то же время «в любви и в докончании» с Василием Темным.

§ 5. Докончальные грамоты Василия II 50-годов XV в.

В 1450 г. Василий II закончил борьбу с Шемякой завоеванием Галича. Галицкие «граждане... предашася» великому князю, «он же град омирив и наместники своя посажав по всей отчине той, и поиде к Москве».[211] Шемяка бежал в Новгород, откуда в 1452 г. сделал неудачную попытку овладеть Устюгом.[212] В июле 1453 г. Шемяка «умре напрасно» в Новгороде; «людская молва говорят, что будетось со отравы умерл», — замечает Ермолинская летопись.[213]

Ликвидация длительной феодальной усобицы, продолжавшейся почти четверть столетия, подтачивавшей политические устои в стране и мешавшей процессу государственного объединения, привела к новому пересмотру Василием II своих отношений с удельными князьями московского дома и переделу между ними владений.

1 июля 1450 г., т. е. непосредственно вслед за завоеванием великим князем Галича и появлением в Галицком княжестве московских наместников, Василий Темный заключил договор с Михаилом Андреевичем верейским.[214] Договор этот был вызван изменением великокняжеского пожалования в связи с переходом к Москве удела Шемяки. Вместо Заозерья, которым Михаил владел с 1447 г., он получил Вышгород и несколько звенигородских волостей. Вышгород — владение галицких князей, отказанное по духовной Юрия Дмитриевича его сыну Дмитрию Красному, а после

---

[210] АЗР, т. I, № 50. Сборник Муханова, стр. 6—9, № 7.

[211] ПСРЛ, т. IV, стр. 131; т. V, стр. 270; т. VI, стр. 178—179; т. VIII, стр. 122—123; т. XII, стр. 75; т. XVIII, стр. 205; т. XXIII, стр. 154.

[212] ПСРЛ, т. VI, стр. 179—180; т. VIII, стр. 125; т. XII, стр. 77; т. XVIII, стр. 207—208.

[213] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 155; т. III, стр. 141; т. IV, стр. 126, 132, 215; т. V, стр. 31, 271; т. VI, стр. 180; т. VII, стр. 226; т. VIII, стр. 2, 144; т. XII, стр. 109; т. XVIII, стр. 208.

[214] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 38. СГГД, т. I, стр. 168—170, № 75. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 349—354, № 55. На обороте помета: «Великого князя Василья Васильевича со князем Михаилом Ондреевичем».

смерти последнего перешедшее к Шемяке. Василий II предоставил также Михаилу Андреевичу с Вышгорода и приданных к нему волостей «лготу на пять лет выхода не дати», а «отчине всей пожаловал, отдал... половину выхода на три года». В остальном докончальная грамота 1450 г. повторила договорные условия 1447 г.

С Василием Ярославичем серпуховско-боровским Василий II оформил в 50-х годах XV в. две докончальных грамоты. Одна из них (в двух противнях) помещена в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 78—79,[215] другая (также в двух противнях) — под № 84—85.[216] Первое докончание датировано в указанном издании временем около 1451 г., второе — около 1456 г. На неправильность этой датировки указал уже С. М. Соловьев, справедливо отметивший, что грамота, опубликованная в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 84—85, по времени предшествовала договорному тексту № 78—79.[217] В «Древней Российской Вивлиофике» оба изучаемых докончания помещены под 1455 г.

Договорный акт № 84—85 (по нумерации СГГД) в основном следует формуляру докончания Василия Темного с Василием серпуховско-боровским 1447 г. Некоторые отклонения от текста 1447 г. указывают на расширение территории Московского княжества в связи с присоединением Галицкого удела и, таким образом, прямо ведут нас к 1450 г. как времени оформления договора № 84—85. Так, в тексте № 84—85 появилась специальная статья, отсутствовавшая в грамоте 1447 г. и перечисляющая владения, взятые Василием II у своих «недругов» — галицких князей: «А что ми, брате, дал бог удел дяди моего княжь Юрьев Дмитреевича, что есмь взял у своих недругов у княжих у Юрьевых детей, у князя у Василья и у князя у Дмитрея у Шемяки, жеребей княжь Юрьев в Москве со всеми пошлинами, и весь удел дяди моего княжь Юрьев, его отчина Звенигород и Руза и Галич со всем, также, брате, подавал есмь был волости удела дяди своего княжа Костянтинова Дмитриевича княжим Юрьевым детем, и те волости за мною же, за великим князем, и тобе и того всего подо мною, под великим князем, и под моими детми блюсти, и не обидети, и не вступатися, и твоим детем». Договор 1447 г. только выражал уверенность, что «бог дасть... (великому князю) достать вотчин своих недругов».

В связи с завоеванием Галицкого княжества в 1450 г., был пересмотрен состав владений удельного князя Василия Ярославича. По докончанию 1447 г., серпуховско-боровский князь получил от Василия Темного Суходол с Красным селом, но пожалование это носило условный характер. В договорном тексте 1447 г. была сделана специальная оговорка, обязывавшая Василия Ярославича «отступитися» от Суходола и Красного села в том случае, если Дмитрий Шемяка «добьет челом» великому князю и тот «пожалует» его названными владениями, представляющими собою «вотчину» Шемяки. В докончальной грамоте 1450 г. эта оговорка исчезла. Весь удел Шемяки перешел к великому князю, который «отступился» из этого удела Суходола с Красным селом серпуховско-боровскому князю. Зато последний был лишен Дмитрова, которым великий князь пожаловал его «в вудел и в вотчину» в 1447 г.

Итак, я считаю, что содержание договорного акта Василия Темного

---

[215] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 40. СГГД, т. I, стр. 177—184, № 78—79; «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 395—413, № 63—64.

[216] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 42. На обороте три пометы, разными почерками и в разных местах: 1) «Ярославичевы»; 2) «четыре их»; 3) «последняя». СГГД, т. I, стр. 195—201, № 84—85. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 333—349, № 53—54.

[217] С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 1080. А. Е. Пресняков по вопросу о взаимоотношении докончальных грамот Василия Темного и Василия Ярославича не высказывает определенной точки зрения (Указ. соч., стр. 409, прим. 2).

с Василием Ярославичем № 84—85 (по нумерации СГГД) дает право относить его к 1450 г. и считать его одновременным с докончанием между Василием Темным и Михаилом верейским. Ликвидация Галицкого удела заставила московского великого князя обратить внимание на немногочисленных оставшихся к этому времени удельных князей московского дома и изменить состав их владений в московских интересах. Именно к этому времени, к моменту окончания феодальной войны 30—40-х годов XV в., относятся попытки московского великого князя превратить последних представителей удельно-княжеской среды в служебных князей, обязанных нести службу с собственных вотчин и с великокняжеских земельных пожалований. Дальнейшие политические мероприятия в этом направлении падают на время Ивана III, особенно на 80-е годы XV в.[218] Характерно также стремление Василия Темного отобрать у удельных князей и сосредоточить в своих руках наиболее важные для Москвы пункты (например, Дмитров).

В пользу более раннего происхождения договорного текста № 84—85 по сравнению с докончальной грамотой № 78—79 (по нумерации СГГД) говорят также наблюдения над печатями, приложенными к документам. Изображение на печати Василия Ярославича при грамоте № 84—85 сходно с изображением, имеющимся на печати, которой скреплено докончание 1447 г. При грамоте № 78—79 появляется новый тип печати.

Докончание Василия II с Василием Ярославичем № 78—79 (по нумерации СГГД) было оформлено, судя по его содержанию, в 1454 г. после того как Иван Андреевич можайский с семьей бежал в Литву, а московский великий князь взял Можайск и посадил там своих наместников.[219] По докончальной грамоте № 78—79 серпуховско-боровский князь должен «блюсти и боронити» под великим князем московским не только «удел дяди его княжь Юрьев Дмитреевича» (к чему его обязывал договор 1450 г.), но также «вотчину брата его княжу Иванову Андреевича: Можаеск с волостми, и Колугу с волостми, и Лисин, и куплю, и Горьской Лисин, и за Волгою Белоозерьские волости, и пол-Заозерья, также и в Москве его жеребей со всем с тем, что было за князем за Иваном Андреевичем». Василий Ярославич, дополнительно к прежним пожалованиям, получил от великого князя Бежецкий Верх, бывший за Иваном Андреевичем, и, кроме того, Звенигород.

Есть одно затруднение в датировке текстов № 84—85 и 78—79. По содержанию бесспорно выясняется более раннее происхождение первого договорного акта. Заставляет призадуматься имеющаяся в самом конце его и отсутствующая в № 78—79 статья: на одном противне — «а княгини моей (Василия Ярославича) в великом княженьи сел не держати»; на другом: «а княгине моей (великого князя) во княже Васильеве (князя серпуховско-боровского) вотчине, брата моего молодшего, сел не держати». Обращение к подлиннику показывает, что перед нами позднейшая приписка к основному тексту, сделанная другим почерком. Во время оформления обеих договорных грамот, относящихся, как было указано выше, к 1450 и 1454 гг., Василий Ярославич был вдовцом. Это видно из таких выражений, как, например:«... мне, великому князю, и моим детем под *твоею княгинею, кого ти бог даст княгиню,* и под твоим сыном князем Иваном, и под твоими детми, кого ти бог даст, твоего удела... блюсти, и боронити, и печаловатися, а не обидети, ни въступатися». После того, как Василий Ярославич вторично женился (а это случилось, следовательно, не ранее 1454 г.), на тексте его докончания с Василием Темным 1450 г.

---

[218] См. гл. IV.

[219] ПСРЛ, т. IV, стр. 132, 147; т. V, стр. 271; т. VI, стр. 180; т. VIII, стр. 144; т. XII, стр. 109; т. XVIII, стр. 208—209; т. XXIII, стр. 155.

была сделана приписка, запрещавшая его княгине иметь села в пределах великого княжения. Непонятно, почему эта приписка появилась на более ранней докончальной грамоте 1450 г., а не на позднейшем документе 1454 г., как следовало бы ожидать. А. Е. Пресняков объясняет это простой неосмотрительностью: «При общем текстуальном тожестве договорных формул приписки могли попасть не на место в том отношении, что занесены на № 84—85 вместо № 78—79».[220] Объяснение, предложенное Пресняковым, на первый взгляд представляется самым естественным и само собою напрашивающимся. Но оно сталкивается еще с одной текстуальной деталью, требующей, в свою очередь, расшифровки. На обороте докончальной грамоты 1450 г. (№ 84—85 по нумерации СГГД) имеются три пометы, сделанные разными чернилами и почерками XV в.: 1) «Ярославичевы»; 2) «четыре их»; 3) «последняя». Таким образом, при подборе договорных грамот Василия II с Василием Ярославичем выяснилось, что их было четыре (это соответствует действительности) и что последней по времени является грамота № 84—85, оформленная в 1450 г., т. е. как раз та, на которой сделана приписка о землевладении княгини Василия серпуховско-боровского. Следовательно, и систематизатор XV в. считал текст № 84—85 более поздним, чем текст № 78—79, и следовательно, приписка о селах княгини Василья Ярославича попала на докончание № 84—85 не случайно, а намеренно. И в то же время содержание договорных актов с несомненностью ведет договор № 84—85 к 1450 г., а договор № 78—79 — к 1454 г.

Я нахожу единственное объяснение указанным выше противоречиям в следующем. До ареста и заточения Василия Ярославича в Угличе в 1456 г. Василий Темный отнял у него владения, пожалованные ему в 1454 г. — Бежецкий Верх и Звенигород. Тем самым было аннулировано докончание 1454 г., и великий князь в своих отношениях с Василием Ярославичем вернулся к договорным условиям 1450 г., согласно которым за серпуховско-боровским князем признавалась «отчина», перешедшая к нему от деда Владимира Андреевича, а из московских пожалований утверждались Суходол и Красное село. Новая докончальная грамота при этом оформлена не была, а возобновлено действие договорного акта 1450 г. (№ 84—85 по нумерации СГГД), к которому, ввиду изменившегося семейного положения Василия Ярославича, было сделано дополнение о земельных владениях его княгини. Поскольку вслед за лишением серпуховско-боровского князя Бежецкого Верха и Звенигорода грамота 1454 г. (№ 78—79 по нумерации СГГД) утратила силу и князья стали руководствоваться грамотой № 84—85, писец, сделавший на обороте договорного акта № 84—85 помету, имел основание назвать именно его «последним».

Предложенное мною объяснение помогает не только понять некоторые внешние противоречия и неясности текстов № 78—79 и 84—85, но и проливает свет на причины ареста великим князем Василия Ярославича в 1456 г. и побега в Литву его сына Ивана с мачехой. Указанные события не получили до сих пор удовлетворительного объяснения в исторической литературе. Мне кажется, отмеченный пробел может восполнить сделанное нами выше предположение о том, что в период между 1454 и 1456 гг. Василий II лишил Василия Ярославича Бежецкого Верха и Звенигорода. Вероятно, именно это послужило причиной конфликта между московским великим князем и серпуховско-боровским удельным. Отсюда, возможно, последовали сношения Василия Ярославича с Литвой и бежавшим туда можайским князем, которые закончились «поиманием» Василия Ярославича, по распоряжению Василия Темного, и заточением в Углич.

---

[220] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 409—410, прим. 2.

К середине 50-х годов XV в. относится докончание Василия II с тверским князем Борисом Александровичем.[221] Текст его опубликован в «Собрании государственных грамот и договоров» под 1451 г. Эту дату следует исправить. Договор был заключен уже после смерти Шемяки (т. е. после 1453 г.), так как в числе московских «недругов» в нем указываются Иван можайский и сын Шемяки Иван Дмитриевич, но о самом Шемяке уже упоминаний нет: «А што от тебе (великого князя) отступил князь Иван можайской, — читаем в докончальной грамоте, — да княж Дмитреев сын Шемякин князь Иван, или которой ти иный брат згрубит, и мне, великому князю Борису, и моим детем, и братье моей молодшей к собе их не приимати».

Цитированная статья свидетельствует о написании докончальной грамоты не ранее 1454 г., когда можайский князь Иван Андреевич бежал в Литву. Обращает также на себя внимание упоминание в тексте московско-тверского докончанья сына Бориса Александровича — Михаила, родившегося в 1453 г.[222]

Я считаю, что договор между Василием II и Борисом Александровичем был заключен в 1456 г., одновременно с Яжелбицким докончанием великого князя с Новгородом. В московско-тверской и в Яжелбицкой докончальных грамотах имеются сходные пункты. Так, в Яжелбицкой грамоте встречается условие, чтобы «Великому Новугороду князя Ивана Андреевича можайского и его детей, и князя Ивана Дмитреевича Шемякина и его детей, и его матери княгини Софьи и ее детей и зятьи, Новугороду не приимати».[223] Аналогичное обязательство, как мы видели выше, возлагалось московско-тверским договорным актом на Бориса тверского. Далее, в Яжелбицком докончании помещена статья: «А после сего докончаниа из Московской земли, из великого княженпа, кто приедет лиходей великих князей в Великий Новгород, и Новугороду их не приимати; или кто лиходей великих князей побежит из Русской земли из Московского княженпа в Литву или в Немци, а из Литвы или из Немець прибежит к Великому Новугороду, и Новугороду тых лиходеев не приимати».[224] От Бориса Александровича тверского московский великий князь также требовал, чтобы он и его «молодшая братья» не оказывали содействия не только Ивану Андреевичу можайскому и Ивану Дмитриевичу Шемякину, но любому из князей, кто «згрубит» ему, великому князю Василию II.

В специальной главе, посвященной новгородским документам,[225] будут освещены попытки Бориса тверского, воспользовавшегося слабостью Москвы во время феодальной войны 40-х годов XV в., захватить ряд новгородских владений. После похода Василия II в 1456 г. на Новгород и Яжелбицкого докончания, укрепившего власть московского великого князя над Новгородом, в московско-тверской договорный акт были включены статьи, касающиеся новгородско-тверских отношений. Борис признал Новгород «вотчиной» Василия II и его детей. Восстанавливается «рубеж...

---

[221] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 39. На обороте помета: одним почерком —«докончалная тферская новая»; другим почерком—«князя Бориса Александровича со князем Васильем Васильевичем». СГГД, т. I, стр. 171—176, № 76—77 (два противня). «Древняя Российская Вивлиофпка», изд. 2-е, ч. 1, стр. 381—394, № 61—62.

[222] ПСРЛ, т. XV, стр. 495. Исследователи указывают на то, что договор Василия II с Тверью относится ко времени после 1453—1454 гг. См. С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 1085. А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 511. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 222, прим. 1.

[223] ААЭ, т. I, стр. 44, № 58.

[224] Там же.

[225] См. гл. V.

Москве и Новугороду», «как было при... великом князе Иване Даниловиче» и последующих московских князьях, «что потягло к великому княженью, к нашей отчине к Москве». Борис Александрович обязуется «с Новымгородом жыти по старине». Землям и водам, отошедшим «от нашые отчины от великого княженья, от Москвы и от Великого Новагорода», объявляется «суд и исправа на обе стороны». Тверской князь обещает не держать «закладней» в Новгороде и «блюсти» новгородцев, «как и своих». Задачей всех этих договорных пунктов являлось ослабить тверское влияние в Новгороде и усилить над ним власть Москвы.

Итак, мне кажется, что предположение об одновременности и внутренней связи докончальных грамот Василия Темного с Новгородом и Тверью, составленных в связи с новгородским походом великого московского князя в 1456 г., имеет под собой достаточно твердую почву.

Интересные наблюдения можно сделать над текстом договора Василия Темного с Борисом Александровичем тверским по вопросу о московско-литовских и литовско-тверских отношениях. Рассматриваемая договорная грамота Василия II и Бориса тверского 1456 г. повторяет почти полностью условия московско-тверских договорных актов 1396 и 1439 гг., дошедших до нас в виде списков в составе сборника второй половины XV в. Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.[226] Выше были приведены соображения о том, что грамоты 1396 и 1439 гг. представляют собой проекты докончаний, не получившие оформления. Есть одно отличие договорного акта 1456 г. от грамот 1396 и 1439 гг. В последних имелось обязательство тверского князя (в одном случае Михаила Александровича, в другом — Бориса Александровича) «сложить целование» к великому князю литовскому (в одном случае — к Витовту, в другом — к Сигизмунду). Этот пункт отсутствует в докончальной грамоте 1456 г. В то же время в ней содержится условие: «быти... на татар, и на ляхи, и на литву, и на немци заодин». Указано также, что в случае нападения на Тверь литовцев, ляхов или немцев великий московский князь обязан лично явиться на помощь князю тверскому. Таким образом, заключив наступательный и оборонительный союз с тверским князем Борисом, Василий Темный не порвал своего докончания с Казимиром IV, которым он был связан с последним с 1449 г. и которым признал Бориса Александровича тверского «в стороне» великого литовского князя. В свою очередь, Борис Александрович также не нарушил своего договора с Казимиром IV, заключенного в 1449 г., одновременно с московско-литовским соглашением. Перекрестными договорами друг с другом и с Литвой Москва и Тверь стремились добиться политического равновесия. Если по соглашению с Иваном Федоровичем рязанским от 1447 г. Василий Темный претендовал на контроль над внешней политикой Рязанского княжества, то в отношениях с Тверью Москва в 1456 г. не пошла дальше формулы 1449 г.: Борис Александрович находится в «стороне» Казимира IV и одновременно состоит «в любви и в докончании» с Василием Темным.

Борис Александрович обеспечил себе также право самостоятельных политических сношений с Ордой: «А ко Орде ти, брате, путь чист, и твоим детем, и внучятом, и твоим людем». По отношению к великому князю московскому Борис тверской выступает с позиций равного ему по занимаемому на феодальной лестнице месту «брата». Договор он заключает от своего имени и от имени своей «молодшей братьи» — удельных князей Тверского дома. Низведение великого тверского князя на степень «молодшего брата» великого князя московского относится уже ко времени Ивана III.

---

[226] ААЭ, т. I, стр. 9—11, № 14; стр. 25—26, № 33.

§ 6. Духовные грамоты вдовы серпуховского князя Владимира Андреевича княгини Елены Ольгердовны (инокини Евпраксии) и великой княгини Софьи Витовтовны

Среди духовных княжеских грамот, дошедших до нас в составе московского государственного архива XV в., сохранились грамоты двух княгинь: вдовы серпуховского князя Владимира Андреевича Елены Ольгердовны (в иночестве Евпраксии)[227] и вдовы великого московского князя Василия Дмитриевича Софьи Витовтовны.[228]

Грамота инокини Евпраксии (княгини Елены Ольгердовны) опубликована в «Собрании государственных грамот и договоров» под 1453 г.,[229] в «Древней Российской Вивлиофике» — под 1427—1453 гг.[230] В исторической литературе уже отмечена ошибочность этой датировки. Елена Ольгердовна умерла в сентябре 1437 г.[231] Таким образом, 1437 г. является terminus non post quem для написания ее духовной. Но некоторые указания грамоты заставляют думать, что она появилась значительно ранее этой даты. Духовная начинается с «челобитья» завещательницы «господину великому князю Василью Васильевичю и своей госпоже великой княгине Софье». Елена-Евпраксия «приказывает» своих снох (жен своих сыновей) великому князю Василию II «по грамоте своего господина княже Володимерове Андреевича, чтобы господин мой князь велики пожаловал, печаловался моими снохами, чтобы были необидны». Бросается в глаза отсутствие упоминания (рядом с именами Василия II и его матери великой княгини Софьи Витовтовны) жены великого князя Василия Васильевича Марии Ярославны. Как известно, Василий II был женат на княгине Марии, сестре Василия Ярославича, единственного внука Елены Ольгердовны и единственного представителя потомства мужского пола покойного серпуховского князя Владимира Андреевича. Невозможно допустить, чтобы Елена Ольгердовна не назвала свою внучку Марию Ярославну в своем «челобитье» к Василию II и Софье Витовтовне, если бы ее духовная была написана после брака московского великого князя. Следовательно, духовная относится ко времени до женитьбы Василия II на Марии Ярославне, т. е. до начала 1433 г.

В 1426—1427 гг. от морового поветрия скончались сыновья Владимира Андреевича и Елены Ольгердовны Семен, Ярослав, Андрей и Василий Владимировичи. Из мужского поколения в роде Владимира Андреевича уцелел только его внук Василий Ярославич, который должен был наследовать весь Серпуховско-Боровский удел. Эти семейные обстоятельства, очевидно, и заставили Елену Ольгердовну составить свое завещание и обратиться с челобитьем к великому князю и княгине Софье Витовтовне, чтобы они «печаловались ее снохами», которые лишились мужей и остались без покровителей и защитников. Есть еще одно указание на раннее происхождение духовной. Инокиня Евпраксия упоминает о долге, сделанном ею для уплаты выхода «за своего внука отчину за князя за Василья». Очевидно, дело относится к тому времени, когда Василий Ярославич был еще несовершеннолетним, и ввиду того, что все его старшие родственники мужского пола умерли; фактически делами Серпуховско-Боровского княжения вершила его бабка.

---

[227] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 19.
[228] Там же, № 20.
[229] СГГД, т. I, стр. 189—191, № 82.
[230] «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 369—373, № 59.
[231] ПСРЛ, т. XII, стр. 24. Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. V, прим., стр. 241, № 371. А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 310, прим. 833.

В своей духовной княгиня Елена-Евпраксия делает распоряжения относительно земельных владений, полученных ею от своего мужа. Село Коломенское она завещает великому князю Василию II, значительную часть сел — князю Василию Ярославичу, остальные — снохам и внучке Марии Ивановне. Далее в духовной имеются распоряжения о вкладах в монастыри и об отпуске на свободу холопов.

Духовная великой княгини Софьи Витовтовны датирована в «Древней Российской Вивлиофике»[232] и в «Собрании государственных грамот и договоров»[233] 1453 годом. Но в эту дату необходимо внести исправления. Великая княгиня Софья называет четырех своих внуков: Ивана, Юрия, Андрея и Бориса Васильевичей, но ничего не говорит об Андрее Меньшом. Это заставляет думать, что духовная была написана не ранее июня 1449 г., когда родился Борис,[234] и не позднее августа 1452 г., до того, как родился Андрей Меньшой.[235] Вернее всего, Софья Витовтовна оформила свое завещание в июне — июле 1451 г. В это время татары совершили нападение на Москву. В Москве остались мать Василия II княгиня Софья, митрополит Иона, второй сын Василия Темного Юрий, «множество бояр и детей боярьских», «весь чин священнический и иноческий и многое множество народа града».

Сам великий князь со своим старшим сыном Иваном выступил в поход против татар к Волге. Княгиня Мария Ярославна с младшими детьми уехала в Углич. Положение в столице было угрожающее. Татары пожгли окрестные посады. Стояла засуха. Огонь быстро распространился. В самом городе загорелись церкви. От дыма «не бе лзе и прозрети». Находившиеся в городе люди «ослабу приаша от великиа истомы огненыа и дыма, и выходяще из города, начаша с противными битися».[236] В такой опасной и тяжелой обстановке, надо думать, и написала великая княгиня Софья свою духовную, «управление чиня о своей души». Находившийся вместе с Софьей Витовтовной в осаде митрополит Иона привесил к грамоте свою печать. Самый текст духовной писал митрополичий дьяк Ярлык.

Духовная Софьи Витовтовны — яркий, интересный и своеобразный источник для характеристики землевладения и имущественного положения московских великих княгинь. Софья Витовтовна разделила между своим сыном великим князем Василием II и четырьмя внуками свое имущество. Определенные доли из него получили также и снохи. Каждый наследник был наделен кроме «святостей» («честных крестов и святых икон» или «мощей святых») также селами и деревнями. Некоторыми из этих сел и деревень сама завещательница владела на основании духовной своего мужа великого князя Василия Дмитриевича, некоторые представляют собой ее купли. Бросается в глаза непропорционально большое (по сравнению с другими братьями) число земельных владений, полученных от своей бабки князем Юрием Васильевичем. Ему же завещаны дворы и дворовые места в Москве. Княгиня Софья при этом проявляет особую заботу о том, чтобы ее второй внук не был обижен после ее смерти своим отцом великим московским князем Василием Темным: «А что взхочет сын мой князь великий у своего сына, а у моего внука, у князя у Юриа, выменити что, села ли, места ли какие, где будет ему что пригодно, и он у него вымент, а без обиды». Юрия же княгиня Софья сделала наследником всех «святостей», оставшихся после раздела, а также всей своей «казны, или

---

[232] «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 374—381, № 60.
[233] СГГД, т. I, стр. 191—194, № 83.
[234] ПСРЛ, т. IV, стр. 146; т. V, стр. 269; т. VIII, стр. 75.
[235] ПСРЛ, т. IV, стр. 147; т. V, стр. 271.
[236] ПСРЛ, т. XII, стр. 76.

какие рухляди клетные, какие ни буди». Мне кажется, что такое внимание завещательницы именно ко второму внуку Юрию объясняется тем, что он оставался с ней летом 1451 г. в Москве, разделяя опасности осадного сидения. Таким образом, мы получаем новое доказательство правильности предложенной выше датировки духовной Софьи Витовтовны 1451 годом.

«На поминок души своего господаря, мужа своего великого князя Василья Дмитреевича, и своее свекрови великие княгини Овдотьи, и по своей души, и по души сына своего князя Ивана» — Софья Витовтовна сделала вклады в монастыри. Всех своих бояр, детей боярских и слуг княгиня Софья поручила великому князю Василию Васильевичу, наказав ему «жаловать и блюсти их как и своих», а холопов распорядилась отпустить на свободу.

Интересные распоряжения сделала завещательница относительно крестьян-серебренников в своих селах. Ее наследники должны были взять себе только половину «изделного серебра», а другую половину отдать «христианом серебренником». При этом великий князь Василий Васильевич должен был выяснить «по обыску» имущественное положение крестьян. Если окажется, — говорит завещательница, — что кто-либо «от тех изделников охудел, а и половины того изделного серебра заплатити не взможет, и сын мой великий князь тому велит отдати за мою душю все изделное серебро; а который будет изделный серебреник изможен в животе, а не охудел, взможет заплатити и все серебро, и на том сын мой великий князь велит все изделное серебро взяти, — то учинит сын мой великий князь своего ради спасениа, а и за мою душю, по обыску».

§ 7. Духовная грамота Василия Темного

Духовная грамота Василия Темного[237] написана «по благословенью» митрополита Феодосия, печать которого привешена к документу. Феодосий поставлен на митрополию 3 мая 1461 г., после смерти 31 марта этого года митрополита Ионы.[238] Василий Темный скончался 27 марта 1462 г.[239] Таким образом, духовная Василия Темного могла быть оформлена в пределах с мая 1461 г. по март 1462 г. Летопись рассказывает, что Василий II «заболел в пяток на Федоровой недели» и «чаа себе сухотную болесть, повеле жещи ся, яко же есть обычай болящим сухотною, и повеле ставити зажигати труд той на многых местех по многу, идеже и не бе ему некоеа болезни, тогда бо и не чюаше того; егда же разгнишяса раны оны, и бысть ему болезнь тяжка, в черници хотяше постришися, и не даша ему воли, и в той болезни и преставися...».[240] Пятница Федоровой недели приходилась в 1462 г. на 5 марта.[241] Непосредственно перед заболеванием великого князя был открыт заговор серпуховских детей боярских, которые сделали попытку освободить из углицкого заточения князя Василия Ярославича. На Федоровой неделе заговорщики были казнены.[242] Пови-

---

[237] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 21. Список XV в.— т а м ж е, № 22. На обороте списка помета: «Список с подлинные духовные великого князя Василья Васильевича при Феодосии митрополите»; другим почерком — «году не написано». СГГД, т. I, стр. 202—208, № 86—87. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 414—428, № 65—66 (основная «большая» духовная и «приписная» к ней грамота).

[238] ПСРЛ, т. IV, стр. 132, 148; т. V, стр. 273; т. VI, стр. 184; т. VIII, стр. 149; т. XII, стр. 114.

[239] ПСРЛ, т. IV, стр. 148; т. V, стр. 273; т. VI, стр. 185; т. VIII, стр. 150; т. XII, стр. 115.

[240] ПСРЛ, т. VIII, стр. 150.

[241] Л. В. Ч е р е п н и н. Русская хронология, стр. 45—46, табл. IX—X.

[242] ПСРЛ, т. VIII, стр. 150.

димому, в марте, после этих казней, во время своей болезни Василий II и написал свою духовную.

Духовная Василия Темного написана в традиционной форме отцовского «ряда» своим сыновьям. Но в то же время в ней можно найти некоторые новые мотивы, которые отсутствовали в более ранних княжеских завещаниях. Князь-завещатель уже не отличает территории великого Владимирского княжения от московских владений, составляющих великокняжеский «удел». Происходит, по выражению А. Е. Преснякова, «слияние московской вотчины с территорией великого княжения».[243]

Наделяя своего старшего сына, будущего великого князя Ивана III, Василий II пользуется следующей терминологией: «А сына своего старейшего Ивана благословляю своею отчиною великим княженьем, а даю ему треть в Москве...». Далее следует сплошной перечень городов «с волостми и с путми и с селы», без указания на то, входят ли они в состав московской вотчины или же великого княжения: Коломна, Владимир, Переяславль, Галич, Кострома, Устюг, земля Вятская, Суздаль, Нижний-Новгород, Муром, Юрьев, Великая Соль, Боровск, Суходол, Калуга, Алексин.

В духовной отсутствует старая формула о «приказе» Москвы всем сыновьям. Нет и другой формулы, вытекавшей непосредственно из первой: «А се есмь им роздел учинил». Прямо указываются доли в московских доходах, которые получают отдельные сыновья. Владение Москвой очень дробное и сложное. Оно осуществляется по «годам». Иван Васильевич получил «треть в Москве»; Юрий Васильевич — «треть», принадлежавшую князю Владимиру Андреевичу серпуховскому, которой он должен был пользоваться «по половинам» с братом Андреем Большим, «а держати по годом», и, кроме того, «год в Москве княжь Костянтиновьской Дмитреевича». Бориса отец «благословил» «в Москве годом княжым Ивановым можайского»; Андрея Меньшого — «годом княжым Петровым Дмитреевича». Из московской тамги одна треть дана великому князю Ивану, другая треть «по половинам» — Юрию и Андрею Большому; третья треть, также «по половинам»,— Борису и Андрею Меньшому. При этом половина «изо всех трех третей» тамги предоставлена пожизненно княгине-вдове.

Поражает это тяготение к старым традиционным формам долевого погодного владения московскими доходами, установленного еще духовными грамотами первых московских князей. Василий II исходит из того соотношения, которое было принято его предшественниками: «год» Петра Дмитриевича, «год» Константина Дмитриевича и т. д. и только продолжает дальше дробить доходы, предоставляя право на ту или иную «треть» сразу двум своим сыновьям («по половинам»). При наделении доходными статьями старшего сына отсутствует выражение «старейший путь», хотя реально именно в руках старшего наследника сосредоточены основные экономические и финансовые силы Московского княжества.

Очень интересна попытка упорядочить систему обложения и сбора дани для уплаты татарского выхода. Завещание говорит об организованной посылке писцов всеми князьями (великим и удельными) для описания земель и «обложения по сохам и по людем». «По тому окладу» удельные князья должны «давати в выход» великому князю. Здесь чувствуется стремление перестроить на более организованных началах финансовое хозяйство Московского княжества.

Удел каждого сына состоит из ряда городов и отдельных сел и волостей. Особо указаны земельные владения, завещанные своим внукам

---

[243] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 414.

Софьей Витовтовной, а также села, перешедшие к Борису Васильевичу по завещанию матери серпуховского князя Василия Ярославича Марии Федоровны Голтяевой. Так были образованы уделы Юрия (Дмитров, Можайск, Медынь, Серпухов); Андрея Большого (Углич, Бежецкий Верх, Звенигород); Бориса (Ржева, Волок, Руза); Андрея Меньшого (Вологда с Кубеной и Заозерьем).

Княгине-вдове Василий Темный передал в пожизненное владение Ростов, указав в своей духовной, что ростовские князья сохраняют те свои права, которыми они пользовались при жизни великого князя. Дополнительно к Ростову княгиня получила еще несколько волостей и сел, и кроме того, определенные земельные владения были ей выделены «до ее живота» в уделах каждого из сыновей. В этом отношении Василий II воспроизводил старую московскую практику. После смерти княгини волости и села, находившиеся в уделах ее сыновей, должны были быть им возвращены, но своими куплями княгиня вправе распорядиться по собственному усмотрению.

В духовной Василия Темного сохранена статья, имевшаяся во всех предшествующих княжеских завещаниях, о праве княгини-матери осуществить передел владений в том случае, если у кого-либо из сыновей «вотчины отоймется». Ни слова не говорит завещатель о судьбе выморочных княжеских уделов. Это намеренное умолчание по очень острому и сложному политическому вопросу послужило в княжение Ивана III одной из причин княжеских усобиц.

По примеру своих предшественников, Василий II пытается путем соответственных наставлений сыновьям поддержать авторитет матери в своей семье: «А вы, дети мои, слушайте своее матери во всем, а из ее воли не выступайте ни в чем, а который сын мой не имет слушати своее матери, а будет не в ее воле, на том не буди моего благословенья». В то же время поднимается политический авторитет старшего брата. Система междукняжеских отношений подчиняется следующим началам: младшие братья должны «чтить и слушать своего брата старейшего вместо своего отца»; старший брат «держит свою братью меньшую в братстве без обиды».

В конце своего завещания Василий II «приказал» свою княгиню и сыновей польскому королю и литовскому князю Казимиру, который должен ими «печаловаться» по докончальной грамоте 1449 г. Это был политический жест, ставивший своей задачей поддержать ту систему равновесия между Московским великим княжеством и Литовским государством, которая была создана договором Василия II с Казимиром IV. В эту систему, как мы видели, входили также Тверь и Рязань.

Завещательные распоряжения «большой» княжеской духовной были дополнены в «приписной» к ней грамоте, посвященной, главным образом, дополнительному наделению селами княгини и разделу между сыновьями московских дворов.[244]

* * *

Княжение Василия Темного — переходное время русской истории. В кровавой княжеской смуте, продолжавшейся четверть столетия, зарождались и крепли основы нового политического порядка. Сила исторической традиции мешала проявиться отчетливо и ясно этим новым на-

[244] Имеются основания думать, что была еще одна, более поздняя духовная Василия Темного, которая до нас не дошла, так как она была уничтожена Василием III. См. А. Е. Пресняков. Завещание Василия III. Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, Пгр., 1922, стр. 75.

чалам в государственных документах второй половины XV в. Василий Темный к концу своего княжения по существу сделался единодержцем в пределах владимиро-московских великокняжеских владений. Единственным удельным князем московского дома перед смертью Василия II был Михаил верейский. Своим предсмертным «рядом» Василий Темный создал новые удельные княжества. При Иване III завязалась новая борьба великокняжеской власти с удельно-княжескими притязаниями. Необычайно интересна та актуальная роль, которую приобретают в этой борьбе документы великокняжеского московского архива, объединившего в конце жизни Василия Темного удельные архивы. Политическая мысль половины XV в. не раз обращается к событиям феодальной войны 30—40-х годов, а в то же время обращается и к формулам докончальных грамот этого времени, на их основе разрабатывая новые пункты договорных междукняжеских условий. Феодальные войны происходили не только с оружием в руках на полях сражений. Эти войны принимали форму «дипломатических войн», когда оружием для противников являлись документы. Князья ослепляли, отравляли, ссылали в заточение друг друга. Но князья во время усобиц также вывозили к себе чужие архивы, скрывали, уничтожали чужие документы, понимая их политическую силу. После смерти Шемяки, бегства Ивана можайского, заточения Василия Ярославича в Москву были свезены их архивы. Для Ивана III эти архивы не были мертвым кладом. Над их материалами шла созидательная государственно-строительная работа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МОСКОВСКИЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ АРХИВ ПРИ ИВАНЕ III

§ 1. Пересмотр в 1481—1482 гг. формуляра договорных грамот московского великого князя с удельными князьями московского дома

В княжение Ивана III документы московского великокняжеского архива получили особенно большое политическое значение. В своей объединительной политике, в борьбе с удельными князьями Иван III использовал духовные и договорные грамоты своих предшественников. Он ссылался на них, выставляя те или иные требования перед своими политическими противниками. На основе старых текстов вырабатывались формулы новых междукняжеских докончаний и «душевных» княжеских грамот, своеобразно преломлявшие историческую традицию или нарушавшие ее. Учитывая ту важную роль, которую играли архивные материалы в политической жизни страны, великокняжеская канцелярия развернула большую работу по изучению архивного наследия прошлого. Документы разбирались и систематизировались соответственно той или иной выдвигаемой в определенный момент политической задаче. Те грамоты, которые не отвечали интересам московской великокняжеской власти, уничтожались.

Иван III пытался перестроить свои отношения к удельным князьям московского дома на основе большего подчинения их великокняжеской власти. Документы московского государственного архива дают возможность осветить эту работу в области собирания власти.

Присоединение к Москве Верейского и Белозерского удельных княжеств подготавливалось постепенно. В начале своего княжения Иван III заключил несколько договоров с Михаилом Андреевичем верейским и белозерским. Первый [1] из них датируется временем между 27 марта 1462 г., когда умер Василий Темный,[2] и 13 сентября 1464 г. (когда удалился в Чудов монастырь митрополит Феодосий Бывальцев,[3] по «благословению» которого заключен договор). Названная докончальная грамота в основном повторила текст договора Василия Темного с Михаилом от

[1] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 44 (экземпляр Михаила верейского) и № 46 (экземпляр Ивана III), № 45 — современный список с № 44. СГГД, т. I, стр. 215—217, № 90, и стр. 218—220, № 91. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 15—25, № 69—70.

[2] ПСРЛ, т. IV, стр. 148; т. V, стр. 273; т. VI, стр. 185; т. VIII, стр. 150.

[3] П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви, стр. 5.

1 июня 1450 г.,[4] утвердив за последним его «отчину» — Верею и Белоозеро, а также пожалование Василия Темного — Вышгород с рядом волостей.

На следующем по времени договоре Ивана III с Михаилом Андреевичем [5] имеется подпись митрополита Филиппа; следовательно, он был оформлен после 11 ноября 1464 г., когда Филипп был поставлен на митрополию.[6] По этой докончальной грамоте Михаил Андреевич «отступился» великому князю Вышгорода с волостями и селами, пожалованными ему еще Василием Темным «в вотчину и в вудел».

Наконец, третье докончание между Иваном III и Михаилом Андреевичем [7] падает, как это будет выяснено ниже, на 1472 г. Текст его отличается от предшествующей договорной грамоты терминологией, определяющей междукняжеские иерархические отношения. В этом договоре Михаил Андреевич называет себя «молодшим» не только в отношении к самому Ивану III, но и в отношении к его братьям Юрию, Андрею, Борису и второму Андрею Васильевичам. В более ранних грамотах взаимоотношения были другими: «старейшим» себя Михаил Андреевич признавал только Ивана III[8] и Юрия Васильевичей, старший из Андреев был для него «братом», а Борис и Андрей Меньшой Васильевичи —«братьями молодшими».

Если мы внимательно присмотримся к перечисленным договорным грамотам Михаила Андреевича верейского и белозерского с великим князем Иваном Васильевичем III, то убедимся, что, отнятые в разное время у князя Михаила и положенные в великокняжеский архив, эти грамоты затем, очевидно по указанию самого Ивана III, были подобраны, пересмотрены и систематизированы. Заключаем это из позднейших, однотипных по целеустремленности, помет на обороте документов. Бросается в глаза политическая направленность помет, дающих лаконичную, но выразительную характеристику каждой грамоте с позиций московской великокняжеской власти. Очевидно, заданию привести в известность документы, касающиеся истории взаимоотношений Ивана III со своим двоюродным дядей, и дать им краткое резюме придавалось какое-то серьезное политическое значение. Рассмотрим внимательно содержание всех помет и затем постараемся разрешить вопрос, когда и в силу чего было проявлено повышенное внимание к архивным материалам, определявшим политическое положение Верейского удельного княжества в составе формирующегося Московского государства.

На обороте первого договора, заключенного Иваном III с Михаилом вскоре после своего вступления на великокняжеский стол, стоит надпись — своего рода аннотация или исторический комментарий: «А ся грамота докончялнаа взята у князя Михаила (другим поздним почерком добавлено: Андреевича), что была дана ему после живота великого князя Василиа Василиевича о Вышегороде, ина того деля и взята, а лежала у Филиппа митрополита».[9] Таким образом, противень договорной грамоты, полученной Михаилом Андреевичем в ближайшее время вслед за смертью

---

[4] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 38. СГГД, т. I, стр. 168—170, № 75. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 349—354, № 55.

[5] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 47. СГГД, т. I, стр. 220—222, № 92. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 26—30, № 71.

[6] П. М. Строев. Указ. соч., стр. 5.

[7] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 48—49. СГГД, т. I, стр. 223—227, № 93—94. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 31—41, № 72—73.

[8] Михаил обращался к Ивану III: «Господине брате старейший, князь великии Иван Василиевич».

[9] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 44. СГГД, т. I, стр. 217, № 90. Эта помета стоит на великокняжеском экземпляре, хотя естественнее было бы ожидать ее на верейском противне, отобранном в великокняжескую казну. На верейском противне помета: «Докончалная княжа Михайлова».

Василия Темного в результате докончания с его преемником, хранился в митрополичьей казне, а затем был затребован оттуда в великокняжеский архив. Произошло это, очевидно, после 11 ноября 1464 г. — даты поставления Филиппа на митрополию. Изъятие документа сопровождалось заменой его новым текстом междукняжеского соглашения, расходившимся с предшествующим в некоторых пунктах. Представляет интерес, что, определяя содержание первой грамоты, автор пометы на ее оборотной стороне главное внимание обращает на пункт о пожаловании Михаилу великим князем Василием Васильевичем Вышгорода.[10] В несколько запутанной и противоречивой формулировке («грамота докончялнаа... что была дана ему... о Вышегороде»), как это правильно отметил А. Е. Пресняков,[11] сквозит желание рассматривать двустороннее докончание как акт одностороннего единоличного пожалования. В этом нельзя не усмотреть политической тенденции московского происхождения.

Как указано, рассмотренный договор вскоре (после 11 ноября 1464 г.) был аннулирован и вместо него составлен текст другого соглашения. Надпись на его обороте, относящаяся, повидимому, к тому же времени,что и помета на первой, отмененной,грамоте, считает необходимым подчеркнуть отказ Михаила от владения Вышгородом: «Докончалная княжа Михаилова, коли отдал Вышегород, ино у него взята, а новая ему дана, что он подо всею братьею великого князя в молотших».[12] Как и в первом случае,вопросу о Вышгороде уделено особое внимание, причем комментатор опять-таки склонен трактовать докончальную грамоту в терминах жалованной, источником которой является великокняжеская воля («... у него взята, а новая ему дана»).

В только что процитированной помете на второй грамоте говорится далее, что и ее, по примеру первой, в самом непродолжительном времени изъяли у Михаила Андреевича и она также поступила в великокняжеский архив, будучи, в свою очередь, заменена третьим договором. Отличительную черту последнего, в противоположность более ранним документам, автор пометы на втором аннулированном докончании видит в сильно снизившемся положении Михаила на лестнице феодально-иерархических отношений. И как раз об этом же обстоятельстве считает нужным упомянуть и надпись на обороте *самой* третьей договорной грамоты, о которой сейчас идет речь: «княже Михаилова Андреевича последняя, что написан под всею братьею великого князя».[13] Конечно, не может быть случайностью это полное совпадение в оценках политического удельного веса Верейского удельного княжения, которые дают обе приведенные выше надписи. Очевидно, эти согласные между собой оценки, основанные на анализе той терминологии, которой пользуется третья докончальная грамота для характеристики системы феодальной междукняжеской иерархии, со-

---

[10] В первом договоре насчет Вышгорода было указано: «А что тя пожаловал отець мои князь велики Василеи Васильевич, дал ти Вышегород с волостми, и с пути, и с селы в вотчину и в вудел, как было за отцем моим за великим князем..., а того ми всего под тобою блюсти, ни обидети, ни въступатися, ни моему брату молодшему князю Юрию, и князю Андрею, и меншеи нашеи братии, ни моим детем под твоими детми». ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 44. СГГД, т. I, стр. 216—217, № 90.

[11] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 418.

[12] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 47. СГГД, т. I, стр. 220—222, № 92. Действительно, о Вышгороде здесь читаем: «А что тя был пожаловал отець мои князь велики Вышегородом своею отчиною с волостьми, и с путми, и с селы... в вотчину и в удел, и ты, мои брате, тое моее отчины отступился мне сам со всем с тем, как тя был пожаловал отець мои князь велики да и яз князь велики».

[13] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 49. СГГД, т. I, стр. 227, № 94.

ставлены одновременно. Мы имеем возможность уточнить, когда именно. Для этого следует привлечь помету, проставленную ошибочно на великокняжеском экземпляре третьего договора, хотя ее логическое место — на верейском противне: «Лета девятдесятого июня 4 ся докончалнаа княжа Михаилова взята у митрополита у Геронтья».[14] Таким образом, 4 июня 1482 г. произошла передача из казны митрополита Геронтия в московский великокняжеский архив последней московско-верейской договорной грамоты 70-х годов XV в. И мне кажется вполне естественным предположить, что она была тогда же сопоставлена с предшествующими ей текстами аналогичного характера и на обороте всех этих документов были занесены односложные, но политически заостренные характеристики.

Моя датировка помет 1482 годом находит подтверждение в одном указании описи Посольского приказа 1626 г. В числе документов государственного архива там значится копийная книга 1482 г., содержавшая в себе списки с докончальных грамот Ивана III с Михаилом Андреевичем и в настоящее время утраченная.[15]

Неизбежно возникает вопрос: почему именно начало 80-х годов XV в. ознаменовано пробуждением интереса к договорным формулам 60—70-х годов, за которыми лежала десятилетняя-двадцатилетняя давность? Объяснение этому я вижу в том, что как раз в названное время в великокняжеской московской канцелярии шла работа по уточнению формуляра междукняжеского договора, а также, как увидим ниже, и формуляра удельно-княжеского завещания.

4 апреля 1482 г., т. е. по прошествии одного — двух десятилетий после докончаний начала княжения Ивана III, вступил в силу новый договор между ним и Михаилом Андреевичем, согласно которому последний передал московскому великому князю свою отчину Белоозеро, сохранив только за собой право пожизненного ею владения: «А что моя отчина Белоозеро, чем мя благословил [отец] ь мои князь [Андреи Дмитр]иевич, и тебе, моему господину великому князю, и твоему сыну великому князю тоее моее [отчины Белаозера подо мною бл]юсти и не обидети, ни вступа[тися до мое]го живот[а. А после свое]го живота ту свою [отчину Белоозеро дал есми тебе своему] господину великому княз[ю, и с волостьми, и з селы, и з слободами, и со всеми пошлинами, что к Белуозеру потягло], со всем по тому, как было за мною князем Михаилом Андреевичем, и грамоту е[сми свою н]а т[о тебе дал]».[16] Остальные вотчинные владения Михаила Андреевича — Верея и Ярославец утверждены за ним и его сыном Василием.[17]

Наиболее правдоподобным будет допущение, что как раз в 1482 г., в связи с подготовкой акта присоединения Белоозера к владениям московского великого князя, и было отдано предписание дьякам дать на основе имеющихся архивных материалов необходимую историческую справку

---

[14] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 48. СГГД, т. I, стр. 225, № 93.

[15] «Тетратка, лета 6990-го, а в ней писаны списки з докончалных грамот великого князя Ивана Васильевича со князем Михаилом Ондреевичем и князя Михаила Ондреевича с великим князем Иваном Васильевичем». ЦГАДА, опись Посольского приказа 1626 г., л. 30—30 об. Кроме того, описи 1614 и 1626 гг. указывали и подлинные докончальные грамоты Ивана III с Михаилом Андреевичем верейским и отдельные списки с них. См. опись 1614 г., лл. 13 об.— 14, 15, 16—16 об., 17 об., 18, 21 об., 22—22 об., 24, 25—25 об.; опись 1626 г., лл. 30—33 об., 35—36. См. также опись XVI в. ААЭ, т. I, стр. 341 (ящик 59).

[16] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 65—66. СГГД, т. I, стр. 273—279, № 113—114. Дефектный текст № 65 восстановлен по противню № 66.

[17] В договор 1482 г. был включен сын Михаила Андреевича Василий. Михаил Андреевич и Василий Михайлович должны были целовать крест уже не одному Ивану III, но и его сыну Ивану Ивановичу Молодому.

о взаимоотношениях Московского великого и Верейского удельного княжений. Частный вопрос о Белоозере получил большое принципиальное политическое значение, поскольку речь шла вообще о переходе удельных князей на положение прекарных пожизненных или наследственных держателей. Для них стиралась грань между службой великому князю с собственной вотчины или с великокняжеского пожалования. Поэтому передача Василием Темным Михаилу Андреевичу на прекарном праве Вышгорода, по великокняжеской же инициативе взятого обратно, могла служить историческим прецедентом для решения дела о Белоозере. Актом формального отказа от своих вотчинных прав Михаил превращал свой Белоозерский удел в категорию пожизненных держаний, обязанных службою московскому великому князю. Для оформления этих отношений в виде соответствующих параграфов докончальной грамоты требовалась серьезная работа юридической мысли. Последняя шла по пути обоснования служебно-вассального подчинения удельных князей великому князю московскому, независимо от происхождения владельческих прав на территорию уделов. Именно так подходят к вопросу о положении удельно-княжеских вотчин рассмотренные выше пометы на грамотах Михаила Андреевича, которые незаслуженно ускользали от внимания исследователей.[18] Повторяю, я склонен датировать их 1482 годом, так как их подлинный смысл расшифровывается в свете исторических событий этого времени, относящихся к приобретению Москвой прав на Белоозеро. Становится понятным знак равенства, поставленный между прекарием и докончанием применительно к Вышгороду, по аналогии с которым должен был владеть отныне Белоозером Михаил верейский, занявший положение «молодшего», «под всею братьею великого князя».

Рассмотрение других документов великокняжеского архива подтверждает те выводы, к которым мы пришли выше. В те же годы (1481—1482) Иван III производил общий пересмотр своих отношений со всеми удельными князьями. В этих целях из архива были извлечены договоры Ивана III с его братьями — Андреем Васильевичем углицким и Борисом Васильевичем волоцким 1472—1473 гг.

Известны три договорных грамоты, относящиеся к этому времени: две на имя Андрея и одна на имя Бориса. Первое докончание с Андреем Васильевичем сохранилось только в виде неутвержденного списка (проекта, составленного от его имени).[19] Из текста грамоты ясно, что она была написана до сентября 1472 г., когда после смерти удельного князя Юрия Васильевича дмитровского[20] был поднят вопрос о судьбе его выморочного удела. Второй договор с Андреем дошел до нас в двух тождественных экземплярах, каждый из которых содержит по два текста, от лица обоих участников соглашения.[21] В конечном протоколе указана дата заключения договора — 14 сентября 1473 г. На обороте последнего экземпляра находится следующая помета: «Докончялная княжа Андреева Болшего передняя, что кончил с великим князем лета 82, а как кончял с великим князем вдругоряд, коли отступал на Луки, ино ся докончалная у него взята лета 89 февраля». Другим, поздним почерком внесены некоторые дополнения: в начале пометы — «две грамоты»; в конце ее —«ветха». Отрешаясь от этих

---

[18] Впервые на эти пометы обратил внимание А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 418—419.

[19] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 50. СГГД, т. I, стр. 228—230, № 95. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 66—71, № 72.

[20] ПСРЛ, т. IV, стр. 244; т. VI, стр. 32; т. VIII, стр. 175; т. XII, стр. 150.

[21] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 54 и 57. СГГД, т I, стр. 239—244, № 99—100, и стр. 244—249, № 101—102. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 71—82, № 79—80.

позднейших вставок и обращаясь к основной записи, мы извлекаем из нее драгоценные указания на время и обстоятельства изъятия Иваном III у своего брата рассматриваемой сейчас докончальной грамоты. Это произошло в феврале 1481 г., вскоре после знаменитого нашествия на Русь золотоордынского хана Ахмата и встречного похода против него на реку Угру русских войск. Татарское нападение, как известно, совпало с внутренней междукняжеской распрей. Удельные князья Андрей и Борис Васильевичи вошли в соглашение с польским королем Казимиром IV и еще в конце 1479 г. «отступили» от великого князя московского, двинувшись в Новгородскую область и расположившись со своими отрядами в Великих Луках. Летописные сообщения свидетельствуют о том протесте, который вызывали в среде удельных князей самовластные действия Ивана III, последовательно стремившегося к единодержавию; считавшего, что его новые территориальные приобретения не подлежат разделу с братьями; предъявлявшего права на выморочные уделы; боровшегося с боярскими отъездами и склонного трактовать удельных князей как прекарных держателей, обязанных всецело подчиняться суверенитету великого князя московского. В Софийской второй летописи содержится красочный рассказ о том, как «... князь Борис Васильевич посла ко князю Ондрею Вавильевичу углецкому, брату своему болшому, жалуяся на великого князя: что какову силу чинит над ними, что не волно кому отъехати к ним; они ему молчали — князь Юрий умер, брат их старейший, и князю великому вся отчина его досталася, а им подела не дал из тое отчины; Новгород Великий взял с ними, ему ся все подостало, а им жеребья не дал из него. А нынеча и зде силу чинит — кто отъедет от него к ним, и тех безсудно емлет, уже ни за бояре почел братью свою: а духовные отца своего забыл, как написал, по чему им жити, ни докончания, что на чем кончали после отца своего».[22] Особенно остро стоял вопрос относительно удела умершего без наследников Юрия Васильевича. Вопреки желанию Андрея и Бориса, Иван III оставил этот удел целиком за собой. Феодальная междукняжеская война в тот момент, когда стране угрожала татарская опасность, была не в интересах Ивана III. В силу этого он пошел на какие-то уступки своим братьям. Посредницей в переговорах московского князя с братьями выступила их мать княгиня Мария Ярославна, которая послала сказать Андрею и Борису Васильевичам, что Иван III «в докончание их приимает и княжь Юрьеву отчину с ними делит».[23] Помощь братьев оказала свое влияние на исход «стояния» на Угре: Ахмат не принял боя и отступил.

Мы коснулись всех изложенных событий в связи с приведенной выше, краткой, но необычайно интересной пометой на докончальной грамоте Андрея Васильевича 1473 г. Она была затребована от него и поступила в великокняжеский архив в феврале 1481 г., и тогда же Иван III заключил новый договор с Андреем.[24] Сопоставим это с тем, что было сказано выше относительно докончальных грамот Михаила Андреевича верейского: надписи на их обороте от 1482 г. почти одновременны с пометой на тексте докончания Андрея углицкого 1473 г. Очевидно, в это время действительно на основе архивных материалов пересматривался формуляр междукняжеского договора. И толчок этой работе над документами государственного архива был дан крупнейшим событием в истории Русского национальн-

---

[22] ПСРЛ, т. VI, стр. 222.

[23] А. Е. Пресняков. Иван III на Угре. Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, СПб., 1911, стр. 287.

[24] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 58 и 60 (договор в двух экземплярах; каждый содержит по два текста, от лица обоих участников). СГГД, т. I, стр. 253—259, № 106—107; стр. 259—265, № 108—109. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 119—146, № 89—92.

ного государства — свержением татарского ига, достигнутым в результате ликвидации внутренней феодальной распри. Временно, в условиях внешнеполитических осложнений, пойдя на компромисс с братьями, Иван III, после того как опасность миновала, не был склонен исполнять своих обещаний и в договоре с Андреем, оформленном 2 февраля 1481 г., вернулся к прежним политическим позициям. Поэтому мне кажется, что помета на первом докончании этого удельного князя не случайно упоминает о его отступлении к Лукам Великим, прямо, таким образом, ставя архивные разыскания 1481 г. в связь с политическими событиями конца 70-х — начала 80-х годов.

Такое же наблюдение можно сделать и в отношении договорных грамот Бориса Васильевича волоцкого. От 70-х годов, как указано, нам известен один договор.[25] В нем отсутствует дата, которая устанавливается по находящемуся в том же архиве списку с этой грамоты, имеющему заголовок: «Лета 81, княжа Борисова, фев[раля] 13».[26] Таким образом, заключение докончания падает на 13 февраля 1473 г., за семь месяцев до аналогичного соглашения Ивана III с Андреем Васильевичем. Ниже мы несколько подробнее остановимся на упомянутом списке. На подлиннике (экземпляре от имени Бориса) находим с оборотной стороны следующую помету: «князя великого с князем з Борисом первая, а у другово докончанья своего противня сей грамоте князь Борис великому князю не дал, а сказал, что подрана и сожжена». «Другое докончанье» состоялось в 1481 г., одновременно с аналогичным соглашением с Иваном III Андрея углицкого («как кончял с великим князем в другоряд, коли отступал на Луки...»). Великокняжеские договоры с удельными князьями часто сопровождались изъятием у них предшествующих грамот, становившихся ненужными и подлежащих замене. Поэтому, когда Иван III помирился с двумя своими братьями во время нашествия Ахмата, он пожелал, чтобы они оба вернули в московскую казну договорные грамоты 1473 г. Андрей, как мы видели, так и сделал. Борис отказался передать московскому великому князю принадлежавший ему противень, мотивируя свой отказ тем, что во время распри он был порван и предан сожжению. Это очень интересная деталь, указывающая на то, что автор пометы понимал значение политических документов в качестве орудия борьбы во время феодальных усобиц и считал нужным это подчеркнуть.

К какому же времени относится эта помета? К тому самому моменту, что и запись на рассмотренной выше договорной грамоте 1473 г. Андрея Васильевича, т. е. к 1481 г. 2 февраля этого года, как мы видели, Иван III заключил новый договор с Андреем, и в тот же самый день было подписано аналогичное соглашение и с Борисом Васильевичем.[27] Бросается в глаза чисто внешнее сходство в терминологии обеих помет («у другово докончанья», «а как кончял... в другоряд») и их одинаковая политическая ориентация: устремление интереса к событиям столкновения Ивана III с братьями и попытка охарактеризовать позицию последних после выступления под Великими Луками.

Целый ряд наблюдений над сохранившимися материалами третьей четверти XV в. склонял нас к выводу о том, что в 1481—1482 гг. в Москве разрабатывался формуляр междукняжеского докончания, и в связи с этой

---

[25] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 51-а и 51-б. Современный список с № 51-а — т а м ж е, № 52. СГГД, т. I, стр. 234—238, № 97 и 98. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 50—60, № 75—76.

[26] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 53.

[27] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 63-а и 63-б. СГГД, т. I, стр. 265—270, № 110—111. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 102—113, № 86—87.

работой была мобилизована документация великокняжеского архива. Но решающим аргументом в пользу выдвинутой гипотезы является анализ имеющихся в нашем распоряжении черновых списков (проектов) договорных грамот Ивана III и его братьев Андрея и Бориса 2 февраля 1481 г., большинство которых до сих пор не было известно в печати.

В основе опубликованных в «Собрании государственных грамот и договоров» соглашений 1481 г. лежат правленные в великокняжеской канцелярии тексты докончаний 1473 г. По специальному великокняжескому предписанию были скопированы подлинные договоры 1473 г. (февральский — с Борисом, сентябрьский — с Андреем).[28] На обороте копий сделаны пометы, указывающие на их назначение: «княжа Борисова с старых черненая», «княжа Андреева с старых черненая». Бумага, на которой дошли до нас копии, несомненно начала 80-х годов XV в. Водяной знак в обоих случаях одинаковый — голова быка с короной. На бумаге с таким же водяным знаком написан беловик договорной грамоты Ивана III с Андреем Васильевичем углицким 2 февраля 1481 г.[29] Поэтому и проект этой грамоты, «черненый» с докончания 1473 г., мы вправе датировать 1481 годом.

По названным копиям с подлинных текстов 1473 г. прошлась редакторская рука, подготовив проекты соглашений 1481 г. Какие же были внесены изменения?

В договоре 1473 г. обязательства удельных князей давались в отношении великого князя Ивана Васильевича и его сына «великого князя Ивана». Кроме того, Иваном III в ряде параграфов упоминались также другие «мои дети, которых мне даст бог». В 1481 г. состав княжеской семьи увеличился и поэтому выражение: «мои дети, которых мне даст бог», было всюду зачеркнуто и заменено другим: «меньшие мои дети».

В соглашении Ивана III с Борисом Васильевичем редакторская правка особенно коснулась тех мест текста, где речь шла о выморочном уделе князя Юрия Васильевича. Это и естественно, так как из-за него разгорелась распря 1479—1480 гг. В договорной грамоте 1473 г. Борис брал на себя обязательство «блюсти» под великим князем, «не обидети», «ни вступатися» и «ни подыскивати никоторою хитростью» удела Юрия Васильевича «в Москве, да и городы, и волости и села». Эти весьма неопределенные указания на территорию уделов были уточнены путем сравнительно большой вставки сверху в список, из-за которой текст принял следующий вид: «удел... Юриев Васильевич в Москве, треть княжа Володимеровская Андреевичя, и год княж Костянтиновской Дмитреевичя, также и городы Дмитров, Ростов, Можаеск, Серпухов, Хотунь». Словом, состав удела определен согласно с завещанием Василия Темного.[30] Несколько ниже удел Юрия Васильевича упоминается снова в связи с тем, что Борис дает обещание «блюсти и... ни подыскивати» его не только под Иваном III, но после его смерти, под его сыном и княгинею-вдовою. В этом случае уже не перечисляются владения, входящие в состав удела, но в связи с разъяснениями, данными выше, к слову «удел» прибавляется эпитет «весь».[31] Мне представляется очень интересным, что по вопросу об уделе Юрия дмитровского наводилась справка в завещании Василия Темного. Как я постараюсь показать ниже, в 80-х годах XV в. были извлечены из

---

[28] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 53 и 55. См. также «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 60—66, № 77.

[29] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 60. Водяной знак по Лихачеву № 1155.

[30] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 21. СГГД, т. I, стр. 202—203, № 86. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 415—416, № 65.

[31] В договоре Ивана III с Андреем Васильевичем 1473 г. параграф об уделе Юрия Васильевича был уже дан в той редакции, которая для докончальной грамоты с Борисом Васильевичем принята лишь в 1481 г.

государственного архива и скопированы в политических целях не только договорные, но и духовные грамоты московских князей. В качестве источника для уточнения формуляра договора Ивана III с его братьями была, например, использована духовная Софьи Витовтовны.

В тексте договора с Борисом Васильевичем волоцким, перерабатываемого начерно в проект соглашения 1481 г., были внесены также некоторые изменения в параграф, посвященный вопросу о селах, переданных Борису, с разрешения Василия Темного, боярыней Марией Федоровной Голтяевой, матерью боровского князя Василия Ярославича. По грамоте 1473 г. великий князь сохранял за собой в отношении них право суда и дани: «А что отець наш князь великий поволил своей боярыне Марье Федорове Федоровичя Голтяеве дати тобе свои села, и тобе те села ведати по тому, как были за Мариею. А суд и дань на тех селех наша, великих князей». В редакции 1481 г. были выработаны новые условия, с учетом интересов удельного волоцкого князя. Среди сел, поступивших к Борису от Марии Голтяевой, различаются две категории: села, расположенные в пределах великого княжения (т. е. Коломне, Владимире, Костроме), с одной стороны, и московские — с другой. Первые должны быть подведомственны судом и данью Борису волоцкому. Что касается последних, то их волоцкий князь должен «держати» на том же праве, на котором было основано «держание» московских сел братьями Василия Темного: «А что отець наш князь велики поволил своей боярине Марье Федорове Федоровичя Голтяеве дати тобе свои села в нашей отчине в великом княженье, и в духовной отца нашего те села написаны, и тобе, брате, те села ведати и з судом и з данью. А нам в то ся не вступати. А которые села подавала тобе Марья в Москве, а те села тобе держати, по тому, как при отце нашем при великом князи его братья держали свои села Московские». Показательно также, что весь этот параграф при переработке его в проект соглашения 1481 г. в чисто редакционных целях был перенесен в другое место, именно туда, где речь идет о составе территории Московского великого княжества и Волоцкого удела.

В тексте договора с Андреем Васильевичем редакции 1473 г. было также сделано несколько вставок аналогичного характера. В состав удела Андрея включено пожалование великого князя — Калуга «с волостьми, и с путьми, и з селы». Это очень ценное указание, если сопоставить его со свидетельством летописей о том, что во время конфликта с братьями в 1479 г. Иван III предлагал Андрею к его наследственному уделу Алексин и Калугу, но тот не соглашался мириться.[32] Теперь, когда примирение уже состоялось, эта уступка была зафиксирована черновиком подготавливаемого соглашения.

В том же черновике подробно перечислены села, переданные Андрею великою княгинею Мариею Ярославной, супругой Василия Темного. Этот список служит дополнением к грамоте 1473 г., согласно которой за Андреем значится, в качестве «пожалованья» его матери Марии Ярославны, Романов городок и городок Усть-Шексны, приобретенные у шехонских князей, а также соляной городок в Ростове.[33] Очевидно, эти вла-

---

[32] ПСРЛ, т. VI, стр. 20, 223; т. VIII, стр. 204; т. XII, стр. 198.

[33] Дополнительно, в черновом проекте договора 1481 г. указаны следующие села с деревнями, купленные Марией Ярославной и переданные ею Андрею: в Переяславле — Микитское; в Ростове — Покровское, Савинское, Коломерь; в Костроме — Михайловское Сабурова, Колдомское, Новое, Семеновское, Фоминское, Антоновское, Юмышов, погост у Юрия святого в Лезговце, Никола святый; в Устюге — Левонтьевское, Пятницкое, Воскресенское в Вондокурье, Словеньское, Мануйловское; в Муроме — на Елне Ивановское; в Коломне — Чухистово; в Москве — Лутцкие, Павшинское, Петровские Константиновича на Истре, Тешилово.

дения, включенные в добавочный список 1481 г., были спорными у московского великого и углицкого удельного князей. В целях примирения Иван III счел возможным уступить их брату. На тех же началах, как и Борис волоцкий, Андрей должен был «ведати и з судом и з данью» села, расположенные в пределах великого княжения (в Ростове, Муроме, Коломне и т. д.). «Держание» московских сел Андреем Васильевичем подчинялось принципам, выработанным в княжение Василия Темного для братьев последнего.

Изменения, внесенные в списки с договорных грамот 1473 г. и рассмотренные нами выше, не были окончательными. Переписанные вторично, они подверглись новой правке и дали, таким образом, второй (черновой) вариант проекта соглашений 1481 г.[34] Этот проект еще раз вернулся к пересмотру территориальных взаимоотношений между Иваном III и его братьями — удельными князьями.

Во второй проект договора с Борисом Васильевичем включен специальный пункт, согласно которому волоцкий князь не должен предъявлять никаких претензий относительно Великого Новгорода: «Такоже ти, брате, в нашу вотчину в Великий Новгород и во вся в Ноугородская места не вступатися, и блюсти, и не обидети, ни подыскивати всего нашего великого княжения подо мною под великим князем, и под моим сыном под великим князем, и под меншими моими детми никоторою хитростью».[35] Ниже, в тексте докончания имеется аналогичная вставка: после смерти великого князя московского Борис Васильевич должен «блюсти» под его сыном Иваном и княгиней-вдовой с меньшими детьми «вотчины моее (великокняжеской) Велнкого Новагорода, и всех Ноугородских мест, всего нашего великого княженна». Политический смысл этих добавочных статей станет ясным, если мы вспомним, что во время распри Ивана III с братьями последние упрекали московского князя в том, что он «Новгород Великий взял с ними, ему ся все подостало, а им жеребья не дал из него».

Если параграф о Новгороде был внесен в текст докончания по требованию московской стороны, то в интересах волоцкого князя подверглись вторичной редакции некоторые условия, имеющие значение для целости и безопасности его удела. Относительно сел, полученных Борисом от Марии Голтяевой в пределах великого княжения и подведомственных ему судом и данью, второй черновой проект счел нужным указать от имени московского князя, что последний гарантирует неприкосновенность этих владений: «и того, всего мне, великому князю, под тобою блюсти и не обидети».[36] Кроме того, имевшийся в первом правленном черновике параграф, в общей форме говоривший о «блюдении» Иваном III вотчины жены и детей Бориса Васильевича в случае его смерти, был уточнен: в составе «отчины» еще раз указан Вышгород, перешедший на прекарном праве к Борису, после изъятия его у Михаила Андреевича верейского, и села, «что подавала» Мария Голтяева. Это внимание к Вышгороду необходимо сопоставить с разобранными выше пометами, сделанными в начале 80-х годов XV в. на договорных грамотах Ивана III с Михаилом Андреевичем, в которых вопрос о Вышгороде занимал центральное место. Это обстоя-

---

[34] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 56 (текст договора с Андреем) и 64 (текст договора с Борисом). См. также «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 114—118, № 88.

[35] Это и некоторые другие дополнения сделаны на отдельных листочках, случайно пришитых к черновику договора Ивана III с Андреем Васильевичем (!) более позднего времени. ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 75.

[36] В первом правленном черновом проекте эта фраза читалась выше и не была непосредственно связана с упоминаемыми договорами пожалованиями Марии Голтяевой.

тельство еще лишний раз подтверждает наш основной тезис об общем пересмотре в 1481—1482 гг. текстов междукняжеских соглашений.

Точно определена доля участия Бориса волоцкого в уплате ордынского выхода: «в тысячу рублев шестьдесят рублев с рублем да десять алтын з денгою». По договору 1473 г. и первому черновому проекту 1481 г.: «выход ти мне давати по тому, как еси давал мне после отца моего великого князя».

Во втором черновике докончальной грамоты Ивана III с Андреем углицким, в параграфе о передаче последнему «в вотчину и в вудел» Калуги, это владение было заменено Можайском. Очевидно, расхождение московского князя со своим братом по вопросу о Калуге, отмеченное летописью для 1479 г., продолжалось и во время дальнейших переговоров, в результате которых вместо Калуги остановились на Можайске. В связи с этим, в числе городов, входивших в состав выморочного удела Юрия Васильевича, которые обязался «блюсти» под великим князем Андрей Васильевич (Дмитров, Можайск, Ростов, Серпухов, Хотунь), Можайск, как перешедший к Андрею, был вычеркнут, а вместо него вставлена Медынь.[37] Этот город фигурирует в числе владений, переданных Юрию Васильевичу по завещанию Василия Темного, но он отсутствует в описании тех городов, перешедших из удела Юрия к Ивану III, которое дает первый черновой проект договора 1481 г. Повидимому, вопрос о том, какое пожалование получит Андрей (Калуга, Медынь или Можайск), был еще не решен. Остановившись на Можайске, второй черновой проект в параграф о его передаче Андрею Васильевичу с волостями и селами внес оговорку, несколько ограничивавшую объект пожалования: «опрочь тех сел и деревень, что есмь подавал монастырем и бояром и детем боярьским».

Все то место первого чернового проекта, где речь идет о пожаловании Андрею сел великой княгиней Марией Ярославной, во втором черновике было снова зачеркнуто, поскольку вопрос об их закреплении во владении Андрея Васильевича, повидимому, еще не был окончательно решен Иваном III. При этом в зачеркнутом тексте был выделен специально раздел о купленном Марией Ярославной в Ростове соляном колодце: «А что мати наша великая княгини дала тобе в нашей отчине в великом княженье в Ростове куплю свою колодязь солоной у Соли у Ростовские, и тот колодязь твой и есть». Над указанным текстом помещена специальная помета — «поговорити о колодязе», — свидетельствующая о том, что принадлежность колодца Андрею являлась в глазах московского великого князя спорной и должна была стать предметом дискуссии.

В черновиках обоих соглашений (и с Борисом, и с Андреем), при вторичной их переделке, вычеркнута статья относительно возможного «приема» великим князем «в свою землю» кого-либо из татарских царевичей: «А будет, брате, мне, великому князю, и моему сыну великому князю иново царевичя отколе приняти в свою землю своего для дела и христиньсково для дела, и тобе и того держати с нами содново». Эта статья первоначально следовала за обязательством братьев Ивана III «держати» вместе с ним «содново» касимовского царевича Даньяра.

Докончание Ивана III с Борисом волоцким 1481 г. известно лишь в двух черновых проектах и оформленном беловом экземпляре. Договор же между Иваном III и Андреем углицким имеет три черновых варианта, предшествующих окончательному беловому тексту.[38] Третий черновик

---

[37] Та же поправка внесена во второй черновой проект договора с Борисом Васильевичем.

[38] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 59, 61, 62 (черновые списки договора с Андреем: третий вариант); № 58 и 60 (беловые экземпляры договора с Андре-

отличается от первых двух некоторыми новыми разночтениями. Так, уже во втором черновом тексте параграф, касающийся «пожалования» великим князем Андрею Васильевичу Можайска, содержал оговорку о том, что это «пожалование» не распространяется на села и деревни, переданные Иваном III боярам и детям боярским. Теперь были уточнены отношения этих боярских земельных владений по суду и дани к удельному князю: «а на тех селех суд и дань твоа по земле».

Очень большие изменения находим в списке сел, приобретенных по купчим грамотам великой княгиней Марией Ярославной и переданных ею Андрею. Как уже выше было указано, вопрос об этих селах возбуждал разногласия между московским великим князем и его братом. Принадлежность ряда земельных владений, упомянутых предшествующими черновыми проектами, нуждалась в дополнительном выяснении. Поэтому в третьем варианте договорной грамоты список недвижимостей, перешедших от Марии Ярославны к Андрею Васильевичу, сильно сократился. Так, исчезло упоминание о соляном колодце в Ростове, относительно которого уже второй черновой проект требовал особого расследования. Появилась специальная статья, в силу которой в составе земельных приобретений Марии Ярославны выделялись земли, коммендированные ей боярами, монастырями, слугами: «А что мати наша великая княгини к своим селом х куплям своим ко всем, которые села тобе подавала, приняла земль боярьских, и монастырьских, и служних, и черных, и нам тех земель обыскати и очистити».[39]

Договор с Андреем Васильевичем (в третьем черновом варианте), как и договор с Борисом, был дополнен статьей, согласно которой углицкий князь обязался не вступаться в великокняжескую «вотчину» — Великий Новгород и «Новгородские места». Затем была зафиксирована сумма, причитающаяся на долю Андрея при уплате ордынского выхода: в тысячу рублей — 100 рублей 3 алтына 3 деньги.

Все черновые варианты, отразившие различные последовательные стадии работы над окончательной редакцией соглашений 1481 г., были отданы на хранение в великокняжеский архив и подобраны в виде одной связки, на которой сделана соответствующая помета: «В сем свяску десять списков з докончалных; с сех написаны докончальные лета 80 девятого февраля 2». Такая намеренная систематизация показывает, что выработка формуляра междукняжеского договора была делом политической важности. Очевидно, в силу великокняжеских инструкций следовало сохранить для всевозможных последующих справок документы, положенные в основу этой работы. На беловом экземпляре договора Ивана III с Андреем Васильевичем находим помету: «Новая княжа Андреева лета 89».[40] Этот эпитет «новая», данный, очевидно, документу в противоположность тексту соглашения 1473 г., подчеркивает, что прежний формуляр подвергся изменениям.

Окончательная (беловая) редакция докончаний 1481 г. отличается еще некоторыми новыми (незначительными) вариантами по сравнению

ем); № 63 (беловик договора с Борисом). Беловые экземпляры докончаний с Андреем и Борисом напечатаны: СГГД, т. I, стр. 253—265, № 106—109; стр. 265—270, № 110—111; «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 102—113, № 86—87; стр. 119—146, № 89—92.

[39] В окончательной редакции своего докончания с Андреем Васильевичем Иван III признал за ним следующие села, полученные от Марии Ярославны: в Ростове — Покровское, Тереньтьевское, Тимофейково, Погорелка, Болдырево, Трепарево, Толмачево, Павловское; в Переяславле — Микитское и Лосево; в Москве — Тешилово с деревнями в Радонеже и Белях; купли в Вышгороде.

[40] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 60.

с рассмотренными выше черновыми проектами. Останавливаться на всех этих расхождениях не представляется интересным. Приведенного материала вполне достаточно для освещения вопроса о том, в какой мере документы великокняжеского архива были использованы при разработке условий договорных взаимоотношений Ивана III с братьями.[41]

Я решаюсь также высказать предположение, что во время обсуждения вопроса об уделах Андрея и Бориса Васильевичей и Михаила Андреевича в 1481—1482 гг. были привлечены договоры Василия Темного с Василием Ярославичем серпуховско-боровским. Надо сказать, что из летописного описания событий усобицы между Иваном III и его братьями вытекает, что Борис волоцкий претендовал как раз на удел Василия серпуховско-боровского. Кирилло-белозерский летописец, хранящийся в рукописном собрании Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР, рассказывает, что Иван III предполагал дать Борису Суходол.[42] Софийская вторая летопись говорит, что московский великий князь «дасть... князю Борису села Ярославичевы (т. е. Василия Ярославича. — *Л. Ч.*) все делярные».[43] Наконец, Воскресенская и Никоновская летописи свидетельствуют, что Иван III «князю Борису отступися сел его»[44] (очевидно, как это вытекает из сопоставления с Софийской летописью, из Серпуховско-Боровского удела). Актовый материал дополняет показания летописей. Из договора 1473 г. мы знаем, что Иван III пожаловал Бориса Вышгородом и что, с разрешения Василия Темного, мать Василия серпуховско-боровского Мария Голтяева передала волоцкому удельному князю свои села.[45] Сопоставляя эти данные с договорами между Василием Темным и Василием Ярославичем, видим, что в них упоминаются пожалованные последнему московским великим князем «в вудел и в вотчину» Суходол и Вышгородские волости,[46] следовательно, как раз те владения, которые в 1481 г. стремился получить и частично получил для себя Борис Васильевич волоцкий. В связи с этим, повторяю, вполне допустимо думать, что в 1481 г., при рассмотрении вопроса об уделе Бориса, в московском великокняжеском архиве, наряду с другими документами, наводились справки и в грамотах Василия Ярославича.

Очень интересны те наблюдения, которые можно сделать в отношении помет на обороте последней по времени докончальной грамоты Василия Темного с Василием серпуховско-боровским.[47] Этих помет три, причем они нанесены в разных местах с оборотной стороны документа и разными почерками: 1) «Ярославичевы»; 2) «четыре их»;[48] 3) «последняя». В «Собрании государственных грамот и договоров» все три приведенные разновременные записи даны без всяких оговорок, в виде единого текста. Это мешает их правильной интерпретации. Обращение к оригиналу делает

---

[41] Упоминание о договорных грамотах Ивана III с Андреем и Борисом Васильевичами находим в архивных описях XVI—XVII вв. ААЭ, т. I, стр. 340—341 (ящики 45 и 59). ЦГАДА, Гос. древлехранилище, опись 1614 г., лл. 14 об.— 16, 19—26; опись 1626 г., лл. 24 об.— 30 об., 36 об.

[42] А. Е. Пресняков. Иван III на Угре. Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, СПб., 1911, стр. 297.

[43] ПСРЛ, т. VI, стр. 232.

[44] ПСРЛ, т. VIII, стр. 213; т. XII, стр. 212.

[45] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I; рубр. II, № 51. СГГД, т. I, стр. 235, № 97.

[46] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 36 и 42. СГГД, т. I, стр. 157, № 71; стр. 196, № 84.

[47] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 42. СГГД, т. I, стр. 201, № 85.

[48] Имеются в виду четыре договорных грамоты между Василием Темным и Василием Ярославичем серпуховско-боровским: ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 14, 36, 37, 40, 42. СГГД, т. I, стр. 90—92, № 45; стр. 156—168, № 71—74; стр. 177—184, № 78—79; стр. 195—201, № 84—85.

бесспорным следующий вывод: перед нами следы того, что грамоты Василия Ярославича подбирались и подвергались просмотру не менее трех раз. В первый раз названные документы могли заинтересовать московскую великокняжескую канцелярию в 1456 г., в связи с арестом серпуховско-боровского князя.[49] Затем внимание к ним было привлечено, очевидно, в 1462 г., в связи с заговором серпуховских детей боярских для освобождения Василия Ярославича из заточения.[50] Наконец, в 1481—1482 гг. грамоты снова появляются на сцене во время конфликта и примирения Ивана III со своими братьями.

§ 2. Изменение в 80-х годах XV в. формуляра духовных грамот удельных князей московского дома

Если в 1481—1482 гг. стоял вопрос о выработке формуляра договорной грамоты, то в 1485 г. со стороны великокняжеской власти было обращено внимание на формуляр духовного завещания. Это находилось в связи с присоединением Белоозера к Москве.

4 апреля 1482 г. Иван III, как было указано выше, заключил договор с Михаилом Андреевичем верейским и белозерским, согласно которому последний передал московскому великому князю Белоозеро, сохранив за собой право пожизненного им владения.[51] 12 декабря 1483 г. вступил в силу новый договор: ввиду отъезда в Литву сына Михаила — князя Василия Михайловича его вотчины (Ярославец, Верея) перешли на положение пожизненного владения (подобно Белоозеру), а после смерти Михаила должны были отойти к великому князю.[52] К 1485—1486 гг. относится завещание Михаила Андреевича, история составления которого еще не достаточно вскрыта в исторической литературе.[53] В «Древней Российской Вивлиофике» и в «Собрании государственных грамот и договоров» помещен текст основной духовной грамоты и восьми дополнительных (говорящих о передаче имущества князя его зятю, дочери и ряду монастырей). Но этот печатный текст имеет за собой длительную историю, которую совершенно не вскрывают указанные издания.

Прежде всего обращает на себя внимание список духовной грамоты, на котором имеется следующая помета: «Список с того списка духовного, что был князь Михайло Андреевич прислал со князем с Васильем с Ромодановским, а хотел такову духовную писати. И князь велики тот список велел перечинити».[54] Таким образом,— это верейско-белозерский проект, присланный на утверждение в Москву и не одобренный великим князем, который велел его заменить грамотой другого содержания, выработанной в великокняжеской канцелярии.

В соответствии с великокняжеским предписанием, верейско-белозерская редакция была переделана, и боярин Василий Ромодановский повез новый текст к князю Михаилу, который должен был его оформить от своего

---

[49] ПСРЛ, т. IV, стр. 132, 147; т. V, стр. 279; т. VI, стр. 181; т. VIII, стр. 147; т. XII, стр. 112; т. XVIII, стр. 212.

[50] ПСРЛ, т. IV, стр. 148; т. VI, стр. 185; т. VIII, стр. 150; т. XII, стр. 114—115; т. XVIII, стр. 212.

[51] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 65—66. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 151—164, № 94—95. СГГД, т. I, стр. 273—279, № 113—114.

[52] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, стр. 70. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 196—202, № 100. СГГД, т. I, стр. 290—292, № 118. См. также ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 21 об.; опись 1626 г., лл. 32 об.—33.

[53] Некоторые замечания по этому поводу делает А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 419—420.

[54] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 28.

имени. Этот московский проект также хранится в Государственном древлехранилище и на нем имеется следующая помета: «Таков список послан со князем с Васильем с Ромодановским ко князю к Михаилу Ондреевичу, а велено по тому духовная писати».[55] Указанный вариант, разработанный по заданию Ивана III, был почти без изменения переписан набело дьяком Михаила Андреевича, а затем беловой экземпляр оформлен в Москве подписью митрополита Геронтия и приложением его печати. К основной духовной грамоте были присоединены восемь дополнительных, напечатанных, как указано выше, в «Древней Российской Вивлиофике» и в «Собрании государственных грамот и договоров».[56]

Очень интересно близко сопоставить между собой верейско-белозерский и московский проекты, чтобы выяснить степень участия Москвы в политической редакции завещания. В московском варианте на первое место завещания, в качестве основного его пункта, выдвинута передача Михаилом Ивану III при жизни Белоозера, причем в формулировке, отличающейся от той, которую предлагал верейско-белозерский проект. Там Белоозеро фигурировало, в качестве посмертного вклада Михаила, в числе других владений его вотчины: «Да благословляю господина своего великого князя Ивана Васильевича своею отчиною, чем мя благословил отець мой князь Андрей Дмитриевич в Москве жеребьем и с пошлинами, и с огородники, и Белым-озером с волостми, и с селы, и слободами, и со всем, что к тому Белуозеру истарины потягло, со всеми пошлинами, как было при мне».

В составе белозерских владений Михаил упоминает в проекте своего завещания и те села, которые он прикупил после договора 1482 г. о передаче Ивану III Белоозера,— после смерти Михаила они также переходят к московскому князю: «А как есми дал своему господину великому князю Белоозеро, и после того прикупил есми собе на Белоозере Вашкой, да Ухтому, да пол-Мунги, а дал есми на том триста рублев да тридцать рублев, и то все моему господину великому князю».

Наряду с московским жеребьем и Белоозером первоначальный проект духовной грамоты включал в число владений, которые должны перейти после смерти Михаила к Ивану III, также Ярославец и Верею: «Да благословляю своего господина великого князя Ивана Васильевича, чем мя благословил отець мой князь Андрей Дмитриевич, Вереею с волостми, и с селы, и с слободами, и со всеми пошлинами, что к ней изстарины потягло. Да благословляю господина своего великого князя Ивана Васильевича Ярославцом с волостми, и с селы, и слободами, и со всеми пошлинами, опроче тех, которые есми дал по своей души, и с которыми пустошми, кого буду пожаловал, дал в куплю».

В московской редакции находим раздельные распоряжения относительно Белоозера, принадлежащей Михаилу части в Москве, Ярославца и Вереи. При этом указанные изменения являются следствием отнюдь не литературной правки. Перед нами — новая политическая редакция. Она ставит своей задачей уточнить те условия, на которых Михаил Андреевич отныне должен владеть различными частями своего удела, и те права, которые в отношении них может предъявлять московское правительство при жизни названного удельного князя и после его смерти. Этот вопрос московский вариант решает политически очень тонко. В проекте Михаи-

---

[55] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 29. Аналогичный список — т а м ж е, № 27.

[56] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 26. Дополнительные духовные — т а м ж е, № 30. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 216—230, № 103—104. СГГД, т. I, стр. 299—305, № 121—122. Архивные описи перечисляют различные списки духовных Михаила. См. ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1614 г., лл. 12 об., 32 об., 38, 39 об., 44—44 об.; опись 1626 г., лл. 33 об.— 35.

ла Андреевича жеребий в Москве, Белоозеро, Верея, Ярославец суммарно подводятся под понятие «отчины», перешедшей к завещателю по благословению его отца Андрея Дмитриевича. Согласно предсмертному завещательному распоряжению самого Михаила, наследником этих владений становится московский великий князь. Московская политическая версия выдвигает различные правовые основания для перехода к Ивану III каждого из трех названных владений.

Белоозеро, с которого начинает московский проект, рассматривается как прекарное держание. Оно еще при жизни Михаила, в результате его соглашения с великим князем, отошло к Москве, и Михаил до своей смерти сохраняет на него лишь права прекарного характера. Именно в этом направлении развивает московская редакция завещания формулу, относящуюся к Белоозеру: «Что моя отчина Белоозеро, чем благословил отець мой князь Андрей Дмитриевич, и яз благословил, дал есми ту свою вотчину Белоозеро своему господину и государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси при своем животе, и с волостьми, и с путми, и с селы, и с слободами и со всем, что к Белуозеру изстарины потягло, и с своими прикупы, и со всеми пошлинами, как было за мною». Это краткое выражение — «и с своими прикупы» — заменило имевшийся в верейско-белозерском проекте детальный перечень покупок Михаила в пределах Белоозера. С точки зрения прекарного права такой дополнительный перечень был излишен, так как все «примыслы» прекариста являются собственностью верховного владельца.

На иных началах, по формулировке московской редакции духовной грамоты, отходит к Москве Верея. Относительно последней московский вариант завещания считает необходимым подчеркнуть целый ряд политических моментов. Согласно выдвигаемой версии, Верея была пожалована великим князем в держание сыну Михаила — Василию Михайловичу, затем отобрана у него в связи с его побегом в Литву и передана Михаилу Андреевичу в качестве великокняжеской вотчины на началах пожизненного владения. «А что сын мой, — читаем в тексте завещания, апробированном Москвой, — князь велики пожаловал мене своею вотчиною Вереею с волостми, и с путми, и с селы, и с слободами, и со всеми пошлинами, и с отъежжими месты, что взял в своей вине оу моего сына оу князя оу Василья, а держати ми за собою до своего живота, ино после моего живота та вотчина господина моего великого князя Верея со всем его и есть».

В качестве наследственной вотчины Михаила Андреевича, которой он владеет по «благословенью» своего отца Андрея Дмитриевича, московская редакция завещания признает только жеребий в Москве и Ярославец. Указанные владения отходят к Москве после смерти удельного князя на основе его предсмертного завещательного распоряжения: «А что моя вотчина, чем благословил отець мой князь Андрей Дмитриевич жеребьем в Москве, и с пошлинами, и с огородники, и с селы, и с деловыми деревнями, также и Ярославцем, с волостьми, и с путми, и с селы, и с слободами, и со всеми пошлинами, и с отъежжими месты, со всем, что к Ярославцю изстарины потягло, и яз благословил, дал есми ту свою вотчину всю после своего живота своему господину великому князю Ивану Васильевичу всея Руси».

Указанные различия между московской и верейско-белозерской редакциями духовной грамоты Михаила Андреевича представляют наибольший интерес в политическом отношении. Остальные расхождения менее существенны, тем не менее совершенно пройти мимо них нельзя.

В московской редакции заметно стремление придать завещанию верейского удельного князя характер государственного акта и с этой целью частично освободить его от некоторых распоряжений частнохозяйственного

характера, частично дать эти распоряжения в обобщающей форме и сосредоточить их в одном месте, в конце завещания.

Так, в разных местах первоначального проекта Михаила Андреевича разбросаны указания на передачу целого ряда предметов его имущества (икон, крестов, одежды, посуды) Ивану III и его сыну Ивану Ивановичу Молодому. Эти указания чередуются с параграфами государственного характера, посвященными вопросу о политических взаимоотношениях Верейского и Белозерского уделов с великим княжением. В московской редакции все предметы домашнего обихода, которые Михаил завещал Ивану III с сыном, перечислены в конце акта, после того как исчерпан материал, имеющий политическое значение.

В верейско-белозерской редакции духовной грамоты князь-завещатель отказывал своей дочери Анастасии два села в Ярославецком уезде, сопровождая свое распоряжение оговоркой, что если великому князю понадобятся названные владения, то он может заменить их другими земельными участками. В окончательном тексте завещания, редактированном в Москве, этот пункт был сильно изменен: вместо земельного пожалования московскому князю вменяется в обязанность выдать дочери Михаила, после смерти его, 300 рублей.

В первоначальном проекте завещания Михаила содержится длинный список земельных пожалований ряду монастырей. Этот список в основном воспроизводится и в московской редакции, однако с некоторыми не лишенными интереса подробностями. Во-первых, монастыри упоминаются в иной последовательности. На первое место московский проект выдвигает белозерские монастыри и, прежде всего — расположенный в пределах Белозерского княжения знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь. В проекте Михаила Андреевича список пожалований начинался с Троице-Сергиева монастыря. Конечно, этот новый вариант нельзя считать случайным. В связи с присоединением Белоозера, еще в 1482 г., как будет указано в дальнейшем, московское правительство обратило внимание на земельные владения Кириллова монастыря и его иммунитетные привилегии и затребовало у монастырских властей документы, удостоверяющие их права. Поэтому политическими соображениями московской великокняжеской власти объясняется и та перестановка в перечне монастырей, которая была сделана в окончательной редакции завещания Михаила. Начинается этот список, как уже было указано, с Кириллова монастыря. Кроме того, в московском проекте пожалования Михаила разбиты на две категории: одни владения указаны в качестве переданных монастырям при жизни, другие фигурируют в качестве посмертных вкладов. Это различие вполне отвечает тому правовому делению, которое проводит духовная грамота в составе удела самого Михаила: категория пожизненных держаний (Верея, Белоозеро) и вотчинных владений (Ярославец). В первоначальном проекте завещания говорилось о покупке Михаилом на Белоозере, после передачи последнего Ивану III, села, пожертвованного затем в виде вклада в Кириллов монастырь. «А будет то село надобе моему господину великому князю Ивану Васильевичу,— читаем в грамоте,— и господин мой князь велики дас в Кириллов монастырь сто рублев». Окончательная редакция изъяла ссылку на акт приобретения села, исходя из предпосылки, что все «прикупы», последовавшие за договором Ивана III с Михаилом 1482 г. о присоединении Белоозера к Москве, отходят к верховному собственнику, каковым является великий князь. Поэтому же московская редакция усилила параграфы, предоставляющие великому князю право по своему усмотрению распорядиться вкладами своего двоюродного дяди: «А будут те села надобны моему господину великому князю, и он те села возьмет себе...» (за определенное денежное вознаграждение).

Московская редакция завещания делает намеренное ударение на том общем положении, что все поземельные акты и судебные решения Михаила подлежат санкции московского князя. В силу этого в духовную грамоту были внесены специальные статьи, содержащие обращение к великому князю «не порушить» его «данья», «не вступаться» в его земельные пожалования, «не посудить» «после его живота» «его судов».

Опустив ряд специальных завещательных распоряжений Михаила, многие из которых носили исключительно частнохозяйственный характер и казались несоответствующими общему характеру духовной, посвященной политическим взаимоотношениям Москвы и Верейско-Белозерского княжения, окончательная великокняжеская редакция сочла нужным подчеркнуть роль Ивана III в качестве душеприказчика Михаила Андреевича: «А опрочь того, что ни останется после моего живота моей казны, и то все господин князь велики роздасть по моей души. А приказываю душу свою помянути и долг заплатити и все разправити по своем животе своему господину и государю великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси, о всем положил есми на бозе да на нем своем господине на великом князи».

Сохранившиеся материалы московского государственного архива дают основание предполагать, что не только одно завещание Михаила Андреевича было проредактировано в великокняжеской канцелярии. Такой же правке, повидимому, подвергались и другие духовные удельно-княжеские грамоты; только в нашем распоряжении нет черновых материалов, которые помогли бы вскрыть характер московской редакции. До нас дошло (в неоформленном списке) завещание вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого, [57] составленное не позднее марта 1481 г.[58] На обороте духовной — помета: «Список з духовной великого князя Андрея Васильевича Меньшого» (другим позднейшим почерком прибавлено: «А году не написано»). Анализ документа, по-моему, убеждает, что перед нами проект, вышедший из московской великокняжеской канцелярии. Прежде всего, я обращаю внимание на помету. Эпитет «Меньшой» в отношении Андрея показывает, что автор пометы прекрасно разбирался в том, какой князь является завещателем. Тем более поражает термин: «великий князь», каковым Андрей вологодский никогда не был. Нельзя ли понимать помету в том смысле, что она имеет в виду «великокняжеский список» духовной Андрея Васильевича, т. е. список, составленный в Москве по указанию Ивана III и по намеченному им плану? Другими словами, — это такой же московский проект, как и черновой список духовной Михаила верейско-белозерского, хранившийся в государственном архиве с надписью: «Таков список послан со князем с Васильем с Ромодановским ко князю к Михаилу к Ондреевичю, а велено по тому духовная писати». Только завещание Михаила было оформлено в виде белового текста, а завещательный акт Андрея остался, повидимому, неоформленным.

Ставя вопрос о происхождении сохранившегося списка духовной грамоты Андрея Меньшого вологодского, необходимо также присмотреться к тем историческим событиям конца 70-х —начала 80-х годов XV в., участником которых он был. В 1478 г. Андрей участвовал в великокня-

---

[57] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 25. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 146—150, № 93. СГГД, т. I, стр. 270—272, № 112. См. также ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 44; Опись 1626 г., л. 45.

[58] Андрей умер в июле 1481 г. (ПСРЛ, т. VIII, стр. 213; т. XII, стр. 212). В 1481 же году в марте скончался ростовский архиепископ Вассиан Рыло, упомянутый в качестве «сидельца» у духовной. Другой «сиделец», игумен Троице-Сергиева монастыря Паисий, игуменствовал в монастыре в 1478—1482 гг. См. П. М. Строев. Списки иерархов, стр. 138.

жеском походе на Новгород; в 1479 г. находился в Москве, где, будучи больным, присутствовал при освящении Успенского собора и при перенесении туда мощей митрополита Петра; в 1480 г. выступал, по приказанию Ивана III, против хана Ахмата, после чего в 1481 г. вернулся в Москву, где и скончался и был похоронен в Архангельском соборе. Расценивая все приведенные факты, естественнее всего думать, что завещание Андрея было написано или во время болезни 1479 г. или непосредственно перед смертью, в 1481 г., причем в обоих случаях местом составления духовной могла быть только Москва.

К аналогичным выводам мы приходим и при рассмотрении биографических данных, относящихся к ростовскому архиепископу Вассиану Рыло, который «сидел» у духовной. В 1479 г. Вассиан находился в Москве, где вместе с Андреем Меньшим вологодским был на освящении Успенского собора и на перенесении мощей митрополита Петра. Тогда же он крестил в Троице-Сергиевом монастыре сына Ивана III — Василия и был приглашен Иваном III принять участие в разрешении церковного спора по вопросу о хождении посолонь при освящении церкви. Затем великий князь послал Вассиана для переговоров со своими братьями, отъехавшими к Великим Лукам. По возвращении Вассиана в Москву, в 1480 г., Иван III советовался с ним о предстоявшей войне с Ахматом. Во время похода Ивана III к Угре Вассиан оставался в Москве, откуда отправил князю на Угру послание. В марте 1481 г. Вассиан скончался.[59]

Я думаю, что самой вероятной датой завещания Андрея Меньшого следует признать февраль 1481 г., так как именно к этому времени относятся докончальные грамоты Ивана III со своими братьями Андреем Большим и Борисом Васильевичами. Выше была показана большая работа, которая производилась в начале 1481 г. в великокняжеской канцелярии над текстами великокняжеских договоров с Андреем и Борисом. Политическое значение этой работы должно еще возрасти в наших глазах, если допустить, что тогда же, одновременно с договорными актами, в московских правительственных кругах был подготовлен текст завещания от имени вологодского удельного князя. «Сидельцем» у завещания был ростовский архиепископ Вассиан Рыло, который играл видную роль в примирении московского великого князя с Андреем угличким и Борисом волоцким.

Моя попытка поставить в связь (по времени и политическим задачам) московскую редакцию духовной грамоты Андрея Меньшого с разработанными в московской же великокняжеской канцелярии проектами междукняжеских докончаний находит косвенное подтверждение в некоторых фактах более позднего времени. Список духовной Андрея вологодского писал дьяк Василий Ухтомской. Последний через несколько лет после смерти Андрея был наказан, вместе с некоторыми другими лицами, за подделку данной грамоты от имени вологодского князя Спасо-Каменному монастырю. Это случилось в 1488 г. «Тое же зимы, — читаем в летописи, — архимандрита чудовского били в торгу кнутьем, и Ухтомского князя, и Хомутова, про то, что сделали грамоту на землю после княжи Ондреевы смерти Васильевича вологодского, рекши: дал к монастырю на Каменое к Спасу».[60] В завещании 1481 г. Андрей Меньшой упоминает «манастырь Спас святы на Каменом» и принадлежащие ему села и деревни «моего данья и не моего данья», обращаясь с просьбой к великому князю освободить монастырские земли от описания и сбора дани. Почему в 1488 г.

[59] ПСРЛ, т. IV, стр. 152—154; т. VI, стр. 207—208, 210—212, 220—232; т. VIII, стр. 184—186, 188—190, 192, 198—213; т. XII, стр. 172, 189—190, 193, 194, 198, 200—203, 212.

[60] ПСРЛ, т. VI, стр. 238.

возник вопрос о землевладении Спасо-Каменного вологодского монастыря и была произведена какая-то ревизия крепостей, утверждавших его права на недвижимые имущества? Из летописного контекста вытекает, что проверка земельных пожалований покойного удельного вологодского князя Андрея Меньшого была связана с предполагавшимся в 1488 же году арестом другого Андрея — Большого, князя углицкого. Летописи рассказывают об этом эпизоде очень неясно, стараясь представить дело так, что в действительности Иван III не имел намерений захватить Андрея Большого и слух о готовящемся аресте возник по недоразумению. По летописной версии слуга Андрея углицкого, Образец Синего Кобылин, донес своему князю, что Иван III собирается его захватить: «скоромолили промеж князя Андрея углецкого слуга его Образец, яко хощет его князь великий поимати». Перепуганный Андрей намеревался «с Москвы тайно побежати и едва мысль его отвратися». Отказавшись затем от побега, он прибег к посредничеству князя Ивана Юрьевича Патрикеева с просьбой выяснить, «о чем сие хощет над ним князь великий сотворити». И. Ю. Патрикеев отказался выполнить это поручение, и Андрей Васильевич сам обратился к Ивану III. Последний «клялся небом и землею и богом сильным..., что того ни в думе у него не бывало». Выяснилось, что слух о намерениях московского великого князя в отношении его брата якобы пустил в шутку великокняжеский слуга Мунт Татищев («сплоха пришед, пошутил»). Образец же Кобылин шутку обратил в серьезное дело, желая выслужиться перед углицким князем («в правду поворотил, хотячи князю Андрею примолвитися, заньже его преже того князь Андрей в нелюбии держал»). Великий князь велел бить кнутом на торгу Мунта Татищева и собирался вырезать у него язык, но митрополит «отпечаловал» виновного.[61] Летописная версия, несомненно, тенденциозна и невольно наводит на мысль, что в шутке Мунта была доля правды. Я считаю очень показательным, что одновременно с обыском по делу Мунта Татищева производилось следствие о фальсификаторах вологодских документов — Василии Ухтомском и других, которые также были подвергнуты торговой казни. Если в 1488 г. пересмотр земельных пожалований Андрея вологодского был связан с подготовкой присоединения к Москве Углицкого княжения, то такую же связь политических действий московского правительства в отношении Вологодского и Углицкого уделов мы можем предполагать и для 1481 г. Тогда в московской великокняжеской канцелярии были в одно время составлены проекты докончаний Ивана III с Андреем Большим и Борисом Васильевичами и духовной грамоты Андрея Меньшого.

Возвращаемся теперь к анализу самого текста вологодского завещания. Не только помета на нем и общеисторические соображения выдают московскую редакцию, — еще более показательным в этом отношении является анализ отдельных формулировок документа. Такова, например, формула передачи вологодским князем своей «вотчины» Ивану III: «А что моя вотчина, чем мя благословил отец мой князь великий Василей..., и та моя вотчина вся господину моему, брату моему старейшему, великому князю Ивану Васильевичю». Точно в таких же выражениях говорится и в московской редакции духовной грамоты Михаила верейского о передаче последним московскому князю Вереи: «... ино после моего живота та вотчина господина моего великого князя Верея со всем его и есть». Верейско-белозерский проект, касаясь того же вопроса о Верее, пользовался совершенно другой терминологией, которая соответствовала иному пониманию самого существа акта перехода владения удельного князя, после

[61] ПСРЛ, т. XII, стр. 220; т. VI, стр. 238; т. VIII, стр. 217—218.

его смерти, к Москве. Проект Михаила Андреевича выдвигал в качестве юридической предпосылки такого перехода волю удельного князя-завещателя: «Да благословляю своего господина великого князя Ивана Васильевича, чем мя благословил отець мой князь Андрей Дмитриевич...» Московская великокняжеская канцелярия выработала свою формулу, которая была ею использована при составлении собственных проектов завещаний от имени верейского и вологодского князей. Выражения: «та вотчина господина моего великого князя Верея со всем его и есть» или: «та моя вотчина вся господину моему... великому князю» — говорили о том, что великокняжеские права на «вотчины» удельных князей возникли независимо от их «благословения», не создавались, а только отмечались завещательными актами и получали в них свое признание.

Из других мест духовной Андрея Васильевича вологодского, выдающих свое московское происхождение, следует, прежде всего, отметить обращение завещателя к Ивану III с просьбой «не порушить» его жалованных грамот монастырям и церквам на переданные земли: «а которые есми земли подавал в своей вотчине монастырем и церквем божиим села и деревни, и господин бы мой князь велики пожаловал, тех моих грамот не порушил». Земельные пожалования в пределах «вотчины», перешедшей к московскому великому князю, требовали санкции последнего. Это положение, как мы видели, подчеркивал и московский вариант духовной грамоты Михаила Андреевича. Наконец, подобно этой грамоте, вологодское удельно-княжеское завещание также апеллирует к великому князю московскому как к душеприказчику, ответственному за все обязательства завещателя, исполнителя его предсмертных распоряжений: «А приказываю душу свою помянути и долг заплатити, и все розправити по своем животе господину своему брату своему старейшему великому князю Ивану Васильевичу; положил есми о всем на бозе, да на нем на своем господине». Эта обобщающая конечная клаузула духовного завещания является продуктом московского правотворчества. Покрывая собою все многообразие социально-экономических отношений Московского великого княжения к удельным, она создавала правовую основу для подчинения последних Москве.[62]

Из всех рассмотренных до сих пор документов московского государственного архива с несомненностью вытекает, что 1480 год явился переломным в деятельности великокняжеской канцелярии. Именно с этого времени проявляется особенно пристальное внимание к выработке политически приемлемых для московского правительства текстов духовных и докончальных грамот. Следует поэтому сопоставить рассмотренные выше завещания Андрея Меньшого вологодского и Михаила Андреевича верейского с духовной Бориса Васильевича волоцкого,[63] составленной до похода Ахмата и княжеской усобицы 1479—1480 гг. Духовная эта была написана при интересных обстоятельствах, на которые имеются указания в начальных строках документа: «Пишу сию грамоту душевную, идучи на дело своего господина и брата старешего великого князя Ивана Васильевича к Великому Новугороду». Подразумевается поход 1477—1478 гг., закончившийся присоединением Новгорода к Москве. Борис Васильевич принимал в нем участие. Из летописей известно, что, задумав войну с Новгородом, московский великий князь послал к своим братьям предписание

---

[62] Краткие замечания о духовной грамоте Андрея Меньшого см. у А. Е. Пресняков а. Образование Великорусского государства, стр. 426—427.

[63] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 24. Опись 1614 г., л. 38 об.; опись 1626 г., л. 36 об. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 97—102, № 85. СГГД, т. I, стр. 251—253, № 105. См. также опись царского архива XVI в. ААЭ, т. I, стр. 346 (ящик 159).

выступить с ним вместе: «По сем же паки к братии своей посылает, тогда сущим уже в своих отчинах, веля им ити, коемуждо от себе к Новугороду». Отправившись в поход в конце сентября, Иван III 14 октября побывал в Волоколамске у Бориса, слушал там обедню, а затем «ел и пил» у своего брата.[64] Вероятно, в этот приезд Ивана III Борис предъявил ему составленную незадолго духовную, заканчивавшуюся поручением великому князю своей жены и сына Федора: «А приказываю своему господину и осподарю и брату старешому великому князю Ивану Васильевичу, его сыну своему господину великому князю Ивану Васильевичу (ошибочно вместо: Ивану Ивановичу), как им бог положит на сердце жаловати и печаловатися моим сыном Федором, и моею княгинею, и моими детми». Сына Федора Борисовича волоцкий князь «благословил» своею «отчиною», состав которой определен в соответствии с условиями договорной грамоты 1473 г. Духовная волоцкого князя 1477 г. не нарушала интересов Москвы, так как не шла в разрез с московско-волоцким докончанием. Иван III во время пребывания в Волоколамске, надо думать, санкционировал текст духовной грамоты своего брата. Но московской великокняжеской канцелярии в данном случае не принадлежала инициатива выработки текста. Это был не московский, а волоцкий проект, хотя и приемлемый в данное время для московского правительства. Завещание Михаила верейского в одобренной великим князем редакции имеет печать митрополита всея Руси Геронтия, грамота же Бориса волоцкого запечатана печатью его личного духовника попа Ивана. В то время как послухом у завещания Андрея вологодского, кроме духовных лиц, был великокняжеский боярин князь Иван Юрьевич Патрикеев, у духовной волоцкого князя «седели» его бояре—Андрей Федорович Голтяев и др. После размолвки с братьями, происшедшей в 1479—1480 гг., и поражения Ахмата великий князь более решительно вмешивается в завещательные распоряжения удельных князей московского дома, диктуя им свою волю.

§ 3. Копийная книга духовных и договорных княжеских грамот начала 80-х годов XV в. и уничтожение духовных грамот удельных князей

Итак, мы остановились на тех материалах московского государственного архива, которые рисуют работу над текстами междукняжеских докончаний и удельнокняжеских духовных завещаний, проводившуюся в московских правительственных кругах в начале и середине 80-х годов XV в. Работа эта, стоявшая в связи с перестройкой Иваном III своих отношений к удельным князьям, требовала, как уже говорилось выше, наведения справок в духовных грамотах предшествующих князей. Это было необходимо хотя бы для разрешения спорных вопросов, связанных с территорией отдельных уделов. Имеются все основания предполагать, что наряду с общей мобилизацией архивных фондов в 80-х годах XV в. был составлен сборник, в который вошли списки с целого ряда духовных грамот великих и удельных князей московского дома. Такой сборник копий упоминается в описи государственного архива 1626 г.: «Тетратки в четверть дести, а в них списки з духовных великих князей—великого князя Дмитрея Ивановича, да ево великие княгини Евдокеи, да великого князя Василия Дмитреевича, и великие княгини Софьи, да князя Володимера Ондреевича, да князь Юрия Дмитреевича, да князь Ондрея Дмитреевича, да князь Василья, а которого князь Василья, того не написано, да князя Петра Дмитреевича, да великого князя Дмитрея Ивановича княгине Ев-

[64] ПСРЛ, т. VI, стр. 207; т. VIII, стр. 184—185.

докеи, да великого князя Василья Васильевича, а год не написан».[65] Большинство этих списков в форме тетрадок до нас не дошло. Но одна из них, представляющая собой копию с духовной грамоты Василия Дмитриевича и по своему формату вполне отвечающая указаниям описи 1626 г., сохранилась в составе великокняжеского архива Государственного древлехранилища. На ней имеется помета: «Список с душевные великого князя Василия Дмитреевича».[66] Повидимому, перед нами фрагмент большой копийной книги, упомянутой описью 1626 г. Палеографические особенности ведут эту рукопись к началу 80-х годов XV в. Водяной знак — буква «Р» с раздвоенной конечностью, согласно данным Лихачева, встречается в рукописных памятниках 1483 г.[67] На основании наблюдений над списком духовной грамоты Василия Дмитриевича мы вправе предположить, что и все остальные копии духовных, о которых сохранила нам сведения опись 1626 г., относятся к тому же самому времени, и, таким образом, тесно связаны с политическими мероприятиями, которые проводило московское правительство в отношении Дмитровского, Волоцкого, Углицкого, Верейско-Белозерского удельных княжений.

Но этот сборник, как можно с достаточным основанием полагать, включал в себя не одни только духовные, но и договорные княжеские грамоты. Я заключаю это из сохранившихся в Государственном древлехранилище (в составе великокняжеского архива) списков с двух договоров московских князей с удельными: 1) Василия II с Иваном Андреевичем можайским 1447 г.,[68] 2) Ивана III с Андреем Васильевичем углицким 1486 г.[69] Оба названных списка по своему внешнему виду совершенно аналогичны разобранной копии духовной Василия Дмитриевича: они написаны в тетрадях того же самого формата, на той же бумаге середины 80-х годов XV в., имеющей в качестве водяных знаков различные варианты буквы «Р».

Ниже мы подробно остановимся на договоре Ивана III с Андреем Васильевичем углицким 1486 г. Что же касается докончания Василия II с Иваном можайским, то вполне понятно, почему с него была снята копия в середине 80-х годов XV в. В этом договоре шла речь о той территории, которая являлась предметом раздора между Иваном III и его братьями (Можайск, Калуга). Естественно, что московское правительство собирало документы, отражавшие политическую историю этих владений: в 80-х годах, как мы знаем, на них претендовал Андрей Васильевич Большой углицкий.

В связи с этим утраченным сборником копий, сведения о котором сохранила нам опись 1626 г., обращает на себя внимание и еще одно не лишенное интереса обстоятельство. Сборник этот упоминает некоторые духовные грамоты, которые не дошли до нашего времени, — князей Андрея и Петра Дмитриевичей, братьев Василия Дмитриевича московского.[70] У нас имеются и некоторые другие указания на существование завещания удельного можайского князя Андрея Дмитриевича. В договорах его сыновей Ивана и Михаила Андреевичей с Василием II московским мы находим ссылку на «душевную» их отца. Так, Ми-

---

[65] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., лл. 16 об.— 17. См. также опись 1614 г., лл. 40 об.— 41.

[66] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 14.

[67] Альбом Н. П. Лихачева № 1196.

[68] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 31. Подлинник — т а м ж е, № 30. СГГД, т. I, стр. 146—149, № 66. Водяной знак см. у Н. П. Лихачева, № 1199.

[69] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 74. Водяной знак см. у Н. П. Лихачева, № 1159.

[70] Архивные описи упоминают и отдельные списки духовной Андрея Дмитриевича. См. ЦГАДА, опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 13; опись 1626 г., л. 44 об.

хаил в своем докончании от 1447 г. берет с великого князя обязательство «жаловати» его и «печаловатися» им и его «отчиною» «А чем, господине князь великий, благословил отец мой мене князь Ондрей Дмитриевич по душевной грамоте отца своего, а нашего деда великого князя Дмитрия Ивановича в Москве, и Вереею с волостьми, и со отъежжими места, и Белым-озером с волостьми и что к тому потягло изстарины по душевной грамоте отца моего князя Ондрея Дмитриевича..., того ти, господине князь велики, подо мною блюсти, и не обидети, не вступатися, ни твоим детем под моими детми».[71] Точно так же в совместном договоре двух братьев Андреевичей (Ивана и Михаила) с Василием Васильевичем московским 30-х годов XV в. фигурирует «благословенье» их отца: «в Москве, и Можайск с волостьми и с отъездными места, и Роща, и Колуга, и Белоозеро с волостьми».[72]

Относительно завещания Петра Дмитриевича дмитровского никаких дополнительных сведений не имеется, и в этом отношении свидетельство описи 1626 г. представляет собой новый факт, до сих пор не отмеченный в нашей исторической литературе. В связи с этим возникает вопрос: почему не дошли до нас подлинные тексты завещаний обоих братьев московского князя Василия I (Андрея и Петра), с которых в начале 80-х годов XV в. были сняты копии для великокняжеского архива?

Я думаю, что это исчезновение не случайно. Можно подозревать, что документы были намеренно уничтожены с санкции московской великокняжеской власти в то бурное политически время, о котором сейчас идет речь. Конечно, это предположение не более как гипотеза, но гипотеза, имеющая под собою некоторую почву. В самом деле, уже А. Е. Пресняков совершенно справедливо отмечал, что мало вероятно объяснять простою случайностью утрату из великокняжеского архива тех или иных документов, имеющих политическое значение. Поэтому странное отсутствие среди духовных грамот московских великих князей подлинного завещания Василия III Пресняков вполне убедительно объяснил тем, что оно было сожжено в связи с той политической борьбой, которая назревала в княжеском семействе накануне смерти Василия III.[73] Об этом имеются и летописные указания.[74] Очень жаль, что А. Е. Пресняков не подошел к вопросу о великокняжеском архиве вплотную, так как наблюдения над текстами его документов дали бы этому глубокому и тонкому исследователю очень много для характеристики политической истории последней четверти XV в., которой он посвятил ряд ярких страниц своего исследования «Образование Великорусского государства».

В самом деле, факт отсутствия подлинных духовных Андрея и Петра, если отрешиться от всяких возможных случайностей, можно было бы объяснить тем, что завещания удельных князей вовсе не обязательно должны были попадать в московский государственный архив. Однако это объяснение явно неудовлетворительно, если принять во внимание обрисованную выше политику концентрации в Москве архивов удельных князей, которую проводил Иван III. Достаточно вспомнить изъятие у его братьев (Андрея Большого и Бориса Васильевичей) договорных грамот или со-

---

[71] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 27. На обороте документа помета: «Грамота докончальная великого князя Василья Васильевича з братом ево со князем Михаилом Андреевичем [другим, поздним почерком]: чтоб быть им в дружбе; у ней 2 печати на черном воску; писанная в 6955-м году июня в 19 де». СГГД, т. I, стр. 140, № 64.

[72] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 15. СГГД, т. I, стр. 93, № 46.

[73] А. Е. Пресняков. Завещание Василия III. Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, Пгр., 1922, стр. 71—80.

[74] ПСРЛ, т. VI, стр. 268.

ставление завещаний Андрея Меньшого и Михаила Андреевича, черновые списки которых попали в московскую казну. Мало вероятно думать, что великий князь московский, проредактировавший проект завещания Михаила Андреевича верейского и потребовавший в свой архив как оформленный подлинный текст этой духовной грамоты, так и ее первоначальные варианты, не позаботился о том, чтобы туда же поступило и завещание отца верейско-белозерского князя — Андрея Дмитриевича. Вообще было принято, чтобы в московском государственном архиве хранились духовные удельных князей московского дома. В числе них до нашего времени сохранились в подлинниках грамоты вдовы князя Владимира Андреевича серпуховского Елены Ольгердовны (в монашестве Евпраксии)[75] и Бориса Васильевича волоцкого.[76] Поэтому я и считаю, что мою гипотезу об уничтожении духовных Андрея и Петра Дмитриевичей, от которых не дошли даже списки, вряд ли можно признать слишком смелой.

Можно указать предположительно, когда и почему это произошло: повидимому, в начале 80-х годов XV в., когда в Москве вырабатывался формуляр междукняжеского докончания и удельно-княжеского завещания. Вспомним те правовые основы, которые пыталась подвести московская великокняжеская власть под владение Михаилом верейско-белозерским различными частями своего удела: Белоозером, Вереей. С точки зрения Москвы, эти владения представляли собою разновидности прекарных держаний. Вспомним те колебания, которые были у московского великого князя по поводу передачи своему брату Андрею Васильевичу Большому Калуги и Можайска. Если учесть все эти обстоятельства, то станет понятным, что та позиция, которая содержалась в завещании Андрея Дмитриевича (поскольку мы можем ее выявить из позднейшего договора сыновей завещателя), была не вполне приемлема для Ивана III. Действительно, из завещания Андрея Дмитриевича, санкционированного соответствующей докончальной грамотой, вытекало, что и Белоозеро, и Верея, и Можайск, и Калуга представляют собой «отчину» его сыновей, доставшуюся им по «благословению» отца.

Мы не знаем содержания завещания Петра Дмитриевича, но можно предположить, что с обострением вопроса о Дмитрове, вызвавшим распрю между Иваном III и его братьями в 1479—1480 гг., этот документ мог представляться нежелательным для московского правительства. Но помимо Дмитрова Петр Дмитриевич был связан и с Вереею. Нам известна жалованная грамота великого князя Ивана III Троице-Сергиеву монастырю на село Илемну в Верейском княжении, в качестве вклада по душе князя Петра Дмитриевича и его жены княгини Евфросинии.[77] Она скончалась в 1466 г.[78], и вскоре после ее смерти, очевидно, и был сделан вклад. Троице-Сергиевский архив сохранил нам и ряд других великокняжеских жалованных грамот на Илемну, предшествовавших присоединению Вереи.[79] Эта политика выдачи жалованных грамот подготавливала включение Верейского княжения в состав московской великокняжеской территории. Аналогичная политика проводилась и в отношении малоярославецких волостей. В нашем распоряжении имеются грамоты Ива-

---

[75] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 18. СГГД, т. I, стр. 189—191, № 82.

[76] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 24. СГГД, т. I, стр. 251—253, № 105.

[77] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., т. I, стр. 121, № 163.

[78] ПСРЛ, т. VIII, стр. 151.

[79] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., т. I, стр. 121—123, № 164—165; стр. 154, № 207.

на III, датированные как раз 1482 годом (причем 8 января, т. е. временем до заключения договора с Михаилом Андреевичем), о предоставлении привилегий населению двух крупных волостей, расположенных в Малоярославецком уезде и принадлежащих Троице-Сергиеву монастырю.[80] Великокняжеская власть в последней четверти XV в. начинает настойчиво проводить взгляд на Верею, Белоозеро, Ярославец как на московскую вотчину, находящуюся по пожалованию Ивана III пожизненно во владении одного из представителей московского княжеского дома. В силу этого иная трактовка этого вопроса, которая давалась в удельно-княжеских завещаниях первой половины XV в., была явно нежелательной московскому правительству.

Я думаю, что почти одновременно с духовными Андрея и Петра Дмитриевичей могла быть уничтожена и грамота Владимира Андреевича, содержавшая завещательные распоряжения по Серпуховскому княжению. Подлинника ее нет, и в настоящее время сохранились лишь три списка.[81] Серпухов, наряду с Можайском, Калугой, Дмитровом, фигурировал в числе тех городов, на которые предъявляли притязания удельные князья во время распри с Иваном III в 1479—1480 гг. Летописец Кирилло-Белозерского монастыря, хранящийся в рукописном собрании Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР (б. Археографической комиссии), приводит интересные сведения о конфликте Ивана III с братьями, свидетельствующие о том, что в 1480 г. Иван III предлагал компенсировать Андрея Меньшого вологодского пожалованием Серпухова: «Иван пойде к матери своей, и братью свою приа в любовь и в докончание, и вотчину им подели, князю Ондрею Большому — Можаеск со всеми уезды, а князю Борису — Суходол да села бабы его Марьи Голтяевы и с судом, а князю Ондрею Меньшому — Серпухов с волостьми».[82] Повидимому, этот проект очень быстро отпал, и то обстоятельство, что Серпухов не фигурирует ни в одном из черновых списков договоров Ивана III с братьями 1481 г. в числе пожалованных им городов, свидетельствует о том, что упоминание об этом факте было признано нежелательным.

Я считаю нужным в связи с этим остановиться на пометах на одном из списков духовной Владимира Андреевича.[83] Этих помет четыре: 1) «А на зади княжа Андреева списка написано так: грамоты княжи Володимировы Андреевича докончялных пять да душевная...»; 2) «Списки с духовных со княжи Володимеровы Ондреевича и со княжи Андреевы и сотница вологодскаа»; 3) «Список з душевной со княжы с Володимеровы Ондреевича (зачеркнуто: Дмитриевича)»; 4) «Список з духовные со княжы Володимеровы».

Здесь, прежде всего, обращает на себя внимание ссылка на «княж Андреев список». Почему упоминается князь Андрей, когда речь идет о грамотах Владимира Андреевича? Конечно, можно предположить, что это простая описка. Но гораздо правдоподобнее другое: можно думать, что если помета относится к 80-м годам XV в., то связь имени князя Андрея Меньшого (вологодского) с документами Владимира Андреевича (серпуховского) имеет серьезные политические основания. Удел Владимира — Серпухов в 1479 г. предназначался Андрею. Таким образом, эта помета проливает некоторый свет на междукняжеские взаимоотношения послед-

---

[80] Памятники социально-экономической истории, стр. 149—151, № 201—202.

[81] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 10—12. СГГД, т. I, стр. 74—79, № 40.

[82] А. Е. Пресняков. Иван III на Угре. Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, СПб., 1911, стр. 297.

[83] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 11.

ней четверти XV в.: она приоткрывает завесу над проектом о передаче Андрею вологодскому Серпухова, от которого впоследствии отказалось и о котором не хотело вспоминать московское правительство. Этот вывод подтверждается и другими приведенными выше пометами, которые я датирую началом 80-х годов XV в. Из второй пометы видно, что списки с духовной Владимира Андреевича серпуховского были в политических целях подобраны вместе со списком завещания князя Андрея (очевидно, Меньшого вологодского, так как в московском государственном архиве этот документ оказался рядом с вологодской сотницей). На весьма интересные соображения наводит третья помета. Поправка имени завещателя с Владимира Дмитриевича на Владимира Андреевича дает право думать, что в руках дьяка — автора пометы — были духовные грамоты трех князей: Андрея Дмитриевича верейско-белозерского, Андрея Васильевича Меньшого вологодского и Владимира Андреевича серпуховского. Это как раз те документы, которые, как я все время пытался и пытаюсь показать, проверялись, сличались и использовались для составления новых текстов в московской великокняжеской канцелярии в 80-х годах XV в.

Сопоставляя все приведенные факты, я склоняюсь к следующему предположению: уничтожение духовных Андрея и Петра Дмитриевичей, а также Владимира Андреевича скорее всего могло последовать после составления московских списков духовных грамот от имени Андрея вологодского (1481) и Михаила верейского (1485—1486). Последний, как мы видели, подготовил проект завещания, в котором использовал в качестве источника духовную своего отца и сослался на нее, говоря о своих вотчинах, полученных по отцовскому «благословению». Этот текст не удовлетворил московское правительство и подвергся политической редакции. Справившись затем в специальном сборнике, включавшем ряд княжеских духовных, московская великокняжеская власть сочла нужным уничтожить подлинники некоторых грамот, так как, например, расхождение по вопросу о Верее между текстами завещаний Андрея Дмитриевича и его сына Михаила, грамота которого только что была оформлена, слишком бросалось в глаза. Такими же неудобными документами в глазах московского правительства являлись и духовные Петра Дмитриевича и Владимира Андреевича, в которых вопрос о Верее, Дмитрове, Серпухове разрешался не в том направлении, которое твердо приняла московская великокняжеская власть к середине 80-х годов XV в.

Что касается документов Владимира Андреевича серпуховского, то мы имеем право утверждать, что в последней четверти XV в. интерес к ним проявился не впервые. При изучении материалов великокняжеского архива бросается в глаза, что еще задолго до этого времени чья-то рука намеренно выделила грамоты, связанные с именем названного серпуховского князя, причем не только списки духовной, но и договорные акты: три докончания с Дмитрием Донским и два с Василием Дмитриевичем, великими князьями московскими.[84] Все докончальные грамоты представляют московские противни: экземпляры договоров, принадлежавшие Владимиру Андреевичу, в государственном архиве отсутствуют. Необходимо остановиться на вопросе о том, когда, при каких условиях и почему московское правительство в первый раз обратило внимание на документы, характеризующие взаимоотношения московских великих князей с удельным князем серпуховским. Прежде всего, очевидно, что под-

[84] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 2, 4, 7, 9, 12. СГГД, т. I, стр. 44—45, № 27; стр. 49—50, № 29; стр. 55—57, № 33; стр. 62—64, № 35; стр. 69—71, № 38.

бор и систематизация договорных грамот производились одновременно со снятием копий с завещания Владимира Андреевича. Я заключаю это из приведенной выше пометы 80-х годов XV в. на обороте одного из списков духовной грамоты Владимира Андреевича. Помета эта, как мы видели, называла наряду с «душевной» серпуховского князя также все сохранившиеся от его имени договоры, составлявшие, очевидно, по мнению автора пометы, единое целое с завещанием.

Докончальные грамоты Владимира Андреевича с великими московскими князьями также имеют соответствующие пометы, показывающие, что этот документальный материал был подобран с какими-то политическими целями. На докончаниях с Дмитрием Донским читаем: «Грамота докончалная князя великого Дмитрея Ивановича с князем с Володимером Ондреевичем при Олексее митрополите всея Руси»;[85] на одном из докончаний с Василием Дмитриевичем: «Князя великого Василья Дмитреевича со князем с Володимером Ондреевичем нова».[86] Ставя вопрос о времени систематизации документов Владимира Андреевича и составления копий его завещания, поищем ответа, прежде всего, в палеографических наблюдениях. Относительно двух, по крайней мере, списков духовной грамоты серпуховского князя мы можем с уверенностью утверждать, что их следует датировать началом 60-х годов XV в. Именно к этому времени ведут нас бумажные водяные знаки: корона и якорь.[87] В частности, последняя филигрань (якорь) встречается на той бумаге, на какой написан договор тверского князя Михаила Борисовича с Иваном III, от начала княжения последнего.[88] Исходя из палеографических данных и расценивая их с точки зрения политической обстановки указанного времени, я считаю возможным датировать списки завещания Владимира серпуховского 1462 годом. Появление изучаемых копий находится, таким образом, в связи с предпринятой в этом году серпуховскими детьми боярскими попыткой освободить внука Владимира Андреевича — серпуховско-боровского князя Василия Ярославича, заключенного «за некую крамолу» Василием Темным в Углич.[89] Следствие по этому делу заставило извлечь из великокняжеского архива некоторые документы, в частности, как отмечалось выше, докончальные грамоты Василия Ярославича с Василием Темным, договорные акты Владимира Андреевича и завещание последнего. В 80-х годах XV в. все эти документы снова обратили на себя внимание во время борьбы Ивана III с братьями.

§ 4. Договорные грамоты Ивана III с удельными князьями Андреем углицким и Борисом волоцким 1486 г.

Очень показательно, что вскоре после того, как вошла в силу московская редакция завещания Михаила Андреевича, Иван III решил закрепить новыми договорами свои отношения с братьями Андреем Большим и Борисом, в которых должны были быть еще раз точно указаны московские позиции в отношении ряда бывших удельных владений. Для выработки текста договоров был привлечен черновой материал, относящийся к предшествующей работе великокняжеской канцелярии над текстом договор-

---

[85] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 4. Другой вариант пометы — там же, № 2: «Грамота докончалная великого князя Дмитрея Ивановича с братом со своим с молодшим со князем Володимером Ондреевиче мири Олексеи митрополите».

[86] Там же, № 12.

[87] Там же, № 10—11. По Лихачеву водяные знаки № 1067 и 2934.

[88] Там же, № 43. СГГД, т. I, стр. 209—215, № 88—89.

[89] ПСРЛ, т. IV, стр. 148; т. VI, стр. 185; т. VIII, стр. 150; т. XII, стр. 114—119; т. XVII, стр. 212.

ного формуляра 70—80-х годов. Для такого вывода дают основание сохранившиеся в Государственном древлехранилище списки новых докончаний Ивана III с Андреем Большим и Борисом Васильевичами (30 ноября и 20 августа 1486 г.). Каждый из этих договоров дошел до нас в двух противнях.[90] На грамоте Бориса имеется помета: «Княжа Борисова новая лета 95 авгус. 20». Кроме того, с грамоты Андрея сохранились два современных списка. Один в виде небольшого формата тетради на бумаге середины 80-х годов XV в., имеющей в качестве водяного знака букву «Р».[91] На обложке тетрадки надпись: «Списки з докончалных грамот великого князя Ивана Васильевича всеа Руси со князем с Ондреем с Васильевичем, а писаны на Москве лета 95 ноября 30». Сличение этого списка с копиями других, рассмотренных выше, документов (духовной грамоты Василия Дмитриевича, а также договора Василия Темного с Иваном Андреевичем можайским 1447 г.), составленными в виде таких же тетрадей и на бумаге со сходными водяными знаками,[92] показывает, что во всех трех случаях перед нами остатки одного большого сборника, составленного в великокняжеской канцелярии в середине 80-х годов XV в. и обнимавшего, как мы выяснили, княжеские духовные и докончальные грамоты.

Второй список договора между Иваном III и Андреем Васильевичем 1486 г. имеет столбцовую форму. Он написан на той же бумаге, что и беловой текст, с одинаковым водяным знаком, каковым является особый вариант головы быка с украшениями.[93] Возможно, что это не копия, а черновик договора. К нему пришит отдельный маленький листочек бумаги с дополнениями к основному тексту, сделанными другим почерком, черными чернилами. Но этим дополнениям нет по смыслу места в самом докончании. Кроме того, и те условные знаки, которые имеются на листочке с дополнениями, не находят себе соответствия в тексте договора. Внимательный анализ показывает, что эти знаки совпадают с теми, которые мы встречаем в черновом проекте договора Ивана III с Борисом Васильевичем волоцким 1481 г.[94] И по содержанию рассматриваемые дополнения отвечают тексту этого черновика (речь идет о селах Марии Голтяевой и об обязательстве удельного князя «не вступаться» в великокняжескую вотчину — Великий Новгород). Эти оба пункта учтены и в докончальных грамотах Ивана III с братьями Андреем и Борисом 1486 г. То обстоятельство, что произошло перемещение дополнительного текста из раннего чернового проекта (1481) в более поздний (1486),[95] свидетельствует, что при подготовке докончальных грамот московского великого князя с удельными в 1486 г. был привлечен весь могущий быть использованным предшествующий черновой материал государственного архива. При поль-

---

[90] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 72 и 73. СГГД, т. I, стр. 306—313, № 123—124; стр. 313—320, № 125—126. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 230—247, № 105—106; стр. 247—263, № 107—108. См. также ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1614 г., лл. 19—19 об., 21—21 об., 22 об.— 23; опись 1626 г., лл. 41—42.

[91] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр., II, № 74. Водяной знак см. у Н. П. Лихачева, № 1159.

[92] Там же, рубр. I, № 14; рубр. II, № 31.

[93] Там же, рубр. II, № 75. Водяной знак см. у Н. П. Лихачева, № 3878.

[94] Там же, № 64.

[95] В период между 1481 и 1486 гг.— 20 октября 1483 г. разводчики: сын боярский Тимофей Петрович Замытский и дьяк Борис Степанович Обобуров учинили рубеж вотчине князя Бориса Васильевича — Ржевской земле с Новгородскими землями. ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 69; опись архива Посольского приказа 1614 г., лл. 14 об., 19 об.— 20; опись 1626 г., л. 36—36 об. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 190—196, № 99. СГГД, т. I, стр. 287—289, № 117. См. также опись царского архива XVI в. ААЭ, т. I, стр. 340 (ящик 45).

зовании им в целях оформления новых текстов и была допущена та путаница в архивных делах, которая вскрыта выше.

В этих договорах середины 80-х годов Ивана III с удельными князьями уже с полной определенностью выдвинуты те позиции, к которым перешло московское правительство в результате упорной работы над формуляром междукняжеских докончальных грамот. Характер междукняжеских иерархических отношений передается следующими терминами: удельные князья обращаются «к своему господину и брату старейшему к великому князю Ивану Васильевичу всея Руси» и к его «сыну к своему брату старейшему к великому князю Ивану». В состав «отчины» московского великого князя безоговорочно включены уделы: Юрия Васильевича (Дмитров, Ростов, Медынь, Хотунь), Андрея Васильевича Меньшого (Вологда, Кубена, Заозерье), «отчина» Михаила Андреевича — владения, переданные им Ивану III (Белоозеро, Ярославец) и взятые последним у сына Михаила — Василия в его «вине» (Верея). Всю эту территорию удельные князья должны «блюсти» под великим князем и его детьми. К великокняжеской «отчине» причислены также Новгород, Псков, Тверь, Кашин, Новгородские, Псковские, Тверские, Кашинские места. Уступленные Иваном III своим братьям в начале 80-х годов владения (Можайск — Андрею и Вышгород — Борису) договоры квалифицируют в качестве великокняжеских «пожалований» («что яз князь велики тебя пожаловал»).

§ 5. Копийная книга договорных княжеских грамот около 1486 г. и пересмотр формуляра московско-рязанских и московско-тверских докончаний

При изучении описи архива Посольского приказа 1626 г. можно сделать еще одно очень интересное наблюдение. Восьмидесятые годы XV в. были временем пересмотра со стороны Ивана III своих взаимоотношений не только с удельными князьями московского дома, но и с великими князьями тверским и рязанским. При этом совершенно очевидно, что все эти задачи политики московского правительства были тесным образом между собой связаны. Архивная документация в одинаковой мере применялась и при работе великокняжеской канцелярии над текстами докончаний между Иваном III и его братьями, и при выработке договорных норм, касающихся московско-тверских и московско-рязанских отношений. Заключаю это из указаний описи 1626 г. на хранящиеся в одной связке (очевидно, в результате намеренного подбора) одиннадцать списков с документов государственного архива, в виде однотипных по своей внешности тетрадок. Я приведу выдержку из описи 1626 г., относящуюся к названным копиям с документов, так как она представляет большой интерес для характеристики деятельности великокняжеской канцелярии по разработке в интересах текущей политики архивных фондов. В числе материалов государственного архива опись, как указано, называет: «11 тетратей связаны вместе, а в них писаны списки з докончалных грамот. С трех грамот з докончалных с резанских: грамота старая великого князя Василия Дмитреевича с великим князем Иваном Федоровичем резанским лета 6925-го, да резанская грамота с великим князем Иваном, да список з докончалные с резанские с новые грамоты великого князя Ивана Васильевича и сына ево великого князя Ивана с резанскими князи лета 6991-го году, при митрополите Геронтье. Да список с тверские з докончалные с новые грамоты и с приписною грамотою великого князя Ивана Васильевича с тверскими князи, году не написано. Да тут же списки с трех докончалных грамот великого князя Михаила

Ондреевича тверского (так!): одна без Вышагорода, а другая, что подо всею братьею молотчей, а третьея, что кончал и с сыном своим со князем Васильем. В первой грамоте году не написано, а в другой — лета 6980-го, а в третьей писана лета 6990-го году; две при митрополите Филиппе, а третьея при Геронтье митрополите. Да два списка з докончалных грамот князя Ондрея Васильевича с великим князем Иваном Васильевичем — написано: одна передняя, а другая после Угры. В первой писано: лета 6982-го, а другая написана лета 6989-го; обе при Геронтье митрополите. Да два списка з докончалных же грамот князя Бориса Васильевича с великим князем Иваном Васильевичем, писаны обе в 6989-м году».[96]

Приведенный текст описи 1626 г. называет копии целого ряда документов великокняжеского архива, подлинники которых до сих пор сохранились в составе Государственного древлехранилища. Нетрудно уловить, что опись повторяет содержание помет на подлинных грамотах и по ним дает сведения о времени и обстоятельствах составления отдельных договоров. Это наводит на соображения, не лишенные интереса для характеристики работы великокняжеской канцелярии в 80-х годах XV в. Перед нами 11 тетрадей, в совокупности представляющих цельный по замыслу сборник или фрагмент этого сборника (если предположить, что могли сохраниться не все тетради). Как правило, в сборниках копий документы копировались под краткими заголовками, лаконично передававшими их содержание. Надо думать, что составитель описания архива, относящегося к 1626 г., заносил в текст описи указанные списки докончальных грамот, руководствуясь именно заголовками. Действительно, мы видим, что он мало разбирался в самом содержании грамот, отделенных от него полуторастолетним промежутком времени, и назвал, например, Михаила Андреевича тверским (а не верейским) князем, спутав его, очевидно, с Михаилом Борисовичем, докончание которого фигурировало в том же сборнике. Поэтому вполне естественно предположить, что те характеристики, которые дает опись 1626 г. спискам отдельных грамот, скажем, Михаила верейского («одна без Вышагорода, а другая, что подо всею братьею молотчей...»), заимствованы как раз из заголовков. Но с другой стороны, как указано, эти характеристики вкратце передают содержание тех помет, которые, как мы видели, были на подлинных докончальных грамотах Михаила Андреевича с Иваном III. А если это так, то очевидно, при копировании подлинных текстов пометы на них были использованы в качестве заголовков. Этим наблюдением еще раз подкрепляется тот вывод, к которому мы уже подходили разными путями: пометы 80-х годов XV в. на документах государственного архива носили важный политический характер. Снятие копий с грамот, очевидно, непосредственно следовало за их разбором. То основное политическое содержание каждого отдельного докончания, которое получило краткую формулировку в виде пометы на нем, затем переносилось (может быть, в еще более короткой форме) в заголовок копии документа, списывавшегося в отдельную тетрадь. Все тетради списков представляли единое законченное целое, будучи плодом той же работы великокняжеской канцелярии, первый этап которой состоял в разборе архивных материалов и в нанесении на них политически продуманных помет.

В самом деле, как иначе понять указания описи 1626 г.? Вряд ли ее составитель, приводя вкратце содержание тетрадей с договорными грамотами XV в., обращался одновременно к подлинникам и сличал их со списками. Как мною уже было отмечено выше, против этого предположения говорит то, что опись 1626 г. обнаруживает весьма поверхностное

[96] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., лл. 23—24.

знакомство с теми документами, о которых идет речь. Так же мало вероятно и другое предположение, что докончальные грамоты были скопированы полностью как с лицевой стороны (основной текст), так и с оборотной (пометы), но без всяких заголовков, и составитель описи, внимательно читая сборники, сумел выделить в сплошном тексте, написанном одним почерком, пометы и уловить, что они передают основное политическое содержание отдельных документов. Таким образом, единственно правильным является мое первое объяснение происхождения сведений описи 1626 г. о грамотах, скопированных в 11 тетрадках: они описаны по заголовкам, а для последних основой послужили пометы на подлинниках, хранившихся в том же государственном архиве, где и списки.

После наблюдений над внешностью сборника копий 80-х годов вернемся к его составу. Он заключал в себе, как мы видели, три докончания Ивана III с верейско-белозерским князем Михаилом Андреевичем, два из которых падают на время митрополита Филиппа и одно на время Геронтия. Первый договор не имел даты, второй относился к 1472 г., третий — к 1482 г. Необходимо сопоставить сохранившиеся в великокняжеском архиве оригиналы грамот Михаила Андреевича с данными описи 1626 г. Именно нам известны в подлинниках три недатированных грамоты, составленные одна при митрополите Феодосии [97] и две при митрополите Филиппе,[98] а также договор 4 апреля 1482 г., утвержденный «по благословению» и за печатью митрополита Геронтия.[99]

Сравнительный анализ показывает, что в сборник не вошел первый договор Ивана III с Михаилом Андреевичем, заключенный в начале 60-х годов, вскоре после смерти Василия Темного, во время пребывания на кафедре митрополита Феодосия и при разборе государственного архива в 80-х годах получивший помету: «А ся грамота докончалнаа взята у князя у Михаила, что была дана ему после живота великого князя Василиа Васильевича о Вышегороде, ина того деля и взята, а лежала у Филиппа митрополита».[100]

В двух скопированных в сборнике грамотах, падающих на время митрополита Филиппа, легко узнать до сих пор хранящиеся в Государственном древлехранилище докончания между великим князем московским Иваном III и Михаилом верейским, с пометами на обороте первого документа: «Докончалнаа княжа Михаилова, коли отдал Вышегород, ино у него взята, а новая ему дана, что он подо всею братьею великого князя в молотших»;[101] второго: «Княжа Михаилова Андреевича последняя, что написан под всею братьею великого князя».[102]

Рассматриваемый нами сборник позволяет пересмотреть общепринятую датировку договорных грамот Михаила Андреевича. В «Собрании государственных грамот и договоров» оба докончания Михаила с московским великим князем Иваном III, за подписью митрополита Филиппа, отнесены ко времени около 1465 г. Эта дата, или близкая к ней, принимается и некоторыми исследователями: А. В. Экземпляр-

---

[97] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 44 и 46. СГГД, т. I, стр. 215—217, № 90 и стр. 218—220, № 91.

[98] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 47 и 48—49. СГГД, т. I, стр. 220—222, № 92 и стр. 223—227, № 93—94.

[99] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 65—66. СГГД, т. I, стр. 273—279, № 113—114.

[100] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 44. СГГД, т. I, стр. 217, № 90.

[101] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 47. СГГД, т. I, стр. 222, № 92.

[102] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 49. СГГД, т. I, стр. 227, № 94.

ским[103] и А. Е. Пресняковым.[104] Опись 1626 г., сохранившая нам сведения о составленных в великокняжеской канцелярии тетрадях с копиями документов государственного архива, называет в качестве даты оформления второй из заверенных подписью митрополита Филиппа грамот — 1472 (6980) год.

У нас нет никаких оснований не доверять этому указанию описи 1626 г. и считать его ошибочным. Наоборот, данные описи подтверждаются целым рядом наблюдений над текстами других документов. Прежде всего, если следовать «Собранию государственных грамот и договоров», то непонятно, почему за короткий промежуток времени, в течение одного (1465) года, при посредничестве одного и того же митрополита, Иван III дважды возобновлял свой договор с двоюродным дядей. При этом второй договор, как уже говорилось выше, перестраивал систему междукняжеских отношений в сторону большего подчинения удельного верейского князя власти его «старейшего брата» — великого князя московского.

Если датировать вторую грамоту, имеющую подпись Филиппа, согласно данным описи 1626 г., 1472 годом, то тогда является возможность рассматривать ее в контексте других политических документов, появившихся в связи с подготовкой присоединения к Москве Дмитровского удела. Это, во-первых, договор Андрея Васильевича углицкого с Иваном III,[105] во-вторых, духовное завещание Юрия Васильевича дмитровского.[106] Обе названные сейчас грамоты фигурируют в «Собрании государственных грамот и договоров» как современные копии с подлинных текстов. Но более пристальный палеографический и дипломатический анализ показывает, что перед нами в действительности черновые, неоформленные проекты. Докончальная грамота Андрея углицкого составлена от его имени, по «благословению» митрополита Филиппа, по слову матери Ивана III и Андрея княгини Марии Ярославны. Грамота лишена подписей, печатей и по всем данным представляет собою текст, выработанный в канцелярии углицкого князя и не получивший утверждения в Москве. Действительно, сравнивая рассмотренный сейчас черновик с текстом докончания Ивана III и Андрея Васильевичей, вошедшим в силу позднее, через год, с 14 сентября 1473 г. (уже после смерти Юрия Васильевича дмитровского),[107] мы убеждаемся, что некоторые основные пункты междукняжеских отношений разрешаются этими документами по-разному. Так, один из параграфов углицкого проекта соглашения говорит о том, что московский князь и его дети не должны «вступатися» в принадлежащую на на-

---

[103] А. В. Экземплярский пишет: «В самые первые годы княжения нового великого князя (Ивана III) Михаил Андреевич заключил с ним несколько договоров: в первых двух великий князь подтверждает за Михаилом Андреевичем отчину его, чем пожаловал его отец, и те волости, которые пожалованы были ему умершим великим князем. Но из третьего договора видно, что Михаил Андреевич «сам» отступился в пользу великого князя от Вышгорода и прочих волостей, пожалованных ему в 1450 г. Василием Васильевичем. Это «сам», впрочем, подозрительно» (А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II, стр. 331—332).

[104] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 417—418.

[105] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 50. СГГД, т. I, стр. 228—230, № 95. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 66—71, № 78.

[106] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 23. Опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 42 об.; опись 1626 г., л. 44 об. СГГД, т. I, стр. 230—233, № 96. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 41—49, № 74. Кроме духовной грамоты Юрия Васильевича в Московском государственном архиве хранился еще текст докончания Ивана III с названным дмитровским князем. О нем упоминает опись XVIв. ААЭ, т. I, стр. 335 (ящик 3).

[107] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 58 и 60. СГГД, т. I, стр. 253—259, № 106—107; стр. 259—265, № 108—109. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 119—146, № 89—92.

чалах совместного владения Андрею и Юрию Васильевичам «треть в Москве», которой когда-то владел князь Владимир Андреевич серпуховской. Право Андрея углицкого и Юрия дмитровского «ведать» указанный московский жеребий подтверждается ссылкой на духовные грамоты московских великих князей Дмитрия Донского, Василия I и Василия II. Этот пункт был неприемлем для московского правительства, которое, по-видимому, уже в данное время разрабатывало проект присоединения Дмитровского удела. В силу этого черновые предложения Андрея углицкого были отвергнуты Москвой. А в докончании, принятом 14 сентября 1473 г., после смерти Юрия дмитровского, его совместный с Андреем жеребий в Москве значился в качестве великокняжеского владения. Правда, грамота оговаривает право Андрея «та треть держати с нами великими князьми по половинам, по духовной грамоте отца нашего». Но это «держание» строится на совершенно иных началах: в его основе лежит великокняжеская воля. Поэтому грамота 1473 г. опустила все статьи первоначального чернового проекта 1472 г., регулировавшие, на равных договорных началах, участие князей в «московских судах».[108]

Исчезли в московской редакции 1473 г. и условия углицкого проекта 1472 г., касающиеся недоразумений между князьями по совладению Москвой и по делам служилых и тяглых людей. Таковы статьи о «блюдении содного» князьями численных и черных людей и слуг под дворским, о запрете покупать их земли без великокняжеских грамот, о «блюдении» и неприеме в службу гостей, суконников, городских людей.[109] Все эти пункты стали излишними, поскольку по соглашению 1473 г. «держание» своей части в Москве со стороны Андрея Васильевича строится на основании подчинения великокняжеской власти.

Другим документом, рисующим подготовительные работы по включению в состав Московского княжения Дмитровского удела, было, как указано выше, завещание дмитровского князя Юрия Васильевича, около 1472 г. В нашем распоряжении имеется неоформленный его текст, с пометой на обороте: «Список з духовные грамоты князя Юрия Васильевича дмитровского». В нем содержится предсмертное распределение сел и деревень, но ни слова не говорится о передаче тем или иным наследникам городов Дмитровского удела. Это умолчание свидетельствует о том, что вопрос о судьбе удела не был решен в момент составления завещания. Иван и Юрий Васильевичи, по-видимому, еще не пришли к окончательной договоренности по этому пункту. Я представляю себе историю составления духовной Юрия дмитровского по образцу духовной Михаила Андреевича, относящейся, как мы знаем, к более позднему времени. Дмитровский князь представил свой проект, в котором обошел молчанием наиболее острый и существенный вопрос о Дмитровском уделе, зная, что Москва заин-

---

[108] «А имешь, господине князь велики, московские суды судити, тем ти ся с нами делить. А будешь, господине князь велики, опроче Москвы, ударит ти челом москвитин на москвитина,— пристава ти дать, а послать их к Москве к своим наместником, и они им исправу оучинят, а мои наместники с ними. А оударит ти, господине, хто челом по твоее вотчины из великого княженья на моего боярина на москвитина, и тобе, господине, пристава по него послати, а мне за ним к тобе послать своего боярина. А которые суды потягли изстарины к Москве, те и нынечя потянут к городу к Москве».

[109] «А что наши ордынци и делюи, тем знати [своя служба по старине. А численных] людей блюсти нам содного. А земль оу них не купить. А которые слуги к дворьскому, а черные люди к становщику, блюсти их содного, а земль их не купить. А хто будет тех земль купил хоти и при отцы нашом великом князи, а без грамот отца нашого великого князя, и по отца нашого великого князя жыоте хто будет тех земль купил без наших грамот, тем землям всем потянуть по старине. А гостей, и суконников, и городцких людей блюсти нам содного, а в службу их не примати. А в город послать тобе, моему господину, своего наместника, а мне своего наместника, и они очистят холопов наших и селчян, как было наперед того...»

тересована в его оставлении за собой. Однако Юрий не завещал своего удела московскому князю. Московское правительство не удовлетворилось таким уклончивым текстом и не придало юридической силы завещанию.

Интересно остановиться на тех условиях, в которых появились как проект договора Ивана III с Андреем Васильевичем, так и духовная грамота Юрия Васильевича. В апреле — июне 1472 г. и Андрей и Юрий были в Москве, участвуя в торжественной закладке Успенского собора, перенесении туда мощей московских «чудотворцев» и открытии мощей митрополита Петра. В июле оба князя отправились в поход против вторгнувшегося в русские пределы хана Ахмата. Борьба с ханом заняла июль и август. По возвращении в Москву Андрей Васильевич вместе с Иваном III уехал в Ростов, узнав о болезни своей матери, которая жила в Ростове со времени нашествия Ахмата. Юрий Васильевич оставался в Москве, где и умер 12 сентября. Известие о его смерти заставило его братьев вернуться в столицу.[110]

Сопоставляя между собой все приведенные факты, можно думать, что в апреле — июне 1472 г. великий князь договаривался со своими братьями во время церковных торжеств, происходивших в Москве, по ряду спорных вопросов междукняжеских взаимоотношений. Эти переговоры были прерваны набегом на Алексин Ахмата. После отражения ханских войск, в Ростове, куда отправились Иван III и Андрей Васильевич, последний, очевидно, передал на рассмотрение матери свой проект докончания с великим князем. Из текста этой докончальной грамоты видно, что она составлена «по слову» великой княгини Марии Ярославны. Во время пребывания в Ростове Ивана III и Андрея в Москве скончался Юрий Васильевич, не успев притти к окончательному соглашению с великим князем по вопросу о содержании своего завещания и о судьбе Дмитровского удела.

Если рассматривать второй, заверенный митрополитом Филлипом договор между Иваном III и Михаилом верейско-белозерским в связи с завещанием Юрия Васильевича, то его датировка 1472 годом должна быть признана правильной. Михаила не затрагивала непосредственно духовная грамота и смерть Юрия Васильевича, но косвенно вопрос о наследстве после умершего дмитровского князя касался и его. Ведь в числе тех владений, которыми Иван III старался затем компенсировать своих братьев, недовольных тем, что он оставил за собой Дмитровский удел, фигурировал и Вышгород. «Того же лета, — читаем мы в летописи, — разгневахуся братиа на великого князя, что им не дал в уделе жеребиа в братне во княжь Юриеве; и помири мати их; князь же великий дал князю Борису Вышегород, а князю Андрею Меншему Тарусу, и Болшему князю Андрею мать дала Романов».[111] Правда, Михаил Андреевич был лишен Вышгорода еще на основании договора начала 60-х годов XV в., тем не менее весьма вероятно, что это решение было подтверждено в 1472 г., когда Иван III вырабатывал условия компенсации своих братьев за счет Дмитрова, который он предназначал для себя. Условие о Вышгороде, вошедшее в докончание между Иваном III и Михаилом Андреевичем 1472 г., послужило основой для соответствующего параграфа договора, заключенного московским великим князем и его братом удельным князем волоцким Борисом Васильевичем в следующем 1473 году. Этот параграф говорил о пожаловании Иваном III Бориса «Вышегородом с волостми, и с путми, и з селы в вотчину и в вудел, как было за князем за Михаилом, опрочь тех сел, которые

---

[110] ПСРЛ, т. IV, стр. 151; т. VI, стр. 31—32, 195; т. VIII, стр. 170—175; т. XII, стр. 143—150.

[111] ПСРЛ, т. VIII, стр. 180.

есмь подавал монастырем и детем боярским, и на тех селех суд и дань твоя по земле».[112]

Мы подробно остановились на договорной грамоте Михаила верейского 1472 г. в связи с анализом содержания сборника 80-х годов, который сохранил нам правильную дату названного докончания.

Из документов, связанных с личностью Михаила Андреевича, в этом сборнике был скопирован еще его договор с Иваном III, заключенный им вместе с сыном Василием 4 апреля 1482 г. и сохранившийся в подлиннике в государственном архиве.[113]

Из докончаний других удельных князей московского дома сборник называет две грамоты Андрея углицкого: от 14 сентября 1473 г. и от 2 февраля 1481 г. — «одна передняя, а другая после Угры» (т. е. после нашествия хана Ахмата на Русь и его отступления в результате известного «стояния» на Угре). Подлинники обоих названных документов также дошли до нашего времени в составе Государственного древлехранилища.[114]

Наконец, в изучаемый сборник вошел и договор Ивана III с Борисом Васильевичем волоцким в двух экземплярах (один от имени великого князя московского, другой — от лица князя волоцкого). Документ имеет ту же дату, что и грамота Андрея Васильевича, составленная после событий на Угре — 2 февраля 1481 г. Копия снята с подлинного текста, находящегося, как и другие вышеприведенные материалы, в Государственном древлехранилище.[115]

Нет надобности говорить, что по подбору договорных грамот сборник представляет определенную цельность. Выше мы достаточно подробно останавливались на вопросе о том, что в 80-х годах XV в. в великокняжеской канцелярии производилась серьезная работа по выработке формуляра междукняжеского докончания.

Сейчас следует, прежде всего, обратить внимание на то обстоятельство, что в сборнике, являющемся предметом нашего анализа, отсутствуют копии договорных грамот Андрея и Бориса Васильевичей с Иваном III от 1486 г.[116] Отсюда мы вправе заключить, что этот сборник был составлен до указанной даты.

Второе, что необходимо подчеркнуть, — это наличие в составе сборника, наряду с грамотами удельных князей московского дома, также докончаний с князьями рязанскими и тверскими. Рязанских документов было использовано в сборнике три. Один — договор великого князя московского Василия Дмитриевича с рязанским князем Иваном Федоровичем от 1417 г. — до нас не дошел и в литературе нет на него никаких ссылок. Таким образом, опись 1626 г., сообщая сведения о сборнике 80-х годов XV в., называет копию документа до сих пор нам неизвестного. Документ этот вносит некоторые уточнения в хронологию истории Рязанского княжества. Период 1409—1427 гг. — наиболее темный в рязанской истории. Неизвестно, когда умер князь Федор Ольгович и занял стол сын его Иван Федорович. Имя Федора Ольговича не упоминается в летописях с 1409 г., к которому некоторые исследователи и относят

---

[112] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 51. СГГД, т. I, стр. 235, № 97.

[113] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 65—66. СГГД, т. I, стр. 273—279, № 113—114.

[114] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 54, 57, 58, 60. СГГД, т. I, стр. 239, 244, № 99—100; стр. 244—249, № 101—102; стр. 253—259, № 106—107; стр. 259—265, № 108—109.

[115] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 63. СГГД, т. II, стр. 265—270, № 110—111.

[116] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 72 и 73. СГГД, т. I, стр. 306—313, № 123—124; стр. 313—320, № 125—126.

его смерть.[117] Д. И. Иловайский датирует кончину Федора Ольговича 1427 г.,[118] так как под 1423 г. упоминание о нем встречается в «Достопамятностях к Российской истории, большею же частию к Рязанской области надлежащих», собранных архимандритом Иеронимом.[119] Сведения описи 1626 г. о договорной грамоте между Василием I московским и Иваном Федоровичем рязанским, называемым описью великим князем, позволяют с уверенностью говорить, что Рязанский великокняжеский стол перешел к Ивану Федоровичу во всяком случае не позднее 1417 г. Следовательно, дату кончины Федора Ольговича приходится отодвинуть с 1427 г. или с 1423 г. значительно вглубь.

Второй рязанский документ —«рязанская грамота с великим князем Иваном»— охарактеризован описью 1626 г. настолько неясно, что о нем трудно сказать что-нибудь определенное.

Наконец, третья копия была снята с договора Ивана III с сыном и братьями с великим князем рязанским Иваном Васильевичем, заключенного «по благословению» митрополита Геронтия 9 июня 1483 г. Его подлинный текст в двух экземплярах, от лица обеих договаривающихся сторон, находится в Государственном древлехранилище. На его обороте — помета XVII в.: «Две грамоты, утвержелные великого князя Ивана Васильевича Болшого со князем Иваном Васильевичем Меньшим».[120]

Из тверских документов сборник использовал только один — договор Москвы с Тверью незадолго до присоединения последней в 1485 г., составленный также в двух экземплярах и сохранившийся в подлиннике в составе государственного архива.[121]

После того как мы детально вскрыли характер сборника, представлявшего собой ряд тетрадей с копиями документов, охватывающих широкий круг московских взаимоотношений, с одной стороны, со своими уделами, с другой — с Рязанью и Тверью, мы обязаны уточнить время появления этого сборника и поставить его в связь с определенными политическими мероприятиями московского правительства.

Для датировки сборника были приведены достаточно точные данные. Он возник не позднее 1486 г., так как в нем отсутствуют копии докончальных грамот Ивана III со своими братьями Андреем и Борисом Васильевичами от августа и ноября 1486 г., и не ранее 1484 г., судя по наличию копии договора московского князя с Тверью, предшествующего ее присоединению.[122] Это был период напряженной политической борьбы москов-

---

[117] И. Ф. Диттель. Святыни, древности и достопримечательности города Рязани. ЧОИДР, 1859, кн. III, отд. I, стр. 125.

[118] Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества, стр. 205. См. также А. И. Андреев. Рязанские князья. Русский биографический словарь, изд. Русского исторического общества, Пгр., 1918, стр. 789.

[119] Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом, с примечаниями И. Добролюбова. Рязань, 1889, стр. 32.

[120] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 67-а и 67-б; Опись архива Посольского приказа 1626 г., лл. 32 об.— 33. СГГД, т. I, стр. 279—286, № 115—116. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 164—181, № 96—97.

[121] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 71; Опись архива Посольского приказа 1614 г., лл. 33 об.— 34 об.; опись 1626 г., л. 30 об. СГГД, т. I, стр. 293—299, № 119—120. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 202—215, № 101—102.

[122] О заключении этого договора Софийская II летопись рассказывает под 6993 г. следующее: «Тое же зимы разверже мир князь велики с тферьским великим князем Михаилом Борисовичем о том, что женитися ему у короля, и целова ему, и посла князь великий сложи целование и посла рать порубежную и повеле воевати. Князь великий Михайло Борисович тферьской присла владыку и добн ему челом на всей воли его: «не зватися ему братом, но молодший брат; а что назовет князь велики земль своими землями и Новоторжкыми, а те земли князю великому, а куда пойдет князь великий ратью, и ему с ними же ити заодин» (ПСРЛ, т. VI, стр. 236).

ского князя с удельно-княжеской оппозицией. К 1483—1484 гг. относится конфликт Ивана III с сыном князя Михаила Андреевича верейского Василием Михайловичем Удалым. В политической связи с последним оказалась замешанной Софья Палеолог. Летописи в качестве причины конфликта приводят известный рассказ о том, что Софья Палеолог подарила своей племяннице Марии Андреевне, при выходе ее замуж за Василия верейского, саженье (ожерелье), принадлежавшее первой жене Ивана III Марии Борисовне тверской и предназначавшееся великим князем в подарок своей снохе, жене князя Ивана Ивановича Молодого. Московский великий князь хотел отнять у Василия Михайловича все приданое и «поимать» его с женой, но они оба бежали в Литву.[123]

Московское правительство очень опасалось сношений тверского князя Михаила Борисовича с русскими князьями-эмигрантами, находившимися в Литве,— не только с Василием Михайловичем верейским, но и с детьми Ивана Андреевича можайского, Ивана Дмитриевича Шемячича и Василия Ярославича боровского. В договор с Тверью был включен специальный пункт, касающийся этого вопроса: «Также вам и с нашими лиходеи со княжми с-Ывановыми детми можайского, и со княжми с-Ывановыми детми Шемячича, и сь Ярославича сыном, и со княжим Михайловым сыном Андреевича со князем с Васильем не съсылатися с ними никоторою хитростью, ни к собе их не приимати; а с чем к вам они пришлют, то вам сказати нам вправду без хитрости; а тех вам послати к нам, кого к вам пришлют...»[124]

Я считаю, что изучаемый сборник возник в период подготовки присоединения Твери или вскоре после этого события, во всяком случае в связи с ним, в 1485—1486 гг. Мне представляются очень важными те выводы, на которые дает право состав сборника. Не случайно договоры с Тверью и Рязанью приведены в нем рядом с докончаниями Ивана III с удельными князьями московского дома. Весьма вероятно, что этот сборник служил материалом, легшим в основу более поздних докончальных грамот московского великого князя со своими братьями Андреем и Борисом, оформленных в 1486 г. Иван III опасался сношений удельных князей с Михаилом Борисовичем тверским, нашедшим себе приют в Литве. Недаром в договор с Борисом Васильевичем волоцким был включен специальный пункт, запрещавший ему иметь связи с королем Казимиром IV и с бывшим тверским князем: «А с королем Казимиром и с великим князем литовским, с нашим недругом, и сь его детми, или кто ни будет король и велики князь на Литовской земле, также и с великим князем Михаилом Борисовичем не ссылатися с ними ни человеком, ни грамотами, никакими делы, никоторою хитростию. А с чем к тобе пришлют король и велики князь литовски и его дети, или князь велики Михайло Борисович с какими речми или з грамотами, и тобе то сказати нам, великим князем, вправду без хитрости».[125]

Показательно также привлечение составителем сборника московско-рязанских договоров. В последнем из них, относящемся к 1483 г., также имелся параграф с запретом рязанским князьям сноситься с Литвой и с находившимися там эмигрантами —«лиходеями» Ивана III. В обстановке

---

[123] «Того же году восхоте князь великы дарити сноху первой своей великой княгине Тверской саженьем, и просил у той второй княгини великой Римлянки. Она же не дасть, понеже много истеряла казне великого князя: кое брату давала, кое племяннищу давала за княжа за Михаилова сына за верейского за князя Василия, и много давала. Посла же князь великый, взя у него приданое, еще и со княгинею его хоте поимати. Он же бежа в Литву и со княгинею х королю» (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 202—203).

[124] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 71. СГГД, т. I, стр. 294, № 119.

[125] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 72. СГГД, т. I, стр. 306, № 123.

политической настороженности московское правительство опасалось антимосковского блока удельных князей московского дома, Твери и Рязани, подозревая их общую литовскую ориентацию. Поэтому оно внимательно присматривалось к документам недавнего прошлого и использовало их в текущей политике.

Можно догадываться, что договоры Ивана III с Андреем и Борисом Васильевичами 1486 г., содержавшие условия о невмешательстве последних в новые великокняжеские приобретения (Тверь, Кашин, Верейский удел, Новгород, Псков), также в уделы Юрия и Андрея Меньшого вологодского, запрещавшие завязывать сношения с Литвой, отражали какие-то реальные противоречия в междукняжеских отношениях.

Анализ докончальных грамот Ивана III с князьями рязанским (1483) и тверским (1484—1485) позволяет говорить, что формуляр московско-тверских и московско-рязанских договорных актов претерпел в 80-х годах XV в. изменения аналогичные тем, которые были отмечены выше при рассмотрении докончаний московского великого князя с его братьями. Московско-рязанскую договорную грамоту 1483 г. приходится сравнивать с наиболее близким к ней по времени докончанием между Василием II и князьями можайским и боровским, с одной стороны, и великим рязанским князем Иваном Федоровичем — с другой, от 20 июля 1447 г.[126] При сопоставлении обоих документов следует, прежде всего, обратить внимание на такие текстуальные расхождения, которые кажутся незначительными на первый взгляд, но при более пристальном наблюдении оказываются весьма существенными. Так, в грамоте 1447 г. встречается обязательство Василия II московского с братьею в отношении рязанского князя «печаловатца тобою нам без хитрости». Это же условие в договоре 1483 г. дано в иной редакции: «печаловатца тобою и *твоею отчиною* без хитрости». Рязанский князь, таким образом, не только лично находится под патронатом великого князя московского, но отдает под свою защиту и свою вотчину. Докончальная грамота 1447 г., как и договор 1483 г., определяет отношения рязанского князя к московскому, как «брата молодшего» к «брату старейшему», причем в 1483 г. в качестве «старейшего брата» рязанского князя назван не только Иван III, но и его сын Иван Иванович Молодой.

Особенно различны по своей редакции содержащиеся в обоих разбираемых документах договорные пункты по вопросу о московско-рязанском оборонительном и наступательном союзе. В грамоте 1447 г. данный вопрос рассматривается в плане совместных действий Москвы и Рязани против Литвы и татар, причем об этом говорится в общей форме, без учета реальных русско-татарских и русско-литовских отношений в момент заключения договора: «А не пристати ти к татарам и к Литве никоторою хитростью, ни к иному х кому, кто будет нам недруг. А быти ти с нами везде заодин противу их. А будет с ними нам мир, ино и тобе с ними мир, а не будет с ними нам миру, ни любви с Литвою, или с татары, или с иным с кем, кто будет нам недруг, ино и тебе с ними миру нет, ни любви». В редакции 1483 г. аналогичный текст звучит совершенно по-иному. Речь идет о недопустимости для рязанского князя самостоятельно сноситься с польским королем Казимиром IV во вред великому князю московскому. О согласованности московско-рязанской политики в отношении татар и иных «недругов» упоминается лишь вскользь, в качестве дополнения. Опасность же литовско-рязанского союза представляется московскому правительству вполне реальной, и на этой стороне дела оно и фиксирует осо-

[126] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 29. СГГД, т. I, стр. 142—146, № 65.

бенно пристально внимание: «А с королем Казимиром и с великим князем литовским, или кто иной будет князь велики на Литовской земле, не канчивати ти, ни ссылатися с ним на наше лихо, ни вь его ти ся имя с своею землею не дати; а от нас ти к литовскому никоторыми делы не отступити, а быти ти с нами с великими князьми на литовского везде заодин... А учнет к тебе с чем присылати король и великий князь литовский, и тебе то нам поведати вправду, без хитрости». В тех же самых выражениях договор 1483 г. стремится парализовать возможность связей рязанских князей с теми «лиходеями», которые нашли себе приют в Литве, и запрещает принимать в Рязанской земле изменников московского великого князя, которые будут искать там убежища.

Грамота 1447 г. предоставляла рязанскому князю право заключить договор с Литвой «по думе» с великим князем московским, но требовала, чтобы московско-рязанская дружба была отмечена специальным пунктом в рязанско-литовском докончании: «А всхочет с тобою князь велики литовской любви, и тобе с ним взять любовь со мною по думе; а писати ти с ним в докончальную грамоту, что есь со мною с великим князем с Васильем Васильевичем один человек. А будет ему любовь со мною, ино и с тобою, а не будет ему любви со мною, ино и тебе с ним любви нет». Ниже, в том же документе, имеется другая статья, ограничивающая рязанского князя в его праве заключать соглашения без московского ведома и указывающая, что в докончальные грамоты, составленные от имени великого князя московского, последний вписывает рязанского князя: «А тебе, князю великому Ивану, любви не имати, ни канчивати ни с кем без моего веданья; а с кем яз князь велики иму любовь имати и докончанье, и мне князю великому в докончальные грамоты писать тебя, князя великого Ивана». В договорном тексте 1483 г. пункт о допустимости рязанско-литовского докончания, осуществленного «по думе» с литовским великим князем, исчез вовсе. Из двух приведенных выше статей договорного акта 1447 г., в результате редакции 1483 г., была выработана одна, получившая новый смысл: «А как дасть бог учнем имати любовь и докончание с королем и с великим князем литовским, и нам тебя писати в своем докончанье, что еси с нами один человек; а тебе с ним не канчивати, ни с-ыным ни с кем». Инициатива оформления мирных и союзных договоров принадлежит только московскому князю, который включает в написанные от своего лица докончальные грамоты имя князя рязанского.

Особое внимание уделяет докончание 1483 г. вопросу об уплате с Рязанской земли ясака на содержание касимовских татар на основе записей Василия Темного, который «кончал со царевичевыми с Касымовыми князьми» за рязанского князя Василия Ивановича. В то же время грамота старается не допустить сношений рязанского князя с касимовским царевичем Даньяром «на лихо» великого князя московского.

Договор 1483 г. вносит ряд исправлений и добавлений в тот раздел грамоты 1447 г., который содержал в себе данные относительно московско-рязанской границы. Так, в грамоте 1483 г. имеются дополнительные указания на куплю Василия Темного за Окою, в которую не должны «вступатися» рязанские князья. Иногда незначительные расхождения между текстами 1447 и 1483 гг. в формулировке той или иной статьи свидетельствуют об изменении исторических условий. Так, в докончании 1447 г. мы читаем: «А что будет дед мой князь велики Дмитрей Иванович отоймал места татарские и мордовскаа, а ци переменит бог татар, и те места мне, великому князю Василью Васильевичю...» В грамоте 1483 г. слова «а ци переменит бог татар» выпущены и приведенная фраза звучит следующим образом: «а что прадед наш князь велики Дмитрей Иванович поотоймал места татарьские и мордовские, и та места нам, великим князем...»

В договоре 1483 г. исчезли имевшиеся в докончальной грамоте 1447 г. статьи относительно посредничества московского великого князя в отношениях между князьями рязанскими и пронскими, так как в 1483 г. Пронск уже утратил свою самостоятельность и подпал под власть Рязани. Ничего не говорится также о князьях тарусских и новосильских. Опустил договорный акт 1483 г. и утратившие к этому времени свое значение подробные условия докончания 1447 г. о размене пленными в результате московско-рязанских войн при князьях Дмитрии Ивановиче московском и Олеге Ивановиче рязанском.

Формуляр московско-тверских докончальных грамот подвергся в 80-х годах XV в. изменениям, аналогичным тем, которые выше были отмечены в отношении московско-рязанских договорных актов. Проследить эти изменения можно путем сличения двух сохранившихся разновременных договоров Ивана III с тверским князем Михаилом Борисовичем. Первый был заключен по вокняжении Ивана III, в период 1462—1464 гг.[127] Второй, как было указано, относится к 1484—1485 гг.[128] Докончание между Москвой и Тверью 1462—1464 гг. почти дословно повторяет текст более ранней договорной грамоты 50-х годов Василия Темного с тверским князем Борисом Александровичем.[129] Договор 80-х годов значительно отступает от этого текста, приближаясь по своему формуляру к московско-рязанскому докончанию 1483 г. Отличия договорного акта 1484—1485 гг. от грамоты 60-х годов касаются прежде всего терминологии, определяющей междукняжеские отношения. Михаил тверской называет московского великого князя уже не «братом», а «братом старейшим». Точно так же именует он и сына Ивана III Ивана Ивановича Молодого. В силу этого в текст 1484—1485 гг. внесена следующая статья, отсутствовавшая в договоре 1462—1464 гг.: «Имети ти (т. е. Михаилу Борисовичу) меня великого князя Ивана Васильевича всея Руси братом старейшим и моего сына великого князя Ивана имети ти себе братом старейшим, а брата нашего молодшего князя Андрея Васильевича имети ти собе братом, а меншую нашу братью князя Бориса Васильевича и князя Михаила Андреевича имети ти себе братьею молодшею».

Кроме того, перестроена вся конструкция докончания 1484—1485 гг. по сравнению с договорным актом 1462—1466 гг. В договоре 60-х годов на первое место выдвигалось условие, согласно которому московский и тверской великие князья, в случае попытки татар их «сваживати», не должны были соглашаться на предложение татар взять себе: первый — Тверь и Кашин, второй — Московское княжение и Великий Новгород. Иван III обязался «не искати» тех земель, которые издавна «потягли» к Твери и Кашину; Михаил Борисович отказывался от притязаний на московские и новгородские владения. Затем следовали статьи о единой политике со стороны Москвы и Твери в отношении татар, ляхов, литвы, немцев, а также о совместных действиях против князей-изменников, находившихся в Литовском государстве, и против тех, которые в будущем «згрубят»

---

[127] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 43-а и 43-б. Опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 34 об.; опись 1626 г., л. 35. СГГД, т. I, стр. 209—215, № 88—89. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 1—15, № 67—68. 27 марта 1462 г. умер Василий Темный (ПСРЛ, т. IV, стр. 148; т. V, стр. 273; т. VI, стр. 185; т. VIII, стр. 150). 13 сентября 1464 г. удалился в Чудов монастырь митрополит московский Феодосий Бывальцев, при котором заключен договор (П. М. Строев. Списки иерархов, стр. 5).

[128] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 71. СГГД. т. I, стр. 293—299, № 119—120. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 202—215; № 101—102.

[129] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 39-а и 39-б. СГГД, т. I, стр. 177—184, № 78—79.

великому князю московскому или его союзнику князю тверскому. Далее предусматривалась взаимная военная помощь в случае «татарской рати» или при нападении литовцев, ляхов или немцев; устанавливался свободный путь в Орду для обеих договаривающихся сторон; говорилось о недействительности грамот, выданных «опчими судьями» при митрополите Киприане. Наконец, после этого восстанавливался «старинный рубеж» Твери, Кашину, с одной стороны, Москве и Новгороду — с другой, а также определялись торговые, поземельные, судебные отношения между Московским и Тверским княжениями.

Такой договорный формуляр был подвергнут в 80-х годах XV в. решительной переделке. В грамоте 1484—1485 гг. вопрос о «сваде» под влиянием татар не поднимается вовсе как утративший свою актуальность. Основное же внимание, как и в московско-рязанском докончании 1483 г., уделено литовско-тверским отношениям. Главная тема, которую развивает соглашение Ивана III с тверским князем 1484—1485 гг., это недопустимость одностороннего союза (вопреки интересам Москвы) между Тверским княжеством и Литовским государством. Соответствующие пункты московско-тверского договорного акта 1484—1485 гг. воспроизводят аналогичные статьи докончальной грамоты великого князя московского с князем рязанским 1483 г. Только в последней речь шла о предотвращении возможности антимосковского блока между Литвой и Рязанью *в будущем*. Московско-тверскому докончанию 80-х годов XV в. *предшествовало* заключение Михаилом Борисовичем соглашения с Казимиром IV в 1483 г.[130] Поэтому текст договора Ивана III с Михаилом и выдвигает в решительной форме требование о полном разрыве *уже состоявшегося* литовско-тверского союза и об отказе со стороны Твери от самостоятельной внешней политики в отношении Литвы: «А что еси был с Казимиром с королем и с великим князем литовским в любви и в докончанье и в крестном целованье, то вам, Казимиру королю и великому князю литовскому, крестное целованье с собя сложити перед нашим послом; а вперед вам с Казимиром с королем и с великим князем литовским и с его детьми, или хто ни будет король или великий князь на Литовской земле, и вам с ним любви и докончанья не имати, ни послов своих к нему не посылати без нашего ведома и без нашие думы». Дальнейшие пункты относительно московско-тверского оборонительного и наступательного союза, заключающиеся в договорном акте Ивана III с Михаилом тверским, совпадают с текстом московско-рязанской докончальной грамоты 1483 г.

Вследствие ярко выраженной антилитовской ориентации договора между Москвой и Тверью 1484—1485 гг., вызванной *конкретной исторической обстановкой* этого времени, в тексте документа оказалась на заднем плане заимствованная из грамоты 1462—1464 гг. статья, говорившая *в общей форме* о единстве московско-тверской политики в отношении татар, ляхов, литовцев, немцев «и всякого недруга».

Обязательство тверского князя не оказывать содействия тем из удельных князей, которые будут в оппозиции к Ивану III («который ми мой брат згрубит», «хто згрубит из нашие братьи из молодшие»), в редакции 80-х годов XV в. теснее, чем в договорном акте 1462—1464 гг., связано с условиями не иметь сношений с князьями-изменниками, эмигрировавшими в Литву. Самая формулировка статьи приобрела бо́льшую политическую остроту. Выражение: «хто згрубит» получило разъяснение в словах: «хто ни будет наш лиходей».

Вопрос о совместных военных действиях московско-тверское докон-

[130] АЗР, т. I, стр. 99—100, № 79. Сборник Муханова, изд. 2-е, стр. 12—13, № 10.

чание 1484—1485 гг. ставит также несколько иначе, чем соглашение Ивана III с Михаилом Борисовичем 1462—1464 гг. Согласно последнему, тверской князь посылал московскому помощь против татар («а ци, брате, по грехом пойдет на нас царь ратью или рать татарская») и сам «садился на коня» в случае нападения литовцев, ляхов или немцев. В тексте 80-х годов пункт «о татарской рати» исчез совершенно. Обязательство Михаила тверского «всести на конь» было сформулировано в виде общего положения и обусловлено выступлением Ивана III против любого «недруга» («а будет нам, великим князем, с кем каково дело»). Зато в договор 1484—1485 гг. между Москвой и Тверью, как и в московско-рязанскую докончальную грамоту 1483 г., вошел специальный пункт, в силу которого великий князь московский должен был «боронити» своего союзника от польского короля и в случае надобности лично против него выступить или послать своих воевод.

В корне изменилось условие, касающееся взаимоотношений Твери с Ордой. В 60-х годах Михаил Борисович обеспечил себе, хотя бы формально, «путь чист» к Орде и «ко царю», распространив эту привилегию на своих детей, внучат и «людей». Договор 1484—1485 гг., напротив, лишил тверского князя самостоятельности и в этой области и поставил его ордынские связи под контроль Москвы: «А коли ти будет к Орде послати, и тебе послати по думе с нами, с великими князьми; а без нашие ти думы в Орду не слати».

В тексте 80-х годов взаимное обязательство «не вступатися» в чужие владения (со стороны Ивана III в Тверь и Кашин, со стороны князя тверского —«в великое княженье в Москву, и в Новгород в Великий, и во Псков, и во вся Новгородская и во Псковская места...»[131] (редакционно слито с указанием на старинный «рубеж» Московской и Новгородской земли с Тверскою «отчиною» Михаила Борисовича и на порубежные суды при митрополите Киприане.

Интересны те различия между редакциями 1462—1464 гг. и 1484—1485 гг., которые можно заметить в статье, говорящей о коммендации «служебных князей». По договору 60-х годов московский и тверской великие князья не должны были «вступатися» в вотчины отъехавших от одного из них к другому «служебных князей». «А хто моих князей отъедет к тобе служебных, и в тех ти отчины не вступатися...» Докончальная грамота 1484—1485 гг. ставит вопрос в иной форме — Иван III и Михаил Борисович не могут принимать друг от друга князей с вотчинами: «А князей служебных с вотчинами нам, великим князем, от тобя не приимати, а тобе от нас, от великих князей, служебных князей с вотчинами не приимати».

Однако эта статья носила чисто формальный характер и на практике нарушалась московским правительством. Из летописи мы узнаем, что вскоре после заключения московско-тверского договора, в 1485 г. «приехали изо Тфери служити к великому князю князь Ондрей Микулинский и князь Осиф Дорогобужский; князь же великий дал Микулинскому Дмитров, а Дорогобужскому Ярославль. Тогда же бояре вси приехали тверскии служити к великому князю на Москву, не терпяще обиды от великого князя; занеже многы от великого князя и от бояр обиды и от его детей боярских о землях: где межи сошлися с межами, где ни изобидят московские дети боярские, то пропало, а где тферичи изобидят, а то князь велики с поношением посылает и с грозами к тверскому, а ответом его веры не имет, а суда не дасть».[132]

Таким образом, договор 1484—1485 гг. имел одностороннее приме-

[131] В тексте 60-х годов Псков не был указан.
[132] ПСРЛ, т. VI, стр. 237.

нение. Иван III требовал от тверского правительства исполнения его условий, но не считал это обязательным для себя. По докончальной грамоте полагалось давать пограничным «землям и водам суд и исправа на обе стороны». В действительности же в порубежных спорах дело решалось не «судом и исправой», а реальным соотношением сил.

§ 6. Списки договорных грамот рязанских князей и литовских документов и московско-литовские отношения 90-х годов XV в.

Помимо сборника 80-х годов XV в. до нас дошло несколько списков договоров между московскими и рязанскими князьями, подлинники которых утрачены. Это докончальные грамоты Олега Ивановича рязанского с Дмитрием Ивановичем московским и Владимиром Андреевичем серпуховским 80-х годов XIV в.;[133] московского князя Василия Дмитриевича и его братьев с Федором Ольговичем рязанским 1402 г.;[134] Ивана Федоровича рязанского с Юрием Дмитриевичем галицким в момент завладения им московским великим княжением в начале 30-х годов XV в.;[135] московского князя Василия Васильевича, а также князей можайских и боровских с князем рязанским Иваном Федоровичем 1447 г.[136]

Интересно выяснить, когда и для каких целей были составлены эти списки. Если мы обратимся к палеографическим особенностям последних, то убедимся, что они ведут нас к 90-м годам XV в. Именно на это время указывают водяные знаки: голова быка [137] и кувшинчик.[138]

Интерес к документам, регулировавшим московско-рязанские взаимоотношения, проявленный московским правительством в последнем десятилетии XV в., станет понятным, если мы ближе присмотримся к той политике, которую вела в это время Москва в отношении Литвы. В московско-литовских переговорах вопрос о Рязанском княжестве занимал видное место. Иван III, повидимому, опасался, что Литва питает серьезные политические притязания в отношении Рязани. В феврале 1494 г. между московским и литовским князьями был заключен договор, в который вошел специальный пункт о принадлежности Рязанского княжения к «стороне» Ивана III и о запрещении князю литовскому Александру «вступаться» в Рязанские владения: «А князь великий Иван Васильевич рязаньской и брат его князь Феодор и с своими детми и своею землею в твоей стороне великого князя в Иванове. А мне, великому князю Александру, их не обидети, ни в землю ми в их не вступатися. А в чем мне, великому князю, князь великий Иван рязанской и брат его князь Феодор сгрубят, и мне о том прислати к тебе, великому князю Ивану, и тебе то мне направити».[139]

---

[133] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 6. СГГД, т. I, стр. 53—55, № 32.

[134] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 10. СГГД, т. I, стр. 65—68, № 36. На одном листе с названной московско-рязанской докончальной грамотой, перед ней, скопирован текст договора московского великого князя Василия Дмитриевича со своими братьями Андреем и Петром Дмитриевичами. Списку московско-рязанского докончания предшествует следующий заголовок: «Грамота князя великого Василья Дмитреевича со князем с Федором с Олговичем рязанским новая».

[135] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 17. СГГД, т. I, стр. 96—99, № 48. Список озаглавлен: «Грамота княжа Юрьева Дмитреевича да княжа Иванова Федоровича докончалная».

[136] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 29. СГГД, т. I, стр. 142—146, № 65. На обороте списка помета двумя почерками: (первым почерком) «Грамота докончалная (вторым:) великого князя Василья Васильевича со князем Иваном Федоровичем (снова первым почерком:) писана на Москве лета 6955-го году июля в 20 де...»

[137] Альбом Н. П. Лихачева, № 1278.

[138] Там же, № 1171.

[139] СГГД, т. V, стр. 17, № 29.

Этот параграф московско-литовского докончания составлен в соответствии с условием договора между Иваном III и Иваном Васильевичем рязанским от 1483 г. В указанной договорной грамоте, как мы видели, московский великий князь, в случае докончания с Литвой, обязался «писать» князя рязанского, что он «с ним один человек». Иван Васильевич рязанский по договорной грамоте 1483 г. был лишен права самостоятельных сношений с Литовским государством.

В середине 90-х годов XV в., обосновывая перед литовским правительством свои права на Рязанское княжество, принадлежавшее к «стороне» московского великого князя, Иван III решил собрать старые документы, которые касались рязанско-московских взаимоотношений и которые могли бы подкрепить позиции Москвы в отношении Рязани, занятые во время переговоров с Литвой.

Что касается литовского правительства, то оно, договариваясь с Иваном III о заключении докончания 1494 г., выдвигало иную точку зрения по вопросу о Рязанском княжестве. Еще в 1493 г. литовским послам было велено добиваться включения в текст докончальной литовско-московской грамоты статьи 1449 г., находившейся в договоре Василия Темного с Казимиром IV, согласно которой рязанский князь имел право «служить» польскому королю и великому князю литовскому.[140] Эта статья 1449 г., в противоположность тексту московско-рязанского соглашения 1483 г., признавала зависимость рязанского князя от Литвы. Рязанский князь, в качестве «молодшего брата» князя московского, находился с ним «в любви». Король польский Казимир IV не должен «обидети» рязанского князя; если же последний «сгрубит» королю, то тот ставит в известность об этом великого князя московского, который принимает меры к «исправлению» виноватого. Однако, если рязанский князь не «исправится» после этого, то король может его «показнити», а великий князь московский не должен за него заступаться. Затем помещено условие о «службе» рязанского князя королю: «А всхочет ли брат мой молодшый князь великий Иван Федорович служыти тобе, моему брату королю и великому князю, и мне, великому князю Василью, про то на него не гневаться, ни мстити ему».[141]

Иван III не согласился внести в докончальную грамоту с Александром литовским указанные пункты, касающиеся литовско-рязанских взаимоотношений. Он настоял на такой редакции, которая отвечала условиям московско-рязанского соглашения 1483 г. Подбор текстов, рисующих историю отношений между Рязанским княжеством и Москвой, послужил обоснованию тезиса о том, что рязанские князья со своей землей находятся «в стороне великого князя».

Присматриваясь к перечисленным текстам, скопированным, как я предполагаю, в 1493—1494 гг., нетрудно заметить, что копии были сняты с оригиналов докончальных грамот, извлеченных не только из московской великокняжеской казны, но и из архива рязанских князей. В самом деле, в основе двух списков (из четырех известных) лежат московские противни, в основе двух остальных — рязанские. Такие документы, как договор рязанского князя Ивана Федоровича с Юрием Дмитриевичем галицким (рязанский экземпляр с приведением ко кресту галицкого князя) могли попасть в Москву только из государственного архива Переяславля Рязанского. Отсюда мы вправе сделать вывод, что уже при Иване III рязанские государственные документы были использованы московским прави-

---

[140] «А о великого князя резаньского штобы в докончаньи поставлено подлуг первого старого докончанья отца его. А панове послове наши естли не возмогуть к тому приперети, ино ему и того мають поступити, абы докончанье тым ся не взрушыло». АЗР, т. I, стр. 136, № 14. Сборник Муханова, стр. 65, № 40.

[141] АЗР, т. I, стр. 65, № 50. Сборник Муханова, стр. 9, № 7.

тельством в своих целях.[142] Когда рязанский княжеский архив был вывезен в Москву? Вероятнее всего — в 1456 г. В это время умер рязанский князь Иван Федорович, «приказав... на соблюдение» своего сына Василия великому московскому князю Василию Темному. Последний взял малолетнего Василия Ивановича к себе в Москву, «а на Рязань посла наместники своя на соблюдение, и на прочаа грады его и на власти».[143] Можно думать, что тогда же были вывезены в Москву из рязанского княжеского архива и некоторые грамоты, представлявшие интерес для московского правительства. Вспомним, что в том же 1456 г., в связи с арестом Василия Ярославича боровского, московские дьяки разбирали и пересматривали его договорные акты с великим князем московским. Интересно, что московско-рязанский договор 1447 г. составлен от имени не только Василия Темного, но и его «молодшей братьи»: князей Ивана и Михаила Андреевичей и Василия Ярославича. Если принять во внимание, что Иван Андреевич можайский в 1454 г. бежал с семьей в Литву, после чего в Можайске утвердились великокняжеские наместники,[144] а Василий Ярославич боровский в 1456 г. был заточен в Углич, то станет понятным, что ревизия рязанского архива в 1456 г. была связана с одновременными политическими мероприятиями правительства Василия II, направленными против его противников из числа князей московских уделов.

Моя попытка объяснить снятие в 1493—1494 гг. копий с рязанских докончальных грамот тем, что справки в этих документах наводились во время московско-литовских переговоров, подтверждается еще одним наблюдением. В то же время в Москве была составлена копийная книга, включившая в себя московско-литовские договорные акты XIV в. (княжений Ивана Ивановича и Дмитрия Ивановича). В указанной, не сохранившейся до нас книге, состоявшей из ряда «ветхих» тетрадей, были скопированы, согласно данным описи 1626 г., девять документов,[145] большинство которых утрачено. Лаконичная характеристика этих актов в описи 1626 г. не позволяет выяснить обстоятельства их появления и судить об их содержании. Но обращает на себя внимание указание на докончание между Дмитрием Ивановичем московским и княгиней Иулианией Александровной, супругой литовского князя Ольгерда Гедиминовича, о женитьбе Ягайла Ольгердовича на дочери Дмитрия: «Грамота великого князя Дмитрия Ивановича и великие княгини Ульяны Ольгердовны,— докончанье о женитьве великого князя Ягайла Олгердовича, женится ему у великого князя Дмитрея Ивановича на дочери, а великому князю Дмитрею Ивановичю дочь свою за него дати, а ему, великому князю Ягайлу, быти вь их воле, и крестится в православную веру, и крестьянство свое объявити во все люди».[146]

Сведения о подобном соглашении между московским великим князем Дмитрием Ивановичем и вдовой Ольгерда — урожденной тверской княжной Иулианией, дочерью тверского князя Александра Михайловича,— отсутствуют в существующей исторической литературе.[147] Об этом мол-

---

[142] Опись царского архива XVI в. упоминает как оригиналы, так и списки «грамот докончальных резанских князей» (ААЭ, т. I, стр. 336, 337, 345; ящики 17, 27, 146). См. также ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1614 г., лл. 11 об., 12, 17, 47; опись 1626 г., лл. 4, 4 об., 8 об.— 9, 14—14 об., 17 об.

[143] ПСРЛ, т. XII, стр. 112.

[144] Там же, стр. 109.

[145] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., лл. 3—6 об.

[146] Там же, л. 5.

[147] К. Шайнох. Ядвига и Ягайло. Перевод с польского В. Кеневич, тт. 1—2, СПб.—М., 1880—1882. М. Смирнов. Ягелло—Яков—Владислав и первое соединение Литвы с Польшей, ч. 1, Одесса, 1868. М. К. Любавский. Очерк истории

чат русские летописи и западные источники. Поэтому-то указание описи 1626 г. чрезвычайно интересно и важно. Наряду с проектом брака Ягайла с наследницей польского престола Ядвигой, некоторой частью литовских феодалов был принят, по договоренности с Москвой, контрпроект, согласно которому Ягайло должен был жениться на русской княжне. Этот последний план вышел, очевидно, из православных кругов, группировавшихся вокруг вдовы Ольгерда княгини Иулиании Александровны. Вступлению Ягайла в брак с дочерью Дмитрия Донского должно было предшествовать официальное принятие им православной веры, причем крещение литовского князя предполагалось подвергнуть широкой огласке. На вопрос о том, был ли Ягайло до обращения в католичество (в связи с женитьбой на Ядвиге) православным или язычником, исследователи отвечают по-разному.[148] Опись 1626 г. дает новый материал для разрешения этого вопроса. Очевидно, в середине 80-х годов XV в., к которому относятся оба брачных проекта (литовско-русский и литовско-польский), речь шла не о сохранении Ягайлом православия или переходе из православия в католичество, а об официальном крещении *по одному из христианских обрядов* (*православному или католическому*). Религиозная уния («крестьянство свое объявити во все люди») была тесно связана с унией политической: «быти (Ягайлу) в их (русской) воле». В 1386 г. польское влияние в Литве одержало верх над русским. Ягайло, вместе с рукой Ядвиги, получил и польский престол. Литовские магнаты, державшиеся польской ориентации, позаботились о том, чтобы нежелательный для них документ — соглашение между Дмитрием Донским и княгиней Иулианией — не получил огласки. Но для московских князей этот документ имел большое значение в их борьбе с польско-литовскими притязаниями. И не случайно о нем вспомнил Иван III в 1493—1494 гг., когда, выдавая свою дочь Елену замуж за великого князя Александра Казимировича, ставил условием сохранение ею православия.[149]

Не случайно также копийная книга литовских документов появилась в великокняжеском архиве одновременно со списками, снятыми в 90-х годах XV в. с рязанских грамот. В жены Ягайла предназначалась, очевидно, старшая дочь Дмитрия Донского Софья, которая после неудачи названного брачного проекта была выдана замуж за рязанского князя Федора Ольговича. Летопись о браке Федора Ольговича с Софьей Дмитриевной сообщает сразу вслед за известием о женитьбе Ягайла на Ядвиге.[150]

Таким образом, в 90-х годах XV в. ссылка на московско-литовское соглашение 80-х годов XIV в. о женитьбе Ягайла Ольгердовича на Софье Дмитриевне могла понадобиться в плане и московско-литовских, и московско-рязанских, и рязанско-литовских отношений.

§ 7. Договорная грамота рязанских князей 1496 г.

Среди рязанских документов в составе московского великокняжеского архива сохранились еще тексты договора между великим рязанским князем Иваном Васильевичем и его братом Федором от 19 августа 1496 г.

Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно, изд. 2-е, М., 1915, стр. 42—53.

[148] См. об этом у М. С м и р н о в а. Ягелло—Яков—Владислав и первое соединение Литвы с Польшею, ч. 1, стр. 140—175.

[149] АЗР, т. I, стр. 137—143, № 116; Сборник Муханова, стр. 68—70, № 42; стр. 70—71, № 43; стр. 71—72, № 44; стр. 76—78, № 50; стр. 78—79, № 51; стр. 79—80, № 52.

[150] Под 1386 г.: «Того же году великий князь Ягайло Олгердович литовский ездил женитися в Лятскую землю и женися тамо, а поня королевну Казимерову дочь Едвигу и тамо крестися в римскую веру и потом дастася ему королевьство». Под 1387 г.: «Князь великий Дмитрей Иванович отда дщерь свою Софию на Резань за князя Федора Олговича» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 51).

Договор был заключен в Переяславле-Рязанском, «по благословению» рязанского владыки Симеона. Грамота, содержащая крестоцелование Федора Васильевича «к своему брату старишему и великому князю Ивану Васильевичу» дошла до нас в списке.[151] Ответная грамота великого рязанского князя Ивана сохранилась в подлиннике. Она имеет скрепу: «Смиренный епископ Семион резаньской и муромьской».[152] Очевидно, на документе были восковые печати, которые совершенно растопились, залив воском бумагу и повредив текст.[153] Оба противня докончания (один в списке, другой в оригинале), по всей вероятности, хранились вместе, так как на списке также виднеются восковые пятна, образовавшиеся в результате соприкосновения с оригиналом. Текст, дошедший до нас в подлиннике, написан очень характерным мелким почерком. Противень этого текста принадлежит другому писцу, который, однако, старался подражать первому почерку.

На оборотной стороне списка рассматриваемой договорной грамоты (представлявшей собой экземпляр, взятый Иваном Васильевичем у брата Федора) находим помету: «Списки з грамот з докончалных с резанских великому князю Ивану з братом его со князем с Федором, а самые грамоты докончалные с печятми лет... (далее текст документа поврежден воском и, кроме того, угол листа оторван, поэтому несколько слов разобрать невозможно)... к резанской к Огрофене сь ее человеком с Медведем». В «Собрании государственных грамот и договоров» сделана попытка частичной реконструкции испорченного места, именно после слова «лет» («лета») издатели вставили дату: 7035. А. Е. Пресняков предлагает дальнейшую конъектуру: «лета 7035 [посланы к великой княгине] к резанской к Огрофене...»[154] Однако подобные попытки реставрации дефектного текста нельзя признать обоснованными.

Пятно от растопившегося воска совершенно скрыло часть пометы, которую в настоящее время разобрать невозможно. Вряд ли документ был сохраннее и в начале XIX в., когда готовилось издание «Собрания государственных грамот и договоров»; по крайней мере, издатели «Древней Российской Вивлиофики» еще в XVIII в. отказались прочесть поврежденное место. Пропущено оно и в копии, снятой с древнего списка грамоты Бантыш-Каменским и хранящейся в ЦГАДА в одной папке с этим списком. Если согласиться с чтением пометы, которое дано в «Собрании государственных грамот и договоров» и принято и дополнено А. Е. Пресняковым, то выходит, что список с экземпляра договорной грамоты, принадлежавшего великому рязанскому князю Ивану Васильевичу, был снят в Москве в 1527 г., а подлинный документ тогда же отправлен к рязанской великой княгине Агриппине. Это явно невозможно, так как к 1527 г. Рязанское княжество было уже присоединено к Москве.

История докончания рязанских князей 1496 г. не вскрыта в исторической литературе. Я представляю ее себе следующим образом. Договор

---

[151] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 76. СГГД, т. I, стр. 320—324, № 127. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 263—274, № 109.

[152] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 77. СГГД, т. I, стр. 325—329, № 128. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 275—286, № 110.

[153] В описи архива Посольского приказа грамота описана следующим образом: «Грамота докончалная великого князя Ивана Васильевича (очевидно, ошибочно имеется в виду Иван III) с великим князем Федором Васильевичем резанским (опять ошибка: Федор не был великим князем), а у ней резанского епископа Семиона рука, а печати нет; заплыла вся от пожару воском от иных печатей; писана на бумаге на листу; 7004 году, ветха, изодралась». ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., л. 42. См. т а м ж е, опись 1614 г., л. 49 об.

[154] А. Е. П р е с н я к о в. Образование Великорусского государства, стр. 256, прим. 1.

был заключен с ведома московского великого князя, и его текст рассмотрен, одобрен и утвержден Иваном III, хотя формально оба рязанских князя как будто действовали самостоятельно. Правильность моей точки зрения подтверждается теми сведениями, которые дают архивные описи XVII в. В описи 1626 г. читаем: «Список з доканчалных грамот великого князя Ивана Васильевича всеа Русии с великими князи резанскими, со князем Иваном да со князем Федором и ответные списки; писано в 7004-м году; сверху строки заплыла воском; у грамоты рук и печатей нет».[155] Совершенно аналогичные данные находим в описи 1614 г.[156] Прежде всего, несомненно, что в обеих описях в числе «ответных списков» имеется, между прочим, в виду текст сохранившейся да нашего времени крестоцеловальной грамоты Федора Васильевича, которая действительно заплыла воском. Но ясно и другое: в московском великокняжеском архиве хранился список договора Ивана III с рязанскими князьями и их «ответные списки», т. е., очевидно, крестоцеловальные грамоты, выданные ими как московскому князю, так и друг другу. Значит, докончание между рязанскими князьями было согласовано с Иваном III и санкционировано соответствующим несохранившимся московско-рязанским докончанием. В результате его, надо думать, состоялся в 1497 г. и визит в Москву рязанской княгини Анны Васильевны, сестры Ивана III.[157]

Я считаю далее, что подлинные тексты договорного акта между Иваном и Федором Васильевичами рязанскими по его оформлении поступили в московский государственный архив. Оба противня докончания (от лица каждого из князей) хранились там до того момента, пока их не отправили в Переяславль-Рязанский, к княгине Агриппине Васильевне, жене князя Ивана Васильевича рязанского. Тогда-то с названных грамот в Москве были сняты списки для великокняжеской казны. Случилось это, вероятно, вслед за смертью 29 мая 1500 г. рязанского князя Ивана Васильевича.[158]

После него остался малолетний сын Иван, а фактической правительницей сделалась его мать Агриппина Васильевна. Ей нужно было установить свои отношения с удельным князем Федором Васильевичем на той основе, на которой они сложились при жизни ее мужа и были признаны Москвой. С разрешения Ивана III в Москву был послан «человек» Агриппины — Медведь, который и отвез в Переяславль-Рязанский интересовавшие великую рязанскую княгиню договорные тексты; в Москве остались лишь копии.

При изучении рязанских докончальных грамот мы наталкиваемся, однако, на одно обстоятельство, требующее объяснения. Помета на списке крестоцеловальной грамоты Федора Васильевича его брату Ивану указывает, что в Переяславль-Рязанский были высланы из Москвы оба противня до́говорного акта рязанских князей 1496 г.: говорится о «грамотах докончалных» во множественном числе. Между тем в настоящее время противень договора, принадлежавший Федору Васильевичу и представлявший собой текст с крестоцелованием его брата Ивана Васильевича, хранится в Государственном древлехранилище, в составе московского великокняжеского архива. Отсюда можно сделать вывод, что названная грамота снова была возвращена в Москву. Скорее всего это могло произойти после смерти Федора Васильевича (около 1503 г.),[159] который усту-

---

[155] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., л. 42.
[156] Там же, опись 1614 г., л. 3.
[157] ПСРЛ, т. VI, стр. 42.
[158] ПСРЛ, т. VI, стр. 44—45.
[159] В 1501—1502 гг. князь Федор Васильевич был еще жив, так как сохранилась его запись Солотчинскому монастырю от 7010 г. на деревню, полученную в пожизненное держание (Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А. Н. Пискаре-

пил свой удел Ивану III, минуя племянника — великого рязанского князя Ивана Ивановича. В духовной Ивана III читаем: «А что дал сестричичь мой князь Федор Васильевич рязанской свою отчину на Рязани в городе и на посаде свои жеребей, и Старую Рязань, и Перевитеск с волостьми, и с путми, и з селы, и з бортью, и с тамгою, и со всеми пошлинами, по тому, как ся делил с своим братом со князем с-Ываном, и яз ту его вотчину... со всем по тому, как было за князем за Федором, даю сыну своему Василью». По договору 1496 г. Федор Васильевич обязался, в случае своей смерти, «своей отчины не отдати никоторою хитростью мимо» великого рязанского князя Ивана Васильевича. Но дети последнего не были упомянуты в докончальной грамоте, и формально это давало Федору Васильевичу право, минуя племянника, завещать свою «отчину» великому князю московскому. В этом смысле, вероятно, и была написана духовная Федора Васильевича, которая до нас не дошла. Однако наличие в московском великокняжеском архиве экземпляра договора 1496 г., принадлежавшего Федору и незадолго до его смерти поступившего в государственный архив Переяславля-Рязанского из Москвы, а затем, очевидно, переправленного обратно, свидетельствует о том, что текст духовной Федора Васильевича был согласован с московским правительством. По смерти завещателя московское правительство пожелало получить в свои руки документ, который подтверждал факт раздела Рязанского княжества между братьями и определял состав «отчины» Федора. В своей духовной Иван III, как мы видели, ссылался на рязанское докончание 1496 г.: «как ся делил (Федор Васильевич) с своим братом со князем с-Ываном». Таким образом, возвращение в московскую великокняжескую казну, после непродолжительного отсутствия, одного из экземпляров рязанской докончальной грамоты 1496 г. объясняется стремлением московской великокняжеской канцелярии подобрать материал для документации подготавливавшегося завещания Ивана III. Подобная документация проводилась не только по вопросу о принадлежности Москве определенной территории Рязанского княжения. Как будет указано ниже, при составлении завещания Ивана III московские дьяки ссылались на акты о передаче московскому великому князю удельным князем Иваном Борисовичем Рузы.

Предложенные выше соображения о том, что текст договора рязанских князей 1496 г. составлен при участии московской великокняжеской канцелярии, подтверждаются наблюдениями над его формуляром и содержанием. Бросается в глаза, что рязанский договорный акт 1496 г. формально построен по образцу докончальных грамот московского великого князя с удельными князьями московского дома, а по существу копирует порядки, господствовавшие в Москве и московских уделах.

Действительно, начальный протокол договора говорит о докончании между рязанскими князьями «по благословенью» рязанского архиепископа «и по нашей любви». Договоры между князьями московского дома заключались обычно «по благословению» митрополита всея Руси.[160]

Целый ряд клаузул договорного формуляра полностью перенесен в рязанский договорный акт 1496 г. из московских докончальных грамот. Это касается, прежде всего, терминологии, общепринятой для определения междукняжеских отношений: великий князь «держит» удельного «братом молодшим», удельный великого —«братом старишим». Москов-

---

вым, СПб., 1854, стр. 10, № 9). В духовной же Ивана III 1504 г. говорится о переходе после смерти Федора его «отчины» к Москве (ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 34, л. 4. СГГД, т. I, стр. 393, № 144).

[160] Ср. договорные грамоты Ивана III с Андреем и Борисом Васильевичами 1486 г. ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 72—73. СГГД, т. I, стр. 306—390. № 123—126.

ского происхождения формулы, обязывавшие удельного князя «держати честно и грозно без обиды» «великого князя и... великое княженье», а от князя великого требовавшие, чтобы он «держал» удельного «в братстве и в любви и во чти без обиды»; наконец, предписывавшие обоим князьям, чтобы они «хотели [друг другу]... добра везде во всем и до живота», были «везде заодин и до живота на всякого недруга», так же как и их дети.[161]

По московскому образцу даются договаривающимися князьями взаимные обязательства относительно их внешней политики и права заключения союзов: иметь общих друзей и недругов, «не канчивати, ни ссылатися ни с кем», не уведомив друг друга. Удельный князь, услышав от «хрестьянина, или от литвина, или от иноверца» что-либо касающееся великого князя (как о его «добре», так и о «лисе»), должен «поведати... (ему об этом)... вправду, без примышленья». Если кто-либо «учнет присылати» к удельному князю на «лихо» князю великому, последний также должен быть немедленно уведомлен об этом «в правду, без хитрости», причем удельный князь не имеет права «без веданья» великого отпустить того, «кого (к нему)... пришлют». Будучи с кем-либо «в докончаньи», великий князь обязуется «с тем... учинити в докончаньи» и князя удельного, а последний в свою очередь обещает «сложити целованье» к тому, с кем он будет в одностороннем союзе.

По-московски звучит статья договора 1496 г., обеспечивающая удельному князю патронат со стороны великого князя: «А мне, великому князю, тобя жаловати и печаловати ми ся тобою и твоею отчиною».

В соответствии с московским договорным формуляром, в рязанской докончальной грамоте 1496 г. далее следуют условия о «блюдении» каждым из князей (а после их смерти — их детьми) владений, принадлежащих другому: «великого княжения (или «отчины») не хотети... и блюсти, и не обидети, ни вступатися».

Начала военного междукняжеского союза находят определение, обычное для московских договорных текстов: «Где ми, великому князю, самому всести на конь и тебе со мною самому пойти, а где ми тобя послати, и тебе пойти без ослушанья; а где пошлю своих воевод, и тебе послати с моими воеводами своего воеводу с людми».[162]

Утративший уже к 90-м годам XV в. свой смысл, обычный для грамот московского происхождения пункт о «ведании» Орды великим князем и о взимании им «с уделов» «выхода» «по старым дефтерем», получил в рязанском докончании 1496 г. своеобразное применение. Устаревшая формула: «А Орды знати и ведати мне, великому князю...» была дополнена условием об уплате ясака удельным князем касимовскому царевичу Сатылгану, так же как и ордынского «выхода», через великого князя.

Заключительные статьи договорного текста 1496 г. также воспроизводят обычные параграфы московских докончальных грамот, закостеневшие в виде шаблонных формул, далеко не всегда отражавшие реальные жизненные отношения: о «блюдении» вотчин чужих бояр, о «вольности» боярской службы, о «городной осаде», о порубежном суде и пр.[163]

Точным воспроизведением московских порядков является владение по «третям» доходами со стольного города Рязанского княжества — Переяславля-Рязанского. Иван Васильевич, на основании духовной своего отца, отделил брату Федору дворы в Переяславле-Рязанском, «посад и мель-

---

[161] Ср. названные договорные грамоты Ивана III с Андреем и Борисом Васильевичами 1486 г., а также грамоты тех же князей 1481 г. ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 58, 60, 63. СГГД, т. I, стр. 253—270, № 106—111.

[162] Ср. договорные грамоты Ивана III с Андреем и Борисом Васильевичами 1481 г. и 1486 г.

[163] Ср. договорные грамоты Ивана III с удельными князьями московского дома.

ницы и поле у города и луг, а в городской тамге треть». Наряду с наместником рязанского великого князя, Федор Васильевич держит в Переяславле своего третчика, который участвует в суде великокняжеского наместника и «смотрит своего прибытка». Точно так же и в Москве: «судит... наместник московьскый (великокняжеский или, как его называют, «большой») с двема третники и казнит»; «судья (представляющий интересы удельного князя) за ним (большим наместником) идет, своего прибытка смотрит».[164]

Некоторые статьи рязанского докончания 1496 г., посвященные вопросу о суде в Переяславле-Рязанском, в основном совпадают с тем, что говорит по поводу организации суда в Москве духовная Ивана III.

Духовная Ивана III

А что есми дал детем своим Юрью з братьею у *города у Москвы селца с дворы в городцкими, и учинится в тех селцех и в дворех в городных душегубство или поличное, и то судит наместник большей сына моего Василъев.*[165]

Рязанское докончание 1496 г.

А в городе в Переяславле быти, брате, твоему третчику с моим наместником в большим в *душегубстве, и в разбои, и в татбе с поличным*, и на посаде межи моих людей и твоих людей, и межи чьих людей ни буди, ино *пристава даст мой наместник великого князя.* А прилучится твоего третчика пристав тутo, и он с ним идет и на поруку даст, а не прилучится, и пристав моего наместника один идет без твоего третчика пристава и на поруку даст и поставит перед моим наместником, *и мой наместник судит*; а твой третчик прилучится тутo, и он с ним же судит; а не прилучится тутo, *и мой наместник без него судит один*, а твой третчик смотрит своего прибытка.

Таким образом, и в Переяславле-Рязанском, как и в Москве, суд по делам о душегубстве, разбое и татьбе с поличным производит великокняжеский наместник, а роль третчика удельного князя по существу ограничивается лишь получением причитающихся на его долю пошлин.

В основе статей о московском суде, имеющихся в духовной грамоте Ивана III, лежит так называемая Губная запись (или Судебник) до 70-х годов XV в.,[166] несколько переработанная в сторону большей судебной централизации. Анализ текста рязанского докончания 1496 г. наводит на мысль, что значительный раздел его, посвященный вопросам суда, также представляет собой извлечение из судебника Рязанского княжества, существовавшего в самостоятельном виде. Это, очевидно, тот самый судебник, который видел В. Н. Татищев. Если бы этот памятник сохранился до нашего времени, вероятно, мы смогли бы убедиться в том, что он носит такие же следы московской редакции, как и Новгородская или Псковская судные грамоты.[167] Сейчас о характере рязанского судебника можно судить только на основании договора 1496 г. Учитывая, что названный договорный акт возник под московским влиянием, мы вправе сделать вывод, что текст использованного в нем рязанского судебника был не только известен в Москве, но проредактирован по указаниям московского правительства.[168] Этот вывод я ставлю в связь со своими дальнейшими на-

[164] «Запись, что тянет душегубством к Москве». ААЭ, т. I, стр. 87, № 115.

[165] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 34, л. 6. СГГД, т. I, стр. 397, № 144.

[166] ААЭ, т. I, стр. 87—88, № 115. Дата в ААЭ неправильная.

[167] См. об этом гл. VI.

[168] В. Н. Татищев писал про рязанский судебник: «Как князь великий Василий Темный ростовским боярам велел судить по их старым законам, так Иоанн великий по просьбе резанских бояр позволил судить по их законам. Таковых я у... князя Голицына видел собрано книга немалая» (Продолжение Древней Российской Вивлиофики, ч. I,

блюдениями, позволяющими говорить о работе по кодификации правовых памятников, производившейся в Москве еще до издания Иваном III своего судебника в 1497 г.

Большой интерес представляют имеющиеся в договоре 1496 г. статьи, кратко формулирующие основные начала иммунитета церковного и монастырского землевладения. Нетрудно заметить, что условия взаимоотношений между рязанскими князьями и архиепископом рязанским и муромским Симеоном складывались под влиянием договорных грамот великих князей московских с митрополичьей кафедрой, пересмотренных при Иване III в 80-х годах.[169]

§ 8. Документы, связанные с присоединением к Москве Углицкого удела в 1491 г. и передачей Ивану III Рузы удельным князем Иваном Борисовичем в 1503 г.

В конце XV в. московское правительство ликвидировало Углицкое удельное княжество. В сентябре 1491 г. Иван III «сложил с себя крестное целование брату своему» углицкому князю Андрею Васильевичу «за его измену», велел его «изымати» и посадить на Казенном дворе в Москве. Летописи приводят длинный список обвинений, выдвинутых московским великим князем против Андрея. В 70—80-х годах он «чрез крестное целование думал на великого князя Ивана Васильевича, на брата своего старейшего, со братиею своею, со князем Юрьем, и со князем Борисом, и со князем Андреем (Меньшим)»; «к целованию их привел на том, что им на великого князя, на брата своего старейшего, стояти сообного»; посылал грамоты в Литву к королю Казимиру IV, «одиначася с ним на великого князя»; вместе со своим братом Борисом Васильевичем волоцким «отъезжал от великого князя»; посылал грамоты «к царю Ахмату Болшие Орды, приводя его на великого князя на Русскую землю ратию»; в 1491 г., по приказу Ивана III, «на ордынского царя воеводы своего и силы не посылал, а все то чиня измену великому князю, преступаа крестное целование».[170]

Вслед за арестом Андрея Васильевича Иван III распорядился захватить в Угличе его сыновей и отправить их в Переяславль-Залесский. Андрей скончался в заключении в 1493 г.[171] Его дети также не вернулись на Углицкое княжение.

В Москву, очевидно, был вывезен углицкий княжеский архив. Поэтому в настоящее время в Государственном древлехранилище, в составе московского великокняжеского архива, некоторые договоры Ивана III с Андреем Васильевичем сохранились в двух экземплярах (московский и углицкий противни), причем каждый экземпляр состоит из двух грамот (от лица обоих князей).[172]

Присоединение Углича к Москве оставило след в документах москов-

---

содержащая Правду Русскую и Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, с примечаниями В. Н. Татищева, изд. Мышкинской земской библиотеки, СПб., 1899, стр. III). Из слов Татищева видно, что он не вникал в содержание «рязанских законов». Более близкое знакомство с их текстом, вероятно, убедило бы Татищева, что рязанский судебник прошел при Иване III через московскую редакцию.

[169] Ср. жалованную грамоту Ивана III митрополичьей кафедре на слободку Святославлю—Караш в Ростовском у. П. И в а н о в. Описание Гос. архива старых дел, М., 1850, стр. 212—214. АИ, т. I, стр. 408—410, № 215.

[170] ПСРЛ, т. XII, стр. 231; т. IV, стр. 160; т. VIII, стр. 223; т. XVIII, стр. 275; т. XX, ч. 1, стр. 256; т. XXIII, стр. 208.

[171] ПСРЛ, т. IV, стр. 163; т. VIII, стр. 227; т. XII, стр. 237; т. XX, ч. 1, стр. 360; т. XXIII, стр. 212.

[172] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 58 и 60. СГГД, т. I, стр. 253—265, № 106—109.

ского великокняжеского архива, свидетельствующих о том, что дело не ограничилось обманным захватом в Москве удельного углицкого князя. Как и в других аналогичных случаях, по правительственному заданию была проделана большая работа по документации этого политического акта.

Опись 1626 г. содержит указания на то, что в московском великокняжеском архиве хранилась особая тетрадка, содержавшая выписки из целого ряда старых актов (духовных и договорных грамот), относящихся специально ко взаимоотношениям Московского великого княжения с Звенигородским уделом: «Тетрадка, а в ней писаны выписи из докончальных грамот и из духовных великих князей — князя Дмитрия Ивановича, и князя Василия Дмитреевича, и князя Василия Васильевича о Москве и о Звенигороде, да на листу выписки о том же».[173]

Судьба Звенигорода заслуживает бесспорно внимания. Он на протяжении ряда лет оставался во владении князей, ведших борьбу с московской великокняжеской властью. Опись 1626 г. называет в числе документов, из которых были сделаны выписки по вопросу о Звенигороде, три духовных московских великих князей: Дмитрия Донского, Василия I и Василия II. По завещанию Дмитрия Донского, Звенигород «со всеми волостьми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и с селы, и со всеми пошлинами» был передан его сыну Юрию Дмитриевичу галицкому.[174] Последний, в свою очередь, завещал Звенигород своему сыну Василию Косому.[175] Василий Васильевич московский после смерти своего дяди Юрия галицкого отнял у Василия Косого Звенигород и оставил его за собой.[176] В середине XV в. Звенигород был пожалован Василием Темным Василию Ярославичу боровско-серпуховскому «в вотчину и в вудел».[177] Но договор между московским великим князем и Василием Ярославичем около 1456 г. указывает Звенигород снова в числе московских владений Василия II.[178] Вспомним, что в июле 1456 г. Василий Ярославич по приказу великого князя был заточен в Углич. Василий II в своем завещании назначил Звенигород своему сыну Андрею Большому углицкому,[179] за которым он и оставался до его ареста и заточения в 1491 г., после чего снова отошел к великому княжению. Договоры Ивана III с Андреем Васильевичем 1473, 1481 и 1486 гг. гарантировали последнему неприкосновенность Звенигорода в составе его удельных владений.[180] Звенигород встречается также в Губной записи 70-х годов XV в. в числе городов, «тянущих душегубством» к Москве со всеми волостями и селами.[181] Наконец, Иван III пожаловал Звенигород своему сыну Юрию Ивановичу, написав об этом в своей духовной грамоте.[182] В связи с пожалованием Звенигорода (вместе с Дмитровом и Рузою) Юрию, по великокняжескому приказу дьяк Василий Кулешин и Юрий Безобразов произвели «разъезд» Звенигород-

---

[173] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., л. 17 об.

[174] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 7. СГГД, т. I, стр. 58, № 34.

[175] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 17. СГГД, т. I, стр. 105, № 51.

[176] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 19—22. СГГД, т. I, стр. 108, № 52; стр. 113, № 54; стр. 119, № 56; стр. 125, № 58.

[177] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 40. СГГД, т. I, стр. 178, № 78.

[178] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 42. СГГД, т. I, стр. 196, № 84.

[179] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 21. СГГД, т. I, стр. 203, № 86.

[180] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 54, 58, 60, 73. СГГД, т. I, стр. 240, № 99; стр. 254, № 106; стр. 260, № 108; стр. 315, № 125.

[181] ААЭ, т. I, стр. 87, № 115.

[182] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 34, л. 5.— СГГД, т. I, стр. 395, № 144.

ских волостей от Вышгородских;[183] князь Василий Голенин и дьяк Максим Горин установили границу между Звенигородскими, Дмитровскими и Рузскими станами, с одной стороны, и Московскими — с другой.[184] Наконец, Константин Григорьевич Заболоцкий и дворцовый дьяк Ушак «разъехали» территорию Звенигородских и Рузских волостей от Можайска и Клина.[185]

Приведенная нами краткая историческая справка о Звенигороде составлена на основании тех же документов великокняжеского архива, из которых были сделаны выписки в несохранившейся до нас «тетратке», упомянутой описью 1626 г. Эта «тетратка» относилась к княжению Ивана III, так как в нее вошли выдержки из грамот его предшественников, но собственное завещание этого князя осталось неиспользованным.

Я думаю, мы можем уточнить время составления этой тетради, если поставим ее в связь с другими аналогичными работами, производившимися в великокняжеском архиве при Иване III. Все эти работы преследовали одну общую задачу — подготовку ликвидации удельной системы и присоединения к Москве ряда уделов: Дмитровского, Белозерско-Верейского и т. п. Претензии московской великокняжеской власти на указанные удельные владения требовали исторической документации. Вопрос о Звенигороде был выделен и мотивирован специальными историческими ссылками, занесенными в отдельную тетрадь. Но документы, на которых строились эти ссылки, использовались и в других направлениях. Выше было выяснено, что еще в 1481 г., по спорному вопросу об уделе Бориса волоцкого, претендовавшего на часть владений серпуховско-боровского князя Василия Ярославича, в архиве наводились специальные справки в договорных грамотах Василия Ярославича и Василия Темного. Эти же самые документы давали московскому правительству материал и относительно исторических взаимоотношений между Звенигородским уделом и Московским великим княжением. При решении вопроса о судьбе Дмитровского удела в 80-х годах XV в. привлекался текст завещания Василия Темного и других князей, духовные грамоты которых были скопированы в виде специального сборника. Эти грамоты интересовали московское правительство и потому, что из них можно было почерпнуть данные о Звенигороде. Звенигород до конца 1491 г. оставался в составе Углицкого удела Андрея Васильевича Большого. Иван III вынужден был признать это обстоятельство в специальных докончальных грамотах, регулировавших его взаимоотношения с братом. Но в 80-х годах XV в. московское правительство проявляло, как мы видели, очень большой интерес к составу владений углицкого удельного князя, и в этой связи оно должно было уделить необходимое внимание к судьбе Звенигорода.

Мне кажется, появление тетради с выписями о Звенигороде правильнее всего отнести к тому времени, когда произошло присоединение к Москве Углицкого княжения, т. е. к 90-м годам XV в. В дальнейшем эти выписки могли быть использованы при передаче Звенигорода Иваном III своему сыну Юрию Ивановичу по завещанию 1504 г.

Арестовав в 1491 г. Андрея углицкого, Иван III не тронул другого своего брата Бориса Васильевича волоцкого с детьми, как говорит летопись,— «неухищренного их ради нрава не вриди ничим же».[186] Борис Васильевич

---

[183] СГГД, т. I, стр. 357—358, № 139.

[184] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. IV, № 17. СГГД, т. I, стр. 359—576, № 140.

[185] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. IV, № 18. СГГД, т. I, стр. 377—387, № 141.

[186] ПСРЛ, т. XII, стр. 232.

скончался в 1494 г.[187] После его смерти остались два его сына: Федор, получивший по завещанию отца Волоколамск и половину Ржевы, и Иван, которому досталась Руза и другая половина Ржевы. В конце 1503 г. умер Иван Борисович.[188] После него осталась духовная грамота, дошедшая до нас в списке XVI в.[189] История ее составления еще не вскрыта в исторической литературе. Между тем интересные сведения об обстоятельствах, при которых было написано завещание рузского князя, дает житие Иосифа Волоцкого, бывшего «сидельцем» у духовной. Когда Иван Борисович разболелся, рассказывает житие, он приказал отвезти себя в Иосифов-Волоколамский монастырь, «к отцу своему крестному игумену Иосифу». Этому предсмертному желанию своего князя воспротивились его бояре. «И услышав сиа князи и боляре, учинишя между собя совет, дабы князю не давати воли и не вести в обитель Пречистыя к отцу Иосифу». Спор между рузским князем Иваном Борисовичем и боярами был разрешен Иваном III, которого спросили, как поступить. Он велел удовлетворить просьбу больного («и державный повеле воли его быти»), только запретил постричь его в иноки, «понеже еще юн есть». В Иосифовом-Волоколамском монастыре, в присутствии Иосифа Волоцкого, рузский князь распорядился составить свою духовную «и приказа дати Пречистыя монастырю село свое Спаское в Руском уезде, и... приказа вся и учини именно своему розряду». Иван Борисович так и не вернулся больше из своей последней поездки. Он скончался в Иосифовом монастыре, завещав там себя и похоронить.[190]

Из житийного рассказа вытекает, что перевоз больного князя в Волоколамский монастырь был осуществлен вопреки желанию его бояр, по настоянию Иосифа Волоцкого и Ивана III, который был специально поставлен об этом в известность. Невольно возникает предположение, что Иосиф Волоцкий, выполняя роль «сидельца» у духовной своего крестного сына, делал это по поручению московского великого князя. Незадолго до смерти вдовы Бориса Васильевича волоцкого Иулиании и Ивана Борисовича Иосиф Волоцкий, по специальному вызову Ивана III, побывал в 1503 г. в Москве и присутствовал на церковном соборе. По словам жития, «посылають к нему (Иосифу) царская и соборная посланиа бедяще и приити на собор».[191] Иван III лично беседовал с волоколамским игуменом («говорил наедине о церковных делах»), причем затронул в этой беседе довольно тонкие темы, касавшиеся придворных отношений (о «жидовстве» своей снохи Елены Стефановны). Во время своего посещения Москвы Ио-

---

[187] ПСРЛ, т. VIII, стр. 228; т. IV, стр. 164; т. XII, стр. 238; т. XX, ч. 1, стр. 360; т. XXIV, стр. 213.

[188] ПСРЛ, т. VIII, стр. 244; т. XII, стр. 258; т. XX, ч. 1, стр. 274. По летописным сведениям, в ноябре 1503 г. умерла вдова Бориса Васильевича волоцкого княгиня Иулиания, а вскоре вслед за ней скончался и ее сын Иван Борисович, заболевший на свадьбе своего брата Федора Борисовича. «Тое же осени (1503) преставися княгини Улиана князя Бориса Васильевича ноября, и тогда князь Федор Борисович женился после ее, а брат его меншой князь Иван Борисович на свадьбе его разболеся и преставися, и положиша его у Пречистые в Осифове монастыре». Духовную Иулиании см. ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 32; Опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 44 об.; опись 1626 г., л. 37—37 об. СГГД, т. I, стр. 339—340, № 131.

[189] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 33; Опись Посольского приказа 1614 г., л. 38 об.; опись 1626 г., л. 51. СГГД, т. I, стр. 341—343, № 132. «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 2, стр. 294—300, № 112. ААЭ, т. I, стр. 338.

[190] Великие Минеи-Четьи, сентябрь, дни 1—13, СПб., 1868, стр. 470—472. Памятники славяно-русской письменности, изд. Археографической комиссии, т. I.

[191] Житие Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным по двум рукописям собрания П. А. Овчинникова. С пред. С. А. Белокурова. Изд. Моск. общества истории и древностей российских, М., 1903, стр. 34.

сиф Волоцкий, повидимому, завоевал определенное влияние на московского великого князя и, стремясь закрепить это влияние, завязал переписку с великокняжеским духовником Митрофаном. В послании к последнему Иосиф настаивал, чтобы тот воздействовал на Ивана III в духе иосифлянских требований церковной политики.[192]

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно думать, что в конце 1503 г., у ложа умирающего рузского удельного князя, Иосиф Волоцкий действовал в интересах великого князя московского. Выше уже отмечалось, как зорко присматривалось московское правительство к положению в отдельных удельных княжениях в те моменты, когда болезнь удельных князей, дававшая основание предполагать смертельный исход, заставляла опасаться за судьбу их владений. Достаточно вспомнить подробности с составлением завещаний Юрия Васильевича дмитровского, Андрея Васильевича Меньшого вологодского или Михаила Андреевича верейско-белозерского. Вырабатывая текст духовной грамоты Михаила Андреевича, московское правительство установило связь с Верейско-Белозерским удельным княжением через боярина князя Михаила — Василия Ромодановского. Он привозил в Москву черновые предложения своего князя и возвращался с ответными требованиями, выставленными Иваном III. Повидимому, сходную посредническую роль между Москвой и Рузским уделом в 1503 г. выполнял Иосиф Волоцкий.

Интересно, что при составлении духовной Ивана Борисовича присутствовал один Иосиф. Никто из бояр не упомянут (как это обычно полагалось) в качестве свидетелей предсмертного княжеского завещательного акта. Житие рассказывает, что после того, как Ивана Борисовича привезли в монастырь, волоколамский игумен удалил от него всех бояр («и выслa всех вон, остави единого старца Касиана, рекомого Босого»).[193] Это обстоятельство, так же как намерение волоколамского и рузского боярства помешать отъезду удельного рузского князя в Иосифов-Волоколамский монастырь, свидетельствует, что между Иосифом и боярами были расхождения по вопросу о том, в каком духе должна быть составлена духовная грамота. Спор шел о судьбе выморочного Рузского удела. Местное боярство, очевидно, считало, что ввиду отсутствия у Ивана Борисовича прямых наследников его удел должен отойти к его брату Федору. Иосиф Волоцкий, по договоренности с Иваном III, защищал его права. В дошедшем до нас списке духовной грамоты Ивана Борисовича указанный спорный пункт по настоянию Иосифа разрешен в желательном для Москвы направлении: «А что моя вотчина Руза и половина Ржовы, а то перед моим государем, перед великим князем; и государь мой князь велики с тое с моей вотчины долг мой велит пожалует заплатить и душу помянет». Это формула московского происхождения, которая в разных вариантах уже встречалась в других текстах удельно-княжеских грамот, проредактированных по указанию из Москвы: «та вотчина господина моего великого князя... со всем его и есть»; «та моя вотчина вся господину моему... великому князю».[194] Душеприказчиками рузского удельного князя, согласно установившейся московской традиции, назначаются великий князь Иван III и его сын Василий Иванович: «А приказываю свою душу государю своему великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и своему государю великому князю Василию Ивановичу всея Руси, долг заплатити и душу помянути; и людци мои перед богом да перед ними перед моими

---

[192] Послание Иосифа Волоколамского к Митрофану архимандриту Андроникову (ЧОИДР, 1847, № 1, смесь).

[193] Великие Минеи-Четьи, сентябрь, дни 1—13, стр. 472.

[194] См. § 2 настоящей главы.

государи, а ведает бог да они государи, как им бог положит на сердци». Даже касаясь хозяйственных мелочей, Иван Борисович апеллирует к московскому великому князю: «А что моя служилая рухлядь, доспехи и кони,— то перед моим государем великим князем»; «а что мои суды серебряные...— и государь бы мой князь велики те суды велел провесить, тем есми велел по матери своей и по себе кормить», «да чтобы государь мой князь велики пожаловал, давал на церкви по матери нашей и по мне». Наконец, очень характерно, что Иван Борисович не называет свою вотчину, как это делают другие князья в своих завещаниях, отцовским «благословеньем». Здесь также чувствуется московская редакция.

Если мною правильно изображена история появления духовной грамоты Ивана Борисовича и вскрыта роль Иосифа Волоцкого в ее составлении, то тогда становится понятным последующий конфликт между Иосифом и волоцким князем Федором Васильевичем, разыгравшийся уже после смерти Ивана III и закончившийся передачей Иосифом своего монастыря под патронат московского великого князя Василия III.[195] Детали этого конфликта выходят за пределы интересующей нас темы, но его корни кроются, несомненно, в той борьбе, которая в 1503 г. происходила у постели умирающего рузского удельного князя между волоколамским игуменом, выполнявшим московские указания, и местным боярством.

На обороте списка духовной Ивана Борисовича имеется следующая помета: «Список со княжи Ивановы Борисовича духовной грамоты, выдал князь велики ис казны лета 7040». Эта помета показывает, что документ не утратил политического значения много времени спустя после своего оформления. Почему Василий III, в конце своего княжения, за год — два до смерти, в 1531—1532 гг., обратил внимание на завещание удельного рузского князя? Очевидно, это было связано с подготовкой Василием III текста собственной духовной грамоты. Свою первую духовную названный московский великий князь писал в конце 1509 г., «едучи в Новгород и во Псков». Она не сохранилась до нас, и о ее существовании мы знаем только из летописных известий и из приписной к ней записи, составленной в июне 1523 г.[196] По летописным данным, духовная 1509 г. была тайно сожжена Василием III перед своей смертью в конце 1533 г. Великий князь решил заменить ее текстом (также не сохранившегося до нас) завещания, поручив его редактирование дьякам Г. Н. Меньшому Путятину и Федору Мансурову.[197] Исходя из летописных текстов, исследователи обычно изображают составление духовной 1533 г. как спешный акт, задуманный

---

[195] Е. Голубинский. История русской церкви, период второй, московский, т. II, первая половина тома, М., 1900, стр. 636—645.

[196] Упоминание первой духовной см. в ПСРЛ, т. VI, стр. 268. Поход Василия III в Новгород и Псков относится к сентябрю 1509 г. (ПСРЛ, т. VI, стр. 250). Дополнительная запись 1523 г. (ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 36; Опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 40; опись 1626 г., л. 48 об. СГГД, т. I, стр. 416—417, № 150) говорит, что первая духовная имела подпись и печать митрополита Варлаама, который стал митрополитом в августе 1511 г., уже после возвращения Василия III из Новгорода и Пскова (П. М. Строев. Списки иерархов, стр. 5). А. Е. Пресняков видит в этом противоречие с летописными сведениями о времени составления первой духовной Василия III и поэтому датирует ее неопределенно 1510—1511 гг. (А. Е. Пресняков. Завещание Василия III. Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, Пгр., 1922, стр. 72). Мне кажется, что никакого противоречия нет. Варлаам уже в бытность архимандритом Симоновского монастыря сопутствовал Василию III в его поездке в Новгород (ПСРЛ, т. VI, стр. 250) и мог подписать его завещание в качестве именно симоновского архимандрита. Естественно также, что, вспомнив об этом в духовной записи 1523 г., составленной уже после того, как Варлаам побывал в сане московского митрополита, Василий III так его и называет. Возможно также, что по возвращении в Москву из Новгорода и Пскова Василий III велел переписать текст своей духовной, и Варлаам подписал ее уже в качестве митрополита.

[197] ПСРЛ, т. VI, стр. 268—270.

и осуществленный в «сложной обстановке предсмертной болезни Василия Ивановича, когда он принимал меры к тому, чтобы определить своей волей дальнейшую судьбу государевой власти и правления «делом земским».[198] Духовная не соответствовала политическим видам тех, кто пришел к власти после Василия III, и поэтому была уничтожена.

Мне кажется, историю подготовки текста последнего завещания Василия III надо представлять себе иначе. Подготовка эта падает не на последние месяцы 1533 г., когда, отправившись на богомолье в Троице-Сергиев и Волоколамский монастыри и на охотничью потеху, великий князь расхворался и, вернувшись в Москву, умер от тяжелой болезни. Из пометы на списке духовной грамоты Ивана Борисовича рузского явствует, что еще в 1531—1532 гг. Василий III подбирал материалы в своем архиве для будущего завещательного акта. Внимание его остановилось на документе, касающемся Рузского удела,[199] потому, что по предсмертному распоряжению Ивана III, в 1504 г., Руза была передана удельному князю Юрию Ивановичу (брату Василия Ивановича),[200] а в последние годы жизни Василий III был очень озабочен отношением своих братьев к великому княжению и к своему наследнику — будущему Ивану IV. В августе 1531 г. московский великий князь заключил договор с братом Юрием, в текст которого включил своего сына Ивана Васильевича.[201] Тогда-то, очевидно, был поставлен вопрос и о пересмотре текста великокняжеского завещания 1509 г. Это произошло, надо думать, после церковного собора 1531 г., на котором был осужден Вассиан Патрикеев, являвшийся одним из свидетелей при составлении дополнительной духовной записи Василия III в 1523 г.

§ 9. Духовная грамота Ивана III 1504 г.

Очерк, посвященный анализу документов московского великокняжеского архива времени Ивана III, закончим рассмотрением духовной грамоты названного князя. Ее текст дошел до нас в списке, современном оригиналу.[202] Самый же оригинал, повидимому, или был уничтожен перед смертью сыном и наследником Ивана III Василием Ивановичем вместе с его собственным ранним завещанием — в 1533 г.[203] или же погиб во время борьбы политических партий в малолетство Грозного.

Несмотря на то, что духовная Ивана III не имеет даты, время ее составления устанавливается довольно точно. Прежде всего в документе содержится указание на передачу рузским князем Иваном Борисовичем после смерти своего удела московскому великому князю. Это могло случиться не ранее конца 1503 г. Ссылка на рассматриваемую духовную имеется в договорных грамотах, заключенных «по благословению и по повеле-

---

[198] А. Е. Пресняков. Завещание Василия III, стр. 72 и 80.

[199] В московском государственном архиве был специальный ящик с духовными волоцких князей (ААЭ, т. I, стр. 346, ящик 159).

[200] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 34. СГГД, т. I, стр. 395, № 144.

[201] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 82; Опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 30; опись 1626 г., л. 51. СГГД, т. I, стр. 443—448, № 160—161.

[202] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 34. На обороте пометы: «Список з духовные грамоты великого князя Ивана Васильевича всея Руси (другим почерком:) при Симоне митрополите всеа Русии, а в котором году духовная написана, тово не написано». Водяные знаки приближаются к № 1270 и 3403 по Лихачеву. Указания на духовную см. в описях 1614 г., л. 42; 1626 г., л. 43 об. Напечатана в «Древней Российской Вивлиофике», изд. 2-е, ч. 2, стр. 408—434, № 123 и в СГГД, т. I, стр. 389—400, № 144.

[203] Софийская II летопись (ПСРЛ, т. VI, стр. 268) рассказывает, что перед смертью Василий III велел доставить себе духовную своего отца и свою собственную. Последнюю он велел уничтожить. Может быть, та же участь постигла и текст завещания его отца (А. Е. Пресняков. Завещание Василия III, стр. 75).

нию» Ивана III его детьми: великим князем Василием и князем Юрием Ивановичами 16 июня 1504 г. «А чем, брате (Юрий), — читаем мы в экземпляре, составленном от имени Василия III, — благословил тобя отець наш князь велики в Москве, и что отець наш князь велики благословил тобя городы и волостьми, — и мне великому князю и моим детем того всего по тому, *как отець наш князь велики тобе в своей духовной грамоте написал*, под тобою и под твоими детми блюсти и не обидети и не вступатися».[204] Еще более узкие хронологические рамки для завещания Ивана III определяются при помощи жалованных грамот. К марту 1504 г. относится ряд жалованных грамот Ивана III на владения московской митрополичьей кафедры в уездах: Московском, Коломенском, Переяславль-Залесском, Юрьев-Польском, Владимирском, Белозерском, Вологодском.[205] Но грамота на дмитровские владения митрополичьего дома, от имени князя Юрия Ивановича, дана 24 апреля 1504 г. И вообще, с двадцатых чисел апреля 1504 г. жалованные грамоты на земли различных владельцев, расположенные в пределах Дмитровского уезда, начинает выдавать князь Юрий Иванович, которого пожаловал Дмитровским уездом его отец, сделав об этом запись в своем завещательном акте. Так же обстояло дело и с Кашинским уделом.[206] Таким образом, духовная Ивана III могла быть написана в марте — апреле, скорее всего — в апреле 1504 г. Очень интересно, что хронологически написание духовной совпадает с выдачей жалованных грамот митрополиту Симону. Разделив территорию Московского великого княжества между своими сыновьями, Иван III почти одновременно закрепил иммунитетные привилегии московского митрополичьего дома.

Духовная 1504 г. использовала старинную форму «ряда» умирающего отца своим сыновьям. Однако в изучаемом завещании московского великого князя имеется много нового по сравнению с завещательными актами предшествующих князей. Иван III уделяет гораздо больше внимания, чем его предшественники, политическим взаимоотношениям между своими сыновьями на началах их подчинения суверенитету старшего брата — великого князя московского. Обычная для московских грамот формула, согласно которой младшие братья должны «чтить и слушать» «брата старейшего» «вместо отца», а «старейший брат» обязан «держать свою братью молодшюю в братстве без обиды», — получила в духовной 1504 г. развитие на основе договорных текстов XV в. Предсмертная воля отца-завещателя изложена в следующих выражениях: никто из его сыновей не должен «подъискивати» «великих княжеств» под старшим братом или его детьми, не смеет от него «отступати», или «ссылатися с кем ни буди тайно или явно на его лихо», не должен никого «на него подъимати», «или с кем... на него одиначитися».

---

[204] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 80. Опись архива Посольского приказа 1614 г., лл. 26 об.— 27; опись 1626 г., лл. 43 об.—44. СГГД, т. I, стр. 344—347, № 133—134.

[205] Гос. историч. музей, собрание рукописей Синодальной библиотеки, № 276, лл. 80—81, 127—128, 151— 151 об., 164 об.— 165, 269—270, 362—362 об., 365—366.— Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина, собрание рукописей И. Д. Беляева, № 127 (1620), лл. 78—79 об., 124 об.—126, 152—153, 165 об.—166, 280—281 об., 400—401 об., 404—405 об. ААЭ, т. I, стр. 110—111, № 139/I; стр. 111—112, № 139/II. М. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода, СПб., 1871, приложение, стр. 23, № 2/XVI.

[206] ЦГАДА, Грамоты коллегии экономии № 3728.— Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина, архив Троице-Сергиевой лавры, отд. XIII, № 963а; кн. 525, лл. 27—27 об.; кн. 527, лл. 99 об.—100 об. Там же, собрание рукописей И. Д. Беляева, кн. 127 (1620), лл. 97 об.—98 об., 363 об. — 364.— Гос. историч. музей, собрание рукописей Синодальной библиотеки № 276, лл. 102—102 об., 325—325 об. Там же, Симоновское собрание, № 58, гл. 18. Д. Лебедев. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева, М., 1871, стр. 12, № 23. ААЭ, т. I, стр. 12, № 40.

Если обычно тексты духовных грамот московских великих князей начинались с «благословения» отцом своего «старейшего» сына «своею отчиною великим княженьем», то Иван III говорит не о «великом княженье», а «о великих княжествах, чем мя благословил отец мой и что ми дал бог». Наряду с городами и землями Владимирского и Московского княжений, он «благословляет» своего старшего сына Василия Ивановича «своею отчиною великим княжеством Тверским», «своею отчиною великим княженьем Новгородским», «Псковом и всею землею Псковскою», частью Рязанских владений. Указанный комплекс владений (кроме рязанских) перечисляется в договорных грамотах московского великого князя с удельными с 1486 г.[207]

Старший наследник — Василий III—получает город Москву «с волостьми, и с путми, и з станы, и з селы, и з дворы з городскими со всеми, и з слободами, и с тамгою, и с пудом, и с померным, и с торги, и с лавками, и з дворы з гостиными, и со всеми пошлинами, и з Добрятинским селом, и з бортью, и с Васильцовым стом, да числяки и ординцы». Таким образом, к Василию III переходит и «треть» на Москве, выделенная в свое время Владимиру Андреевичу серпуховскому, а по завещанию Василия Темного перешедшая к его сыновьям Юрию и Андрею Васильевичам.

Непосредственно после смерти Юрия Васильевича Иван III оставил за собой только половину его московской доли, а другой половиной продолжал владеть его брат Андрей Васильевич. Поэтому в договоре Ивана III с Андреем 1473 г. читаем: «А чем, брате, тобя благословил отець мой князь велики третью в Москве княжею Володимеровскою с старейшим твоим братом со князем с Юрьем по половинам, а держати вам по годом,— и тебе, брате, та треть держати с нами с великими князьми по половинам, по духовной грамоте отца нашего».[208] Аналогичное условие встречается и в договорных грамотах 1481 г. и 1486 г.[209] После ареста и заточения Андрея углицкого московская «треть» Владимира Андреевича отошла к московскому великому князю. По его завещанию, старший сын Василий Иванович получал право «держать на Москве болшего своего наместника по старине... а другово своего наместника...— на княж Володимеровской трети Андреевича». Доли («годы») в московских доходах князей Константина и Петра Дмитриевичей, которые по духовной грамоте Василия Темного получили его сыновья Юрий и Андрей Меньшой, Иван III поделил между своими пятью наследниками, которые могли «держать... на тех годех на Москве своих наместников, переменяя пять лет по годом». Жеребий («год») на Москве можайского князя Ивана Андреевича, завещанный Василием Темным своему сыну Борису Васильевичу, после смерти последнего был разделен между его сыновьями Федором и Иваном. Иван Борисович рузский свою часть («пол-года») завещал московскому великому князю Ивану III. Тот в свою очередь предназначил эту часть Василию III, сохранив за Федором Борисовичем право также держать своего наместника на своей доле.

Читая эти завещательные распоряжения, чувствуешь, как мысль составителя цепляется за устарелые принципы дробного владения князьями московскими доходами, которые уже не отвечали реальной обстановке. Фактически эти доходы сосредотачивались в руках великого князя московского, но традиции времен феодальной раздробленности со-

---

[207] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 72 и 73. СГГД, т. I, стр. 308, № 123; стр. 314—315, № 125.

[208] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 54 и 57. СГГД, т. I, стр. 245, № 101.

[209] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 58 и 59, № 72. СГГД, т. I, стр. 260, № 108; стр. 315, № 125.

хранялись в соучастии его братьев, посылавших в Москву своих наместников для сбора причитавшихся им долей пошлин.

Принцип финансовой централизации отличает духовную 1504 г. от завещательного акта Василия Темного. Согласно последнему документу, московская тамга была поделена на три части, из которых лишь одну получил великий князь московский, а две трети достались его братьям. По духовной 1504 г. вся тамга принадлежит великому московскому князю, который только делает определенные отчисления («из тамги из московские и из всех пошлин») другим удельным князьям московского дома.

Начала централизации проводит духовная грамота 1504 г. и в области судебной. Наделяя своих сыновей дворами в Москве и подмосковными селами, Иван III в делах о душегубстве или поличном подчиняет их население юрисдикции великокняжеского большого московского наместника.

Таким образом, право удельных князей держать, «сменяясь по годом», в Москве своих наместников, превращалось в фикцию. Удельные князья, гласит духовная 1504 г., «у своего брата у старейшего на Москве в дворы в городные, и на посадех в дворы, и в тамгу во всю, и в пошлины во все, также в станы, и в волости, и в пути, и в села Московские во все не вступаются ни во что».

Удельным князьям запрещено держать в принадлежащих им в Москве на посаде дворах торги, торговать житом, ставить лавки, давать постои приезжим гостям или купцам из Московской земли и из своих уделов. Разрешена мелкая торговля «съестным припасом» при условии уплаты полавочной пошлины московскому великому князю.

Выделив уделы своим сыновьям, Иван III оговорил, что в случае их смерти без прямого мужского потомства их владения переходят к московскому великому князю: «А которого моего сына не станет, а не останется у него ни сына, ни внука,— ино его удел весь в Московской земле и в Тферской земле, что есми ему ни дал, то все сыну моему Василию, а братья его у него в тот удел не вступаются». Иван III, начиная с 70-х годов XV в., последовательно проводил взгляд, что выморочные уделы должны принадлежать великому московскому князю. Именно в этом смысле редактировались духовные грамоты удельных князей Андрея Васильевича вологодского, Ивана Борисовича рузского и т. д. В 1504 г. право великого князя на выморочные уделы впервые было сформулировано в виде общего положения.

Суверенные права удельных князей были стеснены путем лишения их права чекана собственной монеты.

Грамота 1504 г. точно установила долю участия каждого из удельных князей в уплате «Ордынских выходов, и в Крым, и в Азтархань, и в Казань, и во Царевичев городок, и в иные цари и во царевичи..., и в послы в татарские...» Это распоряжение находилось в соответствии с условиями междукняжеского договора от 16 июня 1504 г., по которому право сношений с «Ордынскими ордами», Крымом, Казанью, Астраханью предоставлялось только великому московскому князю.

При чтении духовной Ивана III остается общее впечатление, что составитель ее пытался уложить политическую действительность начала XVI в. в те рамки, которые были намечены завещательными актами прежних московских князей. Но жизнь переросла эти рамки, они не могли уместить в себя новое политическое содержание. Поэтому составителю не удалось избежать противоречий при попытке сочетать новое со старыми традиционными формулами. Многие из этих формул являлись уже анахронизмом, многое просто осталось недоговоренным. Но многое из того, что мы находим в духовной 1504 г., видоизменяло привычный трафарет завещательных актов московских князей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НОВГОРОДСКИЕ ДОКУМЕНТЫ XIII—XV веков ТВЕРСКОГО ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО АРХИВА

§ 1. Вопрос о новгородском государственном архиве периода независимости Великого Новгорода

В исторической литературе еще не вскрыт вопрос о судьбе новгородского государственного архива. До нас сохранился (в подлинниках и списках) ряд документов, относящихся к истории Великого Новгорода периода его самостоятельности XIII—XV веков. Это договорные грамоты Новгорода с князьями; памятник новгородского права, известный под именем Новгородской судной грамоты; акты, касающиеся Двинской земли, в частности Двинская уставная грамота конца XIV в., и пр. Они опубликованы в известных изданиях актового материала: «Древней Российской Вивлиофике», «Собрании государственных грамот и договоров», «Актах Археографической Экспедиции», «Актах исторических» и т. д. Исследователи, пользуясь для своих работ этими документами, как правило, не задумывались о том, какими путями они дошли до нас. А установить это очень важно для правильного подхода к документальному материалу по истории Великого Новгорода как историческому источнику.

Если речь идет о подлинных текстах новгородских договоров с князьями, то для историка не может быть безразличным, представляют ли они собой остатки новгородского государственного архива или же входили когда-то в архив одного из княжений XIII—XV вв., вступавших в политические взаимоотношения с Новгородом. Разрешение этого вопроса позволяет уточнить, с какой редакцией документа мы имеем дело: с новгородской или, скажем, с тверской или московской, если, например, перед нами новгородско-тверская или московско-новгородская докончальная грамота.

В том случае, когда в распоряжении историка оказываются копии с несохранившихся новгородских документов, нужно выяснить время, место и обстоятельства их появления, установить, в какой мере точно они воспроизводят подлинники и какая судьба постигла последние. Разрешение всех этих вопросов должно осветить многие темные факты политической истории Великого Новгорода. Совершенно очевидно, что наше отношение к спискам с новгородских грамот, относящихся к XV в., к периоду московско-новгородской борьбы, будет неодинаковым в зависимости от того, сняты ли они в Новгороде или в Москве и для каких целей: для

документального подтверждения новгородской «старины» или для обоснования московского наступления на старинный уклад вечевого города. Между тем, такая постановка вопроса вообще отсутствует в литературе по историческому источниковедению XIII—XV вв., посвященной новгородским документам. Обычно считается, что известные нам договоры Новгорода с князьями, так же как другие документальные материалы периода его самостоятельности, представляют собой остатки новгородского государственного архива, попавшего в Москву после падения независимости Великого Новгорода.

Так, например, Н. П. Лихачев, разбирая отдельные договоры тверских князей с новгородцами, говорит, что они должны были храниться в Великом Новгороде, а по присоединении последнего к Москве перешли в московский великокняжеский архив.[1]

Аналогичная точка зрения проникла и в общие курсы по источниковедению и истории архивного дела.

В курсе источниковедения истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., составленном М. Н. Тихомировым, мы читаем: «Большинство грамот XIII в. является остатками архивов древней Руси. Подобные архивы существовали, например, в Новгороде, вероятно, при вечевой башне, а в Пскове — при соборе Троицы... Повидимому, в Новгородском архиве хранились договоры Новгорода с великими князьями. Они попали в казну великих московских князей,— конечно, не случайно, а были взяты Иваном III при падении новгородской вольности».[2]

Примерно так же представляет себе судьбу новгородского архива и И. Л. Маяковский. Только он думает, что Иван III произвел лишь частичное изъятие архивных документов в Новгороде; закончил же это дело Иван Грозный. На основании известия Новгородской летописи о том, что в 1549 г. «царь и государь князь великий Иван Васильевич в Великом Новегороди порушал ряды и грамоты рядовые собрал в казну»,[3] Маяковский делает вывод, что в этом году в Москву были вывезены договоры, заключавшиеся Новгородом с князьями.[4] Однако это утверждение является неверным, так как договоры с князьями назывались «докончальными», «крестоцеловальными», но никак не «рядовыми» грамотами, которые имеет в виду летописный текст 1549 г.

Ближайшее изучение новгородских памятников приводит к совершенно противоположным выводам. До нас не дошло ни одного подлинного документа новгородского государственного архива. Все сохранившиеся докончальные грамоты представляют собой или остатки (в подлинниках) тверского архива, вывезенного в Москву, вероятно, после присоединения Твери в 1485 г., или же списки с утраченных памятников, снятые в Москве в 70-х годах XV в., во время походов на Новгород Ивана III.

Действительно, присматриваясь к опубликованным памятникам периода новгородской самостоятельности, мы легко можем их разбить на два раздела. Это, во-первых, подлинные договорные грамоты Новгорода XIII—XV вв., во-вторых — списки различных новгородских документов, извлеченных из одного сборника XV в.,[5] возникшего в Москве. Каждая из

---

[1] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, Л., 1928, стр. 39, 44.

[2] М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., М., 1940, стр. 114.

[3] ПСРЛ, т. III, стр. 201.

[4] И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР, ч. I, М., 1941, стр. 74.

[5] Ленинградская публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, № О — IV—14. Оригинал договора с Казимиром (ЦГАДА, XXVII разряд. РПБ, т. XXII, стб. 15—18, № 3) попал из Литвы в Тайный приказ.

названных групп заслуживает специального рассмотрения. При этом следует, прежде всего, отметить, что подлинники тех грамот, которые скопированы в названном московском сборнике, утрачены, и, напротив, те договоры, которые сохранились в подлинниках, не были включены в сборник копий.

§ 2. Происхождение собрания новгородско-тверских договорных грамот XIII—XV веков

Подлинные новгородские тексты хранятся в Центральном Государственном архиве древних актов (фонд Государственного древлехранилища)[6] и были напечатаны в «Древней Российской Вивлиофике» Н. И. Новикова,[7] вторично в «Собрании государственных грамот и договоров»,[8] наконец, в третий раз А. А. Шахматовым.[9] Фонд Государственного древлехранилища сохранил нам остатки московского государственного (великокняжеского, затем царского) архива.[10] Поэтому первое предположение, которое естественно возникает у исследователя, сводится к тому, что новгородские документы были свезены в Москву и сосредоточены в великокняжеском архиве после присоединения Новгорода и конфискации новгородских архивов. Но это предположение, как уже было отмечено, не оправдывается при более пристальном изучении материала.

В составе великокняжеского архива (фонд Государственного древлехранилища ЦГАДА) имеются 19 подлинных новгородских грамот: это договоры Великого Новгорода с тверскими князьями Ярославом Ярославичем 60—70-х годов XIII в. (три);[11] Михаилом Ярославичем конца XIII—начала XIV в. (девять);[12] докончание великого князя московского Юрия Даниловича с Михаилом Ярославичем тверским и Великим Новгородом начала XIV в.;[13] договорные новгородские грамоты с тверскими князьями Александром Михайловичем 20-х годов XIV в. (одна);[14] Михаилом Александровичем 60—70-х годов XIV в. (две)[15] и наказ новгородским послам, отправленным к Михаилу Александровичу в 70-х годах XIV в.;[16] докончa-

---

[6] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 1—17.

[7] «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. I, М., 1788, стр. 1—47, № 1—15.

[8] СГГД, т. I, стр. 1—25, № 1—18.

[9] А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV в. Отд. оттиск из первого тома «Исследований по русскому языку», СПб., 1886.

[10] Об этом см. главы I—IV.

[11] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 1—3. СГГД, т. I, стр. 1—4, № 1—3.

[12] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 4-а и № 4-б, 5, 6, 8, 9-а и № 9-б, 10, 14. СГГД, т. I, стр. 5—9, № 4—7; стр. 11—16, № 9—12; стр. 21, № 16. Последняя грамота в издании «Собрания государственных грамот и договоров» ошибочно приписана князю Михаилу Александровичу. Эту ошибку повторяет и ряд исследователей.

[13] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 12. СГГД, т. I, стр. 17—18, № 14.

[14] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 13. СГГД, т. I, стр. 19—20, № 15.

[15] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 7 и № 15. СГГД, т. I, стр. 9—11, № 8; стр. 21—22, № 17. Грамота № 7 в издании «Собрания государственных грамот и договоров» (т. I, стр. 9—11, № 8) приписана Михаилу Ярославичу. Но уже С. М. Соловьев указал на то, что это договор Новгорода не с Михаилом Ярославичем, а с Михаилом Александровичем, и что, следовательно, в издании «Собрания государственных грамот и договоров» допущена ошибка. В той папке, в которой хранится в ЦГАДА договорная грамота № 7, имеется специальная приписка по этому поводу С. М. Соловьева.

[16] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 11. СГГД, т. I, стр. 16—17, № 13. В «Собрании государственных грамот и договоров» документ назван «договорной грамотой Новгорода с великим князем тверским Михаилом Ярославичем». Но С. М. Соловьев в собственноручной записке, вложенной в архивную папку с нов-

ния Новгорода с тверским князем Борисом Александровичем второй четверти XV в. (одно)[17] и с литовским князем Свидригайлом Ольгердовичем 1431 г. (одно).[18]

Прежде всего бросается в глаза, что за исключением докончальной грамоты Свидригайла и договора Юрия Даниловича московского с тверским князем Михаилом Ярославичем, перед нами памятники сплошь новгородско-тверских отношений. Да и договорная грамота Юрия Даниловича затрагивает целиком также область новгородско-тверских отношений. Поражает, что в составе московского великокняжеского архива отсутствуют московско-новгородские договорные грамоты в строгом смысле этого слова, за исключением Коростынского договора 1471 г. (но не в подлиннике, а в отдельном списке конца XV в.).[19] Вряд ли правильно объяснять подобный, несколько странный состав московского государственного архива, в части новгородских материалов, случайной утратой некоторых документов в позднейшее время. Дело в том, что архивные описи XVI—XVII вв. называют в основном те же самые новгородские грамоты, которые сохранились и до нашего времени, причем некоторые указания этих описей проливают свет на происхождение новгородских материалов.

В описи XVI в. упомянуты «докончалные тверские с Новым-городом и грамоты ординские жаловалные тверским великим князем»,[20] хранившиеся в 171 ящике. В августе 1566 г. Иван Грозный потребовал этот ящик к себе. Здесь особенно интересно то обстоятельство, что новгородско-тверские докончальные грамоты находились в московском государственном архиве вместе с ярлыками золотоордынских ханов тверским великим князьям. Это, несомненно, свидетельствует о единстве состава и общности происхождения архивного фонда, сосредоточенного в 171 ящике. Перед нами материалы, принадлежавшие к составу тверского государственного архива периода политической самостоятельности Твери, конфискованные, надо думать, московской великокняжеской властью в 1485 г.

Судя по описям архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг., новгородско-тверские грамоты хранились в виде отдельной связки. В описи 1614 г. читаем: «В свяске грамота за золотою печатью да 14 грамот за свинцовыми печатми докончалные архиепископа ноугородцкого с великими князи тверскими».[21] Те же сведения дает и опись 1626 г.: «16 грамот докончалных ноугородцких с великими князи тверскими, писаны на бумаге и на харатьях, все ветхи, у иных печати свинцовые, а у иных печатей нет».[22] Небольшое расхождение в подсчете грамот (цифра 15 в описи 1614 г., 16 — в описи 1626 г., 19 — число документов, в действительности сохранившихся до нашего времени) объясняется тем, что некоторые акты (докончания Михаила Ярославича)[23] представляют собой противни одного и того же договора или же основной текст с дополнением, причем иногда акты так и

городской грамотой № 11, определил этот документ как наказ новгородским послам, отправленным к князю Михаилу Александровичу.

[17] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 16. СГГД, т. I, стр. 23—24, № 18.

[18] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 17. СГГД, т. I, стр. 24—25, № 19. Все сохранившиеся грамоты, за исключением № 16, написаны на пергамене, уставом и полууставом. № 16 (договор Великого Новгорода с князем Борисом Александровичем) написан на бумаге скорописью.

[19] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 18. Водяной знак: готическая буква «Р», перечеркнутая, с раздвоенным концом и розеткой сверху. Указанный водяной знак близок к № 2987 по альбому Н. П. Лихачева.

[20] ААЭ, т. I, стр. 347, № 289.

[21] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1614 г., лл. 1—2.

[22] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., л. 19.

[23] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 4, 5, 6, 9. СГГД, т. I, стр. 5, № 4—5, стр. 6—9, № 6—7; стр. 13, № 10—11.

сшиты попарно. Кроме того, докончание со Свидригайлом Ольгердовичем упомянуто в обеих описях (1614 г. и 1626 г.) отдельно.[24] Возможно, что не включен в подсчет договор Юрия Даниловича с тверским князем Михаилом Ярославичем и Великим Новгородом.

Из других подлинных новгородских документов, не сохранившихся до нашего времени и не связанных с тверским архивом, описи московского государственного архива называют один, представляющий большой интерес: это новгородский приговор конца 1477 г., за 47 печатями, о неповиновении великому московскому князю с сыном: «Грамота утвержелная новгородцкого владыки Феофана, и посадников, и тысяцких, и бояр, и купетцких и всяких жилетцких людей Великого Новагорода,что они приговорили все, что им великих князей московских не слушати и под суд к ним и к их боярам не ездити, а судити им себя самим; а иново писма в той грамоте не знать, потому что середка выгорела и изотлела, а достоль воском залило от иных грамот; писана на харатье в 6986-м году; а у ней привешено владыки Феофана и посадничих и властелинских 47-мь печатей свинцовых».[25] Повидимому, этот новгородский приговор о непослушании и неподсудности московским великим князьям Ивану III с сыном Иваном Ивановичем Молодым упоминает летопись под 1478 г. Говоря о присяге Ивану III «бояр новугородских, и житьих, и купцов, и прочих», летопись рассказывает: «Да что была у новогородцев грамота укреплена межи себя за пятьюдесять и осмью печатью, и ту у них грамоту взяли бояре великого князя у целованья на владычне дворе».[26] Несоответствие внешних данных грамоты по летописи и архивным описям Посольского приказа (именно количество печатей: 58, 46 или 47) не может помешать заключению о том, что речь идет об одном и том же документе. Во многих новгородских грамотах печати в настоящее время утрачены, но сохранились следы, указывающие на то, что когда-то они были привешены.

Утверждена рассматриваемая новгородская грамота была, повидимому, в конце 1477 г., при обстоятельствах, которые хорошо раскрывают летописи. В марте 1477 г. в Москве побывали новгородские послы, в обращении к Ивану III применившие титул «государь», «а наперед того, как и земля их стала, того не бывало, никоторого великого князя государем не называли, но господином». Дело было, очевидно, не в одном титуле: он скрывал за собой реальные отношения подданства. Ответное московское посольство, посланное в Новгород в апреле 1477 г., должно было выяснить: «Какова хотят государства их отчине Великий Новгород».[27] Прибытие московских послов вызвало ожесточенную политическую борьбу в Новгороде. Партия, враждебная Москве, выступила с протестом, заявив о своем желании руководствоваться во взаимоотношениях с Москвой, в частности в вопросах суда, «стариной» и Коростынским докончанием. «Что вам, своим господином челом бием, а что государи вас, а то не зовем, а суд вашим наместником на Городище по старине, а что вашему суду великих князей, ни вашим тиуном, то у нас не быти, ни дворища вам Ярославля не даем; на чем мы есмы с тобою на Коростыни мир кончали и крест целовали, по тому докончанию хотим с вами и жити;а который тобе так ималися без нашего ведома чинити,

---

[24] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 1—1 об. Опись 1626 г., л. 92.

[25] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., лл. 27 об. — 28. Тот же документ упомянут в описи 1614 г., л. 14—14 об. и, повидимому, в описи XVI в. ААЭ, т. I, стр. 340, № 289 (ящик 59). Феофан — ошибочно, вместо: Феофил.

[26] ПСРЛ, т. VI, стр. 219; т. XX, ч. I, стр. 333; т. XVIII, стр. 265; Н. П. Лихачев напечатал миниатюру из лицевого летописца XVI в., иллюстрирующую летописный рассказ о новгородской грамоте за 58 печатями. См. Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, стр. 60.

[27] ПСРЛ, т. VI, стр. 206; т. XVIII, стр. 253—254; т. XX, ч. I, стр. 319.

то ведаешь ты, как их хощешь казнити, а мы их также где которого поймав хотим казнити; а вам, своим господином, челом бьем, чтобы есте нас держали в старине, по целованию крестному».[28] Этот ответ привел к полному разрыву московско-новгородских отношений. В сентябре 1477 г. Иван III послал в Новгород «складную грамоту», а в октябре выступил в поход.[29] В это время, по всей вероятности, в Новгороде и был вынесен приговор, скрепленный рядом печатей, согласно которому новгородцы обязались «великих князей московских не слушати, и под суд к ним и к их боярам не ездити, а судити им себя самим». В таких выражениях передает содержание «грамоты увтержелной» архивная опись Посольского приказа 1626 г., и надо сказать, что эта передача очень близка к летописной формулировке тех условий, которые были предъявлены новгородцами московскому правительству в 1477 г. Очевидно, «утвержелная грамота», за 47 или 58 печатями, только повторила эти условия и оформила обязательство новгородцев настаивать перед Иваном III на их выполнении. С московской точки зрения это был документ одиозный в политическом отношении, и поэтому после победы Ивана III над Новгородом, в январе 1478 г., он был отобран московскими боярами, увезен в Москву и помещен на хранение в великокняжеский архив, где его и зарегистрировали описи XVI—XVII вв. В XVII в., как мы видели, «утвержелная грамота» представляла собой дефектный документ, обветшавший от времени и имевший ряд повреждений. До нашего времени он не дошел и в таком виде.

Других подлинных новгородских грамот в великокняжеском архиве описи XVI—XVII вв. не отмечают. Нет их и в настоящее время. Из списков имеется в фонде Государственного древлехранилища ЦГАДА, как указано выше, копия Коростынского докончания 1471 г.[30] Описи архива Посольского приказа называют, наряду с ним, также списки Яжелбицкого договора 1456 г. и недатированные докончальные грамоты Великого Новгорода с московским великим князем Василием Дмитриевичем.[31] О них речь будет итти ниже, при рассмотрении вопроса о работе московской великокняжеской канцелярии по составлению копий с новгородских документов в связи с борьбой Ивана III с новгородскими вольностями.

Таким образом, как просмотр имеющихся в наличии в настоящее время документов Государственного древлехранилища, так и изучение старинных описей архива московских великих князей и царей убеждает, что хранившиеся там в XVI—XVII вв. и дошедшие до нас подлинные новгородские грамоты отличаются единством содержания. Это в основном договоры между Великим Новгородом и Тверью. Этому выводу нисколько не противоречит и то обстоятельство, что среди документов, касающихся новгородско-тверских взаимоотношений, мы встречаем докончальную грамоту Великого Новгорода с литовским князем Свидригайлом Ольгердовичем второй четверти XV в.[32] Наоборот, ее присутствие в московском государственном архиве является скорее лишним доводом в пользу того тезиса, который я постараюсь развернуть ниже,— о том, что служащие предметом нашего изучения новгородские акты попали в Москву не непосредственно из Новгорода, а через Тверь. Свидригайло находился в родственных отношениях

---

[28] ПСРЛ, т. IV, стр. 256.

[29] ПСРЛ, т. VI, стр. 207; т. XVIII, стр. 255; т. XX, ч. I, стр. 320.

[30] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 18. СГГД, т. I, стр. 26—30, № 20. Особо решается вопрос о договоре с Казимиром. См. примеч. к стр. 225.

[31] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 16 об. Опись 1626 г., лл. 10, 22—22 об., 28.

[32] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 17. СГГД, т. I, стр. 24—25, № 19.

с тверским князем Борисом Александровичем, так как был женат на его двоюродной сестре Анне Ивановне. В начале 30-х годов XV в. Борис Александрович оказывал военную помощь Свидригайлу Ольгердовичу в его борьбе с Сигизмундом Кейстутовичем.[33] Борис Александрович, от которого также сохранился договор с Великим Новгородом,[34] не мог не интересоваться новгородско-литовскими взаимоотношениями и, очевидно, добился получения текста новгородского соглашения с Свидригайлом, которое и перешло впоследствии из тверского государственного архива в московский.

Тверское происхождение новгородских документов московского великокняжеского архива может быть доказано в результате внимательного дипломатического и палеографического анализа. Основной недостаток изучения новгородско-тверских договорных грамот предшествующими исследователями заключается в том, что они не подходили к ним как к материалам единого архивного фонда. Делая часто очень ценные наблюдения над отдельными текстами и привлекая их для выяснения ряда важных моментов в истории Новгорода и Твери, исследователи не пытались дать оценку новгородско-тверских документов в целом как фрагмента государственного архива Тверского великого княжения.

Рассматривая докончальные грамоты Новгорода и Твери, мы, прежде всего, убеждаемся, что они в большинстве носят односторонний характер. Двенадцать грамот из семнадцати (включая в это число и наказ новгородским послам, отправленным к тверскому князю Михаилу Александровичу в 70-х годах XIV в.)[35] составлены от имени Великого Новгорода (десять в одном экземпляре, одна в двух экземплярах) и не утверждены крестоцелованием (оформленным в виде специальных ответных документов) тех тверских князей, к которым адресованы тексты. Все названные двенадцать докончаний построены по сходному в основном, но различному в деталях формуляру, как правило, от лица новгородского владыки, посадника, тысяцкого, сотских, старейших и меньших людей и всего Великого Новгорода: «Благословение от владыкы [владыце]..., покланяние [поклон] от посадника..., и от тысяцьс [ч]кого..., [и от всех соцьских], и от всех старейших, и от всех менших, и от всего Новагорода к [господину] князю... На семь, княже, целуй хрест к всему Новугороду... [на сем ти, княже, хрест целовати...]... [на сем, господине, Новгород вьсь хрест целуеть...]...»[36] В отдельных актах этот начальный протокол проводится в более или менее развернутой или же, напротив, сокращенной форме. В двух грамотах 70-х годов XIV в., адресованных к князю Михаилу Александровичу, отсутствует указание на «благословение» владыки. Одна из них содержит «поклон» от посадника, тысяцкого, старейших, меньших и всего Новгорода и излагает условия, на которых «Новгород вьсь хрест целуеть».[37] Другая представляет собой наказ новгородским послам, отправленным к Михаилу Александровичу «от посадника..., от тысячкого..., от бояр, и от житьих людей, и от

---

[33] А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II, стр. 508.

[34] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 16. СГГД, т. I, стр. 23—24, № 18.

[35] Я не включаю в этот подсчет договорных грамот московского князя Юрия Даниловича и литовского князя Свидригайла с Новгородом, которые требуют особого рассмотрения, также подтверждающего гипотезу о тверском происхождении изучаемого собрания грамот.

[36] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9-а и 9-б, 13. СГГД, т. I, стр. 1—4, № 1—3; стр. 6—9, № 6—7; стр. 11—15, № 9—11; стр. 19—20, № 15.

[37] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 7. СГГД, т. I, стр. 9—11, № 8.

чорных людей и от всего Новагорода».[38] Договор с Борисом Александровичем второй четверти XV в. лишен вводной формулы приветствия от лица новгородских духовных и светских властей и начинается прямо со статьи о крестоцеловании: «А на сем на всем, господине князь великий Борис Олександрович, целуй крест ко всему Великому Новугороду».[39] Но при всех указанных выше вариантах начального протокола новгородских докончаний характерно одно: они не скреплены ответными специальными крестоцеловальными грамотами тверских князей. А именно эти грамоты и должны были храниться в новгородском государственном архиве. Дошедшие же до нас односторонние акты, написанные от имени Великого Новгорода, представляют собой тексты докончаний, предназначенные для тверской стороны, участвовавшей в их заключении. Это наследие государственного архива Тверского великого княжения. Бросается, например, в глаза, что два докончания Михаила Ярославича начала XIV в.,[40] совершенно тождественные по своему содержанию, по существу являются противнями одного и того же документа. При этом, совпадая дословно, оба исходят от одной (новгородской) стороны и различаются только печатями: на одном была привешена печать новгородского архиепископа Феоктиста, на другом — печать с изображением Иисуса Христа и архангела Михаила, предположительно приписываемая князю Михаилу Ярославичу.[41] Очевидно, два других аналогичных текста, за теми же печатями, но от лица тверского князя, были вручены новгородским представителям. Но они, как и другие документы новгородского государственного архива, до нас не дошли.

При изучении новгородских памятников данные сфрагистики в сочетании с дипломатическими наблюдениями представляют исключительный интерес. На двух грамотах (князя Ярослава Ярославича 60-х годов XIII в). остались только следы некогда бывших печатей, так что судить об их характере трудно.[42] К грамоте того же князя 70-х годов XIII в. привешена княжеская печать с изображениями Афанасия Великого (христианское имя князя) и Федора Стратилата (христианское имя его отца),[43] но сохранились знаки еще от двух, утраченных ныне печатей, вероятно, новгородского происхождения.[44] Таким образом, этот договор был скреплен, по всем дан-

[38] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 11. СГГД, т. I, стр. 16—17, № 13.

[39] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 16. СГГД, т. I, стр. 23—24, № 18.

[40] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 5—6. СГГД, т. I, стр. 6—9, № 6—7.

[41] В настоящее время последняя печать оторвалась от документа и лежит при грамоте в особой коробочке. А. В. Орешников высказывал сомнения по поводу принадлежности печати тверскому князю. Тип печатей Михаила Ярославича, известный по другим его грамотам, совершенно иной. Рассматриваемая сейчас печать напоминает византийские моливдовулы, и, по мнению Орешникова, штамп ее был вырезан одним из художников-греков, живших в Новгороде и принимавших участие в росписи Спас-Нередицкой церкви. Орешников думает, что печать принадлежала кому-либо из новгородских духовных лиц. См. А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике (Труды Московского нумизматического общества, т. III, вып. I, стр. 134). Однако Н. П. Лихачев считает тип печати великокняжеским и связывает ее с личностью Михаила Ярославича. См. Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 44. Ранее Лихачева относил печать к Михаилу Ярославичу со знаком вопроса И. И. Срезневский. Древние памятники письма и языка, изд. 2-е, стр. 169.

[42] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 1—2. СГГД, т. I, стр. 1—3, № 1—2.

[43] А. А. Шахматов помещает неверное описание печати: «На одной стороне ее образ Спасителя, на другой архангела Михаила». См. А. А. Шахматов. Указ. соч., 241. Правильную расшифровку изображений дают И. И. Срезневский, Указ. соч., стр. 138; А. В. Орешников. Указ. соч., стр. 129; Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 41.

[44] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 3. СГГД, т. I, стр. 3—4, № 3.

ным, печатями обеих сторон: и князя, и Великого Новгорода. Аналогичное наблюдение выше было сделано в отношении двух противней докончания Михаила Ярославича начала XIV в., утвержденных печатями тверского великого князя (предположительно) и новгородского архиепископа.[45] Грамота князя Александра Михайловича второй четверти XIV в. скреплена одной лишь княжеской печатью обычного типа, с изображениями Иисуса Христа и княжеского патрона св. Александра Солунского.[46] Наконец, на шести документах из двенадцати мы находим исключительно новгородские печати; на трех докончаниях Михаила Ярославича начала XIV в. — печати новгородского архиепископа Феоктиста,[47] на двух грамотах Михаила Александровича 70-х годов XIV в. — печати новгородских посадников, тысяцких и пяти концов, [48] на договоре Новгорода с Борисом Александровичем две печати Новгородского государства с изображениями мифических животных и надписями: на одной — «печать новгородчкая», на другой — «печать Великого Новагорода».[49]

Из всего вышеизложенного напрашиваются некоторые выводы. Часть рассмотренных документов, имеющих новгородские печати, была редактирована первоначально в Новгороде и направлена в Тверь. Отсутствие на этих документах тверских печатей не дает нам уверенности утверждать во всех случаях, что новгородские тексты получили санкцию тверских великих князей. Если таковая состоялась, то, повидимому, ответные крестоцеловальные грамоты были посланы в Новгород, а новгородские предложения остались в тверском архиве. Ввиду утраты новгородского государственного архива вопрос о конечной редакции новгородских документов в этом случае остается открытым. Другие новгородские акты, скрепленные одновременно и новгородскими, и тверскими великокняжескими, или только тверскими великокняжескими печатями, представляют собой тексты, проредактированные в Твери на основе новгородских предложений. Их противни, отличные от проектов, разработанных в Новгороде, были, повидимому, переданы новгородским представителям. Они погибли вместе со всем новгородским архивом, так же как и хранившиеся там, возможно, отвергнутые Тверью предложения.

Ближайший анализ новгородских текстов позволяет вскрыть в них наличие двойной, первоначальной новгородской и вторичной тверской, редакции. Так, два противня докончания Михаила Ярославича начала XIV в. (за печатями архиепископа Феоктиста и самого князя) отражают двойственность редакции в целом ряде своеобразных деталей договорного формуляра. Начальный протокол построен, как это обычно бывает в новгородских проектах, от имени Великого Новгорода. Но вслед за обращением от новгородских властей, вместо ожидаемого предложения князю «целовать крест» на выполнении обязательств в отношении Новгорода, помещена совершенно иная формула: «На семь, господине, Новгород всь хрьст целоуеть, княжение твое честьно дьржати по пошлине, без обиды, а тобе, господине, такоже Новгород дьржати по пошлине, без обиды».[50] В грамотах,

---

[45] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 5—6. СГГД, т. I. стр. 6—9, № 6 и 7.

[46] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 13. СГГД, т. I, стр. 19—20, № 15.

[47] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 8, 9-а и 9-б. СГГД, т. I, стр. 11—15, № 9—11.

[48] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 7 и 11. СГГД, т. I, стр. 9—11, № 8; стр. 16—17, № 13.

[49] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 16. СГГД, т. I, стр. 23—24, № 18.

[50] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 5—6. СГГД, т. I, стр. 6—9, № 6—7.

адресованных тому же Михаилу Ярославичу, но редактированных в Новгороде и скрепленных *только новгородскими* печатями, крестоцелование в первую очередь предусматривается со стороны князя: «На семь, княже, целоуй хрьст ко всемоу Новоугороду».[51] Тверская редакция вносит также в текст предложений, исходящих от новгородцев, пункты, изложенные от имени князя: «А что пошлин князю в Новгородьской волости, того вы мене не таити в всех волостех». Тем самым нарушаются четкость и последовательность договорного формуляра.

Такая зависимость между редакцией грамот и характером привешенных к ним печатей видна и в других случаях. В докончаниях, заверенных одною княжеской печатью и лишенных печатей новгородских, тверское влияние чувствуется еще сильнее, чем в документах за печатями двух сторон. В договорной грамоте князя Александра Михайловича первой четверти XIV в.[52] текст новгородских предложений явно соединен со встречными требованиями, исходящими от лица великого князя. Вначале идет обычное новгородское обращение: «Благословление от владыце..., поклон от посадника..., от тысяцкого... и от всего Новагорода к господину великомоу князю Олександроу...» Далее следует ряд статей, выдвинутых от лица новгородцев, но изложение их перебито другими условиями, которые сформулированы от имени тверского князя. В такой именно форме передаются статьи о княжеских селах или приобретениях его бояр на Новгородской земле: «А что Олександровых княжих сел коупленых, или его моужь, а то поидеть к Олександроу князю по исправе, по хрестьномоу целованью, по завод; а ис тых сел соуда им не судити, ни дворяном ездити, ни людий новгородьских приимати, ни земли... А кто боудеть коупил села в всей волости в Новгородьской при деде моемь Ярославе, и при Васильи, при Дмитрии, при Андреи, и при отци моемь при Михаиле, и при князи при Юрьи, при Дмитрии, кто боудеть даромь отъял, или сильно, а то поидеть бес коун к Новоугородоу...» В конце помещена запись о взаимном крестоцеловании (и со стороны Новгорода, и со стороны князя Александра Михайловича), хотя начальный протокол содержит обращение о крестоцеловании, адресованное *лишь* к князю от лица новгородцев. В начале: «На семь, княже, целоуй крест к всемоу Новоугородоу». В конце: «На семь на всемь князь великый целовал крест к всемоу Новоугородоу; такоже посадник и тысяцкый и весь Новъгород целовали к великомоу князю по любви в правдоу, без всякого извета».

Интересные наблюдения можно сделать над текстом одного докончания Новгорода с тверским князем Михаилом Александровичем, относящегося к 70-х годам XIV в.[53] Он скреплен двумя новгородскими печатями (посадника и тысяцкого); княжеская печать отсутствует. По своему формуляру договор целиком повторяет докончание Новгорода с Михаилом Ярославичем, разобранное выше.[54] Только в конце его помещено несколько дополнительных статей. Договорная грамота на имя Михаила Александровича, подобно грамоте на имя Михаила Ярославича, построена в форме ряда условий, выдвинутых от лица Великого Новгорода князю. Но предложение закрепить эти условия целованием креста вначале отсутствует, и, напротив, инициативу крестоцелования берет на себя Великий Новгород:

---

[51] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд.I, рубр. III, № 8. СГГД, т. I, стр. 11—12, № 9.

[52] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 13. СГГД, т. I, стр. 19—20, № 15.

[53] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 7. СГГД, т. I, стр. 9—11, № 8.

[54] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 5—6. СГГД, т. I, стр. 6—9, № 6—7.

«На семь, господине, Новгород весь кресть целует княжение твое честно держати по пошлине без обиды».

Как докончание с Михаилом Ярославичем, так и формуляр договорной грамоты, адресованной Михаилу Александровичу, отличается непоследовательностью. Именно текст, в основном составленный от имени Новгорода, включает в виде вставки статью, построенную в форме предложения от лица князя: «А что пошлины, княже, в Новгородьской волости, [того] вы мене не таити в всих волостех». В конце грамоты помещено указание на крестоцелование со стороны князя, отсутствующее в договоре с Михаилом Ярославичем: «А на семь на всемь князь великый крест целовал». В докончании с Александром Михайловичем,[55] принятом тверской стороной и скрепленном тверской великокняжеской печатью, как мы видели, формула крестоцелования была двусторонней (не только от лица князя, но и от лица Новгорода). Все эти особенности договорного формуляра проливают свет на происхождение документа. Очевидно, при его составлении был использован текст новгородского докончания с Михаилом Ярославичем, проредактированный дважды — в Новгороде и в Твери. Нечеткость конструкции первого докончания, объясняемая двойной редакцией, была при этом сохранена и в грамоте на имя Михаила Александровича. Новый текст, заверенный печатями новгородских посадника и тысяцкого, предназначался для утверждения Тверью, поэтому в конце в него и была внесена статья о крестоцеловании со стороны тверского князя. Но поскольку текст не был превращен в двустороннее докончание, постольку в конце нет пометы об ответном крестоцеловании Великого Новгорода, как это имело место в договоре с Александром Михайловичем. Начинается же изучаемая сейчас грамота наоборот — именно с крестоцелования Новгорода, но не князя, так как в этом отношении она следует проредактированному Тверью договору на имя Михаила Ярославича. Словом, и в данном случае, как и в ряде других, мы приходим к выводу: грамота предназначалась для Твери и попала, повидимому, в тверской государственный архив. Ответный документ, хранившийся в новгородском архиве, нам неизвестен.

Договорная грамота с тверским князем Борисом Александровичем XV в.[56] дошла до нас в виде проекта за двумя новгородскими печатями. Она начинается с обращения к князю: «А на сем на всем, господине князь великий Борис Олександрович, челуй крест ко всему Великому Новугороду». Но этот новгородский проект не превращен в окончательный текст, утвержденный тверской стороной, так как в нем сохранено, например, такое выражение в условном наклонении: «А как почелует крест князь великий Борис Олександрович к Великому Новугороду...» Или в конце: «А на том на всем, князь великий Борис Олександрович, челуй, господине, крест к Великому Новугороду по любви в правду. А похоцет князь великий на той грамоте за то ятися, и Великий Новгород повелел за то ятися Павлу Федоровичу; или князь великий Борис Олександровичь того не похочет, ино Великому Новугороду на Павла не помолвити». Совершенно очевидно, что дошедший до нас текст представляет собой новгородские предложения, переданные тверскому князю через посла Павла Федоровича, причем в документе сохраняется тон неуверенности, что эти предложения будут приняты. Интересно, что последняя фраза, со слов: «а похоцет князь великий на той грамоте за то ятися...» и т. д., представляет собой приписку к основному тексту, сделанную другими чернилами и более крупным и

---

[55] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 13. СГГД, т. I, стр. 19—20, № 15.

[56] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 16. СГГД, т. I, стр. 23—24, № 18.

размашистым почерком. Изучаемый документ, очевидно, остался в Твери, а затем в числе других новгородско-тверских актов попал в Москву, в великокняжескую казну. Тверской ответ, возможно, поступивший в Новгород, как и другие документы подобного рода, не сохранился.

Мы до сих пор рассматривали односторонние тексты, составленные от лица властей Великого Новгорода, духовных и светских. Такой характер носят, как было указано, двенадцать грамот из семнадцати. Три договора написаны по иному формуляру, в виде двусторонних докончаний: это договорные грамоты с Новгородом тверских князей Михаила Ярославича начала XIV в. (две)[57] и Михаила Александровича 70-х годов XIV в. (одна).[58] Их начальный протокол построен по сходной форме: «се докончал великый князь... с владыкою... и с посадникомь, и со всимь Новымьгородомь...», или: «се яз князь великий... докончал есмь с посадникомь, с тыся[цьскы]мь, со всемь Новымьгородом...», или: «се доконча князь великый... с архиепископом новгородьскым с влыдыкою..., с посадником... с тысячьскым, с всим Новымгородом...»

Грамоты выдают следы своего происхождения из встречных проектов: новгородских и тверских. Так, в одном договоре Михаила Ярославича принятая по отношению к князю форма третьего лица переходит в первое: «то все князь отложил», «а князю великомоу Михаилоу не наводити на Новъгород», «а за все за то взяти князю» и т. д., и в то же время: «кто мои недругы мне выдал в Торжькоу, тем ся им не мьщати», «а Новугородоу княженье мое честно дьржати без обиды» и т. д.[59] В двух из них (Михаила Ярославича и Михаила Александровича) в конце помещена формула двойного крестоцелования: «А на семь на всемь князь великый Михайло [Ярославич] крест целовал к Новоугороду, а Новъгород к великомоу князю крест целовал по сим грамотам»; «а князь Михаило [Александрович] крест целовал к Новугороду, а Новгород крест целовал к князю Михаилу».[60] Одна грамота (Михаила Ярославича) [61] написана целиком в первом лице, от имени князя, причем конечная формула о двустороннем крестоцеловании отсутствует.

К одной грамоте Михаила Ярославича привешены две печати; княжеская [62] и новгородского архиепископа Давыда. У другой печать утрачена, и сохранились лишь следы ее прикрепления.[63] У докончания Михаила Александровича две печати, причем обе новгородские: посадника и архиепископа.[64] Договоры типа, подобного только что разобранным, составлялись в двух экземплярах — по одному для каждой из участвовавших в соглаше-

---

[57] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 10 и 14. СГГД, т. I, стр. 15—16, № 12; стр. 21, № 16.

[58] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 15. СГГД, т. I, стр. 21—22, № 17.

[59] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 10. СГГД, т. I, стр. 15—16, № 12.

[60] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 10 и 15. СГГД, т. I, стр. 15—16, № 12; стр. 21—22, № 17.

[61] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 14. СГГД, т. I, стр. 21, № 16.

[62] Изображения на княжеской печати описаны И. И. Срезневским (Указ. соч., стр. 175) и А. А. Шахматовым (Указ. соч., стр. 256) неправильно: архангел Михаил и Николай чудотворец. В действительности изображены архангел Михаил (христианское имя Михаила Ярославича) и Афанасий Александрийский христианское имя его отца). См. А. В. Орешников. Указ. соч., стр. 131: (Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 42—43.

[63] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 14. СГГД, т. I, стр. 21, № 16.

[64] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 15. СГГД, т. I, стр. 21—22, № 17.

нии сторон. На каждом экземпляре привешивались печати или обеих сторон (как в случае с грамотой Михаила Ярославича), или печать каждой из сторон скрепляла договор, вручавшийся противоположной стороне. Поэтому относительно докончания Михаила Александровича совершенно бесспорно, что это тверской противень, так как на новгородском должна была быть обязательно печать тверского князя.

По формуляру, близкому к только что рассмотренным грамотам, написан договор Юрия Даниловича московского с Михаилом Ярославичем тверским, новгородскими посадником, тысяцким и всем Великим Новгородом начала XIV в.[65] «Се доконча князь великый Гюрги с братомь своимь княземь с Михаилом, и с посадникомь, и с ты[сяцкимь, и] с всемь Но[вымь городом]ь». В конце — одностороннее крестоцелование от лица Михаила Ярославича: «А на семь на всемь князь Михаило целовал крест к нам по любви, в правду, без всякого извета».

Присутствие указанного документа в составе новгородско-тверских грамот лишний раз подтверждает тверское (а не новгородское) происхождение всего этого фонда в целом. Это договор московского князя с тверским, и, естественно, он находился в тверском государственном архиве, но поскольку договор касался новгородских дел, постольку при подборе в Твери архивных материалов он вошел в собрание именно *новгородско*-тверских актов.

Только одно новгородско-тверское докончание из числа сохранившихся документов дошло до нас в виде двух отдельных грамот, одной — от лица Новгорода, другой — от имени тверского князя: это докончание Новгорода с князем Михаилом Ярославичем начала XIV в.[66] Одна из этих грамот (с новгородской стороны) начинается со слов: «На семь, князь Михаило, целуй крест к посаднику и к тысяцьскому и к всему Новугороду». Другая (от имени Михаила) построена по следующему формуляру: «Поклон от князя от Михаила к отьцю ко владыце; то ти, отче, поведаю с[ъ бр] атом[ь] своимь с старейшимь с Даниломь один есмь, и с Иваномь, а дети твои посадник и тысяцький и весь Новъгород на томь целовали ко мне крест». Обе грамоты сшиты вместе, и к ним привешена на шелковом шнуре серебряная позолоченная печать князя Михаила Ярославича (с изображением на одной стороне Михаила Архангела, на другой Афанасия Александрийского).[67] Этот памятник по своему характеру несколько напоминает рассмотренный выше договор между Новгородом и князем Александром Михайловичем. Тот также составлен на основе новгородских и встречных тверских предложений (только в виде одной, а не двух грамот) и также скреплен великокняжеской тверской печатью. Но, в противоположность договору на имя Александра Михайловича, в докончании, изучаемом в настоящее время, отсутствует формуляр о двустороннем крестоцеловании — от лица обоих участников соглашения. В одной грамоте — предложение целовать крест, обращенное к Михаилу Ярославичу, в другой — указание на крестоцелование новгородцев. Совершенно очевидно, что это именно тверской противень договора, так как в экземплярах, предназначенных для новгородской стороны, статьи о крестоцеловании были бы даны в обратном порядке: на одном экземпляре должно было быть предложение целовать крест, об-

---

[65] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 12. СГГД, т. I, стр. 17—18, № 14.

[66] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 4-а и 4-б. СГГД, т. I, стр. 5, № 4—5.

[67] У Шахматова неверно расшифровано изображение на печати: вместо Афанасия Александрийского — Николай чудотворец. См. А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 243—244. Поправки см. у А. В. Орешникова. Указ. соч., стр. 131, и Н. П. Лихачева. Указ. соч., стр. 42—43.

ращенное к Новгороду, на другом — новгородские условия должны были быть подтверждены присягой тверского князя.

Мы остановились на детальном анализе новгородско-тверских докончаний с точки зрения особенностей их формуляра, так как эта дипломатическая сторона дела не привлекала в достаточной мере внимание исследователей. Между тем, дипломатические детали в сочетании с наблюдениями над данными сфрагистики, как это было показано выше, проливают свет на происхождение сохранившегося в составе Государственного древлехранилища ЦГАДА собрания новгородско-тверских документов. Версия о том, что перед нами остатки новгородского государственного архива периода самостоятельности Великого Новгорода, должна быть оставлена. Изучаемые документы попали в московскую великокняжескую казну не из Новгорода, а из архива Тверского великого княжения.

В заключение остановимся на анализе некоторых помет, которые сохранились на оборотной стороне ряда новгородских грамот. Я имею в виду не позднейшие пометы XVII—XVIII и XIX вв., которые также находятся на некоторых документах. Речь идет о пометах, современных самим памятникам и написанных уставом, как и основные тексты. Пометы эти, в большинстве своем, не воспроизведены в «Собрании государственных грамот и договоров».

На грамотах Ярослава Ярославича второй половины XIII в. имеются следующие пометы: на одной — «князя Ярослова»;[68] на другой [69] — «се приехала послы от Менгоу-Темеря царя сажат Ярослава с грамотою Чевгоу и Баиши»; и на ней же иным почерком, обратно первой приписке — «княжа Ярослава Ярославлич». На грамотах Михаила Ярославича начала XIVв. на одной — «тферьская доконцальная», [70] на другой [71] — «князя Михаила», на третьей [72] — «[т]ферьская Михаи[лова]», на четвертой, сшитой вместе с дополнительной грамотой,[73] стершаяся надпись, предположительно — «грамоты князя Михаила Ярославича доканчалные»,[74] на пятой — «князя Михаилова».[75] На грамоте Александра Михайловича: «князя великого Александра».[76] На одной грамоте князя Михаила Александровича 70-х годов XIV в.: «княжа Михаилова о рубеже».[77]

Десять грамот лишены помет (одна грамота Ярослава Ярославича конца XIII в.,[78] четыре Михаила Ярославича начала XIV в.,[79], одна Юрия Даниловича московского начала XIV в.,[80] две Михаила Александровича 70-х годов XIV в.,[81] одна Бориса Александровича XV в.[82] и одна литовского князя Свидригайла XV в.).[83]

Правда, здесь следует учитывать то обстоятельство, что многие документы с оборотной стороны из-за ветхости в настоящее время заклеены позднейшей бумагой, которая, может быть, и скрыла древние пометы.

Рассматривая приведенные выше пометы, видим, что они носят по боль-

---

[68] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 1.
[69] Там же, № 3.
[70] Там же, № 4-б.
[71] Там же, № 5.
[72] Там же, № 6.
[73] Там же, № 9-а.
[74] Там же,
[75] Там же, № 10.
[76] Там же, № 13.
[77] Там же, № 7.
[78] Там же, № 2.
[79] Там же, № 4-а, 8, 9-б, 14.
[80] Там же, № 12.
[81] Там же, № 11, 15.
[82] Там же, № 16.
[83] Там же, № 17.

шей части однотипный характер. Это по преимуществу имена князей, участников докончаний с Великим Новгородом. Древние почерки помет, современные самим грамотам, хотя обычно и не совпадающие с почерками, которыми написаны тексты грамот, исключают возможность предположения, что пометы относятся к тому времени, когда документы попали уже в Москву. Очевидно, пометы сделаны или в Новгороде, или в Твери, причем вероятнее первое предположение. В его пользу говорит, прежде всего, деталь филологического характера, бросающаяся в глаза в помете на одном из договоров Михаила Ярославича: «доконцальная». Это новгородская особенность. С другой стороны, и по своему содержанию такие пометы, как «тферьская доконцальная», «тферьская Михаилова», указывают на Новгород, а не на Тверь, как на место происхождения помет. Подчеркивать то, что данный противень докончания предназначается для тверской стороны, было уместно в Новгороде, а не в Твери. Эти соображения приводят к выводу, что пометы делались именно в Новгороде на экземплярах, предназначавшихся для передачи тверским князьям, перед тем, как документы к ним поступали. Поэтому пометы и состоят, главным образом, из указаний на имена тверских князей. Иногда же, кроме того, отмечается, что это именно «тверские» противни, а не те экземпляры, которые остаются в новгородском государственном архиве.

Несколько особыми чертами отличается надпись на обороте договорной грамоты Новгорода с Ярославом Ярославичем: «се приехаша послы от Менгоу-Темеря царя сажать Ярослава с грамотою Чевгоу и Байши».[84] Самое построение фразы: «се приехаша»... и т. д. указывает на то, что помета современна договору и носит злободневный политический характер. Дело было в том, что Ярослав Ярославич в 70-х годах XIII в. для овладения Новгородом обратился к татарской помощи.[85] Проект договора был составлен, очевидно, в тот момент, когда вместе с Ярославом явились татарские послы, в присутствии которых Ярослав и был посажен на новгородском столе. Вторая помета на той же грамоте: «княже Ярослава Ярославлич», расположенная обратно первой, сделана, очевидно, после нее, в момент передачи экземпляра документа князю Ярославу.

В качестве последнего аргумента в пользу тверского происхождения собрания новгородско-тверских грамот служат для меня те аналогии, которые дают наблюдения над документами рижского архива, относящимися к истории Новгорода. Это новгородские договоры с немецкими городами, причем их противни, предназначавшиеся для новгородских представителей и хранившиеся в новгородском государственном архиве, утрачены. Эти договоры отличаются друг от друга по своему формуляру, точно так же, как не был однообразным и формуляр новгородско-тверских докончаний. Но независимо от особенностей договорного формуляра, дошедшие до нас через рижский архив экземпляры грамот, которые получали иностранные представители, скреплены новгородскими печатями. С другой стороны, утраченные экземпляры, находившиеся в новгородском архиве, должны были иметь немецкие печати.

Краткая договорная грамота великого князя Андрея Александровича, новгородских посадников Семена Климовича, тысяцкого Машка и всего Новгорода, с одной стороны, и купцов «латиньского языка» Любека, Готланда и Риги — с другой носит, как и многие новгородско-тверские грамоты, односторонний характер. Она так и составлена от лица великого князя и Новгорода по следующей форме: «от великого князя Андрея, от посадника Семена, от тысячкого Машка, от всего Новагорода». К доку-

---

[84] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд, I, рубр. III, № 3.
[85] Об этом см. ниже.

менту привешены три русских печати: новгородского посадника, тысяцкого и княжеская, с изображениями Иисуса Христа и сокольника.[86]

Торговый договор великого князя Александра Ярославича Невского и Великого Новгорода с немецкими послами, относящийся к концу 1262 г., написан иначе — в форме взаимного докончания всех участников (Новгорода, Риги, Любека, Готланда), но опять-таки от лица русского князя и Новгорода: «Се аз князь Олександр и сын мой Дмитрий с посадникомь Михаилъмь, и с тысяцькымь Жирославомь, и с всеми новгородци, докончахом мир с посломь немьцкымь Шивордомь, и с любьцкымь посломь Тидрикомь, и с гъцкымь посломь Одъстенъм и с всем латинскымь языкомь».[87] Печати — архиепископа новгородского Долмата, новгородская государственная и княжеская. Известны и новгородско-тверские грамоты подобного типа (в виде двустороннего договора, но за печатями одной, новгородской, стороны). О них речь была выше.

Итак, приведенные в параллель к новгородско-тверским документам грамоты, касающиеся отношений Великого Новгорода с немецкими городами, лишний раз убеждают в том, что документы новгородского государственного архива не дошли до нас и что те новгородские памятники, которые уцелели, представляют собой остатки других архивных фондов.

§ 3. «Ярославовы грамоты» и формуляр новгородских договоров с великими князьями XIII—XV вв.

Мы произвели анализ новгородско-тверских грамот как цельного собрания, единого по своему составу и происхождению. Нас интересовали, главным образом, некоторые общие черты формуляра этих документов, свидетельствующие о том, что перед нами материалы единого фонда, именно тверского государственного архива. Сейчас необходимо остановиться на исторических условиях возникновения *отдельных* грамот и на характеристике каждой из них как исторического источника, а также на взаимоотношении текстов. Но прежде всего следует выяснить общий вопрос о том, когда сложился и был записан формуляр договорных взаимоотношений Новгорода с князьями. Этот вопрос представляет большой исторический интерес, но он не только не разрешен в литературе, но, напротив, сильно запутан.

Сами новгородцы иногда указывали на «грамоты Ярослава» как на основу своих взаимоотношений с последующими князьями. Но о каком Ярославе идет речь? Этот вопрос в литературе даже и не ставился, так как была твердая уверенность, что речь идет, конечно, о Ярославе Владимировиче Мудром, знаменитом князе XI в. Эти «Ярославовы грамоты» иногда отождествлялись с той «правдой» в виде письменного «устава», которая, согласно летописным сведениям, была выдана Ярославом Мудрым новгородцам в 1016 г. в благодарность за помощь, оказанную в его борьбе с братом Святополком за киевский стол: «И дав им правду и устав списав, тако рекши им: по сей грамоте ходите, якоже списах вам, тако же держите».[88]

Если относительно личности князя Ярослава сомнений не возникало, то по поводу содержания его грамот и характера пожалования мнения ис-

---

[86] Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами, найдены в Рижском архиве К. Э. Напиерским и изданы Археографической комиссией, СПб., 1857, № IX. Русско-ливонские акты, собранные К. Э. Напиерским, изданы Археографической комиссией, СПб., 1868, стр. 24—25, № XLVIII.

[87] Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами, № I. Русско-ливонские акты, стр. 8—9, № XVI. Об этом договоре см. ниже.

[88] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, СПб., 1888, стр. 84.

следователей расходились. Одни считали, что «устав» Ярослава 1016 г.— это прототип позднейших договоров Новгорода с князьями XIII—XV вв. По словам Н. И. Костомарова, Ярославова «грамота давала или, лучше сказать, возвращала Новугороду старинную независимость, право самоуправления и самосуда, освобождала Новгород от дани, которую он платил великому князю киевскому, и предоставляла Новгороду с его землею собственную автономию. Мы имеем много грамот новгородских половины XIII-го века до конца XV-го,— каждая заключает в себе больше или меньше, в главных чертах, повторение предыдущей: они ссылаются на грамоту Ярослава как на свой первообраз. Нет никакого основания сомневаться в действительности этой первообразной грамоты. Прошло после Ярослава много веков: Новгород, охраняя свою независимость и гражданскую свободу, постоянно указывал на Ярославовы грамоты как на свою древнюю великую хартию».[89]

Другие исследователи не находили возможным отождествлять содержание Ярославовых грамот с нормами позднейших новгородских докончаний XIII—XV вв. Так, С. М. Соловьев думал, что «льготные грамоты Ярославовы касались только финансовых постановлений», особенности же новгородского политического уклада «произошли мало-помалу, вследствие известных исторических условий, а не вследствие пожалования Ярославова».[90]

Интересную, хотя и весьма спорную, гипотезу по поводу Ярославовых грамот предлагает А. А. Шахматов. Не пытаясь проводить полную аналогию между новгородскими договорами XIII—XV вв. и «грамотами Ярослава» XI в., он в то же время не считает правильным видеть в них исключительно льготу финансового характера. По мнению Шахматова, несомненно, что в княжение Ярослава Мудрого «Новгород приобрел какие-то особенные права», на которые опирались «договорные отношения Новгорода с князьями в XII и XIII столетиях» и наличие которых подтверждает между прочим, летописец: «издавна суть свобожени новгородци прадеды князь наших». Эти «права» были, по мнению Шахматова, зафиксированы в виде «учредительного акта», дарованного Ярославом Новгороду в 1016 г. и хранившегося им «как святыня», а также скопированного в летописи. Подписанная Ярославом «великая хартия вольностей» новгородских не дошла до нас, так как в 1423 г., при составлении в Москве общерусского свода, по политическим соображениям великокняжеской власти, стремившейся к подавлению новгородской самостоятельности, она была изъята и заменена в летописи текстом Русской Правды (в краткой редакции), которая и читается теперь под 1016 г.[91]

Очень близки к мыслям Шахматова и высказывания Б. Д. Грекова. Он говорит, что «одна из значительных услуг, оказанных Новгородом князю Ярославу в 1016 году, по рассказу Новгородской летописи, сопровождалась для Новгорода очень серьезными последствиями: новгородцы получили от Ярослава какую-то великую хартию вольностей... Новгородцы долго помнили эти грамоты, и вновь приглашаемые на новгородский стол князья всегда и неизменно должны были целовать Новгороду крест «на всех грамотах Ярославлих...». Если мы и лишены возможности точно формулировать содержание грамот, тем не менее у нас не остается никакого

---

[89] Н. И. Костомаров. Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Собр. соч. Исторические монографии и исследования, кн. III, тт. VII и VIII. СПб., 1904, стр. 37—38.

См. также И. Д. Беляев. Рассказы из русской истории, кн. 2, изд. 2-е, М., 1866, стр. 214.

[90] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, стб. 698—699.

[91] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908, стр. 296, 507—508.

сомнения в том, что они в свое время были даны новгородцам и что в истории так называемых новгородских вольностей они должны были сыграть важную роль».[92]

Признавая большое значение за грамотами Ярослава Мудрого XI в. в создании основ новгородского политического уклада, исследователи поднимают и другой важный вопрос: когда сложился *письменный формуляр* тех новгородских грамот, которые сохранились от XIII—XV вв.? Этот вопрос, конечно, требует самостоятельного ответа, независимо от того, признавать ли, или же нет, близость норм «великой хартии вольности» XI в. к докончаниям последующего времени.

А. А. Шахматов, давший комментированное издание договоров Новгорода с князьями, говоря о дошедших до нас документах со второй половины XIII в., замечает, что грамоты такого же типа существовали и ранее, со времени князя Всеволода Мстиславича (1125—1136 гг.).[93] Аналогичного взгляда придерживается и Б. Д. Греков. Он считает, что после княжения Всеволода Мстиславича решительно изменились взаимоотношения князей с новгородским вечем. В основу этих отношений легли «особые договоры, продиктованные реальными условиями политической обстановки Новгорода». «Можно думать, — говорит Б. Д. Греков, — что эти договоры стали вырабатываться в то время, когда перестраивались новгородские политические порядки вообще, т. е. в 30-х годах XII века».[94]

С иной точкой зрения выступил А. Е. Пресняков. Он не считает возможным возводить письменные договоры новгородцев с князьями к первой половине XII в. — ко времени Всеволода Мстиславича или непосредственно вслед за его княжением. Возражая Шахматову, Пресняков останавливается на анализе двух, наиболее ранних из известных нам, докончаний Новгорода с князем Ярославом Ярославичем, которые в «Собрании государственных грамот и договоров» отнесены к 1265 г.,[95] но которые, по мнению Преснякова, должны быть датированы 1263 годом. Автор утверждает, что это действительно первые, а не случайно только уцелевшие, систематические договорные грамоты общего характера. В пользу этого предположения говорит «неустойчивость договорного «формуляра»..., стремление утвердить представление, что излагаемые в договоре нормы действительно «старина и пошлина», та самая, на которой (предполагаю, что без формулировки в письменной форме) целовали крест деды и отцы князя и отец его Ярослав».[96]

До Ярослава Ярославича, по мнению Преснякова, князья, княжившие в Новгороде, могли в своих грамотах формулировать лишь *отдельные специальные* вопросы новгородской «старины и пошлины» и, таким образом, накапливать материал для создания систематического договорного формуляра.

Мне кажется, что в круг выдвинутых выше вопросов необходимо внести бо́льшую ясность. Прежде всего, следует уяснить себе характер того «устава», который был дан Ярославом новгородцам в 1016 г. Затем надо собрать все сохранившиеся ссылки позднейшего времени на «Ярославовы грамоты» и установить, можно ли их относить к той грамоте XI в., которую упоминает летопись, и Ярослава ли Мудрого или кого-либо иного из кня-

---

[92] Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII веке. Ученые записки Института истории РАНИОН, т. IV, М., 1929, стр. 13—14.

[93] А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот, стр. 229.

[94] Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 19. См. также А. В. Арциховский. К истории Новгорода. «Исторические записки», т. II, 1938, стр. 196.

[95] СГГД, т. I, стр. 1—3, № 1—2.

[96] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 71, прим. 1.

зей Ярославов имеют эти ссылки в виду. И только после разрешения этих предварительных вопросов можно будет подойти к истории формуляра договорных новгородских грамот XIII—XV вв.

Изучение летописных данных уже давно останавливало ряд исследователей на мысли о том, что в грамоте, выданной Ярославом новгородцам в 1016 г., следует видеть 17 статей (по Академическому изданию — 18) Русской Правды (краткой редакции), текст которой помещен в Новгородской летописи как раз под этим годом.[97] Действительно, изучение первой части Краткой Правды в контексте социально-политических событий этого времени и в сопоставлении с хронологически ближайшими к этому памятнику юридическими документами подтверждает указанную точку зрения и дает возможность сделать ряд наблюдений, по-новому освещающих вопрос.

Подготавливаясь в 1015 г. к войне со своим отцом киевским князем Владимиром по вопросу о дани, новгородский князь Ярослав стремился к усилению своей дружины при помощи наемных отрядов заморских варягов («посла за море, приведе варягы, бояся отца своего»).[98] Содержание наемного войска легло на местное население («кормяше варяг много, бояся рати»). Насилия варягов вызвали восстание новгородцев. По Новгородской летописи: «начаша варязи насилие деяти на мужатых женах»; по Повести временных лет: «варязи бяху мнози у Ярослава и насилье твориху новгородцем и женам их». Восстание новгородцев приняло широкие размеры и закончилось избиением пришельцев. По Новгородской летописи: «собрашася в нощь, иссекоша варягы на Поромоне дворе»; по Повести временных лет: «вставше новгородци, избиша варягы во дворе Поромони».[99] Разгневанный князь устроил ответное побоище руководителей восстания и ночного нападения на «Поромонь двор», «нарочитых мужей», представителей местных влиятельных сил. По Новгородской летописи: «собра вои славны тысящу и обольстив их, исече, иже бяху варягы ти исекле, а друзии бежаша из града»; по Повести временных лет: «и позва к себе нарочитые мужи, иже бяху иссекли варягы, обольстив и исече».[100] Расшатав в значительной мере военные ряды, на поддержку которых он мог рассчитывать, Ярослав был вынужден по получении известия о смерти в Киеве отца вновь обратиться к помощи новгородцев для борьбы за киевский стол с братом Святополком. Летопись приписывает ему лирические слова с просьбой о прощении: «Любимая моя и честная дружина, юже выисекох вчера в безумии моем, не топерво ми их златом окупите».[101] Несомненно, что за этими трафаретными фразами скрывались и какие-то весьма реальные обещания, так как недаром новгородцы, несмотря на устроенное Ярославом избиение, согласились «потягнуть» по нем и доставили своим походом победу князю.

Новгородская летопись коротко излагает события, связанные с овладением Ярославом Киевом. Рассказ Повести временных лет значительно пространнее. В ней говорится о вторичном бегстве Ярослава, после овладения Киевом, под натиском совместных сил Святополка и Болеслава польского, в Новгород. Оттуда Ярослав собирался бежать «за море», но новгородцы силой не пустили его и сами проявили инициативу в дальнейших

---

[97] И. А. Стратонов. К вопросу о составе и происхождении Русской Правды, Казань, 1920, стр. 10—14. И. И. Яковкин. Договор как нормативный факт в древнем праве. Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, Пгр., 1922, стр. 22—23.

[98] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 75.

[99] Там же, стр. 82. ПСРЛ, т. I, стр. 61.

[100] Там же.

[101] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 82.

действиях: «Ярославу же прибегшю Новугороду и хотяше бежати за море, и посадник Коснятин сын Добрынь с новгородьци рассекоша лодье Ярославле, рекуще; хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополком». Обложив себя сбором, новгородцы наняли на собранные деньги варягов, обеспечивших на этот раз Ярославу окончательную победу («и начаша скот сбирати от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от баяр по 18 гривен и приведоша варягы, вдаша им скот»).[102] Повесть временных лет говорит о втором походе под 1019 г. Новгородская летопись опускает указанные подробности, но под 1016 г. сообщает о том, что Ярослав был вынужден выполнить свое обещание и наградить новгородское войско за помощь: «Нача вое свое делити, старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а новгородьчем по 10 всем». А затем в Новгородской летописи помещено сообщение о грамоте, данной Ярославом новгородцам: «и отпусти я домовь вся и дав им правду и устав списав, тако рекши им: по сей грамоте ходите, яко же списах, такоже держите».[103]

Из неясных и дошедших в разных вариантах и позднейших переделках рассказов летописей, сведших вместе данные киевских и новгородских источников о двух различных походах Ярослава, трудно восстановить в деталях реальную картину социальных взаимоотношений. Однако несомненно, что в описываемом движении начала XI в. мы имеем дело с выступлением вечевого Новгорода как самостоятельной политической силы. Несомненна роль посадника и местных влиятельных верхов в борьбе с бесчинствами вновь нанятых варягов, так как слова летописи об избиении Ярославом «нарочитых мужий», «славных воев тысящи», как руководителей восстания, жалобы самого Ярослава с сожалением о побитой им «любимой и честной дружине», надо относить не к княжеской дружине, как это делает А. Е. Пресняков,[104] а к местной новгородской.

Новгородцы ждали от Ярослава не только денежной награды, но и определенного политического акта, гарантирующего их права во взаимоотношениях с пришлым элементом.

В первых же статьях Ярославовой Правды мы находим указания на ее связь с новгородским восстанием 1015—1016 гг. Ст. 1 говорит о праве мести родственников убитого убийце, с заменой мести сорокагривенным вознаграждением. В текст этой статьи вставлена специальная формула, уравнивающая представителей различных слоев новгородского общества в оценке их жизни сорока гривнами: «аще боудеть роусин, любо гридин, любо коупчина, любо ябетник, любо мечник, аще изгой боудеть, любо словенин, то 40 гривен положити зань».[105] Нарочитая вставка эта, давно уже обратившая на себя внимание исследователей, не может быть объяснена литературным заимствованием из Пространной редакции, как предполагает И. А. Стратонов.[106] Слишком выступает наружу ее социальный реалистический смысл.

В появлении статьи, обещающей равенство уголовной защиты для всех свободных граждан, кроме «челядинов» и «холопов», без различия социального положения, и только раскрывающей общее понятие «мужа» для этой и следующей статей, нельзя не видеть политического жеста, вызванного попыткой сгладить остроту противоречий между новгородским обществом и княжеской дружиной, достигших своего апогея и вылившихся в кровавое столкновение 1015—1016 гг.

---

[102] ПСРЛ, т. I, стр. 62.

[103] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 84.

[104] А. Е. Пресняков. Княжое право в древней Руси, СПб., 1909, стр. 176—177.

[105] Академический список, ст. 1.

[106] И. А. Стратонов, Указ. соч., стр. 13.

Во всех следующих статьях Правды Ярослава социальная антитеза проводится по линии: «муж» в значении «свободный муж» и «холоп» или «челядин». Все дальнейшие параграфы посвящены столкновениям военной наемной дружины и городского населения. Перед нами общество вооруженных воинов в обстановке лагерного быта и постоянной внутренней вражды. Недаром Правда дает разветвленную схему денежных вознаграждений, предусматривая всевозможные формы, в которые выливались междоусобия, начиная с убийства и кончая увечьем, отсечением рук, ног и пальцев, повреждением бороды и усов, оскорблением дружинной чести.[107] Недаром в числе пропавших вещей названо обычное имущество воина — «оружие», «порт» и «конь»,[108] а в числе «изломанных» вещей — «порт», «копье» и «щит». [109] Очевидно, социальная и национальная вражда проявлялась не только в красочных драматических эпизодах, подобных столкновению на Парамоновом дворе. Русская Правда рисует нам будничную, повседневную картину постоянных убийств и ссор, сопровождавшихся членовредительством, нанесением «кровавых» и «синих» ран и посягательством на чужие усы и бороду, уничтожением и кражей военной амуниции.[110]

Правда Ярослава уделяет много внимания этим междоусобиям — с одной стороны, уступая широкое поле в защите своей жизни, чести и здоровья частной инициативе и самодеятельности, предоставляя месть за убийство родственникам убитого,[111] за увечье — детям изувеченного,[112] за раны и побои — самому пострадавшему,[113] а с другой стороны, пытаясь ввести эти междоусобия в какие-то рамки, требуя показаний двух свидетелей или присяги для получения денежного удовлетворения за посягательство против личности,[114] свидетельских показаний — для мести за раны и побои и пр.[115]

Совершенно очевидно, что все эти многочисленные статьи об ударе мечом, не вынутым из ножен, или рукоятью[116] и пр., детально предусматривающие различные оскорбления, имеют в виду вооруженных воинов, тех, чьей принадлежностью является меч и чья честь страдает от побоев «батогом», «чашею», «рогом» или «тылеснию».[117]

На обостренность отношений между новгородским населением и вооруженными отрядами дружинников указывает и нарочитая вставка в ст. 10, декретирующая право владельца беглого «челядина» «изымать» его у укрывателя. Эту общую формулу, предусматривающую *вообще* укрывательство беглого челядина, Правда дополнила определением разряда укрывателей: «аще ли челядин скрывается любо оу варяга, любо у кольбяга». Конечно, не случайно это намеренное выделение «варяга» и «кольбяга», указывающее на их постоянную рознь с новгородскими жителями. О том же свидетельствует и терминология статьи. Выражения: «а его за три дня не выведоуть...», «то изымати емоу свой челядин» и т. д. говорят об изолированности от местного населения варягов, живших особой колонией, в огражденном и замкнутом месте.[118] Право на такой вывод дает, быть может, и

---

[107] Академический список, ст. 1—9.
[108] Там же, ст. 12.
[109] Там же, ст. 17.
[110] Там же, ст. 1—9, 12, 17.
[111] Там же, ст. 1.
[112] Там же, ст. 5.
[113] Там же, ст. 2.
[114] Там же, ст. 9.
[115] Там же, ст. 2.
[116] Там же, ст. 4.
[117] Там же, ст. 3.
[118] Н. А. Максимейко. Опыт критического исследования Русской Правды, вып. 1, Харьков, 1914, стр. 14—15.

ст. 12— «аще поиметь кто чюжь конь, любо ороужие, любо порт, а познаеть в *своемь мироу*, то взяти емоу свое, а 3 гривне за обидоу». В этом выражении («свой мир») можно видеть указание на противоположность «*своей* общины» местного населения и корпорации вооруженных варягов, не сливавшихся с местной общиной, подобно тому, как в последующее время существовали особые Готский и Немецкий дворы.[119]

Очевидно, требование «закличи» в исках о пропавших вещах и челядинах, вводя юридические формы процесса, должно было предотвратить возможность самоуправства варягов по отношению к новгородским жителям.

Итак, возникшая под влиянием серьезных волнений в Новгороде в 1016 г. Правда Ярослава ставит своей задачей тщательную и заботливую защиту местного населения от вооруженных варяжских дружинников.

Юридическая нормировка взаимоотношений между двумя *мирами*, местным и пришлым, придает Правде Ярослава характер *договора*,[120] по которому в результате ограничения самоуправства вооруженной корпорации варяжской дружины, должны были получить гарантию местные интересы. Этот нормативный, договорный характер как нельзя более подходит к юридическому акту, являющемуся следствием недавнего столкновения новгородцев с пришлым варяжским элементом, столкновения, закончившегося примирением князя, после акта мести за избитые варяжские отряды, с местной дружиной.

Не случайно Правда Ярослава обнаруживает определенную близость к содержанию первого договора Новгорода с немецкой Ганзой и Готландом около 1195 г.,[121] также ставящего своей задачей урегулирование взаимоотношений между двумя корпорациями, в данном случае вооруженного купечества. Эта близость проявляется и в сходной терминологии (немецкий купец, «купчина»—именуется варягом), и в общем понятии «мужа», как «свободного мужа» (оже *мужа* свяжуть без вины...», «оже ударять *мужа* оружием...»), и в повышенной охране чести («а оже мужа свяжуть без вины, то 12 гривен за сором старых кун», «оже ударять мужа оружеемь, любо колом, то 6 гривен за рану старые») и т. д. Наконец, статья Русской Правды, требующая двенадцать свидетелей по искам о пропавшем имуществе,[122] имеет интересную параллель в статье договора около 1195 г. о взыскании долга («оже емати скот варягу на русине или русину на варязе, а ся его заприть, то 12 мужь-послухы, идеть роте, възметь свое»). Повидимому, изолированность варяжских военных верхов от местного «мира» во времена Ярослава, требовавшая договорных гарантий, напоминала позднейшие взаимоотношения новгородцев с отрядами вооруженного немецкого купечества.

Сравнение Правды Ярослава с договором Новгорода с немецкой Ганзой и Готладом лучше всего помогает уяснить ее смысл. В обоих случаях перед нами юридические акты, предусматривающие возможные столкновения между двумя общинами — городской местной и пришлой военно-дружинной или же военно-купеческой. Появление обоих актов было следствием весьма обостренных отношений, приведших к эксцессам и требовавших

---

[119] Там же, стр. 15.

[120] Поэтому я считаю неправильным данное Стратоновым определение Правды Ярослава как уставной грамоты. См. И. А. Стратонов. Указ. соч., стр. 11. О договорном характере Правды Ярослава говорит И. И. Яковкин. Указ. соч., стр. 22—23.

[121] Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами, № 1-б. Русско-ливонские акты, стр. 1—2, № I.

[122] Академический список, ст. 14.

каких-то гарантий в дальнейшем. Согласно летописи, в 1188 г. «рубоша новгородьце варязи на Гътех немьце, в Хоружьку и в Новотържьце; а на весну не пустиша из Новагорода своих ни одиного мужь за море, ни съла въдаша варягом, нъ пустиша я без мира.[123] Эти гарантии на будущее время в Правде Ярослава и в договоре около 1195 г. затрагивают сферу всевозможных уголовных правонарушений (убийство, бесчестье, раны, побои и пр.) и гражданских тяжб, определяя порядок судопроизводства и устанавливая денежные штрафы за правонарушения.

Изучение Правды Ярослава немыслимо без привлечения договоров Руси с Византией 911 и 944 гг. Исследователи давно обратили внимание, с одной стороны, на содержащуюся в статьях названных договоров ссылку на «устав и закон русский»,[124] с другой — на близость некоторых договорных норм к постановлениям Русской Правды. Отсюда сам собой напрашивается вывод о существовании, под именем «закона русского», предшествующего Русской Правде комплекса правовых норм, оформленного ли в виде юридического сборника, или же имевшего обязательную значимость в неписанном виде. Однако, правильно устанавливая, путем сравнения Русской Правды с договорами Олега и Игоря, значительную давность *зафиксированного на ее страницах древнерусского права*, обычно не обращали внимания на другое обстоятельство, именно на то, что это сравнение проливает также свет на *исторические условия возникновения и социальный смысл Правды* 1016 г. как записи этого древнего славянского права. Между тем, эта сторона дела заслуживает не меньшего внимания.

Бытовые взаимоотношения русского купечества, прибывавшего из Киева в Византию, с местным населением в X в. весьма напоминали взаимоотношения варягов с новгородским обществом в XI в. Изолированная колония варягов в Новгороде имеет интересные параллели в обособленности в Византии славян-русов, которым было предоставлено право жительства только в предместье св. Мамы. И с этой точки зрения Правда Ярослава является таким же договором, регулирующим соприкосновение «варяга» и «словенина», как «свещания» Олега и Игоря — соприкосновения «русина» славянина и «гречина», мирная грамота Новгорода с немцами около 1195-г. — взаимоотношения «немчина»-варяга и новгородца-«русина», а договор смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 г.[125] — взаимоотношения «русина» с «латиняном».

Правда Ярослава 1016 г. — такой же «ряд» между новгородским обществом и корпорацией варягов, как и договоры Олега и Игоря с Византией «о главах, иже ся ключит проказа», как и «Правда» 1195 г., и «Правда» 1229 г. о том, «како то держати Роуси с латинескимь языкоме и латинескомоу языкоу с Роусию».[126] Отсюда совпадение целого ряда пунктов всех перечисленных памятников. Правда Ярослава — это «ряд» между местными верхами (гриди, купцы и др.) и варяжским княжеским окружением. Влиятельная верхушка Новгорода — «огнищане», «гридьба», «купцы вятшие» — и в дальнейшем сохраняет за собой представительство в переговорах с князьями. Для примера можно указать на «ряд» новгородцев с князем Ростиславом в 1166 г.[127]

---

[123] ПСРЛ, т. III, стр. 20. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 162.

[124] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. I, изд. 6-е, СПб., Киев, 1908, стр. 12 (договор Игоря 944 г., ст. 6). См. также договор Игоря 944 г., ст. 3, 9, 14; договор Олега 911 г., ст. 5.

[125] Русско-ливонские акты, стр. 420, № I, Anhang.

[126] Русско-ливонские акты, стр. 422, № I, Anhang.

[127] «Приде Ростислав из Кыева на Лукы и позва новгородьце на поряд: огнищане, гридь, купьце вячьшее» (ПСРЛ, т. III, стр. 14. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 146).

Сопоставим же более детально отдельные постановления Правды Ярослава со статьями договоров 911 и 944 гг., подобно тому, как ранее мы проделали это в отношении мирной грамоты Новгорода с немецкой Ганзой и Готландом около 1195 г. Тогда еще наглядней выступит однородный характер всех трех памятников. Подобно тому, как ст. 1 Правды Ярослава посвящена междоусобиям среди отдельных представителей новгородского общества (гриди, купцы и пр.) и варягов-пришельцев, финалом которых является убийство, влекущее за собой кровную месть, так и соответственные пункты договоров Руси с Византией трактуют об убийстве «хрестьянином»-греком «русина»-славянина и обратно, декретируя право мести со стороны «ближних убьенного».[128]

Далее в Правде Ярослава и в рассматриваемых договорах следуют параграфы об ударе мечом, копьем, оружием и пр.[129]

Постановление Правды Ярослава об «изымании» «челядина», скрывшегося в варяжской колонии, находит интересную параллель в аналогичных статьях договора князя Игоря 944 г., также предусматривающих случаи побега греческих рабов, искавших себе убежища в среде русов в предместье св. Мамы, и обратную возможность укрывательства русской челяди в «стране (Греческого) царствия».[130]

Наконец, подобно тому, как договоры с Византией уделяют внимание «татьбе» «русина» у «крестьянина» и обратно,[131] так и Правда Ярослава, касаясь вопросов кражи, различает случаи опознания пропавшей вещи в пределах своей общины, с одной стороны, и в «чужом миру» (очевидно, варяжском) — с другой.

Итак, резюмируем. Правда Ярослава 1016 г. — это политический акт, с одной стороны, декларирующий идею «равноправия» отдельных представителей новгородского общества, знающий два основных социальных определения — «муж» (свободный муж) и «челядин» или «холоп»; с другой стороны, предоставляющий определенные гарантии на договорных началах обществу новгородских «мужей» в их отношениях с наемной княжеской дружиной.

Я считаю, что пониманию характера Правды Ярослава как договорного акта в значительной мере помогает анализ летописного рассказа о призвании варягов, содержавшегося уже в новгородском своде XI в. В этом своде мы сталкиваемся со своеобразной идеологией, выразившейся в представлении об исконных новгородских вольностях — представлении, отличном от того, которое встречаем в развитой форме у новгородцев в XIII в.

Достаточно выяснены литературные источники этого легендарного и тенденциозного рассказа, но недостаточно вскрыт его политический смысл, заключающийся отнюдь не в утверждении тезиса о варяжском происхождении Русского государства, а в апологии новгородских «вольностей», в доказательстве их «извечности» и в провозглашении правовых начал государственности, нарушаемых варягами-насильниками. Совсем не обращено внимание на связь летописной статьи о призвании варяжских князей с описанием событий 1015—1016 гг. Мало того, одним из источников статьи я считаю летописные данные об обстоятельствах, связанных с получением Новгородом от Ярослава Правды, боровшейся с

---

[128] Договор 911 г., ст. 4; договор 944 г., ст. 13 (М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., вып. 1, стр. 3 и 14).

[129] Договор 911 г., ст. 5; договор 944 г., ст. 14 (М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., вып. 1, стр. 3 и 15).

[130] Договор 944 г., ст. 11 (М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., вып. 1, стр. 11).

[131] Договор 911 г., ст. 6; договор 944 г., ст. 5—6 (М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., вып. I, стр. 3 и 12).

произволом варягов. Сопоставим основные мотивы статьи о призвании варягов с главнейшими моментами новгородской политической жизни 1015—1016 гг. и попытаемся установить их соответствие.

Призвание варягов	События 1015—1016 гг.
1) Дань варягам Новгородстии людие, рекомии словени, и кривици, и меря, словене свою волость имели, а кривици свою, а мере свою; каждо своим родом владяше, а чюдь своим родом; и дань даяху варягом от мужа по беле и веверици.	*1) Кормление варягов* Ярославу кормяше варяг много, бояся рати.
2) Насилия варягов А иже бяху у них, то ти насилье деляху, словеном, кривичем и мерям и чюди.	*2) Насилия варягов* И начаша варязи насилие деяти...
3) Изгнание варягов И въсташа словене, и кривици, и меря, и чудь на варягы и изгнаша я за море и начаша владети сами себе...	*3) Избиение варягов* Рекоша новгородци: сего мы насилья не можем смотрити. И собрашася в нощь иссекоша варягы в Поромоне дворе.
4) Усобицы и призвание варягов для установления правопорядка И въсташа сами на ся воеват, и бысть межи ими рать велика и усобицы. И въсташа град на град и *не бе в них правды*. И реша к себе: князя поищем, иже бы владел нами и *рядил ны по праву*. Идоша за море к варягам и ркоша: земля наша велика и обильна, а *наряда у нас нету*; да поидете к нам княжить и владеть нами.[132]	*4) Выдача Ярославом Правды новгородцам* И дав им Правду и устав списав, тако рекши им: по сей грамоте ходите, яко же списах вам, тако же держите.[133]

Особенно бросаются в глаза слова летописи об отсутствии «правды», о поисках «наряда» и князя, который «рядил бы по праву» — в рассказе о призвании варягов, с одной стороны, и о даче Ярославом «Правды» со словами: «по сей грамоте ходите» в 1016 г. — с другой. А описание «усобиц и ратий» как следствия отсутствия «правды» среди изгнавших варягов славянских и финских племен нельзя ли поставить в связь со статьями Правды Ярослава, посвященными междоусобиям в новгородском обществе? Беспрапию варягов славяне противопоставляли идею права. Наша трактовка наносит новый сильный удар норманской теории происхождения Русского государства. Весь смысл летописного рассказа — в отрицании у варягов всяких начал государственности.

Итак, ссылкой на историческую традицию обосновывая политические притязания, новгородская политическая мысль середины XI в., в качестве прецедента остановилась на договорной грамоте 1016 г., известной под именем Правды Ярослава, и события, связанные с ее получением новгородцами, положила в основу легенды, перенесшей в далекое прошлое появление «правды» как акта *добровольного соглашения* новгородских славян с приглашенными ими князьями. Не замалчивались и кровавые столкновения, предшествовавшие этому «добровольному» соглашению. Теперь мы можем заново повторить поставленный выше вопрос: в чем сами новгородцы видели основу своих вольностей? И отвечаем: *в договор-*

[132] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 4—5.
[133] Там же, стр. 82—84.

ном происхождении и характере Правды как основы общественного правопорядка, в гарантиях, полученных от княжеской власти относительно выполнения *судебного «наряда»*. Другими словами, политическая новгородская традиция XI в. прямо возводит нас к Правде Ярослава и заставляет признать фикцией какие-либо иные, не дошедшие до нас «учредительные акты», содержавшие в себе какие-либо «особенные права» (А. А. Шахматов), на которые опирались договоры XIII и последующих веков. Речь шла о грамоте судебного характера.

Ясно, что основы, на которых строились договорные взаимоотношения Новгорода с князьями в XIII—XV вв., были совершенно иного порядка. Договоры этого времени стремились ограничить князей в целом ряде специальных вопросов: в правах владения землей в Новгороде, назначения и смещения должностных лиц, исполнения судебных функций и пр. Поэтому вряд ли ссылки на «грамоты Ярослава» в XIII в. и в более позднее время можно относить целиком к Правде Ярослава XI в. Для того чтобы выяснить, какие грамоты и какой Ярослав имеются в виду, надо прежде всего собрать все имеющиеся на них указания.

Когда исследователи говорят, что приглашаемые на новгородский стол князья всегда и неизменно должны были целовать Новгороду крест «на всех грамотах Ярославлих», то они делают это без достаточного основания. Во-первых, ссылки на грамоты Ярослава сохранились только в летописях (в текстах договорных грамот XIII—XV вв. их нет), во-вторых, вообще их немного.

Впервые упоминание о «грамотах Ярослава» как основе новгородских вольностей, на которых должны целовать крест последующие князья, встречается в новгородских летописях в 1228 г. После размолвки со своим князем Ярославом Всеволодовичем новгородцы послали за ним и предъявили ему следующий ультиматум: «Поеди к нам, забожницье отложи, судье по волости не слати; на всей воли нашей и на всех грамотах Ярославлих ты наш князь, или ты собе, а мы собе». Аналогичное указание имеется и под следующим, 1229 годом, под которым говорится о присяге Великому Новгороду со стороны князя Михаила черниговского, причем опять в летописи идет речь о «всех грамотах Ярославлих»: «И целова крест на всей воли Новгородьстей и на всех грамотах Ярославлих, и вда свободу смердом на 5 лет, дании не платити, кто сбежал на чюжу земле, а сим повеле, кто сде живет, како уставили передние князи, тако платите дань».[134] Под 1230 годом снова находим сообщение о крестоцеловании Ярослава Всеволодовича: «И целова святую богородицю на грамотах на всех Ярославлих».[135]

В пределах до 1228—1230 гг. новгородские летописи дают только глухие указания на «уставы старых князь» под 1209 годом. Именно говорится, что великий князь Всеволод Большое Гнездо «вда им (новгородцам) волю всю и уставы старых князь, его же хотеху новгородци, и рече им: кто вы добр, того любите, а злых казните».[136]

В глухой форме упоминание о том, что новгородцы получили какие-то вольности от старых князей, имеется под 1169 г. в Лаврентьевской летописи, причем летописец относится с сомнением к этой версии о новгородских «свободах», ведущих свое начало от «прадед князь наших»: «Не глаголем же: прави суть новгородци, яко издавна суть свобожени новго-

---

[134] ПСРЛ, т. III, стр. 44. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 229.

[135] ПСРЛ, т. III, стр. 47. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 230.

[136] ПСРЛ, т. III, стр. 30. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 191.

родци прадеды князь наших; но аще бы тако было, то велели ли им предний князи крест преступати, или внукы и правнукы соромляти, а крест честный целовавше ко внуком их и к правнуком, то преступати».[137]

После 1230 г. «грамоты Ярослава» встречаются в летописных текстах еще один только раз, под 1339 г. В этом году Иван Данилович Калита просил у новгородцев ордынский выход, на что они отвечали: «Того у нас не бывало от начала миру, а ты целовал крест к Новугороду по старой пошлине новгородской и по Ярославлим грамотам».[138]

Кроме того, в летописях еще в двух случаях находим указания на то, что основы новгородского правопорядка восходят ко временам князя Ярослава. В политических спорах между Новгородом и московскими князьями XV в. уже не Новгород, а Москва, в целях обоснования своих политических домогательств, ссылается на «пошлины», ведущие свое начало от князя Ярослава Владимировича.

Псковская вторая летопись под 1471 г. говорит о том, что Иван III, предпринимая поход на Новгород, мотивировал его желанием восстановить старинные московско-новгородские взаимоотношения, относящиеся еще к княжению великого князя Ярослава Владимировича, и наказать новгородцев за их неправомерные действия в отношении московских великих князей: «Князь великий Иван Васпльевич разверже мир с Великим Новымгородом и нача искати на новгородцех своих прародителей старин, земли, и воде, и всех пошлин, как пошло от великого князя Ярослава Володимировича, и хотя отмстити Великому Новугороду древняя нечьсти и многиа грубости, бывшиа от них великим князем».[139]

Наконец, в Степенной книге сказано, что новгородцы получили от Ярослава Владимировича Мудрого право свободного выбора князей: «Древле убо людие Великого Новаграда словени зовеми бяху, имяху же у себе первого самодержьца от Пруская земли князя именем Рюрика от рода Августа кесаря, его же сами к себе призваша по совету множества людий всея Руськия земьли, и той владый над нами, не яко они хотяху, но яко он хотяще тако судя и управляя и враждебников без боязни смерти предавая, а неповинных снабдевая и милуя, тако же последи покорни бяху и сыну его Игорю, и внуку его Святославу, и правнуку его святому и равноапостольному Владимеру. Егда же Ярослав по отьцы своем блаженном Владимери победив братоубийца Светополка изыде от Новаграда в Киев державствовати и тогда от великого князя Ярослава Владимерича за великое их к нему исправление получиша от него милость новгородцы, да по воли их, его же они возлюбят князя, и той господьствует ими от сынов Ярославлих и от внучат его в роды и роды во веки. И тако оттоле убо держаху себе князя, его же хотяху от рода Ярославля...»[140]

Отношение исследователя во всем приведенным сейчас летописным текстам, при пользовании ими в качестве исторических источников, не может быть одинаковым. Совершенно очевидно, что два последних сообщения (Псковской второй летописи и Степенной книги) отражают московскую концепцию новгородско-московских отношений. Степенная книга проводит ту точку зрения, что право избрания князей, предоставленное новгородцам Ярославом Владимировичем Мудрым, было «милостью» последнего, причем речь шла о князьях из «рода Ярославля», законными преемниками которых являются великие князья московские. Псковская вторая летопись квалифицирует все новгородские политические притяза-

---

[137] ПСРЛ, т. I, стр. 154.
[138] ПСРЛ, т. III, стр. 79. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 336.
[139] ПСРЛ., т, V, стр. 35.
[140] ПСРЛ, т. XXI, 1-я половина, стр. 235—236.

ния на протяжении ряда столетий, как «нечьсти и многпа грубости» великим князьям, нарушавшие те «пошлины» и «старины», которые сложились при Ярославе Мудром.

Трудно сказать, к какому времени можно отнести рассуждения Лаврентьевской летописи под 1169 г. по поводу правильности новгородских ссылок на «свободу» , предоставленную им «предними князьями». Но несомненно, что здесь также слышится голос противника новгородских порядков, а безличное указание на «предних князей» и «прадедов князь наших» не дает возможности усмотреть здесь ссылку на конкретные документы, связанные с именем того или иного из князей, вступивших в политические отношения с Новгородом.

Во всяком случае, во всех трех летописных текстах нет никакого прямого свидетельства о «грамотах Ярослава», хотя начало новгородских вольностей иногда и возводится к Ярославу Мудрому. Остаются летописные данные 1228—1230 и 1339 гг. причем наибольший интерес для решения вопроса о «грамотах Ярослава» представляют известия 1228—1230 гг. как наиболее ранние. Кроме того, летописное сообщение под 1339 г. имеет в виду *специальный случай* требования московским великим князем ханского запроса, и в силу этого на нем трудно основываться при решении вопроса *общего порядка*.

Остановимся на летописных указаниях 1228—1230 гг., дающих, несомненно, новгородскую версию о «грамотах Ярослава». Сопоставляя эти указания с данными 1209 г. об «уставах старых князь», М. Н. Тихомиров строит предположение, что здесь имеется в виду Пространная редакция Русской Правды, возникшая в Новгороде в 1209 г. в связи с восстанием против Мирошкиничей.[141] Независимо от М. Н. Тихомирова, и я в свое время пришел к выводу, что Пространная Правда является новгородским памятником начала XIII в., точно так же, как Краткая редакция (соединившая Правду Ярослава с уставом его сыновей, изданным в пределах Киевской Руси в 70-х годах XI в.) возникла в Новгороде в тридцатых годах XII в.[142]

Но я считаю необходимым в то же время обратить внимание на то, что в летописных текстах упомянуты «*все* грамоты Ярославли». Это делает вероятным предположение, что летопись имеет в виду не только Правду Ярослава Мудрого, вошедшую в качестве одного из источников в состав Пространной редакции Русской Правды, и даже *не столько* этот памятник. Ведь речь идет о крестоцеловании на «всех грамотах Ярославлих» и на «всей воли нашей» (новгородской), т. е. эта формула ведет нас уже скорее не к Правде Ярослава, а к договорным нормам XIII и более поздних столетий.

Все эти соображения дают основание, повторяю, задуматься над тем, только ли «Правда Ярослава» и, в первую очередь, этот ли памятник подразумевается летописью, когда она называет «все грамоты Ярославли». Я считаю возможным в этом отношении разойтись с историографической традицией и пересмотреть вопрос о личности князя Ярослава, которому принадлежат грамоты, имевшие значение в политической жизни Новгорода.

Н. Л. Дювернуа указывал, что «грамот, на которые опирались новгородцы в своих рядах с князьями, было много: именем одного Ярослава обозначалась не одна такая грамота».[143] Но и князей с именем Ярослав было в Новгороде несколько, а не один только Ярослав Владимирович Мудрый.

---

[141] М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 225—226.

[142] Л. В. Черепнин. Рецензия на издание «Правда Русская. Учебное пособие», изд. АН СССР, М. — Л., 1940. «Исторический журнал», 1941, № 3, стр. 135—136.

[143] Н. Дювернуа. Источники права и суд в древней России. М., 1869, стр. 57.

На протяжении XI—XIII вв. мы знаем в Новгороде в качестве князей четырех Ярославов: Ярослава Владимировича Мудрого, Ярослава Владимировича (1182—1199),[144] Ярослава Всеволодовича (1215—1246)[145] и, наконец, Ярослава Ярославича (1263—1270).[146] Из этих четырех Ярославов два первых, как мы видим, носят отчество Владимировичей.

И вот, как мне представляется, есть все основания предполагать, что летописные ссылки начала XIII в. на «грамоты Ярослава» имеют в виду не столько Ярослава Владимировича Мудрого, князя XI в., о котором, несомненно, говорят поздние источники (Псковская вторая летопись, Степенная книга), сколько другого Ярослава, правнука Владимира Мономаха, сына Владимира Мстиславича. Он княжил в Новгороде 17 лет с перерывами, с 1182 по 1199 г. Его княжение оставило свой след во внутренней жизни Новгорода. В это время там велось большое церковное строительство. В своей резиденции под Новгородом он построил церковь Спаса-Нередицы и украсил ее фресками. В числе изображений имелось изображение самого Ярослава, передающего церковь «спасителю» с записью.[147] Говоря о закладке Нередицкой церкви, Новгородская летопись называет Ярослава великим князем,[148] а «Слово» Даниила Заточника именует его «сыном великого царя Владимира».[149]

Большое значение для истории Новгорода имели и военные мероприятия Ярослава. Известны два его удачных похода на чудь в 1191 и 1192 гг.[150]

Наконец, важным актом в области внешней политики было заключение Новгородом при Ярославе Владимировиче, около 1195 г., договора с Готландом.[151] В тексте его в качестве источника использована Краткая редакция Русской Правды.

На основании изучения летописных данных можно думать, что при Ярославе Владимировиче в конце XII в. действительно были выработаны какие-то условия договорных взаимоотношений Новгорода с князьями, которые легли в основу дошедших до нас более поздних текстов договоров. В 1184 г. великий князь владимирский Всеволод Большое Гнездо, свояком которого был Ярослав, по словам летописи, вывел Ярослава из Новгорода, «негодовахуть бо ему новгородьци, зане много творяху пакости волости Новгородьскей».[152] В 1187 г. Ярослав, по приглашению новгородцев, возвратился в Новгород.[153] В 1196 г. Всеволод признал за новгородцами право свободного приглашения князей: «а Новгород выложиша вси князи в свободу, кде им любо, ту же собе князя поимають».[154] Новгородцы воспользовались этим правом и выгнали Ярослава. Новгород в течение всей зимы оставался без князя, а Ярослав отправился в Торжок и при помощи Всеволода перехватил все пути к Новгороду:

---

[144] ПСРЛ, т. III, стр. 18—24.

[145] Там же, стр. 32; т. I, стр. 201; т. VII, стр. 157.

[146] ПСРЛ, т. VII, стр. 164; т. III, стр. 62.

[147] И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 82.

[148] ПСРЛ, т. III, стр. 24. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 175.

[149] Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Изд. АН СССР, 1932. Памятники древнерусской литературы, вып. 3, стр. 11.

[150] ПСРЛ, т. III, стр. 20. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 164, 169.

[151] Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами, № 1. Русско-ливонские акты, 1868, стр. 1—2, № I.

[152] ПСРЛ, т. III, стр. 18. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 159.

[153] ПСРЛ, т. III, стр. 19. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 162.

[154] ПСРЛ, т. III, стр. 23. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 173.

«а Ярослав княжяше на Търьжку в своей волости, и дани поима по всему Вьрху, и Мьсте, и за Волоком възьма дань, а новгородце измяв Всеволод за Волоком и по всей земли своей, дьржаше у себе, не пустя их к Новугороду, нъ хожаху по городу по воли Володимири».[155] В 1197 г. новгородцы «с всею правьдою и чьстью» возвратили Ярослава, и он «седе на столе своем и обуяся с людьми и добро все бысть».[156] К этому моменту и можно отнести появление, в виде письменного текста, договорного формуляра, который постепенно подготавливался и в более раннее время, с середины XII в. Конечно, трудно сказать, в каких статьях формуляр договора 1197 г. послужил прототипом для позднейших договорных грамот. Во всяком случае, уже в начале XIII в. сами новгородцы цитировали некоторые статьи своих соглашений с князьями. В 1218 г. Новгородская летопись рассказывает, что новгородцы упрекали князя Святослава в нарушении крестоцелования, когда он без вины лишил должности посадника Твердислава: «Князь же Святослав присла свои тысяцькыи на вече рече: не могу быти с Твердиславом и отъимаю от него посадницьство. Рекоша же новгородьци: е ли вина его? Он же рече: без вины. Рече Твердислав: тому есм рад оже вины моей нету, а вы, братье, в посадничьстве и в князех. Новгородци же отвещаша: княже, оже нету вины его, ты к нам крест целовал без вины мужа не лишити».[157] В дошедших до нас договорных грамотах со второй половины XIII в. эта статья, которую имели в виду новгородцы в полемике с князем, формулирована следующим образом: «без вины ти мужа волости не лишити».[158]

При великом князе Ярославе Всеволодовиче, когда мы впервые встречаем указание на «Ярославовы грамоты» (по моему предположению — грамоты Ярослава Владимировича, новгородского князя конца XII в.), в Новгороде, вероятно, шла дальнейшая работа над договорным формуляром. В докончальных новгородских грамотах 60-х и 70-х годов XIII в. на имя сына Ярослава Всеволодовича — великого князя Ярослава Ярославича — встречается статья: «Целуй хрест к всему Новугороду, на цемь то целовали деди [и отци] и отець твой Ярослав».[159] Но в одном из договоров, очевидно, более раннем, аналогичное место, в настоящее время дефектное, читалось, судя по подсчету букв, повидимому, иначе: «На цемь то целовал хрест отець твой Ярослав»,[160] т. е. упоминается один Ярослав Всеволодович, без общего указания на «отцов» и «дедов». Эта ссылка говорит об интересе, проявленном в Новгороде в первой половине XIII в., в княжение именно Ярослава Всеволодовича, к договорному формуляру, который в основном сложился в конце XII в., при Ярославе Владимировиче. Действительно, раз наиболее ранняя из дошедших до нас новгородских грамот времени великого князя Ярослава Ярославича отмечает, что изложенные в ней условия были закреплены крестоцелованием отца Ярослава — великого князя Ярослава Всеволодовича, но не называет, как это стали делать позднейшие грамоты, княжеских «дедов», значит до Ярослава Всеволодовича договорный формуляр еще не отличался устойчивостью и в первой половине XIII в. еще разрабатывался. Поэтому как раз в княжение Ярослава Всеволодовича и появляются на сцене «грамоты Ярослава»

---

[155] ПСРЛ, т. III, стр. 23—24. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 173.

[156] ПСРЛ, т. III, стр. 24. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 174.

[157] ПСРЛ, т. III, стр. 37. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 209.

[158] СГГД, т. I, стр. 1, № I.

[159] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. 1, рубр. I, № 1 и № 3. СГГД, т. I, стр. 1 и 3, № 1 и № 3.

[160] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд I, рубр. III, № 2. В СГГД (т. I, стр. 2, № 2) реконструкция текста неправильная: «на цемь то целовали деди и отець твой Ярослав». Это отметил еще А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 239—240.

(Владимировича, конца XII в.) как основа договорных взаимоотношений Новгорода с князьями, текст которых требовал развития и уточнения.

Вопрос о «грамотах Ярослава» (Владимировича) и их дальнейшей разработке в княжение Ярослава Всеволодовича надо рассматривать в связи с «уставом Ярослава князя о мостех». Этот памятник представляет собой разверстку по улицам и сотням Новгорода и Новгородской земли расходов по постройке мостов.[161] Обычно этот устав приписывался князю Ярославу Владимировичу Мудрому (XI в.). Б. А. Рыбаков очень убедительно доказал, что устав следует связывать с именем Ярослава Всеволодовича и датировать его 1230—1235 гг.[162]

Очень интересно, что «устав о мостех» по времени возникновения совпадает с первым упоминанием о «грамотах Ярослава» (Владимировича) в 1228—1229 гг. В 1228 г., в силу размолвки между Ярославом Всеволодовичем и новгородцами, последние «промыслили» себе князя Михаила черниговского. Последний по вокняжении «на всей воле новгородьстей» в 1229 г. освободил смердов на пять лет от платежа дани. Излагая события времени Михаила, Новгородская летопись рассказывает, что новгородцы потребовали денег со сторонников Ярослава Всеволодовича на постройку большого моста через Волхов. «А на Ярославлих любовницех поимаша новгородци кун много и на городищанех, а дворов их не грабяче и даша на великый мост. В то же лето заложиша великий мост выше старого моста».[163] Ярослав Всеволодович по возвращении в Новгород через год, в 1230 г., постарался освободить своих «любовников» от мостовой повинности и переложить ее на плечи горожан и смердов, которым его соперник Михаил черниговский предоставил льготу в платеже дани. Таково происхождение Ярославова «устава о мостех».

Таким образом, «устав о мостех», который исследователи часто относили к Ярославу Владимировичу Мудрому, принадлежит великому князю Ярославу Всеволодовичу. Этот вывод дает возможность предположить, что княжение последнего оставило свой след и в ряде других новгородских памятников. Действия Ярослава Всеволодовича, которые он допускал в интересах его «любовников», заставляли новгородцев позаботиться об ограждении своих собственных прав, уточнить их, оформить в виде письменного текста договорных грамот и заставить князя скрепить их своим крестоцелованием.

§ 4. Договорные грамоты Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем конца XIII в.

После этих предварительных замечаний по истории формуляра договорных грамот Новгорода с князьями необходимо обратиться к вопросу о происхождении каждого из сохранившихся текстов в отдельности и их зависимости между собою.

Как уже было указано выше, до нас дошли три договора Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем.[164] Их взаимоотношение не представляется в достаточной мере выясненным в литературе. В «Собрании государственных грамот и договоров» две грамоты (№ 1 и № 2 по архивной

---

[161] Опубликован Д. Дубенским. Памятники древнерусского права по харатейному списку Московского общества истории и древностей российских, М., 1843, стр. 291—293.

[162] Б. А. Рыбаков Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. «Исторические записки», т. II, стр. 148—149.

[163] ПСРЛ, т. III, стр. 44—45. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 230. Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 149.

[164] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 1—3.

нумерации) помещены (под теми же номерами) под 1265 г., третья — под 1270 г.[165] А. А. Шахматов принял эту датировку и указал в своем исследовании, что из двух ранних договорных грамот первая (по архивной нумерации и по изданию «Собрания государственных грамот и договоров») является «древнейшей в ряду всех прочих».[166] В «Древней Российской Вивлиофике» все три договора фигурируют под 1263 г.[167] А. Е. Пресняков следует «Древней Российской Вивлиофике» в датировке первых двух грамот, а третью, в соответствии с хронологическими данными «Собрания государственных грамот и договоров», относит к 1269—1270 гг. В противоположность Шахматову, из двух ранних договоров древнейшим он считает № 2.[168]

Совершенно бесспорна разновременность договорных грамот № 1—2, с одной стороны, и № 3 — с другой.[169] На это указывают имена новгородских посадников, упоминаемых в документах: в № 1—2 — Михаил (Федорович), занимавший, по летописным данным, должность с 1257 по 1268 г.,[170] в № 3 — Павша (Ананьинич), получивший посадничество в 1268 г.[171] Поэтому датировка № 3 в «Древней Российской Вивлиофике» не выдерживает критики. Два ранних договора исследователи относят к моменту вокняжения Ярослава Ярославича в Новгороде, когда после смерти великого князя Александра Ярославича Невского новгородцы изгнали его сына Дмитрия Александровича и пригласили на новгородский стол брата Александра Невского — тверского князя Ярослава, занявшего затем и великое княжение: «Выгнаша новгородци князя Дмитрия Александровича, сдумавше с посадником Михаилом, зане князь еще мал бяше, а по Ярослава послаша, по брата Александрова, во Тферь, сын посадничь и лучшии бояры».[172] Колебания в пределах между 1263 и 1265 гг., в качестве момента оформления докончаний № 1—2, объясняются тем, что хронология летописных сводов, касающаяся событий, последовавших за смертью Александра Невского, очень спутана и противоречива, поэтому даты утверждения Ярослава в Новгороде и на великокняжеском столе спорны.[173]

Если разновременность документов № 1—2, с одной стороны, № 3 — с другой устанавливается очень легко, то взаимоотношение грамот № 1—2 между собой, как мы видели, вызывает разногласия среди исследователей. Выяснение этого вопроса, на основе палеографического и дипломатического анализа текстов, имеет большое значение для их датировки и изучения.

Сличение между собой договорных грамот № 1 и 2 заставляет отказаться от общепринятой в литературе версии о том, что одна из них является

---

[165] СГГД, т. I, стр. 1—4, № 1—3.

[166] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 229.

[167] «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. I, стр. 1—8, № 1—3.

[168] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 67—75. См. также Г. Е. Кочин. О договорах Новгорода с великими князьями. Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, т. 39, Л., 1939, стр. 199—200.

[169] Мы употребляем нумерацию текстов, как и в предшествовавших главах, соответственно тому изданию «Собрания государственных грамот и договоров», которым всем исследователям приходится пользоваться, хотя эта нумерация, как будет показано ниже, не отвечает действительной хронологической последовательности документов.

[170] ПСРЛ, т. III, стр. 58—60. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 278—288.

[171] ПСРЛ, т. III, стр. 60. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 290.

[172] ПСРЛ, т. III, стр. 58. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 283.

[173] А. Энгельман останавливается на 1264 г. (Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях, СПб., 1858, стр. 51).

простой переделкой другой. Несомненно, перед нами *две различных редакции*, которые оказали влияние и на последующие новгородские договоры с князьями, не одинаковые по своему формуляру. Если грамота № 1 послужила прототипом для № 3 и (в той или иной мере) для некоторых договоров Великого Новгорода с Михаилом Ярославичем начала XIV в.,[174] то грамота № 2, в свою очередь, также легла в основу одного докончания с Михаилом Ярославичем особого типа.[175]

Формуляры № 1 и 2 отличаются, прежде всего, порядком статей. В № 2 на первое место выдвинуты такие ограничения княжеской власти принципиального характера, как «грамот не посоужати», «моужа без вины волости не лишати», «бес посадника волостий не роздавати», «ни грамот даяти». Последнее условие в № 1 не вылилось в самостоятельную статью. Но среди многих обязательств князя относительно Бежецкого Верха и других новгородских «волостей», зафиксированных не в начале, а в середине договора, между прочим, говорится о том, что князь не должен «выводити людий» в свою землю, «ни грамот им даяти». Статьи, запрещающие князю лишать «мужа» без вины волости и «посуживать» грамоты, в № 1 помещены ближе к концу документа. Начинается же последний с ряда постановлений, определяющих княжеские права и ограничивающих самовольные действия князя на территории специально указанных новгородских «волостей» (Бежецкий Верх и др.); отдавать «волости» в держание новгородским, а не княжеским «мужам», «имать от тех волостий» «дар» и т. д.

Таким образом, расхождение в последовательности договорных пунктов между грамотами № 1 и 2 позволяет говорить об их различной целеустремленности. № 2 исходит из определения *общих основ* княжеской власти в Новгороде; № 1 уделяет главное внимание возможным конфликтам между Великим Новгородом и князем в связи с превышением последним своих прав в отношении конкретных новгородских «волостей» (Бежецкий Верх и др.). Поэтому в № 1 содержатся некоторые условия, имеющие в виду современную докончанию реальную обстановку в пределах отдельных новгородских владений и отсутствующи ев № 2. Так, например, говорится, что раздача «волостей», произведенная Александром Невским и его сыном Дмитрием Александровичем совместно с новгородцами, не подлежит пересмотру. Имеется указание на передачу князем Дмитрием Александровичем, опять-таки по соглашению с Великим Новгородом, на три года суда «бежичанам и обонижанам», вследствие чего запрещается посылать в Бежецкий Верх и Обонежье княжеских судей. Наконец, договор № 1 счел нужным отметить «насилия», причиненные Новгороду боярами во времена Александра Невского, и потребовать от князя Ярослава Ярославича возмещения убытков. Всех этих статей, посвященных конкретным случаям взаимоотношений и столкновений между Великим Новгородом и князьями на территории различных новгородских владений, нет совсем в № 2. Только одна статья подобного типа — о пожнях, взятых у Новгорода боярами Александра Ярославича и подлежащих возврату, является общей для № 1 и 2.

С другой стороны, два (помещенных в различных местах текста) пункта договора № 1, также посвященных борьбе с нежелательными для Новгорода княжескими действиями на территории Бежецкого Верха или «иной волости Новгородьской» (приобретение князем, княгиней, княже-

---

[174] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 5, 6, 8. СГГД, т. I, стр. 6—9, 11—12, № 6—7, 9.

[175] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 9-а. СГГД, т. I, стр. 13—14, № 10.

скими боярами и дворянами сел, «вывод» в свою землю «людей», выдача им грамот, прием закладников и т. д.), в № 2 сведены в одной статье, проредактированной иначе. Здесь ни слова не говорится о Бежецком Верхе, а аналогичные условия выражены в виде общей нормы, причем помещено дополнительное, по сравнению с № 1, обязательство: «ни свобод ставити по Новгородьской волости». В № 2 опущено новгородское требование, предъявленное князю среди других только что перечисленных условий № 1: «людий не выводити в свою землю». Но в то же время в конце грамоты № 2 мы находим, в отличие от № 1, специальный пункт, запрещающий князю «вывод въ всей волости Новгородьской».

Из других статей договорной грамоты № 2, определяющих в общей форме положение княжеской власти в Новгороде и отсутствующих в № 1, следует отметить княжеские обязательства «не рядити» Новгорода и не раздавать волостей из Суздальской земли, посылать за Волок не княжеского «мужа», а новгородца, наконец, пункт, регулирующий сроки посылки князем своего судьи в новгородские «волости». № 1 содержит, по сравнению с № 2, лишь одну лишнюю статью, посвященную общим нормам взаимоотношений Новгорода с князьями. Это запрещение княжеским дворянам взыскивать «повозы» с купцов. Но это условие, повидимому, отсутствовало в первоначальном тексте договора № 1 и представляет собой позднейшую приписку, так как оно помещено после предложения князю целовать крест Великому Новгороду при новгородских послах.

Таким образом, неодинаковый порядок, в котором зафиксированы общие обеим грамотам условия, разная редакция статей с одинаковым содержанием, наконец, наличие в каждом из двух документов таких пунктов, которые опущены в другом, — все это свидетельствует о различном характере грамот 1 и 2. Если № 2 стремится дать, прежде всего, принципиальные установки по вопросу о княжеских полномочиях в Новгороде, то № 1 фиксирует свое внимание преимущественно на тех конкретных противоречиях, которые могли возникнуть на территории отдельных новгородских владений вследствие нарушений князем своих обязательств или обязательств своих предшественников в отношении Новгорода.

Наличие двух редакций, представленных текстами № 1 и 2, подтверждается и рядом наблюдений более детального характера. Именно бросается в глаза расхождение между № 1 и 2 в некоторых специальных пунктах. Например, в № 1 мы читаем: «а в Роусу ти, княже, ездити осень»; в № 2: «ехати ти в Роусу на третиюю зиму». № 2 говорит о княжеской поездке в Ладогу на третье лето, а № 1 не упоминает об этом.

Редакцию № 2, вопреки изданиям «Древней Российской Вивлиофики», «Собрания государственных грамот и договоров» и А. А. Шахматова, следует признать более древней, чем № 1. За это говорит, прежде всего, отсутствие в грамоте № 2 ссылки на «старину», которую мы находим в № 1. В № 2 речь идет все время о «пошлине», № 1 прибавляет к слову «пошлина» слово «старина».[176] Например, в № 2: «Держати ти Новгород по пошлине, како держал отець твой»; в № 1: «Новгород ти держати в старине, по пошлине». Заключительная статья № 1 гласит: «тако...пошло от дед, и от отець, и от твоих, и от наших, и от твоего отчя Ярослава». Этой статьи нет в грамоте № 2, которая упоминает только об отце Ярослава, не называя «дедов». Выше было указано, что в № 2 предложение князю целовать крест сформулировано в следующих выражениях: «на цем то целовал [хрес] отець твой Ярослав». То чтение, которое принято «Собранием

[176] На это уже указывал А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 71, прим. 1.

государственных грамот и договоров» [«на цемь то целовали отци и отець твой Ярослав»], основано на неверном воспроизведении дефектного текста.

Другим доводом в пользу большей древности редакции № 2 служит то обстоятельство, что самый поздний договор Великого Новгорода с Ярославом Ярославичем (№ 3) по своим палеографическим особенностям и по содержанию близок не к № 2, а к № 1. Изучение почерков сближает между собой грамоты № 1 и 3. Их графика имеет много общего между собой и сильно отличается от почерка договорной грамоты № 2. К аналогичным выводам приводят и наблюдения над формуляром трех документов: в основу договора № 3 лег формуляр № 1, отличный от формуляра № 2.

В силу этого редакцию № 1 нельзя признать наиболее древней. В № 3 встречаются условия, которых нет в № 2, но которые могли быть заимствованы только из № 1. Такова, например, статья о свободе купцов от повозной повинности, отсутствующая в № 2 и попавшая в № 3 из № 1. Другая статья, определяющая сборы мыта с купцов, торгующих в Суздальской земле, имеется во всех трех грамотах, но в № 2 она редактирована иначе, чем в № 1 и № 3, где находим сходный текст.

Останавливает, наконец, на себе внимание список новгородских волостей, данный в разных редакциях, в грамотах № 1 и № 2. В № 2, после вводного указания: «а се волости Новгородьскые», назван Волок. В связи с этим говорится о держании по «половинам» «въ всей волости Волоцьской» (а также в Торжку) княжеского и новгородского тиунов. Далее договор упоминает о передаче Городца князем Дмитрием Александровичем с новгородцами в держание некоему Иванку.[177] А затем, после повторного указания: «а се волости Новгородьские», — следует подробное их перечисление. В этом перечне Волок и Торжок уже отсутствуют, но Городец фигурирует вторично. В № 1 тот же список «волостей» дан в иной, более совершенной (с точки зрения систематизации) форме. Заголовок: «А се...волости Новгородьскые» приведен один раз, и под ним собраны сведения о всех владениях, причем здесь же, в виде комментария, помещена справка о судьбе Городца. Что касается условий относительно организации управления в Торжке и на Волоке, то они выделены в самостоятельную статью, связанную с перечнем «волостей», в который входит и Волок. Договор № 3 и здесь следует тексту № 1.

Итак, палеографический и дипломатический анализ позволяет считать редакцию № 2 наиболее ранней. Теперь возникает вопрос о времени и обстоятельствах появления обеих договорных грамот (№ 1 и № 2). Во всех изданиях они относятся, как уже было упомянуто, ко времени утверждения Ярослава Ярославича, после смерти Александра Невского, на новгородском столе, что случилось, по данным разных летописей, в период с 1263 по 1265 г. Но остается все же непонятным, почему понадобились две докончальных грамоты. А. Е. Пресняков считает текст № 2 договором, заключенным в начале 1263 г., при посажении Ярослава на княжение в Новгороде, а редакцию № 1 — его «обновлением» после утверждения Ярослава на великом княжении (осенью 1263 г.) или во время первого его прихода в Новгород великим князем.[178] Но если дело заключалось в простом «обновлении» докончания, то чем объясняется существенная разница двух редакций?

Я считаю более правильным отнести грамоту № 2 к тому времени, когда

---

[177] Может быть, это тот самый Иванко, об убийстве которого на Ярославле дворе сообщает летопись под 1270 г. См. ПСРЛ, т. III, стр. 61. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 292.

[178] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 71, прим. 1.

великий князь Александр Невский был еще жив, а Ярослав еще не был формально признан новгородским князем, т. е. к концу 1262 г. или к 1263 г. В это время Александр Ярославич Невский отправился в Орду, а в его отсутствие состоялся победоносный поход на Юрьев новгородцев, под руководством князей Ярослава Ярославича (брата Невского) и Дмитрия Александровича (сына Невского). Сведения об этом находим в летописях и житии Александра Невского, в котором читаем: «Великий ж князь Александр Ярославичь пойде к цареви, дабы отмолил люди от беды, а брата своего меншаго Ярослава и сына своего Дмитрея посла с новгородцы на Западныя страны и вся полки своя с ними отпусти. Поиде же Ярослав с сыновцем своим в силе велице и плениша град Юрьев Немецкий и возвратишася во свояси со многим полоном и с великою честью».[179] В результате успешной для русских войны начались переговоры с немецкими послами, которые привели к оформлению договора с немцами о торговых отношениях.[180]

Договорная грамота написана от лица Александра Ярославича Невского и Великого Новгорода и скреплена тремя печатями: двумя новгородскими и княжеской — с двусторонними изображениями Афанасия Александрийского и Федора Стратилата. Афанасий — христианское имя участника похода тверского князя Ярослава Ярославича; Федор — христианское имя его отца великого князя Ярослава Всеволодовича. Отсюда Н. П. Лихачев делает весьма остроумное и правдоподобное предположение, что печать принадлежала Ярославу Ярославичу, который в договоре не упомянут, но как старейший из князей действовал от имени своего брата — отсутствовавшего великого князя.[181] Мне кажется, что эти наблюдения проливают свет и на происхождение рассматриваемой нами договорной грамоты № 2 Великого Новгорода с Ярославом. Очень вероятно, что сразу после Юрьевского похода новгородцы вступили в переговоры о своих делах с тверским князем, который пользовался великокняжескими полномочиями и прикладывал свою печать к официальным документам. Летопись лаконично сообщает об изгнании из Новгорода, после смерти Александра Невского, его сына Дмитрия Александровича, замененного на новгородском столе Ярославом Ярославичем.[182] Но этому акту предшествовала, вероятно, договоренность с тверским князем, которая имела место еще до получения известия о смерти Александра Невского, скончавшегося по дороге из Орды. Грамота № 2 действительно отражает первоначальную стадию во взаимоотношениях новгородцев с Ярославом Ярославичем, падающую на время при жизни Александра Невского и до официального удаления из Новгорода Дмитрия Александровича. Именно этим и можно объяснить отсутствие в тексте № 2 статей о действиях Александра Невского во время его пребывания в Новгороде, о «волостях», розданных Дмитрием Александровичем, или о суде, переданном им «бежичинам и обонижанам». Появление этих статей в грамоте № 1 вполне естественно, если считать, что она относится уже к тому времени, когда Дмитрий Александрович был лишен новгородского стола и на нем формально утвердился Ярослав. После Юрьевского похода в переговорах между Новгородом и Ярославом речь шла, повидимому, не

---

[179] С. А. Бугославский. К вопросу о первоначальном тексте жития великого князя Александра Невского. Известия Отделения русского языка и словесности Ак. Наук, т. XIX, кн. I, 1914, стр. 288. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 281.

[180] Русско-ливонские акты, стр. 8—9, № 16. О датировке договора 1262 годом см. А. Энгельман. Указ. соч., стр. 8, прим. 20.

[181] Н. П. Лихачев. Указ. соч., вып. I, стр. 36—40.

[182] ПСРЛ, т. III, стр. 58. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 283.

столько о конкретных действиях Дмитрия Александровича или его отца Александра Ярославича, сколько о тех общих нормах, на которых должны строиться взаимоотношения Новгорода со своими князьями. Это и наложило свой отпечаток на содержание грамоты № 2, которая носит специфический характер, в противоположность № 1 выдвигая на первый план общие вопросы о положении княжеской власти в Новгороде. Обсуждение этих вопросов велось, вероятно, на основе того договорного формуляра, который сложился ко времени великого князя Ярослава Всеволодовича и который имеет в виду грамота № 2, говоря о «пошлине», относящейся ко времени «отца» Ярослава Ярославича. После утверждения Ярослава Ярославича в Новгороде естественно следовало выяснить его отношение к политике своих предшественников. Поэтому в текст договора, оформившего занятие Ярославом новгородского стола, и были включены статьи с иным, в сравнении с № 2, содержанием, посвященные действиям Александра Невского и Дмитрия Александровича.

Обращаю внимание еще на одну интересную деталь. Начальный протокол договора № 1, так же как и ряда последующих докончальных грамот, написан от имени новгородских владыки, посадника, тысяцкого «и от всего Новагорода, и от всех старейших, и от всех меньших». В № 2 упомянуты одни «старейшие», а о «меньших» ничего не говорится. Вряд ли можно объяснить это простой случайностью. Летопись рассказывает, что изгнание Дмитрия Александровича и призыв на новгородский стол Ярослава были осуществлены руководящими боярскими кругами. Посольство к Ярославу состояло из «сына посаднича и лучших бояр».[183] От них же, вероятно, исходила инициатива переговоров с князем в более раннее время, после Юрьевского похода, в 1262—1263 гг. Поэтому грамота № 2, фиксирующая предварительные условия, предложенные князю, и приносит ему «поклон» от «старейших», не упоминая о «меньших». Но когда, после смерти Александра Невского, состоялось официальное призвание Ярослава на княжение, — сепаратные действия боярского совета должны были быть оформлены в виде договорного акта, составленного от лица «*всего Новагорода*» не только «старейших», но и «меньших».

Теми же политическими соображениями можно объяснить и включение в соответствующую статью договора № 1, запрещающую князю и его окружению принимать закладников в пределах Бежецкого Верха или «иной волости Новгородьской», — фразы: «ни смерда, ни коупцины». Грамота № 2 не называет в аналогичном случае смерда и купца и не берет их под свою защиту.

Для грамоты № 2 характерно еще то, что в числе официальных новгородских духовных и светских лиц в ней фигурируют не только владыка, посадник и тысяцкий, как в № 1 и других позднейших документах, но еще сотские (единственный случай в новгородских договорных грамотах). Это указание представляет особенный интерес, если попытаться вскрыть состав новгородских сотских середины XIII в. Подобную попытку сделал Б. А. Рыбаков. Сопоставляя имена сотских, упомянутых «Уставом о мостех» князя Ярослава Всеволодовича, с данными летописи, Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что все это — представители боярства, связанные в свое время с Ярославом Всеволодовичем, многие из которых впоследствии стали сторонниками его сына Ярослава Ярославича, причем некоторые (Кондрат, Ратибор) достигли должности тысяцкого.[184] Это, повидимому, те «лучшие бояре», которых называет в качестве послов к

---

[183] ПСРЛ, т. III, стр. 58. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 283.

[184] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 146—148.

Ярославу Ярославичу летопись и которые заранее подготовили его призвание, выработав договорные условия в соответствии с грамотами Ярослава Всеволодовича.

Наш вывод о происхождении грамоты № 2 подтверждается и наблюдениями над ее внешностью. Перед нами действительно запись предварительных условий, предложенных новгородцами князю: это видно из вставок, сделанных в основной текст. Две статьи («а свиньи ти бити за 60 верст от города» и «а за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца») вписаны другими чернилами и другим почерком. Эти вставки заполнили пробел основного текста, в котором были оставлены пустые места. Рука второго писца стремилась к подражанию основному почерку и пыталась подогнать новый текст таким образом, чтобы он уместился в оставленном пустом пространстве. Это удалось с большим трудом и выполнено не вполне искусно, особенно во втором случае. Очевидно, запись грамоты № 2 сделана в процессе переговоров между князем и Новгородом. В основном условия договора были разработаны и занесены на пергамен. Но некоторые пункты вызывали разногласия и вплоть до их разрешения не получили оформления в письменном виде. Когда по этим пунктам была достигнута договоренность, писец дополнительно записал их в заранее предусмотренных и ничем не заполненных строках. Но расчет количества письменных знаков и потребного для них места был лишь приблизительным, ввиду чего и не получилось полного соответствия первичного текста и позднейшей в него вставки.[185]

О предварительном характере договорных условий, изложенных в грамоте № 2, можно, мне кажется, судить и на основании той грамматической формы, в которую облечена статья о крестоцеловании: «на семь ти, княже, хрес целовати...» вместо: «на семь, княже, целоуй хрес...», как читается в № 1 и в других последующих актах.

После смерти Александра Невского и призвания на Новгородское княжение Ярослава (последнее случилось, повидимому, в январе 1265 г.)[186] был заключен тот договор, который лег в основу текста, напечатанного в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 1. Однако анализ грамоты № 1 показывает, что она воспроизводит условия докончания, последовавшего за кончиной Невского, с более поздними дополнениями. Во-первых, почерк, очень сходный с почерком № 3, заставляет думать о близости по времени этих документов и не позволяет допустить хронологический разрыв между ними в 5—6 лет. Во-вторых, из содержания документа № 1 с очевидностью вытекает, что та докончальная грамота, которая лежит в его основе, заканчивалась предложением о крестоцеловании, адресованным к князю Ярославу. Дальше идут статьи, касающиеся вопросов торговли (размеры мыта, свобода купцов от «повозной» повинности), а в заключение отмечено, что такова «пошлина», ведущая начало от «отцов» и «дедов». Создается весьма определенное впечатление, что перечисленные пункты представляют собой последующее добавление к первоначальному докончанию, причем новгородцы считали нужным доказать князю, что это дополнение опирается на историческую традицию. По содержанию эти статьи, стремящиеся обеспечить новгородским купцам условия свободной торговли в Суздальской земле, сближают также (по времени) грамоту № 1 с № 3. Последняя настойчиво требует от князя, чтобы он дал возможность новгородским гостям «гостити без роубежа».

---

[185] Вставки (особыми чернилами и почерком) в текст грамоты № 2 были уже замечены А. А.Шахматовым, но остались им необъясненными. См. А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 240.

[186] Дата Новгородской летописи. См. ПСРЛ, т. III, стр. 58. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 283.

Интересно, что в № 3 материал № 1 подвергся редактированию, и заключительные пункты этого акта были перенесены и помещены ранее статьи о крестоцеловании.

Итак, я считаю, что до нас дошел текст предварительного соглашения Новгорода с Ярославом, выработанный в 1262—1263 гг., еще до кончины Александра Невского (№ 2). Оригинал же докончания, оформившего отношения Ярослава с Новгородом непосредственно вслед за занятием им новгородского княжения по смерти Невского, известен лишь из позднейшего документа (№ 1), использовавшего это докончание в качестве главного источника, к которому были сделаны соответствующие приписки.

К какому же времени можно отнести текст № 1 в дошедшем до нас виде? Хронология новгородской истории за 60-е годы XIII в., как было уже указано, чрезвычайно сбивчива. Восстанавливать действительную последовательность событий, происходивших в Великом Новгороде, приходится путем сопоставления данных целого ряда летописных сводов (Новгородских, Никоновского, Воскресенского). В 1265—1266 гг. Ярослав пытался организовать поход на литовского князя Довмонта, обосновавшегося во Пскове, и явился из Владимиро-Суздальского княжения во Псков «со многою силою Низовскою». Новгородцы воспротивились этому предприятию, и великий князь вернулся обратно, оставив в Новгороде князя Дмитрия Александровича.[187] В 1267 г. в Новгороде произошли волнения. Прямо о них говорит только Никоновская летопись, коротко упоминая «мятежь усобный».[188] Новгородская летопись отмечает лишь пожар Неревского конца, глухо намекая на то, что он вызвал какие-то перемены в социальных отношениях: «мнози от того разбогатеша, а инии мнози обнищаша».[189] Во время этих волнений Дмитрий Александрович, очевидно, покинул Новгород, и там оказывается князь Юрий Андреевич суздальский. Вместе с ним новгородцы совершили поход под Раковор (Везенберг), неудача которого заставила их снова обратиться за помощью к Дмитрию Александровичу и к великому князю Ярославу Ярославичу.[190] Вероятно, в связи с этими событиями и был оформлен договор № 1, на основе более раннего докончания Ярослава с Новгородом. Характерно, что в грамоте № 1 имеются указания на действия Дмитрия Александровича, но ни слова не говорится о князе Юрии Андреевиче. Грамота же № 3 упоминает «закладников за Гюргемь на Торжкоу». Это обстоятельство дает основание датировать грамоту № 1 временем после новгородского «мятежа» 1267 г., в период, когда Юрий Андреевич сменил в Новгороде Дмитрия Александровича. Это особенно правдоподобно, если принять гипотезу С. М. Соловьева, считавшего Юрия Андреевича наместником великого князя Ярослава.[191]

Обращаясь к истории текста № 3, следует прежде всего еще раз указать, что его основным источником является грамота № 1. В № 3 выпущена, по сравнению с № 1, лишь одна статья с фактическим содержанием, в современных условиях уже утратившая силу, — о суде, отданном Дмитрием Александровичем «бежичанам и обонижанам». Затем, как уже говорилось, в целях систематизации, произведена некоторая перестановка материала. Те пункты, которые в № 1 следовали за записью о крестоцеловании, логически заключающей текст, в результате редакционной переработки заняли место выше нее. Ссылка же на «пошлину», восходящую к «дедам» и «отцам», исчезла вовсе.

---

[187] ПСРЛ, т. VII, стр. 167.
[188] ПСРЛ, т. X, стр. 147.
[189] ПСРЛ, т. III, стр. 59. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 286.
[190] ПСРЛ, т. III, стр. 59; т. VII, стр. 167; т. X, стр. 145—146.
[191] С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 815.

С № 2 договор № 3 сближает обязательство князя не давать грамот, которое стоит рядом с обязательством не раздавать без посадника «волостей» и «не судити суда» (новый пункт по сравнению с № 1 и № 2). Далее грамота № 3 разрешает, согласно с № 2, княжеские поездки в Русу и в Ладогу раз в три года, тогда как в № 1 речь шла о ежегодных посещениях. Эти ограничения были вызваны стремлением помешать князьям завязывать связи с указанными пунктами, где они часто находили приют и поддержку. Ярослав бежал в Русу в 1270 г.,[192] когда он был изгнан из Новгорода. К № 2 восходят также статьи № 3, запрещающие организацию слобод и мытов в Новгородской волости, производство суда и раздачу даний «на Низу», «вывод» между Суздальской землей и Новгородом, наконец, пункт, говорящий о посылке судей на Петров день.

Новыми, сравнительно с № 1 и № 2, условиями являются в № 3 дополнительные обязательства князя не нарушать судебных, торговых и земельных прав Новгорода и исправить те нарушения, которые были им уже ранее допущены в указанных отношениях. Подробнее мы разберем эти условия ниже.

Обычно считается, что докончальная грамота № 3 была целиком составлена после восстания в Новгороде против Ярослава, которое произошло в 1270 г. Все исследователи цитируют известный по летописному рассказу список обвинений, предъявленных Ярославу новгородцами: «...А к князю послашя на Городище, исписавше на грамоту всю вину его: чему еси отъял Волхов гоголными ловци, а поле отъял еси заячьими ловци? Чему взял еси Олексин двор Морткинича? Чему поимал еси серебро на Микифоре Манускиничи, и на Романе Болдыжевичи, и на Варфоломеи? А иное чему выводишь от нас иноземца, которыи у нас живут? А того много вины его; а ныне, княже, не можем терпети твоего насилия, поеди от нас, а мы собе князя промыслим».[193] Новгородцы избили и «взяли на разграбление домы» сторонников великого князя и добились его отъезда из города, несмотря на то, что Ярослав соглашался «крест целовать на всей воли» новгородской. Изгнанный князь начал «полки копыти на Новгород» и в то же время обратился к помощи Золотой Орды, отправив туда своего приверженца, тысяцкого Ратибора. Тогда за Новгород заступился костромской князь Василий Ярославич, также прибывший к хану с новгородскими послами. Ратибор выдвинул против новгородцев обвинение в том, что они оказали сопротивление сбору татарской дани, организованному Ярославом. Василий Ярославич опроверг «лживое слово» Ратибора и убедил хана, что «новгородци прави, а Ярослав виноват». Тем самым ему удалось добиться того, чтобы хан Менгу-Тимур отозвал татарское войско, предназначенное для поддержки Ярослава («и възврати татарьскую рать»). Ярослав оказался не в силах подавить сопротивление Новгорода, на защиту которого выступили все пригороды. Он согласился принести присягу на новгородских условиях, под поручительством всех русских князей и митрополита Кирилла, который обратился со специальной увещательной грамотой к новгородцам, убеждая их принять великого князя и ручаясь за него.[194] Посажен же Ярослав в Новгороде был в присутствии татарских послов. В связи с присягой Ярослава, считают исследователи, и была оформлена докончальная грамота № 3, согласно которой Ярослав отказывался от ряда захватов в Новгороде. Это утверждение, однако, требует некоторых разъяснений и оговорок.

---

[192] ПСРЛ, т. III, стр. 62. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 294.

[193] ПСРЛ, т. III, стр. 61. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 292.

[194] ПСРЛ, т. III, стр. 61—62; т. VII, стр. 168—170; т. X, стр. 148—149. См. также А. Н. Насонов. Монголы и Русь, стр. 114—115.

Прежде всего, если считать, что договор № 3 в дошедшем до нас виде явился ответом на тот перечень «вин», который новгородцы, «исписавше на грамоту», прислали к князю на Городище, то остается неясным, почему изучаемый договор об этих «винах» умалчивает. В самом деле, в грамоте № 3 нет ни слова о «гоголиных» ловлях и местах для охоты на зайцев, отнятых князем у Новгорода, или о «серебре», взятом им с ряда новгородцев. Только обвинение в «выводе» иноземцев оформлено в виде соответствующей статьи текста № 3, запрещающей князю затворять Немецкий двор, прибегая к услугам своих приставов, и требующей свободы торговли с Немецким двором для «нашей (новгородской) братьи». Зато грамота № 3 вспоминает другие «обиды», причиненные Ярославом Новгороду, о которых не говорит летопись. Князь отнял грамоту своего отца, определявшую порядок пользования рыбными ловлями и бортными угодьями в Ладоге; «посудил» грамоты отца своего и брата, «подавав» на эти грамоты новые; отнял у Кирила Хотунича дани с новгородского погоста и передал их сбор попу св. Михаила, нарушив тем самым «пошлину»; держал закладников в Торжку; затрагивал торговые интересы новгородцев; касался земельных владений св. Софии и т. д.

Таким образом, вряд ли можно рассматривать грамоту № 3 как прямой ответ на новгородские претензии, в письменном виде предъявленные князю во время «мятежа» 1270 г.

С другой стороны, если предполагать, что текст № 3 полностью относится к 1270 г., к моменту возвращения Ярослава на новгородское княжение, после разрешения конфликта, то, очевидно, его имеет в виду летопись, когда говорит: «И присла Ярослав с поклоном в новгородскый полк, и взяша мир на всей воли новгородьской, и посадиша Ярослава и водиша и к кресту».[195] Но содержание и самый тон грамоты № 3 несколько противоречат летописному указанию на то, что примирение между князем и Новгородом состоялось полностью на основе условий, продиктованных Новгородом, которым Ярослав был вынужден подчиниться. Напротив, при чтении некоторых мест текста № 3 создается впечатление, что скорее не князь выступал с «поклоном», а инициатива примирения принадлежала новгородцам. Договорная грамота озабочена княжеским «гневом» на посадника и на «весь Новгород» и просит Ярослава «нелюбье отложити», «не мщати судом» и ничем иным, не давать веры тому, кто «почнет вадити», «не держати гнева на владыку» и т. д.

Наконец, обращаю внимание еще на одну деталь. В начальном протоколе докончания № 3 упомянуты новгородский владыка и посадник Павша, но нет указания на тысяцкого. Это обстоятельство дает право предполагать, что основная часть текста относится к более раннему времени, к 1268—1269 гг. В битве под Раковором и 1268 г. погиб новгородский посадник Михаил, а тысяцкий Кондрат пропал без вести. Летопись указывает, что после этого посадником стал Павша Ананьинич, а должность тысяцкого было решено оставить свободной, вплоть до получения вестей о судьбе Кондрата.[196] В 1269 г., в угоду Ярославу, тысяцким был сделан его приверженец Ратибор Клуксович. Он упомянут вместе с посадником Павшей в договоре с немецкими городами, заключенном от имени великого князя Ярослава Ярославича и Новгорода в период с конца 1269 г. до апреля 1270 г. (Burggraf Paul, Herzog Herr Ratibor).[197] Таким

---

[195] ПСРЛ, т. III, стр. 62. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 294.

[196] ПСРЛ, т. III, стр. 60—61. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 280—290.

[197] И. А. Андреевский. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855, стр. 19.

образом, повторяю, основной текст договора № 3 падает на период от Раковорской битвы до назначения новгородским тысяцким Ратибора, на то время, когда в Новгороде не было тысяцкого (1268—1269 гг.). Летописные данные подтверждают эту датировку.[198]

После похода новгородцев под Раковор немцы совершили ответное нападение на Псков. Ярослав, прибыв в Новгород, решил взять в свои руки руководство внешней политикой и потребовал смены ряда должностных лиц, обвиняя их в том, что они «розратилися с немци». Новгородцы воспротивились этому. Дело дошло до разрыва. Князь собрался покинуть город. «Новгородци же кланяхуся ему: княже, тем гнева отдай, а от нас не езди, еще бо недобре ся бяху умирили с немци». Когда князь все-таки выполнил свою угрозу и выехал, вслед за ним были отправлены послы «владыка с вятшими мужи с молбою, и въспятиша и с Броньници». Князь вернулся и настолько крепко взял власть в свои руки, что это вызвало восстание и вторичный конфликт с Ярославом, о котором говорилось выше. Но вначале новгородцы пошли навстречу княжеским пожеланиям о смещении руководящих лиц в Новгороде и назначении на их место других: «вдаша тысячьское Ратибору Клуксовичю, по княжей воли».[199] Примирение великого князя Ярослава с Новгородом и нашло, повидимому, свое отражение в основном тексте договора № 3. Тогда станет понятным тот просительный тон, который слышится в строках докончальной грамоты, где речь идет о княжеском «гневе» на посадника, владыку, «весь Новгород». Достаточно сопоставить слова новгородских послов (в числе которых был и владыка) в передаче летописи («княже, тем гнева отдай») с соответствующим местом докончальной грамоты («ти, княже, все нелюбье отложити»).

Статьи договора № 3, посвященные урегулированию на нормальных началах новгородско-немецкой торговли, а также вопросу о возвращении, очевидно немцами, «полона», о чем должен позаботиться князь, также получают объяснение, если относить их ко времени вслед за русским походом на Раковор и немецким нападением на Псков. Действительно, характер этих статей заставляет полагать, что они появились тогда, когда, по словам летописи, новгородцы еще «недобре ся бяху умирили с немци». В дальнейшем Ярослав, при помощи «Низовской» и татарской силы, добился того, что немцы вернули весь «полон» и «отступились всей Неровы»,[200] после чего и был заключен тот договор с немецкими городами, о котором речь шла выше.

Наконец, статья грамоты № 3, требующая от князя отпуска в Новгород новгородских купцов и послов, задержанных в Костроме и иных городах, проливает свет на последующее, уже отмеченное нами, выступление костромского князя Василия Ярославича в союзе с новгородцами против своего брата великого князя Ярослава.

Однако ближайший анализ текста докончальной грамоты № 3 дает возможность вскрыть в его составе два хронологических пласта. В основе лежит договор 1268—1269 гг., который заканчивался, повидимому, словами: «На том, господине, на всемь, крест целуй к всему Новугороду». Дальнейшие статьи представляют собой дополнение, относящееся к более позднему времени. Статья о крестоцеловании служила естественным завершением первоначально самостоятельного акта (до нас не дошедшего) и потеряла свой смысл после того, как к ней были сделаны новые

---

[198] О датировке договора см. А. Энгельман. Указ. соч., стр. 34.

[199] ПСРЛ, т. III, стр. 61. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 291.

[200] ПСРЛ, т. III, стр. 61. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 291—292.

приписки. Поэтому использование грамоты №3 при составлении последующих договоров (с Михаилом Ярославичем)[201] сопровождалось соответственными редакционными изменениями и, прежде всего, или изъятием статьи о крестоцеловании или переносом ее в конец документа.

К какому же времени можно отнести составление окончательного текста грамоты № 3, использовавшей в качестве источника докончание 1268—1269 гг. и дополнившей его некоторыми новыми условиями? Думаю, что к 1270 г., к моменту вторичного примирения Новгорода с великим князем Ярославом, после попытки последнего найти поддержку в Золотой Орде. Право на этот вывод дает одна из добавочных статей, которая требует свободы торговли в Суздальской земле («без рубежа») для новгородских купцов, ссылаясь на «цареву (т. е. ханскую) грамоту». Мы знаем, что новгородские послы побывали в Золотой Орде, где, очевидно, жаловались хану на Ярослава, нарушавшего их торговые интересы. Известно также, что хан Менгу-Тимур вмешался в действия Ярослава, препятствовавшие нормальному развитию русско-немецкой торговли, в котором был заинтересован Новгород.

До нас дошла недатированная грамота князя Ярослава Ярославича, на основании ярлыка Менгу-Тимура, адресованная в Ригу и предоставлявшая свободу проезда рижским купцам. В этом документе читаем: «Менгу-Темерово слово к Ярославу князю: дай путь немецкому гостю на свою волость. От князя Ярослава к рижаном и к болшим и к молодым, и кто гостит, и ко всем: путь ваш чиста есть по моей волости. А кто мне ратный, с тим ся сам ведаю. А гостю чист путь по моей волости».[202]

Сопоставляя все эти данные между собой и с указанием на обороте грамоты № 3 о том, что Ярослав был посажен в Новгороде в присутствии татарских послов, я и считаю, что в 1270 г. был обновлен (с соответствующими дополнениями) договор Ярослава с Новгородом 1268—1269 гг. Таким образом, текст грамоты № 3 имеет более сложную историю, чем принято думать в исторической литературе.

§ 5. Договорные грамоты Новгорода с великим князем Михаилом Ярославичем начала XIV в.

Докончальных грамот Новгорода с Михаилом Ярославичем известно девять. В «Собрании государственных грамот и договоров» они напечатаны под № 4—7,9—12, 16.[203] В числе указанных документов, № 4 и 5 представляют собой два экземпляра одного и того же договора (один от имени князя, другой — от лица новгородских властей); № 6 и 7 — два противня докончания, составленных оба от имени Великого Новгорода. Наконец, № 11 служит дополнением к тексту основной договорной грамоты № 10. Таким образом, исследователи располагают текстами шести договоров князя Михаила Ярославича с новгородцами. Из них в трех грамотах (6—7, 9, 10—11) имеются общие нормы договорных взаимоотношений Новгорода с князьями (с конкретными дополнениями), три (№ 4—5, 12 и 16) содержат специальные условия, вызванные текущими историческими событиями.

---

[201] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 5, 6, 8. СГГД, т. I, стр. 6—9, 11, 12, № 6—7, 9.

[202] Русско-ливонские акты, стр. 13—14, № XXVI.

[203] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 4-а и № 4-б, 5, 6, 8, 9-а и № 9-б, 10, 14. СГГД, т. I, стр. 5—9, 11—16, № 4—7, 9—12, 16 (последняя грамота ошибочно приписана князю Михаилу Александровичу). Я пользуюсь, как и раньше, общепринятой нумерацией «Собрания государственных грамот и договоров», которая, однако, не всегда отвечает действительной хронологической последовательности документов.

Древнейшим из изучаемых докончаний является договор, дошедший до нас в виде двух грамот (№ 4 и 5). Это «оборонительный и наступательный» договор, по выражению С. М. Соловьева.[204] Новгородцы обязуются оказывать тверскому князю военную помощь в двух направлениях: против великого князя Андрея Александровича (сына Александра Невского) и против татар: «Аже будеть тягота мне (Михаилу) от Андрея, или от тат[ар] ина, или от иного кого, вам потянути со мною, а не отступити вы ся мене ни в которое же веремя». Со своей стороны, Михаил Ярославич также должен обеспечить военную поддержку Новгороду: «Кде будеть обида Новугороду, тобе (Михаилу) потянути за Новъгород...» Далее в грамоте (составленной в двух экземплярах) помещены специальные статьи, регулирующие различные спорные вопросы взаимоотношений между Новгородом и Тверью. Новгородско-тверская граница («розъездъ межю Тферью и Новагорода») устанавливается «по давной пошлине». В исках со стороны княжеских бояр и слуг к новгородцам, новоторжцам и волочанам дается «суд без перевода». Холопы, должники и поручники выдаются «по исправе». Михаил Ярославич «отступается» Новгороду перешедших под его патронат («позоровавших» ему) закладников. «Давнии люди» (население Торжка и Волока), «позоровавшие ко Тфери» при Александре Невском и Ярославе Ярославиче, остаются за тверским князем. В отношении княжеских сел в Новгородской «волости» и земельных владений княжеских слуг договор гарантирует «суд без перевода». «Городские пошлины» (в Твери, Новгороде, Торжке и на Волоке) идут «по давной пошлине».

В тексте договора имеются достаточно ясные указания на время его заключения. Мы прежде всего узнаем из документа, что Михаил Ярославич находится в союзе с князьями Даниилом Александровичем московским и Иваном Дмитриевичем переяславским. Первый умер в 1303 г., второй — в 1302 г.[205] Великий князь Александр Александрович, против которого направлен договор, утвердился в Новгороде в 1294 г., сменив там своего брата великого князя Дмитрия Александровича, который умер в том же году.[206] Он не упоминается в грамотах, и это заставляет полагать, что они относятся ко времени после его смерти. Приведенные хронологические данные дают основание для датировки договора в «Собрании государственных грамот и договоров», где он помещен под 1295—1302 гг.[207] Датировка грамот под № 4 и № 5, предложенная А. А. Шахматовым, близка к «Собранию государственных грамот и договоров». Он помещает их между 1294 и 1301 гг.[208] Дата 1301 г. принята Шахматовым в качестве terminus non post quem на основании сопоставления текста документов с летописными данными. В 1301 г. состоялся княжеский съезд в Дмитрове, в котором участвовали великий князь Андрей Александрович, Даниил московский, Иван переяславский, Михаил тверской, причем между двумя последними произошла размолвка, повидимому, по вопросу о Переяславле. Летопись говорит, что «Михайло с Иваном не докончал межи собою».[209] Поскольку грамоты № 4 и № 5, напротив, свидетель-

---

[204] С. М. Соловьев. Об отношениях Новгорода к великим князьям, стр. 119, прим. 246.

[205] ПСРЛ, т. I, стр. 209, 228.

[206] ПСРЛ, т. III, стр. 66. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 304.

[207] «Древняя Российская Вивлиофика» совершенно необоснованно помещает изучаемые грамоты, так же как и вообще все докончания Новгорода с Михаилом Ярославичем, под 1309 г. («Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. I, стр. 8—24, № 4—9).

[208] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 231.

[209] ПСРЛ, т. I, стр. 209.

ствуют о союзе между Михаилом Ярославичем и Иваном Дмитриевичем, постольку Шахматов и считает, что они написаны до Дмитровского съезда. По мнению И. И. Срезневского, напротив, дмитровская распря дала повод к мирному сближению Михаила тверского с Новгородом, которое и выразилось в заключении рассматриваемого сейчас договора. Срезневский относит его к 1301—1302 гг.[210] Однако Срезневский не пытался объяснить, почему же в таком случае грамоты № 4 и № 5 говорят о дружбе между Михаилом тверским и Иваном переяславским. Очень близки к взгляду Срезневского и высказывания С. М. Соловьева, который в «Истории России с древнейших времен»[211] относит докончание Новгорода с Михаилом Ярославичем, являющееся предметом нашего изучения, к последним годам княжения Андрея Александровича, умершего в 1304 г.[212] В своей диссертации «Об отношениях Новгорода к великим князьям» С. М. Соловьев держался другой точки зрения, связывая новгородско-тверской договор с более ранними историческими событиями 1296 г. [213] В этом отношении С. М. Соловьева впоследствии поддержал А. Е. Пресняков.[214] Летопись красочно рассказывает о «нелюбии межи князей русских», для разрешения которой в 1296 г. во Владимире был созван княжеский съезд или «розъезд», как его называет летописец. Вопрос шел, главным образом, о том, кому владеть Переяславлем. На съезде князья разделились на две партии, причем наметился тройственный союз между Иваном Дмитриевичем переяславским, Даниилом Александровичем московским и Михаилом Ярославичем тверским. Совещание происходило в присутствии ханских послов и, по летописному рассказу, чуть было не кончилось «кровопролитием», но в конце концов, благодаря вмешательству владимирского епископа Симеона и сарского Измаила, было достигнуто соглашение. Однако великий князь Андрей Александрович, недовольный решениями съезда, решил пойти со своими полками на Переяславль. Переяславский князь Иван Дмитриевич находился в Орде, где добивался от ханской власти защиты своих вотчинных прав на Переяславское княжение. Союзники же его Михаил и Даниил оказали военное сопротивление Андрею Александровичу, помешали ему подступить к Переяславлю и заставили «смириться».[215] К моменту защиты Переяславля Соловьев и Пресняков и относят новгородско-тверское докончание, заключенное от имени Михаила Ярославича.

Соловьев и Пресняков в изучении грамот № 4 и 5 стояли на правильном пути, однако анализ источников дает основание утверждать, что их составление предшествовало Переяславскому съезду, а не следовало за ним, как думали названные исследователи.

Вторая половина 80-х — начало 90-х годов XIII в. наполнены борьбой между великим князем Дмитрием Александровичем и Андреем Александровичем городецким за великое княжение и новгородский стол. В этой борьбе князья опирались на различные, поддерживавшие их партии в Новгороде. Вступление в Новгород Дмитрия сопровождалось в 1286 г. сменой посадников: новгородцы отняли посадничество у Семена Михайловича и передали его Андрею Климовичу. В следующем году в городе произошел «мятежь велик». «Весь Новгород», по словам лето-

---

[210] И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 165—166.

[211] С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 883.

[212] ПСРЛ, т. I, стр. 209, 228; т. VII, стр. 184.

[213] С. М. Соловьев. Об отношениях Новгорода к великим князьям, стр. 119, прим. 246.

[214] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 88, прим. 3. В. С. Борзаковский датирует договор 1295 годом. См. В. С. Борзаковский. История Тверского княжества, стр. 90.

[215] ПСРЛ, т. I, стр. 208, 228; т. VII, стр. 181.

писца, «въста... без исправы» на свергнутого посадника Семена Михайловича, «поидоша на него из всех концев, яко силная рать, всякый в оружии, силою великою», пришли к нему на двор «и взяша весь дом его с шумом». Семен скрылся у владыки, который спрятал его в Софийском соборе. В 1290 г. Андрей Климович должен был уступить, по настоянию враждебной партии, пост посадника Юрию Мишиничу. Надо думать, что в связи с этими переменами находятся и те проявления партийной борьбы в Новгороде, о которых под этим же годом рассказывает летопись. Новгородцы созвонили вече у св. Софии и св. Николы и «снидошася в доспесе», «разграбили» дома на Прусской улице и всю ее сожгли. В следующем, 1291 г., «коромольници» «пограбили» торг, а на другой день двое из «коромольников», по решению веча, были свергнуты с моста в Волхов.[216]

Все эти летописные указания свидетельствуют о том, что в Новгороде были партии, связанные с различными княжескими линиями, причем к началу 90-х годов в XIII в. борьба между ними обострилась. Скоро распря между Дмитрием и Андреем Александровичами захватила и Тверь.

В 1293 г. Андрей городецкий с другими князьями отправились в Орду с жалобой на Дмитрия Александровича и вернулись оттуда с татарским войском, которое захватило Владимир и ряд других городов, в том числе Волок. Дмитрий бежал во Псков, а оттуда в Тверь. Новгородское княжение занял князь городецкий Андрей, двинувшийся с новгородским посадником и «вятшими мужи» в Торжок «Дмитрея переимать». Дмитрий Александрович начал с братом переговоры из Твери, прислав в Торжок тверского «владыку». Переговоры кончились миром, условия которого точно не известны. Волок был возвращен Новгороду. Андрей, послав посадника из Торжка в Новгород, сам отправился в Суздальскую землю. Дмитрий же скончался в 1294 г.[217]

Мне кажется, что изучаемый договор Новгорода с Михаилом тверским вероятнее всего относится ко времени непосредственно вслед за смертью Дмитрия Александровича. Тверь, как мы видели, проявила активный интерес к новгородским делам и поддерживала Дмитрия в его враждебных действиях в отношении городецкого князя, претендовавшего на новгородский стол. Отъезд Андрея из Новгорода и смерть Дмитрия в 1294 г. поставили Михаила Ярославича тверского в непосредственные отношения к Новгороду и повлекли за собой оформление союзного оборонительного договора. Близость между Михаилом Ярославичем и Дмитрием Александровичем привела к соглашению между тверским князем и сыном Дмитрия — князем переяславским Иваном Дмитриевичем. Соглашение это нашло свое отражение в тексте рассматриваемого нами докончания 1294 г. Договор пытается разрешить ряд спорных вопросов, возникших в пределах Твери, Новгорода, Торжка, Волока, т. е. как раз на той территории, которая была захвачена войной между Андреем и Дмитрием Александровичами. Михаил Ярославич посредством докончальной грамоты стремился заручиться поддержкой Новгорода на случай «тяготы... от Андрея или от татарина». Это двойное условие станет вполне понятным, если принять во внимание, что в 1293 г. Андрей боролся с Дмитрием при помощи татарского войска, присланного по его просьбе ханом. Летопись рассказывает далее, что в 1293 г. приходил в Тверь татарский царевич Тохтамер, который «многу тягость учини людем».[218] Ответное

---

[216] ПСРЛ, т. III, стр. 65. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 301—302.

[217] ПСРЛ, т. I, стр. 208, 228; т. III, стр. 65—66; т. VII, стр. 180.

[218] ПСРЛ, т. I, стр. 208; т. X, стр. 169. Оценка договора 1294 г. в связи с русско-татарскими отношениями дана А. Н. Насоновым в его работе «Монголы и Русь», стр. 74.

обязательство тверского князя «потянути за Новгород», в случае «обиды» последнему, также получает свое объяснение при изучении новгородской истории того времени. Для понимания этой статьи, кроме борьбы за Новгородское княжение между отдельными княжескими линиями, необходимо принять во внимание новгородские взаимоотношения с соседями. В 1293 г. шведы поставили в Карельской земле город, на который новгородцы тогда же организовали нападение. Под 1295 г. летопись говорит о возведении шведами другого города и новом ответном походе на него из Новгорода.[219] Подобные военные экспедиции требовали помощи, которую новгородцам и обеспечивало соглашение с Тверью.[220]

Новгородско-тверская договорная грамота 1294 г. состоит, как мы видели, из ряда *специальных пунктов*, рассматривающих условия оборонительного союза. Дошедшие до нас более поздние новгородские докончания с Михаилом Ярославичем (№ 6—7, 9, 10—11) содержат *общие нормы* (с рядом конкретных дополнений), которые лежали в основе взаимоотношений Новгорода с князьями. На время появления этих грамот проливают свет, прежде всего, привешенные к ним печати новгородского архиепископа Феоктиста. Согласно новгородской летописи, он получил сан в 1299 г. и оставил архиепископство в 1307—1308 гг.[221] Так определяются хронологические пределы, в которые укладываются все изучаемые докончания. «Собрание государственных грамот и договоров» относит ко времени после занятия Михаилом тверским в 1304 г. (вслед за смертью Андрея Александровича) великокняжеского стола. Таким образом, все пять текстов докончальных грамот Михаила Ярославича помещены в «Собрании государственных грамот и договоров» между 1305 и 1308 гг. Вопрос о взаимоотношении между рассматриваемыми актами разрешается в исторической литературе по-разному. «Собрание государственных грамот и договоров» древнейшими текстами признало № 6—7, позднейшими № 10—11, которые отнесены в этом издании к 1307—1308 гг. Соловьев считал, что договор, сохранившийся в двух противнях (№ 6—7), был заключен при вступлении Михаила на новгородский стол (после занятия им великого княжения, а это случилось в 1307 г.).[222] № 9—11, по мысли Соловьева, представляют собой «повторительные грамоты», составленные в том же году, вскоре после первого докончания. Иначе представляют себе взаимоотношение текстов И. И. Срезневский, А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков.[223] С их точки зрения, № 9 и № 10—11 предшествовали грамотам № 6—7.

Разновременность актов № 6—7, с одной стороны, и № 9 и № 10—11 — с другой не подлежит сомнению и может быть установлена прежде всего палеографическими наблюдениями. № 6—7 написаны одним почерком,

---

[219] ПСРЛ, т. III, стр. 65—66.

[220] К 1294 г. относил грамоты № 4 и 5 А. В. Экземплярский, не пытавшийся, однако, мотивировать эту датировку. См. А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. I, стр. 459.

[221] ПСРЛ, т. III, стр. 67—69. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 306 и 310.

[222] С. М. Соловьев принимает дату 1308 г. Разные летописи говорят о посажении Михаила в Новгороде под 6815 или 6816 гг. Поскольку, по летописным данным, дело происходило «в неделю на сбор святых отець 630 иже в Халкидоне», т. е. 16 июля, следует остановиться на дате 1307 г., так как 16 июля приходилось на воскресенье именно в 1307 г., а не в 1308 г. ПСРЛ, т. III, стр. 68, 223; т. VII, стр. 185; т. X, стр. 176.

[223] И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 168—169. А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 231—233. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 119—121, прим. 2. В. С. Борзаковский относит все грамоты к периоду времени между 1304 и 1307 гг. (В. С. Борзаковский. Указ. соч., стр. 93). См. также Г. Е. Кочин, Указ. соч., стр. 202—204.

отличным от того почерка, который является общим для № 9 и № 10—11. Более раннее происхождение № 9 и № 10—11 по сравнению с № 6—7 подтверждается сопоставлением начального протокола всех названных актов. Именно бросаются в глаза различия в княжеском титуле. № 9 и № 10—11 обращены к «господиноу князю Михаилоу» или «господиноу князю Михаилоу Ярославицю». В № 6—7 Михаил Ярославич назван «господином князем великим». Отсюда вполне законным является вывод, что грамоты № 9 и № 10—11 оформлены (вопреки датировке «Собрания государственных грамот и договоров») до утверждения Михаила на великом княжении в 1304 г., а № 6—7 появились после этого события.[224]

При датировке актов № 9 и № 10—11 следует принять во внимание указываемые ими имена посадника («Гюргя») и тысяцкого (Андриана). [225] Под «Гюргем», очевидно, подразумевается посадник Юрий Мишинич. Он получил впервые посадничество в 1290 г.[226] Затем летопись упоминает под 1293 и 1299 гг. в качестве посадника Андрея.[227] Под 1303 г. мы читаем: «Отъяша посадничьство у Семена Климовича и даша брату его Андрею»,[228] хотя о назначении посадником Семена Климовича ничего не говорилось.[229] Следующее известие о смене посадников встречаем под 1309 г., когда новгородцы «даша посадничство Михаилу Павшиничю,[230] но опять-таки неясно, кто являлся предшественником Михаила Павшинича: Андрей Климович или же еще какое-либо другое лицо. Всматриваясь в приведенный выше список посадников, мы убеждаемся, что вторичное посадничество Юрия Мишинича (о котором узнаем из докончальных грамот № 9 и № 10), совпадающее с пребыванием на новгородской архиепископской кафедре Феоктиста, скорее всего должно быть отнесено ко времени после 1303 г., когда занял посадническую должность Андрей Климович, и до 1309 г., когда посадником стал Михаил Павшинич. Последний, очевидно, заступил место Юрия Мишинича, который, в свою очередь, следовал за Андреем Климовичем. Замена Андрея Климовича Юрием Мишиничем вероятнее всего произошла в 1304 г., после смерти великого князя Андрея Александровича.[231]

Тысяцкий Андриан (Олферьевич) получил эту должность в 1286 г.[232] и занимал ее еще при архиепископе Феоктисте.[233].

---

[224] Это было отмечено А. А. Шахматовым. Указ. соч., стр. 232.

[225] Имя посадника указано в № 9 и 10; имя тысяцкого — только в № 10.

[226] ПСРЛ, т. III,стр. 65. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр.301.

[227] ПСРЛ, т. III, стр. 66—67. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 303 и 306. Посадник Андрей упоминается также в грамоте князя Андрея Александровича в Ревель (Русско-ливонские акты, стр. 22, № XLIII).

[228] ПСРЛ, т. III, стр. 68. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 308.

[229] Имя посадника Семена названо в грамоте князя Андрея Александровича ганзейским купцам около 1301 г. У этой грамоты имеется печать Семена (Русско-ливонские акты, стр. 24, № XLVIII). Печать посадника Андрея имеется у грамоты Новгорода в Ригу от архиепископа Феоктиста, посадника, тысяцкого и «всего Новагорода» (Русско-ливонские акты, стр. 29, № L).

[230] ПСРЛ, т. III,стр. 69. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 311.

[231] Юрий Мишинич упоминается в летописи еще раз под 1315 г., в числе других новгородских бояр, бывших посадников (Андрея Климовича, Михаила Павшинича и др.), убитых в сражении с войском Михаила Ярославича у Торжка (ПСРЛ, т. III, стр. 71. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 316). В списке посадников, имеющемся в Новгородской летописи по Синодальному списку, за Юрием Мишиничем названы: Андрей Климович, брат его Семен, Валфромей Юрьевич, Федор Ахмыл, Михайло Павшинич.

[232] ПСРЛ, т. III, стр. 65. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 301.

[233] К грамоте новгородского архиепископа Феоктиста в Ригу приложена печать с надписью, указывающей на принадлежность ее Андриану (Русско-ливонские акты, стр. 28, № L).

Таким образом, принятая нами для грамот № 9 и 10—11 дата — 1304 г. является вполне правдоподобной.

Подвергая анализу тексты № 9 и 10—11, Срезневский и Шахматов расходились между собой по вопросу о том, какому из них отдать предпочтение в смысле большей древности. Срезневский решал этот вопрос в пользу № 10—11, Шахматов (а за ним Пресняков) — в пользу № 9. Но оба исследователя строили свои выводы без учета палеографических данных. Между тем, то обстоятельство, что все грамоты (№ 9 и № 10—11) написаны одним почерком, свидетельствует об одновременности их происхождения.

При каких же обстоятельствах появились докончания № 9 и 10—11 и чем было вызвано оформление сразу двух основных (№ 9 и № 10) и одной дополнительной (№ 11) докончальных грамот?

Летопись рассказывает, что после смерти в 1304 г. великого князя Андрея Александровича претендентами на великокняжеский стол выступили Юрий Данилович московский и Михаил Ярославич тверской, которые отправились для разрешения спора в Орду. Между тем, тверские бояре сделали попытку захватить Новгород и направили туда «наместники Михаиловы силою». Новгородцы вначале не приняли тверских наместников и выступили к Торжку «блюсть Торжку, и совкупиша всю землю противу». Переговоры новгородских и тверских послов закончились «докончанием» «до приезда князий».[234] Таково глухое летописное изложение событий. Исходя из него, Пресняков говорит о «неудачной попытке» со стороны Твери утвердить свое влияние в Новгороде до приезда из Орды Михаила Ярославича.[235] Однако какое-то соглашение между Новгородом и Тверью, несомненно, состоялось еще до того момента, когда тверской князь оформил свои претензии на великое княжение посредством ярлыка, полученного в Орде. Как упоминалось уже выше, летопись говорит о посажении Михаила в Новгороде под 1307 г. Но права на новгородский стол были признаны значительно раньше, так как уже под 1305 г. находим летописное сообщение о постройке в Новгороде церкви «в державу христолюбивого *князя Михаила*».[236] Поэтому я считаю, что еще в то время, когда Михаил Ярославич добивался в Орде ярлыка на великокняжеский стол, тверские бояре, после столкновения с новгородцами, пришли с ними к соглашению, оформленному в виде докончальных грамот № 9 и № 10—11. Этими актами Михаил тверской был признан новгородским князем.

Изучение названных докончаний (особенно № 10) подтверждает выдвинутую гипотезу. Но для того чтобы последняя приобрела полную убедительность, остановимся, прежде всего, на детальном текстуальном анализе интересующих нас документов, в первую очередь № 10.

Грамота № 10 в основном воспроизводит текст более раннего новгородского договора с Ярославом Ярославичем (№ 2), который повторен почти полностью, с некоторыми редакционными изменениями. Если договорные условия в № 2 приводились со ссылкой на отца князя Ярослава, то в № 10 новгородская «пошлина» возводится не только к отцу и деду Михаила Ярославича (т. е. к князьям Ярославу Ярославичу и Ярославу Всеволодовичу), но и к «*первым* князем». В № 10, по сравнению с № 2, получили некоторое развитие статьи, определяющие новгородско-тверские поземельные отношения. Если в № 2 запрещалось в общей форме князю, княгине, княжеским боярам и дворянам села «держати по Новгородьской волости», то № 10 указывает более детально на способы земель-

---

[234] ПСРЛ, т. I, стр. 209, 228; т. III, стр. 68; т. VII, стр. 184; т. X, стр. 174—175; т. XX, ч. I, стр. 173; т. XXIII, стр. 96.

[235] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 103.

[236] ПСРЛ, т. III, стр. 68. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 310.

ных приобретений: «...а сел ти не ставити по Новгородьскоі волости..., ни коупити, ни даромь приимати». Запрещение грамотой № 2 князю посылать «своего моужа» за Волок и требование, чтобы князь отправлял туда новгородца, в грамоте № 10 изложено в несколько иной редакции. В № 2: «А за Волок ти своего моужа не слати, слати новгородца». В № 10: «А за Волокъ ти, княже, своего моужа не слати, продаяти ти дань своя новгородцю». Статьи докончания № 2, ограничивающие княжеские права в Русе и Ладоге, в № 10 получили дополнение в виде запрета князю держать своего тиуна в Вологде. Пункт грамоты № 2, разрешающий князю бить свиней за 60 верст от города, в № 10 получил разъяснение: «а дале коуда комоу годно». Договор № 10 выпустил те пункты № 2, которые утратили уже свое значение в современных условиях. Так, в № 10 отсутствует указание грамоты № 2 на передачу князем Дмитрием Александровичем с новгородцами Городца Иванку. Подробно изложенная в № 2 статья о пожнях, взятых у Новгорода Александром Невским и подлежащих возврату, в № 10 дана в сокращенной редакции. Об Александре Невском не говорится ни слова, и только в общей форме проводится разграничение княжеских и новгородских интересов: «А что пожень княжих, то князю, а новгородьское Новоугородоу». Пункт грамоты № 2, в котором речь шла о том, что князь не имеет права судить новгородцев, давать грамоты и раздавать волости из Суздальской земли, в № 10 перенесен в другое место текста и редакционно соединен с близкими по содержанию статьями о недопустимости «вывода» из Суздальской земли и о праве новгородцев «гостити... без роубежа» по всей Суздальской земле.

Кроме договора № 2, послужившего основным источником для грамоты № 10, последняя использовала также в некоторых частях и другой договор Новгорода с Ярославом Ярославичем № 3. По тексту № 3 воспроизведена в № 10 статья, согласно которой князь не должен без посадника ни «волостий не раздавати, ни соуда... соудити, ни грамот давати». В № 2 не было слов: «ни соуда ти соудити». В соответствии с редакцией № 3 приведены в № 10 пункты о тех «погонах», на которые могут претендовать княжеские дворяне, и о размерах мыта в пределах Суздальской земли. Целиком в № 10 заимствованы из № 3 условия, касающиеся новгородской торговли: возможность для новгородцев «по всей Соуждальскоі земли гостити... без роубежа» (без ссылки на «цареву грамоту»); требование в отношении князя торговать в Немецком дворе «нашею (новгородскою) братиею», не «приставливати» приставов и не затворять двора; свобода от «повозов» для купцов. К тексту № 3 восходят и пункты грамоты № 10, по которым князь не должен доверять показаниям холопов на своих «государей» («а холопоу и робе на государя веры не яти») или обвинять без «исправы», по доносам, новгородских «мужей». Наконец, № 10 повторяет заключавшуюся в № 3 просьбу князю «отложити нелюбие...» «...от старейших, и от мьнших, и от всех».

Воспользовавшись в качестве основного источника новгородским договором с Ярославом Ярославичем № 2 и в качестве добавочного договором с тем же князем № 3, докончальная грамота с Михаилом Ярославичем № 10 дополнила старые тексты конца XIII в. новыми условиями, отвечавшими потребностям своего времени. Анализ содержания этих статей показывает, что они были сформулированы во время переговоров новгородцев с тверскими боярами еще до получения Михаилом тверским великого княжения. При этом было принято во внимание и более раннее докончание с Михаилом 1294 г. (№ 4—5).

В № 10 находится следующая статья: «А что подеялося доселе межи тобою и твоими моужи Новугородоу до хрестьного целования, то ти все, княже, отложити и твоим моужем». Имеются в виду, вероятно, те самые

столкновения между новгородцами и наместниками, присланными из Твери, после смерти великого князя Андрея Александровича, о которых рассказывают летописи. По летописным данным, тверские наместники действовали «силою и бесстудством многим», но новгородцы «высокоумье их и бесстудство ни во что же положиша».[237] «Хрестьное целование», которое принесли новгородцы и тверичи у Торжка и на которое ссылается договор, положило конец распре между Новгородом и Тверью.

Летописная характеристика действий тверских наместников, как «высокоумья и бесстудства», получает разъяснение в тех пунктах докончальной грамоты № 10, которые запрещают княжеским судьям замышлять «самосуд» или взимать «вязчее» «по Новгородьской волости», судить в волости «коупцину» или холопа без его «государя». Грамота подчеркивает, что суд над холопом должен осуществлять князь в Новгороде — «тако пошло»; повидимому, судьи без князя нарушали эту «пошлину». Договор возвращается к этому вопросу еще раз, требуя выдачи холопов или половников, убежавших в Тверскую «волость» и указывая при этом: «который ли (холоп или половник) въстворить соуд собе, соудити его в Новегороде».[238]

Документ № 10 уделяет особое внимание поземельным отношениям Новгорода с великими князьями. Специальный пункт посвящен селам и слободам князя Дмитрия Александровича, переданным после его смерти в пожизненное владение князю Андрею Александровичу, а после смерти последнего подлежащим возврату в Новгородский «дом св. Софии»: «А что сел и свобод Дьмитриевых, то дали есме быле Андрею до живота Андреева, в хрестьное целование, а потомь Новоугородоу то все, а тобе, княже, в то не встоупатися». Самая формулировка этого условия («... дали есме быле Андрею до живота Андреева...») свидетельствует о том, что она относится ко времени непосредственно вслед за кончиною великого князя Андрея, в связи с которой Михаил Ярославич мог предъявить претензии на находившиеся в его владении «села» и «слободы» своего покойного союзника Дмитрия Александровича. Грамота также требует от тверского князя, чтобы он «състоупился» Новгороду сел, приобретенных на Новгородской земле им самим, его княгиней или боярами, предоставляя им право взыскать деньги с продавцов («а коуны емати на них оу истьцев своих, оу кого боудеть кто коупил»). Эти земельные приобретения могли состояться и в 1294—1295 гг., когда Михаил Ярославич завязал тесные отношения с Новгородом, после смерти Дмитрия Александровича, и в 1304 г., когда тверские бояре пытались укрепить свое влияние на Новгородской территории. Борясь с незаконными захватами новгородских земель, докончальная грамота № 10 стремится восстановить «роубежь... правый но старомоу роубежю в хрестьное целование», так, как было при Ярославе Ярославиче.[239]

Большой интерес для понимания происхождения текста № 10 представляет статья, посвященная населению Торжка и его волости, перешедшему под патронат тверского князя. Новоторжская земля, как это видно из летописных данных, была территорией, на которую и в 1294 г. и в 1304 г. старались распространить свое влияние и Новгород и Тверь. Но вопрос о новоторжских закладниках грамота № 10 решает иначе, чем договор 1294 г. (№ 4—5). Согласно последнему, «давныи люди», «позоровавшие ко Тфери» при прежних тверских князьях, оставались «се-

[237] ПСРЛ, т. X, стр. 175.

[238] Статья эта восходит к тексту грамот № 4—5. Ср.: «А холопы, и должники, и поручники, кому не будеть суда, тех выдавать без суда, а кто речеть суд, а тому суд».

[239] В этом отношении грамота № 10 следует грамотам № 4—5. Ср.: «А межю Тферью и Новагорода розъезд по давней пошлине».

дети» в Торжке, сохраняя свою зависимость от князя Михаила Ярославича. В № 10 указано, что те, «кто живеть в Торжкоу на Новотързькой земли, а к святомоу Спасоу не тягнеть к Търъжкоу, княземь отъемъся, а ти *поидуть ис Торъжкоу, коуда им годно*».

Из текста № 10 можно, далее, сделать прямой вывод, что он оформлен в результате переговоров новгородцев с тверскими боярами еще до приезда Михаила Ярославича в Новгород. Судя по некоторым выражениям, этот приезд только предвиделся в будущем: «А коли, княже, поедешь в Новгород, тъгда тобе дар емати по постояниям, а коли поедешь из Новагорода, тогда дар не надобе».

К аналогичному выводу приводит наблюдение и над содержанием дополнительной к № 10 грамоты № 11. Последняя касается специального вопроса о судьбе двух наместников, получивших от князя Андрея Александровича и «всего Новгорода» в кормление Псков и Корелу. Очевидно, грамота написана очень скоро после смерти Андрея Александровича и ставит своей задачей договориться с его преемником, уже признанным, но еще не побывавшим в Новгороде, о положении кормленщиков. Новгородцы требуют, чтобы новый князь наместников не «кърмил... новгородьскымь хлебомь», так как один из них (Федор Михайлович) «отъехал» из Пскова во время «рати», «город повьргя», «положил поустоу» Новгородскую «волость» и «братию нашю (новгородскую и псковскую) испродал»; другой (Борис Константинович) «Корелоу всю истерял и за немце загонил, над тимь роубежь оучинил на Новегороде, чего не пошло».

Я думаю, указания грамоты можно понимать только в том смысле, что оба наместника коммендировались тверскому князю, войдя в соглашение с его боярами, и получили уже от них на началах «кормления» новгородские «волости», которые раньше держали по пожалованию от «всего Новгорода». Только при таком толковании получает объяснение новгородское требование в отношении Михаила Ярославича: «не кърмити новгородьскымь хлебомь» двух наместников, которым сами новгородцы, по договоренности с прежним князем (Андреем Александровичем), передали в держание города. Грамота № 11 определенно указывает и на то, что переход кормленщиков на службу к тверскому князю произошел без него. Новгородцы ожидают приезда Михаила с тем, чтобы передать на его суд свои претензии в отношении корельского наместника Бориса Константиновича: «...Како боудешь в Новегороде оу отца своего оу владыце и оу своих моужь, нам с ним соуд перед тобою, господине».

Итак, анализ договорных грамот № 10—11 убеждает меня, что слова летописи о «докончании» в 1304 г. между тверскими боярами и новгородцами «до приезда князий» нужно понимать не в том смысле, что до возвращения из Орды Юрия московского и Михаила тверского был оставлен открытым вопрос, кому из них занимать княжение. Смысл летописного сообщения сводится к тому, что еще до приезда из Орды двух соперников уже намечался союз Новгорода с Тверью и был составлен текст докончания (грамота № 10 с дополнением к ней — № 11) на имя отсутствующего тверского князя.

К тому же самому моменту (пребыванию Михаила Ярославича в Орде) я отношу и докончальную грамоту № 9. Прежде чем говорить о взаимоотношении последней с № 10, необходимо произвести анализ ее содержания. Если № 10, как мы видели, восходит, в качестве основного источника, к тексту договора № 2 Новгорода с Ярославом Ярославичем, то в основе № 9 лежит договорная грамота с тем же Ярославом иной редакции (№ 3). Текст № 3 передается в № 9 почти дословно, за исключением ряда статей, изъятых в силу того, что в условиях новгородско-тверских отношений начала XIV века в них не было уже надобности. Кроме того, при использо-

вании грамоты № 3 для оформления № 9 в текст № 3 были внесены и некоторые чисто редакционные изменения.

В грамоту № 9 не вошли из № 3 указания на раздачу «волостей» князьями Александром Невским и Дмитрием Александровичем; на действия Александра Невского в Новгороде; на взятые им новгородские пожни; на те грамоты Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича, которые «посудил» Ярослав Ярославич; на отнятую последним у новгородцев грамоту своего отца, определявшую княжеские права в Ладоге; на право князя «имати коуны» с двух новгородских погостов и на передачу им городскому попу св. Михаила, вопреки «пошлине», дани с погоста, отнятой у Кирила Хотунича. Среди статей грамоты № 9, посвященных новгородской торговле, выпало требование докончания № 3 об освобождении новгородских купцов, задержанных в Костроме и других городах. Наконец, грамота № 9 ни слова не говорит о «русьском и новгородьском полоне», захваченном немцами, на чем фиксирует свое внимание № 3. Последние два пункта были вполне уместны в договоре Новгорода с Ярославом Ярославичем, появившемся в условиях новгородской войны с немцами, и распри между Ярославом и Василием костромским конца XIII в., в начале же XIV в. необходимость в них миновала.

Из чисто редакционных поправок, которым подвергся текст № 3 при переделке его в докончальную грамоту № 9, следует, прежде всего, отметить исключение статьи: «на том, господине, на всемь кресть целоуй к всемоу Новоугородоу». Эта поправка станет совершенно понятной, если вспомнить историю текста № 3. В основе его, как было указано, лежит докончание 1268—1269 гг. (с заключительной статьей о княжеском крестоцеловании) и приписки к нему, относящиеся к 1270 г. Требование, обращенное к князю, о «целовании» креста, логически завершавшее основную докончальную грамоту 1268—1269 гг., при наличии последующих докончаний оказалось не на месте, разбивало текст, и его надо было или сформулировать в конце или изъять совсем. При оформлении акта № 9 остановились на последнем варианте; почему — на это я постараюсь ответить ниже.

В целях большей систематизации статья, запрещающая князю лишать без вины «мужа» «волости», в № 9 помещена в ином месте, чем в № 3, именно в неразрывном сочетании с княжескими обязательствами не судить суда, не раздавать «волостей» и не давать грамот без посадника. Договорный пункт, разрешающий князю бить свиней за 60 верст от города, приведен в № 9 в связи с другими аналогичными статьями, говорящими о правах князя снаряжать охотничьи и рыболовные экспедиции в Ладогу и Русу.

Но помимо исправлений просто редакционного порядка, внесенных при составлении грамоты № 9 в текст № 3, переделка некоторых статей диктуется соображениями политического характера. Так, в № 3 подробно говорится о той распре, которая произошла между Новгородом и великим князем Ярославом Ярославичем. Договор № 3 старается ликвидировать эту распрю и в то же время предусмотреть все ее возможные последствия, предохранить новгородцев от проявлений княжеского «гнева» и «мщения»: «А что, кънияже, тобе было гнева на посадника и на всь Новгород, то ти, княже, все нелюбье отложити, и от мала, и от велика, не мщати ти ни соудомь, ничим же...» И ниже договор № 3 снова возвращается к этому же вопросу, но уже только применительно к новгородскому «владыке»: «а до владыки отча нашего гнева ти не держати». В № 9 это развернутое и политически заостренное требование передано в очень сухой и лаконичной форме: «а гнева ти, княже, до Новагорода не дьржати ни до одного

человека». Остается впечатление, что докончальная грамота № 9 намеренно избегает заострять внимание на тех разногласиях и ссорах между Новгородом и Тверью, которые уже имели место или могли последовать в дальнейшем, не хочет подробно останавливаться на репрессиях со стороны князя, которых можно было ждать вследствие его «гнева» на Новгород. Политический смысл редакции № 9, смягчившей текст № 3, устранив из него некоторые выражения (например: «не мщати ти ни соудомь, ни чимь же»), мы постараемся вскрыть ниже.

От текста договора № 2 Новгорода с Ярославом Ярославичем докончальная грамота № 9 не зависит совершенно, за исключением только, может быть, одной статьи о посылке в Заволочье новгородского, а не княжеского «мужа», причем и эта статья в № 9 дана в редакции несколько отличной от № 2 и от № 10. В № 2: «а за Волок ти своего моужа не слати, слати новгородца». В № 10: «а за Волок ти, княже, своего моужа не слати, продаяти ти дань своя новгородцю». В № 9: «а за Волок ти своего моужа не слати, слати новгородца, а тобе серебро емати».

Воспроизводя в основном (за указанными выше пропусками и редакционными переделками) текст № 3, договорная грамота № 9 дополнила его некоторыми (немногими) новыми условиями. Однако палеографические наблюдения и анализ содержания грамоты № 9 заставляют предполагать, что первоначально, при выработке текста, эти дополнения не предполагались и речь шла, повидимому, только о редактировании докончания № 3, в целях его приспособления к новым историческим условиям. Заключаю это, во-первых, из следующего: после того как в № 9 исчерпаны все статьи, восходящие в качестве источника к № 3 (а также пункт о Заволочье, совпадающий с № 2), мы находим в грамоте троеточие — знак, обычно заканчивающий акты. Во-вторых, последней, заимствованной из № 3 (в сокращенной редакции), статьей (за текстом которой следует троеточие), является статья, предлагающая князю «гнева... до Новагорода не дьржати...» По своему содержанию она действительно может быть рассматриваема в качестве заключительной. Наконец, последнее, на что следует обратить внимание, это то, что дополнительные (по сравнению с договором № 3) условия, помещенные в тексте № 9, после княжеского обязательства «не дьржати... гнева... до Новагорода», написаны почерком, значительно более мелким по сравнению с тем, который характерен для всей грамоты. Повидимому, первоначально лист пергамена, на котором дошел до нас договор № 9, предназначался для документа меньшего размера, и добавления к тексту № 3 или не предполагались совсем или должны были быть даны в меньшем объеме.

Итак, анализ договорной грамоты № 9 приводит к выводу, что при ее составлении было решено воспроизвести лишь основные нормы взаимоотношений Новгорода с князьями, которые завоевали уже общее признание, были освящены исторической традицией и не подлежали дискуссии. В этих целях привлекли и проредактировали последний (по времени) договор Новгорода с предшествующим князем тверского дома Ярославом Ярославичем, причем из его текста были последовательно исключены все те пункты, которые касались конкретных разногласий княжеской власти с новгородцами. Остался по существу лишь *голый формуляр*, отдельные клаузулы которого, лишенные фактического содержания, давали только общие, бесспорные в силу своей давности, установки по вопросу о положении княжеской власти в Новгороде. В этом отличие грамоты № 9 от одновременного акта № 10, до сих пор удовлетворительно не объясненное в исторической литературе. № 10 насыщен конкретным содержанием и ярко рисует те столкновения между Новгородом и Тверью, которые последовали за смертью великого князя Андрея Александровича.

Те новые статьи, которые отличают договор № 9 от своего источника (№ 3) и которые, по моему предположению, были задуманы не одновременно с основным текстом, посвящены тем же самым вопросам, что и аналогичные пункты № 10: запрещение княжескому аппарату прибегать к «самосуду»,[240] судить холопов без их «государей»,[241] «выводить суд за рубеж»,[242] иметь земельные владения в пределах Новгородской территории. Но детально сравнивая между собой оба документа (№ 9 и 10), мы убеждаемся, что даже тот раздел грамоты № 9, который не заимствован буквально из № 3, а является продуктом правотворчества начала XIV в., и должен был бы отражать реальную историческую обстановку этого времени, гораздо менее конкретен по своему содержанию, чем соответствующие части докончания № 10. Для того чтобы это было наглядно, достаточно сопоставить формулировки в обоих документах новгородских требований в отношении князя отказаться от сел и слобод, заведенных им и его феодальным окружением в Новгородских пределах. В № 9 говорится лаконично: «А свобод ти и сел състоупитися. А про землю и про [села], кто оу кого боудеть коупил, знаеть своего истьца про коуны; а земля к святой Софии».[243] В № 10 дается более четкое и развернутое определение: «А что сел, княже, на Новгородьской земли твоих, или княгынинных, или бояр твоих, тех сел тебе състоупитися, а коуны емати на них оу истьцев своих, оу кого будеть кто коупил, а земля святой Софии к Новоугородоу». Кроме того, в № 10, как мы видели выше, специально оговорена судьба сел и слобод великого князя Дмитрия Александровича, перешедших после его смерти в пожизненное владение Андрея Александровича, и т. д. Обо всем этом ничего не говорит № 9. Нет в № 9 и многого другого, о чем узнаем из № 10: незаконное взимание «вязчего» княжескими судьями, ряд подробностей о судьбе новоторжских закладников и т. д.

Это резкое различие в характере двух изучаемых документов и побуждало некоторых исследователей (Срезневского, Шахматова, Преснякова) утверждать, что они разновременны. Соображения палеографического, дипломатического, наконец, чисто исторического характера заставляют меня поставить вопрос, напротив, об одновременном появлении двух грамот в 1304 г., сразу после смерти великого князя Андрея Александровича, во время поездки Михаила Ярославича в Орду за ярлыком на великое княжение и захвата Новгорода его наместниками. Предшествующий анализ показал, что перед нами *две редакции* новгородских договорных грамот, восходящие по своему содержанию к двум редакциям конца XIII в. (№ 1 и № 3, с одной стороны, № 2 — с другой). Почему потребовалось оформление сразу двух документов, отличных и по своему построению, и по ряду отдельных пунктов, а главное, по своим общим установкам? Думаю, что до нас дошли *два проекта* новгородского договора с великим князем, которые возникли в процессе переговоров между новгородскими и тверскими послами в отсутствие Михаила, находившегося в Орде. Эти

---

[240] В № 9: «А рядоу в Новгородьской волости тобе, княже, и твоим соудьям не посоужати, а самосоуда не замышляти». В № 10: «А твоим соудиям по волости самосоуда не замышляти на людех по Новгородьской волости».

[241] В № 9: «А старосте ни холопа, ни робы без государя твоим соудиям не соудити». В № 10: «А холопа и половника не соудити твоим соудиям без государя, соудити князю Новегороде, тако пошло».

[242] В № 9: «А за роубежь из Новгородьской волости твоим дворяном соуда не водити... ни соудити». В № 10 такой статьи специально нет, но об этом же самом говорят пункты договора, согласно которым холоп и половник, сбежавшие в Тверскую волость, судятся в Новгороде.

[243] Этот пункт представляет собой некоторое развитие совсем уже глухого положения грамоты № 3: «А село святой Софии исправи к святой Софии».

проекты должны были в дальнейшем послужить основой для выработки окончательного договорного текста, подлежавшего утверждению князя. При этом есть основание предполагать, что проект № 10 был выдвинут со стороны Великого Новгорода; редакция № 9 принадлежала тверской стороне. Вопрос о том, какой редакции отдать предпочтение, остался открытым до возвращения Михаила, но обе они не вызывали принципиальных возражений со стороны новгородских властей *в качестве проектов*, и поэтому архиепископ Феоктист скрепил их своею печатью. А эта печать была совершенно необходима, так как оба текста, и новгородский и тверской, построены в форме предложения от лица новгородских властей. И даже в редакции, удовлетворявшей тверскую сторону, эти предложения должны были звучать именно *как новгородские*. Мне кажется, что в свете предложенной гипотезы находит свое объяснение различный характер докончальных грамот № 9 и № 10—11.

Новгородский проект (№ 10—11) фиксирует особое внимание на тех конкретных разногласиях и столкновениях между Новгородом и тверским боярством, которые только что имели место. Поэтому подчеркивается требование в отношении князя и его «мужей» — «отложити» то, «что подеялося доселе межи...[ими]...Новоугородоу до хрестьного целования». Это основной мотив, а затем следует ряд деталей: ограждение Новгорода от злоупотреблений тверских судей по взиманию «вязчего»; беспокойство по поводу того, что к Твери отойдут от Новгорода села, лишь временно переданные последним великому князю Андрею; предупреждение Михаилу, что Новгород не желает «кормления новгородьскымь хлебомь» неугодных наместников (дополнительная грамота № 11) и т. д.

Тверской проект, напротив, всячески избегает конкретизации договорных условий и предлагает, вплоть до заключения Новгородом договора с самим князем, основываться на общем договорном формуляре в том виде, как он сложился к концу XIII в. Очевидно, тверские послы в своих переговорах с новгородскими у Торжка не желали в данных условиях разрабатывать детали докончальной грамоты, откладывая это на будущее; не желали касаться своих недавних поступков в Новгороде и дальнейшего поведения князя Михаила. Поэтому в редакции, предложенной тверской стороной, так неопределенно звучит княжеское обязательство «не дьржати...гнева... до Новагорода». В данной формуле мы не видим таких интересных подробностей, как обещание князя не мстить новгородцам судом или каким-либо иным способом. Из тактических соображений тверские послы предпочли не высказываться по этому поводу с должной ясностью. Конечно, не случайно в редакции договорной грамоты, принадлежащей тверской стороне, подобный, лишенный определенности, пункт, согласно которому князь не должен был «гнева... до Новагорода.. дьржати ни до одиного человека», первоначально заключал весь текст докончания. Для предварительного соглашения это казалось достаточным. При утверждении договора князем должны были получить уточнение все те статьи, регулирующие новгородско-тверские взаимоотношения, которые пока остались раскрытыми не до конца. Тверской проект воздержался даже от помещения в конце текста предложения о крестоцеловании, адресованного к князю Михаилу. Наличие этой статьи придало бы докончальной грамоте иной оттенок, чем тот, который она имеет в настоящее время. Заканчиваясь обращением к Михаилу «гнева... до Новагорода не дьржати ни до одиного человека», грамота, по мысли тверских послов, сохраняла должный просительный тон, а от князя зависело уже утвердить новгородскую просьбу своим крестоцелованием. Тверская редакция, повидимому, не удовлетворила новгородскую сторону, которая потребовала конкретизации лаконичных, лишенных фактического содержания,

договорных формул на основе новгородских предложений (№ 10). В результате переговоров пришлось добавить в конце текста несколько новых пунктов, аналогичных тем, которые имелись в новгородском проекте № 10. Но и пойдя на эти уступки, тверская сторона постаралась сформулировать эти пункты по возможности так, чтобы они утратили свой конкретный характер и звучали как общие нормы.

На материале обоих проектов (№ 9 и № 10—11) был сформулирован в Твери тот договорный текст (дошедший до нас в двух экземплярах: № 6 и № 7), который санкционирован Михаилом Ярославичем после получения им ярлыка на великое княжение. К грамотам привешены печати Михаила (экземпляр № 7) и новгородского архиепископа Феоктиста (экземпляр № 6). Выше были уже отмечены особенности формуляра грамот № 6 и № 7, которые свидетельствуют о том, что они прошли через тверскую редакцию. Однако при составлении текста были учтены и новгородские предложения (№ 10).

Текст № 6—7 начинается с указания на двустороннее крестоцелование (Новгорода и князя). Новгород «хрьст целоуеть» «княжение твое (великого князя) честьно дьржати по пошлине, без обиды». Михаил Ярославич обязывался со своей стороны «такоже Новъгород дьржати по пошлине, без обиды». В обоих первоначальных проектах (и тверском № 9, и новгородском № 10) отсутствовала эта формула, согласно которой Новгород должен был «честьно дьржати по пошлине, без обиды» великое княжение. Она внесена, очевидно, по требованию Михаила.

В основном грамоты № 6—7 следуют тверскому проекту (№ 9), а не новгородскому (№ 10). Но тем интереснее, что первые же договорные условия (помещенные непосредственно после взаимного обязательства со стороны Новгорода и великого князя «целовать крест») заимствованы из грамоты № 10. Это статьи, посвященные землевладению князя и его слуг на Новгородской территории. Повидимому, данный вопрос особенно волновал новгородцев, по настоянию которых при составлении докончальных грамот № 6 и № 7 на него было обращено преимущественное внимание. Запрещение князю владеть селами и слободами в № 6 и № 7 сформулировано даже резче, чем в № 10. Грамоты № 6 и № 7 начинают не с общих положений о княжеских селах и слободах в Новгородских пределах (как № 10), а со специального вопроса о судьбе слобод и сел князей Дмитрия и Андрея Александровичей (в № 10 о них говорится во вторую очередь, после того как определено вообще, что делать с княжескими и боярскими земельными приобретениями в Новгороде). № 10 предъявлял князю Михаилу требование «*не въстоупатися*» в села и слободы князя Дмитрия Александровича, переданные после его смерти Андрею Александровичу, а затем подлежавшие возврату в новгородский государственный земельный фонд («а потомь Новоугородоу то все»). В № 6—7 речь идет о том, что князь должен «того всего...*състоупитися*, то все к Новоугородоу бес коун». Этот новый вариант договорного текста («*състоупитися*», причем «бес коун», вместо «*въстоупатися*») свидетельствует о том, что ко времени оформления докончальных грамот № 6—7 Михаил Ярославич уже наложил руку на земельные владения своих предшественников, чего опасался и что предполагал проект договора № 10. Статья, касающаяся общего вопроса о переходе к Новгороду княжеских, боярских и служилых сел, находящихся на «Новгородьской земли», в № 6—7 получила также более детальную разработку по сравнению с грамотой № 10. В последней указывалось, что князь, его бояре и слуги лишались этих сел и могли требовать за них деньги с тех, у кого они были куплены: «а коуны емати на них оу истьцев своих, оу кого боудеть кто коупил, а земля святой Софии к Новоугородоу». В № 6—7 вопрос о возмещении князя

и его феодального окружения за отказ от сел, находящихся на «Новгородьской земли», разбирается более детально и получает более сложное разрешение. Предусматривается, во-первых, случай безвозмездного отхода полученных князем и его слугами, не в результате акта купли-продажи, сел к Новгороду: «...которое село зашло бес коун, то бес коун пойдеть к Новоугородоу». За купленные села князю и его слугам возвращаются деньги, причем грамоты № 6—7 указывают и способы их взыскания. Следует предъявить иск к продавцу или его детям, а при отсутствии продавца принести присягу и получить деньги из новгородской казны: «...А кто коупил, а тыи знаеть своего истьца, или дети его, истьца ли не боудеть, ни детий его, целовати ему хресть како истьца не сведаеть, взяти ему коуны, колико боудеть дал по исправе, а земля к Новоугородоу». Таким образом, из сопоставления текста № 10 с № 6—7 вытекает, что последние особенно фиксируют внимание на земельных столкновениях между Новгородом и Тверью. Вопрос этот занимает первоочередное место в докончальных грамотах № 6—7. Последние в большей даже степени ограждают новгородские интересы в этом направлении, чем первоначальный новгородский проект № 10.

Пытаясь ограничить рост княжеского и боярского землевладения в пределах Новгорода, грамоты № 6—7 затем естественным образом ставят далее вопрос о новгородской границе с Суздальской землей. Последовательность договорного формуляра и здесь опять-таки совпадает с № 10. Только № 10 предлагает князю «роубежь... дати правыи по старомоу роубежю... како было *при отци твоемь Ярославе*». № 6—7 определяют «роубежь... старыи..., како был при деде твоемь и *при отци твоемь Ярославе*».

Кроме указанных заимствований в № 6—7 из № 10, к последней грамоте как своему источнику восходят статьи № 6—7 о выдаче холопов и половников и о производстве суда по делам о них в Новгороде. Это также новгородское требование, принятое великим князем.

В основных же разделах грамоты № 6—7 воспроизводят текст № 9, т. е. тверской проект. Отступления от него (в сторону дальнейшего расширения привилегий князя) наблюдаются в двух пунктах, касающихся княжеских поездок в Русу и посылки князем «мужа» в Заволочье. В № 9 статьи эти помещены в разных местах, в № 6 и № 7 они расположены рядом и даны в новой редакции, отражающей княжеские интересы. Экспедиции в Русу разрешаются не раз в три года (как в № 9), а ежегодно осенью (как предусматривалось договорной грамотой Новгорода с князем Ярославом Ярославичем № 1). Что касается полномочий князя в отношении Заволочья, то по проекту № 9 он не мог посылать туда своего мужа и должен был «слати новгородца», а себе «серебро емати». Грамоты № 6—7 предоставляют князю гораздо бо̀льшие права: «А за Волок ти слати своего моужа из Новагорода в двоу насадоу по пошлине, а опять ехати тоуды же на Новъгород, а с Низоу ти не слати, тако же и в Бежице...» Рядом с указанными двумя статьями в тексте № 6—7 находим новый (по сравнению с № 9) пункт о неутаивании новгородцами причитающихся князю пошлин в Новгородской волости. Таким образом, весь этот раздел докончальных грамот № 6—7 носит на себе следы редакции, произведенной по инициативе великого князя Михаила Ярославича. Все остальные части № 6—7 текстуально сходны с соответствующими разделами № 9. Только последние статьи № 9, говорящие о княжеских землях и селах на Новгородской территории, опущены в № 6—7, так как в этом вопросе, как мы видели, источником для № 6—7 служил новгородский проект № 10.

Моя точка зрения на грамоты № 9 и 10—11 как проекты (новгородский и тверской), составленные до получения Михаилом великого княжения, а на № 6—7 как окончательные договорные тексты (проредакти-

рованные Михаилом после того, как он стал великим князем), находит еще одно подтверждение.

Более поздний договор Новгорода с Михаилом Ярославичем (№ 12 по изданию «Собрания государственных грамот и договоров),[244] который явится предметом дальнейшего анализа, ссылается на «Фектистову грамоту, что доконьчал с владыкою и с послы новгородьскыми на Тфери». «Фектистова грамота» — грамота от имени и за печатью новгородского архиепископа Феоктиста. Эта печать привешена к докончаниям № 9, 10—11, 6. Но № 12 в своей ссылке имеет в виду именно № 6. Это ясно из того, что в № 12 находим формулу двустороннего крестоцелования, которая отсутствует в № 9 и № 10—11 и находится только в № 6—7: «А Новоугородоу княженье мое честно дьржати без обиды, а князю велпкомоу дьржати Новъгород без обиды в пошлине». Затем существенно для наших выводов указание № 12, что «*опять сел* князь великый Михаило на Фектистове грамоте», т. е. велпкий князь Михаил Ярославич снова занял Новгородское княжение (после размолвки с новгородцами)[245] на основе той докончальной грамоты, за печатью архиепископа Феоктиста, которая была оформлена при первом его посажении в Новгороде. Следовательно, перед нами свидетельство о том, что договорный текст № 6 (а также аналогичный экземпляр № 7, за печатью князя Михаила) представляет собой докончание, заключенное к моменту официального утверждения Михапла на великом княжении в Новгороде, а № 9 и № 10—11 — предварительные проекты соглашения, выработанные новгородскими и тверскими послами. Окончательный договор № 6—7, как узнаем из № 12, оформлен в Твери: «...что доконьчал с владыкою и с послы новгородьскыми на Тфери». Это могло случиться между 1304 г. (когда Михаил стал великим князем) и 1307 г. (к которому летопись относит официальное утверждение Михаила в Новгороде).

Обращаясь теперь специально к анализу докончальной грамоты № 12, следует прежде всего подчеркнуть, что она по своему характеру представляет мирный договор Михаила Ярославича с Великим Новгородом, заключенный после длительной войны второго десятилетия XIV в. Текст этого договора и начинается с указания на «розратье», которое «ся учинило промежи князя и Новагорода». Грамота детально предусматривает условия мира. Обе стороны обязуются не предъявлять друг к другу претензий относительно захваченного в недавнюю «замятню» движимого имущества («гостиного товара, или коупецького, или в церквах, или оу которого боярина, или по всей волости...»). Новгородские села и «люди», заложившиеся за великого князя, его княгиню, детей или тверских бояр, отходят обратно к Великому Новгороду точно так же, как и купленные села, за которые продавцы обязаны вернуть покупателям их стоимость. В этом отношении докончание Михапла Ярославича с Новгородом руководствуется, как было уже указано, условиями «Фектистовой грамоты», (т. е. рассмотренной выше более ранней докончальной грамоты, известной в двух противнях: № 6 и № 7). Новгородские пленники, захваченные тверскими войсками («что головы поимано по всей волости Новгородьскои»), возвращаются «к Новоугородоу без окоупа». Михаил Ярославич со своими боярами обязуются в дальнейшем не предпринимать никаких враждебных действий в отношении Новгорода («не наводити на Новъгород... ни про что же») и не чинить препятствий торговле новгородских купцов в Суздальской земле («ни гостя роути в Суждальскои земли нигде

---

[244] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 10. СГГД, т. I, стр. 15—16, № 12.

[245] Об этом см. ниже.

же»). Новгород, согласно условиям докончальной грамоты № 12, уплачивает князю в четыре срока контрибуцию в размере 12 тысяч (гривен) «серебра», причем в эту сумму зачитывается и то «серебро», которое уже ранее было получено с новгородских «тальщиков» (заложников). При уплате в каждый из четырех намеченных сроков новгородцам дается четыре льготных дня и задержка платежа в этих пределах не считается «изменой» князю. После первого же взноса Михаил Ярославич освобождает перерезанные им торговые пути к Новгороду и допускает свободный подвоз хлеба и других товаров. Когда контрибуция будет внесена полностью, новгородские «тальщики» получают «по целованью» свободу.

Далее докончальная грамота № 12 переходит к краткому изложению тех норм, на которых должны строиться взаимоотношения между великим князем и Новгородом после ликвидации «замятни». Михаил Ярославич, как указывает грамота, «нелюбье... отложил от Новагорода, и от Пьскова, и от пригородов». Со своей стороны, он требует от новгородских посадника, тысяцкого и «всего Новагорода» не преследовать тех («темь ся им не мьщати»), кто во время «замятни» стоял на стороне князя и выдал ему его «недругов». От лица Михаила Ярославича находим в тексте грамоты № 12 обращение к Новгороду: «Княженье мое чьстно дьржати без обиды». Обратное условие гласит: «Князю великомоу дьржати Новъгород без обиды в пошлине». Обе эти статьи заимствованы, как мы видели, из текста докончания № 6—7 («Фектистовой грамоты»), на которое и ссылается № 12. Очевидно, эта «Фектистова грамота», во всех своих пунктах, признавалась основой для дальнейших отношений между великим князем и Новгородом. Договор № 12 заканчивается формулой о взаимном «крестоцеловании» (от лица Михаила и Новгорода), также взятой из договорного текста № 6—7. Выражение «крест целовал по *сим грамотам*» указывает на то, что докончание № 12 было оформлено в виде двух противней (по числу сторон — каждый за двумя печатями: новгородского архиепископа Давыда и Михаила Ярославича). В нашем распоряжении оказывается, как было выяснено выше, тверской противень. После статей о «крестоцеловании», в самом конце текста № 12 имеется дополнительное указание, что, получив полностью причитающуюся с Новгорода контрибуцию, князь должен уничтожить («изрезати») две какие-то более ранние докончальные грамоты, заключенные с новгородцами: одна в Городке на Волге, другая — в Торжке.

К какому времени правильнее всего отнести изучаемый источник? Привешенная к документу печать новгородского архиепископа Давыда указывает на слишком широкие хронологические пределы. Давыд был избран и поставлен на кафедру, вместо архиепископа Феоктиста, в 1307 г., а умер в 1324 г.[246] Для уточнения даты договора № 12 следует более внимательно ознакомиться по летописям с новгородской историей второго десятилетия XIV в., особенно со взаимоотношениями между Новгородом и великим князем Михаилом Ярославичем. Первое известие о размирье Новгорода с Михаилом относится к 1312 г. Михаил вывел из Новгорода своих наместников, захватил Торжок и Бежецкий Верх и приостановил подвоз хлеба в Новгородскую землю («...наместникы своя выведе, не пустя обилья в Новгород...»). Новгородцы отправили для примирения в Тверь «владыку» Давыда, который «доконча мир». Новгородцы обязались уплатить князю полторы тысячи гривен серебра.[247] Тверские наместники снова вернулись в Новгород. Но примирение было временным. В 1314 г.,

---

[246] ПСРЛ, т. III, стр. 68—69 и 71. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 310 и 321.

[247] ПСРЛ, т. III, стр. 70; т. IV, стр. 48; т. V, стр. 205; т. VII, стр. 186.

во время пребывания Михаила в Орде у хана Узбека, в Новгороде произошло восстание против великокняжеских наместников. Новгородцы обратились к помощи князя Юрия Даниловича московского, приславшего в Новгород князя Федора ржевского. Последний прежде всего арестовал на дворе «владыки» наместников Михаила: «изняша наместникы княжь Михайловы тверьского и дрьжа их во владычне дворе». Затем Федор ржевский двинулся с новгородским войском в Тверскую землю. На берегу Волги новгородские военные силы встретились с выступившей против них тверской ратью, возглавлявшейся сыном Михаила Ярославича князем Дмитрием Михайловичем. После шестинедельного стояния на Волге, противники, не дав друг другу боя, заключили мир. Его условия, согласно летописным данным, были выгодны для новгородцев: «и сотвориша мир со князем Дмитрием на всей воли новгородцкой».[248]

Новгородцы сразу после докончания на Волге послали в Москву за князем Юрием Даниловичем, который вместе с братом Афанасием прибыл в Новгород и «седе на столе». Но из Орды к Юрию пришло приказание немедленно, «без коснения», явиться к хану Узбеку.[249]

Тем временем Михаил Ярославич, использовав свое влияние в Орде, вернулся оттуда в сопровождении татарского войска и ряда ханских послов, среди которых летописи отмечают особенно «оканьного» Таитемеря. Двинувшись с «низовскою» и татарскою силой к Торжку, Михаил в 1315 г. разбил новгородцев и потребовал выдачи князей Афанасия и Федора ржевского. Новгородцы были вынуждены сдаться и заключили с великим князем условие («докончаша мир»), обязавшись уплатить ему большую контрибуцию (по одним летописям: «пять тем гривен серебра»; по другим: «пять тысящь гривенок серебра»). Князь Афанасий и ряд новгородских бояр были отправлены в Тверь в качестве заложников («в тали»). В Новгород явились наместники Михаила, причем последний, как сообщает Никоновская летопись, не признал новгородского посадника, заменив его собственным кандидатом: «даде посадничество новгородцкое из своей руки».[250]

Новгородцы сделали попытку завязать самостоятельные сношения, помимо князей, с Ордой и отправились туда «сами о себе», с жалобой на действия Михаила Ярославича, но были задержаны тверичами. В следующем, 1316 году в Новгороде вспыхнуло новое восстание, в результате которого великокняжеские наместники были изгнаны из города. Михаил отправился в карательную экспедицию. Новгородцы укрепили город острогом. На помощь в ним пришло население пригородов: «и сошдеся вся волость Новгородская: пльсковичи, ладожане, рушане, корела, ижера, вожане». Летописи сообщают интересные сведения о том, что у Михаила Ярославича было в Новгороде много приверженцев, с которыми он поддерживал тайную связь и которые поплатились за свою измену. Так, по вечевому приговору, был свергнут с моста в Волхов Игнат Веска; «творяхуть бо его перевет державша к Михаилу, а бог то весть»,— неуверенно говорит летописец. Тогда же был убит Данилка Писцев: «убьен бысть на рли от своего холопа, обадил бо его бяше к горожаном, тако река:

---

[248] ПСРЛ, т. III, стр. 70—71; т. IV, стр. 48; т. V, стр. 205; т. VII, стр. 186; т. X, стр. 178—179; т. XX, ч. 1, стр. 174; т. XXIII, стр. 97.

[249] Задачи ордынской политики отчетливо вскрыты в превосходной работе А. Н. Насонова: «Орда, как видим, действует достаточно осмотрительно; в ее планы входит, очевидно, привлечь московского князя на свою сторону; вместе с тем, она опасается как будто усиления тверского князя, которому передала великое княжение, и непрочь восстановить московского князя против тверского» (А. Н. Насонов. Монголы и Русь, стр. 81).

[250] ПСРЛ, т. III, стр. 71; т. IV, стр. 48; т. V, стр. 206; т. VII, стр. 186—187; т. X, стр. 179—180; т. XX, ч. 1, стр. 174; т. XXIII, стр. 98.

посылал мя с грамотами к Михаилу князю». Поход Михаила не привел к решительным результатам. Он вернулся, не дойдя до города и «мира не возма».[251]

«Замятня» между Новгородом и Михаилом Ярославичем продолжалась. В 1316—1317 гг. новгородцы послали «владыку» Давыда в Тверь к князю «с молбою» о разрешении выкупить заложников («просяще на окуп братьи своей, кто у князя в талех»), но, как говорит новгородская летопись, «...не послуша его (владыку) князь».[252]

В 1317 г. Юрий московский, во время пребывания в Орде женившийся на сестре хана Узбека Кончазе (Кончаке), явился в русские пределы в сопровождении ханского посла Кавгадыя и татарской «дружины». Началась борьба за великое княжение между Юрием и Михаилом. Нам нет надобности детально останавливаться на ее ходе. Подробно эта борьба освещена А. Н. Насоновым. Последний показал, что Юрий Данилович являлся послушным орудием в руках хана и действовал по указаниям Кавгадыя.[253] Ордынская же политика сводилась к тому, чтобы изолировать тверского князя и в то же время не дать усилиться московскому. По плану Кавгадыя, войска Юрия двинулись на Тверь. В борьбе с тверским князем Кавгадый решил опереться на новгородцев. В Новгород был послан татарин Телебуга пригласить новгородцев примкнуть к Юрию. Новгородская рать выступила к Торжку, но, не встретившись с московским войском, новгородцы заключили сепаратный мир с Михаилом и вернулись в Новгород: «они (новгородцы) приехаше в Торжек и докончаша с князем Михаилом, како не въступатися ни по одином, понеже не ведяху князя Юрья, кде есть, и придоша паки в Новгород».[254] Михаил нанес поражение Юрию и заставил его бежать в Новгород. Кавгадый, почувствовав силу тверского князя, начал с ним переговоры, содержание которых неизвестно. Летописец говорит, что Кавгадый обманывал Михаила («лестию ротяшеся»). Между тем Юрий Данилович прибыл на Волгу «и позва новгородцев с собою, и идоша с ним вся Новгород и Пльсков, поимше владыку Давыда с собою». На Волге между тверским и московским князьями было заключено докончание, согласно которому оба они решили ехать в Орду.[255] Михаил из этой поездки уже не вернулся обратно. Он был предан в Орде суду и казнен.

Такова канва исторических событий, на фоне которых возможно понимание докончальной грамоты № 12. Большинство исследователей склонно относить ее ко времени непосредственно вслед за прибытием Михаила Ярославича из путешествия в Орду (после воцарения Узбека), в сопровождении татарского посла Таитемеря, и нанесением им поражения новгородскому войску у Торжка.[256] Этой точки зрения придерживаются: Н. М. Карамзин,[257] С. М. Соловьев,[258] В. С. Борзаковский,[259]

---

[251] ПСРЛ, т. III, стр. 71; т. IV, стр. 48; т. V, стр. 206; т. VII, стр. 187; т. X, стр. 179—180; т. XX, ч. I, стр. 174; т. XXIII, стр. 98.

[252] ПСРЛ, т. III, стр. 72. Иную версию находим в Тверском сборнике: «Того же лета приеха владыка Давыд в Тверь прости новогородцевь на окуп и кончаша с великим князем Михаилом Ярославичем пятью тысячь рублев» (ПСРЛ, т. XV, стр. 409).

[253] А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 83—87.

[254] ПСРЛ, т. III, стр. 72.

[255] Там же, т. V, стр. 206—207; т. VII, стр. 187—188; т. X, стр. 180—181; т. XV, стр. 409—410; т. XX, ч. I, стр. 174—175; т. XXIII, стр. 98.

[256] ПСРЛ, т. III, стр. 71.

[257] Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IV, изд. 2-е, стр. 175—176 и примечания, стр. 140, № 221.

[258] С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 905.

[259] В. С. Борзаковский. История Тверского княжества, стр. 101; прим., стр. 53, № 441.

И. И. Срезневский,[260] А. А. Шахматов,[261] А. Е. Пресняков.[262] Некоторые расхождения по поводу точной даты изучаемого договора (по Шахматову — 1314 г., по Соловьеву и Преснякову — 1315 г., по Борзаковскому — конец 1315 г. или начало 1316 г., по Карамзину и Срезневскому — февраль 1316 г.)[263] объясняются, во-первых, тем, что не всеми одинаково датируется новоторжская битва и, во-вторых, тем, что исследователи склонны допускать больший или меньший промежуток времени между битвой и оформлением докончания № 12. Дело обычно представляется таким образом, что после победы, одержанной Михаилом у Торжка над новгородцами, он в присутствии ханского посла Тантемеря принудил их, на основе оформленной тогда же, но не дошедшей до нас грамоты, к уплате крупной контрибуции, сумму которой отдельные летописи определяют по-разному (5 «тем» или 5 тысяч гривен серебра). Затем, укрепившись окончательно на новгородском княжении и вернувшись в Тверь, Михаил определил свои отношения к Новгороду новой грамотой (сохранившейся до настоящего времени и опубликованной в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 12). Последнее докончание аннулировало новоторжский договор, а также какое-то еще более раннее соглашение великого князя с Новгородом, заключенное в Городке на Волге. Оба названных текста, как прямо указано в № 12, должны были быть «изрезаны». По поводу грамоты, «что доконьчали на Городке на Волзе», мнения исследователей расходятся. Одни (Соловьев,[264] Пресняков[265]) считают, что она относится к 1314 г., к тому моменту, когда тверские войска, возглавляемые князем Дмитрием Михайловичем, помирились на Волге без боя с новгородцами. Другие (Карамзин,[266] Борзаковский[267]) возражают против подобной датировки городецкого докончания, указывая, что докончание с Дмитрием Михайловичем было совершено «на всей воли новгороддкой» и не в новгородских интересах было его уничтожать. Поэтому высказывается предположение, что под городецкой докончальной грамотой имеется в виду соглашение новгородцев с Михаилом, относящееся к 1312 г., когда в Тверь ездил новгородский архиепископ Давыд, согласившийся на уплату контрибуции в сумме полутора тысяч гривен серебра. Правда, летопись говорит о поездке *в Тверь*, но, как отмечает Борзаковский, под Тверью могло пониматься *Тверское княжение*, в состав которого входил и волжский Городок — пункт, где могло состояться докончание.

Я считаю, что вопрос о происхождении грамоты № 12 требует пересмотра. Общепринятое приурочение ее ко времени непосредственно вслед за новоторжским сражением 1315 г. вызывает возражения потому, что в тексте изучаемого документа имеются прямые указания на более поздние исторические события. Князь Михаил «нелюбье... отложил» не только от Новгорода, но и от Пскова и от ряда других новгородских пригородов. Понять этот пункт можно, мне кажется, только в связи с новгород-

---

[260] И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 174.

[261] А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века, стр. 234.

[262] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 127, прим. 2.

[263] Дата (1312), под которой помещена докончальная грамота в «Древней Российской Вивлиофике» (изд. 2-е, ч. 1, стр. 25—27, № 11), не может быть принята, так как в изучаемой грамоте имеется, как мы видели, упоминание об уничтожении текста более раннего договора, заключенного *после сражения у Торжка*.

[264] С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 905.

[265] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 125—126, прим. 3.

[266] Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IV, примечания, стр. 140, № 221.

[267] В. С. Борзаковский. Указ. соч., стр. 98; примечания, стр. 54, № 443.

ским восстанием против Михаила Ярославича в 1316 г., в котором приняла участие «вся волость Новгородская»: Псков, Ладога, Руса, Корела, Ижора, Водь.[268] Требование, предъявленное князем новгородцам «не мьщати» тем, кто выдал ему в Торжке «недругов», очевидно, представляло собой отзвук на те расправы в Новгороде с лицами, «перевет державшими» к Михаилу, о которых рассказывает летопись под тем же 1316 г.[269] Когда в грамоте № 12 мы читаем, что по уплате новгородцами контрибуции «вся таль» будет отпущена «по целованью», то естественным образом возникает предположение, что это обязательство появилось в результате переговоров с прпехавшим в 1316—1317 гг. в Тверь новгородским архиепископом Давыдом, «с молбою просяще на окуп братьи своей, кто у князя в талех». Согласно летописи, князь «не послуша» «владыку»,[270] т. е. не согласился на немедленное освобождение заложников, обусловив, очевидно, его выполнением со стороны Новгорода принятых им на себя обязательств.[271] В докончании № 12 говорится об отпуске «без окупа» «голов, пойманных по всей волости Новгородьской». Эта статья появилась вследствие того, что в 1315 г., по летописным известиям, Михаил Ярославич допускал прямо противоположные действия («останок людий в городе нача продаяти, колико кого станеть»).[272]

Я прихожу в результате приведенных выше наблюдений к выводу, что докончание № 12 было оформлено в 1316—1317 гг., во время пребывания в Твери новгородского архиепископа Давыда.[273] Этот вывод дает, мне кажется, возможность несколько пересмотреть обычное представление о новгородско-тверских и московско-тверских взаимоотношениях указанного времени. На основании летописных данных А. Е. Пресняков отмечает неудачу карательного похода Михаила Ярославича на Новгород в 1316 г.: «Новгород вырвался из рук великого князя Михаила и потянул к Юрию московскому».[274] Однако, то обстоятельство, что сразу после указанного похода в Тверь приехал новгородский «владыка» *к князю Михаилу «с молбою»*, показывает, что зависимость Новгорода от Твери вовсе не была в это время порвана. Об этом же говорит и последующее странное поведение новгородцев во время войны Юрия московского и Кавгадыя с Михаилом тверским. Призванные Телебугой принять участие в военных действиях на стороне Юрия Даниловича, новгородцы подошли к тверскому рубежу и заключили с Михаилом сепаратный мир, «яко не въступатися им ни по ком». Летописи разноречиво объясняют это обстоятельство. Одни (Тверской сборник) ссылаются на то, что новгородцы не договорились с Юрием о сроке совместного выступления против Михаила, и тот предупредил их, нанеся поражение и принудив к

---

[268] ПСРЛ, т. III, стр. 71. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 317.

[269] Там же.

[270] ПСРЛ, т. III, стр. 72. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 318.

[271] В числе заложников грамота № 12 называет «Андреевых детей», Машка с детьми, Юрья Калеку. Андреевы дети — вероятно, дети бывшего посадника Андрея Климовича, убитого в сражении у Торжка в 1315 г. (ПСРЛ, т. III, стр. 71. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 316). Машко — возможно, тысяцкий, имя которого упоминается в грамоте новгородского князя Андрея Александровича и всего Новгорода к ганзейским купцам около 1301 г. (Русско-ливонские акты, стр. 24, № XLVIII).

[272] ПСРЛ, т. III, стр. 71. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 317.

[273] Дата 1317 г. дана грамоте № 12 в «Собрании государственных грамот и договоров», но все последующие исследователи от нее отказались.

[274] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 128.

миру.[275] Другие летописи указывают, что новгородцы «не ведали князя Юрья Даниловича, где есть».[276] Эта неясность различных летописных показаний, мне кажется, в значительной мере рассеется, если принять, что Михаил, готовясь к столкновению с Юрием, оформил письменным договором свои отношения к Новгороду. Новгородцы, связанные этим договором и неуверенные, что перевес окажется на стороне московского князя — противника Михаила Ярославича, держались в дальнейшем двойственной и уклончивой политики.

Каковы же основные мотивы докончальной грамоты № 12? Ее задача сводится к урегулированию длительной «замятии» между Новгородом и Тверью, начало которой восходит еще к 1312 г. Тверь пошла на многие уступки. Прежде всего, повидимому, была снижена сумма контрибуции, установленная ранее. Неверно, мне кажется, толкование Преснякова, объясняющего уничтожение двух прежних грамот — городецкой и новоторжской — тем, что имевшиеся в них денежные обязательства новгородцев погашались уплатой более крупной суммы, наложенной по грамоте № 12.[277] Показания летописей о размерах контрибуции, установленной новоторжским договором 1315 г., как мы видели, разноречивы. Ряд летописных сводов называет «пять тем» гривен серебра.[278] Никоновская летопись, удивившись этой огромной цифре, исправила ее на пять тысяч гривенок.[279] Мне кажется, в летописных данных не следует искать указаний на реальные размеры контрибуции. Выражение «пять тем» имеет скорее фигуральное значение и должно было только подчеркнуть необычайные по своей величине (поразившие летописца) денежные требования, предъявленные Новгороду великим князем. Теперь эти требования были уменьшены: первоначальная сумма контрибуции (точно нам не известная) была доведена до 12 тысяч гривен серебра, причем допускалась рассрочка. Прежнюю новоторжскую грамоту, тягостную для новгородцев, было решено «изрезати», как только они выполнят в отношении князя новые (более легкие) финансовые обязательства. Одновременно подлежала уничтожению и городецкая грамота, под которой вернее всего следует понимать договор, заключенный не в 1312 г. (как думали Карамзин и Борзаковский), а в 1314 г., после примирения на Волге между новгородскими войсками и тверской ратью Дмитрия Михайловича. К этому вопросу я еще вернусь ниже.

Из докончальной грамоты № 12 мы узнаем и о других уступках со стороны Твери, сделанных в отношении Новгорода (помимо пункта о контрибуции): возвращены «без окупа» пленники, захваченные и приобретенные покупкой новгородские земли и т. д.

Но договор № 12 имеет и более крупное политическое значение, которое совершенно не отмечено в существующей литературе. Не случайно подчеркнуто, что великий князь Михаил Ярославич «*опять сел*» на Новгородском княжении и восстановил в действии документы, которые оформили его взаимоотношения с Новгородом в тот момент, когда он впервые

---

[275] ПСРЛ, т. XV, стр. 409.

[276] ПСРЛ, т. III, стр. 72; т. VII, стр. 188. Обычно выражение «яко не въступатися им ни по комь» исследователи толкуют, как обязательство о нейтралитете: не помогать ни Юрию, ни Михаилу. См. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 128. Но Тверской сборник, ни слова не говоря об условиях договора, подчеркивает, однако, что новгородцы явились просительной стороной: «почаша слати к великому князю Михаилу с челобитием и вземше мир, придоша в Новгород» (ПСРЛ, т. XV, стр. 409). Поэтому весьма вероятно, что «не въступатися ни по комь» значит: ни по ком, кроме Михаила.

[277] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 125, прим. 3.

[278] ПСРЛ, т. III, стр. 71; т. VII, стр. 187.

[279] ПСРЛ, т. X, стр. 179.

получил в Орде ярлык на великое княжение («Фектистова грамота»). Эта лаконичная статья грамоты, по-моему, заключает в себе большой политический смысл. Михаил сознательно внес ее, готовясь к борьбе с Юрием Даниловичем за великокняжеский стол, право на который Юрий получил в Орде. Летописи противоречиво рассказывают о том, как шла эта борьба по возвращении Юрия из Орды. Если Тверской сборник говорит, что Михаил добровольно «съступися великого княжениа» в пользу Юрия,[280] что не помешало Юрию начать войну, то по Никоновской летописи, напротив, «Юрьи Данилович московский съслався с Кавгадыем и съступився великого княжениа князю Михаилу Ярославичу тверскому».[281] Несомненно, что политическое состязание двух соперников, направлявшееся скрытыми нитями ордынской политики, разыгрывалось не только на полях сражений, но велось и в определенных дипломатических формах, о которых свидетельствует летопись (якобы добровольный отказ от великого княжения). Но докончальная грамота № 12 показывает, что Михаил решил формальным образом закрепить *вторичный акт* своего утверждения в Новгороде («опять сел»), связывая с этим определенные права и на великокняжеский стол.

Вторичное «посажение» в Новгороде преследовало и еще одну политическую цель. Заявляя об этом, Михаил Ярославич стремился не только пресечь дальнейшие поползновения на Новгородское (и великое) княжение со стороны Юрия Даниловича, который во время «замятни» уже создал себе в Новгороде достаточно крепкую почву, договорная грамота № 12 имеет в виду и недавнюю попытку новгородцев вступить в самостоятельные («сами о себе») политические отношения с Ордой, минуя князей. Демонстративно подчеркивая, что он «опять сел» на новгородском столе, Михаил в дальнейшем признавал подобные попытки несовместимыми с обычными нормами договорных отношений.

Для объяснения своего понимания характера докончания № 12 я хочу остановиться на его структуре, которая не вскрыта предшествующими исследователями. Эта структура такова: вначале речь идет об условиях ликвидации «розратья» и взыскания с новгородцев двенадцатитысячной контрибуции. Затем договор № 12 переходит к *общей теме* — о той «пошлине», которой должны следовать в отношениях между собой князь и Новгород и которая зафиксирована в статьях «Фектистовой грамоты». «Крестоцелование» (от имени князя и Новгорода) на основе этой грамоты естественным образом завершает текст документа. А затем вновь поднимается вопрос о контрибуции (уже ранее в достаточной мере освещенный). Именно говорится об уничтожении двух предшествующих докончаний немедленно по выплате Новгородом всей следуемой с него суммы. Этот вторичный возврат к уже рассмотренному вопросу является, на первый взгляд, совершенно неожиданным и производит впечатление позднейшего дополнения. Мне кажется, что подобное построение договорного текста, производящее внешнее впечатление нечеткости, объясняется наличием двух (взаимно связанных) тем. С одной стороны, надо было (в результате обоюдных уступок) договориться о тех *конкретных условиях*, в результате которых могла бы прекратиться новгородско-тверская «замятня». С другой стороны, в договоре звучит *основной общий мотив:* восстанавливаются права в Новгороде Михаила *как великого князя*, и снова вступает в силу тот договорный акт, в котором подробно были развиты основы взаимоотношений *великого князя* с Новгородом («Фектистова грамота»).

Если так понимать центральную мысль докончания № 12, то уже не кажется странным наличие, после статьи о взаимном крестоцелова-

[280] ПСРЛ, т. XV, стр. 409.
[281] ПСРЛ, т. X, стр. 180.

нии, как бы завершающей договорный текст, пункта об уничтожении тех актов, которые были оформлены в Городке и Торжке. Возвращение к «Фектистовой грамоте», *как основе* договорных взаимоотношений, естественным образом влекло за собой отказ от всех позднейших доконча-ний не только потому, что были пересмотрены некоторые специальные пункты обоюдных новгородско-тверских обязательств (например, размеры и сроки уплаты новгородцами контрибуции в тверскую казну). Эти доконча-ния были отвергнуты и принципиально как относящиеся к периоду «замятни», нарушившей нормальные отношения, в то время как грамота № 12 стремилась восстановить *договорную норму*, обязательную и приемлемую для *великих князей* при утверждении на новгородском столе.

В этой связи я еще раз возвращаюсь к городецкой грамоте 1314 г. Мы не знаем ее содержания. Однако ее предполагаемое уничтожение, по уплате новгородцами двенадцатитысячной контрибуции, говорит за то, что эта городецкая грамота также включала в себя обязательство о взносе новгородцами какой-то суммы тверскому князю. Но наличие подобного пункта как будто несовместимо с летописным указанием на то, что доконча-ние на Волге было выработано «на всей воле новгородской». А. Е. Пресняков предлагает весьма правдоподобное объяснение указанному про-тиворечию. Новгородцы были заинтересованы в прекращении военных действий и отозвании тверских наместников, арестованных в Новгороде Федором ржевским, и на этих условиях, внесенных в договорный текст, согласились на взнос в тверскую казну какой-то суммы.[282] В свете пред-ложенной нами выше гипотезы о происхождении и политическом смысле грамоты № 12, верная мысль Преснякова требует дальнейшего развития. Весьма вероятно, что городецкий договор включал ряд пунктов, отве-чавших интересам новгородцев. Великий князь мог примириться с ними во время «замятни», но после ликвидации последней они были для него совершенно неприемлемы. Поскольку доконча-ние № 12 стало на точку зрения отказа от всех договорных текстов, относящихся к периоду «роз-ратья», и собиралось восстановить в силе договорные нормы «Фектисто-вой грамоты», постольку был намечен к уничтожению и договор, офор-мленный в 1314 г. в Городке на Волге. Нет никаких оснований думать, что Михаил решил «изрезати» только те документы, которые были невы-годны новгородцам. И новоторжская грамота, тягостная для новгородцев, и городецкая, составленная «на всей воли» новгородской, были признаны несовместимыми с нормальными договорными условиями, выработанными при утверждении Михаила на Новгородском княжении и зафиксиро-ванными в «Фектистовой грамоте». Но формальное уничтожение отвергну-тых текстов было отнесено к тому моменту, когда выплатой новгородцами последнего взноса по контрибуции полностью будет покончено со всеми последствиями «замятни».

Для понимания доконча́льной грамоты № 12 необходимо рас-смотреть ее в тесной связи с сохранившимся в том же собрании новгородско-тверских документов и помещенным в «Собрании госу-дарственных грамот и договоров» под № 14 договором москов-ского князя Юрия Даниловича с Михаилом Ярославичем и с нов-городскими властями: посадником, тысяцким и «с всемь Но[вымь город-домь]».[283] Доконча́льная грамота № 14 дошла до нас в очень дефектном виде. В значительных своих частях ее текст был утрачен уже ко времени издания «Собрания государственных грамот и договоров», в котором эти дефектные места частично восстановлены по догадке, а частично так

[282] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 125—126, прим. 3.
[283] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 12.

и остались не восполненными и были заменены многоточиями. Пользоваться для исследования грамоты № 14 изданием «Собрания государственных грамот и договоров» не представляется возможным. С предложенными издателями конъектурами далеко не всегда можно согласиться (притом они не выделены какими-либо условными знаками из сохранившегося текста). Что же касается многоточий, к которым прибегают издатели в случае отказа предложить какое-либо, даже предположительное, чтение, то опять-таки без обращения к оригиналу эти многоточия ничего не дают исследователю, так как количество точек отнюдь не соответствует хоть в какой бы то ни было мере приблизительно возможному количеству букв дефектного текста.

А. А. Шахматов дал научное издание грамоты № 14[284]. Он, во-первых, исправил ряд необоснованных конъектур «Собрания государственных грамот и договоров». Во-вторых, внимательно изучив подлинник, Шахматов подсчитал ориентировочно количество букв и имеющихся в нем пробелах и сделал соответствующие указания в своем издании. Но и Шахматов в целом ряде случаев отказывается от каких-либо конъектур, помогающих воспроизведению текста № 14 в его дефектных частях.

В настоящее время эта грамота представляет собой документ в достаточной мере ветхий. В нем имеется значительное количество лакун, восполнить которые очень трудно, а дать их *дословное чтение* часто просто невозможно. Тем не менее, ниже мною делается попытка, использовав и продолжив наблюдения Шахматова, предложить реставрацию дефектного текста. Разрешению этой задачи в значительной степени помогает сопоставление изучаемого документа с прочими договорными новгородско-тверскими грамотами. Правда, в № 14 нет *текстуальных заимствований* из других аналогичных докончальных грамот, а имеются лишь *общие* с ними *по содержанию статьи*. Поэтому, когда ниже, на основе подсчета возможного количества утраченных букв, мною в квадратных скобках приводится то или иное конъектуральное чтение, то я вполне сознаю его *условный* характер. Моя задача — осмыслить текст с точки зрения его содержания, а отнюдь не воспроизвести его буквально.

Докончальная грамота великого князя Георгия Даниловича с тверским князем Михаилом Ярославичем и с Новгородом

Се доконча князь великыи Гюрги с братомь свои [мь с] княземь с Михаиломь,[285] и с посадникомь, и с ты[сяцкымь и] с всемь Но[вымь городом]. Дати князю Михаилу [рубе] ж правыи [по старому руб]ежю межю Торжькомь и [Бежицким Верхомь и Новымь город]омь и межю Кашино[мь и Тферью].[286] Такоже [князю Михаилу Вол]огде по старому рубежю р[убежь] дати. А что [его кн]ягини покупила села в Волог[де] и в Бежиц-

---

[284] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 258.

[285] В «Собрании государственных грамот и договоров» читаем: «...с братом своим великим княземь с Михаилом...» Но обращение к подлиннику показывает, и это было замечено еще Шахматовым, что после «свои...» и перед «княземь» в тексте имеется пробел приблизительно лишь в пять букв. Кроме того, и в других статьях договора № 14 Михаил всюду называется просто «князем», а не «великим князем». Ср. в этом отношении № 14 с № 12, где эпитет «великий князь» в связи с именем Михаила Ярославича встречается несколько раз: «Се докончал великыи князь Михаило...»; «... а князю великому Михаилоу не наводит на Новъгород...»; «...а князю великомоу дьржати Новъгород без обиды, в пошлине...» и т. д.

[286] Текст восстановлен приблизительно, на основании сравнения с № 18 и 17. Ср. № 18: «Старыи... рубеж земли и вод... промежи Тферью и Кашином и Новгородчкои отцине и Торжком и Бежичкым Верхом». В № 17 читаем: «А воде земли межю Тферью и Торжьком, Кашином, Бежицам».

ко[и волости], имати еи куны оу истьцев, [а земля к]святои Софии. Тако же и детем его, и княгыни его, и б[ояром] его в все княжень[е Ми]хаилово знають своего [истьця], а земля бес кун [к святои Софии.[287] А будет пр]и кня[зи Олександре кто села купил в Новгородскои волост]и и при [князи при Ярославе из] Тфери, [и при Василье, при] Дмитр[ие, при Андрее, и они] возмоуть ку[ны за ру] бежемь в Нов[городскои волости у своего исть]ца или у сына.[288] И[стьца ли не будеть, ни детии его,[289] а кто купил] и на томь емоу хр[ест целовати], како истьца не ведаеть, а коуны емоу имати у Новагорода колко дал хрест целова[в]. А к[то] живеть в Новоторьскомь уе[зд]е у Святого Спаса, а те потя[ну] т[ь к] Торжьку, буди закладьщи[к[290] или] буди пришлець, бу[ди князя], буди детеи его, буди кня[гы]нин, буди боярь[скои], такоже и Василиспи, такоже и в...[291] волости Новгородьскои. А [кто будеть старых людей][292] в Торжьку п[з][293] Тфери, положено на старых л[ю]дех...[294] в прочьной спра[ве]. А в которого человека почнуть окупа[ти] села в Новъгородьскои волости, окупити ему и доброе и худое. А что поимали на Вологде кречеты, и серебро, и белоу и [по все]м свободам и по [се]лом,[295] и у Волоце, и у ладожан или... ых[296] людеи, дати им назад по исправе. А головы [што по] имали[297] в полку

---

[287] Ср. № 9: «Кто оу кого боудеть коупил, знаеть своего истьца про коуны, а земля к святои Софии». Другой возможный вариант: «... а земля бес кун [поидеть к Новоугородоу]». Ср. № 15: «... а то поидеть бес коун к Новоугородоу...»; «... а земля поидеть к Новоугороду...»

[288] Текст восстановлен очень условно и приблизительно, на основании сравнения с № 16 и № 15. В данном месте документ настолько испорчен, что воспроизвести дословно первоначальное чтение не представляется возможным. Смысл же текста, думается, передан правильно. Ср. № 16: «... а которая села покуплена при князи при Олександре, при Ярославе, при Василье, при Дмитрие, при Андрее, на тех селех куны имати оу истьця. а земля к Новугороду...» В № 15 читаем: «А кто боудеть коупил села в всеи волости в Новгородьскои при деде моемь (Александра Михайловича тверского) Ярославе, и при Васильи, при Дмитрии, при Андреи и при отци моемь при Михаиле, и при князи при Юрьи, при Дмитрии, кто боудеть даромь отъял, или сильно, а то поидеть бес коун к Новоугородоу, а кто коупил боудеть в Новгородьскои волости, знати им своего истьца...»

[289] Ср. № 6 и № 7: «...истьца ли не будеть, ни детий его, целовати ему хрест...»

[290] Между «закл» и «ладщи» в подлиннике — место для двух-трех букв. Очевидно, по ошибке было написано: закл [зак] ладьщи [к].

[291] Пропуск около 30 букв, трудно восполнимый. Здесь возможно предположить несколько вариантов утраченного текста. Во-первых, текст обрывается на перечислении тех, у кого могут оказаться в Торжке «закладьщики». Последней указана Василиса, вдова великого князя Андрея Александровича городецкого (см. А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 58). Возможно, что далее были названы еще какие-либо имена. С другой стороны, поскольку статья заканчивается словами «волости Новгородьскои», весьма вероятно, что в дефектном месте говорилось (кроме «закладьщиков» из Торжка) также и о лицах, проживавших в пределах «всеи волости Новгородьскои» и заложившихся за тверского князя, его детей, бояр и т. д. Именно такой вывод можно сделать из сопоставления текста № 14 с № 4—5, где как раз различаются «закладни», живущие в Новгородской волости, и «давныи люди» в Торжке и на Волоке: «А кто будеть закладень позоровал ко мне, а жива в Новъгородьскои волости, тех всех отступился есмь Новугороду. А кто будет давних людий в Торжьку и в Волоце, а позоровал ко Тфери при Олександре и при Ярославе, тем тако и седети, а позоровать им ко мне».

[292] Восстановлено предположительно. См. в № 4: «А кто будеть давных людий в Торжьку...»

[293] Шахматов предполагает: «и [в] Тфери». Но вернее: «и [з] Тфери». Ср. № 16: «а што мои (т. е. тверские) зашелци в Торжьку, а то есмы положили в ысправу».

[294] Место приблизительно для 10 букв. В других грамотах не находится текста, который помог бы восстановить буквальное чтение. Но из сопоставления с № 16 («а што мои зашелци в Торжьку, а то есмы положили в ысправу») можно думать, что чтение дефектного текста в № 14 было примерно такое: «...положено на старых л[ю]дех («межи нас» или «промежи нас» или «межи собою») в прочьнои спра[ве]».

[295] В СГГД: «послом».

[296] Место приблизительно для восьми букв.

[297] Ср. в № 12: «а что головы поимано...»

и [п]о с[ело]м, то попущали без окупа. А что взял Михаило князь 5000 ру[блий] на смер[д]ех на пруте...[298] ских, земля к Новугороду. А гости всякомоу гостити без рубежа. А во[рота] ти отворити, а хлеб пустити в Новъгород. А силою ти гостя в Тферь не перепмати. А чересь ти рубежь в Новъгородьскую волость дворян и приставов не въсылати. А обидному на рубежи суд. А послом новгородьскым и новгородьцем ездити сквозе Михаилову волость без пакости. А холопы и должьшикы выдавати по исправе. А что грамота на Городце писана, и что в Торжьку писана при Таптемери и владычня серебряная,[299] а те грамоте Михаило князь порезал. А на семь на всемь князь Мпхаило целовал хрест к нам по любви в правду, без всякого извета.

Датировка грамоты № 14 не вызывает больших сомнений. Она относится к 1317 г., — к тому моменту, когда после поражения, нанесенного Юрию московскому Михаилом тверским, соперники встретились на Волге и решили ехать в Орду на ханский суд.[300] Но политический смысл изучаемой докончальной грамоты недостаточно раскрыт исследователями,[301] а она имеет, мне кажется, значение для понимания не только новгородско-тверских, но и московско-тверских взаимоотношений, наконец, отношений Москвы и Твери к Орде. Уяснить основные тенденции соглашения 1317 г. можно только путем сопоставления его текста с текстом № 12, причем оба документа (взятые не порознь, а вместе) должны быть поставлены в связь с политической борьбой, которая разыгрывалась в то время между Москвой и Тверью и скрытые нити которой вели в Орду.

Прежде всего, бросается в глаза, что Юрий назван в докончании № 14 великим князем, Михаил — просто князем. Правда, А. Н. Насонов утверждает совершенно обратное — что грамота № 14 применяет в отношении обоих князей титул «великий». Это утверждение Насонова ставится им в связь с выводом о том, что в результате переговоров с Кавгадыем Михаил снова занял великокняжескую территорию, ранее добровольно уступленную им Юрию. «Содержание этих переговоров (между Михаилом Ярославичем и Кавгадыем),— пишет А. Н. Насонов,— нам неизвестно; однако можно установить, что великокняжеская территория (по крайней мере — г. Владимир) была вновь занята князем Михаилом. Заверениям Кавгадыя Михаил, повидимому, поверил: когда прибыл Юрий с новгородцами, Михаил вышел к нему навстречу, заключил договор, текст которого называет обоих князей «великими князьями», условился с Юрием, что оба они поедут в Орду, и послал вперед сына своего Константина. Это как будто показывает, что Михаил действительно считал себя перед Ордою правым».[302] Но Насонов пользуется текстом № 14 по изда-

---

[298] Место приблизительно для 4 букв.

[299] В СГГД: «...при Таитемери и владыце серебреная...»

[300] К этому времени приурочивают изучаемый договор С. М. Соловьев (Указ. соч., кн. I, стб. 908), В. С. Борзаковский (История Тверского княжества, стр. 107; примечания, стр. 57, № 472), А. А. Шахматов (Указ. соч., стр. 234), А. Е. Пресняков (Указ. соч., стр. 129—130, прим. 6). В «Собрании государственных грамот и договоров» дан 1318 г. Эту дату принимает и И. И. Срезневский (Указ. соч., стр. 175).

[301] С. М. Соловьев говорит в очень общей форме: «Понятно, что Новгород должен был вступиться за Юрия, не ожидая себе добра от усиления Михаилова. Тверской князь вышел к неприятелю навстречу, но битвы не было: заключили договор, по которому оба соперника обязались итти в Орду и там решить свои споры. Михаил обязался также освободить жену Юриеву и брата; новгородцы заключили с ним особый договор, как с посторонним владельцем» (История России, кн. I, стр. 907). Так же неопределенны и высказывания А. Е. Преснякова: «Цель договора — обеспечить Великий Новгород от враждебных действий тверского князя и покончить несколько спорных вопросов между ними» (Образование Великорусского государства, стр. 129—130, прим. 6).

[302] А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 85.

нию «Собрания государственных грамот и договоров»; с предложенной же в последнем конъектурой: «... с братомь свои[мь великымь] князем с Михаилом», как было уже указано выше, согласиться нельзя. Подсчет букв, так же как и наблюдения над всем последующим текстом № 14, где ни разу не встречается применительно к Михаилу Ярославичу титул «великий князь», заставляет остановиться на чтении: «с братомь свои[мь с] княземь с Михаиломь».

Теперь, если вдуматься в последовательность событий, приведших зимой 1317 г. к соглашению на Волге между московским и тверским князьями, то получается картина, на первый взгляд, несколько странная. Михаил одерживает победу над Юрием и заставляет его бежать в Новгород; Кавгадый, вынужденный признать превосходство Твери над Москвой, наносит со своей «дружиной» визит тверскому князю. А затем вдруг Михаил заключает с Юрием Даниловичем договор, терминология которого говорит, напротив, о том, что на лестнице феодально-иерархических отношений московский князь занимает более высокое место, чем тверской. В чем дело? Очевидно, в дипломатическом визите Кавгадыя в Тверь! Летопись говорит, что Кавгадый прибегал к обману и интригам («лестию ротяшеся»), что он явился виновником последующей гибели Михаила в Орде («начальник всего зла, беззаконный и проклятый Кавгадый»).[303] Можно думать, что во время переговоров с тверским князем Кавгадый убедил его отказаться от великого княжения до формального разбора дела в Орде, гарантировав ему, что решение хана будет вынесено в его пользу. К этому моменту, в таком случае, быть может, и следует отнести летописное известие несколько более раннего времени: «съступися великого княженна князь великий Михаил — Юрию князю».[304]

Останавливает на себе внимание еще одно показательное сообщение летописи. Юрий явился на Волгу, где им было заключено соглашение с Михаилом, в сопровождении новгородских послов: «И позва новгородцев с собою, и идоша с ним вся Новъгород и Пльсков, поимше владыку Давыда с собою; и пришедше на Волгу, и докончаша с Михаилом князем мир: како итти в Орду обема...»[305] Как понимать это место летописи? Идет ли речь о новгородском и псковском войске, собранном Юрием для дальнейшей борьбы со своим противником, или об официальном новгородском и псковском представительстве, отправленном со специальным поручением присутствовать при переговорах между тверским и московским князьями, в которых особое место должно было быть отведено и Новгороду? Если принять во внимание, что вместе с Юрием выехал из Новгорода и архиепископ Давыд, то тогда придется остановиться на втором из двух выдвинутых предположений. Очевидно, договоренность между Кавгадыем и Михаилом Ярославичем предусматривала личную встречу Михаила со своим соперником, князем московским. Юрий (возможно, поставленный Кавгадыем в известность о результатах его посещения Твери) решил устроить эту встречу в присутствии новгородских представителей, так как вопрос о великом княжении был тесно связан с вопросом о Новгороде. Действительно, из текста грамоты № 14 мы видим, что Юрий, в качестве великого князя, выступает посредником между Михаилом и новгородцами. Договор очень своеобразен по своему формуляру. Это единственный образчик докончания, заключенного не *непосредственно Новгородом* с тем или иным из князей. Интересно сопоставить начальный

---

[303] ПСРЛ, т. XV, стр. 410.
[304] Там же, стр. 409.
[305] ПСРЛ, т. III, стр. 72. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 318.

и конечный протоколы докончальной грамоты № 14. Вначале узнаем, что докончание оформлено от имени великого князя Юрия «с братомь свои[мь с] княземь с Михаиломь, и с посадникомь, и с ты[сяцкымь и] с всемь Но[вымь городомь]», т. е. Юрий Данилович от лица всех новгородцев, защищая их интересы, берет с Михаила ряд обязательств *в отношении Великого Новгорода*. В конце грамоты формула о крестоцеловании гласит: «А на семь на всемь князь Михаило целовал хрест к намь по любви, в правду, безь всякого извета» — «к нам», т. е. к великому князю, как представителю новгородских интересов, и к *Новгороду*, в лице его властей (посадника и тысяцкого).

Какова была роль присутствовавшего вместе с Юрием архиепископа Давыда? Мы можем, во-первых, догадываться, что его печатью (в настоящее время утраченной) был скреплен договор № 14. Но, кроме того, некоторые указания на роль «владыки» Давыда можно почерпнуть также из самого текста № 14. Мы узнаем из него, что князь Михаил «порезал» три предшествующие докончальные грамоты, заключенные им с Новгородом: 1) грамота «что... на Городце писана»; 2) «что в Торжьку писана при Таитемери»; 3) «владычна серебряная».[306] Первые два упомянутых документа — это городецкое докончание 1314 г. и новоторжское 1315 г. (оформленное при ханском после Таитемере), уничтожить которые (после уплаты новгородцами контрибуции в тверскую казну) было решено еще *по договору Михаила с Новгородом № 12*. Теперь Михаил Ярославич формально заверил новгородцев, что это обязательство им выполнено. Грамота «владычня серебряная» — это, по всей вероятности, *то самое докончание № 12*, за печатью владыки Давыда, в котором шла речь об уничтожении текстов городецкого и новоторжского договоров. Поскольку докончальная грамота № 12 была заверена печатью владыки Давыда, постольку в его присутствии должен был быть удостоверен и факт ее уничтожения. Тексты городецкого и новоторжского соглашения были действительно «изрезаны» тверским князем, и мы поэтому лишены возможности с ними познакомиться. Но, уверяя письменно своего соперника Юрия Даниловича и новгородцев, что он «порезал» и докончальную грамоту № 12 («владычню серебряную»), Михаил Ярославич допускал дипломатическую ложь. Она продолжала лежать в тверской княжеской казне и сохранилась до нашего времени. Очевидно, и Новгород, и тверской князь придавали этому документу большое политическое значение. Почему одна (московско-новгородская) сторона настаивала на его уничтожении, а другая (тверская), напротив, стремилась его сохранить? Только ли из-за расхождений по вопросу о контрибуции? Думаю, что не только и не столько поэтому, а главным образом потому, что грамота № 12, а через нее «Фектистова грамота» № 6—7, утверждала права на Новгородское княжение Михаила Ярославича как великого князя. Об этих политических тенденциях докончания № 12 речь шла выше. Сейчас интересно отметить другую сторону вопроса: грамота № 14 умалчивает (очевидно, намеренно) как раз о том, на чем фиксирует свое внимание договор № 12 — на общих нормах договорных взаимоотношений Новгорода с великими князьями. В № 14 мы не находим ссылки на «Фектистову грамоту», которую № 12 кладет в основу взаимоотношений Новгорода и князя. Нет в № 14 и характерного двустороннего обязательства со стороны князя «дьржати Новъгород без обиды в пошлине»; со стороны Новгорода —«княженье мое [великое] чьстно дьржати без оби-

[306] В СГГД неправильное чтение, отмеченное мною далее курсивом: «А что грамота на Городце писана, и что в Торжьку писана при Таитемери и *владыце серебряная...*» При таком чтении («владыце» вместо «владычня») получается, что речь идет не о трех, а только о двух грамотах: городецкой и новоторжской (заключенной при Таитемере и новгородском «владыке»).

ды». «Целует крест» на выполнении обязательств докончания № 14 один Михаил (и не как *великий князь*, а только как князь тверской). Новгород же не приносит ответной присяги.

Все статьи грамоты № 14 посвящены *новгородско-тверским отношениям* и не касаются общих вопросов о правах в Новгороде великокняжеской власти. Речь идет в № 14, как мы видели, о возврате Новгороду земель, захваченных тверским князем и его боярами; о положении «закладней», коммендировавшихся Михаилу Ярославичу и его феодальному окружению; об установлении твердой границы («рубежа») между новгородскими и тверскими владениями; об организации суда по порубежным спорам; о возвращении полонянников, мехов, серебра, взятых тверичами во время войны между Новгородом и Тверью; об обеспечении безопасности новгородским купцам, производящим торговые операции в тверских пределах, и т. д.

В грамоте № 14 имеется интересный пункт, согласно которому новгородские послы и купцы могут беспрепятственно «ездити сквозе Михаилову волость бес пакости». Можно думать, что эта статья в значительной мере имеет в виду задержание Михаилом Ярославичем в 1316 г. новгородских послов, отправившихся «сами о себе» в Орду. Если это так, то в таком случае грамота № 14 молчаливо признает за Новгородом право самостоятельных сношений с Ордой, против чего, как мы видели, категорически возражала докончальная грамота № 12. Тем самым участие в подготовке текста договора № 14 Кавгадыя, проведшего предварительные переговоры с Михаилом Ярославичем, делается еще более обоснованным. Кавгадый пришел к договоренности с Михаилом тверским о том, что последний временно отказывается от великого княжения. Вытекающие отсюда последствия нашли отражение в договоре Михаила с великим князем Юрием Даниловичем и Новгородом. Но в договоре с тем же Кавгадыем Михаил получил негласное от него обещание, что Орда, после формального разбора дела, признает за ним великокняжеские права. Поэтому тверской князь, заверив новгородцев, что он уничтожил текст докончальной грамоты № 12, в действительности воздержался от такого акта, так как это докончание являлось политически важным документом по вопросу о взаимоотношениях между Новгородом и *великими князьями*. Надеясь вернуть себе великое княжение, Михаил Ярославич мог рассчитывать, что ему при дальнейших переговорах с Новгородом придется воспользоваться и грамотой № 12.

Последняя из известных нам новгородско-тверских докончальных грамот времени Михаила Ярославича напечатана в «Собрании государственных грамот и договоров»,[307] причем в этом издании указанный документ неправильно приписан великому князю Михаилу Александровичу и датирован 1375 г. Аналогичная ошибка еще ранее была допущена в «Древней Российской Вивлиофике», где та же грамота была опубликована в качестве «договора великого князя Михаила Александровича тферского с новгородцами, 1361 года.[308] Никто из последующих исследователей (за исключением И. И. Срезневского, а вслед за ним Г. Е. Кочина) не внес поправки в ошибочные утверждения, сделанные издателями «Древней Российской Вивлиофики» и «Собрания государственных грамот и договоров». Разногласия вызывала только датировка документа, вопрос же о том, действительно ли он написан от имени Михаила Александровича, не ставился, поскольку почти все исследователи считали в этом отношении бесспорными указания, данные в двух названных выше изданиях. В. С. Борзаковский принимал дату «Собрания государственных грамот и

[307] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 14; СГГД, т. I, № 16.
[308] «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 33, № 14.

договоров[309] А. А. Шахматов относил грамоту № 16 ко времени между 1368 и 1371 годами.[310] А. Е. Пресняков настаивал на датировке после 1372 г.[311] И. И. Срезневский в своем списке «древних памятников русского письма и языка» X—XIV вв. поместил грамоту № 16 под 1318 г., определив ее как «договорную грамоту в. к. Михаила Ярославича тверского с Новгородом», и указав, что «она написана вследствие нового примирения Новгорода с Михаилом, и поэтому упомянуты обстоятельства из времени княжения Михаилова в Новгороде».[312] Срезневский не привел никаких доводов в пользу того, что грамоту № 16 действительно надо связывать с именем Михаила Ярославича, а не Михаила Александровича. Поэтому его ничем не обоснованное утверждение, шедшее вразрез с общепринятым представлением, расценивалось последующими исследователями, как простой «недосмотр» (А. А. Шахматов). Между тем, Срезневский был глубоко прав. Это доказал позднее Г. Е. Кочин.

Грамота № 16, как это правильно отметил А. Е. Пресняков, представляет большие трудности для датировки. Она лишена печати; в тексте не названы имена посадника и тысяцкого, с которыми великий князь Михаил заключил докончание; самое содержание документа также не дает почти никаких конкретных указаний на обстоятельства его появления. Но есть в грамоте № 16 одно место, которое почему-то упускали из поля зрения предшествующие исследователи, но которое совершенно исключает возможность относить изучаемый памятник ко времени Михаила Александровича. Речь идет о возврате Великому Новгороду сел, купленных на Новгородской земле княжескими боярами и слугами. Великий князь Михаил различает покупки, сделанные с одной стороны, в его княжение, с другой — при его предшественниках. Первые переходят к Новгороду безвозмездно, последние — за выкуп. Перечисляя в этой связи предшествующих князей, договор называет Александра Ярославича Невского, Ярослава Ярославича тверского, Василия Ярославича костромского, Дмитрия Александровича переяславского и Андрея Александровича городецкого. Совершенно очевидно, что список великих (и новгородских) князей доведен до Михаила Ярославича. А следовательно, «мое княженье» — это княжение Михаила Ярославича. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить указанное место докончальной грамоты № 16 с более поздним договором Новгорода с великим князем Александром Михайловичем (по изданию «Собрания государственных грамот и договоров» № 15). В последнем документе, в статьях, также посвященных вопросу о судьбе тех земель тверских бояр и слуг, которые были приобретены в новгородских пределах, аналогичный список князей дополнен новыми именами: Михаила Ярославича тверского, Юрия Даниловича московского и Дмитрия Михайловича тверского.

Договор № 16 очень короток. Основное его содержание сводится к вопросу об условиях перехода к Новгороду тех сел, которые оказались во владении бояр и слуг тверского князя Михаила Ярославича. Кратко определяется граница между Новгородской землей и Тверским княжением «по старому рубежю». Имеются условия об «исправе» в отношении княжеских «зашелцев» в Торжке, суда по поводу «грабленого» у княжеских «людей» и отпуска «без окупа» тех «людей» великого князя, которые были «поиманы» новгородцами. В конце грамоты говорится о праве «гостя нашему

---

[309] В. С. Борзаковский. Указ. соч., стр. 161; примечания, стр. 95, № 729.
[310] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 235.
[311] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 303, прим. 1.
[312] И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 175. Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 206—208.

(княжескому) ходити без рубежа» и о выдаче «по исправе» холопов, должников, поручников.

Исследователь, естественно, должен попытаться найти в летописях какие-либо указания на обстоятельства, при которых был оформлен текст изучаемого новгородско-тверского докончания. Сведения о договоре между Новгородом и Михаилом Ярославичем имеются в летописи, как мы видели выше, под 1312 г. Но совершенно невозможно допустить, что грамота № 16 сохранила нам как раз текст этого соглашения 1312 г. Во-первых, докончание 1312 г. было заключено в Твери новгородским «владыкою» Давыдом, в грамоте же № 16 о «владыке» не упоминается, и с новгородской стороны выступают только посадник и тысяцкий. Во-вторых, договор 1312 г. предусматривает уплату Новгородом Твери полуторатысячной контрибуции, о чем в грамоте № 16 не говорится ни слова. Нельзя видеть в тексте № 16 и городецкое докончание 1314 г. («что докончали на Городке на Волзе»). Содержание грамоты № 16 отнюдь не подтверждает летописного рассказа о том, что городецкое соглашение было заключено «на всеи воли новгородцкой». С другой стороны, требование, выдвинутое в 1316—1317 гг. новгородско-тверским докончанием № 12 об уничтожении, по выплате новгородцами двенадцатитысячной контрибуции князю, городецкой грамоты, дает основание думать, что в последней говорится о каких-то денежных обязательствах Новгорода в отношении Твери. Этого также нет в № 16.

Но некоторые детали текста № 16 дают возможность приурочить документ к 1317 г. Так, мы читаем: «А што граблено оу мсих людии, и тому всему суд; а што поимани люди мои, пустити вы без окупа». Появление этой статьи было весьма уместным для времени после победы Михаила Ярославича над Юрием Даниловичем и бегства Юрия в Новгород. Тогда могли быть «граблены» и «поимани» «люди» тверского князя.

Для датировки грамоты № 16 большое значение имеет сходство ее по содержанию с текстом договора великого князя Юрия Даниловича с Михаилом Ярославичем и Новгородом № 14. В обоих документах речь идет о *новгородско-тверских* (в узком смысле этого слова) отношениях, и в них отсутствуют ссылки на *общие нормы* взаимоотношений Новгорода с *великими князьями*. Совпадают (часто даже текстуально) в обеих грамотах и отдельные статьи (о боярском землевладении в Твери; о восстановлении «старой» новгородско-тверской границы; об «исправе» в отношении новоторжского населения, связанного какими-то отношениями зависимости с Михаилом Ярославичем; о выдаче «грабленого» и отпуска «полоняников»; о свободе проезда для гостей; о выдаче холопов и должников). Близость ряда статей грамоты № 16 к договорным условиям № 14 помогла нам выше восстановить в некоторых частях дефектный текст последнего документа.

Но в то же время грамота № 16 имеет и существенные отличия (принципиально политического характера) от № 14. Во-первых, в № 16 Михаил назван великим князем. Во-вторых, № 16 ни слова не говорит, как это делает № 14, об уничтожении предшествующих докончальных грамот: «владычней серебряной» (или «Фектистовой») 1304—1307 гг., городецкой 1314 г. и новоторжской 1315 г.

Суммируя все эти наблюдения, я прихожу к убеждению, что грамота № 16 представляет собой первоначальный проект соглашения Михаила Ярославича с Новгородом, предложенный первым в 1317 г. после победы над Юрием. Затем этот проект был переработан в текст № 14. Если принять выдвинутую мной гипотезу, то на ее основе можно сделать и некоторые дальнейшие интересные выводы. Первоначально Михаил предполагал иметь дело с самим Великим Новгородом, не прибегая к посредничеству своего соперника московского князя Юрия. Отправляясь на суд в Орду,

тверской князь не затрагивал темы о великокняжеских правах в Новгороде и старался урегулировать исключительно лишь порубежные спорные дела. Но великокняжеский титул в сношениях с Новгородом Михаил сохранял и, оформляя с ним соглашение, выступал с принципиальных великокняжеских позиций, хотя дипломатично избегал уточнения этих позиций в виде письменного договорного текста. Проект договора, предложенный Михаилом Ярославичем, ставил и разрешал только ограниченный круг вопросов, возникших в связи с новгородско-тверскими пограничными недоразумениями и столкновениями. Та же тактика умолчания была принята и по вопросу о том, как поступить с предшествующими докончальными грамотами Новгорода с Тверью: признать ли их сохраняющими силу или же считать утратившими свое действие? Подобный уклончивый проект не удовлетворил новгородских представителей, явившихся вместе с князем Юрием Даниловичем для переговоров с Михаилом Ярославичем, не удовлетворил и самого Юрия, чувствовавшего за собой поддержку Орды. Проект этот был отвергнут и заменен договорным текстом, дошедшим до нас в виде грамоты № 14. Последний документ заимствовал из № 16 ряд статей, касающихся новгородско-тверских (в узком смысле этого слова) отношений, и в то же время выдвинул или уточнил ряд положений, имеющих общеполитическое значение. Михаил Ярославич отказался от великокняжеского титула (который в грамоте № 14 применяется лишь к князю Юрию Даниловичу) и дал письменное заверение о том, что им уничтожен ряд предшествующих договорных грамот, определявших его великокняжеские права в Новгороде.

Договор № 14 составлен уже не от имени Михаила (как № 16), а от лица великого московского князя Юрия. Самая форма иная: не Михаил диктует условия Новгороду и дает некоторые обещания от себя, а Юрий, защищая новгородские интересы, возлагает определенные обязательства на Михаила и выдвигает ответные за новгородцев. Например, в № 16; «А гости *нашему* ходити без рубежа». В № 14: «А гости *всякомоу* гостити без рубежа». В № 16: «А што поимани люди *мои*, пустити вы без окупа». В № 14: «А головы [што по]имани в полку и [п]о с[ело]м, то попущати без окупа» и т. д.

Мой взгляд на грамоту № 16 как на проект новгородско-тверского договора, предложенный в 1317г., [313] подтверждается и наблюдениями над внешним видом документа: отсутствием при грамоте печати и пропуском в тексте имен посадника и тысяцкого.

§ 6. Договорная грамота Новгорода с великим князем Александром Михайловичем 1327 г.

Следующая хронологически докончальная новгородско-тверская грамота, из числа дошедших до нас в составе тверского княжеского архива, связана с именем великого князя Александра Михайловича [314](№ 15 по изданию «Собрания государственных грамот и договоров»). Несмотря на то, что в тексте указанного документа имеются достаточно точные данные для его датировки, в различных изданиях актового материала и монографиях он фигурирует под разными датами. «Древняя Российская Вивлиофика» помещает эту грамоту под 1326 г.;[315] «Собрание государственных грамот и договоров»— под 1327 г.[316] А. В. Экземплярский и А. Е. Пресняков

[313] Большая исследовательская интуиция И. И. Срезневского подсказала ему правильный вывод об одновременности договорных грамот № 16 и № 14, только относить их следует не к 1318 г., а в 1317 г.

[314] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 13.

[315] «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 27, № 12.

[316] СГГД, т. I, стр. 19, № 15.

останавливаются на 1325 г.[317] И. И. Срезневский относит документ к 1325—1326 гг., [318] А. А. Шахматов — к 1325—1327 гг.[319] «Благословение» владыки Моисея, с которого начинается грамота № 15, указывает на время не ранее 1325 г., когда Моисей занял новгородскую архиепископию.[320] Более точные данные по вопросу о дате докончания получаем из имеющегося в нем перечня предшественников Александра Михайловича по Новгородскому княжению. Среди них названы следующие князья: Ярослав Ярославич тверской, Василий Ярославич костромской, Дмитрий Александрович переяславский, Андрей Александрович городецкий, Михаил Ярославич тверской, Юрий Данилович московский и Дмитрий Михайлович тверской. Следовательно, договор оформлен уже после гибели сына Михаила Ярославича и брата Александра Михайловича—Дмитрия Михайловича Грозные Очи. Он, как известно, во время пребывания в Орде убил великого князя Юрия Даниловича и был за это казнен по приказанию хана Узбека. Убийство Юрия, согласно летописным данным, произошло 21 ноября 1325 г., убийство Дмитрия — 15 сентября 1326 г.[321] По смерти Дмитрия Грозные Очи ярлык на великое княжение получил его брат Александр Михайлович. утвердившийся тогда же в Новгороде.

Текст докончальной грамоты № 15 не дает права относить ее непосредственно к тому времени, когда Александр занял новгородский княжеский стол. В договоре имеется следующая статья:«А што ся деяло до твоего(Александра) княжение и в *твое княжение* (курсив мой.—*Л. Ч.*), того ти не помнати, што продано княжих волостии до велика дни; а што боудеть не продано по велице дни, то по целованью поведати». Цитируемое место совершенно определенно свидетельствует о том, что соглашение Александра с Новгородом состоялось уже по истечении некоторого срока после получения им ханского ярлыка на великое княжение и утверждения в Новгороде. За этот срок был продан ряд княжеских «волостей» на новгородской территории. [322] Договор делает разные выводы в отношении княжеских

---

[317] А. В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 472. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 135, прим. 1. См. также В. С. Борзаковский. Указ. соч., стр. 120; примечания, стр. 6—7, № 545.

[318] И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 181.

[319] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 234—235.

[320] ПСРЛ, стр. 73. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 321—322. Из светских новгородских властей в договоре названы посадник Даниил и тысяцкий Аврам. Оба они упомянуты также в жалованной грамоте Ивана Калиты печерским сокольникам не ранее 1328 г. (ААЭ, т. I, стр. 1, № 3). Имя тысяцкого Аврама встречается в летописях, начиная с 1327—1328 гг. (ПСРЛ, т. III, стр. 74; т. IV, стр. 185). О посаднике Данияле из летописей ничего неизвестно.

[321] ПСРЛ, т. VII, стр. 199—200; т. XV, стр. 414—415; т. X, стр. 189—190. Датировка обоих событий в летописных текстах дана по мартовскому календарному стилю. Большинство исследователей производит перевод указанных двух дат на нашу эру по сентябрьскому стилю, допуская ошибку на год и относя смерть Юрия к 1324г., а смерть Дмитрия — к 1325 г.

[322] А. Е. Пресняков и другие исследователи не обращали должного внимания на приведенный текст и считали, что Александр Михайлович, ставши великим князем, сразу заключил с Новгородом договор, который дошел до нас в виде грамоты № 15. Относя (на основе неправильного перевода дат по сентябрьскому стилю) смерть Дмитрия Грозные Очи и последующий переход великого княжения к его брату Александру к сентябрю 1325 г., Пресняков и др. в силу этого и грамоту № 15 датировали концом 1325 г. Однако еще в июне 1326 г. Александр не был новгородским князем. До нас дошла договорная грамота между Новгородом и Норвегией, относящаяся к июню 1326 г. и заключенная от имени архиепископа Моисея, посадника Варфоломея и тысяцкого Абрама, без всякого участия князя (П. Бутков. Три древние договора русских с норвежцами и шведами. Журнал Мин. вн. дел, ч. XXIII, СПб., 1837, стр. 337 и 340). Antiquités russes d'après les monuments historiques, des Islandais et des anciens Scandinaves, editées par la société royale des antiquaires du nord, t. II. Copenhague, 1852, p. 492. Б. Тельпуховский. Древнейшие договоры русских князей с норвежскими и шведскими королями. (Военно-исторический журнал, № 3/8,

владений, отчужденных до и после пасхи («велика дня»). Отсюда с очевидностью вытекает, что докончание было оформлено в ближайшее время вслед за пасхой; но какого года? Конечно, не 1326, так как Александр стал великим князем по смерти своего брата, последовавшей в сентябре, и грамота № 15 не могла, говоря о том, «што ся деяло до твоего (Александрова) княжение и *в твое княжение*», иметь в виду начальные месяцы (предшествующие пасхе) 1326 г. Но, с другой стороны, известно, что 15 августа 1327 г. (в успеньев день) в Твери произошло восстание против присланного туда ханом Узбеком родственника его Шевкала, который был убит. Александр Михайлович, если не принимавший участия в восстании, то относившийся к нему сочувственно, был вынужден зимой 1327 г. бежать из Твери, сначала в Новгород (где его не приняли) а затем во Псков.[323] С тех пор он больше уже не вступал ни в какие отношения к Новгороду. Из сопоставления всех этих данных следует, что единственно возможной датой докончания № 15 следует признать 1327 г. в пределах от пасхи (которая была 12 апреля[324] и до августовского восстания тверичей. Александр не мог заключить договор с Новгородом после убийства Шевкала, так как летопись говорит, что новгородцы сразу отказались приютить великого князя, спасавшегося от ханского гнева: «Того же лета на успенье святыя богородица, князь Александр Михайлович изби татар много, во Тфери и по иным городом, и торговци гость Хопыльскыи изсече; пришел бо бяше посол из Орды, именем Шевкал, с множеством татар, и присла князь Олександр послы к новгородцем, хотя бечи в Новгород, и не прияша его».[325]

Некоторые новые выводы можно сделать в результате текстуального анализа грамоты № 15. Сравнение ее с более ранними новгородско-тверскими докончаниями показывает, что в основе изучаемого памятника лежат грамоты № 3 и № 9, т. е. договор Новгорода с Ярославом Ярославичем 1269—1270 гг. и близкий к нему по тексту тверской проект договора с Михаилом Ярославичем 1304 г. Содержание и последовательность статей в № 3, 9 и 15 *в основном* оказываются одинаковыми, но в целом ряде случаев в тексте № 15 мы находим отступления от № 9 с приближением в сторону № 3. *В весьма существенных деталях* между грамотами № 15 и № 3 близость больше, чем между № 15 и № 9. Все сказанное будет в дальнейшем подтверждено конкретными сопоставлениями текстов. Но сделанные выше даже в общей форме наблюдения позволяют высказать несколько не лишенных интереса соображений о характере грамоты № 15 как политического документа.

Прежде всего, естественно было бы ожидать, что источником для № 15 послужит ближайшая по времени новгородско-тверская докончальная грамота (из числа тех, в которых устанавливаются общие формы, взаимоотношений Новгорода с князьями), именно договор № 6—7, относящийся ко времени между 1304 и 1307 гг. («Фектистова грамота»). И, конечно, не случайно, что докончание № 15, минуя текст № 6—7, в качестве основного источника обращается к очень раннему, имеющему за собой солидную давность — соглашению Новгорода с Ярославом Ярославичем (второй половины XIII в.) и к пересмотренному в свое время проекту договора, заключенного с новгородцами от имени Михаила Ярославича его наместниками в начале XIV в. Для понимания этого необходимо восстановить в на-

М., 1940, стр. 133). И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией («Исторические записки», т. 14, М. — Л., 1945, стр. 45).

[323] ПСРЛ, т. I, стр. 229—230; т. III, стр. 74; т. IV, стр. 50—51; т. V, стр. 12 и 217—218; т. VII, стр. 200—201; т. X, стр. 194—195; т. XV, стр. 415—416; т. XVIII, стр. 90; т. XX, ч. 1, стр. 178; т. XXIII, стр. 102; т. XXIV, стр. 115—116.

[324] Л. В. Черепнин. Русская хронология, стр. 61, табл. XV.

[325] ПСРЛ, т. III, стр. 74. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 321—322.

мяти картину борьбы между Новгородом и Тверью при Михаиле Ярославиче. Борьба закончилась новгородско-тверским соглашением 1317 г., заключенным при посредничестве великого князя Юрия Даниловича. Докончание 1317 г. отказалось от договора № 6—7 («Фектистовой грамоты») как основы новгородско-тверских политических взаимотношений. Михаил Ярославич торжественно заверил Великий Новгород, что он «порезал» текст «Фектистовой грамоты». В силу этого для его преемников было бы политически недальновидным, при утверждении в Новгороде, снова восстанавливать в силе действие того документа, который считался уничтоженным. Естественно, что во время переговоров между новгородскими властями и Александром Михайловичем было решено при выработке текста докончальной грамоты № 15 исходить из тверского договорного проекта 1304 г. (№ 9), который, как мы видели выше, ставил своей задачей, не заостряя политически спорных моментов, воспроизвести *в основном* формуляр новгородских договоров с великим князьями. Но в то же время текст № 9, весьма удобный *как основа*, не мог удовлетворить обе стороны в ряде деталей именно в силу отсутствия в нем конкретного материала. Грамота № 9 была оформлена в совершенно иной политической обстановке, в то время, когда наместники Михаила тверского как раз и ставили своей задачей воздержаться от конкретизации новгородско-тверских отношений вплоть до возвращения из Орды с ханским ярлыком своего князя. Поэтому грамота № 9, при переделке ее в № 15, подверглась соответствующей корректуре по тексту № 3. В свое время докончание № 3 послужило источником для № 9, причем при написании этого документа из текста № 3, как мы видели, были удалены многие статьи с конкретным историческим содержанием. Сейчас при подготовке текста № 15 некоторые из этих отвергнутых в свое время статей были снова восстановлены в формулировках применительно к условиям текущего момента.

Требование вернуться к нормам Ярославовой грамоты № 3, отказавшись от договорного формуляра, утвержденного Михаилом Ярославичем (№ 6—7), было, повидимому, выдвинуто новгородской стороной. В тексте № 15 нарочито подчеркнуто, что той «пошлиной», на основе которой должны строиться новгородско-тверские отношения, являются нормы, зафиксированные в докончальной грамоте Ярослава Ярославича: «На семь, княже, целуи крест к всемоу Новоугородоу, на чемь целовал дед твой Ярослав, Новъгород держати ти в старой пошлине». Здесь дается отчетливая и ясная ссылка на *письменный документ* (№ 3), в то время как в № 3 и № 9 говорится в менее точной формулировке о *неписанных пошлинных нормах, сложившихся еще во времена «дедов»* и воспринятых Ярославом: «на цемь то целовали деди и отець твои Ярослав».

К № 3 как своему источнику восходит пункт грамоты № 15, предлагающий князю Александру «нелюбья..не держати к Новоугородоу до посадника, и до тысяцкого и до всего Новагорода, от мала и до велика, не мщатися ни соудомь, ничимь же». Выше было указано, что при составлении текста № 15 этот пункт по политическим соображениям был опущен. Теперь же воспоминания о «замятне» и «розратье» времен Михаила Ярославича настоятельно требовали включения в договорный текст этой статьи, которая должна была гарантировать новгородцев от попыток со стороны князя свести счеты с политическими противниками своего отца или их семьями.

Анализ грамоты № 15 показывает, что и в других случаях обращение с ее стороны к тексту № 3 диктуется политическими соображениями. В № 3, как мы видели выше, много внимания было уделено незаконным действиям Ярослава Ярославича, нарушавшим «пошлину» в отношении новгородцев. Одновременно вспоминались и поступки, совершенные в Новгороде его братом Александром Невским. Договор № 9 выпустил все эти пункты как

утратившие уже для его времени свой злободневный интерес. Грамота же № 15, наоборот, использовала эти *исторические данные* в качестве материала для политических выводов *по текущему моменту*. Так, на основе обобщения почерпнутых из № 3 ряда конкретных указаний на действия Ярослава и Александра Ярославичей появилась в № 15 следующая статья: «А што боудеть дед твои сильно деял или иныи князь на Новегороде, того ти не деяти». Глухая и политически осторожная формулировка «иный князь» давала поле для различных толкований и позволяла остановиться на наиболее удобном понимании данного пункта. Это мог быть действительно *всякий князь*, действующий в противоречии с новгородской «пошлиной». Но, с другой стороны, выражение «иный князь» могло заключать в себе и более определенное указание на отца Александра — великого князя Михаила Ярославича, имя которого из соображений политического такта не было названо прямо.

Грамота № 15 зависит от № 3 и в ряде деталей чисто редакционного порядка. Статьи о княжеских поездках в Ладогу и Русу даны в № 15 по тексту № 3. Это видно из того, что в № 9 эти статьи помещены в неразрывном сочетании с пунктом, говорящим о праве князя бить свиней за 60 верст от города. В № 3 последний пункт отсутствовал, поэтому и № 15 опускает его в такой связи, но затем, сопоставляя между собой тексты № 3 и № 9, очевидно, обращает на указанную статью внимание и приводит ее значительно ниже. Самая редакция статьи в № 15, отличающаяся от № 9, показывает, что по данному вопросу шли дополнительные переговоры между Новгородом и Тверью, имевшие целью примирить интересы обеих сторон. В № 9 было: «А свинье бити за 60 верст от города». В № 15 дано более развернутое определение: «А свиньи ти, княже, гонити за шестьдесят верст около города, а в тои шьстидесят новгородьцю гонити князя, докладая князя, а дале куды комоу годно».

В соответствии с редакцией № 3 сформулировано в № 15 условие о княжеских пожнях: «А пожни, княже, что твои и твоих моужь, то твое, что пошло». В № 9 иначе: «А пожне что твое и твоих моужь пошло, то твое и твоих мужь, а *новгородьское Новоугородоу*» (курсив мой. — *Л. Ч.*). Отвечает редакции № 3 и следующая статья № 15: «А на Низоу, княже, новгородца не соудити, ни дании роздавати». В № 9, вместо «дании роздавати» — «ни волостии роздавати». Из № 3 попала в № 15 статья: «А села святои Софии исправи святои Софии», и т. д.

То обстоятельство, что грамота № 15, положив в основу своего текста докончание № 9, поставила своей задачей подвергнуть его корректуре согласно с текстом № 3, привело к некоторым ляпсусам редакционного характера, которые дают себя чувствовать в № 15. Грамота № 3 вначале предъявляет князю требование не судить суда, не раздавать «волостии» и не давать грамот без посадника. Ниже говорится, что князь не должен также лишать «мужа» без вины «волости». В № 9 все эти условия сведены в один пункт, помещенный среди начальных статей договора. № 15 следует в данном отношении редакции № 9. Но в то же время, вследствие параллельного использования текстов № 3 и № 9, грамота № 15 ту же самую статью — «а без вины ти моужа волости не лишити» — помещает *вторично* ниже, в том месте, которое она занимала в № 3, в тесном сочетании с пунктом: «а грамот ти не посоужати».

Очень большой интерес представляет следующее наблюдение. Выше уже было указано, что при выработке договорного текста № 15 обе стороны в принципе отказались взять за образец «Фектистову грамоту» («владычню серебряную») № 6—7. При редактировании в Твери новгородских предложений этот документ был принят во внимание, но в ряде пунктов его текст был отчасти изменен в соответствии с тверским проектом договора

1317 г. (№ 16), отчасти переделан совсем заново. Это можно, например, отметить в отношении статьи договора № 15 о земельных владениях тверского князя и его бояр на «Новгородьскои земли». Редакция этого пункта в № 15 сильно меняет текст № 6—7, частично приближая его к тексту № 16, а частично отступая и от последнего и давая самостоятельную редакцию. Изменения касаются не только отдельных формулировок «Фектистовой грамоты» и проекта 1317 г., но становится иным и политический смысл этих документов. Сопоставим указанный пункт в редакции грамот № 6—7, 16 и 15:

Грамота № 6—7

А что, княже, сел твоих, и владычних, и княгининых, и бояр твоих, и слоуг твоих на Новгородьскои земли, которое село зашло бес коун, то бес коун поидет к Новоугородоу. А кто коупил, а тыи знаеть своего истьца, или дети его. Истьца ли не боудеть, ни детии его, целовати емоу хресть, како истьца не сведаеть, взяти емоу коуны, колико боудеть дал по исправе, а земля к Новоугородоу.

Грамота № 16

А што сел покупили мои бояре и слугы в мое княженье, тех сел отступился есмь Новугороду бес кун, знати ему своего истьця, оу кого купил, а што в тех селех обилье, а то имати осподарем. А которая села попокуплена при князи при Олександре, при Ярославе, при Василье, при Дмитрие, при Андрее, на тех селех куны имати оу истьця, а земля к Новугородоу. Не будеть истьця, целовати ему, како не ведает истьця, и колько будеть дал на селе, куны взяти оу Новагорода, а земля к Новугороду. А оу кого имуть окупати село, колко оу него будеть сел, вся им окупати села одинова...

Грамота № 15

А кто боудеть коупил села в всеи волости в Новгородьской при деде моемь Ярославе, и при Василье, при Дмитрии, при Андреи, и при отци моемь при Михаиле, и при князи при Юрьи, при Дмитрии, кто боудеть даромь отъял, или сильно, а то поидеть бес коун к Новоугороду. А кто коупил боудеть в Новгородьской волости, знати им своего истьца, или не боудеть истьца, како не ведает истьца своего, целовав емоу крест, коуны емоу взяти оу Новагорода, колько боудеть дал, а земля поидеть к Новоугородоу, или не окоупять, седети емоу, доколе окоупят.

Совершенно очевидна текстуальная близость грамоты № 15 к № 6—7 и еще более к № 16. Но так же отчетливо выступает и разница по содержанию. Во всех документах речь идет, во-первых, о случаях безвозмездного возврата в новгородский земельный фонд княжеских и боярских земельных приобретений. Во-вторых, предусматривается процедура исков со стороны покупателей к бывшим владельцам отчужденной недвижимой собственности. Только № 6—7 имеет в виду расхищение новгородских земель (насильственным образом и путем покупки), которое имело место в текущее княжение (при Михаиле Ярославиче). В договорном проекте № 16 различаются боярские земельные приобретения при Михаиле Ярославиче (они возвращаются Новгороду безвозмездно) и при *прежних князьях* (за них покупатели берут обратно деньги). Грамота № 15 говорит (в соответствии с текстом № 16) о судьбе покупок и земельных захватов *при предшествующих князьях*, которые заботливым образом перечислены. Относительно же приобретений сел на «Новгородьской земли» при князе Александре в грамоте № 15 мы встречаем совершенно новые пункты, которые отсутствовали в предшествующих договорных текстах и которые были внесены по требованию тверского князя. Именно в результате пересмотра в Твери новгородских предложений, было вынесено решение (принятое новгородскими представителями) относительно «Олександровых княжих сел... или его моужь», купленных в пределах Бежецкого Верха. Эти села, по договору № 15, остаются во владении князя и его «мужей»

«по исправе, по хрестьномоу целованью, по завод». Только запрещается «ис тых сел соуда... судити, ни дворяном ездити, ни людии новгородьскых приимати, ни земли». Такого рода разрешение вопроса о княжеском землевладении шло вразрез с общим направлением новгородской земельной политики и представляло собой политическое завоевание Твери.

Выше приводится также еще один новый пункт грамоты № 15, согласно которому не следовало «поминати» о княжеских «волостях», проданных до «велика дня», «а што боудеть не продано по велице дни, то по целованью поведати».

Из грамоты № 6—7 заимствует № 15 условие о том, что новгородцы не должны «таити» княжеских пошлин и оброков.

Наконец, как и в № 6—7, в грамоте № 15 устанавливаются границы между Новгородом и Тверью. Здесь опять заслуживают внимания некоторые детали в формулировке этой статьи, отличной от редакции № 6—7. В грамоте № 6—7: «А роубежь ти, княже, межю Суждальскою землею и Новгородьскою дати ти *старыи* (курсив мой. — *Л. Ч.*), како было при деде твоемь и при отци твоемь Ярославе». В № 15: «А роубежь ти, княже, дати *правыи* без перевода межю отчиною своею и Новгородьскою всею волостью». В первом случае при разрешении вопроса о границах ударение делается на *старине*, подтверждаемой ссылкой на великого князя Ярослава Ярославича. Во втором случае подчеркивается, что рубеж должен быть *правым*; очевидно, предусматривается возможность пересмотра пограничного вопроса, в связи с теми нарушениями «старины», которые были допущены во время «замятни» при Михаиле Ярославиче. Понятие «старины» отнюдь не противоречит понятию «исправы».[326] Но № 15 выдвигает на первый план именно необходимость «исправы», так как голая ссылка на «старину» была недостаточна в силу значительных отступлений от нее в последующее время, требующих соответствующего расследования.

История текста докончальной грамоты Новгорода и великого князя Александра Михайловича (№ 15) показывает, что на его разработку была затрачена большая работа политической мысли. В результате взаимной сверки и корректуры более ранних докончальных грамот, дополненных новыми условиями, появился тот текст, в котором исследователь должен проследить равнодействующую новгородских и тверских интересов. В заключение следует отметить, что при окончательном оформлении документа не обошлось без ляпсусов, вызванных механическим переносом некоторых мест текста № 3 и № 9 в № 15.

В грамоте № 9 содержались следующие пункты: «А соудье слати тобе свое на Петров день, тако пошло. А вывода ти, княже, межю Соуждальскою землею и Новгородьскою не чинити. А что закладников в Търъжкоу или инде, или за тобою, или за княгынею, или за моужи твоими, кто коупьць, поидеть в свое сто, а смерд поидеть в свои погост...» Из-за того, что статьи о «выводе» между Суздальской землей и Новгородом, а также о новоторжских закладниках, в результате механической редакции или механической переписки, выпали из документа № 15, пункт о посылке княжеских судей на Петров день слился в № 15 с концом статьи о новоторжских закладниках. Получился следующий текст: «А судьи ехати на Петров день како пошло: кто коупець, тыи поидеть в сто, а смерд в свои погост».

---

[326] Так, например, в грамоте № 14 эти понятия выступают в неразрывном сочетании. Рубеж является «правым» постольку, поскольку он установлен согласно со «старинной»: «дати князю Михаилу [рубе]ж правый [по старому руб]ежю...» Точно так же в № 17 (договор Новгорода с Михаилом Александровичем): «А воде, земли межю Тферью и Торжьком, Кашином, Бежицам старыи рубежь правыи, по старым грамотам». В № 16 говорится лишь о «старине»: «рубежь ми дати по старому рубежю»

§ 7. Договорные грамоты Новгорода с великим князем Михаилом Александровичем конца XIV в.

Три грамоты из числа дошедших до нас новгородско-тверских документов падают на время князя Михаила Александровича. Они напечатаны в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 8, 13 и 17.[327] Наибольшую трудность для анализа представляет грамота № 8. В «Древней Российской Вивлиофике» [328] и в «Собрании государственных грамот и договоров» она приписана Михаилу Ярославичу. И. И. Срезневский в своем указателе древних памятников русского письма и языка также относит рассматриваемый документ к числу докончальных грамот Новгорода с Михаилом Ярославичем.[329] Надо сказать, что для этого действительно имеются основания в самом тексте № 8. Он в значительной своей части почти дословно повторяет текст докончания № 6—7, заключенного Новгородом с Михаилом Ярославичем в 1304—1307 гг., по получении им в Орде ярлыка на великое княжение. Некоторые отличия наблюдаются в начальном протоколе. № 6—7 начинается словами: «Благословение от владыце, поклон от посадника, и от тысячкого, и от всех старейших, и от всех меншиих, и от всего Новагорода...» В № 8 о «благословении» «владыки» ничего не говорится, и текст договора открывается «поклоном» «от посадника, и от тысячьского, и от всих старейших, и от всих менших, и от всего Новагорода...» Далее грамота № 8 совпадает с № 6—7 почти буквально (за исключением некоторых деталей, которые будут отмечены ниже) вплоть до того места, где речь идет о новоторжских и других «закладниках». Текст последней статьи в № 8 разбит на две части вследствие чисто механической вставки дополнительного материала, отсутствовавшего в № 6—7: это обязательства князя помогать Новгороду против немцев и Литвы, не замышлять «без новгородского слова» войны, не присылать «с Низу» приставов в Новгородскую «волость». Приводимые далее параллельно выдержки из документов № 6—7 и № 8 наглядно убеждают в том, что внесение в последнюю грамоту новых условий (выделенных мною ниже курсивом) вызвало разрыв текста, посвященного вопросу о новоторжских «закладниках» и повторение дважды фразы: «кто купець, поидеть в свое сто».

Грамота № 6—7

А что закладников в Тържькоу, или инде, или за тобою, или за княгынею, или за моужи твоими, кто коупьць, поидеть в свое сто, а смерд поидеть в свои погост, тако пошло в Новегороде, отпоусти их прочь.

Грамота № 8

А што закладие твои в Торжьку, или инде где, или за тобою, или за твоею княгинею, или за мужи твоими, кто купець, поидеть в свое сто. *А* [к]*оли будеть Новугороду розмирье с немчи, или с Литвою, или с ыное стороне, пособляти ти, княже, по Новегороде бес хытрости. А без новгородьского ти слова, княже, воины не замышляти. А приставов ти с Низу в всю Новгородьскую волость не всылати.* [А кто] купець, поидеть в свое сто, а смерд поидет [в] свои погост, тако [пош]ло в Новегороде, отпусти их проче.

Далее докончальная грамота № 8 опять обнаруживает полное совпадение с № 6—7 до самого последнего пункта, каковым в № 6—7 является

---

[327] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 7, 11 и 15.
[328] «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. 1, стр. 15—19, № 6.
[329] И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 168.

новгородское требование, предъявленное князю: «а свобод ти и сел състоупитися». В № 8, вслед за этой заключительной для № 6—7 статьей, помещено еще несколько дополнительных условий:

«А на семь на всемь князь великый крест человал. А что ти грамот крестных Новугороду с всими городы с Немечкыми, на те ти грамоты, княже, не наступатися. А Новгородьскои ти души блюсти. А вынесуть тобе из Орды княжение великое, нам еси князь великыи, или пак не выне [су]ть то[б]е княжения велико[го из] Орды, поити твоим наместникам из Новагорода проць и из Новгородьских пригородов, а в томь Новугороду измены нету».

Анализ этих конечных пунктов докончания № 8 будет дан ниже. Сейчас же следует отметить, что, несмотря на поразительное текстуальное сходство между грамотами № 6—7 и № 8, некоторые расхождения в деталях (о которых было вскользь упомянуто выше) заставляют отказаться от попытки приписать документ № 8 в дошедшей до нас редакции Михаилу Ярославичу. Князь Ярослав Ярославич тверской, который в № 6—7 называется дедом князя Михаила, в № 8 именуется его «праотцем».[330] Ярослав Всеволодович по грамоте № 6—7—дед Михаила, по грамоте № 8—его прадед.[331] Очевидно, новгородско-тверские договоры—№ 6—7, с одной стороны, и № 8— с другой заключены от имени разных Михаилов, в первом случае от лица князя начала XIV в. Михаила Ярославича, во втором — князя конца того же столетия — Михаила Александровича. К аналогичному выводу приводит и анализ печатей, привешенных к грамоте № 8. Их две: одна посадника, без указания его имени; вторая — тысяцкого Матфея Фалелеевича. Совершенно такие же печати (в числе целого ряда других) мы находим у наказа новгородским послам, отправленным для заключения мира с князем Михаилом Александровичем в 70-х годах XIV в. (по «Собранию государственных грамот и договоров» — № 13).

Исходя из всех этих наблюдений, совершенно естественно отнести грамоту № 8 в дошедшей до нас редакции к 1371 г. В это время шла борьба между Михаилом Александровичем тверским и Дмитрием Ивановичем московским за великое княжение. В 1370 г. Михаил получил в Орде ярлык и вернулся оттуда с ханским послом. Московский князь пытался перехватить Михаила по пути, но тот, узнав об этом, бежал в Литву. Михаилу удалось организовать поход на Москву литовского князя Ольгерда. После того как Ольгерд заключил перемирие с Дмитрием московским, тверской князь в 1371 г. снова отправился в Орду и вторично добился ярлыка на великое княжение. Вместе с Михаилом в Тверь прибыл ханский посол Сарыхожа. Из Твери Михаил пытался занять Владимир, но Дмитрий Иванович «по всем градом бояр и люди привел к целованию не датися им князю Михаилу, а в землю его не пустити на княжение на великое». Сам же московский князь вместе с Владимиром Андреевичем серпуховским «ратию стал в Переяславли». В то же время Дмитрий переманил на свою сторону при помощи даров посла Сарыхожу и возобновил перемирие с Литвой. Затем Дмитрий Иванович сам поехал в Орду, куда и Михаил послал своего сына Ивашку. В Орде ярлык на великое княжение достался Дмитрию. Михаилу же, по рассказу летописи, Мамай велел передать: «Дали бы есми тебе княжение великое, и рать есми тебе давали, а ты не захотел, и реклся есть

---

[330] По грамоте № 6—7 новгородско-тверской рубеж устанавливается «како было при д'де твоемь и при отци твоемь Ярославе». В № 8 читаем: «...како было при деде твоемь и праотце твоемь Ярославе».

[331] В № 6—7: «А в Ладогоу ти, княже, слати осетрьника и медовара по грамоте деда твоего Ярослава». В № 8: «А в Ладогоу ти слати, княже, осетреника сво[его] и медовара по грамоте прадеда твоего Ярослава».

сести своею силою, и ты сяди с кымь ти любо».[332] Из ханского ответа видно, что Михаилу была предложена в свое время для занятия Владимира татарская помощь, от которой он отказался. Теперь Мамай, предоставив великокняжеские права московскому князю, в то же время дал понять князю тверскому, что он поддержит его, если тот захочет «сести с кымь... любо» на владимирском столе. А. Н. Насонов правильно объясняет двойственную политику Орды тем, что там было известно настроение народных масс в пользу Москвы. Это заставляло Мамая, оформив ярлык Дмитрию, в то же время негласно натравливать на Москву Тверь.[333]

Михаил Александрович имел основания рассчитывать, что ему будет снова выдан ярлык на великое княжение. Он укрепил свои позиции занятием Костромы, Унжи, Мологи, Бежецкого Верха и, очевидно, заключил с Новгородом договор, текст которого сохранился в виде грамоты № 8.

Новгород условно признал Михаила великим князем и оставил за собой право выгнать его наместников в том случае, если Орда не утвердит притязаний тверского князя на великокняжеский стол. Это право сформулировано в соответствующей статье доканчальной грамоты № 7: «А вынесуть тобе из Орды княжение великое, нам еси князь великыи, или пак не выне[су]ть то[б]е княжения велико[го из] Орды, поити твоим наместникам из Новагорода проць и из Новгородьских пригородов...» Судя по новгородским летописям, тверские наместники были приняты в Новгород и пригороды как раз в начале 70-х годов. Под 1368 годом в летописи имеется сообщение о том, что в Новгороде был союзник московского князя Владимир Андреевич серпуховской. Под 1372 г. узнаем, что новгородцы «съслаша» наместников Михаила Александровича из Торжка.[334] Следовательно, тверские наместники могли появиться в Новгороде в период 1369—1371 гг.

В договоре говорится о помощи со стороны тверского князя Новгороду, в случае «розмирья» с немцами, Литвою «или с ыное стороне». Это условие становится понятным в свете летописных сообщений о борьбе новгородцев с ливонскими немцами в конце 60-х — начале 70-х годов XIV в. В 1367—1368 гг. немцы приходили под Изборск, а в 1370 г. новгородцы с псковичами совершили поход «к Новому городку немецкому».[335] Под 1371 г. в летописи говорится о мире, заключенном с немцами новгородскими послами после посольского съезда.[336] С этим летописным известием можно поставить в связь статью договорной грамоты № 8: «... а что ти грамот крестных Новугороду с всими городы с Немечкыми, на те ти грамоты, княже, не наступатися...» Характерно, что цитированный пункт помещен в конце договора (после указания на «крестоцелование»), в то время как статья о помощи против немцев включена (механически) в середину договорного текста, вследствие чего получилась разбивка последнего. Это свидетельствует, повидимому, о разновременности обеих статей. Обеспечив себе вначале помощь против немцев, новгородцы после того, как с последними был заключен мир, выговорили у князя невмешательство в его условия.

Датировка грамоты № 8 в дошедшей до нас редакции 1371 годом не вызывает больших разногласий между теми исследователями, которые видят в великом князе Михаиле, заключившем договор, не Михаила Ярославича,

---

[332] ПСРЛ, т. XV, стр. 429—431; т. VIII, стр. 17—18; т. XI, стр. 12—15; т. XVIII, стр. 110—111.

[333] А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 130.

[334] ПСРЛ, т. III, стр. 89. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 362.

[335] ПСРЛ, т. III, стр. 89. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 359—361.

[336] ПСРЛ, т. III, стр. 89. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 361—362.

а Михаила Александровича.[337] Но история текста № 8 остается до сих пор абсолютно невыясненной. В самом деле, почему в 1371 г. новгородцы и великий князь Михаил Александрович, вступая в договорные отношения друг с другом, дословно повторили тот текст докончальной грамоты, который насчитывал за собой почти семидесятилетнюю давность? Какое реальное значение могли иметь для времени Михаила Александровича статьи о селах и слободах князей Дмитрия Александровича переяславского или Андрея Александровича городецкого в формулировке грамоты № 6—7? В текстах позднейших докончаний Новгорода с великими князьями Михаилом Ярославичем и Александром Михайловичем (№ 16, 14, 15) вопрос о княжеском землевладении на Новгородской земле получил дальнейшую разработку. Был принят ряд решений относительно земель последующих князей: Михаила Ярославича, Юрия Даниловича, Дмитрия Михайловича, Александра Михайловича. Договор № 8 игнорирует все эти более хронологически близкие к нему тексты и возвращается, без всяких поправок, к устаревшим для своего времени пунктам соглашения 1304—1307 гг. Объяснение этому непонятному, на первый взгляд, обстоятельству может быть только одно: договорному тексту № 6—7, принятому в 1371 г. без всяких органических изменений (и лишь с некоторыми механическими дополнениями), не придавалось в ряде его статей реального значения. Это был предварительный договор Новгорода с Михаилом Александровичем, в силу которого последний признавался новгородцами великим князем в случае утверждения его на великом княжении Ордой. Михаилу было важно обеспечить себе акт подобного признания со стороны Новгорода. Таким актом и явился старый договорный текст (№ 6—7), заверенный печатями новгородских властей. То, что ряд пунктов этого устаревшего договора начала XIV в. не отвечал уже исторической обстановке 70-х годов указанного столетия, не было практически важно, пересмотр этих пунктов откладывался на будущее. В настоящих условиях нужно было другое: Михаилу заручиться хотя бы условным обещанием со стороны новгородцев считать его своим князем; Новгороду — обеспечить себе военную поддержку Михаила в борьбе против немцев и Литвы. По существу договор 1371 г. можно рассматривать как *военный союз* между Тверью и Новгородом. Будущее этого союза зависело от удачи попыток тверского князя завоевать для себя Владимирское великое княжение. Поэтому то новое, что было внесено в 1371 г. в текст докончальной грамоты № 6—7 и что как раз и являлось наиболее существенным в переговорах между Новгородом и Тверью того времени, сводилось к нескольким пунктам о совместных военных действиях. Подобные, приведенные выше, новые, немногочисленные и сравнительно короткие пункты, не характерные для докончальных грамот обычного типа, были включены чисто механически в старый договорный формуляр (№ 6—7), не представлявший уже в целом ряде статей реального практического интереса и важный лишь как основа для оформления новгородско-тверского военного соглашения. Вряд ли случайно договор № 8 составлен только от имени посадника и тысяцкого, без упоминания «владыки», «благословение» которого, как правило, открывает большин-

[337] К 1371 г. относят грамоту № 8 С. М. Соловьев (История России с древнейших времен, кн. 1, стб. 989); А. В. Экземплярский (Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II, стр. 490); В. С. Борзаковский (История Тверского княжества, стр. 150 и примечания, стр. 85—86, № 680); А. А. Шахматов (Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв., стр. 234); А. Е. Пресняков (Образование Великорусского государства, стр. 303, прим. 1). См. также А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 130. Н. М. Карамзин датирует грамоту № 8 1370 годом (История государства Российского, т. V, изд. 2-е, стр. 32; примечания, стр. 13, № 26). См. также Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 204.

ство новгородско-тверских докончальных грамот. Такая особенность договорного формуляра № 8 свидетельствует о том, что перед нами докончание особого типа. Главное в нем: не обычные нормы договорных взаимоотношений Новгорода с князьями, а принципиальная (хотя и с оговорками) договоренность о великокняжеских правах Михаила, с одной стороны, его военной помощи Новгороду — с другой.

Но если принять выдвинутое мною понимание договора № 8, то естественным образом возникает второй вопрос: почему за основу докончальной грамоты № 8 был принят договорный формуляр № 6—7, а не какой-либо иной, более близкий по времени к княжению Михаила Александровича? Я считаю единственно правильным допустить, что еще до Михаила Александровича текст договора № 6—7 был дополнен статьей о том, что князь Михаил признается новгородцами великим князем в том случае, если ему вынесут из Орды ярлык на великое княжение. Речь шла при этом о Михаиле Ярославиче. Договорная грамота с такой статьей естественным образом должна была обратить на себя внимание, когда при аналогичной ситуации оформлялось соглашение Новгорода с Михаилом Александровичем. Ее и взяли за основу докончальной грамоты № 8, дополнив некоторыми другими пунктами.

Историю текста № 8 я представляю следующим образом. Михаил Ярославич, после получения ярлыка на великое княжение в 1304 г., ездил вторично в Орду в 1313 г., когда умер хан Тохта и на «царство» сел Узбек.[338] Вероятно, тогда Михаил возобновил то докончание с Новгородом, которое им было заключено еще по возвращении из Орды после первой поездки (№ 6—7). Но при этом в конце договора была сделана оговорка о том, что он останется в силе лишь в том случае, если из Орды «пак» (вторично) будет вынесен тверскому князю ярлык. В противном случае Новгород обеспечил себе право выгнать княжеских наместников. Права Михаила оспаривал Юрий Данилович московский. Новгородцы, войдя с ним в сношения, изгнали тверских наместников, не дожидаясь приезда Михаила Ярославича из Орды. Началась «замятня». Мы видели выше, что по ликвидации «замятни» Михаил в докончании 1316—1317 г. (№ 12) подчеркивал, что он «опять сел... на Фектистове грамоте». Выражение «опять сел князь великыи Михаило на Фектистове грамоте» становится особенно понятным, если принять во внимание, что оно заключает в себе ссылку не только на грамоту № 6—7, но на ее возобновленный (предположенный нами) текст 1313 г. Михаил снова «сел» в Новгороде потому, что Орда признала его великим князем, а договор 1313 г. («Фектистова грамота» № 6—7, с оговоркой о ярлыке на великое княжение) именно ордынскую санкцию ставил условием пребывания Михаила на Новгородском княжении. В свою очередь Юрий Данилович грамотой № 14 требовал от Михаила в 1317 г. уничтожения грамоты № 6—7 («владычней серебреной») потому, что Михаил «съступился» великого княжения ему, Юрию, и, следовательно, до ордынского суда, в строгом соответствии с формулой докончания 1313 г., терял право на Новгород.

В 1371 г. докончальная грамота 1313 г. (текст № 6—7 с дополнительной статьей о ярлыке, который будет вынесен князю Михаилу из Орды) казалась из всех предшествующих новгородско-тверских грамот наиболее подходящей к тем обстоятельствам, в которых находился Михаил Александрович. Естественно, что этот документ был принят за основу договора Михаила Александровича с Новгородом 1371 г. (№ 8). Только при помощи выдвинутой гипотезы удается примирить те противоречивые данные, которые можно извлечь из наблюдений над текстом № 8. Недаром тонкая ин-

[338] ПСРЛ, т. VII, стр. 186; т. X, стр. 178.

туиция Срезневского позволила ему видеть в грамоте № 8 документ, связанный с именем Михаила Ярославича. Он только не довел своих наблюдений до конца и не вскрыл тот путь, каким докончальная грамота Михаила Ярославича 1304—1307 гг. (№ 6—7), через его же докончание 1313 г., привела к созданию текста договора Михаила Александровича 1371 г.

Для того чтобы выяснить обстоятельства, при которых появились две последние из сохранившихся грамот времени Михаила Александровича (по «Собранию государственных грамот и договоров» № 13 и № 17),[339] необходимо кратко проследить дальнейшие взаимоотношения между Новгородом, с одной стороны, Тверью и Москвой — с другой в 70-х годах XIV в. Под 1372 г. летописи сообщают о разрыве между Новгородом и тверским князем Михаилом, потерявшим ярлык на великое княжение. Новгородцы «сълаша наместникы Михаиловы с Торжьку». Князь Михаил Александрович с литовской помощью выступил «ратию на Тръжек» и сжег город. На страницах летописей красочно изображена «пагуба велиа христианом», причиненная нашествием тверской рати. Говорится о большом полоне, уведенном в Тверь («мужь и жен без числа множство»), о разграблении церковного и частного имущества, уцелевшего от огня («...а и товара много поимаша, что ся остало от огня, и иконной круты серебра много поимаша»). После разорения Торжка тверским князем Новгород ищет сближения с Москвой. В 1373 г. в Новгород приезжал двоюродный брат великого московского князя князь Владимир Андреевич серпуховской и пробыл там четыре месяца (с 27 февраля по 29 июня).[340] В то же время Михаил тверской лишился своего союзника литовского князя Ольгерда. Последний заключил с Дмитрием Ивановичем московским мир, который был скреплен браком князя Владимира Андреевича серпуховского с дочерью Ольгерда Еленой.

Между тем Мамай, с тревогой следивший за усилением Москвы, спровоцировал Тверь на войну с ней. В 1375 г. изменившие московскому князю и отъехавшие в Тверь сын тысяцкого Иван Васильевич и Некомат Сурожанин были присланы Михаилом в Орду и, вернувшись оттуда в сопровождении ханского посла Ачихожи, привезли Михаилу ярлык на великое княжение. Послы уговаривали тверского князя выступить против Москвы, обещая ему ордынскую поддержку. Михаил Александрович «сложил крестное целование» к великому князю Дмитрию Ивановичу «и наместники послал в Торжек и на Углече Поле ратию». В ответ на это выступление Дмитрий Иванович собрал большое ополчение (в котором приняли участие и новгородские полки) и двинул его на Тверь. Татары не оказали помощи тверским войскам. Не оправдалась надежда Михаила и на поддержку Литвы. Тверь, подвергнутая осаде, была вынуждена капитулировать, после чего противники «докончаща мир на всеи воли князя великого (Дмитрия) и на новгородскои».[341]

На период времени с 1372 по 1375 г. включительно (начиная с разорения Торжка тверской ратью и кончая походом на Тверь полков московского князя Дмитрия) падают, как было указано выше, грамоты № 13 и № 17. Первая представляет собой мирные предложения, отправленные

---

[339] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 11 и 15.

[340] «...Приде... по сборе за неделю и седе в Новегороде до Петрове дни и поиде прочь» (ПСРЛ, т. III, стр. 90. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 363). Пасха была в 1373 г. 17 апреля, сборное воскресенье — 6 марта; «по сборе за неделю» — 27 февраля. См. Л. В. Черепнин. Русская хронология, стр. 61 и 64, табл. XV и XVI.

[341] ПСРЛ, т. III, стр. 89—90; т. IV, стр. 67—71; т. VIII, стр. 19—23; т. XI, стр. 16—24; т. XV, стр. 431—435, т. XVIII, стр. 112—116; т. XX, ч. 1, стр.194—196; т. XXIII, стр. 117—120; т. XXIV, стр. 128—132.

от имени новгородского посадника Михаила, тысяцкого Матфея, бояр, житьих, черных людей «и от всего Новагорода» с послами Юрием и Якимом к князю Михаилу Александровичу в Тверь.[342] Послам предписывалось «мир взяти с княземь с Михаплом», который должен был отпустить без окупа новгородских и новоторжских бояр, житьих и черных людей «и сирот Новгородской волости и Новоторьской волости», свести поруку и снять крестоцелование с тех, «х[то да]н на пор[ук]е» или приведен к «ч[ело]в[анье]ю», подрать «де[рн]оватыи грамот[ы]», вывести тверских наместников из Торжка, восстановить старый рубеж «земле [и] воде... по старым грамотам». Новгород велел послам «отступитися... товара», «порубленого» Михаилом «до Новоторьского взятья» и «взятого в [пол]он» в Торжке. Если бы Михаил Александрович захотел принять указанные условия и послать своих послов в Новгород, то новгородским послам предлагалось тверских послов «поняти». К грамоте привешено одиннадцать свинцовых печатей: новгородских посадников и тысяцких (степенных и нестепенных) и кончанских старост.

Грамота № 17 — это докончание тверского князя Михаила Александровича (приславшего в Новгород своего посла Михаила Константиновича) с архиепископом новгородским Алексеем, посадником Юрием, тысяцким Матфеем и «с всим Новым городом». Задача докончания — ликвидировать «нелюбье», учинившееся между тверским князем и новгородцами. Михаил «свое бещестье отложил» от Новгорода, Новгород — от князя. Михаил обязался выполнять ряд условий, которые ему были предложены еще грамотой № 13; вывести своих наместников из Торжка и всех новгородских «волостеи»; отпустить без окупа новгородских и новоторжских полоняников; снять с новгородцев и новоторжан крестоцелование и свести с них поруку;с тех, на кого «поиманы» грамоты,— «отложить» взятые грамоты. Далее (дополнительно к пунктам грамоты № 13) в № 17 говорится о возврате новгородским и новоторжским купцам тверичами «товара», погрaбленного из лодей «рубежом до Новоторского взятья». «Товар», погрaбленный у княжеских людей новгородцами на Волге «или инде где», не подлежал возврату, так же как и взятое Михаплом во время нападения на Торжок в 1372 г. Таким образом, условия договора № 17 были менее выгодны для Михаила Александровича, чем новгородские предложения, сохранившиеся в тексте № 13. Согласно последнему, Новгород «отступался» от всего, захваченного Михаилом как до, так и во время взятия Торжка. По грамоте № 17 убытки, причиненные новгородцам тверским князем и боярами до тверского нападения на Торжок, подлежали возмещению. Новгородцы соглашались списать с тверского счета только то, что погибло в грозный 1372 год, когда «взял князь Михаило город Торжок или волости Новъгородьскыи». Специальной статьей договора снималась присяга с тверских послов, целовавших крест Новгороду, и с новгородских послов, присягавших Михаилу Александровичу. Очевидно, имелось в виду крестоцелование на условиях докончальной грамоты № 8, согласно которой Новгород признавал Михаила великим князем и которая подлежала теперь отмене. В конце договора № 17 содержались обоюдные обязательства относительно соблюдения мирных условий и урегулирования спорных пограничных вопросов: «мир держати без льсти и без хытости», «не ити ратью» Михаилу на Новгород и Новгородскую «волость», Новгороду — на Тверь или на Тверскую «волость»; предоставить возможность «гостити с обе по-

---

[342] С. М. Соловьев определяет грамоту № 13 как наказ новгородским послам (С. М. Соловьев. Указ. соч., стб. 989). Правильнее говорить не о посольском наказе, а о новгородском проекте мирных условий, переданном через послов на рассмотрение тверского князя и попавшем в тверскую княжескую казну.

ловине без рубежа»; не стоять «с обе половине» за холопа, рабу, поручника, должника, татя; установить, на основе старых документов, границы между Тверью, Кашином, Торжком, Бежецким Верхом.

Вопрос о датировке и взаимоотношении грамот № 13 и № 17 вызывает разногласия между исследователями. С. М. Соловьев [343] (а вслед за ним А. А. Шахматов [344] и А. Е. Пресняков [345]) относят № 13 к 1372 г. По мнению названных ученых, это наказ, который был дан новгородцами послам, отправленным в Тверь сразу после похода Михаила на Торжок. Докончание же № 17 Соловьев датирует 1373 г., когда Михаил, потеряв опору в союзе с Литвой, вынужден был пойти на временное примирение с Дмитрием Ивановичем и в то же время подготавливался для нанесения ему, при помощи Орды, нового удара. В. С. Борзаковский не уточняет даты документа № 13, указывая, что он может быть приурочен ко времени между разорением Торжка (1372) и осадой Твери (1375). Что касается докончальной грамоты № 17, то она, по соображениям Борзаковского, представляет собой мирный договор, заключенный между Новгородом и Тверью, по капитуляции последней в 1375 г., после осады ее соединенными московско-новгородскими войсками.[346] Н. М. Карамзин и И. И. Срезневский относят оба документа к 1375 г. и считают, что они были оформлены вслед за московско-новгородским походом на Тверь.[347]

Наблюдения над текстами № 13 и № 17 прежде всего заставляют притти к бесспорному выводу об их разновременности и в силу этого отступить от датировки Карамзина и Срезневского. Действительно, грамота № 13 дана, как было уже указано, от лица посадника Михаила и тысяцкого Матфея Фалелеевича, печати которых, в числе печатей одиннадцати новгородских официальных лиц, привешены к документу на первом месте. Договор № 17 оформлен от имени Юрия Ивановича в качестве посадника, и того же Матфея Фалелеевича в качестве тысяцкого. По летописям очень трудно установить последовательность новгородских степенных посадников за 70-е годы XIV в. Михаил — это, очевидно, Михаил Данилович, который еще в 1350 г. упоминается как воевода, ходивший с новгородским войском под Выборг. В том же году он был изгнан из Новгорода вместе с другими боярами, имевшими дома на Прусской улице, и бежал во Псков, а затем в Копорье. В 1380 г. Михаил Данилович в числе прочих почетных лиц города сопровождал в Москву новгородского «владыку» Алексея, в 1388 г. участвовал в избрании нового «владыки», а в 1392 г. умер в иночестве.[348] Карьера Юрия Ивановича протекала одновременно с карьерой Михаила Даниловича. Впервые летопись называет его имя под 1350 г., когда он вместе с Михаилом Даниловичем совершил поход под Выборг. В 1360 г. Юрий ездил в составе свиты «владыки» Алексея во Владимир, в 1371 г. побывал на съезде и заключил мир с немцами под Новым городком. Летописи рассказывают также о деятельности Юрия под 1375 и 1380 гг. [349]

---

[343] С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 989.

[344] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 234—235.

[345] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 304, прим. 1; стр. 305, прим. 1. См. также Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 205.

[346] В. С. Борзаковский. Указ. соч., стр. 94—95, № 724 и 729.

[347] Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. V, стр. 43—44; примечания, стр. 18, № 36. И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 230. В «Собрании государственных грамот и договоров» грамота № 17 отнесена к 1375 г., а грамота № 13 приписана Михаилу Ярославичу (1317). В «Древней Российской Вивлиофике» дана только одна грамота № 17 под совершенно невозможной датой — 1360 г. («Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. I, стр. 31, № 13).

[348] ПСРЛ, т. III, стр 84, 85, 91, 96, 132; т. IV, стр. 59, 60, 75, 95, 99, 140; т. V, стр. 238.

[349] ПСРЛ, т. III, стр. 84, 87, 89—91, 132, 227, 231; т. IV, стр. 59, 66, 72, 75; т. V, стр. 231, 238.

Повторяю, на основании летописных данных трудно выяснить точно, когда занимали посадническую степень Михаил и Юрий, но на основании докончальной грамоты № 8, относящейся, как указано выше, *к 1371 г.*, можно вывести заключение, что в этом году степенным посадником был Михаил Данилович. Напомню, что в упомянутой грамоте не названы ни посадник, ни тысяцкий, и в числе привешенных к ней печатей только одна именная (тысяцкого Матфея Фалелеевича), другая же (посадничья) безымянная, с глухой легендой: «Новъгородчкая печать и посаднича». Однако по внешнему виду посадничья печать документа № 8 совершенно сходна с аналогичной печатью грамоты № 13, оформленной (как и № 8) от лица посадника Михаила и тысяцкого Матфея Фалелеевича и снабженной такими же двумя печатями: безымянной (посадника) и именной (тысяцкого). Из этих сопоставлений обоих документов (№ 8 и № 13) законными являются два вывода: 1) в 1371 г. степенным посадником в Новгороде был Михаил Данилович, тысяцким — Матфей Фалелеевич; 2) грамота № 13 близка по времени к № 8.[350]

Докончание № 17 оформлено позже № 13. В грамоте № 17 встречаем того же тысяцкого, что и в № 13 — Матфея (очевидно, Фалелеевича), но степенным посадником в это время был уже не Михаил Данилович, а Юрий Иванович. От имени тех же лиц (посадника Юрия Ивановича и тысяцкого Матфея Фалелеевича) написан еще один сохранившийся до нашего времени документ, относящийся по всем данным к Михайлову дню (8 ноября) 1373 г.— текст мирных условий новгородцев с купцами из Любека и Готланда по поводу пограбленного у них товара.[351] Указанный новгородский договор с ганзейскими купцами был оформлен тогда, когда серпуховской князь Владимир Андреевич, после четырехмесячного пребывания в Новгороде, с конца февраля по конец июня 1373 г., выехал из города. К тому же времени мы вправе отнести и грамоту № 17 (исходя из совпадения упо-

---

[350] На тысяцкого Матфея Фалелеевича в летописях нет никаких указаний. Под 1371 г. летописи называют посадника Юрия Ивановича и тысяцкого Олисия. Их печати также привешены к № 13, но не на первом месте. Тысяцкий Олисий фигурирует еще на страницах летописей под 1375 и 1376 гг. (ПСРЛ, т. III, стр. 89—90; т. IV, стр. 66; т. V, стр. 231; т. VIII, стр. 8, 24). Грамота № 13, как указано выше, послана через послов Юрия и Якима. Может быть, Юрий — это посадник (нестепенный) Юрий Иванович, печать которого привешена к документу. Тогда мы имеем лишнее подтверждение того, что и на съезде 1371 г. Юрий Иванович и Олисий участвовали не в качестве степенных посадника и тысяцкого. Ср. также договор Новгорода с Дмитрием Ивановичем, князем московским (ААЭ, т. I, стр. 4, № 8), согласно которому также от лица степенного посадника (которым тогда был Юрий Иванович) в Москву прибыли (нестепенный) посадник Иван и другие лица. О датировке этого договора подробно см. ниже. Из прочих официальных новгородских лиц при грамоте № 13 имеются (в порядке их прикрепления) печати: Селивестра, тысяцкого Филиппа, посадника Якова, посадника Андреяна, упомянутого выше посадника Юрия Ивановича и тысяцкого Олисия, Ивана Еремеевича, Семена Андреевича, Степана. Селивестр — Селивестр Леонтьевич, судя по летописи, получил посадничество в 1359 г. и тогда же был его лишен вследствие выступления противной партии; в 1371 г. участвовал в новгородско-ливонском съезде и в заключении перемирия у Нового городка Немецкого (ПСРЛ, т. III, стр. 87, 89; т. IV, стр. 63, 66; т. V, стр. 231; т. VIII, стр. 18). Имя посадника Якова встречается в летописи под 1364 г., когда он строил каменный костер в Корельском городке (ПСРЛ, т. IV, стр. 64). Филипп — в 1383 г. посадник (ПСРЛ, т. III, стр. 232). Андреян — вероятно, Андреян Захаринич, — лишенный посадничества Славенским концом в 1359 г. (ПСРЛ, т. III, стр. 87, 228; т. IV, стр. 63). Летописное упоминание о новгородском боярине Семене Андреевиче см. под 1360 г. (ПСРЛ, т. III, стр. 87, 132, 228; т. IV, стр. 63). Степан — возможно, новгородский боярин Степан Борисович, о котором летопись говорит под 1384 г. (ПСРЛ, т. IV, стр. 91).

[351] Русско-ливонские акты, стр. 76—78, № XCVI. ДАИ, т. I, стр. 8, № 7. П. Иванов. Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма разных периодов времени, изданный для воспитанников межевого ведомства, М., 1844, стр. 7—8, № 8 и снимок № 8. Соображение о датировке новгородского договора с ганзейскими купцами дано в издании «Русско-ливонские акты».

минаемых в ней имен новгородских властей с именами привлеченного нами новгородско-ганзейского соглашения).

Итак, взаимоотношение текстов № 13 и № 17 можно представить себе следующим образом. Проект мирных условий, предложенный Новгородом Михаилу Александровичу (грамота № 13), относится, очевидно, ко времени непосредственно вслед за тверским нападением на Торжок, т. е. к 1372 г., или к самому началу 1373 г., во всяком случае до приезда в Новгород Владимира Андреевича. По всей вероятности, в момент составления грамоты № 13 и отправки посольства в Тверь Новгород, ориентируясь на сближение с Москвой, уже завязал с ней сношения, договорившись о приезде двоюродного брата Дмитрия московского — князя Владимира. Как видно из текста № 13, новгородцы отказались признавать Михаила тверского великим князем и, не упоминая ни слова о его великокняжеских правах, ставили вопрос исключительно о ликвидации последствий недавнего новоторжско-тверского инцидента. Однако, не чувствуя еще за собой крепкой поддержки Москвы, новгородцы предложили Твери выгодные для нее условия о возмещении новгородских убытков и не оговорили прямо своего отказа от недавней присяги, данной в 1371 г. Михаилу как великому князю (на грамоте № 8). Докончание № 17 было оформлено при иной политической ситуации. В Новгороде в течение четырех месяцев 1373 г. пробыл князь Владимир Андреевич серпуховской. Вопрос о новгородско-московском сближении был поставлен на сравнительно твердую почву. Предвиделся в ближайшем будущем новгородско-московский договор. В докончальной грамоте № 17, относящейся, как я думаю, ко второй половине 1373 г. или к 1374 г. (когда Владимир Андреевич покинул Новгород), новгородцы выговорили для себя у Михаила Александровича гораздо более благоприятные условия по расчетам за причиненный Тверью ущерб. Вопрос о непризнании Михаила великим князем был поставлен и разрешен уже с полной определенностью. Сам Михаил соответственной статьей докончальной грамоты № 17, как мы видели выше, освободил новгородцев от крестоцелования, ему принесенного. Очевидно, как я уже говорил выше, подразумевается докончание 1371 г. (№ 8). В то же время тверской князь, со своей стороны, оговорил свою свободу от обязательств в отношении Новгорода, предусмотренных в 1371 г. его ответной присягой. Повидимому, имеются в виду помощь Новгороду против немцев и Литвы и договоренность по поводу совместного с новгородцами вступления в войну, о чем шла речь в договоре № 8.

Интересные наблюдения можно сделать над терминологией грамот № 8, 13 и 17. № 8 называет Михаила великим князем, № 13 — просто князем, № 17 — «князем великим тферьскым». Этот последний титул принят и в договоре Михаила Александровича тверского с Дмитрием Ивановичем московским, заключенном в 1375 г. Мне кажется, что эти незначительные, на первый взгляд, различия в титуле, который применяется к Михаилу Александровичу, не случайны. Договорный проект 1372—1373 гг. (№ 13), в котором Михаил именовался просто князем, был отвергнут Тверью и при заключении новгородско-тверского договора в 1373—1374 гг. (№ 17) остановились на наименовании «князь великий тферьской» по определенным политическим соображениям. Михаил Александрович, отказавшись от Владимирского княжения, стремился в то же время к формальному закреплению своих прав на Тверскую «вотчину» (независимо от ордынского пожалования). Эта тенденция отразилась в упомянутом выше более позднем московско-тверском договоре 1375 г., согласно которому московский и тверской князья не должны были принимать предложений татар, которые захотели бы их «сваживати». Михаил Александрович обязался не брать ордынского ярлыка на Владимирское княжение и «не искати»

под московским князем Новгорода; Дмитрий Иванович обещал не «имать» от хана Тверского княжения.[352] В докончании с Новгородом тверского князя 1373—1374 гг. (№ 17) по существу нашли свое выражение те же самые политические условия, которые были, очевидно, выработаны в результате отдельных переговоров между собой трех сторон: Новгорода, Твери и Москвы. 1373—1374 годы, когда могли итти переговоры,— это период временного сближения между Михаилом тверским и Дмитрием московским перед новым размирьем 1375 г.

Привлечение вышеуказанного московско-тверского договора 1375 г. очень помогает пониманию характера и взаимоотношения новгородско-тверских грамот № 13 и № 17. Договор этот был заключен между Дмитрием московским и Михаилом тверским после московско-новгородского похода на Тверь 1375 г. В нем ряд пунктов посвящен вопросам о новгородско-тверских отношениях и самая докончальная грамота, как указывает помета на сохранившемся с нее списке,[353] была оформлена «за новгородскими печатьми». Пункты, касающиеся новгородских дел, имеют много общего с соответственными статьями грамоты № 17, которую, очевидно, использовали при написании текста московско-тверского соглашения, так как эти условия были выработаны еще до похода на Тверь, т. е. в 1373—1374 гг. Но в то же время в договоре Москвы с Тверью 1375 г. есть такие отличия от новгородско-тверского докончания № 17, в силу которых становится совершенно не приемлемой предложенная Карамзиным и Срезневским датировка грамоты № 17 1375 годом и делается еще более убедительной принятая нами для последнего документа дата 1373—1374 гг. Например, согласно московско-тверской докончальной грамоте 1375 г., Михаил Александрович должен был возвратить все захваченное им в 1372 г. в Торжке «войною или грабежем». По докончанию же 1373—1374 гг. Новгород, напротив, «отложил» все то, что Михаил взял во время нападения на Торжок.

Наконец, в той цепи документов 70-х годов XIV в., в направлении которой развертывались новгородско-московско-тверские отношения, важным звеном является еще договор Новгорода с московским князем Дмитрием Ивановичем, не сохранившийся в подлиннике и дошедший до нас в составе одного сборника актов, появившегося в Москве в 70-х годах XV в. Этому сборнику (а следовательно, и указанному документу) будет уделено в дальнейшем специальное внимание. Сейчас же я коснусь названного московско-новгородского докончания лишь постольку, поскольку он имеет значение при изучении новгородско-тверских грамот 70-х годов XIV в.: № 13 и № 17.[354] По всем данным докончальная грамота между Новгородом и Дмитрием Донским была оформлена в 1374—1375 гг.[355] Пребывание в 1373 г. в Новгороде серпуховского князя Владимира Андреевича, как было выяснено выше, подготовило почву для московско-новгородского военного союза. Первым политическим актом со стороны новгородцев, после отъезда князя Владимира Андреевича, было выяснить

---

[352] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. I, № 3. СГГД, т. I, стр. 46—49, № 28. В СГГД договор напечатан под неверной датой (1368). Об этом договоре подробнее см. выше.

[353] Подлинник утрачен.

[354] Договор Новгорода с великим князем Дмитрием Ивановичем напечатан в ААЭ, т. I, стр. 4, № 8.

[355] О датировке договора см. гл. VI. Принятая мною для документа дата 1374—1375 гг. отличается от тех, на которых останавливаются другие исследователи. О более позднем происхождении договорной грамоты Новгорода с Дмитрием московским, по сравнению с грамотой № 17, можно заключить, между прочим, из упоминаемых в тексте первого имен посадника и тысяцкого. Посадник — Юрий Иванович, как и в № 17, но тысяцкий уже не Матфей Фалелеевич, а Олисий.

свои отношения с Тверью, потребовав от Михаила Александровича, не признаваемого более великим князем, вывода своих наместников изо всех новгородских волостей. А затем, в 1374—1375 гг. был сделан и второй шаг — в Москве новгородскими послами оформлен договор с великим князем Дмитрием Ивановичем, выступающим под титулом: «всея Руси». Ряд наблюдений позволяет установить прямую связь между новгородско-тверской докончальной грамотой 1373—1374 гг. (№ 17) и московско-новгородским соглашением 1374—1375 гг. Прежде всего, оба акта появились, очевидно, вследствие тех решений, которые были приняты в Новгороде во время пребывания там в 1373 г. Владимира Андреевича. Имя последнего включено в докончание 1374—1375 гг. наряду с именем его «брата» Дмитрия московского. Затем в договоре с Дмитрием Ивановичем появляются те формулы взаимоотношений Новгорода с великими князьями, которые обычно фигурировали в новгородско-тверских соглашениях. в частности, в докончальной грамоте Михаила Александровича № 8, отвергнутой докончанием № 17. Это обязательство Новгорода «княженье... великое держати честно и грозно, без обиды», а князя — «держати Новгород в старине без обиды». Наконец, очень характерно, что в московско-новгородском договоре 1374—1375 гг. мы встречаем условия о совместных военных действиях против немцев и Литвы. Условия эти ранее фигурировали в тексте соглашения Новгорода с Тверью в 1371 г. (№ 8), от которого Новгород отказался в 1373—1374 гг. (грамота № 17). Но в договоре с Дмитрием московским 1374—1375 гг., в качестве общих врагов, кроме немцев и Литвы, предусмотрена также и Тверь. В это время уже предвиделось то московско-новгородское выступление против Твери, которое произошло в 1375 г. Итак, по всем данным, московско-новгородский договор 1374—1375 гг. отражает ту политическую ситуацию, которая сложилась в результате новгородско-тверского докончания 1373—1374 гг. (№ 17). В то же время договором 1374—1375 гг. намечается основа тех взаимоотношений между Москвой, Новгородом и Тверью, которые нашли свое отражение в тексте московско-тверской докончальной грамоты 1375 г.

§ 8. Договорные грамоты Новгорода с тверским князем Борисом Александровичем и с литовскими князьями первой половины XV в.

Из всего вышеизложенного ясно, что после княжения Александра Михайловича тверские князья уже не заключают больше с Великим Новгородом докончаний на правах великих владимирских князей. Единственным исключением в этом отношении является договорная грамота Михаила Александровича 1371 г. (№ 8), которая носила условный характер. Начиная с Ивана Калиты, докончальные грамоты, содержащие общие нормы взаимоотношений Новгорода с великокняжеской властью, заключаются князьями московскими, которые постепенно одерживают верх над тверскими в борьбе за великое Владимирское княжение. Единственный памятник отношений между Новгородом и Тверью после Михаила Александровича помещен в «Собрании государственных грамот и договоров» под 1426—1461 гг., будучи озаглавлен как «договорная грамота Новгорода с великим князем тверским Борисом Александровичем» (№ 18).[356] Но заголовок, данный издателями документа, не вполне точно отвечает его характеру. В действительности, как уже говорилось ранее, перед нами неоформленное двустороннее соглашение, а односторонние новгородские

[356] Еще раньше документ был помещен в «Древней Российской Вивлиофике» (изд. 2-е, ч. 1, стр. 34—37, № 16). Подлинник хранится в ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 16.

предложения (за двумя печатями Новгородского государства), адресованные князю Борису Александровичу и переданные ему через посла Павла Федоровича. В названном проекте, как отмечалось выше, чувствуется неуверенный тон по поводу того, что эти предложения будут приняты. Основное содержание документа сводится к установлению «старого рубежа» между новгородскими и тверскими владениями (по грамоте великого князя Ивана Даниловича Калиты) и к выяснению ряда вопросов относительно судопроизводства по делам между новгородцами, новоторжцами и тверичами. Ежегодно на новгородско-тверской границе происходит сместный суд, который вершат два боярина (тверской и новгородский) и которому подведомственны дела о «порубежных людях», «татях» и разбойниках. Если из новгородских «волостей» «възговорят» на тверского татя или разбойника, а население тверских «волостей» укажет, что его там нет, то преступник в дальнейшем теряет право проживания в тверских владениях и, в случае его обнаружения, должен быть немедленно выдан «бес суда по хрестному целованью». Такая же участь при аналогичных условиях ждет и новгородского татя и разбойника. По искам тверичей к новгородцам и новоторжцам суд производится в Новгороде и Торжке; по искам новгородского и новоторжского населения к тверским жителям — в Твери. Но в обоих случаях тяжбы разбираются сместным судом, в котором принимают участие судьи со стороны истца и со стороны ответчика («с обе половине»). В Новгороде или Торжке (но при участии тверского судьи) рассматривается дело пойманного с поличным тверского жителя, в Твери судятся приведенные с поличным новгородцы или новоторжцы, причем опять-таки в судебную коллегию обязательно приглашаются судьи со стороны обвиняемого. Договорный проект выставляет требование, чтобы судебное дело оканчивалось там, где оно было начато («а где орудье почнет, ту его и концать»). Запрещается также судьям брать «посулы» с тяжущихся.

Уделяя особое внимание организации суда, грамота № 18, кроме того, касается также вопроса о новгородских земельных владениях. Обычная статья новгородско-тверских договоров, запрещающая тверскому князю и боярам делать земельные приобретения на Новгородской и Новоторжской территории, получает в грамоте № 18 дополнение. В этих дополнительных статьях указывается, что недвижимые владения новгородцев и новоторжцев, живущих в Тверском княжении, отходят к Новгороду. С другой стороны, Новгород не претендует на владения тверичей, проживающих в новгородских или новоторжских пределах, уступая их тверскому князю.

Наконец, в договорном проекте № 18 помещены обычные условия о свободе проезда для гостей (с добавочной статьей о взимании по старине гостиного и мыта) и послов, о запрещении князю присылать через рубеж в Новгородскую и Новоторжскую «волости» дворян и приставов, о выдаче холопов и беглецов.

Летописные тексты дают возможность довольно точно датировать грамоту № 18. Она, несомненно, относится к середине 40-х годов XV в., когда тверской князь, воспользовавшись феодальной войной между Василием II московским и Дмитрием Шемякой, захватил у Новгорода ряд владений. Под 1444 г. мы читаем в летописи: «Той же осени из князя великого отчины из тферьского много повоеваша земли и сел Новгородцких, Бежицкий Верх, и Заборовье и Новоторжьскии волости всп...»[357] Под 1445—1446 гг. узнаем о двух новых походах Бориса Александровича. В первый раз «князь тферьскии Борис взял Новгородцких волостей 50,

[357] ПСРЛ, т. IV, стр. 123.

повоева и пограби, Бежицких, и около Торжку, и Торжок взял...»[358] Затем вторично «князь тферьский Борис прислал своих людей и воевод на Торжек, останок людей разгна и пограби, а иныя погуби, а иныя на окуп подая, а животов и товара московьского, и новгородцкого и новоторжьского 40 павозков свезе во Тферь, иные павозки потопоша в реце с товаром».[359] Подводя итог убыткам, причиненным Новгороду тверскими набегами за 1444—1446 гг., летопись указывает, что Борис Александрович «в Бежицком Верху и по Заборовью осмьдесят волостей повоева в два годы».[360]

В договорном проекте № 18 чувствуются ясные отзвуки недавнего разорения новгородских «волостей» тверскими войсками. Новгородские предложения начинаются с указания на необходимость восстановить старую границу (времен Ивана Калиты) между Тверским и Кашинским княжениями и Новгородскими «волостями», наиболее пострадавшими от нападений со стороны тверского князя: Торжком и Бежецким Верхом.

Грамота № 18 относится, повидимому, к 1446 г.[361] В феврале этого года Москву захватил Дмитрий Шемяка. Великий князь московский Василий II, как известно, был ослеплен и вначале сослан в Углич, затем отпущен в Вологду, откуда ему удалось бежать в Тверь.[362] По занятии великокняжеского стола Дмитрий Шемяка послал «поклоньщиков» в Новгород. Новгородцы, со своей стороны, также отправили к Дмитрию послов, перед которыми он «крест целова на всех старинах». Но тверской князь Борис Александрович перехватил новгородских послов и продержал их «на опасе» четыре месяца.[363] Вероятно, после этого инцидента и до занятия Василием II с тверской помощью Москвы в феврале 1447 г.,[364] в то время, когда новгородцы не были фактически связаны ни с Василием Темным, ни с Шемякой, и был выработан в Новгороде и предложен Борису Александровичу договорный проект. Право на такой вывод дает статья грамоты № 18, согласно которой новгородские послы могли «ездить сквозе князя великого оцину Бориса Олександровича» и тверской князь должен был им предоставлять «путь чист бес пакости». Появление этой статьи среди других новгородских предложений вызвано, конечно, недавней задержкой новгородских послов, ездивших в Москву к князю Дмитрию Шемяке.

Имеются и другие основания для датировки грамоты № 18 1446 годом. Документ этот — единственный из числа новгородско-тверских грамот основное внимание уделяет вопросам судопроизводства по делам между тверским и новгородским населением. Это обстоятельство интересно поставить в связь с летописными указаниями под 1446 г. на отсутствие в Новгороде и в «волостях» «правого суда». При этом особенное внимание в данной связи привлекает нарисованная летописцем картина неправедного судопроизводства в новгородских «волостях»: «А в то время не бе в Новегороде правде и правого суда, и возсташа ябедници, изнарядиша четы, и обеты, и целования на неправду, и начаша грабити по селом и по *волостем* и по городу, и беяхом в поругание суседом нашим, сущим окрест нас;

---

[358] ПСРЛ, т. IV, стр. 123—124.

[359] Там же, стр. 125.

[360] Там же.

[361] А. Е. Пресняков приурочивает документ ко времени после 1445 г. (Указ. соч., стр. 401, прим. 1). В. С. Борзаковский датирует грамоту № 18 1446—1447 гг. (Указ. соч., стр. 195 и примечания, стр. 125, № 928). См. также Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 208—209.

[362] ПСРЛ, т. VI, стр. 172—177; т. VIII, стр. 115—119; т. XII, стр. 67—72; т. XV, стр. 492—493; т. XVIII, стр. 196—201.

[363] ПСРЛ, т. IV, стр. 126.

[364] ПСРЛ, т. VI, стр. 178; т. VIII, стр. 121; т. XI, стр. 73; т. XV, стр. 493; т. XVIII, стр. 203.

и бе по волости изъежа велика, и боры частыя, крпчь и рыдание, и вопль, и клятва всими людми на старейшины наша и на град нашь, зане не бе в нас милости и суда права».[365] Самое для нас существенное — это то, что летописец говорит о судебных непорядках в Новгороде и в «волостях» почти в непосредственном контексте с рассказом о захватах и разорении новгородских «волостей», произведенных тверским князем. Поэтому я считаю, что включение в новгородские предложения запрещения брать посулы; требование заканчивать судебные дела там, где они были возбуждены; детальные пункты, касающиеся организации порубежного сместного суда по уголовным делам; статьи о разборе гражданских тяжеб — все это дает право относить грамоту № 18 к 1446 году. Именно тогда встал вопрос о необходимости в какой-то мере нормировать судопроизводство. В литературе не делалось попыток сопоставить договорный проект № 18 с тем памятником новгородского права, который известен под именем Новгородской судной грамоты. Однако между ними имеется несомненная связь. В дальнейшем в разделе, специально посвященном Новгородской судной грамоте, при изучении истории ее текста, я постараюсь показать, что одну из редакций этого памятника следует датировать временем около 1446 г. Таким образом получается интересный вывод: злоупотребления в области суда вызвали в 1446 г. судебную реформу. В какой мере реформа эта носила классовый характер — будет выяснено в указанном разделе о Новгородской судной грамоте. Сейчас нам важно другое: в 1446 г. нормы, касающиеся судопроизводства, были зафиксированы одновременно в новгородских предложениях, адресованных тверскому князю, и в памятнике внутреннего новгородского законодательства. В договорном проекте, посланном Борису Александровичу, речь шла о вопросах сместного суда между тверичами, новгородцами и новоторжцами; в редакции Новгородской судной грамоты указанного времени — специально о суде новгородском. Но в ряде статей договорного проекта № 18 и Новгородской судной грамоты звучат общие мотивы. Например, Новгородская судная грамота (как и грамота № 18) борется с «посулами»: «... а докладщиком от доклада посулу не взять...»[366] Мы видели выше, что в новгородских предложениях, адресованных Борису Александровичу, имелась статья, запрещавшая перенос судебных дел из одного места в другое, поскольку это способствовало затяжке в их разрешении и вело к судебной волоките. Та же тенденция чувствуется и в Новгородской судной грамоте. Она находит свое выражение в двух направлениях. Во-первых (как и в грамоте № 18), имеется запрет передавать дела из одной коллегии докладчиков в другую: «а при которых докладчиках суд роскажет, ино тем докладчиком тот суд кончать».[367] С другой стороны, устанавливается предельный срок (месячный или двухмесячный) для завершения дела и вынесения по нему судебного решения: «А орудье судить... месяць, а дале того им орудья не волочить...»; «а земное орудье судити два месяця, а болши дву месяць не волочити...»[368] Наконец, в Новгородской судной грамоте имеются развернутые статьи об ответственности за укрывательство уголовных преступников по делам «о татбе, и о розбое, и о грабежи, и о пожозе, и о головщине, и о холопстве».[369] Точно так же и договорный проект № 18, применительно к

---

[365] ПСРЛ, т. IV, стр. 124. См. также П. А. Рожков. Политические партии в Великом Новгороде XII—XV веков. Исторические и социологические очерки. Сборник статей, ч. 2, М., 1906, стр. 67.

[366] М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 179, ст. 26 Новгородской судной грамоты.

[367] Там же, стр. 177, ст. 20 Новгородской судной грамоты.

[368] Там же, стр. 177 и 179, ст. 9 и 28 Новгородской судной грамоты.

[369] Там же, стр. 182—184, ст. 36—37 Новгородской судной грамоты.

сместному порубежному суду, требует выдачи с обеих сторон татей и разбойников.

Итак, мне кажется, что анализ текста № 18 весьма убедительно свидетельствует о тех побудительных причинах, которые вызвали в 1446 г. обращение новгородцев к тверскому князю Борису Александровичу с предложением о заключении договора. Но тот же вопрос об исторических условиях появления грамоты № 18 требует подхода и с другой стороны. Необходимо выяснить основные линии политики тверского князя 40-х годов XV в., заставившие его устремить внимание на Новгород и совершить ряд походов к новгородским границам.

Проект договора Новгорода с Тверью, дошедший до нас в виде грамоты № 18, важен для характеристики политического значения Тверского княжения при Борисе Александровиче. В это время Тверь выступает с развернутыми политическими притязаниями на владение великим Владимирским княжением. В составе Тверского летописного сборника сохранилось интересное «Предисловие летописца княжения Тферскаго благоверных великих князей тферьскых». Оно написано по заказу князя Бориса Александровича, к которому и обращается составитель: «...благочестна дръжателю, православных и христолюбивых князя Бориса, еже повелел ми есть написати от слова честь премудрого Михаила боголюбивого князя...»[370] Как выяснил А. Н. Насонов, «Предисловие» открывало собой летописный свод Тверского княжества, составленный в середине 50-х годов, при Борисе Александровиче.[371] В дошедшем до нас тексте Тверского сборника «Предисловие» находится явно не на месте (под 1402 г.).

В «Предисловии» имеется перечень земель, якобы когда-то принадлежавших отцу Бориса великому князю Александру Михайловичу: «...яко дрьжавному Александру владеюще землею Рускою, Володимерем, и Великым Новымгородом, и всею страною до моря Варяжского, и паки Новымградом Нижним, и до предел Измаилтеских, и въсточными странами обонъпол Устюга до рекь Угорскых, даже и до моря Печерского, и повсюду честному его имени възносящеся».[372] Список земель, принадлежавших Александру Михайловичу, в большей своей части не соответствует действительности, но важен как показатель чаяний тверского правительства середины XV в. — это проекция в прошлое политической программы княжения Бориса Александровича не в смысле завладения *всей* названной территорией, но в смысле поднятия престижа Твери в качестве великокняжеского центра. Некоторые исследователи считали возможным говорить, что Тверь при Борисе Александровиче выдвигает национально-объединительные лозунги, стремясь сыграть ту роль общерусского центра, которая впоследствии досталась Москве.[373] Это видно, между прочим, из характеристики, данной автором «Предисловия» Александру Михайловичу, который, по его словам, «также самодрьжец бе, владеяше землю Рускую, якоже и отець его Михаил и вси прадеди его».[374]

Особенно активное стремление Твери выступить на политическую арену падает на период конфликта Василия II с Юрием галицким и Дмитрием Шемякой. Ряд летописей сообщает, что Борис Александрович принял участие («бысть единомысленик») вместе с Шемякой в ослеплении великого

---

[370] ПСРЛ, т. XV, стр. 463.

[371] А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества (Известия АН СССР, VII серия, отд. гуманитарных наук, 1930, № 10, стр. 742—746).

[372] ПСРЛ, т. XV, стр. 466.

[373] Я. Лурье. Роль Твери в создании Русского национального государства. Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 36, серия исторических наук, вып. 3, Л., 1939, стр. 101.

[374] ПСРЛ, т. XV, стр. 465.

московского князя.[375] В интересном памятнике тверской политической литературы середины XV в., открытом Н. П. Лихачевым и известном под названием «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче», находим другую версию. Борис Александрович не участвует в заговоре Шемяки против московского князя. Более того, когда Шемяка извещает Бориса об ослеплении и заточении Василия II и просит принять его (Шемяки) сторону («...да и ты бы еси нам способьствовал по христианстве...»), тверской князь явно объявляет себя сторонником Василия («...и въсхоте ж стати по своем брате по велнком князе Василии...»).[376] Но «Слово инока Фомы» приписывает решающую роль Борису в доставлении московского великокняжеского стола Василию Темному: «... и егда же оумолим (Борис) бысть от него (Василия) и тогда подаде братоу своемоу честь великоу великомоу князю Василию, и дары многы, и отпоусти его на первое его государство...»[377]

И «Слово инока Фомы», и цитированное выше «Предисловие» относятся к тому времени, когда феодальная война между великим князем московским и удельным галицким уже закончилась в пользу первого. Это накладывало определенный отпечаток на литературу середины XV в., заставляя ее авторов о многом умалчивать. Но несомненно, что, воспользовавшись феодальной распрей, Тверь стремилась усилить свои политические позиции, и с тверским князем в это время были вынуждены считаться и Василий II, и Дмитрий Шемяка. Не случайно в «Предисловии» к летописному своду Бориса Александровича приводится историческая справка о владениях великого князя Александра Михайловича, и среди них на первом месте названы Владимирское великое княжение и Новгород. Мы вправе сделать из этого вывод, что, продержав «на опасе» несколько месяцев новгородских послов к Шемяке и не допустив заключения договора между Шемякой и Новгородом, Борис Александрович хотел заставить новгородцев вступить с ним в договорные отношения по типу докончальной грамоты его отца Александра Михайловича. А это могло быть связано с претензиями Бориса и на великокняжеский Владимирский стол. Речь шла именно о восстановлении договорной грамоты времени Александра Михайловича, а не Михаила Александровича, при котором не было выработано устойчивого формуляра договорных отношений Новгорода с великим князем. Тот проект, который был адресован новгородцами Борису Александровичу, не мог его удовлетворить, так как хотя он и назван в грамоте № 18 «великим князем», но договорный текст не предоставляет ему в Новгороде великокняжеских прав. Новгород ограничивается предложением уладить пограничные земельные и судебные недоразумения. Новгородцы сами понимали, что предложенный ими текст не отвечал тому, чего хотел Борис. И это чувствуется в последних словах грамоты № 18, в которых новгородцы обещают не претендовать на посла Павла Федоровича, если их условия будут отвергнуты в Твери: «...или князь великии Борис Олександрович того не похочет, ино Великому Новгороду на Павла не помолвити». Проект действительно не был принят тверским князем. А дальнейшая политика Бориса Александровича, выразившаяся в союзе с московским князем Василием II, скрепленном браком между сыном Василия Иваном Васильевичем и тверской княжной Марьей Борисовной, естественным образом изменила характер новгородско-тверских отношений. Во-

---

[375] ПСРЛ, т. III, стр. 141; т. IV, стр. 125; т. VI, стр. 173; т. VIII, стр. 115; т. XII, стр. 67; т. XVIII, стр. 196.

[376] «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». Сообщение Н. П. Лихачева. Памятники древней письменности и искусства, CLXVIII, стр. 41—42, лл. 288 об. — 289.

[377] Там же, стр. 45—46, л. 297.

прос о договоре Бориса с Новгородом на правах великого князя отпал. Однако, как увидим далее, в ответ на предложения новгородских властей (текст № 18) тверской князь выдвинул свои, и новгородцы должны были с ними согласиться, хотя в силу изменившихся московско-тверских отношений этот ответный тверской проект и не был претворен в жизнь.

Те выводы, которые были сделаны выше относительно грамоты № 18 как исторического источника для изучения политики Тверского княжества середины XV в., приобретают еще бо́льшую убедительность при сравнении этого памятника с договором Новгорода с литовским князем Свидригайлом Ольгердовичем (по «Собранию государственных грамот и договоров» № 19).[378] Это последний подлинный документ из того собрания договорных грамот Великого Новгорода, которое хранится в Государственном древлехранилище ЦГАДА. Выше уже была высказана мысль о том, что новгородское докончание с Свидригайлом № 19 попало в московский великокняжеский архив не непосредственно из Новгорода, а через Тверь. Сейчас следует попытаться, во-первых, обосновать это предположение, показав, что изучаемая докончальная грамота не была вывезена в Москву из Новгорода после его завоевания Иваном III. Во-вторых, необходимо выяснить, когда, как и зачем она оказалась в руках тверского правительства. Предваряя дальнейшие выводы, укажу, что это произошло при Борисе Александровиче в связи с его попыткой твердо стать в Новгороде, показателем чего является договорный проект № 18.

Прежде всего интересно, что договор со Свидригайлом представляет собой единственную *новгородско-литовскую* докончальную грамоту, сохранившуюся в настоящее время в составе московского великокняжеского архива (фонд Государственного древлехранилища ЦГАДА). Между тем, нам известно, что после присоединения Новгорода московское правительство конфисковало какие-то документы, касающиеся новгородско-литовских отношений. Согласно летописным данным, в 1478 г. Иван III, будучи в Новгороде, «велел... наместнику своему князю Ивану Васильевичю Стриге поимати у новгородцев грамоты докончалные, что докончания ни было им с великими князи с литовьскими и с королем. И князь Иван поимал у них те грамоты докончалные и принесе их к великому князю...»[379]

Просмотр архивных описей XVI—XVII вв. дает некоторые указания на тексты тех новгородско-литовских договоров, которые уже после падения самостоятельности Великого Новгорода находились вначале в московской великокняжеской казне, затем в архиве Посольского приказа. Опись XVI в., перечисляя содержимое 60-го ящика, говорит, что в нем были собраны специально документы, относящиеся к Литве и Польше: «Грамоты докончалные и перемирные Казимера короля [очевидно, польского короля Казимира Ягайловича IV], и иных старых королей, с великими князьями старыми [очевидно, московскими], и с великим князем Иваном [III Васильевичем], и с великим князем Васильем [III Ивановичем]; список с перемирные грамоты с Олександром королем [польским королем Александром Казимировичем], и *королевские грамоты с Великим Новгородом, и иные грамоты старые*».[380] Не совсем понятно это глухое упоминание «королевских грамот с Великим Новгородом». Очевидно, имеются в виду не сохранившиеся в настоящее время в Государственном древлехранилище экземпляры новгородских докончаний с Казимиром IV, тексты которых дошли до нас другим путем — именно, с одной стороны, в составе Литовской метрики, с другой — в сборнике новгородских документов, возникшем в Москве при Иване III. Опись царского архива XVI в.

[378] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. III, № 17.
[379] ПСРЛ, т. XII, стр. 188.
[380] ААЭ, т. I, стр. 341. Курсив мой. — *Л. Ч.*

имеет в виду, возможно, как раз подлинники (новгородские противни) или списки докончальных грамот с Казимиром, конфискованные Иваном III в 1478 г. Наконец, оригинал договора Новгорода с Казимиром первой половины XV в. находится в фонде Приказа тайных дел,[381] куда он попал из Литвы.

Описи архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг. называют лишь два договора Великого Новгорода с литовскими князьями: 1) Витовтом Кейстутовичем (ныне утраченный) и 2) Свидригайлом Ольгердовичем (текст которого и в настоящее время хранится в Государственном древлехранилище). Оба документа уже в начале XVII в. пришли в полную ветхость. Вот те данные, которые сообщает относительно их внешнего вида опись Посольского приказа 1626 г.: 1) «Грамота великого князя Витофта в Великий Новгород ко владыце, и к посаднику, и к тысецким, и всему Новугороду, что присылали к нему просити к себе брата ево князя Семиона; писана июня в 2 де[нь], а в котором году, того не написано; грамота ветха и изодралася; печать отпала; тут же с нее список»; 2) «Грамота докончалная литовского великого князя Швитригайла с новгородцким владыкою сь Еуфимьем и с посадники; писана на харатье, вся потлела и изодралась; лета 6930-го генваря в 25 д[ень]; печать у ней на красном воску».[382]

В отношении докончальной грамоты Новгорода с князем Свидригайлом Ольгердовичем сведения описи 1626 г. могут быть проверены современными наблюдениями над внешностью документа. В настоящее время он обветшал еще больше. В некоторых местах сохранились одни лишь обрывки текста. Печать, существовавшая еще в начале XVII в., теперь утрачена. Что касается несохранившегося докончания с Витовтом, то, судя по приведенным указаниям архивных описей начала XVII столетия, этот документ уже тогда выглядел так же, как и грамота Свидригайла. Это обстоятельство дает некоторые основания предположить, что оба документа с самого начала принадлежали к составу какого-то единого фонда и их постигла какая-то общая судьба, отразившаяся на их внешности (порча от воды или в результате других случайностей). Весьма правдоподобно допустить, что ветхость, в которую очень быстро пришли обе грамоты, объясняется тем, что они не лежали на месте, будучи раз и навсегда сданы в архив в качестве материалов, утративших свою актуальность,— напротив, очевидно, грамоты и после того, как сошли со сцены лица, которые принимали непосредственное участие в их оформлении, долго еще сохраняли свое значение в качестве злободневных документов в политической борьбе более позднего времени, переходя из рук в руки.

Вследствие дефектности текста составители архивных описей начала XVII в. не смогли даже разобрать даты докончания Новгорода со Свидригайлом. В описи 1626 г. находим 6930 (т. е. 1422) год, а в описи 1614 г.— 6903 (т. е. 1395) год. В действительности документ относится к 6939 (т. е. к 1431) году.[383] В 1430 г. Свидригайло занял, по смерти Витовта, ли-

---

[381] АЗР, т. I, стр. 52—53, № 39; Сборник Муханова, изд. 2-е, стр. 3—4, № 3; ААЭ, т. I, стр. 62—64, № 87. Подлинник договора с Казимиром. ЦГАДА. Разряд XVII, Приказ тайных дел № 3. РИБ, т. 21, стб. 15 — 18, № 3.

[382] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., лл. 91 об. — 92. См. также опись 1614 г., лл. 1—1 об., 49—49 об.

[383] Под этой датой (25 января 1431 г.) документ напечатан и в СГГД и у Шахматова (Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV веков, стр. 274—277). Но характерно, что, верно указав в заголовке время оформления грамоты, Шахматов неправильно восстанавливает дефектный текст, содержащий дату: «А писана оу Вилни, в лето шесть тысячное девя[тисот]ое и три [дцатое], индикта 9, генваря 25». 6930 год в переводе на нашу эру дает 1422 год, причем индикт 6930 (1422) года будет равняться не 9, а 15. Индикт 9-й соответствует 6939 (1431) году. Ошибки в датировке грамоты, допущенные в описях 1614 и 1626 гг., объясняются механическим чтением уцелев-

товский княжеский стол, а в 1432 г. был изгнан оттуда,[384] и в Литовском княжестве на его место сел Сигизмунд Кейстутович. В 1431 г. Свидригайло мог заключить договор с Новгородом. Подтверждение этому легко найти в летописном указании под 1432 г. на целование Свидригайлом креста Пскову «по старине» и по «крестоцелованию» Витовта.[385]

Договорная грамота между Новгородом и Витовтом также не датирована составителями архивных описей XVII в., причем, возможно, по той же самой причине: ветхость документа помешала прочесть дату; уцелело в тексте лишь указание на число (2 июня), год же исчез. Поскольку описи 1614 и 1626 гг. кратко излагают нам содержание докончания, мы должны отнести его к 1407 г., когда, по летописным известиям, новгородцы просили себе у Витовта в князья Симеона (Лугвения) Ольгердовича, и Витовт отпустил последнего в Новгород.[386]

Описи 1614 и 1626 гг. дают достаточно ясные указания на то, что тексты докончаний Новгорода с Литвой 1407 и 1431 гг. перешли в московскую великокняжескую казну из тверского государственного архива. В описях начала XVII в. нет никаких упоминаний о тех новгородско-литовских грамотах, которые были доставлены в Москву Иваном III. Если в цитированных выше глухих сообщениях описи царского архива XVI в. видеть ссылки именно на архивные материалы, которые Иван III захватил в Новгороде (договоры с Казимиром), то отсутствие этих ссылок в описях 1614 и 1626 гг. может быть объяснено тем, что ряд новгородско-литовских документов был вывезен в Польско-Литовское государство во время польской интервенции начала XVII в.

Тверское же происхождение договорных грамот Витовта и Свидригайла 1407 и 1431 гг. подтверждается тем, что оба эти памятника, согласно данным архивных описей XVII в., находились в московском государственном архиве в одном фонде с новгородско-тверскими документами (которые были объектом предшествующего анализа)[387] и с литовско-тверским окончанием 1449 г. Это докончание следующим образом было описано в 1626 г.: «Грамота Казимера короля полского с великим князем Олександром тверским лета 6957-го (1449); печать цела; грамота ветха, подралась, тут же вверчен с нее и список».[388] Опись 1626 г. в данном случае допускает ошибочные утверждения. Она имеет в действительности в виду (как это явствует из хронологических данных: 6957 г. — 1449 г.), конечно, договор между Казимиром польско-литовским и великим князем Борисом Александровичем (а не Александром) тверским, подлинный текст которого до нас не дошел, но в книгах Литовской метрики сохранился список с него.[389] То обстоятельство, что все три названных памятника (новгородско-литовские договоры 1407 и 1431 гг. и литовско-тверское докончание 1449 г.) рассматриваются описью 1626 г. как документы единого архивного фонда, свидетельствует об общности их происхождения. Я считаю наиболее вероятным, что Борису Александровичу, от имени которого составлена

ших мест текста, без попытки реставрации или при неправильной реставрации пробелов, вызванных порчей документа. Сейчас (очевидно, так же, как и в XVII в.) можно прочесть: «...в лето шестьтисячное девя...ое и три...» Составители описи 1614 г. прочли уцелевшие числа и получили 6903. В описи 1626 г. дана неверная реконструкция: «три[дцатое]» вместо «три [дцать девятое]».

[384] ПСРЛ, т. II, стр. 354; т. III, стр. 111; т. IV, стр. 121; т. V, стр. 264; т. VI, (стр. 143; т. VIII, стр. 95; т. XII, стр. 9; т. XV, стр. 489; т. XVIII, стр. 170; т. XX, ч. 1, стр. 234; т. XXIII, стр. 146.

[385] ПСРЛ, т. V, стр. 27.

[386] ПСРЛ, т. III, стр. 103; т. IV, стр. 109, 199; т. V, стр. 20 и 256.

[387] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 1—1 об.

[388] ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., л. 92—92 об.

[389] АЗР, т. I, стр. 66—67, № 51. Сборник Муханова, стр. 9—11, № 8.

договорная грамота с Казимиром польско-литовским 1449 г., в плане его политических мероприятий в отношении Литовского государства было необходимо получить в свои руки текст докончаний Новгорода с Витовтом и Свидригайлом. Необходимость этого вызывалась тем, что в политике Тверского княжества литовский вопрос был тесно связан с новгородским. Таким образом, при выяснении тех обстоятельств, при которых докончальные грамоты с Витовтом и Свидригайлом оказались в тверском княжеском архиве, исходной точкой должен служить договор Бориса с Казимиром 1449 г.

Этот договор был заключен после борьбы между Тверью и Литвой за Ржеву, о которой Тверской сборник рассказывает под 1446—1447 гг.[390] Уступленная Василием II Борису — вероятно, за помощь против Дмитрия Шемяки — Ржева ввиду сопротивления ее жителей была завоевана тверским князем. Затем на Ржеву напали литовские отряды, отчего Борис был вынужден спасаться бегством в Опоки. Примирение с Казимиром и было оформлено в договорной грамоте 1449 г., по которой Ржева осталась за Тверским княжеством.

Гораздо более подробный (по сравнению с Тверским сборником) рассказ посвящает эпизоду борьбы за Ржеву «Слово похвальное инока Фомы». В противоположность лаконичной, протокольной летописной записи, в «Слове» мы находим пространное витиеватое литературное изображение, переполненное похвалами храбрости и воинскому искусству тверского князя. Для нас представляет большой интерес та последовательность в изложении событий, которой придерживается инок Фома. После описания взятия тверскими войсками Ржевы, которая по мысли инока Фомы вовсе не была передана Борису Василием II, а представляла собой «прадедину» тверского князя, говорится о посольстве к последнему от Казимира: «И тогда того ж дни прииде к немоу (Борису) посол от его брата от великого князя Казимира королевича именем Давъкши и принесе емоу дары велиции от злата, и от камок драгых, и от сосоудов златых, и от ороужиа, и от конеи борзых, и иноходных...»[391] Далее следуют картины въезда Бориса во Ржеву, обедни и торжественного пира. А затем, после упоминания о том, что Борис отбыл «восвояси», рассказывается о приезде в Тверь новгородских послов: «...но тои ж зимы приидоша посли от Великого Новагорода и добиша челом великомоу князю Борису Александровичу на всеи воле, но как положи бог по сердцоу великому князю Борису Александровичю, как и пожаловати, и тако они челом добили, и пороуб тферскои весь отдаша, а что воеводы тферскиа ходив, повоевали землю их, и что иное оу них поимали, и томоу всемоу погреб».[392]

Об этом посольстве молчат известные нам летописные своды, но из приведенного текста легко заключить, что оно имело отношение к тем тверским набегам на новгородские владения 1444—1446 гг., о которых была речь выше. «Слово» инока Фомы наводит на очень интересные мысли. В свое время мы пришли уже к выводу, что задержка в Твери в течение нескольких месяцев 1446 г. новгородских послов, ездивших к Шемяке, заставила новгородцев отправить к Борису мирные предложения. Как раз об этих мирных переговорах между Новгородом и Тверью, на основе условий, сформулированных в тексте грамоты № 18, и говорит инок Фома. Но из изложения последнего вскрываются такие факты, которые другие, современные ему источники обходят молчанием. Во-первых, совершенно очевидно, что новгородский договорный проект № 18 был заменен в Твери

---

[390] ПСРЛ, т. XV, стр. 493—494.
[391] «Инока Фомы слово похвальное», стр. 50, л. 305—305 об.
[392] Там же, стр. 51, л. 307—307 об.

с согласия новгородцев каким-то иным, разработанным «на всеи воле» тверского князя, хотя, может быть, и не вылившимся в формальное двустороннее соглашение. Во-вторых, очень важно, что в своем «Слове» инок Фома помещает сведения о новгородском посольстве в Тверь между рассказами, с одной стороны, о взятии Борисом тверским Ржевы, с другой — о нападении на Ржеву Казимира и выступлении против него Бориса Александровича, закончившемся миром 1449 г. Таким образом, инок Фома все время подчеркивает в политике тверского князя неразрывность новгородских и литовских интересов. Борис постоянно зорко следил за Новгородом, зная, что он к себе привлекает внимание литовских и борющихся русских князей. Недаром, говоря о сопротивлении тверского князя Казимиру польскому, завладевшему Ржевой (об этом в «Слове» речь идет дважды), Фома считает нужным и тут бросить опять взгляд в сторону Новгорода и указать, что там нашел в это время приют Дмитрий Шемяка: «...Король великопольский и краковьский, и великий князь литовьский Казимир с всеми силами, и еще же и многых земль с ним люди идет на дом святого Спаса, но и на великого князя Бориса Александровича, *и тогда бо соущоу в Новегороде недроуг бысть великомоу князю Борисоу, и князю Дмитрею зовоуму Шемяце*».[393]

В свете всех сделанных выше наблюдений я считаю возможным предположить, что Борис Александрович тверской в то время, когда его отношения с Казимиром были напряженными и когда он боялся литовских домогательств в отношении Новгорода, постарался получить оттуда новгородско-литовские докончальные грамоты, представлявшие собой документы политической важности. Это скорее всего могло случиться в момент пребывания новгородского посольства в Твери в 1446 г. и во всяком случае до заключения в 1449 г. договора между Борисом и Казимиром.

Я считаю, что молчание московских летописных сводов о фактах, связанных с присоединением к Твери Ржевы, и о новгородско-тверских взаимоотношениях, которых касается инок Фома, было сознательным. С московской точки зреня, после возвращения великокняжеского стола Василию II, казались одиозными многие детали, относящиеся ко времени поражения и изгнания московского князя, когда Тверское княжение вело сложную политическую игру одновременно с Литвой, Новгородом и двумя претендентами на московский стол (Василием II и Дмитрием Шемякой). Официальные лица, причастные к летописанию, считали более благоразумным не восстанавливать в деталях политическую обстановку 1446—1449 гг. Свою позицию в отношении Твери и Новгорода в 1449 г. Москва выявила ясно, взяв под контроль новгородско-тверские отношения.

В договоре между московским князем Василием II с его «молодшей братьей», с одной стороны, и Казимиром IV — с другой, заключенном одновременно с докончальной грамотой между Казимиром и Борисом, имеются специальные пункты, касающиеся отношений к Новгороду тверского князя. Все «обидные дела» между новгородцами и Борисом Александровичем решаются «судом и исправой на обе стороны без перевода». При расхождении сторон дело переносится на суд митрополита «кто будет обеима нам (т. е. московскому князю и польскому королю) люб». В случае обвинения митрополитом, выступающим в роли третейского судьи, новгородца, за «исправой» в отношении последнего следит князь московский. Если же митрополит «помолвит» на жителя Тверского княжения, «а тот не исправитца», то в дело вмешивается польский король, который берет на себя «то оправити». Московско-литовский договор считает нужным в особой

---

[393] «Инока Фомы слово похвальное», стр. 31, л. 275—275 об. Курсив мой. — *Л. Ч.*

статье указать Борису Александровичу на то, что он должен «с новгородцы... жити по старине».[394]

Договор 1449 г., как мы видим, сильно стеснял самостоятельность Твери в разрешении своих конфликтов с Новгородом даже по сравнению с новгородским проектом № 18, согласно которому порубежный суд вершится совместно тверским и новгородским боярами, без всякого постороннего вмешательства Москвы и Литвы.

После акта 1449 г., конечно, неудобно было вспоминать на страницах московских летописных сводов, как новгородцы «добиша челом великому князю Борису Александровичу *на всеи воли*» (курсив мой. — *Л. Ч.*). Такую вольность мог себе позволить только житель Тверского княжества и прямой политический единомышленник князя тверского, каким был инок Фома.

Теперь переходим к вопросу о том, почему Борис Александрович заинтересовался именно названными выше докончальными грамотами Новгорода с Витовтом и Свидригайлом. В одной из них речь шла о посажении в Новгороде князя Симеона-Лугвения Ольгердовича. Он был там дважды: в 1389—1392 гг. и в 1407—1412 гг.[395]

Первое его появление в Новгороде произошло вскоре после Кревской унии Литвы и Польши 1385 г. В присяжной грамоте, данной Ягайлу-Владиславу, «королю польскому, литовскому и русскому» в 1389 г., Симеон-Лугвений Ольгердович называет себя «опекальником мужем и людем Великого Новгорода», «поставленным» от Ягайла. От лица новгородцев Симеон-Лугвений дает обещание королю и королеве Ядвиге не отступать от «коруны королевства Полского».[396] Таким образом, в княжение Симеона-Лугвения в Новгороде была сделана попытка со стороны польского правительства заставить Новгород признать свою зависимость от польской «коруны».

В начале XV в. Симеон-Лугвений снова появился в Новгороде, уже при несколько иной политической ситуации. В 1392 г., по знаменитому Островскому договору, во главе Литовского великого княжества стал двоюродный брат Ягайла Витовт Кейстутович, который развернул широкую программу в отношении русских областей.[397] В 1398 г. Витовт заключил с Ливонским орденом на острове Салине договор, согласно которому, уступив магистру часть Жмуди и отказавшись от притязаний на Псков, литовский великий князь выговорил себе помощь со стороны рыцарей для завоевания Новгорода. По окончании переговоров, на пиру у магистра, литовские бояре, не спрашивая согласия Ягайла, провозгласили Витовта «королем Литвы и Руси».[398] Правда, этот застольный акт не имел практического результата, и уже в 1401 г. в Вильне Витовт дал Ягайлу гарантию в соблюдении унии.[399] После некоторого разлада в отношениях между Лит-

---

[394] АЗР, т. I, стр. 64, № 50.

[395] ПСРЛ, т. III, стр. 94—96, 103—105; т. IV, стр. 96—99, 109—114.

[396] АЗР, т. I, стр. 26, № 10.

[397] А. Барбашев. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы (1410), СПб., 1885, стр. 8, 66; М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, М., 1900, стр. 18—19.

[398] А. Барбашев. Указ. соч., стр. 83—87; М. К. Любавский. Указ. соч., стр. 25—26.

[399] А. Барбашев. Указ. соч., стр. 103; М. К. Любавский. Указ. соч., стр. 27—28. Сближению Витовта с польским королем способствовала в значительной степени неудача его замыслов в отношении Золотой Орды и русских княжеств. Витовт приютил у себя бежавшего к нему в результате смут хана Тохтамыша. Русские летописи приписывают Витовту намерение, водворив Тохтамыша в Орде, при его помощи овладеть Московским великим княжением, Новгородом и Псковом (ПСРЛ, т. III, стр. 101; т. IV, стр. 103, 143; т. V, стр. 251; т. VIII, стр. 72; т. XI, стр. 172). Витовт добился от папы Бонифация IX провозглашения в Польше, Литве и Валахии крест-

вой и Орденом Витовт в 1404 г., с согласия Ягайла, возобновил в Рацянже Салинский договор, условия которого соблюдались до 1409 г.[400] В этот период в Новгород и вернулся Симеон-Лугвений. Он рассматривал себя в качестве вассала Витовта и Ягайла, находящегося на новгородском кормлении. Таким образом, как и в 1389 г., Литва и Польша стремились через посредство Симеона-Лугвения подчинить себе Новгород. Подобная тенденция очень хорошо вскрыта новгородской летописью под 1412 г. Польское и литовское правительства, ставшие к этому времени на путь борьбы с ливонскими немцами, потребовали и от новгородцев разрыва с ними. Это требование мотивировалось вассальной зависимостью Новгорода от Литвы и Польши: «... что были еще нам клялися служить...» В уста Лугвения летописец вкладывает очень характерную фразу, произнесенную якобы в ответ на нежелание новгородцев нарушить мир с немцами: «Дръжали мя есте у себе хлебокормлениемь, ино ныне братии моеи старешеи, королю и Витовту нелюбо и мне нелюбо, занеже есмь с ними один человек; а с мене целование долов».[401] Говоря языком феодального права, прием новгородцами на кормление Лугвения — «человека» Ягайла и Витовта — расценивался ими как акт коммендации Великого Новгорода Литве и Польше.

Борис Александрович тверской, вырабатывавший текст своего договора с Новгородом во времена осложнения отношений с Казимиром, не мог не обратить внимания на ту новгородско-литовскую докончальную грамоту 1407 г., которая формулировала условия приема новгородцами из рук Витовта его «брата» Лугвения и посредством которой Новгород втягивался в сферу влияния Литвы и Польши. Сложная политика Тверского княжества времени Бориса Александровича, стремившегося к усилению своей самостоятельности, заставляла его, в зависимости от обстановки, менять свои позиции в отношении Москвы и Литвы. Мы знаем, что в третьем десятилетии XV в. Борис находился в союзе с Витовтом[402] и помогал ему в 1428 г. в военных действиях против Новгорода.[403] В 1430 г. тверской князь вместе с Василием II московским ездил на коронацию Витовта в Троки.[404] В период 1446—1449 гг., когда усилился удельный вес Твери, Борис Александрович, оформляя договором свои отношения с Новгородом, естественно привлек для этого политическую документацию времен Витовта.

Еще в большей степени понятен интерес Бориса Александровича к договору Новгорода с князем Свидригайлом Ольгердовичем. Последний пользовался популярностью в русских кругах. Прусский гроссмейстер писал в 1431 г. поверенному Ордена в Риме, что по смерти Витовта (1430) «литовские вельможи, *с общего согласия всех князей и бояр русских*, избрали на великокняжеский престол литовского пресветлейшего князя Болеслава, иначе Свидригайла».[405] Часть литовской знати, в союзе с польскими феодалами, выдвинула своего кандидата на Литовское княжение — Сигиз-

---

вого похода против татар и заручился поддержкой Ордена. На берегах реки Ворсклы отряды Витовта и Тохтамыша в 1399 г. понесли поражение от татарского войска Тамир-Кутлука.

[400] А. Барбашев. Указ. соч., стр. 122.

[401] ПСРЛ, т. III, стр. 105.

[402] АЗР, т. I, стр. 46—47, № 33 (договорная грамота 1427 г. — список XVI в.). В сборнике Муханова (стр. 1—2, № 1) та же грамота дана под неправильной датой — 1393 г. Подлинник — ЦГАДА, Разряд XXVII, Приказ тайных дел, № 2. РИБ, т. 22, стб. 13 — 15, № 2 (дата дефектного оригинала восстановлена ошибочно по поздней помете — 1422 г.).

[403] ПСРЛ, т. XV, стр. 489; т. III, стр. 110; т. IV, стр. 121.

[404] ПСРЛ, т. VI, стр. 149; т. VIII, стр. 95; т. XII, стр. 9; т. XV, стр. 489; т. XVII, стр. 170; т. XX, ч. I, стр. 233.

[405] А. Коцебу. Свидригайло, великий князь литовский, или дополнение к историям литовской, российской, польской и прусской, СПб., 1835, стр. 105.

мунда Кейстутовича. Литовско-русский летописец очень точно охарактеризовал состав двух политических партий — сторонников Свидригайла и Сигизмунда: «... *Литва* ж посадиша великого князя Жидимонта Кестоутевича на великое княженье *на Вилии и на Троцех... И князи роустии, и бояре* посадиша князя Швитригаила *на великое княжение Роуское*».[406] Во время борьбы между двумя претендентами на литовский великокняжеский стол Борис Александрович оказывал военную помощь Свидригайлу, женатому на его двоюродной сестре.[407]

Документы, связанные с деятельностью Свидригайла, могли привлекать интерес Бориса тверского и в ином плане. Свидригайло был свояком соперника Василия II — удельного князя Юрия Дмитриевича галицкого. Боярин Василия II — впоследствии ему изменивший — Иван Всеволожский высказывал в Орде предположение о возможности политического союза между Юрием и Свидригайлом: «Князь Юрьи — князь велики будет на Москве, а в Литве побратим его Швитригайло».[408] Борис Александрович тверской мог возлагать определенные политические расчеты на близость между великим литовским князем и Юрием Дмитриевичем, так как его позиция в феодальной войне Василия II с галицкими князьями на стороне Москвы определилась не сразу. Известно, что Всеволожский, рассорившись с Василием II, ушел в 1433 г. в Тверь, а оттуда в Галич.[409] Естественно, что в середине 40-х годов XV в., когда Борис, поддерживая изгнанного московского князя Василия II, стремился помешать сыну Юрия галицкого Дмитрию Шемяке укрепиться в Новгороде и в то же время должен был оберегать свои только что присоединенные владения от литовских войск, — он пожелал ознакомиться с документом, касающимся отношений Новгорода к Литве в начале 30-х годов, в момент назревания феодальной войны, учесть расстановку политических сил (Тверь — Литва, Новгород — Москва — уделы) в то время, определяя свои позиции в настоящем.

Наконец, касаясь борьбы Бориса тверского в 40-х годах XV в. за Ржеву, следует еще упомянуть, что она в 1408 г. находилась во владении Свидригайла, по пожалованию московского князя Василия Дмитриевича.[410]

Переходя теперь непосредственно к докончальной грамоте между Новгородом и Свидригайлом № 19, следует еще раз подчеркнуть отмеченную выше трудность восстановления ее дефектного текста. В свое время К. А. Неволин [411] указал на то, что для реконструкции текста новгородского договора с Свидригайлом следует исходить из более поздней новгородской договорной грамоты с Казимиром около 40-х годов.[412] Указанием Неволина воспользовался и А. А. Шахматов в примечаниях к своему изданию новгородских актов. Детальный текстуальный анализ действительно показывает, что докончание с Казимиром 40-х годов часто почти дословно воспроизводит содержание грамоты Свидригайла 1431 г. Ниже предла-

---

[406] Летопись великих князей литовских (приготовлено в изданию А. Н. Поповым). Ученые записки второго отд. Академии Наук, кн. 1, СПб., 1854, отд. III, стр. 50; ПСРЛ, т. XVII, стр. 61, 133, 180, 284, 335, 396.

[407] Летопись великих князей литовских, стр. 50—51; ПСРЛ, т. XV, стр. 489; т. XVII, стр. 62, 134, 179, 285, 335, 396.

[408] ПСРЛ, т. VIII, стр. 96; т. XII, стр. 16; т. XVIII, стр. 171.

[409] ПСРЛ, т. VIII, стр. 97; т. XII, стр. 17; т. XVIII, стр. 172; т. XX, ч. 1, стр. 238.

[410] ПСРЛ, т. VIII, стр. 82; т. XI, стр. 204; т. XVIII, стр. 155; т. XX, ч. 1, стр. 225; т. XXIII, стр. 142; т. XXIV, стр. 174.

[411] К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских в XVI в. Записки Русского географического общества, кн. VIII, СПб., 1853, стр. 222, прим. 2.

[412] Напечатана в РИБ, т. XXII (ст. 15—18, № 3). АЗР (т. I, стр. 52—53, № 39) и в сборнике Муханова (стр. 3—4, № 3) под 1440 г. или позже. Подробнее о дате см. ниже.

гается конъектуральное чтение последнего документа [413] на основе сличения с грамотой Казимира.

1431 г. я н в а р я 25. Договор литовского князя Свидригайла Ольгердовича с Новгородом.

[Се яз великии князь Швитрикгаило Литовьскои земли] и многих Руских земль докончал ес[м мир вечныи с владыкою с Еуфимьем [414]] богоспасаема Великого Новагорода, и с посад[ником ....., и с тысяцким.....[415] и] со всим Великим Новымгородом. А приехали от [Новагорода Борис Юрьевичь, и от житьих Иван Ермолинич,] Григореи Захарьинич, [с тыми есми] мир конча[л. А што моих людей, или литвин, или витбленин, или полочанин], или [с]молнянин или с [ын]ь [х] наших Руских земль, тым [путь чист изо всеи моеи отчины, торговати им] в Новегороде без пакости по старине. А торгова[ти с новгородци. А хто приедет с великого князя тов]аром, торговати им с [новгородци] в Немецком дворе.... [Такоже и новгородцом изо всеи Новгородской волости торгова]ти без пакости [по всеи] Литовскои земли [по старине.] А мне [великому князю Швитрикгаилу блюсти новгородца, как и своего литвина. Такоже и нов]городцом бл[ю]сти литвина [как и своего новгородца. А мне великому князю Швитрикгаилу на новгородском пути, и на] новоторъж[ском пу]ти[, и на всих пу]тех в[всеи Новгородской волости пути не переимати гостя никакоже, кто [поедет] в Но[вгород или з]Нова[города. А где новгородца в ратном имуть, пустити его] с то[варом] [без пакости] [или новгоро]дци литвина в ратном имуть, пустити его, а ему, право рек, свое [взяти.] Аже [взгоном... в блазну] возмуть [новгородское, или человек или лошадь, ехав и с тое] волости человеку к воеводе, рек [ему] право, [а] свое [ему] взяти, [а им дати, или черес то село возмут или два, то уже] измена, а с нас правда... доловь, а в право рек свое взяти или черес то село...[416] [А] межи собою нам будучи в любви, за хо[лопа, за робу, за должника, за поручника, за роз]бойника не стояти ни мне, ни вам, [а выдати его по исправе. А оучиниться пеня гостю нов]огородскому в Литве, тамо ему и [кончати по княжой правде и по хрестному целованию. И] ли оучинится пеня в Новегороде полоча[нину, или витблянину, или литвину, или русину с нашего] великого княженья, кончати в Новегороде [по княжой правде и по хрестному целованью. А рубеж Нову] городу с Литвою по старому рубежу [земли, и воды, и с полочаны, и с витбляны, и с торопьчаны. А на Молвятичох] взяти [мне] князю вели [кому два рубли, а тивуну рубль за петровщыну. На Кунску взяти мне князю великому рубль], а тиву[ну полтина. На Березовци взяти мне князю великому] полтора ру[бл]я да [тридца]ть куниць. [На Стержи тридцать куниц да шестьдесят белок, а петровщины рубль. В Мореве сорок куниц, да два сорока белок, да петровщины рубль. А в Севяне пол-рубля. [А в Жабне двадцать куниц, да сорок белок, да петровщины рубль. А пиво с] перева[ры, а]мед по силе.[417] А на Лопа[стичох и на Буйчох у чорнокуньцов по две куницы да по две белки, а слуг]ам

---

[413] При восстановлении текста не делалось попытки воспроизвести язык дефектного оригинала, поэтому все конъектуры даются по новой орфографии.

[414] Архиепископ новгородский Евфимий избран в 1423 г. (ПСРЛ, т. III, стр. 140), умер в 1458 г. (т а м ж е, стр. 141).

[415] Указать имена посадника и тысяцкого, занимавших свои должности в 1431 г., невозможно за отсутствием данных (см. Д. П р о з о р о в с к и й. Новые розыскания о новгородских посадниках. Вестник археологии и истории, изд. Археологического института, вып. IX, СПб., 1892, стр. 119).

[416] Этот текст в оригинале договора Новгорода с Казимиром читается так: «Аже узгоном..в блазну возмуть новгородское, или человек, или лошадь: ехав ис той волости чоловеку к воеводе, а рек право свое взяти, а им дати; или черес то село. возмуть или два, то уже измена, а с нас правда доловь...»

[417] В договоре с Казимиром: «мед сытити по сил».

трем по белце. А на[Луках наш тивун, а ваш тивун: суд им напоы. А торопецкому тивуну] по Новгор[од]ской во[ло]сти не [судити, ни ржовскому...]... на петровщину... перевары мед... [сы]тыти.[418] А тивуну [ездити по переваром в пятинадцяти] человеках, по чернокуньцом, так[оже в] пятинадцять человеках. [А в Новгородской волости ненадобе ништо] иное Литве: ни на Дем[янн, ни] на Сне, ни на Полонове [ненадобе брати черное куны, ни иное ничто же]. А кончил яз князь великии Швитрикгайло мир [со всим Вел]ким Новымгородом, и с пригс[роды, и] со всею волостью Новогородскою по сеи грамоте [и] ру [беж дал]. [Оже оучинниться] нелюбье мне князю великому [Ш] витрикгайлу до Великого Новагорода или Новугороду до великого князя Швитрикгайла, или будеть мир нелюб, сослався [и г]рам[о]т[у ото]сла [в], а после грамоты месяць не воеватися. А как [месяць] изойдеть, то же ся воевати. А на семь на всем яз князь великии Швитрикгайло крест цело[вал], такоже и послове новгородскии Борис Юрьевичь, и от житых [людии] Иван Ермолинич, Гри[горей] Захарьинич крест целовали [от всего Вел]икого Новагорода [по любви, вправду,] безо в[сякого]извета. А литовским послом по Новгоро[д]ской волости подвод не имати. А ново[гор]одским [послом] по Литовской [волости подв]од не имати. А писа[на] оу Вилни в лето шестьтисячное девя[тисот]ое и три [дцятое и девятое] индикта 9 ге[н]варя 25.

Таким образом, основное содержание договорной грамоты 1431 г. сводится к вопросам об урегулировании торговых отношений между новгородскими и литовскими купцами; разрешении судебным порядком недоразумений между ними; установлении новгородско-литовской границы; предоставлении литовскому князю держать тиуна и взимать определенные сборы в ряде новгородских «волостей». Повидимому, как это следует из сопоставления текстов, формуляр новгородско-литовского докончания подобного типа начал складываться к концу XIV в., ко времени появления в Новгороде князя Симеона-Лугвения на правах новгородского кормленщика и «опекальника» новгородских мужей, поставленного польским королем и литовским великим князем. В это время влияние тверских князей в Новгороде постепенно падает, и Литве приходится вести борьбу за Новгород с Москвой.

Текстуальная близость договора Новгорода с Казимиром IV сороковых годов XV в. к новгородской докончальной грамоте со Свидригайлом 1431 г. (и, возможно, к не дошедшей до нас грамоте Витовта 1407 г.) проливает новый свет на вопрос о появлении двух последних документов во времена Бориса Александровича в тверском великокняжеском архиве.

Договор с Казимиром имеет в «Актах Западной России» дату: 1440 г. или позже. Основания для подобной датировки не приведены, но, повидимому, они следующие: 1) Казимир титулуется великим князем литовским, каковым он был в период с 1440 по 1447 г., когда получил польскую корону. 2) К декабрю 1440 г. относится договор Казимира с Псковом, по содержанию близкий к новгородскому.[419] 3) Некоторые официальные новгородские лица, упоминаемые договорной новгородско-литовской грамотой (Федор Олисеевич, Есиф Васильевич) встречаются в летописи незадолго до 1440 г. — в 1435 г.[420] 4) 1440—1441 гг. — время размирья Новгорода с великим князем московским Василием Васильевичем.[421]

---

[418] В договоре с Казимиром: «А торопецкому тивуну по Новгородской волости не судити, ни ржовьскому. А в Любокове и в Заклинье по две куницы да по две беле, а за петровщину сорок бел, а в Ржеве по две куницы да по две беле, а мед сытити по силе с перевары».

[419] АЗР, т. I, стр. 51—52, № 38. Сборник Муханова, стр. 2—3, № 2.

[420] ПСРЛ, т. III, стр. 111; т. IV, стр. 121.

[421] ПСРЛ, т. III, стр. 113; т. IV, стр. 122.

На основании летописных данных с наибольшей вероятностью можно отнести текст новгородского докончания с Казимиром к 1445 г. Нам известно, что в это время «по новгородскому прошению» в Новгород приехал из Литвы князь Иван Владимирович и получил в кормление как раз те пригороды, на которых когда-то сидел Лугвений, а затем сын последнего Юрий. Мы вправе допустить, что Иван Владимирович пребывал в Новгороде на тех же началах «опекальника», посаженного Казимиром, на каких в свое время кормился «человек» Ягайла польского и Витовта литовского — Лугвений. Я это заключаю из того, что вскоре после приезда Ивана Владимировича Казимир обратился к новгородцам с предложением вступить с ним в непосредственные отношения. «А из Литвы князь великий Казимир присла в Новгород, а ркучи тако: возмите моих наместников на Городище, а яз вас хочу боронити, а с князем есмь с московьским миру не взял. вас деля»[422]. Новгородцы, по словам летописи, отказались от предложения Казимира принять его наместников («по тому не яшася»), но весьма вероятно, что какое-то соглашение с Казимиром (в это время или раньше — в момент приезда Ивана Владимировича) все же было оформлено, или, во всяком случае, был разработан его проект (текст, напечатанный в «Актах Западной России»). Если принять выдвинутое предположение, то многое из того, о чем говорилось выше, станет еще более понятным. В 1446 г. Борис тверской, ведя переговоры с новгородцами, все время держал в поле своего зрения Литву именно в силу того, что Казимир только что перед этим делал вполне определенные шаги для упрочнения в Новгороде. Тексты новгородско-литовских договоров 1431 г. и 1407 г. были нужны Борису Александровичу потому, что на их основе построена договорная грамота Новгорода с Казимиром 1445 г. Литовско-тверские отношения из-за Ржевы обострялись новгородским вопросом. Предпосылка о существовании новгородско-литовского договора 1445 г. объясняет, почему инок Фома усматривает связь между борьбой Казимира с Борисом и посольством новгородцев в Тверь в 1446 г. Наконец, Василий II включил в текст своего докончания с Казимиром в 1449 г. пункт о Новгороде, имея в виду парализовать новгородско-литовские связи, вылившиеся в соглашение 1445 г.

От второй половины XV в. в Тверском великокняжеском архиве нет уже ни одной договорной грамоты с Новгородом.

---

[422] ПСРЛ, т. IV, стр. 123.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НОВГОРОДСКИЕ ДОКУМЕНТЫ МОСКОВСКОГО ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО АРХИВА

§ 1. Сборник новгородских и двинских актов 1471—1476 гг.

Если в Государственном древлехранилище ЦГАДА сохранился архив Тверского княжества, в составе которого до нас дошли договоры между Тверью и Новгородом, позволяющие проследить историю новгородско-тверских взаимоотношений на протяжении почти двух столетий (XIII—XV), то подлинные докончальные грамоты московских князей с Новгородом, к сожалению, утрачены. Из позднейших ссылок[1] мы знаем о существовании договоров с Новгородом всех московских князей, начиная с Ивана Калиты и кончая Иваном III, но исследователь не имеет в своем распоряжении ни новгородских, ни московских их противней, о которых не упоминают также и архивные описи XVI—XVII вв. Приходится довольствоваться списками, большинство которых дошло до нас на страницах интересного сборника конца XV в., хранящегося в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина за № 0—IV—№ 14 и заключающего в себе целый ряд новгородских и двинских грамот. На этом памятнике очень легко и ярко можно продемонстрировать одно явление, к сожалению, довольно часто встречающееся в исторической литературе. Источник может появиться в печати, фигурировать в качестве объекта ссылок в целом ряде научных исследований и в то же время остаться по существу совершенно не обследованным. Так было и с названным сборником. Он уже давно фигурирует в литературе, так как в издании «Актов Археографической Экспедиции» были напечатаны все скопированные в нем акты, в том числе такие ценные памятники, как Двинская уставная грамота конца XIV в., Новгородская судная грамота в редакции конца XV в., ряд договоров московских князей с Великим Новгородом XIV—XV вв. и т. д. Между тем, никто из исследователей до сих пор не обратил внимания на этот сборник *в его целом*. Даже новейшая работа Б. М. Кочакова, посвященная составу и происхождению Новгородской судной грамоты, не ставит вопроса о характере той рукописи, в составе которой она до нас дошла. Кочаков ограничивается простым упоминанием, да и то лишь в примечании, этого «известного сборника новгородских и двинских гра-

[1] АИ, т. I, стр. 486, № 258; ААЭ, т. I, стр. 42, № 57; стр. 66, № 91.

мот».[2] Между тем названный источник, повторяю, до сих пор известен недостаточно. Ближайший же анализ сборника показывает, что это было цельное произведение по своим задачам и подбору документов.

Дальнейший анализ сборника позволит нам выделить в его составе два хронологических пласта, относящиеся к 1471 и к 1475—1476 гг., т. е. к двум походам Ивана III в Новгород. Первая дата — это время начального приступа к работе, предварительного подбора материала. Закончилось же составление памятника, повидимому, в 1475—1476 гг. Сборник, несомненно, московского происхождения, и подбор новгородских и двинских документов сделан по заданию Москвы; он должен был обслуживать цели московской политики в отношении Великого Новгорода. До сих пор было известно, что Иван III в своей борьбе с новгородской «стариной» использовал в качестве полемического орудия, в качестве обвинительного средства, летописные тексты. Действительно, он взял с собой в Новгород дьяка Степана Бородатого, умевшего «говорити по летописцем руским, егда рече, приидут, и он воспоминает ему говорити против их измены давные, кое изменяли великим князем в давныя времена отцем его, и дедом, и прадедом»[3]. Развернутое сейчас понимание указанной рукописи Публичной библиотеки как сборника, составленного по единому плану и в единых целях, позволяет утверждать, что наряду с обращением к летописям правительство Ивана III проделало большую работу по изучению архивных документальных фондов в целях мобилизации актов государственной важности, которые могли бы быть использованы в наступлении на новгородские вольности. Для того чтобы обосновать все сказанное мною в отношении сборника, прежде всего необходимо подробно ознакомиться с его внешним видом и содержанием. Это рукопись в восьмушку, писанная полууставом конца XV в., на 55 листах.[4] Таким образом, палеографические особенности памятника вполне позволяют отнести его составление к концу XV в. Водяной знак (голова быка), — № 3489 по Н. П. Лихачеву, — датируется 1476 г. На л. 33 вшит подлинный документ также 1476 г. (Список Новоторжских земель).

Скопированные в сборнике материалы легко сгруппировать в несколько, если так можно выразиться, тематических разделов.

Прежде всего, сборник открывается на лл. 1—10 текстом Яжелбицкого договора великого князя Василия Васильевича московского с Великим Новгородом 1456 г. Он изложен в двух грамотах: первая содержит новгородскую редакцию договора, вторая — требования великого князя, принятые новгородцами.[5]

Мне кажется очень существенным и важным, что именно названный акт большой политической важности помещен в самом начале сборника, — этим как бы определяется все направление последнего. В нем мы видим попытку не просто собрать, по возможности, все документы по определенному территориальному признаку (Новгород с колониями), а отобрать из них только то, что отвечало задуманному плану: оправдать документальными ссылками наступательное движение Москвы на Новгород. Иначе непонятно, почему из сравнительно большого количества сохранившихся до нас новгородских договоров с князьями составитель сборника привлек именно Яжелбицкое соглашение и с него первого снял копию. Почему в составе сборника мы не находим ни одного списка договорных

---

[2] Б. М. Кочаков. Новгородская судная грамота. Ученые записки Ленинградского Гос. педагогического института им. М. Н. Покровского, т. V, Историч. факультет, вып. 1, Л., 1940, стр. 9, прим. 1.

[3] ПСРЛ, т. VI, стр. 192.

[4] ААЭ, т. I, примечания, стр. 1.

[5] ААЭ, т. I, стр. 42—45, № 57—58.

грамот Новгорода с тверскими князьями, или, если в задачу составителя не входило рассмотрение новгородско-тверских отношений, почему он не включил, скажем, более ранний договор с Новгородом Василия Темного, заключенный им в период борьбы с галицкими князьями.[6] Потому, очевидно, что весь смысл работы над сборником заключался в желании мотивировать необходимость восстановления в 70-х годах XV в. великокняжеской, а не новгородской пошлины. Начинаясь с текста Яжелбицкого договора 1456 г., сборник Публичной библиотеки заканчивается документами 1471 г.: договором Ивана III с Новгородом, озаглавленным как «новая докончальная грамота»[7] и связанными с ним другими актами. Вот эти две крайние даты начальной и конечной копий и определяют весь состав сборника. Его составитель вовсе не придерживается хронологического порядка в расположении материала, он преподносит его тематически, в плане отдельных проблем, возникающих в связи с интерпретацией отдельных параграфов соглашений 1456 и 1471 гг. Но все его хронологические отступления и скачки вполне оправданы, так как извлекаемые им материалы более раннего времени тесно связываются с политическими проблемами 70-х годов XV в.

При изучении состава сборника Публичной библиотеки прежде всего необходимо ответить на вопрос, почему его составитель начал свой труд с копирования текста Яжелбицкого договора. Для этого, очевидно, следует оценить в должной мере политическое значение названного документа.

Новгородские предложения, принятые Москвой в 1456 г., не вносили ничего нового в устоявшийся в течение почти трех столетий формуляр докончания Новгорода с великими князьями. Это была та «старина», которая нашла свое отражение в рассмотренных выше текстах новгородско-тверских договорных актов. Но в Москве был выработан ответный проект, оформленный в виде второй (дополнительной) грамоты Яжелбицкого докончания, посвященный обоснованию не новгородской «старины», а великокняжеской «пошлины». Этот дополнительный текст, выдвигавший перед Великим Новгородом ряд важных требований политического характера, повторенных Коростынской докончальной грамотой 1471 г., подготавливал почву для упразднения новгородской независимости.

Известно, что условия Яжелбицкого договора вызвали в Новгороде раздражение. Когда Василий Темный был там в 1460 г. «о всех своих управах», то нашел в городе неспокойное настроение. По словам летописи, «новгородцы во стороже жиша»[8]. Разыгрались волнения, новгородцы поднялись вечем на московского князя,[9] «шильники» пытались убить боярина Федора Басенка.[10] Восстание было успокоено при посредничестве архиепископа Ионы. Житие последнего, составленное, по мнению В. О. Ключевского, в 1472 г., свидетельствует, что в Москве правящие круги еще задолго до похода 1471 г. обсуждали мероприятия, связанные с новым наступлением на Новгород.[11] Я считаю, что одним из этих мероприятий была и подготовка сборника новгородских и двинских грамот, отправной точкой для которого в силу этого, естественно, является Яжелбицкий договор.

Вслед за Яжелбицким договором, на листах 11—16 сборника, скопирован комплекс документов, относящихся к Двинской земле,— это гра-

---

[6] АИ, т. I, стр. 486—488, № 258.
[7] ААЭ, т. I, стр. 66—69, № 91.
[8] ПСРЛ, т. IV, стр.127.
[9] ПСРЛ, т. VI, стр. 182.
[10] ПСРЛ, т. IV, стр. 148.
[11] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, М., 1871, стр. 184—185. Великие Минеи-Четии, ноябрь, стр. 170.

моты на Двину великих князей конца XIII—XIV вв.: Андрея Александровича,[12] Ивана Калиты[13] и Дмитрия Донского,[14] касающиеся княжеских промысловых угодий, и знаменитая Двинская уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича 1397 г.[15]

Перечисленным документам предшествует список великокняжеских владений в Двинской земле («а се земли князя великого на Двине»).[16] Совершенно очевидно, что это не отдельный документ, а своего рода сводка, имеющая специальное назначение, выборка по особому заказу, справка чисто практического характера. Весь указанный мною актовый материал, следующий за Двинским списком, был, очевидно, подобран применительно к нему и должен был представлять историческую иллюстрацию взаимоотношений московского правительства с Двинской землей. Повидимому, такой нарочитый подбор должен был, путем исторических ссылок, оправдать какие-то политические притязания. Поэтому издатели «Актов Археографической Экспедиции» совершили ошибку, когда вырвали этот интересный Двинский список из контекста и механически слили его, поместив в печати под одним номером с двумя другими, как увидим ниже, несколько иного характера выписками, относящимися к Двинскому землевладению.[17]

Мне опять-таки представляется очень важным то наблюдение, которое можно сделать над составом изучаемого сборника в части двинских документов. Если один из списков Двинских земель непосредственно следует за Яжелбицким договором в самом начале сборника, тем самым подчеркивая тесную связь в понимании московского правительства новгородского вопроса с двинским, то последним документом в сборнике является отказная грамота конца 1471 г. о передаче Ивану III ряда Двинских волостей в районе Пинеги и Мезени. Эта грамота так же помещена вслед за договором Ивана III с Новгородом 1471 г., как первый список скопирован после Яжелбицкого договора. В этом, на первый взгляд, может быть, мелком наблюдении, я вижу лишнее свидетельство в пользу своей гипотезы о единстве и цельности сборника Публичной библиотеки.

Двинская земля весьма интересовала московское правительство при разработке им плана похода на Новгород в 1471 г. Еще в конце 1470 г. новгородцы, предвидя возможность нападения на Двину со стороны Волог-

---

[12] ААЭ, т. I, стр. 1, № 1. Грамота (1294—1304) на Двину к посадникам, «скотникам» и старостам по поводу предоставления кормов и подвод атаману княжеских ватаг Андрею Критскому, который пойдет в море, согласно договору князя с Новгородом.

[13] ААЭ, т. I, стр. 1—2, № 2—3. Одна грамота адресована от имени великого князя Ивана Даниловича и новгородских властей (посадника Данила и тысяцкого Аврама) на Двину о предоставлении в ведение какого-то Михаила Печерской стороны. Второю грамотою князь Иван Данилович освободил печерских сокольников от даней и повинностей и поручил их «блюсти» некоему Меркурию. Оба документа датированы в ААЭ 1328—1340 гг. Но первая грамота допускает более точную датировку — она, повидимому, относится к 1328 г. Упомянутые в памятнике официальные лица (посадник Данил, тысяцкий Аврам) встречаются также в договоре Новгорода с великим князем Александром Михайловичем 1327 г. (№ 15). Более ранние новгородские документы (договоры с Швецией и Норвегией 1323 г. и 1326 г.) составлены от имени того же тысяцкого Аврама и посадника Варфоломея. См. П. Бутков. Три древние договора русских с норвежцами и шведами, стр. 337, 340, 346, 349. Antiquités russes..., t. II, pp. 490—492. Б. Тельпуховский. Древние договоры русских князей с норвежскими и шведскими королями. Военно-исторический журнал, № 3/8, стр. 131 и 133. И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические записки», т. 14, стр. 45.

[14] ААЭ, т. I, стр. 3, № 6 — грамота о пожаловании Печорою Андрея Фрязина.

[15] Там же, стр. 8—9, № 13.

[16] Там же, стр. 73, № 94/1.

[17] Это было отмечено П. П. Павловым-Сильванским. Погрешности Актов Археографической Экспедиции. Летопись занятий Археографической комиссии за 1904 г., вып. XVII, СПб., 1907, стр. 10.

ды—Устюга, послали за Волок «в заставу на Двину» принятого ими на службу князя Василия Васильевича Шуйского. Иван III действительно двинулся на Новгород в 1471 г. широким фронтом, «розными дорогами... со всех рубежов».[18] Его брат Андрей Меньшой послал свою рать с Вологды на Кокшенгу, а московские воеводы с войсками из Устюга и Вятки выступили против Шуйского и, разбив его, заставили бежать к Холмогорам. Московская рать прошла по Двине, сжигая и разоряя двинские городки, погосты и села и приводя население за великого князя. Московский летописец рассматривает выступление двинян как «измену»: «Устюжане и вятчане идоша на Двиньские городки и погосты, и множество городов и погостов и сел поимаша, и полону много вземше и возвратишася с победою и корыстью великою, славяще бога и пречистую его матерь богородицю, пособившую над врагы и над изменники великого князя».[19] В этом идеологическом плане подбор документов по двинскому вопросу в изучаемом сборнике также представляет интерес.

Грамоты прежних великих князей, скопированные в сборнике, свидетельствовали об их исконных правах на Двинские промыслы и на связи с двинским боярством: Андрей Александрович адресуется к двинским «посадником и к скотником и к старостам»; Иван Калита — к «двинскому посаднику на Колмогоры и к боярам двинским». Обвинение двинян в измене в семидесятых годах XV в. могло быть подкреплено ссылкой на Двинскую грамоту 1397 г., представлявшую собой особый род «докончания» московского князя Василия Дмитриевича с Двинской землей, нарушенное последней.

Третью группу, опять-таки не случайно подобранных, а органически между собою связанных документов, составляют три договора, на листах 17—27: 1) договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича московского с Новгородом начала 70-х годов XIV в.;[20] 2) соглашение о союзных действиях князей-изгнанников: Ивана Андреевича можайского и Ивана Васильевича серпуховского, нашедших убежище в Литве и мечтавших о возвращении своих уделов на Руси — начала 60-х годов XV в.;[21] 3) договор Новгорода с польским королем Казимиром IV начала 70-х годов XV столетия.[22] Внимательный анализ этого раздела сборника дает возможность вскрыть отчетливую целеустремленность в выборе материала. Основной тон задает, конечно, договор с Казимиром, заключение которого московское правительство расценивало как «измену» со стороны Великого Новгорода. И эту точку зрения надо было подтвердить какими-то аргументами исторического характера. Политические требования Москвы нуждались в исторической мотивировке. И вот появляется на страницах сборника текст договора великого князя московского Дмитрия Ивановича с Новгородом. Почему именно на нем остановили свой выбор составители сборника? Просматривая содержание последнего, мы видим, что в нем, вообще говоря, отсутствуют тексты договорных грамот, рисующих взаимоотношения Новгорода с князьями ранее 1456 г., т. е. Яжелбицкого соглашения. Договор с Дмитрием Ивановичем представляет в этом отношении единственное исключение. И опять-таки мы, естественно, снова возвращаемся к вопросу: что это — дело простой случайности, или здесь есть какая-то логика? Думаю, что мы с полным правом можем ответить

---

[18] ПСРЛ, т VI, стр. 191.

[19] Там же, стр. 193—194. См. также С. В. Рождественский. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI вв. «Известия АН СССР», 1929, VII серия, отд. гуманитарных наук, № 1, стр. 69.

[20] ААЭ, т. I, стр. 4, № 8.

[21] Там же, стр. 50—51, № 70.

[22] Там же, стр. 62—64, № 87.

на поставленный вопрос в последнем смысле. Договор Дмитрия московского резко отличается и по форме и по содержанию от всех сохранившихся до нас грамот, устанавливающих те или иные взаимоотношения Новгорода с князьями. Это, прежде всего, договор о военном союзе. Его назначение — соглашение о борьбе с общими врагами, в первую очередь — с Литвой, затем — с Тверью. Новгород обязуется «всести на конь... сьодиного» при возникновении у Москвы войны с Литвой или Тверью («аж будет обида со князми литовскими или с тферьским князем с Михаилом»). Московский великий князь обещает поставить новгородцев в известность о разрыве московско-литовских или литовско-тверских отношений, лично приехав в Новгород или прислав вместо себя князя Владимира Андреевича. Если Новгород, в свою очередь, подвергнется нападению со стороны Литвы, Твери или немцев, то Дмитрий Иванович берет на себя обязательство, вместе с князем Владимиром Андреевичем, «всести по Новегороде сьодного, по целованью» и до окончания военных действий («доколе ся Новгород с литовским князем, и со тферьским князем Михаилом не умирит, или с немци») не покидать («не метать») города. Кто-либо из князей, или сам Дмитрий, или его двоюродный брат, должны оставаться в Новгороде до заключения им мира. Нарушить это условие князья имеют право только в случае вражеского нападения на их собственные владения («а пойдет на нас рать»). Подобный вынужденный отъезд не считается «изменой» Новгороду. Договор заканчивается краткой формулой, резюмирующей его основную политическую установку: «а княженье бы великое мое держати честно и грозно, без обиды; а мне, князю великому Дмитрию Ивановичю всеа Руси, держати Новгород в старине, без обиды».

После того как мы вскрыли основные мотивы договора между Дмитрием московским и новгородцами, трудно, мне кажется, сомневаться в том, чья рука внесла копию этого важного политического акта на страницы изучаемого сборника. Конечно, это было делом московского правительства Ивана III, которое, расценивая новгородское соглашение с Казимиром IV как «измену», не могло для подкрепления своих политических позиций найти более подходящего документа. Договор с Казимиром находился в прямом противоречии с обязательством, данным новгородцами великому московскому князю Дмитрию Ивановичу «держати честно и грозно, без обиды» великое княжение и участвовать в борьбе великих князей с Литвой.

Не менее интересен и другой, упомянутый нами, договор двух князей Иванов — можайского и серпуховского, заключенный ими в Литве.[23] Текст этого договора прежде всего совершенно убедительно доказывает не новгородское, а московское происхождение сборника. Действительно, московское правительство очень интересовалось деятельностью в Литве двух русских князей-изгнанников, так как в связи с их планами, незадолго до смерти Василия Темного, в начале 1462 г. возник заговор серпуховских детей боярских об освобождении из заключения отца Ивана серпуховского — князя Василия Ярославича. Этот заговор был раскрыт и закончился жестокой расправой московского правительства с виновными. «Тое же зимы, — говорит летопись, — многие дети боярские княже Василиевы Ярославича здумавше себе и целоваша крест межь себя, как бы им пришед изгоном к Углечю и выняти князя своего и бежати с ним; уведен же бысть совет их великому князю, и повеле всех имати, и казнити, и бити кнутьем, и сечи руки и ноги, и носы резати, а иным главы отсекати; тою казнию головною казниша Володю Давыдова, Парфена Брепна, Луку Посевьева и иных».[24] Естественно, что в Москве были заинтересованы текстом

[23] Там же, стр. 50—51, № 70.
[24] ПСРЛ, т. VIII, стр. 150.

литовского соглашения и стремились его получить. Заголовок к этому документу в сборнике Публичной библиотеки рассказывает о путях доставки его из Литвы: «Список с докончальные грамоты со княжы с Ивановы можайского, что кончали в Литве со князем с Иваном с Ярославичевым сыном, а привезл сесь список Володя Давыдов лета 70».[25]

Володю Давыдова летописи, как мы видели, называют в числе казненных в 1462 г. детей боярских — участников заговора, организованного для освобождения Василия Ярославича. Он помещен при этом на первом месте, очевидно, как один из наиболее активных заговорщиков. Заголовок к договору русских князей, эмигрировавших в Литву, датируя его концом 1461 — началом 1462 гг., убедительно доказывает наличие тесных связей между серпуховским дворянством и русскими изгнанниками в Литве, мечтавшими о возвращении потерянных уделов и борьбе с Василием Темным за великое княжение. Список с изучаемой грамоты, доставленный из Литвы, был использован антимосковскими кругами.

Но другой вопрос: каким образом копия этого акта появилась вдруг на страницах сборника, отражающего как будто чисто новгородские интересы своего составителя? Не противоречит ли это нашему представлению о том, что побудительной причиной при создании сборника явились политические замыслы московского правительства относительно Новгорода. Мне кажется, что этот документ не только не противоречит моей гипотезе, но, напротив, чрезвычайно важен для ее подкрепления. Особенно показательно его наличие в окружении договорных грамот Новгорода с Казимиром польским, с одной стороны, с Дмитрием Ивановичем московским — с другой. Если последний документ напоминал новгородцам те обещания их московским князьям, которые они нарушили, вступив на путь соглашения с Казимиром, то договор русских князей, полученный из Литвы, подходил к тому же вопросу несколько с иного конца. Новгородцы своим поступком становились на путь поддержки тех «лиходеев», которым они обещали не оказывать помощи. Ведь Яжелбицкий договор заключал в себе специальный пункт, по которому Новгород не должен был завязывать политических отношений с князьями Иваном Андреевичем можайским и Иваном Дмитриевичем – сыном Шемяки: «А Великому Новугороду князя Ивана Андреевича можайского, и его детей, и князя Ивана Дмитриевича Шемякина, и его детей, и его матери княгини Софьи, и ее детей, и зятьи Новугороду не приимати».[26] Таким образом, включение в новгородский сборник соглашения двух русских князей, заключенного в Литве, не только не нарушало его общего плана, но, напротив, вполне гармонировало с основным замыслом составителя. К этому вопросу мы еще вернемся в иной связи несколько ниже.

Моя мысль о том, что в рассматриваемом разделе сборника центральное место занимает договор с Казимиром IV, а два остальных документа приведены в качестве исторического к нему комментария, подтверждается тем, что договор этот выделен при помощи особого заголовка. Последний подчеркивает его злободневный характер как акта недавнего прошлого: «Список с докончальные, что были написали собе поугородци с королем лета 79-го».

В оставшейся нами не рассмотренной части сборника выделяются еще две группы документов. Одна из них, на листах 28—37, иллюстрирует отдельные параграфы Яжелбицкого договора, затрагивающие, главным образом, область поземельных и финансовых взаимоотношений московских князей и Новгорода в XV в. Это: новгородская данная грамота Ва-

[25] ААЭ, т. I, стр. 51, № 70.
[26] Там же, стр. 44, № 58.

силию II московскому на взимание черного бора,[27] грамота об уплате ему же контрибуции по Яжелбицкому договору,[28] откупная Обонежская грамота,[29] отводный список Новоторжских земель, отданных великим князем Иваном III архиепископу и боярам новгородским в 1476 г.,[30] и два списка Двинских земель.[31] С листа 40 и до 55 идут сплошь документы другой группы — 1471 г.: текст Коростынского договора Ивана III с Новгородом, содержащий две редакции (новгородскую и московскую),[32] грамота об уплате Новгородом Ивану III 15.5 тысяч рублей,[33] Новгородская судная грамота [34] и отказная грамота на Двинские земли.[35] И вот, внимательно присматриваясь к тексту сборника в этих последних разделах, мы находим некоторые основания для выделения в нем, взятом целиком, двух хронологических пластов, соответствующих двум этапам работы составителя. Сравним, прежде всего, два помещенных здесь списка Двинских земель [36] с тем, который мы отмечали в начале сборника.[37] Совершенно очевидно, что они разного происхождения и возникли не одновременно. Простым недоразумением можно только объяснить помещение их под одним номером и одной датой (1471) в издании «Актов Археографической Экспедиции.[38] Первый список лучше, чем два других, буквально оправдывает свое название. Это, действительно, *список* типа простого, голого перечня. Второй список отличается от первого по своему характеру. Он построен на материале судных дел и представляет собой выборку из них с указанием в каждом отдельном случае истца, ответчика и объекта земельной тяжбы. Наконец, третий список дает справку по истории земельных столкновений между новгородцами и московскими волостелями на Двине. Это краткий экстракт из судных списков по делам о грабеже. Этот список, единственный из всех трех, имеет дату — 25 марта 1471 г.[39] Назначение этого спи-

---

[27] Там же, стр. 24, № 32. В ААЭ документ датирован временем около 1437 г. или 1456—1462 гг. В литературе более принята первая дата (1437), когда, согласно летописи, «приеха в Новгород с Москвы, от князя великого Василия Васильевича князь Юрьи Патрикеевичь черного бору прошати, и новогородци даша князю черный бор...» (ПСРЛ, т. III, стр. 112). К 1437 г. относят грамоту Н. М. Карамзин (История государства Российского, т. V, стр. 269; примечания, стр. 184, № 283) и А. Е. Пресняков (Образование Великорусского государства, стр. 296). Однако несомненно, что грамота составлена вскоре после 1456 г. За это говорит, прежде всего, имя степенного посадника Офонаса Остафьевича, который (уже в качестве старого) встречается также в документе 1471 г. — договоре Новгорода с Казимиром (ААЭ, т. I, стр. 62, № 87). Кроме того, все другие акты, в окружении которых находится список грамоты на черный бор в Сборнике Публичной библиотеки, также падают на время около 1456 г.

[28] ААЭ, т. I, стр. 45, № 59.

[29] Там же, стр. 18—19. № 27. Документ отнесен в ААЭ к 1434 г., когда, по летописям, Василий II был в Новгороде (ПСРЛ, т. III, стр. 111). Однако с этой датировкой согласиться нельзя. В начале грамоты указано, что Яким Гуреев и Матфей Петров купили у великокняжеского наместника Григория Васильевича суд в Обонежье. Григорий Васильевич — боярин Г. В. Заболоцкой, который был наместником в Новгороде в середине XV в. и умер в 1473 г. (см. Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., СПб., 1888, стр. 104—108). В сборнике Публичной библиотеки откупная Обонежская грамота помещена среди документов, близких по времени к 1456 г. В конце грамоты читаем: «А купиле (суд) тогды, коли был князь велики Василей Васильевич в Великом Новегороде, ино опосле того с того лета, с того Петрова дни». После Яжелбицкого договора Василий Темный приезжал в Новгород в 1460 г. (ПСРЛ, т. IV, стр. 127; т. VI, стр. 182). Очевидно, этим годом и следует датировать изучаемый документ.

[30] ААЭ, стр. 78, № 101.

[31] Там же, стр. 73—75, № 94/II—III.

[32] Там же, стр. 66—69, № 91.

[33] Там же, стр. 65—66, № 90.

[34] Там же, стр. 69—72, № 92.

[35] Там же, стр. 72—73, № 93.

[36] Там же, стр. 73—75, № 94/II—III.

[37] Там же, стр. 73, № 94/I.

[38] Н. П. Павлов-Сильванский. Указ. соч., стр. 10.

[39] ААЭ, т. I, стр. 74—75, № 94/III.

ска вполне отчетливо выясняется из последнего помещенного в сборнике документа: отказной Новгородской грамоты того же 1471 г.[40] Грамота адресована от новгородского архиепископа, посадников, тысяцких, бояр, житых людей, купцов и черных людей «к старостам и ко всем христианом» ряда Двинских волостей (Кевролы, Чеколы и др.). Отмечая, что население перечисленных волостей новгородцы «к целованию привели на новугородское имя», грамота аннулирует эту присягу («а то крестное целование Новугороду с вас долой») и декретирует возврат земель в великокняжескую казну («ино то земли осподы нашей великих князей»). Сличение текстов показывает, что третий земельный список послужил заранее подготовленным материалом, на основе которого московское правительство добилось от Новгорода цитированного выше распоряжения на Двину. Действительно, в третьем списке мы находим подробно разработанный материал по всем тем волостям, названия которых приведены в отказной грамоте в качестве захваченных новгородцами.

Второй список[41] относится к более позднему времени, чем третий: в нем упомянуты в числе владений московского великого князя на Двине: Колмогоры, Падрин погост, Койдукурья, Кехта Великая и другие пункты, отсутствующие в третьем, а также первом списках. Эта полнота географических названий, свидетельствующая о включении последующих приобретений, позволяет датировать второй список временем после 1471 г. Очень показательна система расположения материала в сборнике: сначала идет более поздний второй список, затем более ранний третий, а между ними включен отводный список Новоторжских земель, отданных великим князем Иваном Васильевичем архиепископу и новгородским боярам в 1476 г. Вот такая последовательность в размещении скопированного материала позволяет, прежде всего, датировать второй двинский список, подобно Новоторжскому, 1475—1476 годами, а кроме того, предполагать, что весь следующий за ним раздел (начинающийся с третьего списка Двинских земель и включающий ряд актов 1471 г.) скопирован также в 1475—1476 гг.

Обращаясь к первому списку Двинских земель, помещенному в начале сборника,[42] мы находим в нем также расхождения в географических названиях с данными двух других списков. Некоторые из волостей (например, Юмыш, Кодима, Заостровье, Ивсоозера) в одном случае значатся владениями московских, в других — ростовских князей. Изучение географической номенклатуры заставляет думать, что первый список является наиболее ранним из всех трех, следовательно, относится ко времени не позднее 1471 г. Отсюда основание, чтобы думать, что и прочий материал сборника в пределах до второго списка Двинских земель подобран также около 1471г.

Теперь, на основе анализа, произведенного над текстом сборника во всех его разделах, попытаемся проследить историю его составления в целом. Я уже указывал, что с моей точки зрения подбор материала, включенного в сборник, начался еще до новгородского похода Ивана III в 1471 г. Мне кажется, что этот вывод подтверждается, между прочим, одним документом — посланием митрополита Филиппа в Новгород от 22 марта 1471 г. Главные идеи, положенные в основу этого послания, вполне отвечают тем целям, ради которых создавался сборник, причем в нем помещены как раз те документы, на которые ссылается митрополит. Послание напоминает новгородцам, что они нарушили формулу старинных взаимоотношений между Новгородом и московским князем: «А господин и сын мой, князь великий Иван Васильевичь всея Руси вас, свою отчину Великый Новгород,

---

[40] ААЭ, т. I, стр. 72—73, № 93.
[41] Там же, стр. 73—74, № 94/II.
[42] Там же, стр. 73, № 94/I.

так же жаловал, как его прадеды и деды и отець его князь великый: как на чом рекл, так вас и жаловал и в старине держал по докончанию. А вы де, сынове, казывал ми сын мои князь великый, как на чем рькли господину и сыну моему велпкому князю, и крест есте на чем целовали, что вам имя его держати честно и грозно, а в земли и в воды его и в пошлины че вступатись, и вы де, по тому докончанью, многая неисправления учинили перед моим господином и сыном, перед великим князем».[43] Цитированный текст представляет собой сжатое резюме содержания новгородско-московских договорных грамот. Строго говоря, митрополит воспроизводит здесь лаконичные клаузулы договорного формуляра, которые в дальнейшем его изложении обрастают всевозможными историческими узорами — в виде увещаний, предупреждений, поучений и т. д. Не случайно, что митрополит *начал с ссылки на документ,* а уже эту ссылку разукрасил многочисленными евангельскими цитатами. Очевидно, это документальное обоснование московских требований в отношении Новгорода уже в это время было поставлено в качестве политической задачи.

Я считаю, далее, очень существенным и важным для своих выводов сопоставление двух документов: разбираемого сейчас послания митрополита Филиппа и третьего (по порядковому месту, занимаемому в составе сборника) списка Двинских земель. Этот список, как мы видели, датируется 25 марта 1471 г.,[44] т. е. составлен через три дня после послания. Такое совпадение в датах двух, казалось бы, совершенно различных по содержанию документов проливает свет на те мероприятия, которые проводило московское правительство в отношении Новгорода в марте 1471 г. Эти мероприятия были направлены одновременно по нескольким различным руслам. С одной стороны, Москва прибегала к красноречивым пастырским увещаниям, поручая их оформление представителям высшей церковной иерархии. С другой стороны, не полагаясь на практические результат этого церковного красноречия и предвидя возможный и близкий конфликт, в правительственных кругах по-деловому готовились к нему. Тогда же приказными органами была проведена большая работа над судебными материалами, в результате которых был составлен для предъявления Великому Новгороду счет относительно земельных владений в Двинской земле.

Но на время до Новгородского похода 1471 г. падает только первый приступ работы над созданием дошедшего до нас сборника. Это была лишь подготовительная стадия, заключающаяся в предварительном подборе материала. В руках московского правительства еще не было того очень важного документа, который накладывает яркий отпечаток на характер всего сборника — именно договора с Казимиром.

Митрополит Филипп в своем мартовском послании в Новгород, в качестве главного укора новгородцам, указывает на их намерение заключить политический союз с Польско-Литовским государством. Вследствие церковного характера послания ударение в нем, естественно, делается не на политической, а на религиозной стороне дела. Политический разрыв с московским князем выступает в религиозной оболочке, в форме отступничества от православия: «А ныне слышю в детех ваших в ноугородцех, да и в многых у вас в молодых людех, которые еще не навыкли доброй старине, еже стояти и поборати по благочестьи, а инии де не познав доброго наказания отець своих, благочестивых родителей, да по животех их остались, по грехом ненаказани, как жити в благочестии, да и нынечя деи те несмысленныи, копячася в сонмы, да поостряются на многая стремления и на

[43] РИБ, т. VI, стб. 723, № 102.
[44] ААЭ, т. I, стр. 74—75, № 94/III.

великое земли неустроение, нетишину, хотячи ввести мятежь велик и расколу в святей божьей церкви, да оставя православие и великую старину да приступити к латыном».[45]

Очень интересно, что вопрос о новгородско-польском союзе рассматривается здесь не как совершившийся факт, а как замысел на будущее, причем замысел отнюдь еще не подтвержденный документально, а такой, о котором до автора послания дошли слухи. Мы видели выше, что митрополит ссылался на тексты московско-новгородских договоров, заимствуя из них чуть ли не дословно целые клаузулы. Если в данном случае он не применяет того же приема, то, очевидно, в силу того, что в Москве в это время еще не было договора Новгорода с Казимиром. Он попал в распоряжение московских правящих кругов только уже во время Шелонского сражения. В летописи содержится интереснейшее сообщение о том, как в результате битвы, в качестве трофея, войска Ивана III захватили списки новгородско-польского договора: «И тако смотряюще, обретоша в кошевних въюцех у них списки, в них же бяше писано с королем новгородское докончанье».[46] Обнаруженные копии грамоты были немедленно препровождены к самому Ивану III, и к нему же направлен задержанный переписчик, снимавший копии с текста: «А списки новогородские, что кончали с королем, да и того человека обретше у собе же, кто их писал, с ними же вместе послаша к великому князю на обличение онех лукавых мужеи новогородскых».[47] Далее следует летописное изложение договора Новгорода с Казимиром, из которого видно, что летописец держал в руках и использовал для своего рассказа этот документ: «Князь великий Иван Васильевичь всея Руси... узре на писанье грамот их, еже им беяше с королем докончанье, и виде в нем написано, что же городы и волости его государева великого княженья, и земли, и воды, и что пошлины его в Великом Новегороде извечные, то все новогородци на своих докончальных списке написавше королю вся отдающе, да с тем к нему и послаша своих послов... и с великим челобитьем, да и со многими дары пищучи да и зовучи его: честный король, господин наш».[48] Рассказ летописи хорошо показывает, какое употребление делало московское правительство из государственных актов, могущих быть использованными в политической борьбе. Договорная грамота Новгорода с польским королем послужила документом, основываясь на котором Иван III формулировал свои обвинения в отношении новгородцев и оправдывал наступательные против них действия. Летописный текст вскрывает и те общие цели, которые преследовали московские правящие круги, подбирая материал для сборника новгородских и двинских грамот. В состав этого сборника, уже после новгородского похода, вошел, как мы знаем, и договор с Казимиром, явившийся для Ивана III обвинительным актом против новгородцев после Шелонского сражения и получивший тонкую политическую интерпретацию на страницах московской летописи: «Егда же с бою приведени быша мужье новогородьстии к великому князю, он же благочестивый богомудрене обличи лукавая о всех делах нечестья их: како они света благочестья отступающе, к латином прикладахуся, а будучи его отчина, великого князя, да сами како отдавахуся королю латиньскому государю, а на списках докончанья их как городы и волости его, великого княженья Московьского, и земли и воды и вси его в Новегороде пошлины все королю отписаше по своему с ним докончанью».[49]

---

[45] РИБ, т. VI, стб. 726, № 102.
[46] ПСРЛ, т. VI, стр. 11.
[47] Там же, стр. 11—12.
[48] Там же, стр. 12.
[49] Там же.

Летописный рассказ об обстоятельствах находки списков договора с Казимиром приоткрывает, быть может, некоторую завесу над вопросом о загадочном, на первый взгляд, помещении на страницах сборника текста этого договора рядом с другой, упомянутой выше, договорной грамотой можайского и серпуховского князей о совместных действиях против великого князя московского. Заголовок, данный составителем сборника этому последнему документу, подчеркнул его литовское происхождение. Не вправе ли мы думать, что обе грамоты, скопированные одна рядом с другой, были связаны и единством происхождения и общностью целевой установки? Другими словами, не попала ли грамота русских князей-изгнанников в Москву из Литвы через Новгород, таким же путем, как и договор с Казимиром? А если так, то не было ли реальной попытки у названных князей втянуть в свои планы Новгород? Ведь переговоры новгородцев с Литвой не впервые возникли в 1471 г. Быть может, этот список был сознательно заброшен в Новгород, нашел там сочувственную почву, а затем уже оттуда был доставлен в Москву. В таком случае подозрительное соседство двух грамот в сборнике становится еще более понятным. Московское правительство, возможно, прямо ставило на вид новгородцам два документально подтвержденных факта их измены, внутренне друг с другом связанных. Недаром в соглашениях московских князей с Великим Новгородом упорно повторяется статья, запрещающая им вступать в сношения с потомками и союзниками Дмитрия Шемяки.

Итак, я считаю, что летописное сообщение о списках договора Новгорода с Казимиром, захваченных москвичами на поле битвы с их противниками, представляет очень большой интерес и так и просится быть поставленным в связь со сборником Публичной библиотеки. В свете этого сообщения разъясняются и задачи сборника и более отчетливо раскрывается последовательность работы над ним. Начавшаяся еще до Новгородского похода 1471 г., работа эта, очевидно, продолжалась и вслед за ним, в период с 1471 по 1475—1476 гг., и закончилась, как мы видели выше, к 1475—1476 гг. Что эта дата имела действительно важное значение в истории сборника, показывают некоторые наблюдения над текстом помещенной в конце его Новгородской судной грамоты. Известно, что Новгородская судная грамота дошла до нас не полностью. В литературе дебатировался вопрос о несохранившейся ее части. Некоторые ученые, по аналогии с Псковской судной грамотой, считали, что утраченный значительный отрывок этого памятника касался вопросов материального права. Против этого возражает новейший исследователь Кочаков, который ссылается на заголовок Грамоты: «О суде и о закладе на наездщики и на грабежщики». Исходя из него, Кочаков указывает, что, очевидно, не дошедшие до нас разделы Новгородской судной грамоты, как и вся грамота в целом, содержали исключительно постановления о судопроизводстве.[50] Но, по-моему, не подлежит сомнению, что этот заголовок принадлежит московской редакции, причем он относится не ко всему памятнику, оригинал которого нам неизвестен, а только к статьям, скопированным в 1475—1476 гг. в сборнике. Скопированы же были те статьи, которые представляли практический интерес для Ивана III. С конца 1475 г. в Новгороде московский великий князь начал осуществлять свои судебные права. Об этом сохранился подробный рассказ в Софийской II летописи. Она воспроизводит официальную московскую версию. Сопоставление летописного изложения с текстом Новгородской судной грамоты в списке 1475—1476 гг. хорошо вскрывает назначение тех разделов «о суде и о закладе на наездщики и на грабежщики», которые являются выборкой из полного оригинала памят-

[50] Б. М. Кочаков. Указ. соч., стр. 13.

ника. Подобная выборка была нужна для выступления великого князя в роли судьи, которому был придан характер политической демонстрации. Летопись подчеркивает, что отсутствие правопорядка было результатом новгородских своеволий и непослушания великокняжеской власти: «И того же дни многие новугородстии жалобники... придоша бити челом великому князю..., а инии с жалобою на свою же братью на новугородци, кийждо о своем управлении, понеже бо земля она от много лет в своей воли живяху, а о великих князех, отчине своей, небрежаху, и не послушаху их, и много зла бе в земли той межи себе, убийства, и грабежи, и домом разорение от них напрасно, кой с которого сможаше».[51]

Когда Иван III начал разбор жалоб, к нему стали поступать многочисленные челобитья по делам, предусмотренным Новгородской судной грамотой, о наездах и грабежах. Согласно летописной версии, были соблюдены все гарантии праведного судопроизводства. В суде великого князя присутствовали архиепископ, посадники, бояре и житьи люди. Давши челобитчикам приставов для привода ответчиков, Иван III, согласно существующему праву, распорядился, чтобы одновременно были предоставлены и новгородские приставы. Как только перед княжеским судом предстали «обидящии и обиденыи», князь «начат судити их и судив их и обыскав, да жалобников оправил, а тех всех, кои находили, и били, и грабили, обвинил», велев приставам их «подавати на поруки на крепкие в полуторе тысяче рублев в исцевых да в своей вине без урока».[52]

Очевидна политическая направленность летописного изображения картины судебной процедуры в Новгороде, а затем в Москве по новгородским делам в 1475—1476 гг. Но не менее очевидно, что на фоне этой картины в новом свете выступает значение неполного списка Новгородской судной грамоты, скопированного в 1475—1476 гг., по специальному великокняжескому заказу, в составе сборника новгородского актового материала. Текст этой грамоты, как и всего сборника в целом, должен был помочь Ивану III продемонстрировать гибельность новгородских вольностей и праведный и нелицеприятный суд великого князя как прямое следствие введения московских порядков. Сборник, дополнительно к показаниям летописцев, должен был иллюстрировать новгородские «измены» и служить неопровержимым свидетельством о необходимости ликвидации новгородского политического уклада.

В свете приведенных выше летописных известий о судебной деятельности Ивана III в Новгороде и в Москве по новгородским делам в конце 1475—1476 гг. приобретает особый интерес та выдержка о Двинских землях, которую мы выше сочли возможным отнести также к этому времени (вторая по счету в составе сборника). Она представляет собой выборку из судных списков по земельным, главным образом, делам («а се выписано из списков из судейских о Двинских землях»).[53] Всего использовано 18 списков, из них «десять списков о землях, а три списки противни им, а пять списков о грабежех».[54] Об этих грабежах достаточный материал собран в имеющейся в сборнике третьей выборке из двинских документов, из которой мы узнаем, что новгородцы ссылали волостелей, посаженных еще при Василии Темном, из Двинских великокняжеских волостей, били и грабили их тиунов, жгли их местные городки и брали с них окуп. В конце 1475—1476 гг. этот выборочный судебный материал имел особое значение для великокняжеского суда в Новгороде, а затем в Москве, производившегося по делам, как говорит заголовок к Новгородской судной

[51] ПСРЛ, т. VI, стр. 202.
[52] Там же, стр. 203.
[53] ААЭ, т. I, стр. 73, № 93/II.
[54] Там же, стр. 74, № 93/II.

грамоте, «...о закладе на наездщики и на грабежщики».[55] Как уже неоднократно и ранее, мы опять-таки имеем возможность наблюдать самую тесную связь между различными материалами сборника, а последние, в свою очередь, выступают в новом свете на фоне летописных сообщений. Я считаю совершенно очевидным, что как Новгородская судная грамота, так и указанные выписки из судебного делопроизводства по земельным спорам и искам о грабежах в Двинской земле, были включены в сборник в конце 1475—1476 гг., когда Иван III в широких размерах стал осуществлять свои судебные права. И подтверждение своей гипотезе я вижу в том, что рассказ Софийской II летописи об этом важном акте московской политики в Новгороде построен, как мне кажется, на аналогичном материале, т. е. на документальных данных судопроизводства. Действительно, в составе летописного текста очень легко выделяются выборочные материалы из судных списков, совершенно аналогичные по своему происхождению и оформлению спискам, относящимся к Двинской земле и известным нам по новгородскому сборнику, например:

1) «Ноября 25, в суботу били челом великому князю, пришед на Городище, мнози новугородци, две улицы, Славкова да Микитина, на бояр на новугородских, на посадника степенного Василья Онаньина, на Богдана Есипова, на Федора Исакова... (и т. д.), что наехав те со многими людми на те две улици, людей переграбили и перебили, животов людских на тысячю рублев взяли, а людей многих до смерти перебили».[56]

2) «И того же дни били великому князю бояре Лука да Василий Исаковы дети Полинарьина, на Богдана на Есипова, на Василья на Микифорова, на Панфила на старосту Федоровские улици, что наехав на их двор, людей у них перебили, а животы разграбили, а взяли на 500 рублев».[57]

И вообще весь рассказ Софийской II летописи о суде в Новгороде, а затем в Москве по новгородским делам в конце 1475—1476 гг., производит впечатление литературно оформленного изложения материала судебных документов.

Внимательный анализ двинских списков показывает совершенно отчетливо, что они были составлены по заданию московского правительства применительно к политическим запросам 70-х годов XV в. Действительно, просматривая имена тех двинских землевладельцев, против которых были возбуждены земельные иски, мы легко устанавливаем, что все это представители новгородского боярства, из лагеря противников Москвы, ведшие упорную борьбу с Иваном III. Двинские списки упоминают Василия Ананьина, Михаила Тучу и его сына Григория, Василия Селезнева, Есипа Горшкова, Ивана Афанасьева, Ивана Ивановича Лошинского и др.[58] Достаточно познакомиться с биографиями хотя бы некоторых из перечисленных лиц, чтобы убедиться, что перед нами наиболее влиятельные новгородские бояре, возглавлявшие антимосковскую партию. Московскому правительству было важно раздавить эту крупную боярскую оппозицию. В этих целях против нее и был подобран судебный материал, который давал возможность расправиться с наиболее нежелательными лицами, сосредоточившими в своих руках политическое руководство в Новгороде и в Двинской земле. Тонкая и дальновидная политика Москвы заключалась в том, чтобы взять под свою защиту социальные низы и побудить их выступить с жалобами против бояр.

В числе двинских землевладельцев, с которыми велись тяжбы, двинские списки называют Василия Ананьина. Из летописей известно, что это был

---

[55] Там же, стр. 72, № 92.
[56] ПСРЛ, т. VI, стр. 202—203.
[57] Там же, стр. 203.
[58] См. об этом у С. В. Рождественского. Указ. соч., стр. 66.

влиятельный новгородский посадник. В 1471 г. он вел в Заволочье бой с великокняжеской ратью и одержал над ней победу. В 1475 г. названный посадник встречал приезжавшего в Новгород Ивана III «от владыки Феофила с поминки». На великокняжеском суде на Городище на Василия Ананьина были поданы жалобы от двух улиц: Славковой и Никитиной. По ходатайству архиепископа Феофила и других влиятельных лиц обвиняемый был освобожден от казни и отдан на поруки с обязательством уплатить «исцевы убытки». В 1477 г. Василий Ананьин ездил в Москву искать суда, а затем был убит на вече в Новгороде по подозрению в измене.[59] Другой двинский землевладелец из новгородских бояр Василий Губа Селезнев был в 1471 г. взят в плен в Шелонском бою и по приказу Ивана III казнен отсечением головы как один из главных противников Москвы и сторонников польской ориентации.[60] Григорий Михайлович Тучин в 1476 г. выезжал из Новгорода навстречу Ивану III. Затем против него (как и против Василия Ананьина) выступили с челобитьем великому князю представители Славковой и Никитиной улиц, обвиняя Тучина в насилиях и грабежах. Князь приказал отдать ответчика на поруки, взыскав с него крупную сумму в пользу истцов.[61]

Нет необходимости продолжать биографические очерки, посвященные отдельным представителям новгородской землевладельческой знати, вотчины которой были сосредоточены в Двинской земле. Основной вывод, который вытекает из наблюдений над приведенным материалом, сводится к тому, что Иван III стремился опереться в Новгороде на низшие слои населения, используя их социальный антагонизм с новгородским боярством. Обещая низам судебную защиту против феодальной верхушки, московское правительство подбирало соответствующий материал для организации в Новгороде ряда показательных судебных процессов. Именно такова была одна из политических задач при оформлении сборника списков с новгородских и двинских документов. И эту задачу хорошо понял летописец, подчеркнувший, что введение московских порядков в Новгороде имело своим последствием организацию праведного судопроизводства: «Новгородцы люди житии и моложшии сами его (Ивана III) призвали на тыя управы, что на них насилье держат, как посадники и великие бояре, никому их судити не мочи, тии насильники творили, то их також имет князь великой судом по их насилству по мзде судити».[62]

Некоторые случайные указания, которые содержит сборник новгородских и двинских документов, дают возможность поставить вопрос о его составителях. Перед текстом откупной Обонежской грамоты XV в. имеется следующая пометка: «Список с грамоты с откупные с Обонежские, а сама грамота у Семена у Борисовича».[63] Оригинал списка Новоторжских земель имеет помету: «Сесь список землям новоторжским дал Василей Борисович лета 84 апреля, что по тому списку отвели те земли владыке наугородскому и бояром». Семен Борисович, по прозвищу Брюхо,— представитель рода Морозовых. Он вместе со своим братом Иваном Борисовичем принимал участие в посольстве в Новгород в 1477 г. По словам летописи, Иван III поручил С. Б. Морозову выяснить, какого новгородцы хотят «...государьства великих князей, на отчине нашей Великом Новегороде». В 1478 г., во время похода Ивана III на Новгород, братья Семена Борисовича Брюха — Василий Тучко и Иван Борисовичи, в числе других

[59] ПСРЛ, т. IV, стр. 127—128, 255; т. VI, стр. 200—206.
[60] ПСРЛ, т. VI, стр. 12, 193; т. VIII, стр. 165—166.
[61] ПСРЛ, т. VI, стр. 200—204. Упоминание о землях Григория Тучина см. в «Сборнике грамот Коллегии экономии», т. I, Пгр., 1922, стр. 97, № 96.
[62] ПСРЛ, т. IV, стр. 251.
[63] ААЭ, т. I, стр. 27, № 18.

лиц вели переговоры с новгородцами и приводили их ко кресту.[64] Следует сопоставить летописные данные об активной роли Морозовых в подготовке присоединения Новгорода к Москве в 1477—1478 гг. с тем фактом, что у двух Морозовых—Семена Брюха и Василия находилось подлинные новгородские документы, скопированные затем в изучаемом нами сборнике. Очевидно, Семену Борисовичу с братьями как раз и была поручена работа по подбору материалов для сборника и его оформлению. Морозовы, по их близости ко двору Ивана III, были вполне подходящими людьми для выполнения этого важного государственного задания. Известно, что Морозовы получали и другие ответственные поручения. В 1479 г. Иван III посылал Василия Борисовича Тучка вместе с некоторыми другими приближенными к своим братьям удельным князьям Андрею и Борису Васильевичам, призывая их к примирению. В 1480 г., во время нашествия Ахмата, Василий Борисович провожал на Белоозеро великую княгиню Софью и великокняжескую казну.[65]

По списку думных людей, опубликованному в «Древней Российской Вивлиофике» Н. И. Новикова, Василий Борисович Тучко-Морозов в 1480 г. был пожалован в бояре, а в 1481 г. умер.[66] Последнее указание не соответствует действительности. В 1483 г. Иван III распустил дворы некоторых из своих бояр и «испоместил» их послужильцев в Новгороде. В числе подвергшихся опале лиц были Василий и Иван Борисовичи Морозовы. Об этом свидетельствует Ермолинская летопись под 1484 г., сообщая, что «поимал князь велики своих двоих бояринов Василия да Ивана Тучков».[67] Много лет спустя царь Иван Грозный в переписке с Курбским вспомнил о столкновении своего деда с боярами Морозовыми, предками Курбского по матери: «Тако же и мати твоея дед твой Василеи и Иван Тучко многая поносная и укорізная словеса деду нашему, великому государю Ивану, износил».[68] Из духовной Василия Борисовича, относящейся к 1497 г.,[69] известно, что Иван III впоследствии вернул ему часть конфискованной вотчины. Но карьера Василия и Ивана была окончена. Семен Борисович Брюхо-Морозов в начале XVI в. был постельничим Ивана III, а перед смертью постригся в Троице-Сергиевом монастыре.[70]

Итак, в первой половине 70-х годов XV в., когда Морозовы пользовались большим влиянием при московском дворе и личной близостью к Ивану III, они были привлечены к участию в очень ответственном деле — подготовительных работах, связанных с планомерным наступлением Москвы на новгородские вольности. Первая стадия этой работы заключалась в приискании таких материалов, которые позволили бы московскому правительству документальным путем обосновать свои претензии в отношении Великого Новгорода.

Я считаю также, что еще в 1471 г. сборник новгородских и двинских документов, в той части, которая была подобрана к этому времени, был передан дьяку Степану Бородатому для использования его в целях полити-

---

[64] ПСРЛ, т. IV, стр. 255; т. VI, стр. 18, 205, 211; т. VIII, стр. 189; т. XII, стр. 177 и сл.; т. XVIII, стр. 259, 264.

[65] ПСРЛ, т. VI, стр. 223, 225; т. VIII, стр. 204; т. XII, стр. 198; т. XX, ч. I, стр. 337 и 339.

[66] «Древняя Российская Вивлиофика», ч. 20, М., 1791, стр. 5.

[67] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 162. К. В. Базилевич. Новгородские помещики из послужильцев конца XV в. «Исторические записки», т. 14, М. — Л., 1945, стр. 70.

[68] РИБ, т. XXXI, стб. 55.

[69] Государственная публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина, архив Троице-Сергиева монастыря, отд. XIII, № 234 и кн. 533, лл. 693 об. — 696 об.

[70] С. Б. Веселовский. Неопубликованный сборник актов Троице-Сергиева монастыря, примечание к акту № 577 (духовной Василия Борисовича Тучка-Морозова). Здесь собраны данные из летописей и актов о Морозовых.

ческой пропаганды в Новгороде. Возможно также, что дьяк Степан Бородатый принимал участие в составлении сборника.

Иван III хорошо разбирался в людях; при поручении им того или иного задания он учитывал и их личные качества, и их жизненный опыт, и прошлую работу. А дьяку Степану Бородатому в прошлом приходилось выполнять ответственные поручения московской великокняжеской власти в отношении Великого Новгорода. В некоторых летописях находим версию об отравлении в 1453 г. Степаном Бородатым, по приказанию Василия Темного, Дмитрия Шемяки во время пребывания его в Новгороде. В Львовской летописи читаем: «Того же лета посла великии князь Стефана Бородатого в Новгород с смертным зелием уморити князя Дмитрея».[71] Более осторожно об этом же рассказывает и Ермолинская летопись, согласно которой Степан Бородатый привез в Новгород отраву и передал ее посаднику Исаку: «Того же лета (1453) в Новеграде Великом преставися князь Дмитреи Юрьевичь Шемяка; людская молва говорит, что будетось со отравы умерл, а привозил с Москвы Стефан Бородатыи дьяк к Исаку к посаднику к Богородицкому, а Исак деи подкупил княжь Дмитреева повара, именем Поганка, тъи же дасть ему зелие в куряти».[72]

Несомненно, что дьяк Степан Бородатый знал многие важные факты из области новгородско-московских политических взаимоотношений. Помимо того, что, по слухам, он был исполнителем акта московского правительства Василия II в отношении нашедшего приют в Новгороде великокняжеского врага,— он в 1462 г. приезжал в Новгород в качестве посла Василия Темного.[73] В 1471 г. Иван III счел нужным прибегнуть к услугам Степана Бородатого, служившего в это время его матери великой княгине Марье Ярославне. Он взял его с собой в Новгород с тем, чтобы тот на основе летописных текстов, а может быть, и руководствуясь собственной памятью, изложил новгородцам все их прошлые «измены» московским великим князьям. При этом можно предполагать, что летописные ссылки в политических выступлениях Степана Бородатого на новгородской арене сопровождались актовой документацией. А ему была предоставлена широкая возможность использовать для этой цели тексты наиболее выигрышных в политическом смысле документов.

В этой связи я хочу вкратце остановиться еще на одном очень интересном вопросе, который в общей форме уже не раз ставился и разрешался в исторической литературе, но именно в общей форме, без попытки обосновать его конкретными историческими данными,— это вопрос о характере московского летописания XV в.

М. Д. Приселков, в своем исследовании по истории русского летописания восстанавливающий целый ряд не дошедших до нас летописных сводов XIV—XV вв., в частности два свода 70-х годов XV в. (1472 и 1479), почти совершенно не ставит вопроса о роли княжеских архивов (Московского и других княжений) в работе над летописными текстами. И только в заключительных частях своей работы он, не в очень ясных выражениях, говорит о том, что во второй половине XV в. (именно в 70-х годах) московское летописное дело должно было сосредоточиться в едином месте, каковым Приселков склонен считать Посольский приказ, не называя, правда, его прямо. «На вопрос, возможно ли предположить, где теперь в Москве сосредоточена была эта летописная работа, которая в лице сводчика 1472 г. и в лице сводчика 1479 г. свидетельствует перед нами о светской руке летописания,— пишет Приселков,— думаю, что мы с уверенностью можем

---

[71] ПСРЛ, т. XX, ч. I, стр. 262.
[72] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 155.
[73] ПСРЛ, т. XVI, стр. 206—207.

указать на такой центр. Падение Царьграда открыло перед Москвой горизонты самостоятельной внешней политики, и в Москве должно было сложиться учреждение, в компетенцию которого входили теперь все дела по внешним отношениям Московского государства. К этому учреждению, повидимому, и было отнесено ведение летописания, которому по-старому еще придавалось значение документа международного значения. Такое предположение объясняет нам ту протокольную точность, с какою отмечаются в сводах 1472 и 1479 гг. происходившие переговоры с Новгородом, донесения о завоеваниях воевод, как и события, касающиеся деятельности и жизни приглашенных на службу в Москву иностранцев».[74]

Можно в категорической форме сказать, что московское летописание как раз этого периода (70-х годов XV в.) строилось целиком на официальных документах правительственного архива. И я считаю, что рассмотренный нами Новгородский сборник также послужил источником для одной литературной работы, отражающей политические установки московского правительства и выполненной, надо думать, по прямому заказу последнего. Я имею в виду вошедшую в состав Софийской I летописи повесть о походе Ивана III на Новгород в 1471 г. Она представляет важную часть предположенного М. Д. Приселковым летописного свода 1472 г. Повесть написана в обычном литературном стиле того времени, с многочисленными библейскими цитатами, риторическими возгласами, дидактическими рассуждениями и т. д. Но как только автор затрагивает проблемы реальной политики, меняется его общая литературная манера, и церковно-проповеднический пафос переходит в деловой тон официальных документов. Наличие последних в качестве исторического источника чувствуется, например, в следующем месте: «А отчина их (великих князей) Великий Новгород и вси мужие новгородьстии, и отци и деди и прадеди и пращуры, никогда же неотступны были от них от своих господ нигде же, и вся земля Новгородская лет за четыриста и осмьдесят и до сего времени николи же. И имя их, великых государей князей, держали на собе честно и грозно, а в земли и в воды не вступалися, ни пошлин господарьских у собе в земли не таили, а о всем правили к ним по крестным грамотам. А нынеча новгородстии мужие, ради последнего сего времени, тое старины всее по грехом забыли, а того дела господарьского по земле ничего не исправили, а пошлин не отдают. А которых земль и вод с суда по старине отступили князю великому, да те земли опять за собе поимали, и людеи к целованью приводили на новгородское имя, а на двор на великого князя, на Городище, с болшего веча присылали многих людей, а наместником его да и послу великого князя лаяли и бесчествовали, да в имени великого князя, за отказом, на Городище дву князей поимали силно, а людей перебили и переимали, и в город сводили и мучили в его имени. А с рубежов с Новгородской отчине великого князя и его братьи молодшие отчинам и их людем многу пакость чинили новгородци, грубячи тем великому князю, а сами держали собе мысль, хотячи отступити от своего государя от великого князя, а датися королю латиньскому государю, хотячи лиха всему православью».[75]

В этом отрывке все обвинения против новгородцев заимствованы из документальных материалов Новгородского сборника. Обязательство «честно и грозно держать» великое княжение было включено еще в новгородский договор с великим московским князем Дмитрием Ивановичем. Вопрос о восстановлении великокняжеских «пошлин» был поднят и решен Яжелбицким соглашением. О том, что новгородцы «поимали» снова земли, уступленные некогда московскому князю, и «привели» за себя «к целованью

---

[74] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 186.
[75] ПСРЛ, т. VI, стр. 3.

людей», говорит отказная грамота на Двину. Земельные захваты зафиксированы двинскими списками, а намерение перейти под руку «латинского короля» засвидетельствовано договорной грамотой с Казимиром IV, захваченной на Шелони. В общем, очевидно, весь сборник копий был предоставлен автору повести, в целях использования для своей литературной работы, которой придавалось политическое значение.

Свои выводы относительно Новгородского сборника 70-х годов XV в. я ставлю в связь с наблюдениями над текстом Псковской судной грамоты, вопросу о составе и происхождении которой посвящена специальная глава.[76] Основной мой тезис сводится к тому, что дошедший до нас текст является продуктом очень сложной и длительной истории псковского законодательства. В нем можно вскрыть ряд последовательных наслоений, начиная с грамоты князя Александра Ярославича Невского. К 1462 г. относится кодификация псковского права на вече. Но самая запись дошедшего до нас текста произведена значительно позднее вечевого утверждения Псковской судной грамоты, не в 1462 г., а в 1474—1476 гг., т. е. одновременно с составлением Новгородского сборника. И запись эта впоследствии прошла через московские руки, в силу чего в 80-х годах XV в. в первоначальную псковскую редакцию текста были внесены значительные изменения, причем некоторые части Грамоты были совсем изъяты. Очень важно ближе присмотреться к составу того сборника, который сохранил до нас текст памятника, — это рукопись, писанная полууставом XVI в., из библиотеки кн. М. С. Воронцова. В этом же рукописном сборнике помещен текст I Софийской летописи, обнимающий события до 1486 г. Особенно обращает на себя внимание связь сохранившегося списка Псковской судной грамоты с Софийской летописью, т. е. с московским сводом. Эта связь ни в коей мере не может быть случайной, особенно если принять во внимание, что как раз в Софийский свод вошла и рассмотренная выше повесть о походе Ивана III на Новгород в 1471 г., построенная, как я пытался доказать, на материалах Новгородского сборника. Поэтому я и считаю, что список Псковской судной грамоты является такой же выборкой псковских документальных материалов государственной важности, как и сборник новгородских и двинских грамот. Такая выборка была составлена одновременно, и для одних и тех же целей, и в Новгороде, и в Пскове.

Материалы какого архивного фонда послужили основой для Новгородского сборника: государственного архива Великого Новгорода или московской великокняжеской казны?

Несомненно, что Иван III интересовался теми документами, которые хранились в Новгороде. Известно, что он вывез оттуда хранившийся в Софийском соборе экземпляр Кормчей 1282 г., в составе которой дошел до нас древнейший (так называемый Синодальный) список Русской Правды. На листе 1-м Синодальной Кормчей помещена следующая запись: «В лето 6790 написаны быша книгы сия повелениемь благовернаго князя новъгородьскаго Дмитрия, а стяжениемь боголюбивого архиепископа новгородьскаго Климента и положены быша в церкви святыя София на почитание священником и на послоушание крестьяном и собе на спасение доуши...» На обороте верхней крышки переплета находим другую надпись: «Правило софеиския старыя: дал их князь великии Василеи Иванович всея Руси архиепископу Макарью, како его с Москвы в Новгород отпустил, а велел их князь великии в Софеи положити по старине в лет[о] 7034». Ниже: «Манаканун владычныи».[77]

---

[76] См. главу VII.

[77] Правда Русская, т. I. Тексты. Под редакцией акад. Б. Д. Грекова, изд. АН СССР, М. — Л., 1940, стр. 121.

Сопоставляя две приведенные выше записи, можно заключить, что Синодальная Кормчая была привезена в Москву из Новгорода Иваном III. Его сын и преемник — Василий Иванович III — вернул памятник обратно. Этот факт общеизвестен, но никто из исследователей не пытался его осмыслить в плане политических мероприятий Ивана III 70-х годов XV в. Мне кажется, что судьба Новгородской Кормчей XIII в. значительно прояснится, если мы изучим ее в свете одной интересной летописной заметки XV столетия (под 1471 г.): «Князь великый Иван Васильевич разверже мир с Великым Новымгородом и нача искати на новгородцех своих прародителеи старин, земли, и воде и всех пошлин, как пошло от великого князя Ярослава Володимировича, и хотя отмстити Великому Новугороду древняя нечьсти и многиа грубости, бывшие от них великим князем».[78]

Из этого летописного текста вытекает, что Иван III, замышляя поход на Великий Новгород, готовился к тому, чтобы предъявить новгородцам иск относительно своих старинных прав, восходящих еще ко времени Ярослава Владимировича Мудрого, к его установлениям. Словом, здесь речь шла о содержании знаменитых Ярославовых грамот, к которым новгородцы возводили свои политические вольности. При этом важно, что именно Москва выдвигает ссылку на Ярослава Мудрого. Новгородцы же в действительности (как говорилось выше) имели в виду другого Ярослава Владимировича — князя XII в.

В этой связи и представляет большой интерес, что во время своего похода в Новгород Иван III захватил там знаменитую Синодальную Кормчую, содержащую Русскую Правду, т. е. памятник, в основе которого лежал устав Ярослава. Кормчая составлена при князе Дмитрии Александровиче (переяславском) в конце XIII в., т. е. как раз тогда, когда сложился в более или менее отчетливом виде формуляр новгородских докончальных грамот с великими князьями. Интересно также, что эта Кормчая затем была передана великим князем Василием III обратно в Новгород, так как в составе этого памятника не оказалось ничего такого, что подтверждало бы политические притязания ни Новгорода, ни Москвы.

Приведенные сведения о судьбе Синодальной Кормчей дают очень много и для понимания аналогичных политических мероприятий Ивана III в Пскове. Ставя вопрос о новгородских и псковских вольностях, пошедших в одном случае якобы от великого князя XI в. Ярослава Владимировича Мудрого, в другом — от Александра Ярославича Невского, Иван III пожелал иметь у себя в руках те документы, которые могли бы разрешить политический спор между московским великим князем и вольными городами. Такими документами являлись Русская Правда, созданная на основе устава Ярослава, и Псковская судная грамота, использовавшая в качестве своего источника грамоту Александра Ярославича Невского.

Но Синодальная Кормчая не имеет прямого отношения к сборнику новгородских документов 70-х годов. Что касается этого сборника, то за исключением списков с Новгородской судной грамоты или договора Новгорода с Казимиром IV 70-х годов XV в. в него вошли материалы московского великокняжеского архива (противни, или отпуски, актов, относящихся к Великому Новгороду). Получается такая же картина, какую мы имели уже возможность наблюдать в отношении новгородско-тверских актов: они также сохранились в составе не новгородского, а тверского великокняжеского фонда. Остается загадочной судьба новгородского государственного архива, — он погиб и вряд ли случайно. Возможно, что его намеренно уничтожила московская рука, не желая хранить те документы, которые не отвечали политическим позициям Москвы конца XV в.

---

[78] ПСРЛ, т. V, стр. 35.

Остановимся теперь на последнем вопросе, связанном с изучением Новгородского сборника. Поскольку ему придавалось государственное значение, постольку очевидно, что он должен был храниться среди документов первостепенной политической важности. Повидимому, сборник принадлежал к составу московского великокняжеского (впоследствии царского) архива, опись которого, правда в неполном виде, сохранилась до нашего времени и напечатана в первом томе «Актов Археографической Экспедиции».[79] Не случайно сборник постигла та же судьба, что и упомянутую сейчас опись. Во время польской интервенции начала XVII в. Новгородский сборник был вывезен из России, куда вернулся только после польских разделов XVIII в. Память об этом эпизоде сохранилась в печатном ярлыке, приклеенном к переплету сборника с надписью: «Stanislaus Augustus rex, haec Magni Ducatus Litwaniae Acta publica, vicessitudine temporum dispersa colligi, lacera innovari, corrosa transcribi atque ex loco squallido in conclavi aedium rei publicae colloc?ri, providentia ac beneficentia sua fecit, A. D. MDCCLXXXVI, cancellariatu Alexandri principis Sapieha, procancellariatu Joachimi comitis Chreptowicz, cura et labore Adami Naruszewiez Magni Ducatus Litwaniae notarii.[80]

Та же надпись имеется и на других русских рукописях, побывавших в Варшаве.

§ 2. Договорная грамота Новгорода с великим князем Дмитрием Ивановичем 1375 г.

Итак, ввиду гибели (или, вернее, намеренного уничтожения) подлинных документов новгородского государственного архива исследователь московско-новгородских отношений XIV—XV вв. вынужден ограничиться теми списками с новгородских актов, которые были сделаны в Москве в 1471—1476 гг. Материал, сохранившийся в составе рассмотренного нами сборника списков, далек от полноты и очень односторонен. Скопировано было то, что представлялось нужным и важным московскому правительству в его борьбе с Великим Новгородом. Неполнота и односторонность подобранного в сборнике документального материала не позволяют дать на его основе исчерпывающую характеристику новгородской политической жизни XIV—XV вв. Дошедшие до нас в копиях 70-х годов XV в. акты освещают лишь отдельные моменты в истории взаимоотношений Новгорода и Москвы, главным образом с точки зрения постепенного подчинения Новгородской республики великокняжеской власти.

На страницах сборника Публичной библиотеки, как мы видели, скопированы три новгородских докончальных грамоты с московскими князьями: договор с Дмитрием Ивановичем 70-х годов XIV в., Яжелбицкое докончание 1456 г. и Коростынское 1471 г. Вопрос о происхождении трех названных текстов и является предметом дальнейшего исследования.

Датировка договорной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича московского вызывает разногласия в исторической литературе. Н. М. Карамзин отнес ее к 1371 г.,[81] так как под этим годом летопись упоминает посадника Юрия Ивановича и тысяцкого Елисея,[82] а судя по рассматриваемой грамоте, как раз от них приезжали послы из Новгорода в Москву для заключения договора. При издании договорной грамоты в «Актах Археографической Экспедиции» была принята дата — начало 1372 г. со ссылкой

---

[79] ААЭ, т. I, стр. 335—355, № 289.

[80] Там же, примечания, стр. 1.

[81] Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. V, изд. 2-е, примечания, стр. 13—15, № 26.

[82] ПСРЛ, т. III, стр. 89. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 362.

на Карамзина.[83] С. М. Соловьев и И. И. Срезневский считают, что договор относится к 1367 г.[84] на том основании, что под этим годом в летописи говорится: «Посылаша новогородци послове к великому князю Дмитрею Ивановичу и докончаша мир с великым князем», после чего московский великий князь отпустил в Новгород своего наместника.[85] А. В. Экземплярский [86] и А. Е. Пресняков [87] принимают датировку Карамзина.

Мне кажется, что дата грамоты может быть установлена только в результате внимательного рассмотрения московской политики в отношении Литвы и Твери в конце 60-х — начале 70-х годов XIV в. Внимание договора заострено как раз на этой стороне дела. Взаимоотношения Москвы и Твери в это время были очень напряженными. В борьбе с Дмитрием московским тверской князь Михаил Александрович не раз обращался к литовской помощи; литовский князь Ольгерд в 1368 и 1370 гг. дважды нападал на Москву.[88] Очевидно, в результате этого обострения московско-литовских и московско-тверских отношений Дмитрий Иванович и решил обеспечить себе поддержку Новгорода, вступив с ним в оборонительный союз. Вряд ли это случилось в 1371 г., когда отношения с Литвой были спокойные: в Москву тогда приезжали литовские послы для заключения мира и обручения дочери Ольгерда Елены с князем Владимиром Андреевичем серпуховским.[89].

Вернее всего, договор следует датировать 1375 г. В 1372 г. у новгородцев произошло крупное столкновение с Тверью; оно ярко описано новгородской летописью, отмечающей «обиду новогородскую». Летопись указывает, что в 1373 г. в Новгород прибыл князь Владимир Андреевич «и седе в Новегороде до Петрова дни и поиде прочь».[90] Очевидно, этот приезд находился в связи с тверской опасностью, грозившей Новгороду, но нет никаких оснований думать, что Владимир действовал согласно со статьей договора, уже до этого заключенного с Новгородом от имени Дмитрия Ивановича и от его собственного. Скорее, наоборот; запоздалое прибытие князя свидетельствует о том, что договорной грамоты в то время еще не было, но «новгородская обида», причиненная Тверью, была одной из причин ее последующего составления. К 1375 г. относится большой поход на Тверь Дмитрия Ивановича, к участию в котором были привлечены и новгородцы: «По новогородцев князь великы посла, и новогородци, изводя честь своего князя, вскоре, в едину три дня изрядився, поидоша во Тферь».[91] Цитированные записи под 1373 и 1375 гг. резко отличаются друг от друга по своему характеру и тону. Чувствуется в летописном изложении намеренное противоположение поведения Владимира Андреевича, несвоевременно явившегося на помощь Новгороду, и немедленного сбора в поход новгородцев, откликнувшихся на призыв великого князя. Очевидно, обращение Дмитрия Ивановича к новгородцам и быстрое выступление последних ему на помощь объясняются тем, что между Москвой и Новгородом незадолго перед этим был заключен договор о совместных дей-

---

[83] ААЭ, т. I, примеч., стр. 1.

[84] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, стб. 988, прим. 3. И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, стр. 221.

[85] ПСРЛ, т. III, стр. 88. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 359.

[86] А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. I, стр. 103, прим. 253.

[87] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 300, прим. 1.

[88] ПСРЛ, т. VIII, стр. 15 и 17.

[89] Там же, стр. 18.

[90] ПСРЛ, т. III, стр. 90. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 363.

[91] ПСРЛ, т. III, стр. 90. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 363.

ствиях против Литвы и Твери. Новгород недавно на себе испытал тяжесть тверского нападения и, по словам летописи, «скрежетаху зубы на тверичь за свою обиду, еще на них бывшую».[92] Чувствуя потребность опереться на сильную руку Москвы, они охотно пошли на союз с ней, который был, вероятно, подготовлен приездом Владимира Андреевича в 1373 г.

Выше, при рассмотрении новгородско-тверских грамот времен великого князя Михаила Александровича (№ 13 и № 17), уже говорилось о том, какое значение имеет договор Новгорода с Дмитрием Ивановичем московским для изучения московско-тверских отношений.[93]

§ 3. Яжелбицкая договорная грамота 1456 г.

В истории московско-новгородских отношений с 70-х годов XIV в. до половины XV в. сборник Публичной библиотеки оставляет пробел: следующий по времени, скопированный в нем договорный акт [94] — это Яжелбицкое докончание 1456 г.[95]. Оно было оформлено, как говорилось выше, в двух грамотах. Одна из них почти дословно повторяет текст более раннего (отсутствующего в сборнике Публичной библиотеки) докончания, заключенного новгородцами с Василием Васильевичем московским. Последний документ дошел до нас в списке XVI в., напечатанном в «Актах исторических».[96] В указанном издании грамота датирована 1434 г., когда Василий II, изгнанный из Москвы его дядей Юрием Дмитриевичем галицким, нашел приют в Новгороде. В Новгородской летописи под 1434 г. читаем: «Князь Юрьи Дмитреевичь взя град Москву и седе на великом княженьи. Того лета весне приеха князь великий Василей Васильевич в Новгород на святой недели апреля в I».[97] С. М. Соловьев (а вслед за ним А. Е. Пресняков) относят указанную договорную грамоту к 1441 г.[98] В это время Василий II, по словам летописи, «възверже нелюбовь на Великий Новгород, присла грамоту въскладную и повоева волостий Новгородских много». Новгородцы отправили к московскому князю послов «и наехаша его в Деревах у города у Демона, и докончаша с ним мир по старине и даша ему 8000 рублев».[99] И. Д. Беляев датировал грамоту 1447 годом, когда Василий II изгнал из Москвы Дмитрия Шемяку.[100] Мне все эти даты кажутся сомнительными. В 1434 г. пребывание Василия II в Новгороде было временным; кроме того, из текста грамоты видно,что она оформлена не в Новгороде, так как оттуда были посланы послы к князю. Вряд ли следует датировать договор и 1441 годом. Обычно в докончальных грамотах, которые составлялись после войн между Новгородом и князьями, встречаем такую статью: «А что, княже, тобе *было* гнева на посадника и на

---

[92] ПСРЛ, т. VIII, стр. 22.

[93] См. гл. V. Там же приведены соображения по поводу новгородских посадников и тысяцких, имена которых, встречающиеся в документах, позволяют датировать последние.

[94] Сейчас мы касаемся только новгородско-московских докончальных грамот. Такие документы, как Двинская уставная грамота 1397 г. или ранние редакции Новгородской судной грамоты, рассмотрены отдельно.

[95] Помимо сборника копий с новгородских документов в московском великокняжеском архиве хранились и отдельные списки Яжелбицкого договора (ЦГАДА, Гос. древлехранилище, Опись архива Посольского приказа 1614 г., л. 16 об.; опись 1626 г., л. 22—22 об.).

[96] АИ, т. I, стр. 486—488, № 258 (список XVI в. Собрания Уварова в Гос. историческом музее № 512).

[97] ПСРЛ, т. III, стр. 111. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 415.

[98] С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. 2, стб. 1087, и А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 397, прим. 1.

[99] ПСРЛ, т. III, стр. 113. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 420.

[100] И. Д. Беляев. Рассказы из русской истории, кн. 2, изд. 2-е, стр. 487—488.

весь Новгород, то ти, княже, все нелюбье отложити». В тексте изучаемого сейчас докончания эта фраза звучит иначе. Княжеский «гнев» и «нелюбье», возможно, постигнут новгородцев в будущем («а что, княже, гнев *будет*»), но о только что имевшем место размирье (если дело происходило в 1441 г.) нет ни слова. Я считаю наиболее вероятной датой договора 1435 г. Летопись указывает, что тогда «князь великий Василий Васильевичь целоваше крест к Великому Новуграду, а новгородци такоже к великому князю Василью Васильевичу целоваша крест»[101]. Василий II «отступился» в пользу Новгорода от целого ряда новгородских владений в Бежецком Верхе, на Волоке Ламском, в Вологде. Новгородцы же вернули князю его доходы («княжьщины»). Князь и новгородцы решили послать своих бояр на развод земель. Новгородцы выполнили это условие в 1436 г. Василий же II «своих бояр не посла, ни отчины Новогородскиа нигде же не отведе новогородцем, ни исправы не учини»[102]. Для датировки рассматриваемой грамоты имеет значение, что на развод от Новгорода был отправлен Козьма Тарасьин, имя которого упоминается в тексте договора в качестве новгородского посла к Василию II. Очевидно, договор 1435 г. был оформлен (как и Яжелбицкое докончание) в двух грамотах, из которых основная (содержащая общие нормы взаимоотношений Новгорода с князем) до нас дошла, а дополнительная (посвященная конкретному вопросу о земельных спорах) не сохранилась. Условия 1435 г., возможно, были повторены в 1441 и 1447 гг.

Та грамота Яжелбицкого докончания, которая воспроизводит текст договорного акта 1435 г., составлена от имени Великого Новгорода по следующему формуляру: «По благословению преосвященного архиепископа Великого Новагорода и Пьскова владыки Еуфимиа, от посадника ноугородского..., от тысесского ноугородского..., и от всего Великого Новагорода; се приехали послове к великому князю Василию Васильевичю всея Руси и к великому князю Ивану Васильевичю всея Руси от Великого Новагорода... и докончали мир по крестным грамотам со князем с великим с Василием с Василиевичем, и со князем великим Иваном Василиевичем...» Далее в тексте докончальной грамоты имеется ссылка на «крестоцелование» предшествующих князей, из которых упомянуты Андрей Александрович городецкий и все московские князья, начиная с Ивана К]алиты.[103] Из тверских же князей, по понятным политическим соображениям, не назван ни один. Однако, несмотря на такое намеренное умолчание относительно условий договорных взаимоотношений в прошлом Новгорода с Тверью, все пункты того экземпляра Яжелбицкого соглашения, который содержал новгородские предложения, воспроизводят (через новгородско-московский договорный акт 1435 г.) формуляр новгородско-тверских докончальных грамот. Наибольшую близость рассматриваемая редакция Яжелбицкого договора обнаруживает к тексту докончаний Новгорода с Тверью № 3 и № 9, составленных при великих князьях Ярославе Ярославиче и Михаиле Ярославиче. Больше сходства у Яжелбицкой грамоты с договорным актом № 3.[104] Это обстоятельство совершенно понятно,

---

[101] ПСРЛ, т. III, стр. 112. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 416.

[102] Там же.

[103] В описях московского великокняжеского (царского) архива нет указаний на тексты этих договоров Новгорода с московскими князьями, за исключением списка, в виде тетрадки, с докончальной грамоты Василия Дмитриевича (недатированной). ЦГАДА, Опись архива Посольского приказа 1626 г., л. 10.

[104] С текстом № 3 сближает Яжелбицкую грамоту статья: «А без посадника вам, князи, суда не судити, ни волостеи роздавати, ни грамот давати». И значительно ниже: «А без вины вам, князи, мужа волости не лишити, ни грамот не посужати». В договоре № 9 в одной статье соединены следующие условия: «А бес посадника ти, княже, соуда не соудити, ни волостии роздавати, ни грамот даяти; а без вины моужа волости не

поскольку грамота № 3 Ярослава Ярославича представляет собой один из наиболее ранних новгородских договорных актов, послуживших прототипом для последующих, а грамота № 9 Михаила Ярославича, в свою очередь, следует тексту № 3, причем стремится к воспроизведению лишь основных общих норм договорного формуляра, опуская конкретные условия, имеющие временный характер.

Изучаемый экземпляр Яжелбицкого договора (подобно предшествующему ему докончанию Новгорода с Василием II 1435 г.), повторяю, содержит обычные пункты, отражающие новгородскую «старину» и выдвинутые перед московскими князьями представителями Великого Новгорода. Текст построен именно от лица новгородцев. Вначале находим предложение по адресу князей: «Целуй, господине князь великый Василей Василиевичь и князь великый Иван Василиевичь, потому ж крест ко всему Великому Ноугороду». Это обращение повторяется и ниже, в конце текста: «А на том на всем, князь великый Василий Василиевичь и князь великый Иван Василиевичь, целуйте крест ко всему Великому Новугороду, безо всякого извета». Но в то же время совершенно очевидно, что новгородские предложения прошли через московскую редакцию. Это, прежде всего, чувствуется в конструкции заключительной части грамоты, где непосредственно вслед за только что процитированной фразой о княжеском «крестоцеловании» помещено, в том же повелительном наклонении, аналогичное обязательство новгородских властей: «Такоже и посадник, и тысяцкый, и весь великой Новгород, *целуйте* крест к великому князю Василию Василиевичю всея Руси, и к великому князю Ивану Василиевичю всея Руси, по любви, в правду, безо всякой хитрости».[105]

К московской редакции следует отнести далее формулу: «А нам, мужем ноугородцем, княжение ваше держати честно и грозно без обиды». В новгородско-тверских докончаниях обычно отсутствует выражение «держати грозно», и для передачи характера взаимоотношений князя с Новгородом встречается несколько иной вариант: «княжение твое честьно дьржяти по пошлине без обиды» (№ 6, 7, 8, 12). Наступление Москвы на новгородские вольности видоизменяет привычный трафарет договорных грамот.[106] В отличие от них в тексте Яжелбицкого договора (и новгородско-московского договора 1435 г.) слова: «а нам, мужем ноугородцем, княжение ваше держати честно и грозно, без обиды» непосредственно связаны со следующим пунктом, указывающим на обязательство новгородцев не утаивать княжеских «пошлин»: «а пошлин ваших, князей великих, не таити по целованию». Этих статей нет в документах № 3 и № 9. В некоторых других новгородско-тверских грамотах (№ 6—8, 15) встречаем сходные условия: «а что пошлин князю в Новгородьской волости, того вы мене не таити»,

---

лишити ти», а отдельно в другом месте: «А грамот ти не посоужати». Согласно с грамотой № 3 формулировано обязательство: «ни на Низу ноугородца не судити, *ни дани роздавати...*» В № 9: «А на Низоу тобе, княже, новгородца не соудити, *ни волости роздавати*». Последовательность статей, особенно ближе к концу Яжелбицкой грамоты, также соответствует № 3. Некоторые пункты (например, о княжеских и новгородских пожнях) взяты из № 9.

[105] В старых докончальных грамотах обычно не встречается подобная конструкция (предложение «целовать крест», адресованное к обоим участникам соглашения). О двустороннем «крестоцеловании» говорится в прошедшем времени (см. № 15: «на семь на всемь князь великый целовал крест к всемоу Новоугородоу; также посадник и тысяцкыи и весь Новъгород целовали к великому князю по любви, в правдоу, без всякого извета»; также в № 12). В повелительном наклонении формула о «крестоцеловании» обращена обычно к одной из сторон: «на семь, господине, на всемь, целоуй крест...» (№ 10, 3, 18 и др.).

[106] Формула «грозно держати», кроме докончальной грамоты Новгорода с Василием II 1435 г., фигурирует также в договоре Новгорода с Дмитрием Донским, о котором см. выше.

или: «а новгородьцем волости и оброков княжих не таити». Но в московской редакции, соединившей вопрос о княжеских «пошлинах» с общим вопросом о признании новгородцами суверенитета великих князей, формула о «пошлинах» приобретала более общее и принципиальное значение, охватывая широкий комплекс княжеских прав, которому Москва была склонна придавать по возможности расширенное толкование.

В изучаемом тексте Яжелбицкого договора, по примеру новгородско-московской грамоты 1435 г., исключены ссылки на тверских князей, причем не только в начальном протоколе документа, в котором перечислен ряд имен предшественников Василия Темного, вступавших в договорные отношения с Новгородом, но и в других статьях. Так, княжеское право посылать осетренника и медовара в Ладогу мотивируется в общей форме «старыми грамотами крестными», а не персонально грамотой Ярослава Всеволодовича, как раньше.

В основном же Яжелбицкая грамота, содержащая новгородские предложения, повторяет (как и ее прототип — договор Новгорода с Василием II 1435 г.), без всяких дополнений и изменений, формуляр новгородско-тверских докончаний, сложившихся уже в отчетливом виде еще при Ярославе Ярославиче. Если некоторые статьи (например, о княжеском праве бить свиней в окружности 60 верст от города) выпущены как утратившие свое значение, то другие пункты (например, о торговле на основе «царевой», т. е. ханской грамоты), также не соответствовавшие условиям того времени, воспроизведены, очевидно, по трафарету. В списке новгородских «волостей», например, фигурируют по старой памяти Волок Ламский, Бежецкий Верх, Вологда. Но к этому времени московские князья уже захватили эти владения в свои руки.[107] Правда, в 1435 г., как говорилось выше, Василий II, согласно летописи, «отступился» Новгороду его «отчины» — ряда земель в Бежецком Верхе, на Волоке Ламском и Вологде. Однако, обязавшись послать своих представителей для земельного развода, великий князь не выполнил своего обещания, а вместо этого отправил на Вологду сильную заставу, где ее захватил его противник Василий Косой.[108]

По духовной грамоте Василия Темного, написанной уже после Яжелбицкого договора, Бежецкий Верх был отказан великим князем его сыну Андрею Большому, Волок — Борису, Вологда — Андрею Меньшому.[109] Следовательно, условия Яжелбицкого соглашения оказались невыполненными.

Общее впечатление при рассмотрении текста Яжелбицкого договора, оформленного в грамоте, предложенной со стороны Великого Новгорода, сводится к тому, что перед нами устойчивый, закоченевший в течение двух столетий договорный формуляр, уже не отвечавший исторической действительности середины XV в. и не отражавший реального соотношения политических сил. Новгородцы требовали от великих князей присяги на предъявленном документе (в значительной части имевшем лишь исторический интерес), считая, что актом «крестоцелования» московское правительство признает незыблемость старинного новгородского уклада. Великие князья присягнули, не изменяя договорного текста по сравнению с редакционными поправками 1435 г., поскольку этому тексту они придавали чисто декларативное значение. Реальные отношения должны были

---

[107] М. К. Любавский. Образование основной государственной территории Великорусской народности, стр. 98.

[108] ПСРЛ, т. III, стр. 112; т. VI, стр. 149; т. VIII, стр. 99; т. XII, стр. 21—22. См. также С. В. Рождественский. Указ. соч., VII серия, отд. гуманитарных наук, № 1, 1929, стр. 67.

[109] СГГД, т. I, стр. 203—204, № 86.

строиться не на его основе, а на основе той второй грамоты Яжелбицкого докончания, которая содержала ответные московские условия, принятые новгородскими послами. Работа над этим актом, производившаяся в московских политических кругах, была серьезным политическим делом, так как речь в данном случае шла об уточнении не *новгородских* «старин», а тех «пошлин», на которые претендовала *Москва*. Под рукою не было готового договорного трафарета. В какой-то мере московское правительство могло в этом направлении использовать, в качестве источника, докончание 1435 г., если предполагать, что сохранившаяся договорная грамота, датированная нами этим временем, не была единственной. Возможно, что, подобно Яжелбицкому докончанию, и договорный акт 1435 г. был оформлен в двух грамотах, из которых вторая (не дошедшая до нас) содержала какие-то дополнительные условия, выдвинутые Москвой. В самом деле, трудно допустить, чтобы докончание 1435 г. ограничивалось исключительно формулировкой договорных норм, заимствованных из старых новгородско-тверских грамот, и абсолютно не давало свежего материала, интересующего Москву с точки зрения усиления своего влияния в Новгороде. Но во всяком случае, учитывая даже работу московской великокняжеской канцелярии в 30-х или 40-х годах XV в., надо отметить, что в 1456 г. от московского правительства, при разработке его предложений Новгороду, требовалось проявление новаторства в области политической мысли. Дело не в том, что в тексте Яжелбицкой докончальной грамоты все или большинство норм являются *абсолютно новыми*. Наоборот, мы увидим далее, что в ряде случаев речь идет о таких московских требованиях, которые и раньше неоднократно предъявлялись великими князьями Новгороду. Новизна заключается в сведении этих требований в систематический текст, в разработке развернутого договорного формуляра, противопоставленного Москвой старому формуляру, сложившемуся в Новгороде еще в XIII в. Указанная задача планомерного воспроизведения основных начал великокняжеской «пошлины» и была осуществлена в том экземпляре Яжелбицкого соглашения, который выдвинула московская сторона. Именно этот (московский) текст интересовал составителя изучаемого нами сборника списков новгородских и двинских актов. Не случайно, подыскивая документ, с которого можно было бы начать копийную книгу, ее составитель остановил свое внимание на Яжелбицком договорном акте. Текст соглашения 1435 г., сознательно опущенный в нашем сборнике, больше тянул в прошлое, к договорному формуляру XIII в., и не представлял интереса для московских политических начинаний второй половины XV столетия. Даже допуская, что докончание 1435 г. не просто воспроизводило трафарет докончальных грамот Новгорода с тверскими князьями, а выдвигало дополнительные статьи, следует все же признать, что тогда время для проявления новаторства было неблагоприятным. 30-е годы — это период феодальной войны московских князей с удельными и слабости Москвы (только незадолго, в 1434 г. Василий II был лишен великого княжения своим соперником князем галицким и искал убежища в Новгороде). Яжелбицкий же договор (в части условий, предъявленных от имени московского правительства) послужил основой для Коростынского докончания 1471 г. и подготовил, таким образом, присоединение Новгорода к Москве. Разработанный в 1456 г. договорный формуляр дожил до того момента, когда Новгород утратил свою независимость.

Обращаясь к текстуальному анализу второй Яжелбицкой грамоты (с московскими предложениями), следует прежде всего отметить, что в дошедшей до нас редакции она выдает следы своего происхождения из московского проекта, превращенного в текст двустороннего докончания. Начальный протокол говорит о принятии новгородцами условий, пред-

ложенных от имени московских великих князей: «А се за то ялися послове от Великого Новагорода к великому князю Василию Василиевичю всея Руси и к его сыну к великому князю Ивану Василиевичю всея Руси по новогородскому слову и по новогородской грамоте, на чем послали к великим князем... (следуют имена послов)». В конце грамоты — предложение о «крестоцеловании», адресованное одновременно к великим князьям и Великому Новгороду, причем с редакционной точки зрения важно, что на первом месте оговорена княжеская присяга: «А на том на всем, князи великие, целуйте крест ко всему Великому Новгороду безо всякого извета. Також посадники, и тысяцкие, и весь Великий Новгород целуйте крест к великому князю Василию Васильевичю всея Руси и к великому князю Ивану Васильевичю всея Руси по любви, вправду, безо всякой хитрости». Эта редакционная деталь подтверждает, что московский проект был проредактирован с согласия новгородских представителей в докончальную грамоту, подлежавшую утверждению «крестоцелованием» обеих сторон. Характерно также, что формулировка отдельных условий в тексте дается в ряде случаев во множественном числе, очевидно, от имени великих князей и Новгорода: «*Повелехом* суд дати на Городище...»; «а что заклад в рядных грамотах, а то *велехом* имати князем великим с владыкою на виноватом от сего докончания». Другие статьи отличаются неустойчивостью редакции, свидетельствуя опять-таки о том, что перед нами переделка текста односторонних московских предложений в равно обязательный для обоих участников договорный акт. Предложения строятся то от лица новгородских властей («...а тых земль князем великим *отступилися*», «... и *нам* дати черный бор по старине...»), то от лица великих князей («а приедут *к нам к великим князем* от Великого Новагорода послы...»).

Из текста Яжелбицкой грамоты можно видеть, что она прошла через новгородскую редакцию. Дважды повторяется одна и та же статья о возвращении великим князьям Ростовских и Белозерских земель, приобретенных новгородцами. Один раз статья построена в прошедшем времени, так что получается впечатление, что договор только фиксирует выполнение обязательства: «А что земли Ростовския и Белозерския, что покупили наши новогородци, а тых земль князем великим съступилися и грамоты подавали». Во втором случае возврат земель рассматривается как дело будущего: «...и нам тых земль, обыскав, отступитися вам, великим князем, по крестному целованию». Очевидно, это противоречие можно объяснить только тем, что новгородские представители, редактируя московский проект, после того как они фактически уже выполнили (хотя бы частично) одно из его условий, внесли указание на это в текст.

Различные разделы той Яжелбицкой грамоты, текст которой предварительно составлялся в Москве, отличаются по своему характеру. Не во всех своих статьях этот текст в одинаковой мере самостоятелен. Частично был использован материал старых докончаний Новгорода с великими князьями. Из них заимствован ряд статей, иногда воспроизведенных почти дословно. Например: «...а от волостей дар имати по старине». Некоторые пункты обобщают конкретный материал прежних договоров. Выговаривая княжеское право на «крюк... по старине на третей год», Яжелбицкое соглашение исходило из повторяющихся во всех договорных грамотах условий о княжеских поездках раз в три года в Ладогу, Русу и т. д. Наконец, иногда Яжелбицкое докончание фиксирует свое внимание на *специальных* княжеских правах, которые предусматривались статьями предшествующих соглашений, выраженными в более *общей* форме. Так, статья: «А виры имати князем великим по старине, а новогородцем не таити» уточняет (касаясь одних лишь уголовных штрафов) старое правило, согласно которому

новгородцы не должны были «таити» княжеских «*пошлин*», или (по другому варианту) «*волости и оброков*».

Весьма значительный раздел Яжелбицкой грамоты (дополнительный к тексту новгородских предложений) посвящен урегулированию недавнего столкновения между Москвой и Новгородом (вопрос об отпуске полоняников и пр.). Источником этой части документа являются не договорные грамоты *общего характера*, а те *специальные* мирные акты новгородцев с князьями, которые заключались после военных столкновений. В ряде пунктов чувствуется близость в формулировках Яжелбицкого докончания к подобным грамотам Михаила Ярославича и Михаила Александровича («а полон с обе половины без окупа»; «а коих людеи привели к целованию за великих князей, кои живут на Новогородской земле, в Торъжку, кои за Волоком, или инде где ни есть, а с тых людеи князи великие целование сложиша»). Но эти пункты о мирных условиях в Яжелбицком договоре разработаны значительно полнее и детальнее, чем в предшествующих документах.

Большой интерес для нас представляют те статьи Яжелбицкой грамоты, которые постоянно были предметом переговоров и частых столкновений между новгородцами и великими князьями. Статьи эти в отдельности фигурировали, повидимому, и ранее, в текстах недошедших до нашего времени новгородско-московских договорных актов. Сейчас в целях уточнения княжеской пошлины, по инициативе московского правительства, разрозненные требования были превращены в полную и законченную сводку княжеских «пошлин». Особое внимание было уделено вопросам судебного порядка. Говорится о сместном суде (из двух бояр: княжеского и новгородского) на Городище по делам между княжескими людьми и новгородцами. В случае расхождения судей дело решается великим князем, во время его пребывания в Новгороде, вместе с посадником; запрещается отнимать суд у наместников великого князя, кроме особо оговоренных случаев; судебные позовы в Новгороде и по волостям великокняжеские подвойские должны выполнять совместно с новгородскими; «заклад в рядных грамотах» с виноватого взыскивается князем пополам с новгородским «владыкой», восстанавливается право князя на «черный бор». Ростовские и Белозерские земли, купленные новгородцами, возвращаются великому князю.

Целый ряд требований судебного и фискального характера, систематически изложенных Яжелбицкой грамотой, московские князья, как мы уже говорили, и ранее предъявляли Великому Новгороду. Так, под 1384 г. Новгородская летопись рассказывает о сместном суде в Новгороде на Городище между новгородскими и великокняжескими боярами: «Той зимы приехаша от князя Дмитрия с Москвы бояре его черный бор брати по Новгородским волостем, Федор Свибло, Иван Уда, Александр Белевут и инии бояре; и тогда ездиша бояре новгородцкии на Городище тягатися с княжими бояры о обидах, и побегоша с Городища на Москву Свиблова чадь, а об обидах исправы не учинив...»[110] О взимании по Новгородским «волостям» черного бора и о конфликтах на этой почве между новгородцами и московскими князьями имеются летописные сведения под 1341 г., 1384—1386 гг., 1392—1393 гг., 1437 г.[111] Яжелбицкая докончальная грамота потребовала от новгородцев неуклонного выполнения всех тех обязательств, которые расценивались как княжеские «пошлины». Этим термином великокняжеская власть была склонна называть всю сумму завоеванных к середине XV в. в Новгороде прав.

---

[110] ПСРЛ, т. IV, стр. 91.

[111] ПСРЛ, т. III, стр. 80, 93—94, 96, 112; т. IV, стр. 54, 91—94, 99—100, 122.

В числе новых условий, выдвинутых Москвой, повидимому, *впервые в 1456 г.*, прежде всего нужно отметить требование заверять новгородские документы великокняжеской печатью и запрещение составлять грамоты на вече («а печати быти князей великих»; «а вечным грамотам не быти»). Это, несомненно, нововведение, чуждое той «старине», на которой, как гласил текст докончания, пытались строить свои отношения обе стороны, и фактически не выполнявшееся новгородцами. Новгородцы, утверждавшие грамоты на вече до Яжелбицкого докончания, продолжали делать это и после 1456 г. Известна жалованная грамота Великого Новгорода 1447—1455 гг., утвержденная «на вече на Ярославове дворе» и выданная Троице-Сергиеву монастырю на беспошлинную торговлю в Двинской земле, с несудимостью в пути. К грамоте привешено восемь печатей (архиепископа, посадника, тысяцкого и пяти концов).[112] В 1476—1477 гг., не только после Яжелбицкого соглашения, но уже после Коростынского договора 1471 г., подтвердившего основные условия Яжелбицкой докончальной грамоты, Троице-Сергиев монастырь снова получает от Великого Новгорода такую же жалованную грамоту, оформленную на вече новгородскими печатями.[113] В 1459—1470 гг. выдана жалованная грамота «господина Великого Новгорода» Соловецкому монастырю на владение рядом островов, также за восемью новгородскими аналогичными печатями.[114]

Новой статьей докончания 1456 г., возникшей в результате политических событий 40—50-х годов, явилась специальная оговорка, что в Новгороде не должны находить приют княжеские «лиходеи», в частности участники Шемякиной смуты и их потомки. Вопрос об этом поднимался еще в начале 50-х годов XV в. В переписке с новгородским архиепископом Евфимием московский митрополит Иона настаивал, что к Дмитрию Шемяке неприменимо старинное правило, по которому «руские князи приежжали в дом святыя Съфея в Великий Новгород и честь им въздавали по силе».[115]

§ 4. Договорная грамота Новгорода с польским королем великим литовским князем Казимиром IV, 1471 г.

Новгородско-московский договор 1456 г. был возобновлен, с некоторыми изменениями, в 1471 г., после похода Ивана III на Новгород. В период между Яжелбицким соглашением 1456 г. и Коростынским докончанием 1471 г. видная боярская партия в Новгороде, захватившая в свои руки политическое руководство и державшаяся литовской ориентации, добилась заключения союза с Литвой. С Казимиром IV был оформлен договор, текст которого является предметом дальнейшего анализа.[116] Его источники и приемы составления еще не вполне выявлены в исторической литературе.

В докончальной грамоте 1471 г. Казимир IV именуется «королем польским и великим князем литовским», но совершенно очевидно, что Новгород имеет с ним дело во второй его роли — не польского короля, а великого литовского князя. В конце текста докончания указано, что Казимир должен «целовать крест» не от лица Польского государства, а «за все свое княжество [Литовское] и за всю раду Литовскую». Новгородское боярство ориен-

---

[112] Текст грамоты см.: ААЭ, т. I, стр. 32, № 42 и «Сборник грамот Коллегии экономии», т. I, Пгр., 1922, стр. 34—35, № 39. Печати описаны А. Л а к и е р о м. Русская геральдика, СПб., 1855, стр. 163—164, 178—180 и табл. XIII.

[113] ААЭ, т. I, стр. 80—81, № 104; «Сборник грамот Коллегии экономии», т. I, стр. 35—36, № 40.

[114] Н. С. Ч а е в. Северные грамоты XV в. Летопись занятий Археографической комиссии, вып. XXXV, Л., 1929, стр. 151—153, № 46.

[115] ААЭ, т. I, стр. 464—465, № 372.

[116] Т а м ж е, стр. 62—64, № 87.

тировалось на православных литовских князей и послов, из среды которых и прибыл в Новгород литовский князь Михаил Олелькович, «испрошенный» у Казимира.[117] По данным московских летописных сводов, новгородские бояре вместе с Михаилом Олельковичем проектировали создание в Новгороде православного наместничества, зависимого от Литовского государства, и брак будущего наместника, из числа литовских панов, со знаменитой представительницей новгородского боярства Марфой Борецкой. «Той бо прелестник дьявол вниде у них в злохитриву жену в Марфу Исакову Борецкого, и та окаанная сплется лукавыми речьми с литовским князем с Михаилом, да по его слову хотячи поити замужь за литовьского же пана за королева, а мыслячи привести его к себе в Великий Новград да с ним хотячи владети от короля всею Новогородскою землею».[118]

Договор Новгорода с Казимиром 1471 г. резко отличается по своему характеру от известных нам предшествующих докончальных новгородско-литовских грамот (со Свидригайлом Ольгердовичем 1431 г.[119] или тем же Казимиром Ягелловичем 1445 г.).[120] Эти более ранние договорные акты устанавливали нормальные торговые отношения между Новгородом и Литвой, разрешали пограничные недоразумения между ними, наконец, предоставляли некоторые судебные и финансовые права литовским князьям в определенных пунктах новгородской территории. Новгород и Литва выступали при этом в качестве самостоятельных государств. В договоре 1471 г. речь шла о признании Новгородом суверенитета короля Казимира и оборонительном новгородско-литовском союзе. По существу Новгород становился в такие же отношения к Казимиру, в каких он ранее находился к великим князьям московским. Однако новгородские бояре постарались видоизменить сложившиеся к этому времени нормы взаимоотношений с великокняжеской властью, добившись большего ограничения прав Казимира в Новгороде по сравнению с правами князя московского. В руках той боярской партии, которая тянула Новгород к союзу с Литвой, был разработанный текст новгородско-литовского соглашения, использовавший ряд источников (предшествующие докончальные грамоты и с московскими и с литовскими князьями), переработавший и дополнивший их свежим материалом и давший ряд искусных формулировок договорных норм в сторону выгодную для новгородской аристократии, стоявшей у власти.

Текст договора Новгорода с Казимиром, несомненно, составлен на основе новгородских предложений. Этот вывод вытекает из наблюдений над договорным формуляром. Начальный протокол построен от имени короля: «Се яз честны король полский и князь велики литовьски докончял есми мир..; а приехаша ко мне послове..., докончал есми с ними мир и со всем Великим Новымгородом, с мужи волными...» Но дальнейшие статьи изложены от лица новгородцев, которые выдвигают перед королем определенные требования и берут на себя ответные обязательства: «А держати *ти*, честны король, Великий Новгород на сей на крестной грамоте»; «а держати *тобе*, честному королю, своего наместника на Городище...»; «а Великому Новугороду у *твоего* наместника суда не отъимати»; «а у *нас* тебе, честны король, веры греческие православные *нашие* не отъимати» и т. д. В заключительной части документа находим предложение королю от имени Великого Новгорода «целовать крест» и указание на то, что новгородцы уже принесли присягу: «А на том на всем, честны король, *крест целуй*

---

[117] ПСРЛ, т. IV, стр. 235.
[118] ПСРЛ, т. VI, стр. 5.
[119] СГГД, т. I, № 19.
[120] РИБ, т. XXII, стр. 15—18, № 3. АЗР, т. I, стр. 52—53, № 39.

ко всему Великому Новугороду»; «а новогородцкие послове *целоваша* крест...»

В противоположность Ягелбицкому докончанию, оформленному в двух грамотах, из которых одна была посвящена новгородским «старинам», а другая — великокняжеским «пошлинам», новгородско-литовский договор 1471 г. в центре своего внимания держит новгородскую «старину» и, не вполне согласно с предшествующими договорными текстами, трактует вопрос о княжеских «пошлинах», на которые мог претендовать король. Изменилась сама терминология. Впервые в новгородских договорных актах появилось выражение «Великий Новгород мужи вольные». Односторонняя формула: «а держать тебе, честны король, *Велики Новгород в воли мужей волных, по нашей старине и по сей крестной грамоте*» заменила московскую редакцию обоюдного обязательства: «Новгород держати вам [великим князьям] *в старине, по пошлине, без обиды*; а нам, *мужем ноугородцем, княжение ваше держати честно и грозно, без обиды*».

В изучаемой новгородско-литовской докончальной грамоте получили детальную разработку условия военно-оборонительного союза между Новгородом и Литовским княжеством. Новгород выговорил себе в случае нападения великокняжеской московской рати личную помощь короля, а в отсутствие последнего — помощь «рады Литовской».

В качестве источника данного раздела договора с Казимиром были использованы докончальные грамоты Новгорода с тверским князем Михаилом Александровичем (№ 8) и московским князем Дмитрием Ивановичем [121] 70-х годов XIV в. Однако договор с Казимиром не просто воспроизводит соответствующие статьи названных (новгородско-тверского и новгородско-московского) докончаний, но дает их в несколько отличной редакции. Докончальная грамота с Михаилом Александровичем предусматривала княжескую помощь «бес хытрости» Новгороду в случае «розмирья (новгородцев) с немчи, или с Литвою, или с ыное стороне», но не давала конкретных указаний, в каких формах должна быть оказана эта помощь. Договор с Казимиром, в соответствии с докончальной грамотой Дмитрия московского, настаивает на личном приезде короля в Новгород в тот момент, когда последнему будет грозить опасность. Условия соглашения с Казимиром были более выгодны для новгородцев, чем с Дмитрием московским, в том отношении, что они носили односторонний характер. Ни слова не говорилось об ответном обязательстве новгородцев помогать королю, как это требовалось новгородско-московским докончанием 1375 г. Но зато договор 1471 г. делает некоторую уступку королю, допуская отъезд Казимира из Новгорода «в Лятцкую землю или в Неметцкую», даже если он «не умирит Великого Новагорода с великим князем». В этом случае обязанность «всести на конь» переходила к «раде Литовской». По соглашению же 1375 г. московский князь не мог «метать» Новгорода, «доколе ся Новгород с литовским князем и со тферьским князем Михаилом не умирит, или с немци».

Особое внимание договор с Казимиром уделил неприкосновенности православной веры и церковной независимости Новгорода. Королевским наместником могло быть лицо «от нашей веры греческой, от православного хрестьянства». Король не должен был «веры греческие православные... отъимати» и ставить в Новгородской земле «римские церкви». Новгородцы имели право самостоятельного выбора архиепископа и его посвящения, «где будет любо в своем православном хрестьянстве».

Касаясь вопросов суда, управления, финансов, торговли, докончание 1471 г. заимствует нормы из более ранних договорных актов Новгорода

---

[121] ААЭ, т. I, стр. 4, № 8.

с тверскими, московскими и литовскими князьями, но дает их в видоизмененной редакции, с соответствующими разъяснениями и добавлениями в целях ограждения интересов новгородского боярства. Так, в соответствии с текстом Яжелбицкого докончания (а также предшествующих ему новгородских договорных грамот с великими князьями) в договоре с Казимиром указано, что наместник короля не должен судить без новгородского посадника, новгородцы же не имеют права отнимать у королевского наместника суд, за исключением особо оговоренных случаев («опричь ратной вести и городоставления»). Запрещена (по примеру Яжелбицкой и более ранних грамот) присылка в Новгородские «волости» королевских приставов. Наконец, воспроизведена обычная статья новгородских договорных актов, согласно которой король не должен верить доносам смердов и холопов на своих господ. Но договорный акт 1471 г. более внимательно, чем другие известные нам грамоты, останавливается на разъяснении того, что следует понимать под «новогородцкой стариной» в области суда. В качестве источника ряда дополнений к обычному тексту докончаний Новгорода с князьями служит Новгородская судная грамота. Из нее заимствована ссылка на «владычний двор», как место суда королевского наместника с посадником,[122] и на «одрину», где производит суд королевский тиун с новгородскими приставами.[123] В договоре 1471 г. повторена формула Новгородской судной грамоты о правом суде — равном для «боярина, житьего и молодшего человека»,[124] причем договор дополняет этот перечень лиц различных социальных категорий указанием на «селянина». Докончальная грамота с Казимиром на основе Новгородской судной грамоты устанавливает взыскание наместником пересуда, запрещает ему брать посулы, говорит о позовах через «дворян и изветников по старине».[125] Наконец, в согласии с Новгородской судной грамотой суд королевского наместника отграничивается от судов новгородских архиепископа и тысяцкого,[126] причем договор 1471 г. дополнительно к данным Новгородской судной грамоты называет еще самостоятельные «монастырские суды».

Другие добавочные статьи к старым договорным новгородским текстам, касающиеся суда, не находят себе параллели в сохранившемся отрывке Новгородской судной грамоты. Возможно, что эти статьи были в недошедшей до нас части памятника. Так, нормированы полевые пошлины и виры, в то время как в Яжелбицком договоре о полевых пошлинах не говорилось ни слова, а о вирах было сказано глухо: «А виры имати князем великим по старине, а новгородцем не таити».

К докончальным грамотам Новгорода с литовскими князьями Свидригайлом 1431 г. и Казимиром 1445 г. восходят статьи текста 1471 г. о «блюдении» королем в Литве новгородского уроженца, «как и своего брата литвина», а новгородским властям в Новгороде — литовского жителя, «как своего брата новгородця». Но вопрос о суде в отношении новгородцев, оказавшихся в Литве, или литовцев, приехавших в Новгород, договор 1471 г. решает иначе, чем акты 1431 и 1445 гг. Согласно двум последним документам, суд в обоих указанных случаях производится «по княжой правде и по хрестному целованью». По докончанию 1471 г. выходец из Новго-

---

[122] Новгородская судная грамота, ст. 26. (М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. 1, изд. 6-е, стр. 179).

[123] Новгородская судная грамота, ст. 25 (М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 178).

[124] Новгородская судная грамота, ст. 1 (М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 173).

[125] Новгородская судная грамота, ст. 3, 23, 26, 41 (М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 173, 177, 179, 184).

[126] Новгородская судная грамота, ст. 1—4 (М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 173).

рода судится в Литве «своим [литовским] судом», житель Литвы во время пребывания в Новгороде подлежит «суду новгородцкому».

Интересный материал, отсутствующий в других договорах, находится в изучаемой грамоте Казимира по вопросу о королевской администрации в Новгороде. Упоминается королевский дворецкий, который должен жить «на Городище на дворце, по новгородцкой пошлине». Точно указана численность королевского штата (50 человек), который вместе с дворецким, наместником и тиуном имеет свое пребывание на Городище. В то время как другие договоры говорят о посылке княжеских судей на Петров день, в докончальной грамоте 1471 г. речь идет о продаже дворецким с посадником, начиная с Петрова дня, судебных пошлин с проезжего суда.

Ограничивая королевские права на Новгородской земле, грамота 1471 г. (как и Яжелбицкая и более ранние договорные акты) запрещает Казимиру IV с семьей и слугами приобретать какими-либо путями земли в Новгородских пределах, «чинить вывод» «из Новогородцкой отчины», а кроме того, вносит новые ограничения по сравнению с более ранними документами: запрещено брать подводы «по Новогородцкой вотчине»[127] и закупать челядь. По традиции, запечатленной в Яжелбицком докончании, договорная грамота с Казимиром различает пожни, принадлежащие на праве пользования королевскому двору, с одной стороны, и составляющие государственную собственность Новгорода — с другой. В общей форме повторено условие, содержащееся в ряде Новгородских договорных актов с князьями: «пошлины» по «волостем по Новогородцким» взимаются «по старине», а Новгород не должен их «таити по крестному целованию».

Договор с Казимиром приводит такой же перечень новгородских «волостей», как и Яжелбицкая договорная грамота, предъявляя требование королю, чтобы он отдавал их в держание не своим «мужам», а новгородцам. Также предусмотрена «пошлина», согласно которой в Торжке и на Волоке король «держит» на своей части тиуна, а Новгород — посадника.

Но дополнительно к старым договорным нормам грамота 1471 г., в соответствии со своей общей тенденцией обосновать «старинные» начала в области новгородского суда, подчеркивает, что королевский тиун в Торжке и на Волоке должен судить вместе с новгородским посадником «по новогородцкой пошлине, новгородцким судом, и виры и полевое по новогородцкому суду». Старинные княжеские поездки в Русу, Ладогу, Водскую землю заменены по договорной грамоте 1471 г. определенным взносом в королевскую казну за «проезжий суд». Такие же взносы установлены с Лопской и Ижорской земель, которые не упомянуты предшествующими договорами. Вместо промысловых, охотничьих и рыболовных экспедиций грамота 1471 г. говорит о королевском праве держать в Русе десять соляных варниц.

Из старых договоров Новгорода с литовскими князьями (Свидригайлом 1431 г., Казимиром 1445 г.) договорный акт с Казимиром 1471 г. заимствовал дословно перечень пошлин («черных кун» и других), уступленных новгородцами Казимиру IV не как новгородскому, а как великому литовскому князю, в ряде пограничных мест, с оговоркою: «А иных пошлин тобе, честны король, на Новогородцкия волости не вскладывать через сию крестную грамоту». Но в то же время (в противоположность прежним договорным грамотам Новгорода с Литвой) в договоре с Казимиром оговорено, что три пограничных пункта (Ржева, Великие Луки и Холмовский погост) принадлежат к числу Новгородских земель, и король должен в них «ся... не вступати», а только «знать... своя черна куна».

Право на взимание черного бора, по грамоте Казимира, король полу-

[127] В Яжелбицкой грамоте упоминалась повозная повинность купцов.

чает только в том случае, если «умирит... Велики Новгород с великим князем», «а в иные годы черны бор ненадобе».

Относительно новгородской торговли договор 1471 г. содержит обычные пункты новгородских докончальных грамот с великими князьями, согласно которым последние не должны были затворять Немецкого двора и приставлять к нему своих приставов, торговые же сношения с немцами производились через новгородцев. Договорный акт 1471 г., как и тверские докончальные грамоты, упомянул о свободном проезде для послов и гостей в пределах Литвы и Новгородской земли.

Только в одной грамоте 1471 г. из всех известных договорных текстов указано, что суд в Пскове, государственная псковская печать и псковские земельные владения являются достоянием Великого Новгорода («а то Великому Новугороду по старине»). Новгородское боярство требует от короля признания суверенитета Новгорода в отношении Пскова как его пригорода.

Давая общую оценку договора Новгорода с Казимиром 1471 г. как исторического источника, следует отметить, что он сильно отступил от обычного формуляра новгородских докончальных грамот с великими князьями. В нем значительно больше конкретного материала и меньше трафарета, чем, скажем, в Яжелбицком договорном акте 1456 г. Заключая соглашение с Литвой, новгородские бояре старались предусмотрительно оговорить целый ряд пунктов, которые в практике их отношений с московской великокняжеской властью регулировались самой жизнью. В то же время в договоре с Казимиром опущены многие пункты, повторяющиеся во всех новгородских докончальных грамотах вплоть до Яжелбицкого докончания 1456 г. Так, например, выпали указания на то, что король (или его наместник) не должен без посадника раздавать или отнимать «без вины» «волости», давать или посужать грамоты [128] и т. д. Отсутствие в договоре 1471 г. этих статей не значит, что новгородцы отказывались в данном случае от «старины». Это значит, что при выработке текста докончальной грамоты 1471 г. внимание составителей было устремлено не на полное воспроизведение общего договорного формуляра, который подразумевался сам собой, а на конкретный комментарий *к некоторым отдельным пунктам* договорных взаимоотношений, которые особенно требовали разъяснения. В других случаях пропуски в изучаемой грамоте намеренны. Так, сознательно не упомянуты такие существенные княжеские права, на которые по традиции мог претендовать король, как взимание «дара» с Новгородских «волостей», промысловые поездки в Русу и Ладогу и пр. Перед нами сознательное ограничение новгородскими боярами королевских привилегий.

В тексте докончальной грамоты Новгорода с Казимиром, как мы видели, могут быть выделены, с одной стороны, заимствования из старых договорных текстов, с другой стороны, статьи, внесенные при составлении документа. Творческая мысль составителей направлена на разработку ряда вопросов, подсказанных политической ситуацией 70-х годов XV в., а старый материал приводится часто лишь в качестве или исторической справки, или предпосылки для тех или иных новых формулировок. В силу этого мы наталкиваемся иногда на противоречия в грамоте, на которые не обратили внимания составители и редакторы. Например, согласно выдержке из докончания Новгорода с князьями Свидригайлом 1431 г. и Казимиром IV 1445 г., суд в Великих Луках держат пополам новгород-

---

[128] В докончании 1471 г. имеется условие, отсутствующее в других договорных текстах: «А наместнику твоему (короля)... от места кун не имати», т. е., очевидно, запрещено раздавать должности за деньги (взятки).

ский и литовский тиуны. В то же время новгородско-литовский договор 1471 г. подчеркивает, что Великие Луки являются новгородским владением, в которое не должен вступаться король.

§ 5. Коростынская договорная грамота 1471 г.

После похода Ивана III на Новгород в 1471 г. и победы московских войск над новгородским ополчением на реке Шелони новгородско-литовский договор был аннулирован. Московский великий князь заключил на Коростыни новое соглашение с новгородцами, положив за основу текст Яжелбицкого докончания 1456 г.

Докончание 1471 г.[129] оформлено, так же как и Яжелбицкий договор, в двух грамотах. Одна из них воспроизводит обычный формуляр новгородских договорных актов, другая содержит московские предложения. Текст Коростынского договора 1471 г. по обеим грамотам почти полностью повторяет соответствующие два экземпляра Яжелбицкого соглашения 1456 г. Но имеются некоторые, на первый взгляд, очень несущественные, расхождения чисто редакционного характера, которые, однако, придают Коростынскому договорному тексту иной политический оттенок по сравнению с Яжелбицким.

Прежде всего, следует отметить своеобразие начального протокола первой грамоты Коростынского докончания, посвященной в основном обоснованию новгородской «старины». Документ начинается следующим образом: «По благословению нареченного на архиепископство Великого Новагорода и Пскова священноинока Феофила, се приехаша к великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси, и к его сыну великому князю Иоанну Иоанновичу всея Руси, от посадника новогородского..., и от тысяцкого новогородского..., и от всего Великого Новагорода посадники новогородские..., а от житьих людей... и *добили челом своей господе великим князем* (курсив мой.—*Л. Ч.*) и кончали мир по крестным грамотам...» В Яжелбицкой докончальной грамоте вступительная часть несколько иная. Отсутствует указание на «челобитье» новгородцев великим московским князьям как основное условие для заключения мира между Новгородом и Москвой. Включение в мирный акт 1471 г. этой формулы сообщало документу характер великокняжеского «пожалования», хотя внешне он и построен в форме двустороннего докончания. Такую двойственность Коростынского текста 1471 г., формально представляющего собой московско-новгородский договорный акт старого типа, со всеми привычными и уже утратившими свое реальное значение клаузулами, а по существу жалованную грамоту, отметил летописец. Он нашел и соответствующие термины для правильной характеристики Коростынского мирного акта с точки зрения его формуляра и политического смысла. Московский князь «*пожаловал* их, свою отчину, богомолца своего священноинока Феофила, нареченного на владычьство Великому Новугороду и Пскову, да и посадников и тысяцьких новогородских, и житьих, и бояр, и купцов, и черных, весь Великий Новгород, отчину свою, пожаловал, и всю землю Новгородскую..., а что *залоги старыи и пошлины его новогородские, а о том о всем укрепився с ними крестным целованием, да и твердыми грамотами запи-*

---

[129] По списку из сборника Публичной библиотеки текст документа напечатан в ААЭ, т. I, стр. 66—69, № 91. Другой список конца XV в. хранится в Государственном древлехранилище — ЦГАДА, отд. I, рубр. III, № 18. Напечатан в «Древней Российской Вивлиофике», изд. 2-е, ч. 1, № 16—17 (под неверной датой — 1571 г.); в СГГД, т. I, стр. 26—30, № 20; у А. А. Шахматова. Исследование языка новгородских грамот XIII и XIV века, стр. 278—285.

сав, положил».[130] Признание новгородских «старин», зафиксированных в докончальной грамоте, является, таким образом, результатом великокняжеского пожалования. Отсутствующий в Яжелбицкой грамоте термин «господа» применительно к двум представителям великокняжеской власти повторяется и в заключительной части Коростынского договора: «Также и мы, посадники, и тысяцкие, и весь Великий Новгород целуем крест к своей господе, к великим князем...»

Другое существенное отличие Коростынского текста от Яжелбицкого заключается в том, что непосредственно вслед за статьей о княжеском «крестоцеловании» и после взаимного обязательства — со стороны князя, «держать» Новгород «в старине, по пошлине, без обиды», со стороны новгородских «мужей», «держать» великое княжение «честно и грозно, без обиды» — помещены пункты, касающиеся новгородско-литовских отношений. Прежде всего, указано в общей форме, что новгородцы обязаны быть «неотступными» от великих московских князей, не «отдатися» королю польскому и великому князю литовскому и не просить у него князей в Великий Новгород и на пригороды. Затем следует условие, согласно которому новгородцы не должны принимать великокняжеских «недругов»: Ивана Андреевича можайского, Ивана Дмитриевича Шемякина и Василия Ярославича серпуховско-боровского с семьями, а также иных великокняжеских «лиходеев». Эта статья о «недругах» и «лиходеях» московского великого князя имелась и в договорной грамоте 1456 г., которая не упоминала только в числе врагов Василия Темного — князя Василия Ярославича, так как он был арестован и заточен уже после Яжелбицкого соглашения. Но характерно, что в Яжелбицком тексте указанный пункт фигурировал во второй грамоте, посвященной великокняжеским «пошлинам». Коростынский договорный акт перенес это требование Москвы в отношении Новгорода в первую грамоту, в которой речь идет о новгородских «старинах». Такая редакционная перестройка текста сообщала Коростынскому докончанию отчетливую целеустремленность. Заключая мир с Новгородом в 1471 г., московское правительство естественно прежде всего настаивало на его полном разрыве с Литовским государством и отказе от самостоятельной внешней политики. Это требование Москва выдвигала в качестве непременного условия возврата к нормальным отношениям с Новгородом типа старых докончальных грамот. Подобная точка зрения нашла очень яркое выражение в редакции Коростынского договорного акта. В первой же грамоте, заключающей в себе кодекс новгородских «старин» и внешне построенной в форме предъявления ряда обязательств от лица новгородских «вольных мужей» великим московским князьям, решено было сразу начать с признания себя этими «вольными мужами» «неотступными» от великих князей московских. Редакция Коростынского договора гораздо определеннее и более твердо утверждает суверенитет Москвы по отношению к Великому Новгороду. Этот суверенитет уже перерастает в отношения подданства. В Коростынской грамоте мы читаем: «А нам, мужем новогородцом, княжение ваше держати честно и грозно, без обиды; а за короля и за великого князя литовского, что король или великий князь на Литве ни буди, от вас, от великих князей, нам, вашей отчине Великому Новугороду мужем вольным, не отдатися никоторою хитростью, а быти нам от вас, от великих князей, неотступным ни к кому». Яжелбицкая редакция значительно короче и менее выразительна: «А нам, мужем ноугородцем, княжение ваше держати честно и грозно, без обиды; а пошлин ваших, князей великих, не таити по целованию».

---

[130] ПСРЛ, т. VI, стр. 14. Курсив мой. — *Л. Ч.*

Бросается в глаза, что Коростынский договор оперирует в неразрывном сочетании двумя, казалось бы, в корне противоположными понятиями: «новгородские мужи вольные» и «Великий Новгород — отчина ваша (московских князей)». Эти два понятия сливаются в одно: «ваша отчина Великий Новгород мужи вольные». Здесь нет внутреннего противоречия. Формуляр и терминология Коростынского договора строго продуманы и политически взвешены. С точки зрения Москвы, приведенное выражение как нельзя лучше передает существо новгородско-московских взаимоотношений. Не отвергая термина «вольные мужи», впервые употребленного доокончальной грамотой Новгорода с польским королем Казимиром IV, московская редакторская рука дополнила его другим: «наша отчина» — и сделала из этого словоупотребления соответствующие выводы политического порядка. Московское правительство решило в 1471 г. не ломать новгородского политического уклада, но обусловило сохранение новгородских «вольностей» безоговорочным признанием со стороны Новгорода своей принадлежности к великому княжению Московскому. Новгородцы должны были дать гарантии верности московскому правительству. Исходя из такой политической предпосылки, Иван III и счел необходимым дать первую же (основную) грамоту Коростынского договора в редакции, не менявшей обычного перечня новгородских «старин», но предпославшей им вступительные требования, совершенно лишающие новгородцев права самостоятельной внешней политики. В числе этих требований включена и статья о том, чтобы новгородцы не имели связей с великокняжескими «недругами» и «лиходеями». Ее помещение именно в первой грамоте, посвященной новгородским «старинам», а не во второй, перечисляющей великокняжеские «пошлины» (как это имело место в тексте Яжелбицкого договора), не было делом только литературной редакции. В 1471 г. Москва была склонна расценивать указанный пункт не просто как встречное московское требование, а как основу, на которой московская сторона соглашалась оформить договорный текст, со включением всех других пунктов, выдвинутых со стороны новгородцев.

Новыми по сравнению с Яжелбицким договором являются в первой Коростынской грамоте также статьи московского происхождения, восстанавливающие церковную зависимость Новгорода от московской митрополичьей кафедры. Новгородцы имеют право «по старине» избирать себе «владыку», но «ставиться» он должен в Москве, у великих князей и у митрополита. Появление этого пункта вызвано тем, что, согласно договору с Казимиром IV, новгородцы выговорили себе право «ставить» «владыку», «где будет... любо в своем православном хрестьянстве». По инициативе новгородского архиепископа Феофила, принимавшего участие в оформлении Коростынского договора, в текст последнего внесены условия, ограждающие интересы новгородской архиепископской кафедры и монастырей: обязательство великих князей и митрополита не увеличивать церковных пошлин, взыскиваемых с «владыки», право последнего на сбор десятины и пошлин с церквей, неприкосновенность вотчин Юрьева монастыря, находящихся на Волоке.

Тот раздел первой Коростынской грамоты, который повторяет формуляр старых новгородских договорных актов с великими князьями, не имеет почти никаких расхождений с Яжелбицким текстом. Только в числе новгородских «волостей» отсутствует Волок, а после обязательства великого князя не производить «на Низу» суда и раздачи дани говорится о том, что торговцы, приезжающие в Новгород из великого княжения, не подлежат там суду. То обстоятельство, что эта часть Коростынской грамоты менее всего подверглась правке, свидетельствует, что московское правительство уже не придавало большого значения старым договорным нормам, воспро-

изводившимся по трафарету, но не отвечавшим политической ситуации 70-х годов XV в.

Вторая (ответная московская) грамота Коростынского докончания отличается от Яжелбицкой (так же как и первая) прежде всего своей терминологией, которая свойственна скорее великокняжеским пожалованиям, чем договорным актам. Например:

Яжелбицкая грамота	Коростынская грамота
А что нятцев или полону у великих князей или у Великого Новагорода нятцев и полону..., ино тыи нятци и той полон отпустиша без окупа на обе половине, и старой и новой.	А что у нас у великих князей нятцов и полону, и мы великии князи *пожаловали свою отчину* Великий Новгород,— тех есми нятцов новугородских всех и полон весь велели отпустити.

Статьи, отсутствовавшие в Яжелбицком договорном акте и вновь внесенные в текст второй Коростынской грамоты, направлены прежде всего к усилению влияния великого князя и его наместника в новгородском суде. В этих целях новгородский судебный кодекс (так называемая Новгородская судная грамота) после соответствующей редакции был переписан на великокняжеское имя и скреплен княжескими печатями. Князья оговорили свое право на получение половинной доли судебных штрафов, предусмотренных Новгородской судной грамотой.[131] Было вынесено запрещение сотским и рядовичам производить суд без княжеского наместника и посадника. Специальные статьи касались вопроса относительно обыска по делам о «татьбе» или «разбое», совершенных новгородцами на великокняжеской территории, или торговцами, прибывшими из пределов великого княжения, на Новгородской земле.

Большой интерес представляет пункт Коростынского докончания, предоставляющий псковским послам право беспрепятственно ездить в Москву и обратно через Новгородскую землю, а новгородским послам — через Псковскую землю. Это условие станет понятным, если вспомнить, что и Новгород, и Иван III перед войной 1471 г. пытались привлечь каждый на свою сторону псковичей. Новгородцы, желая помешать московско-псковскому союзу, не пропустили в Москву псковского посла. Псковичи, по словам летописи, жаловались: «А что наши послове путь прошли через Новгородскую землю к великому князю, Велики Новгород не дал пути нашему послу и опасную дал грамоту такову, толко доброволно болшему послу до Новагорода ехати и опять отъехати».[132]

Наконец, касаясь различий между Яжелбицким и Коростынским текстами, следует указать, что при оформлении последнего редактор, используя в качестве источника Яжелбицкий договорный акт, подверг его также правке чисто литературного характера: были устранены повторные статьи (напр. о возврате новгородцами Ростовских и Белозерских земель).

Заканчивая анализ текста Коростынского докончания, надо отметить, что несмотря на его часто дословное сходство с Яжелбицким он характеризует следующий этап политических завоеваний великокняжеской власти в Новгороде. Иногда мелкие редакционные поправки, формулировки, которые мы находим в Коростынском тексте, отличают его содержание от Яжелбицкого. Основное различие (не по форме, а по существу) сводится к тому, что Коростынский договор в большей степени приближается к акту великокняжеского пожалования, чем к договорной грамоте. Это отметил летописец, расценив Коростынский документ не как двустороннее соглашение, а как односторонний акт, отражающий великокняжескую волю: «В тое же время, как поиде из Русе князь вели-

[131] Подробнее об этом см. ниже, в разделе о Новгородской судной грамоте.
[132] ПСРЛ, т. IV, стр. 236.

кой к Новугороду и доиде Коростыни, и срете и владыка нареченный новгородский Феофил, и посадники новгородскии, и тысяцкии, и *начаша бити челом* Ивану Васильевичю и *просити миру*. Князь же великой тако у нареченного владыки новгородского и у посадников новгородских, и у тысяцких, и у всего Великого Новагорода *вси своя что ни буди старины поимал*, или город, или волость, или бор черной...; той же князь великой *челобитье их принял и мир им по старине дал*».[133]

§ 6. Новгородская судная грамота

Наряду с докончальными новгородско-московскими грамотами в сборнике Публичной библиотеки скопированы два законодательных памятника: Двинская уставная и Новгородская судная грамоты. Первая относится к 1397 г., вторая в дошедшей до нас редакции — к 1471 г. Списки с обоих памятников сделаны в 1475—1476 гг. Однако первоначальная редакция Новгородской судной грамоты, как это будет показано в дальнейшем, хронологически предшествует Двинской уставной грамоте. Происхождение последнего памятника может быть понято только в связи с историей текста Новгородской судной грамоты, которая поэтому и явится предметом нашего анализа в первую очередь.[134]

Выше при изучении состава сборника новгородских и двинских актов 70-х годов XV в., сохранившего нам текст Новгородской судной грамоты, было выяснено, почему московскому правительству понадобился список этого памятника новгородского права. Он нужен был Ивану III для производства суда в Новгороде в 1475—1476 гг., поскольку великий князь стремился показать, что в своей судебной деятельности он соблюдает «старину». Но именно вследствие того, что текст Новгородской судной грамоты интересовал московское правительство в чисто практических целях, скопирован он был не полностью, а в выдержках, относящихся непосредственно к судоустройству и к судопроизводству. Значительные разделы памятника были выпущены, и в настоящее время мы располагаем лишь его отрывком. Этого не учитывали многие исследователи, которым бросалась в глаза бедность содержания Новгородской судной грамоты, и они делали из этого вывод о бедности новгородского права вообще.

---

[133] ПСРЛ, т. IV, стр. 242. Курсив мой. — *Л. Ч.*

[134] Новгородская судная грамота была впервые напечатана Н. М. Карамзиным. Указ. соч., т. V, изд. 2-е, примечания, стр. 267—273. Вторично памятник опубликован в ААЭ, т. I, стр. 68—72, № 92. Есть несколько учебных изданий. В дальнейшем ссылки на текст грамоты даются по изданию М. Ф. Владимирского-Буданова. Указ. соч., стр. 172—185. При ссылках приходится придерживаться общепринятого деления на статьи, предложенного М. Ф. Владимирским-Будановым, хотя в ряде случаев это деление и нельзя признать удачным. Специальная литература о Новгородской судной грамоте очень бедна. Впервые памятник был детально использован в исследовании А. Куницына. Историческое изображение древнего судопроизводства в России, СПБ, 1843 г. (цензурное разрешение на печатание книги от 1825 г.). Затем появилась работа студента Ф. Панова. Исследование о Новгородской судной грамоте 1471 г. в отношении к судопроизводству, преимущественно гражданскому (сборник, издаваемый студентами Петербургского университета, вып. I, СПб., 1857, стр. 255—320). Исследование Панова представляет собой постатейный комментарий к тексту Новгородской судной грамоты, разделенному им на 85 статей (в «Хрестоматии» Владимирского-Буданова памятник разбит на 42 статьи). Специально вопроса о происхождении Новгородской судной грамоты касается П. М. Мрочек-Дроздовский в своем очерке «Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов» («Юридический вестник», М., 1884, № 5—6, стр. 117—123). Совсем недавно со статьей, посвященной Новгородской судной грамоте, выступил Б. М. Кочаков. Новгородская судная грамота (Ученые записки Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского, т. V, вып. 1, стр. 9—22). Кроме того, замечания о Новгородской судной грамоте находим в общих курсах по истории русского права.

Так, автор классического исследования «Источники права и суд в древней России» Н. Л. Дювернуа уделяет очень мало места Новгородской судной грамоте, ограничиваясь по поводу нее лишь несколькими общими замечаниями. В то же время на Псковской судной грамоте он останавливается весьма подробно. Дювернуа сам указывает причину подобного неравномерного распределения внимания между двумя памятниками. «Сохранившийся отрывок не заключает в себе почти ничего, кроме правил судопроизводства», — так отзывается Дювернуа об известном нам тексте Новгородской судной грамоты. Автор не допускает мысли о том, что этот текст мог представлять только фрагмент какого-то несохранившегося в полном виде правового кодекса. Он считает, что «целого законодательного сборника здесь (в Новгороде), вероятно, не было», и, исходя из этой предпосылки, приходит к выводу, что новгородское законодательство и право «не достигло той зрелости, не выделилось, не определилось, не объективизировалось так, как во Пскове».[135]

Приведенные выше соображения заставляют решительным образом высказаться против взгляда Дювернуа и других исследователей, придерживающихся подобной точки зрения по вопросу о полноте дошедшего до нас текста Новгородской судной грамоты.[136] Есть все основания думать, что при переписке в 1475—1476 гг. из нее были изъяты целые разделы, подобные тем, которые мы находим в Псковской судной грамоте (например, статьи о торговом праве, о наследственном праве, об изорниках или смердах и пр.).[137] Произведенное выше сличение Новгородской судной грамоты и текста договора Новгорода 1471 г. с Казимиром IV показало, что даже процессуальные нормы, содержавшиеся в недошедшем полном оригинале Новгородской судной грамоты, не все нашли место в снятой с него в 1475—1476 гг. и известной нам копии.

Итак, правильному подходу к изучению Новгородской судной грамоты очень мешало то, что в литературе не были выяснены *время и обстоятельства появления ее единственного неполного списка*, который я датирую 1475—1476 гг. Очень мало сделано до настоящего времени и по вопросу *о внешней истории оригинала* Новгородской судной грамоты (состав памятника, даты и причины возникновения отдельных его частей). Само собой понятно, что этот вопрос может быть поставлен только применительно к тем частям Грамоты, которые нам известны по копии 1475—1476 гг.

Ф. Панов — первый, специально занявшийся Новгородской судной грамотой, относил запись имеющихся в ней постановлений к 1471 г., ко времени после Коростынского мира. В неписанном виде «постановления эти, быть может, существовали уже и прежде..., но по случаю заключения Новгородом мирного договора с великими князьями (Иоанном III и сыном его Иоанном Иоанновичем) и соизволения этих князей, были преданы письму, вероятно, с тою целью, чтобы служить руководством наместнику и тиунам великокняжеским при решении ими (совместно с новгородскими судьями) тех дел, для которых эти указания были назначены»[138]. Но положение, выдвинутое Пановым, не может быть принято уже потому, что Коростынский московско-новгородский договорный акт, так же как более

---

[135] Н. Л. Дювернуа. Источники права и суд в древней России, стр. 308—311.

[136] В последнее время эта точка зрения защищается Б. М. Кочаковым, который заявляет, что «...Грамота в целом содержала исключительно постановления о судопроизводстве» (Б. М. Кочаков. Указ. соч., стр. 13).

[137] Ряд ученых признает, что кроме чисто процессуальных норм, в составе Новгородской судной грамоты могли быть и другие разделы, в настоящее время утраченные. См., например, М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 4-е, СПб.—Киев, 1905, стр. 99; А. Н. Филиппов. Учебник истории русского права (пособие к лекциям), ч. I, Юрьев, 1914, стр. 129.

[138] Ф. Панов. Указ. соч., стр. 257.

ранняя докончальная грамота Новгорода с Казимиром IV, ссылаются на Новгородскую судную грамоту как на *существующую запись новгородского права, произведенную по инициативе самого Великого Новгорода.*[139] После Коростынского мира Иван III велел переписать грамоту на свое имя и, как увидим ниже, внести в нее соответствующие изменения. Поэтому речь может итти только о *редакции* Новгородской судной грамоты 1471 г., но никак не о том, что 1471 год является датой *первоначального оформления памятника в письменном виде.*[140]

Именно так и ставит вопрос большинство исследователей, писавших о Новгородской судной грамоте и отмечавших, что составление наиболее раннего текста последней по вечевому приговору предшествовало на много времени ее утверждению Иваном III. По вопросу о датировке памятника в начальной редакции мнения расходятся. Некоторые ученые не считают возможным уточнять время появления первой редакции памятника в результате вечевого приговора и говорят неопределенно о середине XV в. (В. И. Сергеевич,[141] М. Ф. Владимирский-Буданов[142]) или даже совсем уклоняются от решения вопроса (М. А. Дьяконов[143]). И. Д. Беляев считает, что Новгородская судная грамота была составлена впервые в 1456 г. Новгород находился тогда в состоянии войны с великим московским князем Василием Васильевичем Темным. Власть в городе захватили в свои руки бояре и богатые купцы, которые в целях «стеснения меньших людей» и составили на вече Судную грамоту.[144] А. Н. Филиппов не называет прямо точной даты создания самой ранней редакции Новгородской судной грамоты, относя ее глухо к половине XV в. Однако из рассуждения автора *о причинах* появления памятника можно уловить и более определенные указания на время его составления. А. Н. Филиппов отмечает, что в середине XV в. в Новгороде чувствовалась потребность смягчить общественные противоречия «созданием *судебного устава*»,[145] содержащего «точное определение прав и обязанностей сторон в их взаимных тяжбах». В связи с этим автор перефразирует (а в примечании цитирует) известный летописный текст 1446 г. об отсутствии в Новгороде «правды» и «правого суда», и в результате анализа указанного текста приходит к выводу, что появление памятника новгородского права в половине XV в., «когда указанная противоположность классовых интересов достигла наибольшего развития, было вполне своевременно».[146] Очевидно, А. Н. Фи-

---

[139] В докончальной грамоте Новгорода с Иваном III 1471 г. читаем: «А что *грамота докончалная в Новегороде промежь собе о суде*, ино у той грамоты быти имени и печати великих князей. А что заклад *в той Новугородской грамоте* в докончальной написан на наездщиков, и на грабежщиков, и на доводщиков, ино князем великим взяти половина от сего докончания, а Великому Новугороду половина взяти. А кто имет посул давати, или кто и почнет имати по концем, и по рядом, и по станом, и по улицам у грабежщиков, и у наводщика, и у наездщика, ино взяти на том той же заклад, великим князем половина, *по Новгородской грамоте*, а Великому Новугороду половина». Согласно новгородскому договору с Казимиром, королевский наместник должен брать пересуд *«по Новогородцкой грамоте по крестной»*.

[140] Однако в некоторых курсах по истории русского права 1471 год все же фигурирует как дата составления грамоты. См. Н. П. Загоскин. История права русского народа, т. I, Казань, 1899, стр. 189—190.

[141] В. И. Сергеевич. Лекции и исследования по истории русского права, изд. 3-е, СПб., 1903, стр. 38.

[142] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 4-е, СПб.—Киев, 1905, стр. 99.

[143] М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, М. — Л., 1926, стр. 51.

[144] И. Д. Беляев. Лекции по истории русского законодательства, М., 1888, стр. 291—297.

[145] Курсив автора.

[146] А. Н. Филиппов. Указ. соч., стр. 127—129.

липпов склонен датировать первую запись текста Новгородской судной грамоты временем около 1446 г.[147] По мнению М. М. Михайлова, основная редакция памятника падает на 1440 г.[148]

По-разному решают исследователи и вопрос о характере редакции 1471 г., ее отношении к раннему тексту Новгородской судной грамоты, утвержденному вечем в середине XV в., и в связи с этим о роли московской великокняжеской власти в пересмотре Грамоты. Некоторые ученые склонны думать, что в 1471 г. московский великий князь пассивно утвердил представленный ему законодательный акт Новгородского веча половины XV в., и в соответствии с этим он был переписан с указанием на «доклад» великим князьям. Другие настаивают, что в 1471 г. первоначальная редакция Новгородской судной грамоты не просто получила московскую санкцию, но была дополнена на вече новыми постановлениями по инициативе Великого Новгорода или изменена на основе княжеских директив. В силу этого одни исследователи считают, что Новгородская судная грамота представляет собой законченный и цельный памятник единовременного новгородского вечевого законодательства середины XV в., получившего позднейшее признание со стороны московского правительства в 1471 г. Другие говорят о сложности состава Грамоты и ищут в ней разновременные части. По мнению И. Д. Беляева, Новгородская судная грамота является единым по замыслу правовым кодексом 1456 г., который Иван III оставил в неприкосновенности при переписке Грамоты на свое имя в 1471 г.[149] Напротив, П. М. Мрочек-Дроздовский разбивает Новгородскую судную грамоту на два хронологических пласта. Первый раздел (ст. 1—24), имеющий «характер цельного акта, в котором статьи, записанные единовременно, расположены в известном порядке», Мрочек-Дроздовский (так же как и Михайлов) относит к 1440 г. В это время Новгород вел войну с Москвой. Новгородцы разделились на две партии, из которых одна держалась московской, другая литовской ориентации. «Под шум борьбы этих партий» власть захватили в свои руки бояре и богатые купцы и «воспользовались этою властью для стеснения беднейших и слабейших». На вече обсуждался вопрос, «какие поставить преграды своеволию бояр». Такой преградою и явилось составление Новгородской судной грамоты, содержавшей «точное, по возможности, определение прав каждого новгородца по суду и перед судом». В 1471 г. Грамота не была механически переписана на имя Ивана III. В тексте памятника имеется выражение: «се покончаша посадники ноугородские». Слово «покончаша» Мрочек-Дроздовский понимает не в прямом смысле (заключения Новгородом докончания, договора с Иваном III), а в переносном. Вече в 1471 г. не ограничилось докладом старого текста Грамоты московскому великому князю, а докончило (закончило, довело до конца) то дело, начало которому было положено в 1440 г. Другими словами, вече дополнило первоначальный текст Грамоты (ст. 1—24) новыми, накопившимися с течением времени постановлениями (ст. 25—42). Поэтому первый раздел Грамоты, датируемый Мрочек-Дроздовским 1440 годом, отличается, по его мнению, законченностью и цельностью построения: «Здесь видна общая мысль, общее редакционное начало — распределение статей по институтам». Во второй части, относящейся к 1471 г., «заметна некоторая беспорядочность», «систематический порядок распределения статей заменяется хронологическим».[150] В. Н. Латкин сле-

---

[147] А. Н. Филиппов. Указ. соч., стр. 127—129.

[148] М. М. Михайлов. История русского права, СПб., 1871, стр. 221—222.

[149] И. Д. Беляев. Лекции по истории русского законодательства, стр. 291—294.

[150] П. М. Мрочек-Дроздовский. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов. «Юридический вестник», М., 1884, № 5—6, стр. 117—123.

дует за Мрочек-Дроздовским в делении Новгородской судной грамоты на две разновременных части и за Беляевым в датировке первой части (основная редакция) 1456 г.[151] Новейший исследователь Новгородской судной грамоты Б. М. Кочаков полностью воспроизводит в своей статье гипотезу Мрочек-Дроздовского о составных частях Грамоты, но расходится с ним в вопросах их датировки. Первая редакция памятника (ст. 1—24) возникла, по Кочакову, в 1446 г., после восстания в Новгороде, вызванного судебными непорядками и несправедливостями. Дополнительные статьи (25—42) приписаны в разное время, но не позднее 1471 г., когда Грамота была вновь проредактирована, уже под давлением Ивана III.[152]

Последний вопрос, который ставился в литературе в связи с изучением Новгородской судной грамоты как исторического источника, это вопрос о ее классовой сущности. По этому поводу в буржуазной и советской историографии предложены две противоположных точки зрения. Одна из них выражена в «Учебнике» буржуазного историка права А. Н. Филиппова. Отметив «противоположность (в Новгороде) богатого класса, сильного как политически, так и экономически... по отношению к неимущим», А. Н. Филиппов подчеркивает, что «составление судной грамоты, во всяком случае, должно было... *внести некоторый порядок* во взаимные отношения сторон между собою».[153] Следовательно, издание Новгородской судной грамоты имело своей целью смягчение классовых противоречий. Советские исследователи, напротив, расценивают Новгородскую судную грамоту как памятник классового законодательства. Так, по характеристике Б. М. Кочакова, «это была Грамота бояр и житьих людей, возведенная в закон воля высших классов новгородского общества». «...Консолидируя боярский и житий суд, утверждая его права и независимость, концентрируя его деятельность на важных для бояр и житьих людей делах, Новгородская судная грамота предоставляла людям молодшим и черным лишь право быть судимыми и лишала их всех путей воздействия на этот суд».[154]

Прежде чем приступать непосредственно к анализу текста Новгородской судной грамоты как исторического источника, мне кажется необходимым высказаться по поводу общих приемов исследования. Прежде всего, я считаю абсолютно не обоснованной предпосылку, что статьи Новгородской судной грамоты расположены в строго временной последовательности, в порядке их составления. Не говоря уже о том, что перед нами не полный, а выборочный список памятника, надо учитывать также наличие нескольких редакций Грамоты, в процессе которых хронологический принцип расположения материала мог нарушаться в целях его систематизации. В связи с этим мне представляется также недоказанным тезис о наличии только двух редакций памятника: основной — середины XV в. и второй, относящейся к 1471 г. Напротив, по-моему, правильнее начинать историю Новгородской судной грамоты с гораздо более раннего времени, чем это обычно принято в литературе. С другой стороны, наряду с записью текста, первоначально утвержденного вечем, и последней его переработкой по указанию московской великокняжеской власти в 1471 г., следует допускать существование ряда промежуточных редакций. Если принять высказанные сейчас соображения, то нельзя ограничиться характеристикой политической целустремленности и классового назначения Новгород-

---

[151] В. Н. Латкин. Лекции по внешней истории русского права, СПб., 1888, стр. 36—38.

[152] Б. М. Кочаков. Указ. соч., стр. 10—17.

[153] А. Н. Филиппов. Учебник истории русского права, ч. 1, стр. 129. Курсив автора.

[154] Б. М. Кочаков. Указ. соч., стр. 22. См. также И. Д. Беляев. Указ. соч., стр. 523—526.

ской судной грамоты *в целом*. Мне кажется, что эти вопросы необходимо ставить применительно *к отдельным редакциям* памятника, выделяемым из состава окончательного текста и изучаемым в связи с той исторической обстановкой, которая породила каждую из них. При этом предшествующие исследователи считали Новгородскую судную грамоту источником для понимания *внутреннего* новгородского уклада. Подобная оценка является односторонней. Процесс создания памятника становится понятным только в связи с историей новгородско-московских политических взаимоотношений. Что касается социального смысла отдельных разделов Новгородской судной грамоты, то и он может быть вскрыт лишь в том случае, если эти разновременные разделы будут расценены с точки зрения реального соотношения классовых сил в тот или иной момент новгородской истории.

В противоположность всем предшествующим исследователям, я считаю возможным относить первую редакцию Новгородской судной грамоты не к XV в., а к концу XIV в., и связываю происхождение памятника с событиями, имевшими место в Новгороде в 1385 г. На это время падают важные мероприятия в области организации новгородского церковного и светского суда.

В разных списках Новгородской IV и в Никоновской летописях описание судебной реформы, проведенной в Новгороде в 1385 г., дано в различных редакциях. Приводим параллельно три текста (два по спискам Новгородской IV летописи, один — по Никоновской).

Той же зимы, при посаднике Федоре Тимофеевиче, при тысяцком Богдане Обакуновиче, человаша новгородци крест на том, не зватися к митрополиту на Москву на суд, но судити владыке Алексею по Манакануну; а посаднику и тысяцкому судити свои суды по челованию; а на суд поимати двема истьчам по два боярина и по два житьяя с стороне.[155]

А той зимы бысть целование, в великий пост на Сборе на другой недели: целоваша крест Федор посадник Тимофеевичь, тысяцкий Богдан Обакуновичь, на вечи на княжи дворе, и вси бояре, и дети боярьскии, и житьи, и черныи люди, и вся пять концов, что не зватися к митрополиту, судити владыке Алексею вправду по Манакануну; а на суд подьяти двемя исцем по два боярина стороне, и по два житья человека; такоже и посаднику и тысяцкому судити право по целованию.[156]

Тоя же зимы посадницы новогородстии сотвориша вече по старому обычаю новогородцкому, посадник Феодор Тимофеевичь и тысяцкий Богдан Аввакумович, и крестным целованием укрепишася не зватися им на Москву к митрополиту на суд, но судити их владыце новгородцкому Алексею, или хто по нем иный владыка будет в Новегороде; судити же их по закону гречьскому, и в праде и в вине быти у них по вере, по евангелию закона гречьского; а посаднику и тысяцкому судити свои суды по рускому обычаю, по целованию крестному; а на суд поимати двема исцом по два боярина и по два житья мужа, с кояждо страны.[157]

В чем заключалась сущность новгородской судебной реформы 1385 г.? Новгородцы специальной крестоцеловальной записью высказались против права митрополита как судить их в своей резиденции — Москве, так и производить периодически (в течение месяца) суд в Новгороде. По данным грамоты патриарха Антония от 1393 г., новгородские послы так пере-

[155] ПСРЛ, т. IV, стр. 91.
[156] Там же, стр. 92.
[157] Там же, т. XII, стр. 85—86.

давали сущность вечевого постановления: «Не хотим судиться у митрополита, ни того, чтобы, когда он позовет на суд нашего епископа, последний шел к нему, или чтобы митрополит приходил в Великий Новгород и судил один месяц, или кто-либо приносил бы ему жалобу, и митрополит присылал бы для суда своего человека».[158] Церковный суд, по вечевому решению 1385 г., должен был отныне производиться новгородским архиепископом при участии представителей из светского населения, выдвигаемых тяжущимися (по два боярина и по два житьих человека от каждой из сторон). Таковы были новгородские постановления по вопросам организации церковного суда.[159]

Но одновременно реформа коснулась и двух гражданских судов (посадника и тысяцкого), на которых также стало считаться обязательным присутствие четырех бояр и четырех житьих людей (двух со стороны истца и двух со стороны ответчика). Из кратких сообщений летописей очень трудно составить себе полное и всестороннее представление о характере тех нововведений в области светского суда, которые имели место в 1385 г. Но несомненно, что эти нововведения наносили какой-то ущерб судебным правам в Новгороде великого князя, так же как мероприятия в отношении церковного суда стремились прервать судебную зависимость Новгорода от митрополита. В частности, как вытекает из сопоставления летописных текстов, был, повидимому, поставлен вопрос о реорганизации сместного новгородско-княжеского суда на Городище. Известно, что незадолго до судебной реформы, зимой 1384 г., в Новгород приезжали из Москвы великокняжеские бояре для сбора по новгородским «волостям» «черного бора». Летопись рассказывает, что между ними и новгородскими боярами происходил на Городище суд «о обидах», причем некоторые из тяжущихся «побегоша с Городища на Москву, а об обидах исправа не учинив».[160]

Надо думать, что постановления 1385 г. как по линии церковного, так и по линии гражданского судов преследовали две аналогичных цели. Во-первых, считались в одинаковой мере неприемлемыми как «позвы» новгородцев в Москву на суд митрополита, так и производство суда над новгородцами «на Низу» со стороны князя. Во-вторых, была сделана попытка ограничить в той или иной степени судебные права митрополита и князя в самом Новгороде. В связи с этим возник вопрос об издании законодательного акта, которым определялся бы порядок судоустройства и судопроизводства в Новгороде (как церковного, так и гражданского). Вполне возможно, что таким законодательным актом и была первая редакция Новгородской судной грамоты.[161] Если верно выставленное выше понимание судебной реформы 1385 г., то следует признать, что Новгородская судная грамота является памятником, отражающим не только внутренний правовой уклад в Новгороде,— это исторический источник, важный для характеристики новгородско-московских отношений.

Анализ текста Новгородской судной грамоты действительно дает основание связывать ее с событиями 1385 г. Первые же статьи изучаемого па-

---

[158] РИБ, т. VI, стб. 255—256.

[159] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина тома, стр. 306—314. А. И. Никитский. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде (Журн. Мин. нар. просв., 1879, июнь, стр. 212—213). А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 367.

[160] ПСРЛ, т. IV, стр. 91.

[161] В 1393 г. новгородцы согласились отдать митрополиту Киприану крестоцеловальную запись, в которой речь шла о неподчинении митрополичьему суду, и Киприан снял с Новгорода церковное отлучение (СГГД, т. II, стр. 14—15, № 13). Но законодательный акт, утвержденный в 1385 г. вечем, очевидно, не потерял силы. Тяжбы новгородцев с Киприаном по поводу месячного суда продолжались и после 1393 г (Е. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 318).

мятника посвящены вопросу об организации судов новгородских архиепископа, посадника и тысяцкого, т. е. как раз тому вопросу, который был поднят в Новгороде в 1385 г. Новгородская судная грамота, согласно с летописными данными, указывает, что архиепископ должен «судити суд свой, суд святительски, по святых отець правилу, по Манакануну». В отношении посадника и тысяцкого Новгородская судная грамота выдвигает требование: «судить им право, по крестному целованью». Аналогичные указания находим и в летописях, согласно которым посадник и тысяцкий производят суд «по русскому обычаю, по целованию крестному» (другой летописный вариант: «судят право по целованию»). Наконец, в ст. 5 Новгородской судной грамоты очень коротко говорится: «а сажати в суду по два человека». Очевидно, имеется в виду как раз тот пункт судебной реформы 1385 г., согласно которому в церковном и гражданском суде требовалось участие бояр и житьих людей — представителей тяжущихся сторон. Правда, летописи говорят о восьми судебных заседателях, Новгородская судная грамота, повидимому, — о четырех. Это противоречие может быть объяснено недостаточно отчетливой редакцией одного из текстов (летописи или Новгородской судной грамоты), или же тем, что первоначальное вечевое постановление 1385 г. было впоследствии видоизменено.

Наконец, интересно сопоставить между собой формулы утверждения Новгородской судной грамоты и крестоцеловальной записи 1385 г.

Новгородская судная грамота	Крестоцеловальная запись 1385 г.
Должна господы великих князей..., и по благословенью нареченного на архиепископство Великого Новгорода и Пъскова священноинока Феофила, *се покончаша посадникы Ноугородцкие, и тысяцкие Ноугородцкие, и бояря, и житьи люди, и купци, и черные люди, вся пять концов, весь* государь Великий Новгород, *на вече, на Ярославле дворе...*	... Целоваша крест ... посадник..., тысяцкий ... на вечи на княжи дворе, и вси бояре, и дети боярьскии, и житьи, и черныи люди, и вся пять концев...

Вывод относительно происхождения Новгородской судной грамоты в 1385 г. интересно сопоставить с наблюдениями М. Н. Тихомирова над некоторыми списками Русской Правды. М. Н. Тихомиров связывает с новгородской реформой 1385 г. возникновение Кормчей Новгородско-Софийского типа, содержащей в своем составе текст Русской Правды особого извода. Кормчая Новгородско-Софийского типа — это тот «закон греческий», по которому, согласно летописным данным, должен был судить новгородский архиепископ. «Русский обычай», на основании которого происходили суды посадника и тысяцкого, совпадал с некоторыми статьями Русской Правды.[162] Приведенные данные говорят о том, что в 1385 г. в Новгороде шла серьезная работа над юридическими текстами — Кормчей, Пространной Правдой, Новгородской судной грамотой.

Наконец, я считаю небезынтересным привести следующий факт. В 1382 г., т. е. незадолго до судебной реформы в Новгороде, туда прибыл с грамотами от патриарха Нила суздальский архиепископ Дионисий, посланный в Псков. Деятельность Дионисия в Пскове, по рассказу новгородских летописей, протекала в контакте с новгородским архиепископом Алексеем: «В то же лето приеха в Новгород владыка суздальский Дионисей из Царяграда от патриарха Нила с благословением и с грамотами, и иде в Псков *по повелению владыки Алексея*, поучая закону божию и утверждая правовернии в вере истинней крестьянстей».[163] Во время пребы-

[162] М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 140.
[163] ПСРЛ, т. IV, стр. 83; т. III, стр. 93.

вания в Пскове Дионисий сделал какие-то приписки по вопросам судебного характера к грамоте князя Александра Невского, легшей в основу Псковской судной грамоты. Этот акт вызвал резкие возражения со стороны московского митрополита Киприана, обратившегося по указанному поводу со специальным посланием к псковичам в 1395 г. Митрополит указывал, что Дионисий незаконно вмешался в светские дела, потребовал присылки к себе его грамоты для уничтожения и освободил псковичей от обязанности следовать ей, сняв с них «проклятье и неблагословенье», наложенные Дионисием от имени патриарха.[164]

Если принять во внимание летописное указание на то, что Дионисий действовал в Пскове «повелением» новгородского «владыки» Алексея, причем его поступки вызвали гнев московского митрополита; если учесть что Киприан, потребовав к себе судную грамоту с приписками Дионисия, в то же время настаивал на присылке новгородской крестоцеловальной записи о митрополичьем суде, то связь судебной реформы в Новгороде 1385 г. с судебными постановлениями Дионисия в Пскове в 1382 г. вряд ли покажется случайной. Как грамота с приписками Дионисия 1382 г. отразилась на истории текста Псковской судной грамоты, так и вечевое постановление 1385 г. легло в основу Новгородской судной грамоты. Получив в 1393 г. от новгородцев текст записи о митрополичьем суде, Киприан в 1395 г. предписывает псковичам прислать ему грамоту Дионисия.

Обращаю внимание еще на одно совпадение. Мы видели, что в 80-х годах XIV в. в Новгороде, в связи с судебной реформой 1385 г., возникла Кормчая особого состава, заключавшая в себе текст Пространной Правды. М. Н. Тихомиров указывает, что и с деятельностью Дионисия суздальского связан особый (Чудовский) извод Пространной Правды.[165] Таким образом, и в Новгороде, и в Пскове почти одновременно велась работа над правовыми текстами, связанная с попытками реорганизации суда.

Какие статьи из числа сохранившихся в известном нам списке Новгородской судной грамоты можно предположительно возвести к первоначальной редакции памятника 1385 г.? Прежде всего, как это ясно из цитированного выше летописного рассказа, с новгородским вечевым постановлением 1385 г. может быть связан основной текст в пределах ст. 1—5. В них, как мы видели, речь идет о видах новгородского суда (суды архиепископа, посадника, тысяцкого) и об устройстве судебной коллегии, т. е. трактуются как раз те темы, которые были поставлены на вече в 1385 г.

Несомненно, к более позднему времени относится конец ст. 2: «*а без наместников* великого князя посаднику суда не кончати». Это требование противоречит обычной формуле новгородских договоров с князьями, которая говорит совершенно обратное, именно, что княжеский наместник не должен судить в Новгороде *без посадника*: «*а бес посадника* ти, княже, суда не судити». Совершенно очевидно, что приведенное место ст. 2 отсутствовало в первоначальном тексте и представляет собой вставку, появившуюся в Новгородской судной грамоте при ее редактировании в 1471 г., по указаниям московского великого князя.

Возможно, что в редакции 1385 г. не было и ст. 3, трактующей о «пересуде» (т. е. о решении дела по апелляции), право на который сохраняется за княжескими наместниками и тиунами. Пункт, посвященный вопросу о «пересуде» (ст. 3), тесно связан с постановлением, содержащимся в конце ст. 2, о том, что посадник не имеет права заканчивать судебные дела без ведома княжеских наместников. Таким образом, и ст. 3, подобно последней части ст. 2, можно датировать 1471 г.

---

[164] РИБ, т. VI, стб. 233—234, № 28. Подробнее об этом см. в главе VII.
[165] М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 120—122.

Ст. 5 в редакции 1385 г., повидимому, ограничивалась следующими положениями: «А сажати в суду по два человека, а кто кого в суду посадит, ино тот с тем и ведается». Заключительные слова ст. 5 («а посадника, и тысецкого, и владычня наместника, и их судей с суда не сбивати») находятся в органической связи со ст. 6: «А истцю на истца наводки не наводить, ни на посадника, ни на тысесского, ни на владычня наместника, ни на иных судей, ни на докладщиков». Постатейная нумерация, предложенная М. Ф. Владимирским-Будановым, чисто механически разбивает этот единый текст, искусственно присоединяя его начало (т. е. конец ст. 5) к положениям о судоустройстве, имеющимся в первых строках ст. 5 и восходящим еще к редакции 1385 г. Ст. 6 вместе с заключительной частью ст. 5 (по нумерации Владимирского-Буданова) посвящены совсем иной теме. Они пытаются пресечь попытки со стороны кого-либо из тяжущихся организовать нападение на судей или на противную сторону и тем самым повлиять на судебное решение. Эта тема (о «наводках» на суд; о незаконном пособничестве, оказываемом тяжущимся жителями той же улицы, конца и т. д., о наездах на земельные владения, являющиеся предметом тяжбы; о грабежах спорного имущества, в отношении которого не вынесен судебный приговор) развивается в ряде дальнейших статей, принадлежащих, как увидим, к более поздней редакции (ст. 7, 42 и др.). На разновременность первой половины ст. 5 и ст. 6 указывает то, что в ст. 6 имеется указание на коллегию докладчиков, о которых ранее (в ст. 1—5) не упоминалось.

В редакции Новгородской судной грамоты 1385 г., вслед за статьями о судоустройстве шел, повидимому, раздел о судопроизводстве, текст которого в основном сохранился в пределах ст. 8, 13—19, 22—24. Ст. 7, 9—12, 20—21 были присоединены позднее.

Действительно, ст. 7, 10—12, текст которых разбит в дошедшей до нас редакции, отличаются единством содержания и конструкции. В них речь идет специально о земельных тяжбах, сопровождающихся попытками незаконного наезда и грабежа со стороны одного из истцов, желающего самоуправно завладеть спорной недвижимостью до приговора суда.

Тесную связь между ст. 7, 10—12 легко доказать путем сличения.

Ст. 7. «А кому будет о земле дело, о селе, или о дву, или болши, или менши: ино ему до суда на землю не наезщать, ни людей своих не насылать, а о земле позвати к суду. А *утяжет в земле, ино взять ему грамота у судьи в земле* и в убытке на истце; а от земли судье кун не взять».

Ст. 10. «А кто на ком поищет наезда или грабежа в земном деле, ино судити наперед наезд и грабеж, а о земли после суд...»

Ст. 11. «А кои истець похочет искать наезда или грабежа и земли вдруг, ино другому истцю ему отвечать; *а утяжет в земле и в наезде и в грабежи, и судье дати на него грамота и в земле и в наезде и в грабежи*».

Ст. 12. «*А кто кого утяжет в земле и судную грамоту возьмет, ино ему ехать на свою землю,* по судной грамоте, да и володеть ему тою землею; а в том пени нет».

В приведенных статьях последовательно развивается одна и та же тема. В ст. 7 — запрещение истцу наезжать на спорную землю до суда и указание на то, что решение дела в пользу истца должно сопровождаться выдачей ему правой грамоты на присужденную недвижимость. В ст. 10—11 — порядок рассмотрения дел о наездах и грабежах, возникающих одновременно с поземельными тяжбами и заканчивающихся также выдачей по суду правой грамоты выигравшей стороне. Наконец, в ст. 12 — вопрос о праве владения спорной землей, на основе правой грамоты, истцом, выигравшим тяжбу. Выше были отмечены и чисто текстуальные совпадения в ст. 7, 10—12. Создается совершенно отчетливое впечатление, что изучаемый сейчас раздел грамоты, отличающийся законченностью постро-

ния, представляет собой вставку в текст Новгородской судной грамоты редакции 1385 г. В ней, как говорилось, после норм, касающихся судоустройства (ст. 1—5), шел раздел о судопроизводстве (ст. 8, 13 и следующие), в котором определялись права и обязанности сторон на суде, *независимо от рода дел*. В ст. 13, 14, 15, 16 говорится в общей форме о всевозможных тяжбах, существо которых не раскрывается, так как речь идет о формальностях, сопровождающих судебный процесс, а не о характере возбужденных исков. Так, в ст. 13 читаем: «*а в котором деле* позовет истец истца...»;в ст. 14: «а кто на ком *какого дела* поищет...»;в ст. 16:«а кому будет *какое дело* до старейшей жены...». Ст. 7, 10—12, напротив, ставят вопрос исключительно о земельных тяжбах («а кому будет *о земле дело...*», «а кто на ком поищет наезда или грабежа в *земном деле...*», «а кои истець похочет искать наезда или грабежа *и земли* вдруг...», «а кто кого *утяжет в земле...*»). При этом основное внимание здесь обращено не столько на формы и детали судебного разбирательства, сколько на пресечение всяких попыток самоуправного разрешения земельных споров независимо от суда. Эта целеустремленность ст. 7, 10—12 сближает их со ст. 6 и другими аналогичными пунктами Грамоты, запрещающими «наводки» на суд и прочие виды самоуправства, мешающего нормальному ходу судопроизводства. Очевидно, все эти постановления, проникнутые общими мотивами, были внесены в текст Новгородской судной грамоты одновременно; когда и при каких обстоятельствах — будет сказано ниже.

Вряд ли можно отнести к редакции 1385 г. и ст. 9, устанавливающую предельный месячный срок судебного разбирательства. Бросается в глаза ее терминология, отличная от терминологии окружающих статей. Судебный иск передается в ст. 9 словом «орудье», в то время как в разделах Новгородской судной грамоты, относящихся к редакции 1385 г., находим слово «дело». Выражение «орудье» применительно к судебным делам встречается еще в ст. 27—29, которые, как это будет выяснено в дальнейшем, отсутствовали в тексте Новгородской судной грамоты, принятом на вече в 1385 г. Это обстоятельство заставляет думать, что ст. 9 является более поздней вставкой в этот первоначальный текст.

В пределах ст. 13—24 к редакции 1385 г., прежде всего, можно возвести основной текст ст. 13—19, разбирающих подробности предварительного крестоцелования сторон и их представителей. Некоторое сомнение могут, пожалуй, возбудить в этом отношении ст. 17—18, в которых речь идет о крестоцеловании «за землю», в то время как в предыдущих статьях все формальности судебного процесса рассматривались независимо от рода дел. Возможно допустить здесь позднейшую переработку первоначального текста 1385 г. после присоединения к нему раздела о земельных тяжбах. Во всяком случае тематически и конструктивно ст. 17—18 тесно связаны со ст. 13—16, и нет никакого основания сближать их по происхождению со ст. 7, 10—12. В последних вопрос о земельных конфликтах рассматривается совершенно в ином плане, под углом зрения борьбы с их разрешением помимо суда.

Ст. 20—21, посвященные суду докладчиков, разрывают последовательность изложения в этой части Новгородской судной грамоты. Заговорив (в ст. 19) о крестоцеловании послуха, Грамота естественным образом переходит к детальному рассмотрению вопроса о послухах вообще (ст. 22—23). Ст. 20—21, нарушающие (как это ясно из приведенных ниже сопоставлений) первоначальное тематическое построение памятника, должны быть признаны позднейшей вставкой.

Ст. 19. «А ответчику с послухом на учане крест целовать».

Ст. 22. «А послуху на послуха не быть. А псковитину не послуховать, ни одерноватому холопу. А холоп на холопа послух».

Ст. 23. «А кто с кем пошлется на послуха, ино взять заклад шестнику на сто верст по старине, а подвойским, и софьяном, и биричем, и изветником на сто верст шестнику...»

Предположение о вставочном характере ст. 20 — 21 подтверждается также и тем, что они останавливаются на роли докладчиков в судебном процессе, а о суде докладчиков первоначальная редакция Новгородской судной грамоты 1385 г., повидимому, не упоминала. Все те постановления, в которых встречаются ссылки на докладчиков (например, ст. 6), были внесены дополнительно.

Ст. 24 естественно примыкает к ст. 23. Если первая уделяет внимание вопросу *о сроках вызова послухов*, то вторая поднимает более общий вопрос *о судебных сроках вообще*. Близость по содержанию и построению названных пунктов заставляет думать, что оба они уже входили в состав текста 1385 г., возможно, в несколько иной редакции.

Для меня абсолютно непонятно, почему в литературе о Новгородской судной грамоте ст. 24 принято считать заключительной к первой части памятника. Эта традиция, идущая от П. М. Мрочек-Дроздовского и в последнее время возрожденная Б. М. Кочаковым, не подтверждается текстуальным анализом изучаемого памятника и требует пересмотра. С одной стороны, как мы видели, в пределах ст. 1—24 далеко не весь материал восходит к первоначальной редакции Новгородской судной грамоты. С другой стороны, некоторые разделы последней, расположенные после ст. 24, имелись уже в тексте 1385 г. Я считаю, что за ст. 24 первоначально следовала ст. 30, которую, таким образом, можно отнести к основной редакции Грамоты. Действительно, ст. 24, как говорилось выше, детально разбирает вопрос о судебных сроках. В ней говорится, что истец, нуждающийся в отсрочке дела для представления дополнительных доказательств, должен оформить эту отсрочку получением от суда срочной грамоты за печатью посадника. В случае неисполнения этого требования истец проигрывает дело. Обвинительный приговор выносит тот судья, который начал судебное разбирательство. Ст. 30 развертывает дальше тему, затронутую в ст. 24: истцы получили срочные грамоты, но сменился выдавший эти документы судья,— в этом случае новый судья при решении дела должен считаться со срочными грамотами от имени своего предшественника. Сопоставление между собой ст. 24 и 30 показывает, что они представляли в начальной редакции единый текст, разорванный механически последующими вставками.

Ст. 24. «А кто с кем ростяжется о земле, а почнет просить сроку на управы, или на шабры, ино ему дать один срок на сто верст три недели, а дале и ближе, а то по числу; а ему сказать шабра своего на имя, за кем управы лежат, по крестному целованью; да и по руце ему ударить с истцом своим; а посаднику приложить к срочной грамоте своя печать, а иному сроку не быть; а от сроку взять гривна. Также и иным судьям давать срок потому ж. А кои истець не возьмет срочной за печатью, ино тем его и обвинить тому судье, перед коим суд был; а сроку не ждать. А о иных делах срок по старине».

Ст. 30. «А буде ли истци у коего судьи возьмут срок и срочныя за печатми, а той судья переменится, а кто будет судья на его место, ино тым истцом стать перед тыми судьями да и срочныя свои положити на той срок, а тому суцье судити той суд да и кончати».

За ст. 30 в Новгородской судной грамоте редакции 1385 г. непосредственно следовали (как и в дошедшем до нас тексте) ст. 31 и 32. В них продолжается разбор возможных казусов, связанных с предоставлением отсрочек тяжущимся сторонам. Предусматривается случай явки в срок в суд с оправдательным документом только одного из участников процесса

и отсутствие его противника, а также случай смерти поверенного, взявшего на себя ведение дела, до наступления срока явки в суд.

Наш вывод о том, что ст. 24, 30—32 представляли собой в начальной редакции единое целое, подтверждается наблюдениями над текстом промежуточных статей (25—29). Наблюдения эти позволяют говорить о вставочном характере последнего раздела, первоначально отсутствовавшего в грамоте. Прежде всего, бросается в глаза ст. 27, которая попросту дублирует ст. 4. В ст. 27 читаем: «А посаднику, и тысяцкому, и владычню наместнику, и их судьям, и иным судьям всим крест целовать, да судить им в правду». В ст. 4 говорится: «А судить им (посаднику, тысяцкому) право по крестному целованью». Наличие в изучаемом памятнике ст. 27, повторяющей то требование, которое ранее было выражено в ст. 4, указывает, что в данном месте слиты два источника: основной текст Новгородской судной грамоты 1385 г. и дополнительный к нему материал.

Более позднее, по сравнению с редакцией грамоты 1385 г., происхождение ст. 25 и 26 также не вызывает сомнений. Ст. 25 говорит о суде тиуна, а ст. 26 — об организации коллегии докладчиков. Обе эти темы, как мы видели, не были предметом суждения Новгородской судной грамоты в ее начальной редакции, в которой отсутствовали вообще постановления, касающиеся судебных функций княжеского тиуна и докладчиков (ст. 3, 6, 20, 21).

Рассматривая ст. 28—29, легко убеждаемся, что они заимствованы не из того источника, к которому восходят ст. 24, 30—32, т. е. не из вечевого постановления 1385 г. В данном случае перед нами материал разновременных памятников, слитых при редактировании. Сплошной текст каждого из этих памятников может быть восстановлен только после удаления перебивающих его статей, взятых из других источников. Так, если в редакции Новгородской судной грамоты 1385 г. ст. 30—32 следовали непосредственно за ст. 24, то ст. 28—29 в сочетании со ст. 34 также составляли, очевидно, единый текст, присоединенный впоследствии к начальной редакции. В ст. 28—29 и 34 речь идет о праве истца обратиться с жалобой к вечу на суд, в случае судебной волокиты, и на обвиняемого, в случае невыполнения им судебного решения. Несомненная связь ст. 28—29 и 34 бросается в глаза при чтении памятника.

Ст. 28. «А земное орудье судити два месяця, а болши дву месяц не волочити...»

Ст. 29. «А не кончает судья земнаго орудья в два месяця, *ино истцю взять на него приставы у Великого Новагорода*, ино ему тот суд кончати перед тыми приставы. А не укажут суд и докладшики в тую два месяця, ино *итти судье с истцом к Великому Ноугороду да взяти приставы* на докладшиков, а докладшиком указати судьи тое дело перед тыми приставы, а судье кончати истцю тое дело перед теми ж приставы».

Ст. 34. «А кто на кого возьмет грамоту судную, а будет ему дело до судьи или до истца, ино ему переговариваться с ними месяць; а не начнет переговариватьця в тот месяць, *ино взять на него приставы с веча да имать его в городе и в селе с тыми приставы*; а почнет хорониться от приставов, ино его казнить всим Великим Новымгородом».

За ст. 30 в редакции Новгородской судной грамоты 1385 г. шли, по всем данным, ст. 35 и 39. В них продолжается рассмотрение вопроса относительно сроков явки в суд, именно речь идет о случаях уклонения от явки со стороны послуха или ответчика.

Ст. 35. «А кого опослушествует послух, ино с ним уведается в две недели; а в те две недели не дастся послух позвати, ино позвати истця; а послух истець *хоронитця*, ино то послушество не в послушество, а другого истця тым и оправить. А кто не почнет позывать в те две недели

послуха или истца, ино дать на него грамота судная по тому послушству».

Ст. 39. «А кто обечается к суду к коему дни, ино после обета отсылки к нему не слать; а не сядет судья того дни, ино коли судья сядет, ино тогды к нему отсылка; а не видит отсылки и *почнет хорониться*, ино слать к нему отсылка в двор трижды, да и биричем кликать, а не станет к суду, ино дать на него грамота обетная, а обету болши трех денег не быти».

Ст. 33, 36—38, взятые из позднейшего источника, так же разбивают текст 1385 г., как и ст. 28—29, 34. Действительно, ст. 33, 36—38 в совокупности образуют единое целое. Это позднейший материал, которым была дополнена первоначальная редакция Новгородской судной грамоты.

В ст. 33 речь идет о судебных пошлинах, взыскиваемых с уголовных дел (татьба с поличным, разбой, грабеж, поголовщина) или с дел о холопстве. Раньше Грамота ни слова не говорила об этих преступлениях, поскольку вообще редакция 1385 г. не различала виды преступлений. Подробно процесс по делам о татьбе, разбое, грабеже, поджоге, смертоубийстве, рассматривается в ст. 36—38, тесно между собою связанных.

Может быть, в состав редакции 1385 г. входили также ст. 40 и 41, в которых, как и в других статьях той же редакции, рассматривается порядок вызова сторон к суду. Относительно принадлежности к Грамоте 1385 г. ст. 41 возникает только одно сомнение — это несколько необычный срок, установленный ею для явки в суд: на сто верст — две недели, в то время как ранее говорилось о трех неделях (ст. 23, 24).

Ст. 42, как уже упоминалось выше, отсутствовала в первоначальной редакции и была заимствована из более позднего источника, в котором содержался материал о «наводках» на суд и других видах самоуправных действий, нарушающих судопроизводство. Ближайшим образом ст. 42 связана со ст. 6.

Я не настаиваю на том, что предложенная выше реконструкция текста Новгородской судной грамоты редакции 1385 г. является абсолютно точной. При наличии единственного, при этом неполного, списка памятника вообще нельзя безошибочно во всех деталях восстановить его первоначальную редакцию. В отношении отдельных статей, отнесенных мною к тексту 1385 г., или, напротив, исключенных из него, возможны поправки. Но бесспорными мне представляются следующие выводы. Выдвинутая П. М. Мрочек-Дроздовским и поддержанная Б. М. Кочаковым гипотеза о происхождении Новгородской судной грамоты из двух основных разновременных частей, соединенных в хронологическом порядке,[166] должна быть отвергнута. Сохранившийся текст Новгородской судной грамоты является продуктом нескольких редакций, и в силу этого имеющиеся в нем статьи расположены в настоящее время не всегда в порядке их появления; часто более ранний материал чередуется с последующими добавлениями. В основе дошедшего до нас текста Новгородской судной грамоты лежит вечевое постановление 1385 г. об устройстве различных видов новгородского суда (церковного и гражданского).

Давая общую характеристику Грамоты 1385 г., можно сказать, что она касалась *основных принципов* новгородского судоустройства и судопроизводства. К тексту, разработанному на вече в 1385 г., вполне применима та оценка, которую Н. Л. Дювернуа ошибочно давал *всей Новгородской судной Грамоте в целом*: «Ее характер есть, главным образом, учреди-

---

[166] Б. М. Кочаков, воспроизводя схему деления Новгородской судной грамоты, разработанную П. М. Мрочек-Дроздовским, высказывает сожаление, что «позднейшие писатели... почему-то не принимали ее во внимание» (Б. М. Кочаков, Указ. соч., стр. 12, прим. 1). Я не вижу необходимости возвращаться к этой схеме.

тельный. Она определяет строй суда и отношение к нему сторон. Судьи свою власть основывают *на ней*, тяжущиеся *в силу этого вечевого постановления* подчиняются их власти. Поэтому на ней должны целовать крест и те и другие. Кто не целовал креста, тот отрицает юрисдикцию новгородских судебных установлений». Действительно, значительная часть Грамоты 1385 г. была посвящена выяснению общих начал новгородского суда. Судьям вменяется в обязанность «судить право, по крестному целованию».[167] От тяжущихся также требуется присяга, причем она приносится не во время процесса, а предшествует ему и *является необходимым условием* приобретения права иска (jus jurandum promissorium).[168] Человек, уже раз целовавший крест «на сей Грамоте» (именуемой «крестной»), освобождается от крестоцелования в том случае, если в дальнейшем ему снова придется выступать в качестве истца или обвиняемого на суде. Присяга приносится один раз и навсегда и расценивается как акт признания новгородского права со стороны того лица, которое присягает. Отказ от крестоцелования служит показателем нежелания признавать новгородские законы. Лицо, не согласившееся присягнуть «на сей Грамоте», уже в силу одного этого теряет иск: «ино тем его и обвинить». Самое крестоцелование представляет собой торжественный обряд, совершающийся перед истцом и перед «приставы ноугородскими».

Четыре статьи Грамоты 1385 г. (1—2, 4—5) рассматривают формы организации «правого» суда и говорят о крестоцеловании судей. В шести статьях (14—19) речь идет о крестоцеловании новгородцев, через которое гарантируется их подчинение власти новгородских судебных органов и уважение к новгородским законам. Наконец, 10 статей (22—24, 30—32, 35, 39—41) касаются послушества и подробно разбирают вопрос о судебных сроках и отсрочках в отношении сторон, ведущих тяжбы.

Содержание Грамоты («крестной», как она сама себя называет) 1385 г., текст которой удается реконструировать на основе позднейшей редакции Новгородской судной грамоты 1471 г., вполне отвечает тому, что мы знаем относительно вечевого постановления 1385 г. из летописей. Это была крестоцеловальная запись о «правом» суде, не столько *практическое руководство для судей* (сборник действующего права), сколько *конституционный акт о судоустройстве*. Изданию такого акта, посвященного гарантиям новгородского судебного уклада со стороны судей и тяжущихся, был придан характер политической демонстрации. Грамота 1385 г. декларировала идею самостоятельности новгородского суда, судебной независимости Новгорода от Москвы в церковной и гражданской сферах. Такова политическая целеустремленность первоначальной редакции Новгородской судной грамоты. Ее основной политический мотив заключается, как это видно из текста, в стремлении освободиться от подчинения Москве в судебном отношении и провозгласить принципы независимости церковного и гражданского суда[169].

Но дальнейшая переработка Новгородской судной грамоты и появление в ней дополнительного материала вызывались острыми внутренними социальными конфликтами в Новгороде, имевшими место в первой половине XV в. и наложившими определенный отпечаток на последующие редакции памятника.

Прежде всего, следует отметить, что между крестной Грамотой 1385 г.

---

[167] Н. Л. Дювернуа. Источники права и суд в древней России, стр. 309. Курсив всюду автора.

[168] См. М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 176, прим. 20, к ст. 14 Новгородской судной грамоты.

[169] Б. М. Кочаков в своей статье не обратил внимания на эту сторону Грамоты.

и текстом 1471 г. лежат, по крайней мере, еще две редакции Новгородской судной грамоты. Это вывод из наблюдений над теми статьями, которые не могут быть возведены ни к основной редакции 1385 г., ни к добавлениям 1471 г. Действительно, материал, относящийся ко времени между 1385 и 1471 гг., никак нельзя свести к одному источнику. Приходится допустить, что еще до Коростынского договора 1471 г. текст Грамоты 1385 г. дополнялся не менее чем дважды. Так, бросаются в глаза, например, особенности терминологии ряда статей. Земельным тяжбам посвящены ст. 7, 10—12 и 28—29, но в то время, как в первой группе статей судебный иск обозначается термином «дело» («земное дело»), во втором разделе (ст. 28—29) встречаем слово «орудье» («земное орудье»). «Доклад» как особая форма процесса иногда именуется «росказом», «докладщики»— «росказщиками» (ст. 20—21, 42). Очевидно, неустойчивость терминологии изучаемого памятника свидетельствует о наличии в его составе отдельных редакций. Об этом же можно судить и на основании противоречий в тексте по некоторым вопросам. Так, ст. 28 находится в противоречии со ст. 9. В последней говорится, что разбор судебного дела должен заканчиваться в течение месяца: «А орудье судить посаднику, и тысецкому, и владычню посаднику, и их судьям месяць; а дале того им орудья не волочить». Ст. 28 устанавливает двухмесячный срок для вынесения судебного решения: «А земное орудье судити два месяца, а болши дву месяц не волочити». Правда, в ст. 28 речь идет специально о земельных тяжбах, а ст. 9 говорит глухо вообще о всяких делах, поэтому можно подумать, что по земельным процессам были приняты более длительные сроки для судебного разбирательства, чем по иным делам. Однако, присматриваясь к тексту, мы можем легко убедиться, что постановление ст. 9 относится и к земельным спорам. Об этом свидетельствуют окружающие статьи. В ст. 7 читаем: «А кому будет *о земле дело*...» В ст. 10 говорится: «А кто на ком поищет наезда или грабежа в *земном деле*...»

Ст. 29 и 35 предоставляют истцу право в случае судебной волокиты при рассмотрении дела или нежелания обвиненного удовлетворить иск, признанный судом, обратиться к помощи веча. Вече в таком случае, предоставляя истцу своих приставов, заставляет судебные органы или докладчиков ускорить судопроизводство, или принуждает виновного к исполнению судебного решения. В то же время другие статьи Новгородской судной грамоты (конец ст. 5, ст. 6, 42) рассматривают всякое вечевое вмешательство в деятельность суда («наводки», «пособье») как явление незаконное. Расхождение, которое наблюдается между различными отделами памятника по вопросу о судебной деятельности веча, свидетельствует опять-таки о том, что дошедший до нас текст прошел через несколько редакций, по-разному расценивавших участие веча в суде.

Вторую редакцию Новгородской судной грамоты, переработавшую и дополнившую текст вечевого постановления 1385 г., по-моему, следует относить к 20-м годам XV в. и связывать ее с серьезными народными волнениями в Новгороде 1418—1421 гг.

Классовая борьба 1418 г. описана в целом ряде летописей (Новгородских I—IV, Софийской I, летописи Авраамки). Сравнивая между собой различные летописные варианты, восстанавливаем следующую картину событий. В апреле 1418 г. «человек некый» Степанко самовольно «изымал» боярина Данила Ивановича Божина внука. Летопись Авраамки называет указанного боярина «господарем» Степанка. Последний обратился к помощи веча, прося покарать задержанного за его «злодейства»: «...Въпиаше людем: господо! Пособите ми тако на злодеа сего». По жалобе потерпевшего вече вынесло приговор в отношении боярина, и он был свергнут с моста в Волхов («людие же видяще его въпль влечахуть акы злодеа

к народу и казниша его ранами близ смерти; и сведше и с веча и сринуша и с мосту»). Дело заключалось, очевидно, не только в личных счетах Степанка с его «господарем». Акт вечевой расправы был продиктован тем, что казненный боярин возбудил к себе ненависть в широких народных массах. Летописец отмечает что его казнь должна послужить «на укорение богатым, обидящим убогиа». Новгородская II летопись приводит эпизод, свидетельствующий о непопулярности Даниила Ивановича Божина внука в социальных низах. Накопившееся против него раздражение выплылось в индивидуальных выступлениях на вече: «Жена некая, отвергши женскую немощь, вземши мужскую крепость, выскочив посреди сонмища, дасть ему раны, укоряющи его, яко неистова, глаголющи: яко обидима есми им».

Один рыбник, Личков сын, спас сброшенного в воду боярина, посадив его в свой челн. Тогда народ, «възъярившеся на того рыбника», разграбил его дом.

Избегнувший смерти боярин, «хотя бесчестие свое мьстити», самовольно арестовал и подверг пытке («нача мучити») своего противника. Это послужило поводом к широкому антифеодальному восстанию. Летописи подчеркивают его классовый смысл и намечают расстановку социальных сил. Софийская первая летопись указывает, что «... *чернь с одноя стороны*, а *с другую боляре*, и учинися пакости людем, много мертвых». По данным летописи Авраамки: «... по семь пакы смутися всь град страхомь вельимь и ужасомь, *въста страна на страну ратнымь подобьемь и бысть мятежь великь в граде*...» (курсив мой .—*Л. Ч.*)

Немедленно по получении известия об «изымании» Степанка на Ярославле дворе собралось по звону вечевого колокола вече и началось антибоярское выступление. Народные массы в доспехах двинулись с Торговой стороны на Козмодемьянскую улицу и разграбили боярские дворы, причем в первую очередь пострадал дом Даниила Ивановича Божина внука. Затем движение перекинулось на Яневу, Чудинцеву, Люгощу улицы. Между прочим, восставшие обратили особое внимание на Никольский монастырь, где находились боярские житницы, и также подвергли его разгрому. Бояре были согласны пойти на уступки и обратились к посредничеству архиепископа с предложением выдать Степанка. Архиепископ отправил Степанка «к собранию людску» с одним попом и со своим боярином. Но эти уступки не прекратили волнений.

На Прусской улице восставшим социальным низам, пришедшим сюда с Торговой стороны, было оказано вооруженное сопротивление.

Возвратившись на Торговую сторону, народные массы начали готовиться к ответному наступлению на них со стороны феодальной знати, против которой было поднято восстание. В антифеодальных плебейских кругах Торговой стороны был выброшен лозунг: «яко Софейская сторона хощеть на нас въоружитися и домы наши грабити». Началась подготовка к схватке на Волховском мосту. По словам летописи, «начаша звонити по всему граду, и начаша людие сърыскыватися с обою стран, акы на рать, в доспесех, на мост Великий». Из летописного изложения совершенно отчетливо видно, что «мятеж велик» в Новгороде, выразившийся в столкновении двух сторон (Торговой и Софийской) имел в своей основе борьбу двух классов: феодального боярства и «черни».[170] Новгородская II летопись красочно

[170] Н. А. Рожков, исходя из предвзятой предпосылки, что Торговая сторона Новгорода была аристократической, а Софийская—демократической по своему социальному составу, извращает смысл движения 1418 г. Он считает, что в это время «аристократическая Торговая сторона, собравшись на вече на Ярославле дворе, решила сокрушить *тех из бояр Софийской стороны, которые оставались еще вождями демократов* (курсив мой. — *Л. Ч.*). Вече направилось бурным потоком на Софийскую сторону

описывает картину «междоусобной брани» на Великом мосту, разыгравшейся под шум сильной грозы. «От грозы тоя страшныя и от возмущениа возтрясеся град весь, и наиде страх на обе стране; и от лютыя брани и усобного губительства начаша животы свои носити в церков».

Антифеодальное восстание побудило новгородских бояр пойти на какой-то компромисс с социальными низами и дать им соответствующие обещания, заставившие восставших сложить оружие. По летописному рассказу, бояре Софийской стороны в лице старого посадника Федора Тимофеевича «с иными посадникы и с тысячьскыми» обратились к посредничеству «владыки» Симеона, «да уставить народы». Тот, в свою очередь, договорился со степенным посадником Василием Есифовичем и тысяцким Козьмой Терентьевичем. Было решено, что «владыка» «повелить... своей стране (Софийской) в хоромы ити», а степенные посадник и тысяцкий убедят разойтись по домам народные массы, собравшиеся на Торговой стороне. В дальнейшем посадник и тысяцкий обещали «собращася с нарочитыми мужи рассудити вещи сея начало».[171]

Таким образом, антифеодальное восстание 1418 г. было ликвидировано, новгородскому боярству в лице его представителей во-время удалось договориться с плебейскими массами. Черные люди получили должные гарантии от новгородских властей в том, что в ближайшее время боярский совет («нарочитые мужи») подвергнет обсуждению те больные вопросы, которые волновали новгородские социальные низы и вызвали волнения 1418 г. Какие же именно вопросы должны были сделаться предметом рассмотрения новгородских «нарочитых мужей», стоявших у власти? Я думаю, что речь шла, прежде всего, о новгородских судебных порядках. Когда новгородские официальные лица согласились «рассудити *вещи сея начало*», то они имели в виду, конечно, непосредственный повод к антибоярскому движению. Таким поводом послужило, во-первых, желание «человека» Степанка добиться управы «на своего господаря» и апелляция с его стороны в этих целях к вечу; во-вторых, ответные самоуправные действия боярина, арестовавшего и подвергнувшего пытке Степанка, без решения судебных властей. Очевидно, степенные посадник и тысяцкий успокоили и уговорили разойтись народные массы, уверив их, что боярский совет обратит внимание на новгородские судебные установления и подвергнет их пересмотру. Другими словами речь шла, повидимому, о пересмотре начал новгородского судоустройства и судопроизводства, изложенных в крестной грамоте 1385 г. И. Д. Беляев, излагая новгородские события 1418 г., заканчивает свой рассказ словами: «Летописи не говорят, был ли суд, предложенный степенным посадником Василием Есиповичем, а ежели был, то чем кончился этот суд — мы не знаем».[172] Действительно, летописи не дают ответа на поставленный Беляевым вопрос, и искать его следует не в летописных сводах, а в тексте Новгородской судной грамоты. Некоторые ее статьи (какие — об этом ниже) могут быть непосредственно связаны с событиями классовой борьбы в Новгороде 1418 г. Надо думать, что действительно боярский совет занимался вопросом о новгородских судебных порядках и подготовил какой-то дополнительный материал для вклю-

---

и разграбило улицы Козьмодемьянскую, Чудинцеву, Яневу, Лугощу, Прусскую. Архиепископ утишил волнение, но уже тогда, когда демократы были окончательно раздавлены» (Н. А. Рожков. Политические партии в Великом Новгороде XIV—XV веков. Исторические и социологические очерки. Сборник статей, ч. 2, стр. 68). Критику концепции Н. А. Рожкова см. в статье А. В. Арциховского. К истории Новгорода. «Исторические записки», т. II, стр. 120—121).

[171] ПСРЛ, т. III, стр. 107—108, 136—138; т. IV, стр. 117—118; т. V, стр. 261; т. XVI, стр. 168—170. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 405—408.

[172] И. Д. Беляев. Указ. соч., кн. 2, стр. 460.

чения его в грамоту 1385 г. Но потребовалось второе антифеодальное восстание в Новгороде, для того чтобы разработанные «нарочитыми мужами» судебные установления были претворены в жизнь. Текст Новгородской судной грамоты во второй редакции был утвержден крестоцелованием на вече только в 1422 г.

Посадник Василий Есифович, во время восстания 1418 г. пошедший на уступку простому народу и подавший мысль о поручении боярскому совету заняться вопросами новгородского судоустройства, не удержался на своем посту. Феодальная реакция привела к власти другого представителя боярской партии — Андрея Ивановича. Во время его посадничества в Новгороде снова имели место народные волнения. В 1421 г. два конца — Неревский и Словенский — подняли восстание против посадника, вызванное тем, что он отнял землю у некоего Клементия Артемьина. Явившись в доспехах, жители названных концов разграбили дворы посадника и других бояр «и убиша Андреевых посадниковых 20 человек до смерти».[173]

Под следующим, 1422 г. в Новгородских летописях имеется лаконичное сообщение: «А наугородци целоваша крест за един брат».[174] О каком крестоцеловании идет речь? Сопоставляя между собой все собранные выше летописные данные, я считаю наиболее правильным предположение, что крестоцелование 1422 г. было принесено на Новгородской судной (крестной) грамоте 1385 г., проредактированной и дополненной новыми постановлениями, вызванными событиями 1418—1421 гг. и подготовленными боярским советом.

К редакции 1422 г. можно отнести прежде всего следующие разделы Новгородской судной грамоты: конец ст. 5, ст. 6—7, 10—12, 42. Они говорят о «наводках» на суд, «наездах», «грабежах», т. е. касаются как раз тех явлений, которые особенно остро давали себя чувствовать в Новгороде в предшествующие годы. Конечно, новгородское законодательство 1422 г., проект которого был разработан «нарочитыми мужами», носило классовый характер. Новгородские бояре позаботились о том, чтобы защитить свои позиции. Но в то же время, после двух городских восстаний, бояре были вынуждены не считаться с настроениями черных людей, требования которых должны были найти какой-то, хотя бы чисто внешний, отклик в постановлениях 1422 г.

Прямым откликом на события 1418 г. явились ст. 5 (во второй части), 6 и 42. Ими запрещалось всякое постороннее (неорганизованное и организованное) вмешательство в деятельность суда. Все конфликты подлежали разбору нормальным судебным порядком. Нельзя было «сбивать с суда» посадника, тысяцкого, наместника, владыки (ст. 5). Не разрешалось тяжущимся «наводить наводки» на судебные власти (ст. 6). Наконец, преследовалось и приравнивалось к «наводкам» коллективное выступление на суде («пособье»), в целях поддержки тяжущихся, представителей от конца, улицы, сотни или ряда. Считалось допустимым участие в суде только двух «ятцов» (т. е. приставов) от сторон. С нарушителей указанных постановлений взыскивался штраф в сумме 50 рублей с боярина, 20 рублей с житьего и 10 рублей с молодшего человека. Возможно, что к редакции 1422 г. относится и конец ст. 13, согласно которому истец не должен «неугородцов... научивати, без хитрости, по крестному целованью».

Раздел о земельных тяжбах (ст. 7, 10—12) появился в результате новгородского восстания 1421 г., вызванного злоупотреблениями посад-

---

[173] ПСРЛ, т. III, стр. 140; т. IV, стр. 120; т. XVI, стр. 176.
[174] ПСРЛ, т. III, стр. 110, 140; т. IV, стр. 120; т. XVI, стр. 177.

ника, захватившего чужие земли. В связи с этим в текст Новгородской судной грамоты были внесены статьи, запрещавшие самовольные наезды до суда на спорные земли (ст. 7) и разрешавшие завладение недвижимостью (даже насильственное) лишь на основе судебного приговора (судной грамоты); «а в том пени нет» (ст. 12). Преследовались взятки с тяжущихся со стороны судей: «А от земли судье кун не взять».[175] Всякое самоуправное нарушение владения («наезд и грабеж») каралось штрафом в таких же размерах, как и за «наводки» на суд, даже в том случае, если право собственности на отнятую землю будет признано в дальнейшем судом за наездчиком (ст. 10—11).

Наконец, в редакции Грамоты 1422 г. появились и постановления о «докладе» как особой стадии процесса (ст. 20—21). На докладчиков, к которым поступает дело, если его почему-либо не может решить суд, имеются ссылки в ст. 6, 42.

Несомненно, что Новгородская судная грамота редакции 1422 г. ставила своей задачей подавить всякие попытки со стороны плебейских масс использовать в своей борьбе с произволом феодальных верхов общественные организации и силы. Объявлялись незаконными коллективные выступления (концов, улиц, сотен и т. д.). Не признавался вечевой суд, о котором не говорится ни слова. Разбор социальных конфликтов Грамота стремится сосредоточить в боярском по своему составу суде. Из представителей бояр и житьих людей состоит и коллегия докладчиков, решающих дела, не законченные судьями.

Но в то же время под влиянием новгородских восстаний 1418 и 1421 гг. в Грамоту были внесены статьи, касавшиеся главным образом земельных дел и создававшие видимость ограничения в этой области боярского произвола (самоуправные «наезды» на чужие земли и «грабежи» чужого имущества). Подобные незаконные поступки стали караться штрафом, который взыскивался в повышенном размере. Впоследствии Иван III использовал эти новгородские постановления о земельных «наездах» и «грабежах» в целях организации показательных процессов против бояр.

Представляет интерес, что классовая борьба в двадцатых годах XV в. и вызванная ею подготовка новой редакции Новгородской судной грамоты совпали с пребыванием в Новгороде удельного князя Константина Дмитриевича, брата московского великого князя Василия I. Константин Дмитриевич прибыл в Новгород в 1419 г. вследствие осложнений среди князей московского дома. По словам летописей, Константин «про то был в Новгороде, занеже брат его князь великий Василий хотел его в целованье привести под своего сына Василья, и он не хотя быти под своим братаничем, и князь Василий възверже нелюбье нань, и отъима у него всю отчину, и бояр его попма, и села, и живот их поима».[176] Таким образом, соперничество дяди (Константина Дмитриевича) с племянником Василием Васильевичем вызвало гнев великого князя московского Василия Дмитриевича на Константина, лишило последнего «отчины» и привело его в Новгород. Новгородцы, судя по летописному рассказу, «приняша... (Константина) в честь» и передали ему пригороды, бывшие ранее за Лугвением. Константин Дмитриевич пробыл в Новгороде около трех лет,

---

[175] В литературе, посвященной Новгородской судной грамоте, обычно в данном случае под «кунами от земли» ошибочно понимаются судебные пошлины с земельных дел. Ср. М. Ф. Владимирский-Буданов: «Здесь, конечно, следует разуметь пошлины с цены иска (рублевые); печатные же пошлины и от подписи, без сомнения, взимались. В этом обнаруживается замечательное понятие о различии исков вещных и личных» (М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 174, прим. 12 к ст. 7 Новгородской судной грамоты).

[176] ПСРЛ, т. III, стр. 109, 138; т. IV, стр. 119; т. VIII, стр. 90; т. XI, стр. 235.

а в 1421 г. выехал оттуда, причем «владыка Симеон, и посадники, и тысяцкии, и бояре новгородскии одарив и, проводиша его с честию».[177]

Все приведенные летописные данные, если присмотреться к ним внимательно, могут пролить свет на историю Новгородской судной грамоты. В главе, посвященной Псковской судной грамоте,будет указано, что приезд Константина Дмитриевича в Псков в 1412 г. повлек за собой попытку с его стороны ввести какие-то изменения в псковском правовом укладе. Эта попытка вызвала протест со стороны псковичей, которые, с разрешения московского митрополита, отменили ряд княжеских нововведений и около 1417 г. пересмотрели свое действующее право. Очень скоро после этого, в 1419 г., Константин оказывается в Новгороде. Его трехлетнее там пребывание (1419—1421) наполнено острой классовой борьбой, первый акт которой разыгрался еще до прибытия Константина. Рассматривая новгородские события не изолированно от псковских, а в связи с ними, мы имеем все основания предположить подготовку в Новгороде во время Константина какого-то правового кодекса (одной из редакций Новгородской судной грамоты). Эта гипотеза подтверждается, во-первых, тем, что в эти же годы и в Новгороде и в Пскове были проведены (одновременно или с небольшим расхождением в датах) аналогичные внутренние реформы (например, начало чекана монеты: в Новгороде в 1420 г.,[178] в Пскове —по одним известиям в 1420 г., по другим — в 1424 г.).[179] Во-вторых, статьи Псковской судной грамоты, относящиеся к кодификации 1417 г., близки по своему характеру к ряду постановлений Новгородской судной грамоты. Так, если Новгородская судная грамота редакции 1422 г. ведет борьбу с «наводками» и «пособьем» на суде, то ряд мероприятий в этом направлении проводит и Псковская судная грамота редакции 1417 г. Например, ст. 58 запрещает ходить «на суд помочю» и разрешает «лести в судебницу» только «двемя сутяжникома», с тем, чтобы «пособников бы не было ни с одной стороны» (исключения допускаются в отношении женщин, несовершеннолетних, монахов и увечных). Ст. 70 запрещает «помочь» в суде со стороны соседей в тяжбах о церковной земле.

Летописи указывают, что Константин Дмитриевич нашел хороший прием в Новгороде в правящей боярской среде. Возможно, это объясняется его «нелюбьем» с Василием I. Новгород в конце XIV— начале XV вв. находился в состоянии постоянного размирья с Москвой. Как говорилось выше, и Новгородская судная грамота в первой редакции 1385 г. возникла во время новгородско-московских осложнений. Участие Константина в разработке проекта второй Грамоты, которым занимался новгородский боярский совет, весьма вероятно. Возможно, что под его влиянием возникли статьи, касающиеся суда княжеского «тиуна». Утверждение нового текста Грамоты крестоцелованием на вече произошло уже после отъезда Константина, в 1422 г.

Переходя к вопросу о дальнейшей истории текста Новгородской судной грамоты, я, прежде всего, не вижу никаких оснований говорить о редакциях 1440 и 1456 гг., наличие которых склонны допускать некоторые исследователи. Последняя (домосковская) редакция Грамоты относится, по всем данным, к 1446 г. или началу 1447 г. Это время было тяжелым для Новгорода. Тверской князь Борис Александрович, воспользовавшись феодальной войной между Василием II московским и удельным князем Дмитрием Шемякой, захватил у Новгорода ряд владений, «разорил» новгородские «волости», перерезал торговые пути. В связи с этим подня-

[177] ПСРЛ, т. III, стр. 109. Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 410.

[178] ПСРЛ, т. III, стр. 109; т. IV, стр. 119.

[179] ПСРЛ, т. IV, стр. 120, 203.

лись цены на все товары, начался голод. В общественной жизни Новгорода снова обострились социальные противоречия. Под 1446 г. Новгородская IV летопись рассказывает об отсутствии правого суда и закона: «... не бе в Новегороде *правде* и *правого суда*, и возсташа ябедници, изнарядиша четы и обеты и целованья на неправду, и начаша грабити по селом, и по волостем, и по городу, и беяхом на поругание суседом нашим, сущим окрест нас, и бе по волости изъежа велика и боры частыя, кричь и рыдание и вопль и клятви всими людми на старейшины наша, и на град наш, зане не бе в нас милости и суда права».[180] Под следующим, 1447 г. летописец опять жалуется на «бесправдивых бояр» и их злоупотребления. Неудачная попытка денежной реформы (уменьшение веса и ухудшение пробы монеты) еще более разорила население: «... бысть крестьяном скорбь велика и убыток в городе и по волостем» — читаем в летописи. Классовая рознь в новгородском обществе проявлялась в острых формах: «... бысть межи ими голка и мятежь и нелюбовь». Говоря о судебных порядках, летописец снова подчеркивает их темные стороны — взяточничество, произвол, волокиту: «Тогда бе весь град в сетовании мнозе, а голодники, и ябедники, и посулники радовахуся».[181] Необходимость новой судебной реформы была совершенно очевидна. Мы имеем достаточно определенное свидетельство о том, что такая реформа была действительно проведена. Таким свидетельством является рассмотренный выше проект договора Новгорода с тверским князем Борисом Александровичем 1446 г., в тексте которого имеется ряд совпадений с Новгородской судной грамотой, при этом в тех ее разделах, которые не принадлежат к составу редакций памятника 1385 и 1422 гг. Очевидно, на 1446 или начало 1447 г. падает третья редакция Новгородской судной грамоты.

В редакции 1446—1447 гг. были пересмотрены статьи, относящиеся к земельным тяжбам. Ст. 28—29 установили, в целях избежания волокиты, двухмесячный срок для решения дел этого рода. Очевидно, по вопросу о предельном сроке, в течение которого должно заканчиваться судебное разбирательство по земельным спорам, были колебания. Ст. 9 называет не два месяца, а только один. Посадник, тысяцкий или владычный наместник, уехавшие из города, не закончив суда, по постановлению 1446—1447 гг. уплачивали 50-рублевый штраф и возмещали убытки истцу.

Редакция 1446—1447 гг. уточнила, далее, состав коллегии докладчиков и порядок ее деятельности (ст. 26), о чем Грамота 1422 г. говорила лишь в общей форме. Доклад по судебным делам происходил в комнате владыки три раза в неделю: по понедельникам, средам и пятницам. Коллегия докладчиков состоит из десяти представителей от новгородских концов (по боярину и по житьему человеку от каждого конца), судебных заседателей, выдвигаемых согласно вечевому постановлению 1385 г. тяжущимися сторонами, и приставов. Грамота запрещает докладчикам брать посулы и предписывает им действовать беспристрастно: «А у доклада не дружить никоею хитростью, по крестному целованью». Это постановление являлось, вероятно, ответом на проявления народного недовольства действиями «голодников, ябедников и посулников», о которых говорит летописец. Подобно судьям и тяжущимся, докладчики также должны, приступая к своей деятельности, «крест целовать на сей на крестной грамоте однова...»

Интересной чертой законодательства 1446—1447 гг., по сравнению с Грамотой 1422 г., была попытка поставить деятельность судей и докладчиков под контроль веча (ст. 29). В случае нарушения судом и доклад-

---

[180] ПСРЛ, т. IV, стр. 124.
[181] Там же, стр. 125—126.

чиками установленного предельного двухмесячного срока для разрешения земельных дел истец получал право апелляции к вечу. Вече должно было предоставлять ему специальных приставов, которые понуждали суд и докладчиков к вынесению приговора и наблюдали за окончанием дела в установленных формах. Приставы, выдвинутые вечем, следили также за исполнением судебного решения и должны были арестовать обвиненного в том случае, если он в течение месяца со времени приговора не удовлетворил претензий истца. Попытка лица, признанного по суду виновным, «хорониться от приставов» влекла за собой «казнь» со стороны «всего Великого Новагорода», т. е. виновный объявлялся вне закона (ст. 34).

Итак, Грамота 1446—1447 гг. говорит о формах надзора со стороны веча за деятельностью суда и о возможном вмешательстве при нарушении судьями установленного порядка судопроизводства. Эти новые, по сравнению с Грамотой 1422 г., принципы суда были выработаны в результате классовой борьбы 1446—1447 гг. Боярская верхушка была вынуждена пойти на мелкие уступки плебейским массам: если постановления 1422 г. совершенно умалчивали о судебных правах веча и говорили только о боярском и житьем суде, то сейчас вече получило возможность в какой-то мере наблюдать за этим судом. Но классовая сущность законодательства этим нисколько, конечно, не нарушалась.

Ст. 36—38 отражают интересы новгородских феодальных верхов. Они приравнивают дела по обвинению в холопстве к уголовным преступлениям. На основании показаний обвинителя, подкрепленных крестоцелованием, лицо, которое он признает своим беглым холопом, должно быть поставлено укрывателем у суда (наравне с вором, разбойником, грабителем, поджигателем или убийцей). Если обвиняемый в бегах «дался в грамоту» другому господину, то тот, под угрозой штрафа, не имеет права его задерживать и укрывать где-либо в «волости». Эти постановления находят параллель в соответствующих статьях проекта новгородского договора с тверским князем Борисом Александровичем 1446 г.

Таким образом, третья редакция Новгородской судной грамоты 1446—1447 гг., так же как и вторая 1422 г., возникли в обстановке острых классовых противоречий.

В 1471 г. Новгородская судная грамота была переписана на имя московского великого князя Ивана III и его сына Ивана Ивановича Молодого. По договору, заключенному на Коростыни, Иван III обязался санкционировать Новгородскую судную грамоту и закрепить ее великокняжескими подписями и печатями: «А что грамота доканчалная в Новегороде промежь собе о суде, ино у той грамоты быти имени и печати великих князей». В соответствии с этим решением Коростынского докончания, текст Новгородской судной грамоты, пересмотренный великими князьями, был переписан по новому формуляру. В начальном протоколе документа появилось указание, что он утвержден на вече по докладу московским великим князьям.

К какому точно времени следует относить московскую редакцию Новгородской судной грамоты? По мнению Б. М. Кочакова,— к периоду времени между 11 августа и 15 декабря 1471 г. Кочаков в предложенной им датировке исходит из следующих соображений. По Коростынскому договору 11 августа Иван III только обязался подписать Новгородскую судную грамоту; с другой стороны, документ называет архиепископа новгородского Феофила «нареченным», а 15 декабря он уже был посвящен в Москве. Мне кажется, что Кочаков неправильно интерпретирует текст Коростынского докончания. Совершенно очевидно, что в момент его подписания Новгородская судная грамота была уже пересмотрена москов-

скими великими князьями, и, следовательно, утверждение документа Иваном III произошло одновременно с оформлением Коростынского договора. Действительно, в договорной Коростынской грамоте имеются прямые указания на те статьи Новгородской судной грамоты, в которые Иван III решил внести изменения: «А что заклад в той в Новугородской грамоте в докончалной написан на наездщиков, и на грабежщиков, и на доводщиков, ино князем великим взяти половина от сего докончания, а Великому Новугороду половина взяти. А кто имет посул давати, или кто и начнет имати по концем, и по рядом, и по станом, и по улицам у грабежщиков, и у наводщика, и у наездщика; ино взяти на том той же заклад великим князем половина, по Новгородской грамоте, а Великому Новугороду половина. А сотцким и рядовичем, без князей великих наместника и без посадника, не судити нигде».

Говоря о «закладе» (т. е. о штрафе) «на наездщиков, и на грабежщиков, и на доводщиков (наводщиков?)», Коростынский договор имеет в виду ст. 6, 10, 42 Новгородской судной грамоты. В них как раз речь идет о штрафе, взимаемом с виновных в «наводках» на суд, «наездах» и «грабежах». Текст статей дан в московской редакции, предусмотренной Коростынским докончанием; штраф поступает пополам в великокняжескую и в новгородскую казну, причем московские князья упомянуты на первом месте, Великий Новгород — на втором. Согласно домосковской редакции документа, «заклад» полностью взыскивался в казну Великого Новгорода.

В соответствии с московскими указаниями переделан и текст ст. 28, карающей 50-рублевым штрафом судей за отъезд из города до окончания судебного дела, причем штраф этот делится между великими князьями и Великим Новгородом.

Коростынский договор говорит еще об обложении штрафом тех, кто будет давать или брать «посулы». Такой статьи нет в дошедшем до нас неполном списке Новгородской судной грамоты, но несомненно она имелась и в новгородской и в московской редакциях памятника (1446—1447 и 1471). По первой «заклад» переходил в новгородскую казну целиком, по второй — в половинном размере, а другую половину получали московские князья.

Наконец, Коростынская докончальная грамота запрещает сотским и рядовичам судить без великокняжеского наместника и новгородского посадника. Очевидно, в Новгородской судной грамоте редакции 1446—1447 гг. содержались постановления относительно низших судебных органов новгородских сотен и рядов. В 1471 г. самостоятельные суды сотских и рядовичей были ликвидированы. Вероятно, указание на их упразднение было внесено в текст редакции грамоты 1471 г. Поскольку в нашем распоряжении имеется неполный список Новгородской судной грамоты, это предположение вполне правдоподобно. Как раз последняя (42-я) статья памятника посвящена мероприятиям по борьбе с «наводками» от конца, улицы, сотни или ряда. Текст обрывается на полуслове, и конца документа недостает. Весьма вероятно, что сразу после ст. 42, запрещающей «наводки» от сотен и рядов, в оригинале следовало запрещение судов сотских и рядовичей.

По указанию московской великокняжеской власти, ст. 2 грамоты о суде посадника получила следующее дополнение: «А без наместников великого князя посаднику суда не кончати».

Таким образом, смысл редакционных изменений, которым подвергся текст Новгородской судной грамоты в московской редакции 1471 г., заключался в усилении влияния московских великокняжеских наместников в новгородском суде.

§ 7. Двинская уставная грамота 1397 г.

Немного позже первой редакции Новгородской судной грамоты (1385) была составлена древнейшая из известных нам уставных грамот Московского государства — Двинская.[182] Она была выдана московским великим князем Василием Дмитриевичем населению старинного новгородского владения — Заволочья, или Двинской земли.[183]

По вопросу о датировке Двинской уставной грамоты больших разногласий в литературе нет. Происхождение памятника связано с восстанием в 1397 г. на Двине, которое сумел поднять против Новгорода московский великий князь Василий Дмитриевич, заставив Двинскую землю перейти в зависимость от Москвы. По рассказу летописи, «насла князь великий Василей Дмитреевичь за Волок, на Двину, бояр своих Андреа Албердова с другы, ко всеи Двиньской свободе, а повестуа им тако: чтобы есте задалися за князь великий, а от Новагорода бы есте отнялися; а князь великий хощеть вас от Новагорода боронити, а за вас хощеть стояти». Население Двинской земли, руководимое местным боярством во главе с Иваном Микитиным, отложилось от Новгорода и коммендировалось московскому великому князю. «И двиняне Иван Микитин, и бояре двинскии, и вси двиняне за великий князь задалися, а к князю великому целоваша крест». Московские войска заняли ряд новгородских владений: Волок Ламский, Торжок, Вологду и Бежецкий Верх. Затем Василий Дмитриевич объявил новгородцам о разрыве с ними отношений: «... к Новугороду с себе целование сложил и крестную грамоту скинул». Новгородское посольство в Москву и мирные переговоры с московским правительством не имели успеха. Великий князь «от послов новгородских челобитья не приял, а от Новагорода нелюбиа не отложил, а миру не взял». Тогда новгородцы организовали карательную экспедицию в Двинскую землю с целью возвращения отторгнутых владений.

Весной 1398 г. посадники, бояре, дети боярские, житьи люди, купеческие дети и «вси вои» решили «поискати святей Софии пригородов и волостей своей отчины и дедины» и послали рать на Двину, к ее административному центру — городку Орлецу. Там находился московский наместник князь Федор Ростовский, присланный в засаду «городка блюсти, и судити, и пошлины имати с Новогородских волостей». Двинские воеводы Иван и Конон поделили между собой «волости Новогородскии и бояр новогородскых».

Новгородские войска взяли на щит белозерские и кубенские во-

---

[182] Двинская уставная грамота была опубликована впервые в «Истории государства Российского» Карамзина (изд. 2-е, т. V, примечания, стр. 142—144, № 244; на стр. 234—239 основного текста «Истории» дан перевод грамоты на современный Карамзину язык). Вторично памятник напечатан в ААЭ, т. I, стр. 8—9, № 13. Е. С. Тобин воспроизвел текст Двинской уставной грамоты по изданиям Карамзина и ААЭ и разбил ее на 16 статей (E. S. Tobien. Die aeltesten Gerichts-Ordnungen Russlands nach alten, bisher entdekten und herausgegebenen Handschriften, B. I, Dorpat, 1846, SS. 32—36). Такое же (с некоторыми вариантами) постатейное деление Двинской уставной грамоты находим в «Хрестоматии по истории русского права» М. Ф. Владимирского-Буданова (вып. 1, изд. 6-е, стр. 121—127). Из новейших изданий Двинской уставной грамоты см. «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства», изданные под ред. А. И. Яковлева, М. 1909, стр. 1—2; Л. Сомов. Опыт систематического изложения материала уставных грамот, определяющих порядок местного правительственного управления в Московском государстве (работа из семинария проф. М. В. Довнар-Запольского), Киев-Пгр., 1914, стр. 37—39; Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, сборник подготовлен к печати Г. Е. Кочиным, Л. — М., 1935, стр. 129—131, № 58.

[183] О тождестве терминов: *Заволочье* и *Двинская* земля см. у М. М. Богословского. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I, М., 1909, стр. 4, прим. I.

лости, повоевали и пожгли окрестности Вологды и Устюга, забрали «без числа» полона и окупа на полонянниках, а затем подошли к Орлецу. Осада города продолжалась четыре недели. Его громили «пороками» до тех пор, пока двиняне не сдались и не стали «бити челом с плачем воеводам и всем боем новогородским». Началась расправа с двинским боярством за измену Новгороду. Часть бояр, «кто водил Двинскую землю на зло», была предана смертной казни, другие заключены или насильно пострижены в монахи. Двинский наместник князь Федор Ростовский получил помилование, но должен был вернуть «присуд и пошлины, что поимал». Воеводы «и вси вои новогородци» взяли у двинян «за их преступление и за их вину» двухтысячную контрибуцию и 3 тысячи коней. Великокняжеские гости уплатили окуп в сумме 300 рублей. Двинская земля снова признала свою зависимость от Великого Новгорода.

В Москву отправились новгородские послы и заключили мир с великим князем по старине.[184]

Издание Двинской уставной грамоты надо относить к тому незначительному промежутку времени, когда Двинская земля принадлежала Москве.

При установлении точной даты Двинской уставной грамоты в исторической литературе наблюдаются колебания между 1397 и 1398 гг.[185]. Первую дату предлагают Н. М. Карамзин, М. Ф. Владимирский-Буданов,[186] М. М. Михайлов,[187] И. Д. Беляев,[188] А. А. Шахматов,[189] А. Н. Филиппов [190] и др. 1398 годом датируют памятник Н. П. Загоскин,[191] С. В. Пахман,[192] П. М. Мрочек-Дроздовский,[193] В. Н. Латкин,[194] С. В. Рождественский [195] и др. Вопрос сводится к тому, дана ли была грамота населению Двинской земли в тот момент, когда она «задалась» за московского князя, или позднее, когда на Двину был послан наместником князь Федор Ростовский. В тексте Двинской уставной грамоты о назначении наместника говорится в условной форме: «Коли кого пожалую своих бояр, пошлю наместником к ним в Двинскую землю, или кого пожалую наместничеством из двинских бояр, и мои наместници ходят по сей по моей грамоте великого князя». Таким образом, нет никаких оснований связывать выдачу грамоты населению с появлением в Двинской земле князя

---

[184] ПСРЛ, т. III, стр. 98—100; т. IV, стр. 102—103; т. XVI, стр. 139—143.

[185] Под 1397 г. грамота напечатана в «Истории государства Российского» Карамзина и в «Хрестоматии» Владимирского-Буданова; под 1398 г. в ААЭ, в изданиях Тобина, Сомова, Яковлева, Кочина.

[186] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 4-е, стр. 220—221.

[187] М. М. Михайлов. История русского права, стр. 178—180.

[188] И. Д. Беляев. Лекции по истории русского законодательства, стр. 271 — 274.

[189] А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., СПб., 1903 (Исследования по русскому языку, т. II, вып. 3), ч. I, стр. 45, 49, 50 и др.

[190] А. Н. Филиппов. Учебник истории русского права, ч. I, изд. 5, стр. 259— 260.

[191] Н. П. Загоскин. Уставные грамоты XIV—XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления, вып. 1, Казань, 1875, стр. 28—33.

[192] С. В. Пахман. История кодификации гражданского права, т. I, СПб., 1876, стр. 223—224.

[193] П. М. Мрочек-Дроздовский. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов. «Юридический вестник», 1884, № 5—6, стр. 81—86.

[194] В. Н. Латкин. Лекции по внешней истории русского права, стр. 7—8.

[195] С. В. Рождественский. Послание новгородского архиепископа Иоанна на Двину как источник для истории Двинского восстания 1397 г. Доклады Российской Академии Наук, серия В, апрель-июль 1925 г., стр. 51—54. В другой, более поздней своей работе Рождественский как будто склоняется к датировке грамоты 1397 г. (Его же. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI веков. «Известия АН СССР», VII серия, отд. гуманит. наук, № 1, 1929, стр. 49).

Федора Ростовского. Гораздо правильнее думать, что грамота была отправлена на Двину в 1397 г., сразу после того, как московские бояре, посланные великим князем, уговорили население отложиться от Новгорода и перейти под московский протекторат.

При изучении Двинской уставной грамоты исследователи подходили к ней главным образом как к *законодательному памятнику*, представляющему собой переходную ступень от Русской Правды к Судебникам. Их интересовала система изложения материала, принятая в Двинской грамоте,[196] близость этой системы, а также самых юридических норм к Русской Правде,[197] наконец, наличие в Двинской грамоте постановлений, отсутствующих в более древних юридических памятниках и свидетельствующих о развитии русского права в период с XI по XIV в.

Попытка рассмотреть Двинскую уставную грамоту как *исторический источник*, важный для понимания *социально-экономических отношений* в Двинской земле в конце XIV в. и для истории борьбы за Двину между Москвой и Новгородом, сделана только С. В. Рождественским.[198] Он называет Двинскую уставную грамоту *жалованной* и считает, что она явилась в руках московского великого князя средством для закрепления за собой Двинской земли путем политического союза с местным боярством и купечеством.

Однако, несмотря на работы Рождественского, значение Двинской уставной грамоты как источника для изучения московско-новгородских политических отношений в конце XIV в., оценено в исторической литературе недостаточно. Не сопоставлены причины появления Двинской уставной и Новгородской судной грамот, хотя то обстоятельство, что оба памятника скопированы в одном сборнике, указывает на их связь.

Не совсем ясно, чем была вызвана война Москвы с Новгородом 1397—1398 гг. Летописи объясняют ее начало отказом новгородцев удовлетворить предъявленное им «содиного» московским князем Василием Дмитрие-

---

[196] По мнению И. Д. Беляева, Двинская уставная грамота разделяется на четыре отдела: 1) о видах суда по уголовным преступлениям (ст. 1—6, 11); 2) о порядке суда (ст. 7—10); 3) о подсудности (ст. 12, 13, 15); 4) о торговых пошлинах (конец ст. 10, ст. 14—16) (И. Д. Беляев. Лекции по истории русского законодательства, стр. 271—274). Из изложения Беляева совершенно ясно, что предложенная им схема носит чисто условный характер, так как последовательность статей в Двинской грамоте не всегда точно отвечает намеченному Беляевым порядку отделов. П. М. Мрочек-Дроздовский считает, что Двинская грамота состоит из двух основных частей. Первая (ст. 1—15) посвящена *вопросам материального права*, «определению понятий о различных преступлениях и проступках и о соответствующих им взысканиях». Вторую часть (ст. 6—16) Мрочек-Дроздовский называет *процессуальной*, поскольку она касается вопросов «местного судоустройства и судопроизводства». В то же время Мрочек-Дроздовский отмечает, что «благодаря погрешностям в системе изложения, явлению столь обычному в наших древнеюридических памятниках, в ряде рассматриваемых статей находятся постановления, нисколько не относящиеся к судоустройству и судопроизводству» (П. М. Мрочек-Дроздовский. Указ. соч., стр. 83—85).

[197] Близость между Русской Правдой и Двинской уставной грамотой особенно подчеркивается в работе П. И. Беляева. Источники древнерусских законодательных памятников (Журн. Мин. юст., 1899, ноябрь, стр. 79—88), и И. А. Стратонова. К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской Правды, стр. 11—16. Сходство между Русской Правдой и Двинской уставной грамотой как по содержанию, так и по системе расположения материала оба автора объясняют тем, что в основе Русской Правды также лежит уставная грамота, данная Ярославом Мудрым Новгороду в 1016 г.

[198] С. В. Рождественский. Послание новгородского архиепископа Иоанна на Двину, стр. 51—54. Его же. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI веков, стр. 49—61. А. А. Шахматов пользуется данными уставной грамоты 1397 г. для комментария к изданным им двинским актам. См. А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 45, 49, 50 и др.

вичем и литовским Витовтом требование нарушить мир с немцами. Ни Василий I, ни Витовт не собирались в это время вести войну с Орденом, поэтому их ультиматум Новгороду носил принципиальный характер и означал, что они не признают за новгородцами права на самостоятельную внешнюю политику. Новгородцы, напротив, отстаивали это право и обосновывали его ссылкой на «старину». В летописной передаче новгородский ответ московским послам звучал в достаточной мере определенно: «Нам, господине княже, с тобою мир свой, а с немцы ин, а с Витофтом ин; а ты, господине княже, в то у нас не вступайся. Новгород держит старину древнюю, как пошло от начала испервa».[199]

Несогласия новгородцев с московским великим князем не ограничивались областью внешней политики. Другим пунктом расхождений явился вопрос о самостоятельности Новгорода в области церковного и гражданского суда. Он был поднят, как мы видели, еще в 1385 г., когда новгородцы утвердили на вече крестоцеловальную судную грамоту. Споры с митрополитом Киприаном по поводу его права на месячный суд продолжались во второй половине 80-х и в 90-х годах XIV в. В 1395 г., незадолго до присоединения Двинской земли, Киприан приехал в Новгород с патриаршим послом и пробыл там всю весну. Несмотря на грамоты патриарха, новгородцы «суда ему (митрополиту) не даша». Новгородская летопись говорит, что Киприан и новгородский архиепископ Иоанн расстались дружелюбно. Но Псковская летопись сообщает другое: митрополит «на владыку и на весь Новгород нелюбье держа».[200]

Московско-новгородский разрыв 1397 г. был вызван также в значительной мере нежеланием новгородцев удовлетворить московские притязания по вопросу о суде. Характерно, что, по летописному рассказу, сразу после того, как Двинская земля «задалась» за великого князя и тот «сложил целование к Новгороду», Киприан направил своего посла в Новгород к архиепископу Иоанну, предлагая ему приехать в Москву «о святительских делех». С архиепископом отправились в Москву новгородские послы, которые пытались разрешить там политические разногласия с великим князем. Если архиепископ и митрополит не могли договориться по поводу месячного суда, то новгородские послы спорили с великим князем про «вопчий суд на порубежьи», причем послы доказывали, что «то не старина».

Наконец, в 1401 г. Киприан снова призывает в Москву новгородского «владыку». Упорство последнего приводит к его «поиманию» митрополитом, «по великого князя слову», и заключению «за сторожи» в Чудовом монастыре, где он пробыл три года. По объяснению Архангелогородского летописца, кара постигла архиепископа «за месячный суд, что не дали».[201] И в том же году двинские бояре, участвовавшие в восстании 1397 г. и помилованные тогда новгородцами, «князя великого повелением» взяли на щит Двинскую землю.[202]

Все указанные совпадения не случайны. Несомненно, как наступление Москвы на Новгород в 1397 г., выразившееся в отторжении от него Заволочья, Волоколамска, Бежецкого Верха, Торжка, так и захват Двинской земли в 1401 г. вызывались тем, что новгородцы не соглашались подчиниться московским требованиям, стеснявшим их самостоятельность в области внешней политики и суда (как церковного, так и светского). Если

---

[199] ПСРЛ, т. XIV, стр. 168; т. IV, стр. 102; т. V, стр. 250; т. VI, стр. 129; т. VII, стр. 70. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 339.

[200] ПСРЛ, т. III, стр. 97; т. IV, стр. 194.

[201] Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360 (852) до 7106 (1598) года, т. е. по кончину царя и великого князя Федора Ивановича. Напечатан в Московской типографии, 1781, стр. 102—103.

[202] ПСРЛ, т. III, стр. 101.

новгородцы в результате политических расхождений с Москвой в специальном вечевом постановлении (1385) разработали основные начала своего судоустройства и судопроизводства, то московское правительство выработало (в 1397 г.) текст судной грамоты, устанавливавшей непосредственную судебную зависимость новгородских владений от Москвы.

Моя попытка вскрыть внутреннюю связь между спорами новгородцев с Василием I и Киприаном по вопросам суда и появлением Новгородской судной и Двинской уставной грамот оправдывается и другими данными. В своем «Исследовании о Русской Правде» М. Н. Тихомиров делает интересные наблюдения относительно списков Русской Правды (Пространная редакция), дошедших в составе краткой Кормчей Мясниковского извода. Происхождение названной Кормчей М. Н. Тихомиров связывает с именем московского митрополита Киприана. «В Мясниковском изводе Русской Правды можно видеть «суды и правды», переписанные Киприаном. Интересно отметить, что все списки Мясниковского извода сохранили некоторые черты литературной школы Киприана... Могла быть и особая причина для переработки Русской Правды. В 1397 г., как известно, Двинская земля отложилась от Новгорода и была занята войсками великого князя Василия Дмитриевича. В распре новгородцев с великим князем принял участие митрополит Киприан. Новое московское владение нуждалось в таких юридических пособиях, каким и являлась Кормчая. Возможно, что этим объясняется распространение Кормчей Мясниковского типа именно на севере Руси, в Двинской земле...»[203]

Выводы М. Н. Тихомирова заслуживают внимания и должны быть сопоставлены с высказанными нами выше соображениями о происхождении Двинской уставной грамоты. Известно, что источником последней служила Русская Правда. Это обстоятельство позволяет думать, что составление Кормчей Мясниковского типа, предназначенной для Двинской земли, было нужно не только для непосредственного ее использования в пределах вновь присоединенной к Москве территории. К этой Кормчей прибегали и при разработке текста Двинской уставной грамоты. Показательны некоторые терминологические совпадения между Двинской грамотой и Мясниковским изводом Русской Правды (замена в последнем слова «продажа» выражением «вина», употребление термина «господарь» вместо «господин»).[204] Если Киприан действительно был составителем Мясниковской Кормчей, то имеются все основания говорить о его причастности к подготовке текста Двинской уставной грамоты. Это подкрепляет наши предположения о том, что московско-новгородская война 1397—1398 гг. произошла в значительной мере из-за разногласия между Василием I и Киприаном, с одной стороны, и новгородцами — с другой, по вопросам суда. Совершенно необоснованно утверждение А.Е. Преснякова о «намеренном обособлении (новгородских) отношений митрополии от политических действий великокняжеской власти».[205] Основные линии политики Василия I и Киприана в отношении Великого Новгорода в конце XIV в. не расходились.

Заслуживает внимания еще одно сопоставление. К 1397 г. относится ранняя редакция Псковской судной грамоты. Чем объясняется ее появление одновременно с Двинской уставной грамотой? В этом году в Новгород прибыли псковские послы для мирных переговоров, так как уже в течение нескольких лет новгородско-псковские отношения были враждебными. Ходатаем за псковичей перед новгородскими властями выступил архиепископ Иоанн, убеждавший новгородцев, «чтобы есте дети... пско-

[203] М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 137—138.
[204] Там же, стр. 138.
[205] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 369.

вичем бы есте нелюбья отдали, а свою братью молодьшую приняли бы есте по старине, занеже, дети, видите, уже последнее время, были бы есте за един брат в христианстве».[206] Подготавливаясь к войне с Москвой, новгородцы были заинтересованы в восстановлении дружеских отношений с Псковом и поэтому согласились на заключение с ним «вечного мира». Зная о несогласиях новгородцев с московским великим князем Василием Дмитриевичем и митрополитом Киприаном по вопросам суда, псковичи поспешили утвердить на вече судную грамоту, излагавшую основные начала собственного судоустройства и судопроизводства. Это было особенно важно после вмешательства Киприана в псковские судебные порядки в 1395 г., когда он высказался за отмену судебных новшеств архиепископа Дионисия. Очень показательно, что и в Москве, и в Новгороде, и в Пскове в 80—90-х годах XIV в. пробуждается интерес к правовым текстам. Почти одновременно, как мы видели, появились три извода Русской Правды: Мясниковский (Киприановский), Новгородско-Софийский и Чудовский (архиепископа Дионисия). И тогда же были созданы три близких по времени судных грамоты: Двинская, Новгородская и Псковская (в ранней редакции).

Итак, выше была сделана попытка выяснить *общее значение* Двинской грамоты как исторического источника, отражающего (наряду с другими, хронологически совпадающими с ним памятниками) борьбу между Новгородом и Москвой в конце XIV в. *Непосредственное назначение* грамоты заключалось в привлечении путем союза с двинским боярством на сторону московского князя Заволочья — стратегически и экономически важного для Москвы новгородского владения. Присоединение Двины к Москве было проведено в определенных формах феодального права. Двинская грамота оформила политический договор между Двинской землей (старинным новгородским Заволочьем) и Василием Дмитриевичем московским о подчинении (коммендации), с одной стороны, и защите (патронате)— с другой. Эта политическая целеустремленность памятника определила особенности его формуляра. Установившиеся в литературе термины «уставная» или «судная» не исчерпывают содержания и не дают полного представления о характере Двинской грамоты. Московский князь взял под свою защиту «задавшуюся» за него землю, и поэтому выданная им грамота построена по типу жалованных, с которыми у нее оказывается ряд общих клаузул. С другой стороны, вновь присоединенная территория нуждалась для руководства на суде в правовом кодексе, признанном московским правительством. Поэтому в текст жалованной по своему основному характеру грамоты были внесены статьи, касающиеся уголовного права, и процессуальные нормы, заимствованные из Русской Правды, но переработанные применительно к местным условиям. В силу указанных особенностей построения текста Двинской грамоты, сочетающей в себе элементы жалованной и судной, попытки чисто формальной ее разбивки на определенные разделы, касающиеся тех или иных сторон суда и права, заранее обречены на неудачу.

Грамота начинается с указания на великокняжеское пожалование «бояр своих двинских, также сотского и всех своих черных людей Двинские земли». Выражение «Двинская земля», вместо которого в летописи встречаем название «Двинская слобода»,[207] формально обозначает местный

[206] ПСРЛ, т. III, стр. 97; т. IV, стр. 195.

[207] Название «слобода» в применении к Двинской земле встречается еще в жалованной грамоте Новгородского веча сиротам Терпилова погоста XV в.: «А кто крестьянин Терпилова погоста в Двинскую слободу выйдет, ино ему мирянину тянути в Двинскую слободу; а который двинянин слободчанин почнет жити на земле Терпилова погоста, а той потянет потугом в Терпилов погост» (А. А. Шахматов. Указ. соч., ч. 2, стр. 146, № II).

самоуправляющийся мир, заключивший соглашение с великим князем.[208] Великокняжеский патронат обещан всему двинскому обществу в лице бояр и черных людей, под которыми подразумевается торгово-ремесленное и сельское крестьянское население.[209] Но фактически господствующим классом являются бояре-землевладельцы.

Грамота сохраняет основы местного общественного уклада и управления, упоминая сотского, стоявшего во главе черных людей, и, очевидно, молчаливо подразумевая старост.[210] Только двинских посадников заменили наместники, присылаемые великим князем на Двину или назначаемые из двинских бояр,[211] господствующих над непосредственными производителями.

В ряде статей Двинская уставная грамота называет дворян, назначая им по определенной таксе «хоженое», «езд», «железное» за вызов ответчиков в суд и за наложение на них оков. Московское правительство воспользовалось тем же самым аппаратом, который существовал при двинских посадниках и судьях до присоединения Двины к Москве. Акты XV в., времени независимости Двинской земли от московских князей, говорят о дворянах в роли приставов.[212]

Итак, при выдаче грамоты населению Двинской земли правительство Василия Дмитриевича ознакомилось с местными порядками, классовыми взаимоотношениями и постаралось приспособить к ним свое управление.

Сопоставление отдельных статей Двинской уставной грамоты с соответственными статьями княжеских жалованных грамот частным землевладельцам позволяет установить в них в ряде случаев сходные мотивы. На это сходство не обращено внимание в исторической литературе. Между тем, сравнительный анализ показывает, что указанные жалованные грамоты были использованы в 1397 г. в качестве источника при подготовке текста Двинской уставной грамоты. Особенно интересно, что московское правительство воспользовалось текстами жалованных грамот белозер-

---

[208] Границы Двинской земли указаны в ст. 8 Двинской грамоты (где говорится о пошлинах дворянам за «позовы»). Они простираются от центрального пункта — Орлеца вниз по Двине до Неноксы и Уны, а вверх до Нижней Тоймы. Примерные же указания на границы Двинской земли дает новгородский архиепископ Иоанн (1388—1414) в своем послании в Михайло-Архангельский монастырь: «От Емцы и до моря» (А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 146, № 1). В этих же пределах образовался позднейший Двинский уезд XVII в. (М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере, т. I, стр. 15, приложение, стр. 20—24).

[209] Более детальные указания на разряды двинского населения находим в цитированном выше послании архиепископа Иоанна, в котором названы посадники двинские, бояре двинские и новгородские, купцы новгородские и заволоцкие во главе с купецким старостой, игумны, попы, «весь причет церковный», сотский «и все крестьяне». Характерно противопоставление двинских и новгородских бояр, двинских и новгородских купцов.

[210] Двинский сотский и старосты упоминаются в грамотах XV в. (А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 103, 107, 109, 110, № 83, 86—88 и др.).

[211] Указания на двинских посадников встречаются в грамоте Ивана Калиты на Колмогоры (ААЭ, т. I, стр. 1, № 2); в жалованной грамоте Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1447—1455 гг. (ААЭ, т. I, стр. 32, № 42, и Сборник грамот Коллегии экономии, т. I, Пгр., 1922, стр. 34—35, № 39); в двинских актах XV в. (А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 105—107, № 85, 86 и др.). Посадники часто назначались из Новгорода. Под 1401 г. в Новгородской летописи двинские посадники Наум Иванович и Есип Филиппович названы новгородскими боярами (ПСРЛ, т. III, стр. 101). В начале XV в. на Двине были посадниками Василий Юрьевич и Аврам Степанович (А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 107, № 86). Первый, судя по Новгородской летописи, был сыном новгородского посадника (ПСРЛ, т. III, стр. 107). Второй упомянут как новгородский воевода (ПСРЛ, т. III, стр. 104).

[212] В двинских судных списках мы читаем: «Се позва Оуласке Тупичин Вячеслава и всих княжьостровчев на суд дворяны Степанком и Иваном». Или: «Се позва Левонтий Зачепин Савка и всих княжостровьчов на суд дворянином Матутом и Мартьянком» (А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 86, № 70; стр. 107, № 86).

ских князей.[213] Белоозеро представляло собой старинную новгородскую территорию, а Василий Дмитриевич, вступив в 1397 г. в соглашение с Двинской землей, присматривался к общественному укладу в бывших новгородских владениях и считался с ним, вводя московские порядки.

Начальная и конечная статьи Двинской уставной грамоты полностью совпадают с аналогичными клаузулами жалованных грамот монастырям и частным лицам.

Двинская грамота	Жалованные грамоты монастырям
Се яз князь велики Василеи Дмитриевичь всея Руси пожаловал есмь бояр своих двинских, также сотского и всех своих черных людей Двинские земли.	Се яз князь [великий] N пожаловал есмь игумена [архимандрита] N монастыря с братиею [игуменью N с сестрами] или кто по нем иный [ин, ины] игумен в N монастыре будет.
А через сю мою грамоту кто их чем изобидит, или кто не имет ходити по сей грамоте, быти тому от мене от великого князя в казни.	А через сю мою грамоту кто что на них возьмет или чем их изобидит [а кто сю мою грамоту нарушит], и тому быти от мене в казни».[214]

В других случаях, при отсутствии текстуальной близости отдельных разделов Двинской уставной грамоты к грамотам жалованным, мы замечаем в названных памятниках общие начала организации суда и управления. Так, Двинская грамота запрещает великокняжеским приставам въезд в Двинскую землю, предоставляя «управу чинить» наместникам. Если кто-либо из наместников «учинит [кому-либо] продажу сильно», то по челобитью со стороны обиженного наместнику назначается срок для явки к ответу перед великим князем. В случае неявки на наместника выдается бессудная грамота, и великокняжеский пристав должен «доправить» на нем убытки в пользу потерпевшего. Жалованные грамоты монастырям ставят население монастырских вотчин под охрану какого-либо одного специально назначенного князем пристава и также не разрешают прочим приставам приезжать в монастырские владения по искам посторонних лиц к монастырской братье или крестьянам: «А кто по них приедет пристав иный, опричь того моего пристава, и он на них сроков не наметывает, ни на поруку архимандрита и его братию и их людей не дает. А хотя кто на них и бессудную возьмет не по того моего пристава срочной, которой им дан, или кого в свое место пошлет, и та бессудная не в бессудную».[215]

По некоторым жалованным грамотам XV в. разрешается «наметывати срочные» для явки к ответу непосредственно перед князем на тех княжеских людей, кто «изобидит» монастырских крестьян «розбоем, и грабежи, и татбами, или какими иными делы обидными».[216]

---

[213] См., например, жалованные грамоты белозерских князей Андрея Дмитриевича и Михаила Андреевича. РИБ, т. II, стб. 8—9, № 5; стб. 22—23, № 24. ДАИ, т. I, стр. 348, № 189. Н. Н. Дебольский. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря («Вестник археологии и истории», изд. СПб. Археологическим институтом, вып. XIII, СПб., 1900), стр. 159, № 117; стр. 159—160, № 119; стр. 161, № 123; стр. 163, № 130; стр. 176, № 161.

[214] А. Н. Горбунов. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII, XIV и XV веках. Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изд. Н. В. Калачевым, 1860—1861 гг., кн. 1, СПб., 1860, стр. 10, 11, 13.

[215] Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, изд. Н. А. Вахрамеевым, т. I, М., 1896, стр. 9, № 8. Ср. в Двинской уставной грамоте: «А приставом моим великого князя в Двинскую землю не въездити».

[216] ДАИ, т. I, стр. 355, № 203. Ср. в Двинской уставной грамоте: «А над кем учинят продажу сильно, а ударят ми на них челом, и мне князю великому велетьи наместнику стати перед собою на срок».

Двинская уставная грамота говорит о судебном иммунитете, которым пользуются в пути гости, отправляющиеся торговать в Устюг Великий, Вологду, Кострому: «А на Устюзе, и на Вологде, и на Костроме их не судят, ни на поруки их не дают ни в чем, а учинится татба от двинских людей с поличным, ине поставят их с поличным передо мною, перед великим князем, и яз сам тому учиню исправу». Совершенно аналогичные постановления находим в грамотах белозерских князей XV в., предоставляющих привилегии монастырским купцам во время их поездок с торговыми целями: «А хто ся у них поимаеть за каково поличное, и мои наместници и волостели и их тиуни над поличным их не судят, а истьцов обоих велят дати на поруце, да учинять им срок стати передо мною, князем Михаилом Андреевичем, ино яз того сам дозрю князь Михайло Андреевичь».[217]

Точно так же, как двинские гости, и монастырские купцы освобождаются от уплаты проездных, торговых и таможенных пошлин. Соответственные статьи Двинской уставной и жалованных грамот совпадают текстуально.

Двинская уставная грамота	Жалованная грамота князя Михаила Андреевича Кириллo-Белозерскому монастырю середины XV в.
А куды поедут двиняне торговати, ино им ненадобе во всей моей отчине в великом княжении тамга, ни мыт, ни костки, ни гостиное, ни явка, ни иные никоторые пошлины.	Что их старцы, или купчины, или слуги куды поедуть на манастырьскую службу торговати с каким товаром с монастырьским... ино им в всеи моей вотчине в Верейской, и в Белозерьской ненадобе им явка, ни тамга, ни гостиное, ни осменичее, ни мыт, ни костки, ни побережное, ни съзорное, ни весчее, ни померное, ни иные им никоторые пошлины ненадобе.

Итак, из предыдущего изложения ясно, что при составлении Двинской грамоты был использован формуляр жалованных грамот. При этом заимствованные из последних статьи собраны преимущественно в конце изучаемого памятника. Первый же раздел Двинской грамоты близок по содержанию к Русской Правде. Таковы статьи о вире,[219] о кровавых и синих ранах,[220] о переорании меж,[221]

---

[217] Н. Н. Дебольский. Указ. соч., стр. 176, № 161.

[218] Там же.

[219] Двинская грамота: «Оже учинится вира, где кого утепут, ине душегубца взыщут, а не найдут душегубца, ине дадут наместником 10 рублев». Краткая редакция Русской Правды: «А иже оубьют огнищанина в разбои, или оубийца не ищоуть, то вирное платити, в нем же вири голова начнеть лежати» (Академич. список, ст. 19). Пространная редакция Русской Правды: «Аже кто оубиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то вирвную платити, в чьеи же верви голова лежить, то 80 гривен; паки ли людин, то 40 гривен» (Троицкий список, стр. 3).

[220] Двинская грамота: «А за кровавую рану тридцать бел, а за синюю рану пятнадцать бел, а вина противу того». Краткая редакция Русской Правды: «Или боудеть кровав или синь надъражен, то не искати емоу видока человекоу томоу; аще не боудеть на нем знамениа никотораго же, то ли придеть видок; аще ли не можеть, то томоу конець; оже ли себе не можеть мьстити, то взяти емоу за обидоу 3 гривне, а летцю мзда» (Академич. список, ст. 2. Ср. также ст. 28). Пространная редакция Русской Правды: «Аже придеть кровав мужь на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажю 3 гривны...» (Троицкий список, ст. 23).

[221] Двинская грамота: «А друг у друга межу переорет или перекосит на одином поле, вины боран, а межи сел межа-тридцать бел, а княжа межа три сороки бел, а вязбы в том нет». Краткая редакция Русской Правды: «А иже межоу переореть либо перетес, то за обиду 12 гривне» (Академич. список, ст. 33). Пространная редакция Русской Правды: «Аже межю перетнеть бортьную или ролейную разореть, или дворную тыном перегородить межю, то 12 гривен продаже» (Троицкий список, ст. 65).

о своде,[222] об убийстве боярином холопа.[223] Текст Русской Правды подвергся изменениям, вызванным стремлением приспособить соответствующие нормы, содержавшиеся в этом памятнике, к условиям места и времени, в которых создавалась Двинская грамота.

Денежная система Русской Правды переведена на те единицы денежного счета, которыми пользовалось население Двинской земли в XIV в., т. е. рубли и белы.[224] Перевод производится из расчета равенства гривны десяти белам. Поэтому за кровавую рану назначается штраф 30 бел (по Русской Правде 3 гривны), за переорание межи 120 («три сороки») бел (по Русской Правде 12 гривен).

Отдельные статьи Русской Правды, говорившие *в общей форме* о преступлениях, приобрели в Двинской грамоте более определенное классовое содержание. Так, статья о синих и кровавых ранах дополнена постановлением, по которому человек, оскорбивший боярина, подлежит ответственности по суду за бесчестие в соответствии с «отечеством» боярина.

В Двинской грамоте получило разъяснение понятие «вины», т. е. штрафа в пользу князя, в противоположность частному вознаграждению в пользу потерпевшего.

В противоположность Русской Правде, Двинская грамота вводит смертную казнь за кражу, совершенную в третий раз. В этом отношении Двинская грамота находит параллель в Псковской судной грамоте.

Двинская грамота	Псковская судная грамота
А татя впервые продати противу поличному, а вдругие уличат, продадут его не жалуя, а уличат втретьие, ино повесити...	Что бы и на псезде покрадется, ино двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третии ряд изли[чи]в, живота ему не дати... (ст. 8).

Совпадения между Псковской судной и Двинской грамотами замечаются и в статьях, посвященных драке и пиру.

Двинская грамота	Псковская судная грамота
А учинится бои в пиру, а возьмут прощение не выйдя из пиру, и наместником и дворяном не взяти ничего.	А кто с ким побьется во Пскове, или на пригороде, или на волости на пиру, или где инде, а толко приставом не позовутся, а промежь себе прощенье возьмут, ино ту князю продажи нет (ст. 80).

---

[222] Двинская грамота: «А кто у кого что познает татебное, и он с себя сведет до десяти изводов, нолпы до чеклого татя...» Пространная редакция Русской Правды: «Аже кто познаеть свое, что будеть погубил или оукрадено оу него что и, или конь, или порт, или скотина, то не рдии: се мое, но поиди на свод, кде есть взял; сведитеся, кто будеть виноват, на того татба снидеть, тогда он свое возметь, а что погибло боудеть с ним, то же ему начнеть платити» (Троицкий список, ст. 29). «Аже будеть во одиномь городе, то ити истцю до конця того свода; будеть ли свод по землям, то ити ему до третьяго свода; а что будеть лице, то тому платити третьему кунами за лице; а с лицемь ити до конця своду, а истьцю ждати прока; а где снидеть на конечняго, то тому все платити и продажю» (Троицкий список, ст. 31).

[223] Двинская грамота: «А кто осподарь огрешится, ударит своего холопа или робу, а случится смерть, в том наместници не судят, ни вины не емлют». Пространная редакция Русской Правды: «А в холопе и в робе виры нетуть; но оже будеть без вины оубиен, то за холоп оукор (оурок) платити или за робу, а князю 12 гривен продаже» (Троицкий список, ст. 84).

[224] Счет белам на Двине в XIV—XV вв. велся сороками и тысячами. В одном документе XV в. указано взаимоотношение рубля и белы: «По сту бел за рубль» (А. А. Шахматов. Указ. соч., ч. 1, стр. 59—60; ч. 2, стр. 60, № 39). В заемной грамоте митрополита Киприана 1389 г. (АИ, т. I, стр. 473—474, № 252) тысяча белок расценивается в 5 (пять) «старых» новгородских рублей, следовательно, один рубль равен двухстам белам.

Близость отдельных постановлений Двинской грамоты к Псковской судной грамоте еще раз подтверждает нашу гипотезу об общности причин, вызвавших одновременное появление обоих памятников в 1397 г. Митрополит Киприан, причастный к разработке грамоты для Двинской земли, проявлял интерес и к псковским правовым текстам.

* * *

Итак, изучение актов, дошедших до нас в составе копийной книги, возникшей в Москве в 1471—1476 гг., показало, что использование этих актов в качестве исторических источников возможно в двух направлениях: они освещают не только современные им события, но дают материал для характеристики московско-новгородских политических взаимоотношений 70-х годов XV в. — того времени, когда эти документы, собранные вместе, послужили в руках московского правительства Ивана III средством борьбы с независимостью Великого Новгорода.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПСКОВА XV ВЕКА

(ПСКОВСКАЯ СУДНАЯ ГРАМОТА)

§ 1. Государственный архив Пскова в XV в.

В сохранившихся источниках имеется ряд сведений о псковском государственном архиве, который носит название «ларь». Этот архив периода политической самостоятельности Пскова помещался при Троицком соборе. В архиве хранились решения вечевых собраний, грамоты, составленные выборными псковскими властями, законодательные акты, церковные постановления, наконец, частные документы (духовные завещания, платежные расписки, заемные записи и т. д.).

Государственные и церковные акты, разработанные посадниками, боярским советом или соборами духовенства и получившие санкцию веча, помещались в «ларь святой Троицы». После того, как эти акты теряли свою юридическую силу, они изымались из «ларя» и уничтожались.

Под 1468 годом псковские летописи содержат рассказ о том, как местное духовенство, с разрешения веча, написало на основании Номоканона грамоту, посвященную вопросам церковного самоуправления, и положило ее в государственный архив. Через год с лишним, по требованию московского митрополита Филиппа, указанная грамота была извлечена из «ларя» и порвана.[1]

Повидимому, уничтожение государственных актов, подлежащих отмене, носило торжественный характер. Оно производилось, как и утверждение актов, по решению веча, выборными властями и ему придавалось символическое значение.[2]

В 1472 г. псковские посадник, бояре, сотские и судьи «лняную грамоту подраша, вынемше из ларя». Летопись не дает никаких указаний на содержание этого документа, но отмечает, что он имел юридическую силу в течение восьми лет и что его уничтожение было с удовлетворением встречено псковским крестьянством, сильно страдавшим от тех постановлений,

---

[1] ПСРЛ, т. IV, стр. 232—233. Об этом подробно см. ниже.

[2] И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в России, стр. 62.

которые содержала грамота. «И бысть всем християном радость велия, с восми бо год она была в лари, да много християном истомы и убытков в тое время было».[3]

В 1484 г. псковский наместник князь Ярослав Васильевич Оболенский вместе с псковскими посадниками внесли, без санкции веча, некоторые изменения в действующее псковское законодательство.[4] Тем самым они нарушили существующее право, согласно которому пересмотр законодательных актов должен был производиться с ведома и согласия веча, посадникам же принадлежало только право доклада.[5] В ответ на эти неправомерные действия псковское вече вынесло смертный приговор виновным посадникам и текст его («мертвую грамоту») поместило на хранение в «ларь». В 1485 г., по настоянию московского великого князя Ивана III, псковичи «списаную грамоту мертвую на посадников из ларя выкынуша».[6]

«Ларь» являлся не только архивом, но и вечевой канцелярией.

При Троицком соборе оформлялись приложением псковской государственной печати частноправовые документы. Статьи 50 и 82 Псковской судной грамоты говорят, что в случае отказа князя приложить печать к судному списку, «позовнице», бессудной или приставной, истец имеет право обратиться за приложением печати в «ларь святой Троицы», и это не считается изменой князю: «А не запечатает князь, ино оу Святей Троицы запечатать, в том измены нет».

Оформление документа при Троицком соборе и передача его в архив сообщали ему юридическую силу, и в случае судебных споров наличие в «ларе» документа, служащего доказательством на суде, или заверенной с него копии решало часто дело.

Ст. 14 Псковской судной грамоты рассматривает случай предъявления душеприказчиком умершего «доски» с требованием по ней отданного на хранение имущества. Если окажется, что умерший при жизни оставил письменное распоряжение своим имуществом, положив в государственный архив духовное завещание, то предъявивший иск на основании простой «доски» без заклада или формальной записи, проигрывает его. «А тот оумръшей с подряднею и рукописание оу него написано и в ларь положено, ино на тых приказниках не искати чрез рукописание ни зсудиа без заклада и без записи и на приказниках не искати ничего». Здесь «рукописание» как документ, составленный с соблюдением всех формальностей и не подлежащий сомнению в силу своего хранения в «ларе святой Троицы», противопоставляется «доске». «Доска», повидимому, представляет собой примитивный документ, частное условие, лишенное юридической силы и не принимающееся во внимание при наличии в архиве «рукописания».

Ст. 38 касается вопроса о столкновении на суде двух документов по искам о деньгах, отданных для торговых оборотов: «доски», предъявленной истцом, и платежной расписки («рядницы»), о возврате торговой ссуды, которая окажется у ответчика. «Рядница» отдается решительное предпочтение перед «доской» в качестве юридического доказательства только в том случае, если справка в «ларе» подтвердит, что там хранится с нее копия. В противном случае суд не должен с ней считаться: «... а противу той рядницы не будет во святей церкви в лари в те ж речи другой, ино тая рядница повинити».

---

[3] ПСРЛ, т. IV, стр. 243.
[4] Там же, т. IV, стр. 266. Об этом подробно см. ниже.
[5] Псковская судная грамота, ст. 108.
[6] ПСРЛ, т. V, стр. 44.

Ст. 32 говорит об иске кредитора к лицу, поручившемуся за должника. Если в ответ на эту претензию сам должник представит платежную расписку («рядницу») в уплате кредитору долга, то она принимается во внимание только тогда, когда в архиве окажется ее копия. В противном случае истцу предоставляется право взыскать свои деньги с поручителя по его должнике: «... тая порядня повинить, аже в лары не будет в ты ж речи, а исцу знати поручника в своем серебре, кто по ком руку дал».

Таким образом, засвидетельствованию и хранению документов в «ларе святой Троицы» придавалось большое значение в псковской судебной практике.

Высказывается предположение, что при Троицком соборе велись также летописные записи, составлявшиеся на основе особых отчетов или реляций, представлявшихся на вече и хранившихся в псковском «ларе» наряду с другими важными актами.[7]

Таким образом, и летописание было сосредоточено при «ларе святой Троицы». Оно считалось делом политической важности, и для него предоставлялись материалы государственного архива.

Лицо, ведавшее государственным архивом («ларник»), имело большое политическое влияние в Пскове и обладало значительными полномочиями, которыми нередко пользовалось во вред народным массам. Под 1486 г. во Второй Псковской летописи содержится красочный рассказ об игумене Евфимии (в миру Есипе), присланном в Псков новгородским архиепископом Геннадием. Геннадий желал назначить Евфимия «в себе место правителем Пскову», но псковичи «не вдашася в волю его». Летопись приводит биографию неудачного ставленника новгородского архиепископа, стараясь показать, что он уже давно заслужил недобрую славу в Пскове. Оказывается, он был раньше «ларником», «и в той власти много зла народу учини и смяте всем Псковом». Злоупотребления «ларника», действовавшего, повидимому, в контакте с посадниками, вызвали против него в Пскове восстание, во время которого пострадали не только приверженцы Есипа-Евфимия, но и «правые люди». «Ларнику» удалось бежать и постричься в монахи, после чего он начал новую карьеру, уже на церковном поприще, завоевав покровительство новгородского архиепископа. По словам летописи, псковичи «у посадников, и у ябедников, и у правых людий того ради Есипа ларника много посекоша дворов и самого много казнивше, выведоша на посечение, он же убежа и пострижеся».[8]

Итак, из приведенных свидетельств исторических источников выступает в достаточной мере убедительно важное политическое значение в Пскове «ларя святой Троицы» как государственного архива, хранилища документов, вечевой канцелярии, средоточия псковского летописания.

Сохранились ли до нас какие-либо материалы указанного архива? Уже в 1847 г. Мурзакевич напечатал найденный им ценнейший памятник псковского вечевого законодательства — Псковскую судную грамоту.[9] В качестве основного законодательного акта Псковского государства, Грамота, конечно, хранилась в «ларе святой Троицы». Таким образом, ее изучение, как исторического источника, важно для воссоздания архивного наследия Пскова периода его независимости.

---

[7] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. I, Киев, 1908, стр. 799. Псковские летописи, вып. 1, приготовил к печати А. Насонов. Изд-во АН СССР, М. — Л., 1941, стр. 111. А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. «Исторические записки», т. XVIII, стр. 291.

[8] ПСРЛ, т. V, стр. 45.

[9] Псковская судная грамота, изданная на вече в 1467 г. Одесса, 1847.

§ 2. Утверждение Псковской судной грамоты на вече в 1462 г.

В настоящее время чувствуется настоятельная необходимость в пересмотре некоторых утверждений по вопросу о составе и происхождении Псковской судной грамоты, которые давно уже укрепились в нашей исторической литературе и стали сейчас трафаретными. Это, прежде всего, вопрос о датировке Псковской судной грамоты, который до сих пор разрешается всеми исследователями этого памятника довольно шаблонно. В заголовке Грамоты указано, что она составлена «в лето 6905-е», т. е. в 1397 г.[10] Однако эта дата противоречит имеющейся в том же заголовке ссылке на пять соборов. Из других источников известно, что пятый собор устроен в 1462 г.,[11] а шестой — в 1471 г. [12] Отсюда вытекает, что вече, утвердившее Грамоту, должно было собраться в период с 1462 по 1471 г. Большинство исследователей поэтому считает, что в годе произошла ошибка, именно в оригинале была другая цифра — не 6905, а 6975 (1467). Переписчик же опустил числительную букву О (70) и буквенное обозначение 6975 г. превратилось в дату 6905 г. Восстанавливая искаженное чтение, сторонники такого толкования и относят составление Псковской судной грамоты к 1467 г.[13] Другие ученые, не считая нужным прибегать к подобной гипотезе, выходят из противоречия источника другим путем. Именно, они предполагают наличие двух кодификаций, причем первая имела место в конце XIV в. (1397), а вторая — во второй половине XV в. В том тексте, который является продуктом уже второй редакции, уцелела первоначальная дата — 1397 г. Но и при таком понимании все же принималось, что окончательная кодификация псковского права произошла в 1467 г.[14]

Пристальное ознакомление с материалом убеждает меня в необходимости пересмотра этой традиционной схемы. В самом деле, какие доводы можно привести в пользу датировки Псковской судной грамоты 1467 годом? Упоминание «попов всех пяти соборов» могло быть сделано в период с 1462 по 1471 г., но вовсе не обязательно именно в 1467 г. Если предполагать в цифре 6905 какое-то искажение первоначальной даты, то почему именно допускать утрату одной из цифр (О — 70), а не какую-либо иную ошибку? Очевидно, довод в пользу 1467 г. будет убедительным только в том случае, если удастся доказать, что именно в это время в Пскове были какие-то побудительные причины для утверждения на вече Судной грамоты.

Аргументы такого порядка тоже приводятся в существующей лите-

---

[10] Текст Псковской судной грамоты в дальнейшем цитируется по изданию Археографической комиссии: Псковская судная грамота, изд. Археографической комиссии, СПб., 1914. Ссылки делаются по общепринятому делению статей, хотя с ним и не всегда можно согласиться.

[11] ПСРЛ, т. IV, стр. 221.

[12] Там же, стр. 243.

[13] И. Энгельман. Гражданские законы Псковской судной грамоты, СПб., 1855, стр. 9—10. Ф. Устрялов. Исследование Псковской судной грамоты, СПб., 1855, стр. 6. И. Мурзакевич, склоняясь к тому же 1467 г. как дате появления Псковской судной грамоты, несколько иначе объясняет ошибку писца: встретив в оригинале указания на SЦОЕ (6975) год, он, ввиду неясности буквы-цифры О (70), заменил ее цифровой буквой «Ё» (5), «поставив при ней вдвойне и десятичную цифровую букву: «Е» (Псковская судная грамота, изданная на вече в 1467, стр. 6).

[14] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 3-е, Киев-СПб., 1900, стр. 104. М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, изд. 4-е, стр. 48. И. В. Калачов принимал за дату составления Псковской судной грамоты 1397 год (рецензия на издание Мурзакевича 1847 г.: «Москвитянин», 1848, ч. I, Критика, стр. 171—176). Б. Б. Кафенгауз. О происхождении и составе Псковской судной грамоты. «Исторические записки», т. XVIII, стр. 317, 320. Я полностью принимаю 1397 г. как дату первой редакции ПСГ.

ратуре. Говорят, что 1467 г. — критический момент в истории Пскова. В это время из Москвы был прислан в качестве наместника кн. Ф. Ю. Шуйский, который получил новую привилегию — посылать своих наместников во все двенадцать пригородов, тогда как раньше князья пользовались этим правом только в отношении семи пригородов. Псковский летописец отмечает это расширение княжеских привилегий как нововведение: «А посадники псковскии и Псков ему на всех 12 пригородах даша наместников держати и судови судити его наместником, на которых ни буди, а из веков княжии наместники не бывали, колко ни есть князей бывало во Пскове на столу, а наместники княжии были толко на 7 пригородах Псковских».[15] Комментируя летописный текст, исследователи отмечают, что в связи с приездом Шуйского псковичи для ограждения своих прав от княжеского произвола и составили грамоту, на основании старинных обычаев и княжеских постановлений. Указывают, что, согласно летописи, кн. Ф. Ю. Шуйский «крест целова на псковской пошлине». А. И. Никитский, например, находит внутреннюю связь между летописными сообщениями о распространении власти псковского князя на все пригороды и рядом параграфов Псковской судной грамоты.[16] Однако его доводы мало убедительны. Ни одна из статей Грамоты не содержит какого-либо намека на реформу. Так, ст. 5 говорит об обязанности княжого человека приносить присягу («целовать крест») перед своим отправлением в качестве наместника в пригород; на крестоцелование «погородских старост» имеются указания и в ст. 77. Но, во-первых, число пригородов вовсе не определяется, во-вторых, это же обязательство возлагается в одинаковой мере и на псковского посадника, и на городских судей и т. д., т. е. на властей псковских, а не только поставленных князем. Нет никаких данных о числе пригородов, подведомственных княжеским наместникам, и в ст. 79, на которую ссылается А. И. Никитский и в которой упоминаются пришедшие в Псков из пригородов грамоты. Просто указано, что чтение этих грамот поручается не княжескому, а городскому дьяку.

Никитский отмечает еще некоторые статьи изучаемого памятника, которые проникнуты заботой об интересах города Пскова и которые, по его мнению, могли быть внесены в текст Псковской судной грамоты в связи с приездом наместника Ф. Ю. Шуйского. Такова ст. 82, установившая точную таксу взыскания княжеским писцом пошлин за написание различных документов, в то время как, согласно более раннему постановлению (ст. 50), эти пошлины взимались им «по силе». Аналогичный характер носит ст. 81, в силу которой княжеские слуги и городские приставы должны были ездить для производства обыска и вызова свидетелей на равных началах (т. е. вдвоем и пополам делить прогоны). Ранее (ст. 49) в качестве приставов выступали княжеские люди, и только в том случае, если они запрашивали с истца незаконную плату, он мог обратиться к псковским приставам.

Все перечисленные постановления действительно направлены в сторону защиты псковских интересов от возможного их нарушения князем. Но говорить о связи Псковской судной грамоты с реформой 1467 г., расширившей власть князя над пригородами, нет никаких оснований. Вообще надо сказать, что обстоятельства прибытия Шуйского в Псков не представляли собой чего-либо исключительного. Приезду Шуйского предшествовали события, имевшие гораздо более важное значение в истории Пскова. С середины XV в. московские великие князья, стремясь к усиле-

---

[15] ПСРЛ, т. IV, стр. 231.

[16] А. И. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова, СПб., 1873, стр. 252—253.

нию своего влияния в Пскове, стали требовать от князей, приглашаемых на Псковский стол, присяги не только Пскову, но и себе. Под 1443 г. псковский летописец, рассказывая об утверждении одного из князей, впервые употребляет формулу двойной присяги: «... посадиша его псковичи на княжение в святей Троицы... *и целоваше крест ко князю великому Василью Васильевичю и ко всему Пскову и на всей псковской пошлине*».[17] В другой редакции это место читается иначе: «...*Целова крест ко князю великому Василию Васильевичю и ко всему Пскову по псковской пошлине, по князя великого слову и по его воли*».[18]

В начале 60-х годов XV в. псковичи, испытывая громадные трудности в борьбе с немцами и желая получить поддержку со стороны Москвы, сами ставят вопрос о политическом взаимоотношении с московским великим князем. К Василию Темному, в бытность его в Новгороде в 1461 г., было отправлено посольство с «даром» и с челобитьем «о жаловании и о печаловании своей отчины, мужей псковичь добровольных людей...», «...приобижених... от поганых немець». Одновременно послы просили о признании своего князя А. В. Чарторижского «от тебе наместником, а во Пскове князем». Это был политический компромисс. Оставляя за собой инициативу выбора князя и признавая за Москвой право его утверждения в качестве московского наместника, псковичи тем самым рассчитывали создать добрые отношения с московским князем, получить от него военную помощь и в то же время в какой-то мере сохранить свою псковскую «пошлину». Князь Василий Васильевич согласился на псковские предложения, обещав свое покровительство и содействие в борьбе с немецкими нападениями: «Аз вас, свою отчину, хощу жаловати и боронити от поганых». Признание наместником князя Александра Чарторижского было обусловлено принесением с его стороны присяги московскому князю и его наследникам: «А что ми глаголете о князи Александре Черторизском, и о том вас, своих людей и свою отчину, жалую: отпущу вам князя Александра, аже токо поцелует животворящий крест ко мне, князю великому, и к моим детям, к великим князем, что ему зла на мене и на моих детей не мыслити, ино вам буди князь, а от мене наместник». Соглашение Пскова с Василием Темным не состоялось в силу того, что московские условия отклонил сам Чарторижский. Он отказался принести требуемую присягу и, по словам летописи, заявил: «Не слуга де яз великому князю и не буди целование ваше на мне и мое на вас; коли не учнуть псковичи соколом вороны имать, ино тогда де и мене Черторизского воспомянете».[19]

Вскоре после этого взаимоотношения Пскова и Москвы вступают в новый фазис: инициатива выбора наместников из рук псковичей переходит в руки великого князя. В 1461 г., после вторичного посольства псковичей к князю Василию Васильевичу, на этот раз в Москву, закончившегося как будто новым признанием «пошлины», в Пскове неожиданно появился, в качестве наместника, князь Владимир Андреевич, «не по псковскому прошению, ни по старине», а по московскому назначению. Это нововведение, ломавшее привычную старину, скоро привело к конфликту между вновь назначенным наместником и Псковом. Псковичи прогнали князя Владимира Андреевича, столкнув его с помоста («степени»), который занимали во время вечевых собраний псковские власти. Подобная расправа с князем была мотивирована тем, что он «приеха не по псковской

---

[17] ПСРЛ, т. IV, стр. 212. Курсив мой. — *Л. Ч.*

[18] Псковские летописи, вып. I. Приготовил к печати А. Н. Насонов. Курсив мой. — *Л. Ч.*

[19] Там же, стр. 58. ПСРЛ, т. IV, стр. 219.

старине, псковичи не зван, а на народ не благ». Лишившись псковского стола, московский наместник «с бесчестьем» отправился в Москву «жалитися на псковичь», и туда же были посланы послы из Пскова для объяснения с великим князем по поводу происшедшего инцидента.

В это время на московском великом княжении Василия Темного сменил его сын Иван III Васильевич. Иван III согласился на некоторые уступки. «Подивив» на действия псковичей, отказавшись в наказание за самоуправство пускать их перед свои очи в течение трех дней, он затем признал псковскую «старину» и возвратил Пскову право выбора князей: «И князь великий отчину свою жаловал Пскова добровольных людей по старине: которого князя хощете, и яз вам того дам».[20] Это не было отступлением Ивана III от политики его отца, стремившегося к последовательному усилению московского влияния в Пскове,— это был только некоторый пересмотр средств такой политики. Сохранив за Псковом видимость инициативы в избрании наместников, великий князь оставлял за собой право регулировать этот выбор последующей санкцией.

Мне кажется, что период с 1461 по 1463 г., с момента нарушения Москвой псковской «старины» в отношении возможности подбирать кандидатов на свой стол и до того, как это право было восстановлено, является наиболее вероятным временем составления Псковской судной грамоты. Вопрос о ней был поставлен, повидимому, накануне неудачного княжения Владимира Андреевича, а во время него или же после изгнания этого князя, когда наступил конфликт с Москвой, могла состояться кодификация.

Таким образом, надо отказаться в отношении Псковской судной грамоты от недостаточно обоснованного, хотя и освященного историографической традицией и вошедшего в учебники, 1467 г. и остановиться на 1462 г. Именно в свете событий этого года легче всего понять значение и смысл целого ряда статей изучаемого памятника, регулирующих взаимоотношение псковских выборных властей и княжеских чиновников, а также действия последних: ст. 5 — о принесении присяги Пскову княжеским пригородным наместником; ст. 78—79, стремящихся обезвредить княжеское влияние в разрешении земельных тяжб; ст. 81, пытающейся примирить интересы и уравновесить значение княжеских и псковских приставов; ст. 82, ограничивающей произвол княжеского писца во взыскании пошлин с судебных и других документов, и т. д.

Но в пользу 1462 г. как момента возникновения Псковской судной грамоты говорит, по-моему, еще один документ, на который исследователи не обращали должного внимания. Это послание в Псков митрополита Ионы. В издании «Актов исторических» оно помещено под 1455—1461 гг., но при его переиздании в «Русской исторической библиотеке» дата была уточнена. Исходя из упоминания Ионой совместного посольства к великому князю в Москву из Новгорода и Пскова, что имело место, по сведениям летописей, в 1461 г., издатели справедливо отнесли источник к этому именно году.[21] Послание адресовано к псковским посадникам, духовенству, боярам, купцам, житьим людям «и к всему православному християньству». Митрополит начинает с молитвы о псковичах: «Да восприимете... многолетьственное здравие, и живот, и пребывание мирно, и устроение недвижно, по вашему от бога желанию и по вашей правости, как будете каждый по своему християньству жити, *как то пошло у вас, ваша добрая старина, от великого князя Александра*» (курсив мой.— *Л. Ч.*). Останавливаясь на последнем имени, исследователи отмечали, что это, очевидно, тот самый князь Александр, грамоту которого как свой источник

---

[20] ПСРЛ, т. IV, стр. 221—222. Псковские летописи, вып. I, стр. 61—63.
[21] АИ, т. I, стр. 107—108, № 60; РИБ, т. VI, № 90, стб. 673—678.

называет Псковская судная грамота, и интерпретировали данные послания исключительно с точки зрения эпитета «великий князь». Спор шел лишь о том, какого из псковских Александров Иона мог назвать великим князем: Александра Невского или Александра Михайловича тверского?[22] Мне кажется, что интерес документа заключается не только в этом, но и в другом, что осталось совершенно не замеченным в литературе. Интересно, почему вдруг в Москве, как раз в 1461 г., был поднят митрополитом вопрос о порядках при псковском князе Александре, пока безразлично каком, во всяком случае при том князе, от которого псковичи вели свою «старину»? Это становится ясным из внимательного анализа послания. Иона вспомнил псковскую «старину», пошедшую от князя Александра, не случайно, а в связи с тем, что в Москве в это время были, как уже говорилось выше, псковские послы о «земьскпх делех». Они обращались к митрополиту с просьбой «печаловатися» об их нуждах великому князю. И вот Иона и счел необходимым заверить псковичей, что московский князь Василий Васильевич «жалованье свое *по той же по вашей доброй старине держит о всем*» (курсив мой. — *Л. Ч.*). В силу этого он требовал и от псковичей, чтобы они в свою очередь выполняли в отношении великого князя те условия, которые он выдвинул перед послами: «А на чем есте, сынове, рькли к нашему сыну, а к своему отчичю и дедичю, к великому князю, и в том бы то есте к нему о всем правили и стояли в том».

В сопоставлении с летописями не совсем понятные сообщения послания получают разъяснение. Летописец говорит, что послы, возвратившись в Псков, заявили, что «князь великой свою отчину жалует, добровольных людей врекается боронити и стояти за дом святыя Троица и за мужей псковичь». И сразу после такой декларации летопись сообщает о присылке, вразрез с договором, князя Владимира Андреевича «не по псковскому прошенью, ни по старине».[23] Вот в чем, следовательно, состояло нарушение «старины»: в назначении наместника не по желанию Пскова. Об этой «старине», очевидно, речь шла в Москве, и ее псковичи подтверждали ссылкой на порядки, установившиеся еще при князе Александре, подобно тому, как новгородцы, в подтверждение своих привилегий, ссылались на знаменитые грамоты Ярослава. Другой вопрос, действительно ли реальное содержание Александровых грамот отвечало тому, что вкладывали в них псковичи? Остается бесспорным одно, что во время пребывания в Москве в 1461 г. псковские послы, ведя переговоры с Василием Темным, свои права аргументировали указанием на старинный уклад времени князя Александра, и естественно, что после нарушения договора Москвой возник вопрос о кодификации на основе того права, которое сложилось со времени названного князя. Это и произошло в 1462 г.

Моя гипотеза о 1462 г. как моменте составления Псковской судной грамоты гораздо проще, чем это делалось обычно, объясняет и возможное искажение той даты, которая имеется в дошедшем до нас тексте. В самом деле, в переводе на эру от «сотворения мира» 1462 г. составит 6970 г. Буквенное обозначение числа 6970 складывается из трех знаков: —SѮО. После этих знаков в оригинале стояла буква «Е», лишенная цифрового значения и указывавшая на то, что буква «О» представляет собой порядковое числительное. В силу близости начертаний «О» и «Е» вполне допустимо, что одна буква легко может быть написана вместо другой. Поэтому весьма вероятно, что имеющаяся в Грамоте дата SѮE (6905) произошла из первоначальной цифры SѮО (6970) путем простой, случайной и ошибочной

---

[22] Об этом подробнее см. ниже.
[23] ПСРЛ, т. IV, стр. 221.

замены знака Ѳ (70) знаком Ѣ (5). Второе «Е», лишенное цифрового значения, осталось. Во всяком случае, подобное объяснение более правдоподобно, чем пропуск одной буквы в ее числовом значении.[24]

§ 3. Запись текста Псковской судной грамоты, отправленного в Москву в 1474 г.

Следующий вопрос, который не поставлен в полной мере в существующей литературе о Псковской судной грамоте, это вопрос о том, воспроизводит ли сохранившийся список памятника текст кодекса 1462 г. (по прежней версии — 1467 г.), или же более позднюю запись? Обычно исследователи считали, что на вече в 1467 г. были приняты 108 статей Псковской судной грамоты, а ст. 109—120 представляют собой позднейшие дополнения к утвержденному вечем в 1467 г. сборнику законов.[25] Поправку в эту традиционную схему внесла М. К. Рожкова, убедительно доказавшая, что последняя (по занимаемому порядковому месту) часть Псковской судной грамоты (ст. 109—120) заключает в себе наиболее ранние (по времени возникновения) правовые нормы и является, следовательно, одним из самых древних источников кодекса 60-х годов XV в. Таким образом, М. К. Рожкова отрицает наличие в дошедшем до нас списке дополнений к вечевому законодательству 1467 г. (согласно моей гипотезе — 1462 г.). Но вопрос о том, в какой мере точно текст правового сборника этого года сохранился в Воронцовском списке Грамоты, ею не поднимается.[26]

Мне кажется, что путем параллельного изучения Псковской судной грамоты и псковских летописей можно весьма убедительно доказать, что текст 1462 г. претерпел некоторые изменения в 70—80-х годах XV в. Я, прежде всего, обращаю внимание на заголовок нашего памятника. Сличив его с начальными строками Новгородской судной грамоты, мы легко убедимся, что этот заголовок не производит впечатления официальной вводной формулы к вечевому законодательству.

Псковская судная грамота	Новгородская судная грамота[27]
Ся грамота выписана из великого князя Александровы грамоты, и из княж Костянтиновы грамоты. и изо всех приписков псковских пошлин, по благословению отец своих попов всех 5 соборов, и священноиноков, и дияконов, и священноиноков (священников), и всего божиа свяшеньства, всем Псковом, на вечи, в лето 6905-е.	Доложа господы великих князей, великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и сына его, великого князя Ивана Ивановича всея Руси, и по благословению нареченного на архиепископство Великого Новагорода и Пскова священноинока Феофила, се покончаша посадникы ноугородцкие, и тысятцкие ноугородцкие, и бояря, и житьи люди, и купци, и черные люди, вся пять концов, весь господарь Великий Новгород на вече на Ярославле дворе.

В заголовке Псковской судной грамоты, по сравнению с текстом Новгородской, бросается в глаза не только отсутствие ссылки на доклад

---

[24] Если принять мои соображения, то совпадение искаженной даты в дошедшем до нас списке с датой ранней редакции ПСГ является закономерным: SЪЕ исправлено на SЪО, а SЪО снова превратилось в SЪЕ.

[25] И. Энгельман. Указ. соч., стр. 8. А. И. Никитский. Указ. соч., стр. 250—251. Н. Дювернуа. Источники права и суд в древней Руси, стр. 296.

[26] М. К. Рожкова. К вопросу о происхождении и составе Псковской судной грамоты, Л. — М., 1927, стр. 33—36.

[27] ААЭ, т. I, стр. 69, № 92. М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. I, изд. 6-е, стр. 172.

великому князю. Этой ссылки и не могло быть, как ее не было первоначально и в Новгородской судной грамоте. Только в 1471 г., по Коростынскому договору, Иван III велел переписать Новгородскую грамоту на великокняжеское имя («А что грамота доканчальная в Новгороде промеж себя о суде, ино у той грамоты быти имени и печати великих князей»)[28]. Интереснее другое: то, что в Псковской судной грамоте отсутствует характерный для новгородско-псковских официальных документов формуляр: «се даша», «се докончаша», «се урядишася» и т. д. Необычно и то место, которое занимает дата. В других подобных памятниках она, как правило, или заканчивает весь текст (например, Белозерская уставная грамота 1488 г.),[29] или, наоборот, открывает его (Судебники).[30] Заголовок Псковской судной грамоты носит характер скорее какого-то вводного комментария к тексту, своего рода объяснительной записки к нему. Ударение сделано не на правовой значимости памятника как акта текущего законодательства («докончание», «уряжение» и пр.), а на его источниках, на исторических корнях содержащихся в нем правовых норм. Подчеркивается, что Грамота представляет собой выписку из старинных княжеских уставов и местных пошлин, и дата этой выписки упомянута скорее как историческое примечание. Комментируя содержание заголовка, М. К. Рожкова сопоставляет Псковскую судную грамоту с сотными выписями.[31] Мне кажется, что подобная аналогия носит чисто внешний характер и мало что объясняет. Но обращаясь к летописям, мы можем найти там материал для ответа на вопрос: когда и для каких целей потребовался такой вводный комментарий к кодексу 1462 г., так как заголовок, очевидно, несовременен самому кодексу.

В 70-х годах XV в. мы находим в Пскове в качестве московского наместника князя Ярослава Васильевича Оболенского. В своей судебной деятельности он стал нарушать псковскую старину: «Нача у Пскова просити и суд держати не по псковской старине, на ссылку вдвое езды имати и по пригородом его наместником княжая продажа имати обоя, такоже и денги наместничи». При разборе жалоб псковичей Иван III решил руководствоваться «пошлинными грамотами... прежних князей великих» Пскову и в 1474 г. потребовал их представления. Но когда псковичи выполнили предписание московского великого князя и доставили требуемые документы, он отверг их, заявив: «...что деи то грамоты не самых князей великих, и вы бы есте то все князю Ярославу освободили, что он у вас ныне просит».[32] Исследователи, считая, что речь в летописи идет об уставах тех самых князей, на основе которых возникла Псковская судная грамота, использовали это место только для решения вопроса о личности князей-законодателей. Если Иван III не принял во внимание грамот, на которые ссылались псковичи, из-за того, что они принадлежали не великим, а местным псковским князьям, то, очевидно, в упомянутом Псковской судной грамотой Александре нельзя видеть Александра Ярославича Невского, а следует предполагать Александра Михайловича тверского.[33] Между тем смысл ответа Ивана III совсем иной, и правильная его интерпретация дает основание для некоторых гораздо более важных и интересных выводов. В самом деле, ударение падает, очевидно,

---

[28] ААЭ, т. I, стр. 68—69, № 91.

[29] Там же, стр. 94, № 124; М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. 2, стр. 80.

[30] АИ, т. I, стр. 148, № 105. М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. 2, стр. 82.

[31] М. К. Рожкова. Указ. соч., стр. 7.

[32] ПСРЛ, т. IV, стр. 250.

[33] А. И. Никитский. Указ. соч., стр. 106—107.

не на слова «*великих* князей», а на слова «*самых* князей». Грамоты были отклонены, следовательно, не в силу того, что они исходили от удельных князей, а потому, что это были не подлинные тексты княжеских уставов, а не что иное, очевидно, как та выписка из них, о которой говорит Псковская судная грамота. Мне кажется, дело следует представлять себе следующим образом: вопрос о «псковской старине», как мы видели выше, поднимался уже в Москве в 1461 г., при жизни отца Ивана III — Василия Темного. Но в то время, как видно из послания Ионы, эта «старина» не аргументировалась ссылкой ни на какие письменные документы. В 1474 г. московский великий князь пожелал уже ознакомиться с теми грамотами Александра и других князей, к которым все время апеллировали псковичи. Что же псковичи сделали? Они не направили в Москву подлинных текстов, а вместо этого послали туда Псковскую судную грамсту, снабдив ее специальным вводным комментарием, составленным в этом году. Заголовок намеренно подчеркивал: 1) что Псковская судная грамота утверждена на вече в 1462 г., как раз накануне примирения с великим князем, закончившего конфликт по поводу изгнанного из Пскова наместника Владимира Андреевича, когда Иван III вернулся в своей политике к признанию псковской «старины»; 2) что текст Псковской судной грамоты выписан из уставов прежних князей и приписок к ним местных пошлин. Отсюда и выражение —«пошлинные грамоты».

Правильность моей точки зрения достаточно убедительно доказывается текстуальными сопоставлениями. Иван III требует «*прежних князей великих грамоты пошлинныя*».[34] Заголовок Псковской судной грамоты указывает, что «ся грамота выписана из *великого князя* Александровы грамоты и из княж Костянтиновы грамоты и изо всех приписков псковских *пошлин*». А ст. 108, говоря о возможных в будущем дополнениях и изменениях текста памятника, называет его «*пошлинной грамотой*»: «а которой строке *пошлинной грамоты* нет...»

Выдвинутая гипотеза вполне подтверждается сопоставлением характера разногласий между псковичами и Ярославом Васильевичем, о которых говорит летопись, с содержанием Псковской судной грамоты. Совершенно очевидно, что, возражая против нововведений московского наместника, псковичи ссылались как раз на соответственные параграфы Псковской судной грамоты. В чем обвиняли Ярослава? Из вышеприведенной цитаты видно, что речь шла о судебных штрафах и особом налоге для пригородных княжеских наместников (наместничьи деньги), а также об увеличении прогонов княжеских приставов. Этих же вопросов касаются и многие постановления Псковской судной грамоты (ст. 49, 64—65, 80, 81).

Между прочим, интересно в этом отношении присмотреться к ст. 1, где говорится о делах, подведомственных княжескому суду, и устанавливается норма взыскиваемой продажи. Текст явно испорчен, и поэтому он доставлял много трудностей комментаторам. Обращает внимание следующее место. После слов: «А княжая продажа [за разбой, находъ, грабеж] 19 денег», следует фраза: «да 4 денги князю и посаднику». Она производит впечатление приписки, притом настолько неискусной, что некоторые исследователи (например, П. Е. Михайлов), исходя из знаков препинания рукописи, относили слова «князю и посаднику» к началу следующей (второй) статьи.[35] Мне кажется, что эта приписка могла быть сделана

---

[34] ПСРЛ, т. IV, стр. 250. Курсив мой. — *Л. Ч.*

[35] П. Е. Михайлов. Юридическая природа землепользования по Псковской судной грамоте, СПб., 1914, стр. 127—128. Его же. Новые данные для комментария Псковской судной грамоты. Известия Отд. русск. яз. и слов. Академии Наук, т. XVIII, кн. 2, 1913, стр. 133.

в 1474 г. как некоторая уступка Ярославу Васильевичу в вопросе расширения судебных штрафов в пользу князя и его окружения. Упоминание вместе с князем посадника было компромиссом.[36]

Дальнейшее летописное изложение обстоятельств конфликта между Псковом и князем Ярославом Васильевичем вскрывает и некоторые дополнительные требования великокняжеского наместника. О них идет речь под 1475—1476 гг. Во время похода Ивана III в указанные годы на Новгород туда явились псковские послы с новой жалобой на Ярослава. По их просьбе Ярослав был вызван в Новгород великим князем. Дело было решено не в пользу Пскова. Псковичам был объявлен великокняжеский указ: «Чтобы есте которое будете преступили перед князем Ярославом, и вы бы есте ему челом добили, такоже бы есте князю Ярославу денгу наместничю освободили, и езды вдвое, и продажи по пригородом наместником имати княжия, и нивнии судове по старине, судити всякая копная, и изгородное прясло, и коневыя валища, а не учините тако, то ведает государь ваш великой князь».[37] В этом тексте дополнительно к тому, что было уже сказано о новшествах Ярослава Васильевича, упоминается о его стремлениях к расширению княжеского суда в области земельных дел («нивнии судове», «копная», «изгородная прясла»). Защищая свою старину в этом направлении, псковичи опять-таки могли ссылаться на соответственные статьи Псковской судной грамоты. Так, в ст. 9—12 этого памятника речь идет о земельных тяжбах, в частности о судебных спорах по поводу «нив розстрадных», т. е. об интересующих Ярослава Васильевича «нивних судах».

Нам нет надобности останавливаться для нашей темы на всех деталях борьбы между Псковом и великокняжеским наместником, вылившейся в 1477 г. в вооруженное столкновение между псковичами и князем Ярославом, закончившееся отзывом последнего в Москву.

Основной мой тезис сводится к тому, что в 1474 г. была произведена запись текста Псковской судной грамоты, составленной в 1462 г., с соответствующим вводным комментарием, по непосредственному указанию из Москвы, заинтересовавшейся реальным содержанием псковской «старины».[38]

Кроме приведенных выше соображений серьезным аргументом в пользу этого тезиса является то обстоятельство, что аналогичный интерес в те же самые годы проявило московское правительство и в отношении документов, фиксирующих новгородскую «старину». В 1471—1476 гг., в связи с походами Ивана III на Новгород, в Москве был составлен сборник новгородских и двинских документов, в который вошли тексты некоторых договоров Новгорода с московскими князьями и с Литвой, Двинская уставная грамота, Новгородская судная грамота и т. д.[39] Подбирая названные документы, московское правительство стремилось опереться на них в своей борьбе с новгородским укладом. Новгородцы, защищая свои порядки, ссылались на «старину». Московский князь доказывал, подтверждая свои доводы текстами, что Великий Новгород сам отступил от «старины», неоднократно нарушая свои обязательства, записанные в договорных грамотах.

---

[36] Может быть, текст испорчен, и вместо «посаднику» первоначально было «наместнику».

[37] ПСРЛ, т. IV, стр. 251.

[38] Близки к моей точке зрения и выводы Б. Б. Кафенгауза. К вопросу о происхождении и составе Псковской судной грамоты. «Исторические записки», т. XVIII, стр. 321—323.

[39] Об этом сборнике см. подробно в гл. VI.

Те же побудительные мотивы в те же самые годы (1474—1476) вызвали московское требование Пскову о представлении «пошлинных грамот». И поэтому список Псковской судной грамоты является такой же выборкой псковских документальных материалов государственной важности, как и сборник новгородских и двинских грамот. В Пскове, как и в Новгороде, в борьбе местной «старины» с политическими притязаниями московского великого князя фигурировали летописи, фигурировали и акты. В Новгороде знатоком летописей выступал Иван III, который привез с собой дьяка Степана Бородатого, умевшего «говорити по летописцом Руским». Псковичи сами прибегали к летописцам и искали в них подтверждения своих прав. Это видно из событий последнего года самостоятельной истории Пскова. Уже в 1510 г., когда по звону вечевого колокола дьяк великого московского князя Третьяк Долматов взошел на вече, посадники и псковичи стали ему говорить: «Тако у нас написано в летописцех, с прадеды и деды и со отцем его крестное целование с великими князми положено, что нам, псковичем, от государя своего великого князя, кой ни будет на Москве, и нам от него не отоити ни в Литву, ни в Немцы; а нам жити по старине, в добровольи...»[40] Но еще задолго до падения Пскова, в 70-х годах XV в., наряду с летописцами, документом, по поводу которого шла дискуссия, являлась выборочная сводка псковского права, известная под именем Псковской судной грамоты.

Я считаю особенно важным вывод о том, что Новгородско-двинский сборник документов и запись Псковской судной грамоты, утвержденной в 1462 г. на вече, появились одновременно в 70-х годах XV в. и в одних и тех же целях. Эту внутреннюю связь изучаемых памятников дают возможность проследить псковские летописи. В конце 1474 г. в Псков приехал наместник князь Ярослав Васильевич Оболенский, насилия которого заставили псковичей обратиться к Ивану III и отправить к нему на рассмотрение запись Псковской судной грамоты, отвергнутую великим князем в качестве документа, которым могла бы быть обоснована псковская «старина». В начале 1475 г. московский великий князь, по вторичному псковскому челобитью, обещал прислать в Псков своего посла «о тых управах». В конце 1475 г. Иван III поехал «на суд и на управу» в Новгород,[41] причем в связи с этой поездкой был приготовлен сборник документальных материалов, и на его страницах, специально для судопроизводства в Новгороде, был скопирован (в московской редакции) текст Новгородской судной грамоты. Во время пребывания московского князя в Новгороде туда прибыли сначала псковичи с жалобой на своего наместника, а затем и наместник князь Ярослав.

Ситуация, сложившаяся в Новгороде, отличалась от социально-политической обстановки в Пскове. В Новгород Ивана III призвали «молодшии сами», притесняемые «посадниками и великими боярами», которые «на них насилье держат».[42] В их глазах московский великий князь выступал носителем правого суда, и, занимая эту позицию, он желал обставить свое судопроизводство соблюдением существовавших в Новгороде правовых форм и норм. Отсюда — обращение к Новгородской судной грамоте.

В Пскове с челобитьем по поводу неправомерных действий Ярослава выступают от имени «всего Пскова», т. е. Псковского веча, посадники, бояре и «сыны посадничьи».[43] Они отстаивают перед Иваном III свою «старину», считая, что Ярослав нарушает основы их права, зафиксиро-

[40] ПСРЛ, т. IV, стр. 285. Псковские летописи, вып. I, стр. 111.
[41] ПСРЛ, т. IV, стр. 250.
[42] Там же, стр. 251.
[43] Там же.

ванные в Псковской судной грамоте: «он над всем Псковом чинит насилие великое, тако и его наместники по пригородом и по волостем».[44] Великий же князь московский, вместо того, чтобы следовать в области суда «своим старинам, как его прародители держали свою отчину Псков», т. е. княжеским грамотам и местным «пошлинам», записанным в тексте Псковской судной грамоты, противопоставлял псковским требованиям свое понимание «старины». Он считал себя вправе «суд творити своим послом по его засылным грамотам»[45].

Псковичи расковали тех людей, которых «бессудно поковали» наместники в пригородах и отказались выдать их послам Ивана III, следующим образом мотивируя свой отказ: «Тех не можем выдати по пошлине и старине с нашими с прежними осподари, то люди *правии*».[46] Подобный довод был вполне уместен, если исходить из текста Псковской судной грамоты, ст. 5 и 77 которой требовали присяги от пригородных наместников и посадников в том, что им «судить *прямо* [или: *право*] по крестному целованию».

Но и Иван III, ведя политическую дискуссию с Псковом, ссылался на тот же источник — Псковскую грамоту, хотя и не признавал ее грамотой «князей великих». Недовольство псковичей Ярославом Васильевичем вылилось в 1477 г. в вооруженное столкновение с ним. Узнав об этом, Иван III заявил: «Коли толко отчина наша тако учинили, что на двор нашего наместника, а своего князя Ярослава Васильевича *находили*, ино то сама из старины выступила, а не яз князь великой».[47] Ст. 1 Псковской судной грамоты причисляет «*находу*», «разбой», «грабеж» к числу преступлений, подлежащих каре, в виде княжеской продажи.

Я подробно остановился на событиях, происшедших в 70-х годах в Пскове, так как они объясняют появление записи Псковской судной грамоты, которая была утверждена на вече в 1462 г., но к тексту которой обращались в политических целях и в 1474—1477 годах.

Запись в 70-х годах в Пскове местного права объясняется не только тем, что в это время был в острой форме поставлен вопрос о взаимоотношениях между Псковом и великим московским князем. Тогда же псковичи провели ряд мероприятий в области организации церковного суда и его разграничения с судом светским. Летопись рассказывает, что в конце 1468 г. псковское духовенство («священноиноки и священники, вся 5 соборов и все божие священство») подняло на вече вопрос о необходимости составления особой выписки из Номоканона, которая служила бы руководством в церковном управлении и суде: «Попромежи себе хотим, по правилом святых отець и святых апостол, во всем священстве крепость поддержати, а о своем управлении, как нам по Номоканону жити». Духовенство указывало псковским посадникам и вечу на случаи неоднократного вмешательства светских властей в церковные дела. Санкционировав составление подобной грамоты, касающейся вопросов церковного суда и управления и основанной на положениях Номоканона, псковские посадники и вече тем самым устранялись от участия в церковных делах. Это обстоятельство также отмечает летопись, рассказывая о выступлении на вече псковского духовенства: «А вы ся в то иное и миром вступаете, а через святых апостол и святых отець правила, а в том, сынове, и на вас хотим такову же крепость духовную поддержати». «И Псков им отвечал: то ведаете вы, все божие священство, а мы вам поборники на всяк благ

---

[44] ПСРЛ, т. IV, стр. 253.
[45] Там же.
[46] Там же, стр. 254.
[47] Там же, стр. 255. Курсив мой. — *Л. Ч.*

совет». В результате был выработан, в соответствии с Номоканоном, текст особой грамоты «о своих священнических крепостех и о церковных вещех». Эта грамота была положена в качестве акта большой важности в псковский государственный архив («ларь»).[48] Для руководства церковным управлением были выбраны два попа.

Этот акт псковского духовенства, получивший вечевую санкцию, встретил возражения со стороны новгородского архиепископа Ионы, который потребовал уничтожения грамоты: «Яз тое сам хочю судити здесь, а вы бы есте тую грамоту вынем подрали».[49] Иона сделал доклад московскому митрополиту Филиппу, который отменил новое церковное управление и потребовал уничтожения грамоты. По словам летописи, «все ... священство, и весь Псков... свою крепостьную ларную грамоту, вынемше, подрали..., каа была из Намаканона писана, а лежала в лари тая грамота положена год да полтретья месяца».[50]

Распоряжение митрополита Филиппа, изложенное в его грамоте, присланной в Псков со специальным «человеком», по имени Глеб, представляло собой такой же акт вмешательства Москвы во внутренние псковские дела по церковной линии, как и действия московского наместника кн. Ярослава Васильевича Оболенского по линии светского суда и управления. Если и псковичи, и Иван III обращались во время своих споров к тексту Псковской судной грамоты, то этот памятник не мог быть оставлен в стороне и при обсуждении на вече церковных вопросов. После того как была «подрана» грамота, положенная в «ларь» псковским духовенством, приобретали особенно важное значение статьи Псковской судной грамоты (2, 109), посвященные вопросу о разграничении суда владычного наместника, с одной стороны, князя, посадника и псковских судей — с другой. Митрополит требовал, чтобы после упразднения управления выборных священников, «тое управление священническое, как священники, тако и весь Псков на своего богомольца на архпепископа положили».[51] А памятником, определявшим круг подведомственных этому суду лиц, была Псковская судная грамота.

Следует также отметить наличие в Псковской судной грамоте статей, касающихся тяжб о церковных землях (ст. 68, 70). В связи с этим интересно указать, что в 70-х годах в Пскове эти статьи должны были представлять особый злободневный интерес, так как в это время там остро стоял вопрос о церковных землях. Летопись под 1471 г. говорит о том, что многие монахи и светские люди, при помощи посадников и веча, начали отнимать церковные вклады. Особенно подробно летопись останавливается на эпизоде с отобранием земли у Троицкого собора. «Забывшие страх божий», «человецы» «начаша воздвизатися и препростую чать воздымати по миру на самую соборную и апостольскую церковь, на дом святыя Троица, истязуя от нея воды и земля, даныя в наследие божие, в дом святыя Троица».[52] Посадники и «весь Псков», по вечевому приговору, взяли у Троицкого собора земельный вклад, принадлежавший когда-то одному из псковских посадников, и передали его претендовавшему на землю монастырю. В основе этого рассказа лежит какая-то запись, составленная при Троицком соборе, поэтому мы находим на страницах летописи горячее обличение тех, кто «безстудством и злобою» допускает подобные неправомерные действия. Но в «ларе» при том же Троицком соборе находился важный памятник псковского вечевого законодатель-

[48] ПСРЛ, т. IV, стр. 232.
[49] Там же.
[50] Там же, стр. 233.
[51] Там же.
[52] Там же, стр. 238.

ства — Псковская судная грамота, некоторые постановления которой непосредственно касались тех земельных столкновений, от которых в 70-х годах пострадала «святая Троица».

§ 4. Московская редакция Псковской судной грамоты 1484—1486 гг.

Естественно возникает вопрос: если сборник новгородских и двинских грамот имеет московское происхождение, если по тексту Новгородской судной грамоты прошлась московская редакторская рука, то что в этом отношении можно сказать по поводу Воронцовского списка Псковской судной грамоты? Отражает ли он псковскую или московскую редакцию? Мне кажется, есть основания для решения вопроса в последнем смысле.

Б. Д. Греков правильно отмечал, что в Псковской судной грамоте чувствуется московское влияние, только он считал, что до нас сохранился текст, выработанный в 1467 г. «Трудно представить,— говорит Б. Д. Греков,— чтобы Москва не коснулась, так сказать, основных законов Пскова, регулировавших внутреннюю жизнь его. Так называемая Псковская судная грамота, утвержденная на вече в 1467 г., в момент, когда Москва уже фактически хозяйничала в Пскове, не могла пройти через вечевое утверждение без предварительной московской редакции».[53]

Я уже выше указывал, что перед нами кодекс 1462 (а не 1467) года в записи 1474 г. Постараюсь показать, что и эта запись 70-х годов воспроизводится Воронцовским списком не в первоначальном виде. Возможно, что уже в 80-х годах XV в. сделанная в Пскове в 1474 г. запись текста подверглась некоторым изменениям, которые чувствуются в сохранившемся списке.

В Псковской 1-й летописи под 1484 г. указано, что псковские посадники вместе с князем Ярославом Васильевичем написали какую-то новую грамоту без ведома веча и положили ее на хранение в государственный архив («ларь»).[54] Относительно этого летописного места в литературе имеются различные комментарии, главным образом применительно к тому вопросу о смердах, который был в это время поднят в Пскове. Думают, что речь шла о замене какой-то специальной грамоты, определявшей повинности смердов, новым документом. Исследователи исходят из следующего текста: «Того же лета (6992) смердов посадиша на крепость в погребе; а посадников из заповеди закликаша, что грамоту новую списали и в ларь вложили на сенях со князем Ярославом, а Псков того не ведает».[55]

Таким образом, о написании грамоты летопись говорит в контексте с заключением в погребе смердов и вынесением смертного приговора в отношении посадников. Отсюда делается вывод, что посадники, по соглашению с наместником, заменили старую грамоту, определявшую повинности смердов, новою, составленною в более благоприятном духе. Это было сделано в соответствии с политикой Ивана III, старавшегося использовать классовые противоречия в Пскове и привлечь на свою сторону смердов. Никитский считает, что псковский наместник и посадники допустили при составлении грамоты «самый грубый подлог».[56] Советский

---

[53] Б. Д. Греков. Земледелец и землевладелец в Пскове XV в. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 5, стр. 56.

[54] ПСРЛ, т. IV, стр. 266.

[55] Там же.

[56] А. И. Никитский. Указ. соч., стр. 283. С. Н. Чернов также видит в действиях псковских властей «граничащий с подлогом обман» (С. Н. Чернов. Заметки о псковских смердах и волнениях 80-х годов XV в. «Исторический сборник», т. I, в серии «Труды Горьковского Гос. педагогич. института им. А. М. Горького», т. III, 1939, стр. 18). С. В. Юшков говорит о «фальсификации» (С. В. Юшков. Псковская аграрная революция XV в. «Известия научного общества марксистов», 1928, № 3 (11), стр. 257).

исследователь Б. Д. Греков отмечает, что никакого подлога не было, что летопись подчеркивает лишь «сепаратные действия [боярского] совета, который вместе с наместником московским князем Ярославом составил новую смердью грамоту без ведома веча».[57] Вече в ответ на эти действия арестовало смердов, а посадников приговорило к смерти.

Подобные толкования не совсем верно передают сообщение летописи и в некоторых отношениях умаляют его значение. О какой «новой грамоте» идет речь? Весь контекст комментируемого источника показывает, что этот эпитет «новый» противопоставляет акт, составленный и положенный в архив («ларь»)Троицкого собора князем Ярославом совместно с псковскими посадниками, тем «пошлинным грамотам», о которых в острой форме поднимались дебаты между Иваном III и псковичами в 70—80-х годах XV в. Таким образом, дело обстояло гораздо серьезнее, чем это обычно принято думать. Не единичный документ, затрагивающий частный, хотя и очень серьезный («смердий») вопрос, подвергся изменениям, а основной текст псковского законодательства — «пошлинные грамоты», составившие основу кодекса 1462 г., или — другими словами — Псковская судная грамота. Самовольные действия посадников и князя противоречили ст. 108 основного закона, которая гласила: «А которой строке пошлинной грамоты нет, и посадником доложить господина Пскова на вечи, да тая строка написать. А которая строка в сей грамоте нелюба будет господину Пскову, ино тая строка волно выписать вон из грамоты». Именно поэтому в ближайшие годы (1484—1486) в Пскове произошли серьезные внутренние столкновения, вызвавшие неоднократные посольства в Москву. Вопрос о смердах был частностью — речь шла об общей перестройке старинного вечевого уклада. Дело было не только в содержании «новой грамоты», но и в самом факте нарушения старинного вечевого права утверждать своею санкциею новые законы.

Теперь остается посмотреть, возможно ли в самой Псковской судной грамоте найти какие-либо следы этого пересмотра ее текста в 80-х годах? Прежде всего, отметим, что Псковская судная грамота дошла до нас в рукописи, писанной полууставом XVI в. из библиотеки кн. М. С. Воронцова. В этой же рукописи помещен текст, тождественный с текстом Софийской летописи, обнимающий события до 1486 г.[58] Обратим внимание на два момента: 1) на связь сохранившегося списка Псковской судной грамоты с Софийской летописью, т. е. с московским сводом, и 2) на совпадение конечной даты этого свода в Воронцовском списке с временем, к которому относится предполагаемая московская редакция псковского законодательства.

Еще интереснее наблюдения над рукописью Синодального собрания № 645 (Гос. Исторический музей), сохранившей нам отрывок Псковской грамоты, известный уже Карамзину[59] и соответствующий ст. 109—120 основного текста. Прекрасное научное описание летописных памятников Синодального собрания, принадлежащее М. Н. Тихомирову,[60] раскрывает содержание названного рукописного сборника. Это, в основном, летописный свод, однородный с Уваровской летописью, частично изданной в «Полном собрании русских летописей», т. XXIII и XVIII.

---

[57] Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 283. Его же. Движение псковских смердов 1483—1486 гг. и «смердьи грамоты». «Исторические записки», т. XX, стр. 10—11.

[58] Псковская судная грамота, стр. V—VI.

[59] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V, изд. 2-е, стр. 386; примечания, стр. 266, № 404. ААЭ, т. I, стр. 79—80, № 103 (текст под 1477 г. и заглавием: Запись Новгородская о церковном суде).

[60] М. Н. Тихомиров. Летописные памятники б. Синодального (патриаршего) собрания. «Исторические записки», т. XIII, стр. 272—275.

Этот свод составлялся в несколько приемов, причем первоначально заканчивался на 1491 г. В силу связи отрывка Псковской судной грамоты по Синодальному списку с Уваровской летописью названная дата не может быть для нас безразличной. Она близка к конечному году Софийской летописи по Воронцовскому списку и проливает лишний свет на время последней редакции Псковской судной грамоты (конец 80-х годов XV в.). Но еще более интересна и важна устанавливаемая из содержания Уваровской летописи ее связь с Оболенскими, к роду которых принадлежал и псковский наместник князь Ярослав Васильевич. Все эти наблюдения в совокупности, в сопоставлении с рассказом псковской летописи о «новой грамоте» Ярослава, делают весьма правдоподобным, что рука его коснулась в 80-х годах текста Псковской судной грамоты.

Действительно, изучение рукописи этого памятника вскрывает: 1) наличие целого ряда испорченных мест и пропусков значительного числа строк, причем особенно бросается в глаза пропуск на обороте 1-го листа после ст. 5, и 2) перебитый порядок статей, не вызывающий никаких сомнений, даже если мы будем учитывать отсутствие строгой логики в мышлении кодификаторов XV в.

Уже Мурзакевич и Устрялов отметили, что ст. 77 стоит не на своем месте и в первоначальном тексте, очевидно, следовала за ст. 4.[61] Михайлов развил мысль Мурзакевича и Устрялова и правильно присоединил к их соображениям новое наблюдение о том, что речь должна итти не об одной статье, а о целой странице (ст. 77—83).[62] Основанием для признания ст. 77—83 вставкой служит явная зависимость ст. 84 от ст. 76: обе говорят о правилах взимания покруты в случае отсутствия изорника, вследствие смерти или бегства. Кроме того, ст. 84 соединяется со ст. 76 словом «також». Таким образом, выдвигается вопрос о перемещении целой страницы (ст. 77—83), которая, очевидно, должна быть помещена в начале Псковской судной грамоты, где находятся «определительные нормы» (Михайлов). Между прочим, в ст. 77, говорящей о «крестоцеловании» «псковских судей», пригородных посадников и старост, находится слово «потому ж», которое прямо связывает ее со ст. 5, говорящей о крестоцеловании «княжого человека», едущего наместником в пригород.

Почему произошло подобное перемещение? Исследователи склонны в данном случае считать виновным переписчика, который перепутал порядок листов. Подобная точка зрения получила особенно развернутое обоснование в работе Б. Б. Кафенгауза, который исходит из предпосылки, что путаница листов чувствуется не только в указанном месте, но на протяжении всей Псковской судной грамоты. Путем очень интересных приемов, основанных на наблюдениях палеографического характера, Б. Б. Кафенгауз пытается восстановить первоначальную последовательность листов, а следовательно, и статей в оригинале.[63] Мне кажется, что дело заключается не в одном переписчике, и не простая случайность объясняет несомненные разрывы и перебивки в Псковской судной грамоте.

Бесспорно, что ст. 77—83 органически связаны со ст. 3—5. Но и при такой реконструкции текста все же бросается в глаза, что этот цельный по своему содержанию и даже грамматической конструкции отрывок резко выделяется из окружающего контекста и производит впечатление своего рода вставки. Действительно, ст. 1, 7, 8, 9 и т. д. в сово-

---

[61] Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 г., стр. 12, прим. 24. Ф. Устрялов. Указ. соч., стр. 134, прим. а.

[62] П. Е. Михайлов. Юридическая природа землепользования по Псковской судной грамоте, стр. 128—133. Его же. Новые данные для комментария Псковской судной грамоты, стр. 135—140.

[63] Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 296—307.

купности образуют судебный устав, последовательно останавливающийся на различных делах, подведомственных княжескому суду: кража из закрытого помещения, разбой, находъ, грабеж (ст. 1); конокрадство, измена, поджог (ст. 7), кража на посаде (ст. 8) и пр. В статьях же 3—5 и 77—83 развернуты нормы, устанавливающие взаимоотношения Пскова с его князьями и посадниками, т. е. вопрос идет о правовых явлениях совершенно иного порядка. Очень важно, и это совсем не отмечено в литературе, что содержание этих статей близко (не текстуально, но по существу) к отдельным параграфам новгородских договоров с князьями, следовательно, заимствовано из аналогичных договорных грамот, которые, быть может, были и у Пскова, но только до нас не дошли. Четыре статьи этого раздела Псковской грамоты могут быть с уверенностью возведены к договорам.

Псковская судная грамота	Договоры Новгорода с князьями
Ст. 4. А князь и посадник на вечи суду не судять, судити им оу князя на сенех, взираа в правду, по крестному целованью. А не въсудят в правду, ино бог буди им судиа на втором пришествии Христове. А тайных посулов не имати ни князю ни посаднику.	А наместнику твоему судити с посадником во владычне дворе, на пошлом месте, как боярина, так и житьего, так и молодшего, так и селянина, а судити ему в правду по крестному целованью... (Договор с Казимиром, 1471 г.)[64]
Ст. 5. А которому княжому человеку ехать на пригород наместником, ино целовати ему на том крест, что ему хотети Пскову добра, а судить прямо по крестному целованью, а коли ему ехати на которое...	А тиуну твоему в Торжку судити суд с новогородцким посадником, такоже и на Волоце, по новогородцкой пошлине. (Договор с Казимиром, 1471 г.)[65]
Ст. 81. А на приставное и на ссылку княжим людем ездить со псковскими подвоскими по половинам.	А позов по волостем новгородским позывати позовником великих князей да новгородским, а в городе позывати князей великих подвойской, а новгородской подвойской (Договор с Иваном III, 1471 г.)[66]

Наконец, еще одна статья разбираемого раздела сходна с Двинской уставной грамотой 1397 г., которая также представляет собой по существу «докончание» и поэтому содержит ряд типичных договорных норм.

Псковская судная грамота	Двинская уставная грамота
Ст. 80. А кто с ним побьется в Пскове, или на пригороде, или на волости на пиру, или где инде, а толко приставом не позовутся, а промеж себе прощенье возьмут, ино ту князю продажи нет.	А учинится бой в пиру, а возьмут прощение, не выйда из пиру, и наместником и дворяном не взяти ничего. А вышед из пиру, возьмут прощение, и не наместником дадут по кунице шерстью.[67]

Наличие в рассматриваемом отрывке Псковской судной грамоты (ст. 3—5, 77—83) ряда важных норм, регулирующих взаимоотношения Пскова с княжеской властью, восходящих к нормам договорных грамот вольных городов с князьями и резко отличающихся по своему содержанию от окружающего текста памятника, заставляет относить появление значительной их части (по крайней мере, ст. 5, 77—83) [68] к моменту кодификации 1462 г. Именно в это время, как мы видели, очень остро стоял вопрос о праве псковичей подбирать себе князей, хотя бы и на началах

[64] ААЭ, т. I, стр. 62, № 87.
[65] Там же, стр. 64, № 87.
[66] Там же, стр. 68, № 91.
[67] Там же, стр. 8, № 13.
[68] Относительно ст. 3—4 подробно речь будет ниже.

великокняжеских наместников. И естественно, что именно на эту часть Псковской судной грамоты должен был обратить внимание Ярослав Васильевич, когда он в свою очередь поднял вопрос о расширении княжеских привилегий, а псковичи защищались «стариной». Именно указанные статьи трактовали о роли пригородных княжеских наместников, для которых Ярослав требовал усиления полномочий и увеличения доходов. Разрыв разбираемого текста в составе Псковской судной грамоты на два отдельных куска заставляет подозревать здесь руку московского наместника: перебой в листах оригинала, отразившийся в списке, был, таким образом, не случайностью и произошел не от неловкости или неграмотности переписчика,— этот перебой, очевидно, сопровождался изъятием в оригинале какой-то части текста. Трудно иначе себе представить дело, так как, даже восстанавливая первоначальную последовательность статей, мы все же наталкиваемся на недоступный для восстановления пропуск после ст. 5.

В свое время А. А. Шахматов выдвинул интересную гипотезу о даровании Ярославом Мудрым в 1016 г. Новгороду особого «учредительного акта»— своего рода Великой хартии вольностей, скопированного в летописи, и об изъятии этого акта из летописного текста при составлении в Москве в начале XV в. общерусского свода, с заменой его по политическим соображениям краткой редакцией Русской Правды.[69] Эта гипотеза вряд ли правдоподобна, так как нет никаких оснований допускать, что уже в XI в. Ярослав предоставил Новгороду привилегии, о которых сведения идут только с XIII столетия. Но предположить некоторые, может быть частичные купюры, произведенные в Псковской судной грамоте в конце XV в., вполне законно.

Из летописных источников выясняется, что многочисленные посольства, ездившие в 80-х годах из Пскова в Москву, все время указывали московскому правительству на злоупотребления наместника в пригородах, т. е. поднимали тот же вопрос, который ставился псковичами уже в 70-х годах и для разрешения которого понадобились «пошлинные грамоты».

Под 1486 г. II Псковская летопись рассказывает, что «начаша из пригородов приездя и изо всех волостей обиднии люди бити челом посадником псковским и всему Пскову на наместников князя Ярослава, а сущии в Пскове много обидных людий биша челом на самого князя Ярослава. Посадники же и весь Псков събраша многыя обиды, их же невозможно исчести за множество, и написавше грамоты многы обидныа и отрядиша послы... и биша челом князю великому».[70] Б. Д. Греков, вслед за В. И. Сергеевичем,видит в «обидних людях» псковских землевладельцев, которые считали себя обиженными тем, что московский великий князь, вопреки существующему сеньериальному праву, несколько облегчил положение их крестьян-смердов.[71] Подобное толкование Б. Д. Греков основывает на том, что непосредственно перед известием о посольстве в летописи излагается эпизод с одним попом (по Грекову, агентом феодалов). Он обнаружил у Норовских смердов грамоту, определявшую их повинности и державшуюся ими втайне. Один из смердов отнял у попа эту «смердью грамоту», скрывая которую смерды «не потягнуша на своя работы» в пользу феодалов. Послы в Москве, выступая в защиту интересов землевладельцев, рассказали об этом случае, что вызвало гнев великого князя.

---

[69] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 507—508.

[70] ПСРЛ, т. V, стр. 45.

[71] Б. Д. Греков. Земледелец и землевладелец в Пскове XV в., стр. 70. Его же. Движение псковских смердов 1483—1486 гг. и «смердьи грамоты», стр. 7.

«И князь великий ярым оком възрев, рече: давно ли яз вам о смердах вины отдал? А ныне на то же наступаете».

Я несколько иначе понимаю текст, чем Б. Д. Греков. Дело в том, что в изучаемом месте II Псковской летописи явно слиты два отдельных рассказа. Дело с Норовскими смердами вовсе не является единственной целью посольства и не исчерпывает те «многыя обиды» как пригородного, так и городского населения, которые вызвали жалобы Ивану III на Ярослава и его пригородных наместников. Достаточно сравнить летописные известия 70-х и 80-х годов о псковских посольствах в Москву, чтобы убедиться, что причины, вызвавшие их, следует искать в расширении власти московского наместника над пригородами: введении наместничьей деньги, двойных прогонов, расширении суда в области земельных дел («нивнии судове») и т. д. Именно в этом заключалась сущность «обид», а отнюдь не в сокращении крестьянских повинностей в пользу землевладельцев. Чтобы доказать это, достаточно в параллель летописным данным 80-х годов привести совершенно аналогичный материал, относящийся к 70-м годам. В июне 1476 г. псковичи послали в Москву бояр с «жалобною грамотою» «бити челом с плачем великому князю на князя Ярослава Васильевича, чтобы он с своея отчины его сослал, а нам бы дал своей отчине князя Ивана Александровича Звенигородского, занеже он над всем Псковом чинил насилие великое, тако и его наместники по пригородом и по волостем».[72] Под 1477 г., сообщая об отъезде Ярослава Васильевича, вызванного Иваном III из Пскова в Москву, летопись дает общую оценку его поведения в Пскове: «Толко не бывал бо в Пскове ни за много времен толь князь злосерд, каков был он до Пскова и до посадников псковских, такоже и его наместники по пригородом многое множество над крестьяны насилия чинили».[73]

В 1474—1476 гг. псковичи, излагая причиненные им «обиды» московскому великому князю, могли аргументировать свои жалобы ссылкой на «пошлинные грамоты». В 1484 г. Ярослав Васильевич, чтобы парализовать этот аргумент, по соглашению с псковскими посадниками составил «новую грамоту», т. е., как я предполагаю, изменил текст основного законодательного памятника Пскова—Псковскую судную грамоту, исключив некоторые нежелательные для него статьи и соответственным образом проредактировав другие. Естественно, это вызвало возбуждение в Пскове.

В 70-х годах, протестуя против злоупотреблений Ярослава Васильевича, псковичи поднимали перед московским правительством вопрос о нарушении им псковской «старины». Сущность этого старинного уклада Псков видел в возможности свободного выбора князя («бити челом о своих старинах и князя просити себе волного») [74] и в ненарушении Москвой права суда. В 1476 г. псковские послы упрекали Ивана III в том, что он «хочет с своею отчиною с Псковом суд творити своим послом по его засылным грамотам, а не по своим старинам, как его прародители держали свою отчину Псков».[75] Московский князь противопоставлял этим претензиям безоговорочное подчинение его представителям, облеченным соответственными полномочиями: «Тем вас жалую свою отчину, а вас хочю держати в старине свою отчину, а кого к вам о своих делех не пришлю, и вы бы есте мене слушали, а ему верили, как и мне, великому князю, и моей грамоте».[76]

В той же самой плоскости развертывается дискуссия между Псковом

---

[72] ПСРЛ, т. IV, стр. 253.
[73] Там же, стр. 255.
[74] Там же.
[75] Там же, стр. 253.
[76] Там же, стр. 252.

и Иваном III и в 80-х годах. Иван III не желает разговаривать с челобитчиками на Ярослава Васильевича до тех пор, пока они не «добьют челом» последнему в своих винах. «А князю Ярославу добити чолом, и тогда начнете ми бити чолом, и яз великий князь о вашем добре погадаю».[77] Ярослав Васильевич является наместником, присланным из Москвы, и в силу одного этого псковичи не должны выходить из повиновения. Все пять посольств в Москву в 1484—1486 гг. по существу были посвящены одному вопросу — вопросу о праве вечевого суда, которое не желало признавать московское правительство. Псковское вече «казнило» смердов, арестовав их и посадив в погреб, приговорило к смерти («из заповеди закликаша») посадников, действовавших заодно с Ярославом, опечатало их имущество («животы»).[78] Это не было актом расправы без суда — это был вечевой судебный приговор. «Казнь» смердов была произведена при после великого князя. В отношении посадников был составлен приговор в письменной форме («мертвая грамота»), положенный в государственный архив («ларь святой Троицы»).[79]

Москва не признала действия веча правомерными и властно потребовала: «смердов отпустити, а посадников откликати, а мертваа грамота писанаа на них, выкынуты, а князю Ярославу добити челом о печаловании».[80]

О том, что вече выносило те или иные решения относительно посадников, имеются данные в псковских летописях. В 1458 г. псковичи произвели реформу в области торговых мер, и в связи с этим летопись упоминает об «избиении на вечи» старых посадников.[81]

Интересно, как реагировал Псков на ультиматум великого князя в 1484—1486 гг. Немедленно вскрылась социальная рознь. Посадники, бояре и житьи люди настаивали на выполнении московских указаний. Но черные люди держались иной точки зрения и отказались отменить решение веча. При чтении летописного рассказа получается совершенно отчетливое впечатление, что это не было вызовом Ивану III, это было убежденным признанием правильности постановления веча. Посадники сепаратными действиями, в согласии с князем Ярославом, нарушили соответственную статью Псковской судной грамоты, запрещавшую вносить в ее текст изменения без утверждения веча. Вече имело право их покарать. В настоянии посадников, бояр и житьих людей подчиняться Москве черные люди видели обман и хотели апеллировать к самому великому князю:«Мы о всем том прави и не погубит нас о том князь великый, а вам веры не имем, а князю Ярославу не за что нам чолом бити».[82]

В свете этих сообщений летописей приобретают интерес некоторые наблюдения над текстом Псковской судной грамоты. В ряде статей памятника мы находим указания на суд псковской коллегии — госпóды (ст. 24: «а то господе от Пскова без дива»; ст. 25: «не станет на суд пред господою, ино господе дать на него грамота на виноватого»; ст. 26: «поставить пред господою»; ст. 29: «пред господою изгодит своего исца»). Относительно же судебных функций веча имеются только глухие намеки в ст. 3—4 (посадник не должен «погубить» «без исправы человека... ни на суду на вечи»; «князь и посадник на вечи суду не судять, судити им оу князя на сенех»). Прежде всего следует отметить, что эти статьи восходят к довольно раннему времени, по крайней мере — к XIV в.,

---

[77] ПСРЛ, т. IV, стр. 43.
[78] Там же, стр. 266.
[79] ПСРЛ, т. V, стр. 43.
[80] Там же.
[81] ПСРЛ, т. IV, стр. 217.
[82] ПСРЛ, т. V, стр. 43.

так как в них упоминается один посадник. С 20-х годов XV в. введено двойное посадничество. В 1426 г. в летописи имеется прямое упоминание двух посадников.[83] В ст. 3 деньги названы «кунами», что также указывает на ее раннее происхождение. По Первой Псковской летописи новая рублевая система была введена в 1420 г.,[84] а упоминания новых денежных единиц встречаются и раньше.[85] Но в то же время ст. 3—4 дошли до нас уже не в первоначальном виде, а в позднейшей редакции. Прежде всего, между ними замечается противоречие. Ст. 3 заботится о том, чтобы посадник «без исправы... не погубил» виноватого «на суду на вечи», а ст. 4 запрещает князю и посаднику судить на вече. Возможно, конечно, предположить в ст. 3 пропуск союза «ни», вставка которого несколько меняет смысл текста: «ни на суду, [ни] на вечи». Но все равно ст. 4 ставит перед исследователем ряд вопросов: суд «у князя на сенех» противопоставляется суду вечевому. Значит ли это, что Правда уничтожает вечевой суд или только устраняет от него посадника и князя? Если верно последнее, то каковы функции вечевого суда, в котором не должны принимать участие ни князь, ни посадник? Вопреки требованию Псковской судной грамоты, мы знаем из летописей, что посадники участвовали в судебных решениях веча (под 1471 г.: «посадники с веча пристави подаваше»).[86]

Я считаю, что эти противоречия будут устранены и недоумения разъяснены, если мы примем, что ст. 3—4 представляют собой плод редакторской работы кн. Ярослава Васильевича 1484 г. В самом деле, летопись подчеркивает, что «новая грамота», составленная в этом году, была написана «на сенях». Княжеский совет —«сени» как законодательный орган здесь резко противопоставляется вечу. А в ст. 4 Псковской судной грамоты такое же противопоставление, как мы видели, проводится по линии судебной. Именно в этом смысл указанных постановлений Псковской судной грамоты. Речь шла по существу о ликвидации вечевого суда и сосредоточении всех судебных полномочий у князя на сенях с привлечением посадников, у которых была договоренность с Ярославом Васильевичем. По всей вероятности, из текста Псковской судной грамоты были в то же время исключены какие-то статьи, разбиравшие вопрос о судебных полномочиях веча. Правда, в пользу этого предположения нельзя привести никаких прямых свидетельств, но косвенные данные имеются — это глухое упоминание «суда на вечи» в ст. 3; далее, предписание ст. 7 подвергать смертной казни вора, совершившего кражу в Крому, конокрада, изменника и поджигателя, причем из летописей известно, что приговоры выносило вече.[87] Наконец, очень мне кажется также показательным настойчивое утверждение черных людей в 1484 г. в ответ на обвинения Ивана III: «Мы о всем том правы». «Казнь» посадников, нарушивших закон, есть «право» веча, причем вряд ли только неписанное право. Надо думать, что в кодексе, утвержденном на вечевом собрании, были собраны постановления о вечевом суде, оказавшиеся неудобными для ставленников Москвы времен постепенного упадка псковской независимости. Упомяну еще раз то, о чем уже была речь выше. После ст. 5 в Псковской судной грамоте замечается перебой текста. Очевидно, как раз в этом месте производилась усиленная редакторская правка.

Сделаем в этой связи еще несколько дополнительных наблюдений. Неоднократно отмечена в литературе близость ряда постановлений Псков-

---

[83] ПСРЛ, т. IV, стр. 204.
[84] Там же, стр. 203.
[85] См. под 1374 г. Там же, стр. 192.
[86] Там же, стр. 238.
[87] Например, казнь в 1314 г. около 50 человек за «грабеж» в Крому и по селам (ПСРЛ, т. III, стр. 71); казнь в 1477 г. конокрада (ПСРЛ, т. IV, стр. 254).

ской судной грамоты к Русской Правде. Но более пристальный анализ показывает, что речь должна итти не об отдельных совпадениях, а об органическом родстве обоих памятников. Это родство проявляется и в сходстве терминологии и в общности институтов (закупни, рота, продажа, головник, головщина и т. д.). Сходно трактуются аналогичные юридические казусы (наказание за тяжелые формы воровства,[88] иски об оскорблении действием,[89] имущественные отношения вдовы,[90] тяжба с чужеземцами [91] и пр.). Уроки за животных в обоих источниках обнаруживают параллелизм и в перечне разновидностей скота и в ценах штрафов.[92] Одинаковые в основном нормы преподносятся в сходных словесных выражениях. В Псковской грамоте: «а татю веры не нять»; в Русской Правде: «веры емоу не яти, как и татю».[93] В Псковской грамоте: «а кто оу кого бороду вырветь»; в Русской Правде: «а хто порветь бороду».[94] В Псковской судной грамоте: «части ему не взять (из наследства)»; в Русской Правде: «дати ей (вдове) часть».[95] В Псковской грамоте: «а кто имет давать серебро в заим»; в Русской Правде: «аже кто коуны даеть в резы».[96] Наконец, характерно, что статьи одинакового содержания (например, о своде и виндикации движимого имущества, наследственном праве и т. д.) расположены в обоих памятниках в одних и тех же местах.[97] Все это как будто позволяет заключить, что при составлении Псковской судной грамоты в качестве образца и источника фигурировала Пространная редакция Русской Правды.

Такое предположение тем более вероятно, если принять существующую в литературе точку зрения о том, что и Краткая и Пространная редакции Русской Правды сложились в Новгороде (одна в 30-х годах XII в., другая — в начале XIII в.).[98] Но при этом бросается в глаза одно непонятное явление: Псковская судная грамота ничего не говорит о смердах, которым так много внимания уделяет Русская Правда. Пытаются объяснить это обстоятельство тем, что смердам в Пскове был посвящен специальный документ — так называемая «смердья грамота», хранившаяся в ларе св. Троицы.[99] Но в таком случае почему этот документ не был использован в качестве одной из пошлинных грамот при общей кодификации псковского права? Предполагается и другое объяснение: изорники, кочетники и огородники Псковской грамоты являются теми разновидностями псковского сельского населения, общим собирательным наименованием которого был термин «смерды».[100] Но опять-таки необъяснимо полное отсутствие этого термина в тексте. А в других памятниках той же эпохи мы его встре-

---

[88] ПСГ, ст. 7; Русская Правда, Карамз. сп., ст. 37.
[89] ПСГ, ст. 27; Русская Правда, Карамз. сп., ст. 24.
[90] ПСГ, ст. 89; Русская Правда, Карамз. сп., ст. 106.
[91] ПСГ, ст. 105; Русская Правда, Карамз. сп., ст. 26.
[92] Подробно об этом см. постатейный комментарий к Псковской судной грамоте в «Исторических записках», т. VI, стр. 296, прим. к ст. 112.
[93] ПСГ, ст. 60; Русская Правда, Карамз. сп., ст. 133.
[94] ПСГ, ст. 117; Русская Правда, Карамз. сп., ст. 78.
[95] ПСГ, ст. 53; Русская Правда, Карамз. сп., ст. 106.
[96] ПСГ, ст. 30; Русская Правда, Карамз. сп., ст. 47.
[97] Черты сходства между Псковской судной грамотой и Русской Правдой отмечены в статье П. И. Беляева. Источники древнерусских законодательных памятников. Журнал Мин. юст., 1899, декабрь, стр. 108—110.
[98] М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 74—78, 215—230. Л. В. Черепнин. Рецензия на издание «Правда Русская. Учебное пособие». «Исторический журнал», 1941, № 3, стр. 135—136.
[99] А. И. Никитский. Указ. соч., стр. 282. Б. Б. Кафенгауз. Псковские изорники. Ученые записки Мос. Гос. пед. института им. К. Либкнехта, серия историч., вып. 2, М., 1939, стр. 36.
[100] П. Е. Михайлов. Юридическая природа землепользования по Псковской судной грамоте, стр. 4.

чаем. Так, договор Пскова с Казимиром 1440 г. содержит следующий параграф: «А межы собою будучи в любви, за холопа, за робу, за должника, за поручника, за смерда, за татя и за розбойника не стояти, ни мне, ни вам, а ведати по исправе».[101] Мало того, мы имеем как будто право заключить, что о смердах должна была итти речь в какой-то первоначальной редакции Псковской судной грамоты, предшествующей тексту 1462 г. На эту редакцию ссылается договор 1440 г. как на источник правовых взаимоотношений литовцев с псковичами: «Аже вчыниться пеня нашым... во Пьскове, коньчати по Псковской Правде и по целованию».[102] Очевидно, эта Правда касалась вопроса о должниках, поручниках, смердах, татях, разбойниках, в отношении которых могла потребоваться, по выражению договора 1440 г., «исправа». Но если в Псковской судной грамоте имеются развернутые постановления о долговых обязательствах, поручительстве, татьбе, разбое, то о смердах, повторяю, нет ни слова. Когда же выпали эти статьи,наличие которых в Правде, фигурировавшей в Пскове до 1440 г., отмечает договор с Казимиром: во время составления кодекса 1462 г. или позднее? Думаю, что имеются все основания ответить на вопрос в последнем смысле. Очевидно, это произошло в 80-х же годах, когда князь Ярослав Оболенский с посадниками списал и положил в ларь св. Троицы новую грамоту, основанную на пересмотре текста Псковской судной грамоты. Содержание «новой грамоты», судя по рассказу летописи, затрагивало интересы смердов, в силу чего недовольство самовольными действиями Ярослава, нарушавшего псковскую старину, переплетается со «смердьим вопросом».

Выше указывалось, что редакция Ярослава коснулась ст. 77—83, которые, будучи оторваны от постановлений, с ними связанных (ст. 3—5), попали на новое место, разорвав, в свою очередь, окружающий текст. Но какой по содержанию текст? Мы видим, что это статьи об изорниках, т. е. категории сельского населения, близкой к смердам или даже совпадающей с ними. Эта переброска листов Псковской судной грамоты в тех частях памятника, которые особенно могли интересовать московского наместника и особенно отвечают рассказу летописца о событиях 70—80-х годов XV в. в Пскове (договорные отношения князя и Пскова, вечевой суд и смерды), не может быть случайной. Чуждая вставка, разъединившая органически связанные между собой ст. 75—76 и 84—87 об изорниках, очевидно, в то же время и заменила какие-то изъятые параграфы. Вообще, если внимательно вчитаться в те разделы Псковской судной грамоты, которые говорят об изорниках, кочетниках, огородниках и т. д., то получается впечатление, что перед нами обрывки какого-то цельного самостоятельного устава. Это статьи 42—44, 51, 63, 75, 84—87. Действительно, ст. 51, например, когда-то, повидимому, следовала непосредственно за ст. 42—44. Они связаны между собой не только единством содержания (речь идет о взыскании покруты), но и грамматической конструкцией:

Ст. 44. «А государю на изорники, или на огородники, или на кочетники волно и взакличь своей покруты и сочить серебра...»

Ст. 51. «А коли изорник имет запирается у государя покруты...»

Такие же наблюдения можно сделать и в отношении разбитых в тексте памятника статей 63 и 76: они логически продолжают одна другую и строятся одинаково грамматически:

Ст. 63. «А который изорник отречется оу государя села или государь его отрьчет...»

Ст. 76. «А который изорник о села збежит за рубеж или инде где...»

---

[101] АЗР, т. I, стр. 51, № 38.

[102] Там же.

Самостоятельный когда-то устав о псковских непосредственных производителях — изорниках, кочетниках, огородниках, типа устава Владимира Мономаха о закупах, вошел в качестве одной из «пошлин» в состав Псковской судной грамоты. Но его первоначальное содержание было шире. Сохранившиеся статьи посвящены исключительно взаимоотношениям сельского населения с частными землевладельцами — «государями». В полной редакции, вероятно, рассматривалась и другая сторона,— отношения смердов к Пскову и князю: «Како смердам из веков вечных князю дань даяти и Пскову и всякии работы урочныи по той грамоте им знати». И как раз этот второй раздел не дошел до нас, будучи в 80-х годах исключен из текста и заменен какими-то новыми постановлениями Ярославовой грамоты. Интерес к смердам в эти годы объясняется, как это хорошо известно, московской политикой, поскольку правительство Ивана III стремилось привлечь смердов на свою сторону, используя в Пскове классовую рознь.

Вопрос о псковских смердах представляется еще не разрешенным в исторической литературе. Спор идет о том, представляют ли смерды крестьян, зависимых от частных землевладельцев, или же они сидели на государственных землях, принадлежащих Пскову, и несли в отношении него повинности. Вернее всего, что эти две точки зрения не исключают друг друга. Смерды —это общий термин, обозначавший основной производящий класс, в том числе и частновладельческих крестьян, по профессиональному признаку делившихся на изорников, кочетников, огородников и пр. Определенный разряд смердов жил на землях «Господина Пскова», не находившихся в частной собственности. Вероятно, первоначальная редакция Псковской судной грамоты касалась положения этой группы крестьянства, может быть, содержала какие-то указания на ее повинности, подобно тому, как ст. 75 говорила о том, что «старому изорнику» следует «вози вести на государя». Те льготы, которые получили смерды в 1484—1486 годах, повидимому, касались их участия в возведении укреплений. Оборонительным работам в 80-х годах уделялось в Пскове большое внимание, в связи с борьбой, которая велась против немцев. Как раз под 1484 г. летопись подробно останавливается на этих работах: «Преже сего лета за два года суседи запсковляне, Богоявленскый конец, заложиша стену, от Псковы рекы свою треть, и сего лета свершено бысть на осень и покрыша. Тоя же весны, по велице дни, суседи Кузьмодемьянскыи заложиша стену от Великой реке свои две части до Богоявленцове стене».[103] Уклонение смердов от городовой повинности и вызвало раздражение черных людей горожан.

Что касается попа, читавшего грамоту у Норовских смердов, то вряд ли это был агент землевладельцев, каким его считает Б. Д. Греков. Из Псковской судной грамоты известно, что священникам давались поручения от судебных властей. Из ст. 25 видно, что грамота о вызове ответчика в суд читалась на церковном погосте, причем в случае нежелания ответчика итти ее слушать, грамоту следовало «прочести на погосте перед попом». Вероятно, получали священники поручения и от веча. И именно в этой роли выступал перед Норовскими смердами поп. Несколько странное впечатление производит рассказ о находке попом «смердьей грамоты», которую затем вырвал у него из рук и утаил один из смердов. II Псковская летопись отмечает, что как раз из-за этой грамоты произошло «смятенье... всей земли», под которым, очевидно, подразумевается первый арест смердов, составление «мертвой грамоты» в отношении посадников и многократная отправка челобитчиков в Москву. Псковичи, оказывается, не знали о содержании «смердьей грамоты», а смерды неверно передали это содержание великому князю («все покриву сказаша»). Но эта версия II Псков-

[103] ПСРЛ, т. V, стр. 42.

ской летописи находится в явном противоречии с версией I летописи, согласно которой рассмотренные выше события в Пскове начались с составления «в сенях» у князя Ярослава «новой грамоты», т. е., по моему предположению, пересмотра текста Псковской судной грамоты, в частности и имевшихся там статей о смердах. Это объяснение гораздо правдоподобнее, так как речь идет о документе, положенном в «ларь», в то время как II Псковская летопись говорит о никому не известной, случайно обнаруженной и вновь исчезнувшей грамоте.

Думаю, что во II Псковской летописи перед нами нарочитое освещение событий, понять смысл которого можно, учитывая реальную обстановку. Рассказ о Норовских смердах помещен после сообщения о том, что псковичи выполнили условие великого князя, отпустили арестованных в первый раз смердов, «выкинули» из «ларя» «мертвую грамоту» на посадников, «отпечатали» их дворы. Иван III «всей своей нелюбке Пскову отдал и пожаловал, повелел по всей старине Пскову жити».[104] Вслед затем в 1486 г. отправляется новое посольство в Москву бить челом о «многих обидах» на Ярослава. И вот, в целях мотивировки этого посольства, выдвигается версия о найденной и снова пропавшей «смердьей грамоте». Тем самым в какой-то мере оправдывалось предыдущее поведение веча, «казнившего» смердов, и необходимость нового обращения в Москву. Арест норовского смерда служил предлогом поднять в Москве старые наболевшие вопросы. Вот почему в тексте II Псковской летописи не всегда удачно переплетается повествование о приходивших из пригородов и волостей «обидних людях» и смерде, скрывшем грамоту. Это и дало Б. Д. Грекову основание свести обе нити летописного рассказа в одну.

Первая Псковская летопись правильнее трактует события, беря за их исходную точку помещение Ярославом Васильевичем в «ларь святой Троицы» новой грамоты, переработавшей в ряде направлений текст Псковской судной грамоты.

Мои выводы о том, что Воронцовский список Псковской судной грамоты сохранил следы работы над текстом оригинала в 70—80-х годах XV в., находят косвенное подтверждение еще в том обстоятельстве, что в указанные годы в Пскове замечается большая деятельность в области создания летописных сводов. Этот интерес, направленный одновременно в сторону и летописных и правовых текстов, объясняется сложной политической обстановкой, сложившейся в Пскове в конце XV в. Последовательное наступление Москвы на основы псковского вечевого уклада заставляло псковичей, защищавших свою «старину», проявлять серьезное внимание к тем памятникам, в которых эта «старина» нашла свое отражение: к летописям и к «пошлинным грамотам». Не могла относиться безразлично к этим памятникам и Москва. Московское правительство не только интерпретировало их со своих политических позиций, но и производило весьма серьезную редакцию, исключая нежелательные для себя места и заменяя их иным текстом.

Из числа летописных сводов, возникших в Пскове одновременно с последними редакциями Псковской судной грамоты 70—80-х годов, можно назвать свод 1469 г., сохранившийся в Тихановском списке,[105] свод 1481 г., легший в основу Строевского списка,[106] и свод 1486 г., представленный Синодальным списком.[107]

---

[104] ПСРЛ, т. V, стр. 45.

[105] Ленинградская публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, собрание П. Н. Тиханова, № 201.

[106] Там же, б. собрание Погодина, № 1413.

[107] Гос. Исторический музей. Синодальное собрание, № 154. Об этих сводах см.: Псковские летописи, вып. I, стр. IX—XIV, XLI, XLIV—XLVI. А. Н. Насонов.

Параллельное изучение памятников летописного и правового характера может много помочь пониманию тех и других. Хронологические совпадения в появлении летописей и текстов юридического содержания редко бывают случайными и обычно имеют место общие исторические причины.

Доведя историю текста Псковской судной грамоты до 80-х годов XV в., мы невольно переходим к вопросу, который вводит нас в интересную область истории права этого времени, — это вопрос о переработке псковско-новгородского феодального права Москвой. Он почти не разработан в литературе, хотя ряд соображений, вызывающих значительные возражения, был высказан в статье П. И. Беляева «Источники древнерусских законодательных памятников».[108] Беляев формально поставил вопрос о влиянии псковско-новгородского права, которое дает себя чувствовать в грамотах уставных, судных земских, Судебниках.

Действительно, бросается в глаза совпадение ряда статей Псковской судной грамоты с постановлениями грамот уставных (ст. 8, 49, 80, 93),[109] земских судных (17, 20, 22, 24, 27),[110] наконец, Судебников (17, 20, 21, 22, 36, 40, 47, 60, 105, 109). Беляев не ставил вопроса о том, что в конце 70—80-х годов XV в. московское правительство предприняло большую работу в области кодификации русского права. В настоящее время мы можем с уверенностью сказать, что эта работа предвосхитила задолго составление Судебника редакции 1497 г. Необходимость и своевременность правительственных мероприятий в этом направлении были осознаны на данном этапе процесса формирования Русского государства. Первый опыт подобной кодификации коснулся правовых памятников вольных русских городов Новгорода и Пскова. Этот мотив, наряду с отмеченными выше требованиями конкретной политической ситуации в Новгороде и Пскове, повлиял на составление в 1475—1476 гг. сборника новгородских и двинских грамот, запись в 1474 г. кодекса псковского права и последующую работу (в 80-х годах) над его текстом.

На основе собранного материала в эти самые годы был поставлен вопрос о выработке формуляра уставной грамоты наместничьего управления. Поэтому текст Псковской судной грамоты, прошедшей через московскую редакцию, надо рассматривать в общем плане широкой работы над памятниками феодального права 70—80-х годов. Древнейшей уставной грамотой, не считая Двинской, которая отличается специфическим характером, являясь скорее договором («докончанием»), чем княжеским уставом, и воспроизводя, таким образом, древние новгородские традиции, была Белозерская.[111] Она датирована началом 1488 г. и относится к старинной новгородской области. Этот памятник в известной мере определил формуляр, который в дальнейшем развивается в более поздних дошедших до нас уставных наместничьих и земских грамотах XVI и даже XVII вв. (Моревской,[112] Онежской,[113] Пермской,[114] Устюжно-Железопольской[115] и др.).

Из истории псковского летописания, стр. 293. См. также соображения А. Н. Насонова относительно отражения в псковских летописях событий, связанных с выступлением смердов в 80-х годах XV в. (там же, стр. 284).

[108] Журнал Министерства юстиции, 1899, декабрь, стр. 113—121.

[109] Ср. с Двинской уставной грамотой 1397 г. (ААЭ, т. I, стр. 8—9, № 13).

[110] С. А. Шумаков. Губные и земские грамоты Московского государства, М., 1895. См. сводный текст земских судных грамот, стр. 202, ст. 14; стр. 209, ст. ст. 31—32; стр. 211, ст. ст. 34—35.

[111] ААЭ, т. I, стр. 92—94, № 123.

[112] ДАИ, т. I, стр. 23—26, № 26.

[113] ААЭ, т. I, стр. 152—154, № 181.

[114] Временник Московского общества истории и древностей Российских, кн. 25, М., 1857, Материалы, стр. 148—150.

[115] ААЭ, т. III, стр. 73—76, № 36.

Белозерская грамота появилась почти одновременно со сборниками новгородско-псковских памятников, составленными московским правительством или по его предписанию.

Формуляр уставных грамот имеет какую-то общую исходную редакцию с формуляром грамот жалованных. И с этой точки зрения свет на источники Белозерской уставной грамоты проливает сборник Кирилло-Белозерского монастыря, опубликованный В. Н. Дебольским, сложившийся в основном около 1482 г., в связи с передачей в этом году Белоозера удельным князем Михаилом Андреевичем Ивану III.[116] Сборник понадобился для производившегося в это время великокняжескими писцами описания («отвода») земельных владений Кириллова монастыря, сопровождавшегося проверкой монастырских землевладельческих прав. Значительное количество подлинных крепостных актов из монастырского архива было затребовано в Москву и после смерти в 1486 г. князя Михаила Андреевича использовано в качестве материала для производившейся в это время в центре кодификационной работы. Наряду с новгородскими и псковскими памятниками некоторые акты послужили источником для Белозерской уставной грамоты, формуляр которой, составленный в интересах класса феодалов, воспроизводил ряд клаузул жалованных грамот.

Невольно бросаются в глаза хронологические совпадения: создание новгородско-двинского сборника в годы походов Ивана III на Новгород (1471 и 1475—1476) происходит одновременно с записью Псковской судной грамоты, в годы обострения взаимоотношений между великокняжеским наместником князем Ярославом Оболенским и Псковом (1471—1476). В 1482 г., в связи с передачей (с сохранением права пожизненного владения) князем Михаилом Андреевичем Ивану III Белоозера, был составлен сборник грамот Кирилло-Белозерского монастыря. После окончательного перехода в 1486 г. по смерти князя Михаила Андреевича Белоозера к Москве на основе этого сборника в 1488 г. московское правительство вырабатывает текст Белозерской уставной грамоты. В те же годы (1484—1486), в результате нового осложнения московско-псковских отношений и наступления Москвы на псковскую независимость, Псковская судная грамота подвергается московской правке.

Таким образом, Судебник редакции 1497 г. имел свою предысторию. Ему предшествовала кодификация 70—80-х годов, продуктом которой являются сборник новгородских грамот и текст Псковской судной грамоты, а также монастырская древнейшая копийная книга 1482 г. Так совершалась переработка общеновгородского, или северорусского в широком смысле, права.

§ 5. История дошедшего до нас текста Псковской судной грамоты. Правда Александра Невского 1241 г. и приписки к ней архиепископа Дионисия

Все предшествующее изложение было посвящено истории текста Псковской судной грамоты, начиная с создания кодекса 1462 г. Сейчас мы должны поставить вопрос об источниках этого кодекса, посмотреть, какие правовые памятники легли в его основу. Частично эта сторона дела уже затрагивалась выше, когда мы говорили о влиянии на Псковскую судную грамоту Русской Правды, договоров с князьями, высказывали предположение о существовании особого устава об изорниках и смердах и т. д. Но мы еще не разрешили задачи цельного изображения истории

[116] Указанный сборник лег в основу рукописи, хранящейся в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина № Q — IV—120. Напечатана В. Н. Дебольским в «Вестнике археологии и истории», изд. С.-Петербургским Археологическим институтом, вып. XIII, СПб., 1900, стр. 115—197.

псковского права до момента кодификации 1462 г., остановившись лишь на последующих этапах (70—80-е годы).

Из заголовка Псковской судной грамоты мы узнаем, что она «выписана из великого князя Александровы грамоты, и из княж Костянтиновы грамоты, и изо всех приписков псковских пошлин». На основе этого указания в исторической литературе делались попытки выделить из текста источники кодекса 1462 г. (по старой версии — 1467 г.). Но все исследователи, начиная с Н. В. Калачева,[117] исходили из одной общей, как мне представляется, в корне неверной предпосылки, именно, что в составе Псковской судной грамоты разновременные по своему происхождению статьи собраны в хронологическом порядке. Таким образом, задача выделения из сложившейся редакции отдельных составных частей (а таковых насчитывалось обычно пять — указанные в заголовке грамоты двух князей, приписки к каждой из них и, наконец, приписки ко всей Грамоте в целом) очень упрощалась. Она сводилась в значительной степени к механической разбивке памятника. Методологические приемы такой разбивки наиболее четко сформулированы в работе Мрочек-Дроздовского [118] и в той или иной мере повторяются и другими авторами. Эти приемы могут быть суммарно сведены к двум основным моментам: 1) Между статьями Псковской судной грамоты встречаются, с одной стороны, дополнения, а с другой — повторения предшествующих. Первое же дополнение, на которое наталкивается автор при последовательном просмотре статей, служит для него указанием на то, что здесь кончается грамота первого князя и начинаются приписки к ней. 2) В приписке как таковой могут заключаться лишь одни дополнения и не может быть повторений, делаемых, очевидно, с целью подтверждения прежде установленного. Следовательно, там, где в рассматриваемом памятнике впервые встречаются повторения прежде установленного, там, значит, кончается свод приписок к первой грамоте и идет текст второй.

Эту сводную формулировку источниковедческих приемов Мрочек-Дроздовского надо признать формально-схоластической. Подобная методика, которой, как указано, следуют и другие авторы, требует решительного пересмотра.

Я считаю, что необходимо отказаться от взглядов на Псковскую судную грамоту как на механическую сводку разновременных памятников, собранных в хронологическом порядке. Необходимо учитывать наличие редакций, причем не одной, а нескольких. Редакторы не просто присоединяли во временной последовательности бывшие у них в руках источники, а систематизировали нормы, заключавшиеся в разных памятниках, вырывая их из контекста оригинала. Отсюда постоянные перебои в порядке статей и многочисленные повторения. Наличие последних, действительно, является важным критерием для разбивки Псковской судной грамоты на последовательные хронологические пласты, но приемы работы над текстом в этом отношении должны быть совершенно иными, чем это рекомендует Мрочек-Дроздовский. Повторение предшествующей статьи вовсе не служит указанием на грань между припиской к более раннему источнику и началом следующего по времени. Оно указывает на то, что кодификатор черпает содержание сразу из двух источников: отступает временно от одного, делает вставку из другого и, снова возвращаясь к первому, повторяет то место из него, на котором прервал изложение. Наблюдения над текстом необходимо связывать с изучением исторических явлений.

---

[117] Рецензия на издание Мурзакевича 1847 г. («Москвитянин», 1848, ч. I, Критика, стр. 171).

[118] П. М. Мрочек-Дроздовский. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов. «Юридический вестник», т. 16, № 5—6, М., 1884, стр. 101—102.

После этих кратких методических замечаний можно обратиться непосредственно к тексту памятника и путем сопоставления его с другими источниками попытаться выделить составные части и восстановить его историю до 1462 г. Исходной точкой для истории Псковской судной грамоты является, как мы знаем, грамота князя Александра. Первый вопрос: какого Александра? Выбор идет между Александром Невским (1241), в пользу которого высказывались Калачев,[119] Энгельман [120] и Кафенгауз,[121] и Александром Михайловичем тверским (1327—1337). Авторство последнего особенно отстаивали Никитский [122] и Пресняков, который самую живучесть вопроса об Александре Невском как авторе одной из частей Псковской судной грамоты считает «историографическим недоразумением».[123] Мне кажется все же, что это «недоразумение» имеет некоторые основания. В пользу этого можно высказать несколько соображений, которые отсутствуют в существующей литературе. Прежде всего, мне представляется существенным, когда именно встречается первое указание в источниках на грамоту Александра? Такое упоминание впервые находим в послании митрополита Киприана в Псков от 1395 г., причем митрополит, как это вытекает из его слов, только понаслышке знает об этом документе. Свои сведения о нем он излагает в следующих выражениях: «Что есмь слышал...», и далее: «ажь будеть какову грамоту списав положил князь великий Александр, по чему ходити».[124] Я считаю не случайным, что первые, правда, очень неточные сведения, о грамоте князя Александра падают на вторую половину XIV в. — это период между Болотовским договором 1348 г. и «вечным миром» 1397 г., т. е. время перестройки Псковом своих политических взаимоотношений с Новгородом, борьбы Пскова за независимость и перехода на положение «младшего брата». По Болотовскому договору новгородцы отказались от права назначать в Псков своих посадников, вызывать псковичей к себе на суд в Новгород, наконец, и наместник новгородского владыки должен был назначаться из числа псковичей: «Реша же новгородци: братье плесковичи! То перво мы вам дали жалобу на Болотове: посадником нашим у вас в Плескове не быти, ни судити, а от владыце судить вашему плесковитину, а из Новагорода вас не позывати дворяны, ни подвойскыми, ни софьяны, ни изветникы, ни биричи».[125] 90-е годы XIV в., к которым относится послание Киприана, — время новых осложнений Пскова с Новгородом, период «нелюбия», завершившийся, как уже сказано выше, в 1397 г.[126] «вечным миром».

Таким образом, мне представляется, повторяю, совершенно естественным, что именно во второй половине XIV в., когда формируется облик Пскова как самостоятельной феодальной республики, как «младшего брата» Великого Новгорода, псковичи переходят к историческому обоснованию новых форм политического уклада путем ссылки на «старину». После того как Псков добился судебной независимости от Новгорода, было вполне уместно документально обосновать свои судебные права, подтвердив их старинной грамотой кн. Александра.

---

[119] Рецензия на издание Мурзакевича 1847 г. («Москвитянин», 1848, ч. I, Критика, стр. 174).

[120] И. Энгельман. Указ. соч., стр. 2—3.

[121] Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 317—319.

[122] А. И. Никитский. Указ. соч., стр. 106—108.

[123] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 141, прим. 3.

[124] РИБ, т. VI, стб. 233, № 28.

[125] ПСРЛ, т. IV, стр. 58—59.

[126] Там же, стр. 195.

Второе, что я считаю очень существенным и что тоже как-то осталось не отмеченным в литературе, это несомненная зависимость псковской версии о грамоте Александра от новгородской версии относительно грамот Ярослава. Копируя новгородский политический строй, псковичи и в его документально-историческом обосновании исходят из новгородских традиций. В дальнейшем, как мы видели выше, разбирая послание Ионы 1461 г., псковичи расширяют значение грамоты Александра, перестают видеть в ней простой судебный устав, а пытаются на ней строить особые формы договорных отношений с князьями. Поскольку реальное содержание грамоты Александра, очевидно, не отвечало подобной трактовке, постольку и потребовалось дополнить кодекс 1462 г. специальными нормами, заимствованными из договоров с князьями типа новгородских.

Если верна моя гипотеза о прямой зависимости псковской политической традиции относительно грамоты Александра от новгородских традиций опереться на грамоты Ярослава, то вопрос о том, какой Александр имеется в виду, решается сам собой. Конечно, не Александр Михайлович тверской, княжение которого (вторая четверть XIV в.) не могло для конца того же столетия стать еще «стариной». Княжение же Александра Невского (40-е годы XIII в.) как раз падает на то время, когда реально оформляются и получают документальную фиксацию нормы взаимоотношений Великого Новгорода с князьями. В конце 20-х годов XIII в. на страницах летописей появляется упоминание о знаменитых грамотах Ярослава,[127] а к середине этого столетия складывается формуляр договорной грамоты, первым и, вероятно, не случайно сохранившимся образцом которой является договор великого князя Ярослава Ярославича тверского с Новгородом от 1262—1263 гг.[128] Совершенно естественно, что по аналогии с Новгородом псковичи должны были возводить свою старину к тому же времени, т. е. к середине XIII в.

Но, с другой стороны, конечно, действительное содержание грамоты, данной Александром Невским псковичам в 1241 г., не могло совпадать с формуляром новгородских договоров XIII в., так как в то время Новгород еще не предоставил Пскову политической независимости. Это случилось на столетие позже. По аналогии с новгородской же историей следует думать, что грамота Александра была сходна с той грамотой Ярослава XI в., которая задолго предшествовала нормам XIII в. и в которую новгородцы уже потом начали вкладывать чуждое ей содержание. Другими словами, как в грамоте Ярослава следует видеть не «Великую хартию вольностей» XI в., а устав преимущественно по судебным вопросам, сохранившийся в начальных статьях краткой редакции Русской Правды, так аналогичный характер, повидимому, имела и грамота Александра. Очень интересно, что та характеристика, которую дает грамоте Александра митрополит Киприан, хотя и с чужих слов, весьма напоминает по существу, а частично, словесно, то, что говорит по поводу грамоты Ярослава Новгородская I летопись.

Новгородская летопись	Послание Киприана
И дав им правду и устав списал, тако рекши им: по сей грамоте ходите, якоже списах вам, тако же держите.[129]	Волен всякий царь в своем царстве или князь в своем княжении всякая дела управливаеть и грамоты записываеть; такоже и тот князь великий Александр в своем княжении, а списал такову грамоту, почему ходити...[130]

[127] ПСРЛ, т. III, стр. 44.
[128] СГГД, т. I, стр. 1—3, № 1—2. Об этом см. гл. V.
[129] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 84.
[130] РИБ, т. VI, стб. 233—234, № 28.

Исходя из такого представления о характере грамоты Александра Невского как устава, трактующего главным образом вопросы суда, постараемся поискать следы этого памятника в тексте Псковской судной грамоты. Наиболее древняя часть последней — это статьи 109—120, которые когда-то считались, наоборот, дополнением к тексту 70-х годов XV в. Перед нами первая, и в силу этого примитивная и не вполне удачная, попытка систематизации местных правовых норм. Одновременно это попытка переработать некоторые постановления Русской Правды (ст. 112, 116, 117). М. К. Рожкова относит эту часть Псковской судной грамоты к началу XIV в.[131] Я склоняюсь к признанию этого раздела грамотой Александра. Если это наиболее ранняя запись права, то, естественно, ее надо связывать с именем этого князя, к которому возводит нас псковская традиция. Мне особенно кажется показательным наличие в ст. 112 выражения «старая Правда». Конечно, его можно трактовать по-разному: или как старинный псковский обычай, или как ссылку на Русскую Правду, или, наконец, как указание на какую-то раннюю редакцию Псковской судной грамоты. Я сопоставляю эту «*старую* правду» с той «*стариной*», пошедшей от князя Александра, о которой говорит послание Киприана: «А вы, дети мои псковици, ажь будеть прежде сего ходили по той грамоте князя великого Александрове, а будеть то у вас старина, и вы по той старине и ходите».[132] Обращаю внимание на то, что Киприан сам плохо знает псковскую «старину» и говорит о ней исключительно со слов псковичей. Это не московский митрополит, а сами псковичи считают исходной точкой письменной истории права время Александра. Итак, «старая Правда»— это Правда Александра Невского.

Если обратиться к летописному рассказу под 1241 г., то можно найти в нем некоторые данные, подтверждающие гипотезу о выдаче в это время Александром Невским Пскову судебного устава. Летопись говорит о том, что Александр Ярославич вместе с новгородцами освободил Псков от немцев, и приводит при этом интересную деталь: во время оккупации города немцы ввели там свои судебные порядки («тиуны посажены у них судити»).[133]

Освобождение города, изгнание немецких тиунов и повлекло за собой выдачу Александром Невским псковичам грамоты, посвященной вопросам суда.

В пользу моего тезиса говорит и то, что ст. ст. 109—120 в тексте Псковской судной грамоты выделены особо, будучи перенесены в самый конец, после даже заключительной, казалось бы, по смыслу ст. 108. А в Синодальном сборнике этот же раздел помещен вообще оторванно от остального текста Псковской судной грамоты. Мне представляется это делом московской редакции 80-х годов, которая желала выделить действительное ядро псковской кодификации — ту знаменитую Правду Александра, на основе которой велись все политические споры и которую псковичи дополнили позднейшими правовыми нормами. Вспомним, что Синодальный список Псковской судной грамоты вышел из окружения Оболенских, следовательно, Ярослав Васильевич Оболенский проявлял особый интерес к Правде Александра.

За возможность датировки XIII в. говорит и то, что к тому же времени относятся аналогичные переработки Русской Правды вроде знаменитого,

---

[131] М. К. Рожкова. Указ. соч., стр. 33—36.
[132] РИБ, т. VI, стб. 234, № 28.
[133] ПСРЛ, т. IV, стр. 179.

хотя и очень еще мало обследованного, памятника, известного под именем «Правосудия митрополичьего».[134]

Заслуживает внимания взаимоотношение статей 2 и 109 Псковской судной грамоты. Ст. 109, рассматривающая вопрос о распределении подсудности между светским и церковным судом, по существу повторяет ст. 2, говорящую о том же предмете более коротко и менее ясно. Поэтому можно предположить, что в первоначальной редакции, до московской правки 80-х годов, весь кусок со ст. 109 по ст. 120 включительно непосредственно следовал за ст. 1. Перенос этого раздела вызвал составление дублетной статьи 2-й. О том, что здесь действительно произошел какой-то перебой текста, говорит неотчетливость конструкции ст. 2, свидетельствующая о несомненной порче текста. Таким образом, Правда Александра открывалась ст. 1, а затем следовал выше рассмотренный раздел Псковской судной грамоты, в настоящее время заключающий ее текст. Ст. 1 скорее, чем какая-либо иная, может быть признана за начальный параграф Правды Александра, так как по своему содержанию она посвящена основному вопросу — об определении сферы княжеского суда, а по своему источнику является выборкой ряда статей Русской Правды.

Но расхождение текста статей 2 и 109 и самое содержание последней статьи, как-то не связанное с дальнейшими нормами Правды Александра, заставляет поставить вопрос: была ли эта статья в грамоте Александра Невского, а если нет,— то каково ее происхождение? Для разрешения этого вопроса обратимся к некоторым дополнительным сведениям, которые позаимствуем из послания же Киприана. Киприан упоминает о суздальском архиепископе Дионисии, который в 1382 г. побывал в Пскове и, не имея права на это, «приписал к грамоте князя великого Александрове, по чему ходити, как ли судити, или кого как казнити, да вписал и проклятье, кто иметь не по тому ходити».[135] Митрополит указывает в своем послании, что подобное вмешательство в светские дела, в вопросы светской юрисдикции, является со стороны суздальского архиепископа неправомочным действием: «ино то Денисий владыка не свое дело делал, не по закону и не по правилом».[136] Киприан потребовал присылки грамоты Дионисия к себе для уничтожения и освободил псковичей от обязанности следовать ей под угрозой проклятия и неблагословения вселенского патриарха: «А что владычня грамота Денисьева, а ту грамоту пошлите ко мне, да ти ея сам подеру: та грамота не в грамоту. А что вписал проклятие и неблагословенье патриарше, а то яз с вас снимаю и благословляю вас: то был суждальский владыка, а деял то в мятежное время, а патриярх ему того не приказал деяти».[137] Напомню, что Дионисий был претендентом на московскую митрополию и посетил Псков с грамотами патриарха. Поскольку грамота суздальского архиепископа была уничтожена митрополитом Киприаном, постольку исследователи обходили вопрос о ней при изучении текста Псковской судной грамоты. Мне представляется это не совсем правильным, так как какие-то следы деятельности Дионисия все же могли сохраниться. Единственный, кто коснулся грамоты Дионисия, это М. Н. Тихомиров, который связывает имя суздальского архиепископа с составлением Чудовского извода Пространной Русской Правды. Исходя из указания Киприана о заклятье, написанном Дионисием в приписке к Правде Александра, Тихомиров находит это заклятье в ст. 77 Псковской судной грамоты: «И судьям

---

[134] С. В. Юшков. «Правосудие митрополичье» (Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг., вып. XXXV, Л., 1929, стр. 116—120).

[135] РИБ, т. VI, стб. 233, № 28.

[136] Там же.

[137] Там же, стб. 234, № 28.

псковским, и посадником новгородским, и старостам прпгоцким потому ж крест целовать на том, што им судити право по крестному целованью, а не судеть право, ино суди им бог в страшный день втораго пришествия Христова».[138]

Я не согласен с М. Н. Тихомировым и не могу видеть в ст. 77 остаток грамоты Дионисия. Формула ст. 77 не представляет ничего исключительного и повторяется в целом ряде новгородско-псковских документов. Например: «А хто се мое рукописанье преступит, сужуся с ним пред богом в день страшнаго суда»[139] и т. д. Заклятье же Дионисия со ссылкой на отлученпе со стороны патриарха было совсем иного рода, и текст его легко восстановить по посланию того же архиепископа в Снетогорский монастырь от 1382 г.: «Се аз, поновляя, пишю на утвержение сей грамоте, яко кто дерьзнеть помышлити благое се уставление превратити лукавым обычаем, будеть под тягостию отлучения пресвятаго патриарха вселеньскаго».[140]

Я представляю себе дело следующим образом. Из послания Киприана мы знаем, что грамота Дионисия представляла собой приписку к Правде Александра и что она заключала в себе вмешательство в светские дела. Поэтому естественнее всего предположить, что Дионисий сделал некоторые дополнения к ст. 1, определяющей круг дел, подведомственных княжескому суду. Когда Киприан «подрал» текст новшеств суздальского владыки, то осталась лишь общая норма (ст. 2), глухо разграничивающая область церковной и светской феодальной юрисдикции. Однако последний вопрос особенно интересовал митрополита Киприана и требовал детализации. Если Дионисий «вплелся» в мирские дела, то были обратные частые случаи привлечения церковников к мирскому суду. На это указывал Киприан в специальном послании в Псков одновременно с грамотой по делу Дионисия: «Что есмь слышал, ажь в Пьскове миряне судять попов и казнять их в церьковных вещех, ино то есть кроме хрестьяньского закона: не годится миряном попа ни судити, ни казнити, ни осудити его, ни слова на него не молвити; но кто их ставить святитель, но ть их судить и казнить и учить. А вы бы есте, дети мои псковичи, от велика и до мала, чтобы есте не судили попов, ни казнили их, греха бы есте на свою душю не имали, ни зарока бы есте на весь Псковь не чинили».[141] Статья 109 и была ответом на требование московского митрополита. Подробно остановившись на организации владычного и сместного суда по делам мирян с церковниками, она заменила и лаконичную трактовку ст. 2 и отвергнутые новшества Дионисия.

§ 6. Устав князя Александра Михайловича тверского первой половины XIV в.

Если можно убедительно, как мне кажется, доказать, что псковичи вели историю своего письменного права со времени Александра Невского и если в основе этой псковской версии лежали действительно правовые памятники той эпохи, то, с другой стороны, мы уже видели выше, что с течением времени в грамоту Александра стали вкладывать несоответствующее ей в действительности содержание. И происходило это по очень простой причине. В Пскове был не один Александр Невский, были и другие князья с именем Александр, причем также причастные к составлению правовых памятников. Позднейший кодификатор не всегда точно знал, о каком Александре идет речь, и объединял под этим именем законодательные нормы нескольких княжений. Ведь так же было и в Новгороде,

[138] М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 121—122.
[139] Сборник грамот Коллегии экономии, т. I, стр. 15—16, № 16.
[140] РИБ, т. VI, стб. 210, № 24.
[141] Там же, стб. 231—232, № 27.

когда утрачивалась историческая перспектива и с течением времени сами новгородцы не могли определить, авторство какого из Ярославов (XI или XIII вв.) следует предполагать для того или иного документа (например, «Устава о мостех»).[142] Если бы исследователи Псковской судной грамоты учитывали это обстоятельство, то им, вероятно, удалось бы избежать многих ненужных споров. Я считаю, что, наряду с Правдой Александра Невского, Псковская судная грамота использовала и какую-то грамоту Александра Михайловича тверского. В самом деле, трудно предположить, чтобы его десятилетнее княжение в Пскове не оставило никаких следов в виде юридических памятников. Текст грамоты Александра тверского устанавливается довольно свободно. В его основу, повидимому, легла ст. 1, возникшая при Александре Невском и определившая категории дел, подведомственных княжескому суду. Она была дополнена статьями 7—13, 20—27, 34—37, 46—50. Все эти статьи образуют самостоятельное целое и легко выделяются из прочего текста. Все другие нормы, вставленные позднейшим систематизатором, нарушают логику, систему и грамматическую конструкцию первоначального памятника. Освободившись от этих последующих наслоений, восстанавливаем типичный судебный устав, охватывающий сферу гражданских и уголовных правонарушений и дающий ряд процессуальных норм. Этот судебный устав обнаруживает близость к первоначальной редакции Русской Правды, позднейшим уставным и судным земским грамотам. Я не останавливаюсь на его датировке, так как в работе М. К. Рожковой приведены доводы в пользу отнесения этих статей к первой половине XIV в.[143] Таким образом, имеются все основания приурочить данный раздел Псковской судной грамоты ко времени княжения в Пскове Александра тверского.

В тексте Псковской судной грамоты устав Александра Михайловича Тверского перебит статьями 14—19, 28—33, 38—41, 45, взятыми из другого самостоятельного памятника. Это, повидимому, специальный устав, регулирующий область гражданских взаимоотношений, вытекающих из торгового быта Пскова: договоры займа, поклажи, поручительства, вложение средств в торговые обороты и т. д. Возможность существования в отдельном виде подобного устава доказывается хотя бы аналогией с историей Киевского государства, где князь Владимир Мономах издал устав о «резе», вошедший в Пространную редакцию Русской Правды.

За правильность подобного выделения в указанных границах двух отдельных памятников говорит наличие обобщающих статей, дающих своего рода сводку по материалу каждого из этих памятников порознь. Такой сводной статьей в отношении судебного устава Александра Михайловича тверского является ст. 50. Речь идет о том, чтобы княжеский писец брал посильную плату за написание ряда документов (позовницы или позывницы, бессудной, приставной), причем виды этих документов определяются юридическим содержанием предыдущих параграфов (ст. 25— позовница, бессудная; ст. 37 — приставная). Точно так же ст. 45 является итоговой в отношении второго предполагаемого нами устава. Она гласит: «А кто имет сочит торговли, или поруки, или зблюдениа, или съсоудиа, или выморшины безымянно, ино той не доискался». Таким образом, упомянуты: «сблюдение», «ссуда», «выморшина», «торговля», «порука». О «сблюдении» речь шла в ст.ст. 14—19; о ссуде — в ст. ст. 28—31, 36; о поруке — в ст. ст. 32—33; о торговле — в ст. 38. Оба памятника свидетельствуют о наличии в Пскове классовых противоречий и об эксплоатации феодальной верхушкой городской и сельской бедноты.

---

[142] Б. А. Рыбаков. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. «Исторические записки», т. II, стр. 144.

[143] М. К. Рожкова. Указ. соч., стр. 9—15.

§ 7. Редакции Псковской судной грамоты 1397 г., 1417 г. и 1435—1440 гг.

Два выделенных нами памятника были в конце XIV в. соединены уже вместе, а также с Правдой Александра, составив, таким образом, первую сводную редакцию Псковской судной грамоты. Основанием для этого предположения служит то обстоятельство, что дальнейшие статьи представляют собой дополнение не к одному какому-нибудь из двух нами выделенных уставов, а к их сводному тексту. Из общего текста заимствуют некоторые нормы и последующие земские судные грамоты. К какому году может быть отнесена эта редакция? Думаю, что ее составление произошло вскоре вслед за посланием митрополита Киприана в Псков в 1395 г., когда были затронуты некоторые общие вопросы светского и мирского суда. В связи с этим, кроме ст. 109, могли появиться ст. 21 и 36, говорящие о долговых обязательствах церковников и об их праве выставлять наймитов на судебный поединок. Подтверждение своей мысли я вижу в следующем. Сохранилось послание в Псков митрополита Фотия не ранее 1410 г. Наряду с другими вопросами, затронутыми в этом документе, митрополит говорит также о церковниках-заимодавцах и относительно обычая судебного поединка, причем, внимательно присматриваясь к тексту, можно вынести впечатление, что речь идет не просто о бытовом явлении, а о факте, нашедшем свое отражение в письменных нормах права. Так, в послании читаем: «А котории игумени, или попы, или черньцы торговали преже сего или сребро давали в резы, а того бы от сих мест не было».[144] Но ведь в ст. 36 Псковская судная грамота предоставляет церковникам возбуждать иски по долговым обязательствам и дает им право нанимать вместо себя заместителей для участия в судебных поединках: «А на котором человеке имуть сочити долгу по доскам или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чем безвечен, или чернец, или черница, ино им наймита волно наняти, а исцом целовати, а наймитем битись, а против наймита исцу своего наймита волно или сам лезет». В этой статье, между прочим, прямо сказано, что даже если на поле церковников-истцов заменяют наймиты, то приносить присягу («целовать крест») истцы должны сами, независимо от их сана. И с этим постановлением борется Фотий в другом своем послании в Псков: «О том слышал есмь, как туто уничижение и понос на чин великаго божиа священьства, и како судят вас: где вам что взяти, или кто поклеплеть вас, и велять вы облещи собе во всю одежю священническую, и таковою ротою судять вас... Понеже бо неудобь разумеваю, откуду таковое бесчинье введеся ту в вас: мирским и рота — целованием крестным на именьех, и чину великого божия священьства рота — их священным саном».[145]

Итак, мне кажется ясно: вскоре после 1395 г., когда митрополит Киприан «подрал» грамоту суздальского архиепископа Дионисия, дав возможность псковичам вернуться к своей «старине», возводимой от Александра Невского, была создана первая сводная редакция Псковской судной грамоты. Случилось это во всяком случае до 1410 г., так как около этого года написано послание Фотия, ссылающееся на эту редакцию. В указанных хронологических пределах наиболее вероятной датой, мне кажется, может быть признан 1397 г. — тот год, который ошибочно оказался в дошедшем до нас тексте окончательной редакции Псковской судной грамоты. Это важный момент в истории Пскова, когда заключением «вечного мира» было завершено длительное «нелюбье» с Новгородом.[146] Наконец, в этом году была дана великим князем Василием Дмитриевичем

---

[144] РИБ, т. VI, стб. 284, № 34.
[145] Там же, стб. 427—429, № 51.
[146] ПСРЛ, т. IV, стр. 195.

Двинская уставная грамота,[147] с которой у Псковской судной грамоты оказываются общие нормы, причем как раз в статьях, относящихся к первой редакции (ст. ст. 8, 49, 80, 93). Редакция 1397 г. возникла, таким образом, в результате обострения социальной борьбы закабаленных должников против церковных феодалов.

Переработка редакции 1397 г. относится ко времени около 1417 г. Из послания митрополита Фотия от этого года мы узнаем, что псковичи через специальных послов в Москву жаловались митрополиту на князя Константина Дмитриевича, сына Дмитрия Донского и брата московского великого князя Василия Дмитриевича. Константин княжил в Пскове дважды, в 1407[148] и в 1412 гг.,[149] причем дал псковичам грамоту, от которой «христианом ставится пакостно и душевредно всей... державе». Послы просили митрополита освободить их от крестного целования князю и дать возможность «держати свою старину». Фотий удовлетворил эту просьбу и санкционировал возврат к «старине»: «А яз вас, своих детей, благословляю порушити ту новину, нужную грамоту христианом, а благословляю вас держати вашу старину, аже будеть богоугодно и по святым правилом и всей вашей державе недушевредно, но и польза душевная».[150]

Но отказавшись следовать постановлениям грамоты Константина и восстановив свою «старину», т. е. кодекс 1397 г., псковичи, как это выясняется, и дополнили последний некоторыми новыми статьями. Анализ текста Псковской судной грамоты показывает, что в пределах с 52 по 71 статью можно выделить ряд таких добавлений к редакции 1397 г. (ст. 52 к ст. 37, ст. ст. 54—56 к ст. ст. 45—47; ст. 58 к ст. ст. 36—37 и т. д.).

Некоторые постановления этого раздела носят явные тенденции ограничить судебные права князя, к расширению которых, повидимому, стремился Константин. Так, ст. 61 запрещает пересмотр судебных приговоров: «грамот правых не посужати». Ст. 52 лишает князя продажи в случае отказа истца от своего иска, предъявленного к вору или разбойнику, и т. д. Другие статьи (как, например, 64—65) представляют собой фрагмент в основном отвергнутой грамоты Константина. Действительно, если мы сопоставим эти постановления со ст. 49, бывшей уже в первой редакции Псковской судной грамоты, то убедимся, что «новина», установленная при Константине, была невыгодна для Пскова. Ст. 49 устанавливает норму прогонов для княжеских слуг или приставов, посылаемых в командировки. Норма прогонов одна, независимо от числа командированных. Отказ княжеского слуги выехать за эти прогоны дает право псковитянину отправить за эту же плату кого угодно. Статьи 64—65 говорят уже о двух таксах: обычный «езд», а «на правду вдвое». Оговорка о праве псковичей отказаться от услуг княжеских чиновников опущена.

В разбираемом разделе Псковской судной грамоты имеются, наконец, постановления, касающиеся церковников, которые, в сопоставлении с некоторыми другими источниками, могут быть прямо приурочены ко времени около 1417 г. Так, например, ст. 70 запрещает прихожанам являться скопом в суд для защиты церковной земли от сторонних притязаний. В тяжбах о церковной земле разрешается выступать на суде только церковным старостам. Статья стремится ввести в юридические границы постоянные судебные споры о церковных землях и имуществе, в которых принимали участие миряне-прихожане, причем их выступления во время тяжб часто заканчивались вооруженными столкновениями. Картины такой

---

[147] ААЭ, т. I, стр. 8—9, № 13. М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. I, изд. 6, стр. 121—126.

[148] ПСРЛ, т. IV, стр. 198.

[149] Там же, стр. 201.

[150] РИБ, т. VI, стб. 385—388, № 44.

борьбы за землю сохранились в псковских летописях. Я считаю, что постановление ст.70 имеет в виду новгородский архиепископ Симеон в своем послании в Снетогорский монастырь около 1417 г., когда упоминает чернецов, которые из «монастыря вышедше вон, да подъимають мирьскыя люди и мирьскыя судья на игумена и на старцев вашего манастыря; и тыя мирьскыя судья и миряне да судять вас мирьским обычаем, яко же лепо есть миряном».[151] Одновременно здесь может подразумеваться и статья 58, разрешающая «лести в судебницу» «пособникам» за «черница или за черницу». Следовательно, редакция 1417 г. отражает борьбу за землю, захватываемую церковными феодалами.

К редакции 1417 г. я отношу еще раздел Псковской судной грамоты, обнимающий статьи 101—107. Они представляют собой также дополнение к кодексу 1397 г. (ст. 101 — к ст. ст. 45, 19; ст. 102— к ст. 39; ст. 104 — к ст. ст. 14 и 15; ст. 105 — к ст. ст. 24 и 34; ст. 106 — к ст. 10; ст. 107 — к ст. 31). Действительно, есть основания датировать эти статьи указанным временем: в ст. 107 упомянуты «пенязи», введенные в 1409 г. и замененные серебряными деньгами в 1420 г.[152]

Я считаю возможным говорить еще об одной редакции Псковской судной грамоты, предшествующей кодексу 1462 г. и падающей на период между 1435 и 1440 гг. В 1435 г. новгородский владыка Евфимий, вопреки Болотовскому договору, попытался водворить в Пскове в качестве своего наместника не местного уроженца, а новгородца. Эта попытка не удалась, так как новый наместник начал в своей деятельности нарушать старые псковские порядки: «Учал наместник его суд судити не по Псковской пошлине, учал посужати рукописания и рядницы...», «а все то учал деяти новину, а старину покинув».[153] «Рукописания» и «рядницы» — это завещания и договоры. О них говорят многочисленные постановления Псковской судной грамоты (ст. ст. 14, 32, 38 и пр.). Судебная практика владычнего наместника, уничтожавшая силу старинных документов, хранившихся в Троицком соборе, затрагивала интересы не только псковской церкви, но и светского суда. По словам летописи, эти действия были беспримерны, с тех пор, как «Псков стал». Протест псковичей кончился «по дияволю навоженью» схваткой с «софиянами», т. е. свитой новгородского архиепископа. После того как незадачливый наместник был смещен и псковичи могли восстановить свою «старину», естественно было произвести некоторый пересмотр своего права. Это было сделано до 1440 г., так как договор с Казимиром этого времени ссылается на «Псковскую Правду», очевидно, уже в новой редакции. Эта редакция вобрала, очевидно, в себя, прежде всего, статьи о наследственном праве (72, 88—91, 94, 95, 100) и о долговых обязательствах (73, 74, 92), так как новшества владычнего наместника касались как раз документов, относящихся к этим вопросам, а также статьи о смердах и изорниках, на которые ссылается договор с Казимиром 1440 г. Следовательно, и эта редакция отличается классовым характером, касаясь вопросов закабаления низов феодалами и эксплоатации псковских крестьян-смердов.

Вскоре после этой редакции, с 1443 г., начинается новый период в истории Пскова, когда там появляются наместники по «великокняжеской воле». В процессе развития псковско-московских взаимоотношений возникла потребность в пересмотре и утверждении правового кодекса на вече в 1462 г.

Подведем итоги. Дошедший до нас текст Псковской судной грамоты является продуктом длительной и сложной истории, отражая целый ряд последовательных наслоений в развитии псковского законодательства.

---

[151] РИБ, т. VI, стб. 389, № 45.
[152] ПСРЛ, т. IV, стр. 200, 203.
[153] Там же, стр. 209.

В основе изучаемого памятника лежит грамота князя Александра Ярославича Невского 1241 г. Таким образом, наиболее ранняя запись псковского права падает еще на 40-е годы XIII в. Далее, в составе Псковской судной грамоты можно выделить два памятника XIV в.: грамоту князя Александра Михайловича тверского (1327—1337) и специальный устав, регулирующий область гражданских взаимоотношений, вытекающих из торгового быта Пскова. Три указанных источника легли в основу первой сводной редакции псковского права, относящейся к 1397 г. Кодекс 1397 г. был вторично переработан и дополнен рядом новых статей в 1417 г. Следующая, третья, редакция падает на период между 1435 и 1440 гг., а четвертая — последняя, составленная по инициативе Пскова,— относится к 1462 г. В 1474 г. запись псковских пошлин попадает на рассмотрение Москвы, а в 1484—1486 гг. московский наместник, проявляя новаторство в области псковского права, подвергает запись 70-х годов соответствующей правке. Некоторые разделы Псковской судной грамоты (например, статьи о смердах) были при этом изъяты. Таким образом, дошедший до нас список Псковской судной грамоты отражает уже московскую редакцию и не сохранил полностью первоначального текста Псковской Правды. Псковская судная грамота послужила одним из источников для кодификаторской работы, которую проводило московское правительство в 80-х годах XV в. и на основе которой был выработан формуляр уставной грамоты. Эта кодификация явилась предъисторией Судебника редакции 1497 г., вобравшего в себя нормы псковско-новгородского права. Говоря о документальном наследии псковского государственного архива, отнести к нему Псковскую судную грамоту можно только с оговорками.[154]

---

[154] С. А. Покровский в рецензии на том XVI «Исторических записок», где были опубликованы некоторые мои наблюдения по вопросу о составе и происхождении ПСГ, сделал критические замечания (Известия АН СССР, серия истории и философии, т. III, № 4, М.— Л., 1946, стр. 386). Конкретных замечаний в этой рецензии три. 1) Рецензент возражает против моего сопоставления заголовков к Псковской и Новгородской судным грамотам, так как НСГ «была докончанием между Новгородом и московским великим князем», а НСГ «является автономным продуктом вечевого законодательства». Такая характеристика НСГ, по-моему, явно неправильна. Только по Коростынскому договору 1471 г. НСГ была переписана на имя великих князей, причем Коростынский договор называет НСГ «грамотой докончальной в Новгороде промежь собе (а не с князем!—*Л. Ч.*) о суде». 2) Рецензент считает, что ссылка на «Псковскую Правду» в договоре Казимира IV с Псковом 1440 г. имеет в виду псковское обычное право и не доказывает существования уже в то время письменного юридического сборника. Это также недоразумение, так как из текста самой ПСГ (указания заголовка, на князей, единицы денежного счета и т. д.) совершенно ясно видно, что такие письменные памятники были в Пскове уже в XIV в. К этому времени ведут нас многие статьи ПСГ. 3) В противовес моему тезису о том, что ПСГ прошла через московскую редакцию, рецензент указывает на ст. 108 ПСГ, говорящую о законодательных функциях Псковского веча. Но ведь хорошо известно, что формулы оказывались часто консервативнее жизни. Княжеские договоры, например, говорили об уплате «выхода в Орду» в то время, когда татарское иго уже пало. Но дело, конечно, не в этих отдельных замечаниях С. А. Покровского, а в том, что он, повидимому, склонен вообще отрицать возможность реконструкции несохранившихся юридических памятников. Между тем, советские источниковеды разработали целый ряд приемов работы над памятниками прошлого, которые позволяют восстанавливать их протографы. Это наблюдения палеографического и дипломатического характера, изучение терминологии, а главное, анализ памятника в контексте других современных ему текстов и в связи с породившей его исторической действительностью. Эта методология далека от приемов П. И. Беляева, работы которого, как указывает С. А. Покровский, «игнорировали все серьезные исследователи». Правда, серьезные исследователи (например, Б. Д. Греков. «Крестьяне на Руси») не игнорируют Беляева, но, конечно, идут другим, своим путем. Рецензент прав, когда требует критики Беляева. С. А. Покровский считает «шаткой аргументацию», построенную в форме: «мне кажется» и т. д. Я бы сказал, что это вообще не «аргументация», а манера литературного изложения. Исследователь обязан подчеркнуть разницу между теми своими выводами, которые носят условный характер, и такими, относительно которых можно сказать: «бесспорно», «несомненно», «совершенно очевидно» и пр.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные итоги монографии сводятся, как мне кажется, к подведению марксистско-ленинского источниковедческого фундамента для построения истории феодальных отношений в их развитии и для изучения не изолированных правовых институтов, оторванных от реальной обстановки, а явлений русского феодализма в целом. Настала пора цельного и всестороннего освещения истории социально-экономических отношений XIV—XV вв. в условиях феодального развития. Мне кажется, что предпринятый в настоящем исследовании (включая сюда и вторую, готовую к печати, часть) пересмотр источников будет этому способствовать.

Моей задачей являлось создание на марксистско-ленинской теоретической основе актового источниковедения периода раннего русского феодализма (XIV—XV вв.), в связи с изучением истории феодальных отношений. Поэтому я считаю нужным в заключение своей монографии подвергнуть критике буржуазные приемы изучения источников и разобрать ошибки в конкретных работах по раннему русскому феодализму, вызванные применением этих буржуазных методов источниковедения.

§ 1. Критика буржуазных трудов по актовому источниковедению периода раннего феодализма

После того как документальный материал великокняжеского архива был опубликован в «Древней Российской Вивлиофике» Н. И. Новикова и в «Собрании государственных грамот и договоров», к нему не раз обращались буржуазные авторы, изучавшие социально-экономическую и политическую историю Северо-восточной Руси XIV—XV вв.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей использовали в качестве исторического источника в своих трудах С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, В. И. Сергеевич и др. Все они рассматривали изучаемый документальный материал, конечно, в отрыве от истории производственных отношений и классовой борьбы и искали в грамотах XIV—XV вв. отражения абстрактных правовых категорий, выработанных буржуазной юридической мыслью XIX в. Но до конца XIX в. в русской буржуазной исторической науке отсутствовал специальный труд, который был бы посвящен теоретическому обоснованию приемов актового источниковедения.

К концу XIX в. в печати накопился уже большой материал актов (как публичных, так и частных) и встал вопрос об их классификации. Появились работы на эту тему Д. М. Мейчика[1] и С. А. Шумакова.[2] Основной методологический порок названных книг — в их формальном подходе к актам. Авторы описывали актовые формуляры, распределяли грамоты по «разновидностям» и «типам», давали разветвленные схемы их классификации, но не ставили вопроса о том, как исторически эти формуляры сложились и какими причинами социально-экономического и политического характера вызывались изменения отдельных статей грамот. А ведь историк должен интересоваться не застывшей формулой акта, а производственными отношениями, классовой борьбой, политическим укладом того общества, в котором данный акт возник. Вместо того чтобы показать отражение в том или ином акте классовых противоречий, буржуазные авторы подменяли такой исторический анализ составлением «сводных текстов» отдельных разновидностей актов. Подобный «сводный текст», не отражавший реальных отношений, уводил историка от изучения общественных отношений.

То же самое надо сказать и относительно изучения законодательных памятников XIV—XV вв. В работах Н. Л. Дювернуа об источниках права, И. Е. Энгельмана и Ф. Устрялова о Псковской судной грамоте, Ф. Панова — о Новгородской судной грамоте и пр. не делались попытки поставить в связь возникновение данных памятников и предшествующих им более ранних текстов с явлениями классовой и внутриклассовой борьбы того времени. Авторы чисто механически разбивали тексты Псковской и Новгородской судных грамот на отдельные части, имевшие, по их мнению, самостоятельное происхождение, и объясняли последующее соединение этих частей в общий текст так же как механическое. П. М. Мрочек-Дроздовский[3] дал теоретическое обоснование подобному ошибочному методу. П. И. Беляев[4] на основе механического же сопоставления внешне сходных статей («клаузул») у разнотипных актов, игнорируя их социальный и политический смысл, воссоздавал нереальные памятники, выдавая их за действительно существовавшие.

Господствовавшая в буржуазной литературе формальная методология источниковедения отразилась и в трудах по русскому феодализму начала XX в. П. И. Беляева [5] и Н. П. Павлова-Сильванского[6] и в монографии, посвященной образованию Русского государства — А. Е. Преснякова.[7] В трудах Павлова-Сильванского исследуются не производственные отношения, а юридические институты. В книге А. Е. Преснякова процесс образования государства оторван от социально-экономического развития и явлений классовой борьбы. Он рассматривает лишь историю расширения территории и власти.

В развитии буржуазного источниковедения начала XX в. особенную роль сыграли школы А. С. Лаппо-Данилевского (источниковедение актовое) и А. А. Шахматова (текстология летописных сводов).

---

[1] Д. М. Мейчик. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883.

[2] С. А. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономики, вып. IV, М., 1917.

[3] П. М. Мрочек-Дроздовский. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов. «Юридический вестник», 1884, т. 5—6, стр. 113—131.

[4] П. И. Беляев. Источники древнерусских законодательных памятников. Журнал Министерства юстиции, 1899, ноябрь.

[5] П. И. Беляев. Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение. Журнал Министерства юстиции, 1916, № 8, стр. 139—179; № 9, стр. 120—166.

[6] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. Спб., 1910.

[7] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.

«Очерк русской дипломатики частных актов» А. С. Лаппо-Данилевского построен на методологической основе неокантианства.[8] Поскольку из школы Лаппо-Данилевского вышел целый ряд работ, посвященных изучению актового материала периода раннего феодализма, критика построений Лаппо-Данилевского является актуальным делом.

Вызывает, прежде всего, возражения самое определение исторического источника, какое дает А. С. Лаппо-Данилевский. «В многообразном составе исторического материала, отображающего психическую деятельность человека,— пишет автор, — можно различать два основных вида источников: смотря по тому значению, какое они имеют для познания исторической действительности, такие источники соответственно называются историческими остатками и преданиями».[9] Значит, по Лаппо-Данилевскому, исторический источник — это «материал, отображающий психическую деятельность человека». Такое чисто идеалистическое определение в корне противоречит марксистско-ленинскому учению, согласно которому человеческая психика, сознание являются результатом материальной жизни, производственных отношений, классовой борьбы. По словам Маркса, «... необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и ведут свою борьбу. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что он сам о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснять из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями».[10]

Говоря о задачах дипломатического изучения актов, Лаппо-Данилевский делит дипломатику, как науку об актах, на два раздела: документальное источниковедение и документальное построение актов. «Документальное источниковедение выясняет принципы и приемы интерпретации и критики актов. Документальное построение выясняет происхождение актов, их состав, разновидности их формуляров, выработанных в разных канцеляриях, способов их удостоверения и т. д.»[11]

Правильно ли методологически такое деление дипломатики на два раздела, которое предлагает Лаппо-Данилевский? Безусловно, нет, потому что оно исходит из теоретически порочного, построенного на фундаменте неокантианской гносеологии представления о двойной сущности актов: как «источников» и как «явлений».[12] Эти неокантианские основы уже давно были разбиты В. И. Лениным. «В теории познания,— писал он,— как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом, неполное, неточное знание становится более полным и более точным». И далее В. И. Ленин указывает: «...миллионы наблюдений не только из истории науки и техники, но из повседневной жизни всех и каждого показывают человеку превращение «вещей в себе» в «вещи для нас», возникновение «явлений», когда наши органы чувств испытывают толчок извне от тех или

---

[8] А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. Лекции, читанные слушателям Архивных курсов при Петроградском Археологическом институте в 1918 г. Пг., 1920.

[9] Там же, цит. соч., стр. 5.

[10] К. Маркс. К критике политической экономии. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 7.

[11] А. С. Лаппо-Данилевский. цит. соч., стр. 50—51.

[12] Там же.

иных предметов,— исчезновение «явлений», когда то или иное препятствие устраняет возможность воздействия заведомо для нас существующего предмета на наши органы чувств».[13]

Эти ясные указания В. И. Ленина подчеркивают всю неправильность деления актов на «источники» и «явления». Любой источник может представлять для нас интерес и изучаться только как явление исторической жизни, возникшее в определенный период истории общества и обусловленное всем ходом общественного развития.

Документальное источниковедение, по мнению Лаппо-Данилевского, состоит из интерпретации и критики актов. Интерпретация «стремится установить то значение, какое составитель акта хотел придать ему».[14] Критика, по мнению Лаппо-Данилевского, бывает двух видов: «...критика, устанавливающая научно-историческую ценность источника, как факта, и критика, устанавливающая научно-историческую ценность показаний источника о факте».[15]

В этих определениях снова чувствуется основной порок всей системы Лаппо-Данилевского: отрыв актового источниковедения от *явлений общественной жизни*. Разве сущность и смысл интерпретации сводится только к тому, чтобы выяснить значение, «какое составитель акта хотел придать ему»? Конечно, нет. Интерпретация источников должна разъяснить их смысл как документов классовой, политической борьбы.

Исключительно догматичным является представление Лаппо-Данилевского о критике источников. Критика, «устанавливающая научно-историческую ценность источника, как факта», выясняет, «действительно ли данный источник существует или не существует в качестве такового».[16] Маркс возражал против такой догматической критики в своей работе о «Философском манифесте исторической школы права». «*Аргументация Гуго*, как и его *принцип, позитивна*, т. е. *некритична*. Он не признает *никаких различий*. Все, что *существует*, приобретает в его глазах значение *авторитета*; все, что имеет характер *авторитета*, он признает за *основание*».[17]

Лаппо-Данилевский, правда, признает, что для историка недостаточно «самого факта существования» источника. Надо выяснить, в какой мере он может служить для познания исторической действительности.[18] Но ведь сделать это можно, только отказавшись от принципиально неверного различения «источника» и «явления», отчего не отказывается Лаппо-Данилевский. «Решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может»,[19]— говорит В. И. Ленин.

Документальное «построение» актов Лаппо-Данилевский разбивает на два процесса: анализ и синтез актов. Источниковедческий анализ складывается для автора из трех моментов: анализа исторического, дипломатического, юридического. Исторический анализ занимается выяснением обстоятельств места и времени происхождения акта. Анализ дипломатический выясняет типический формуляр данной группы актов. Анализ юридический раскрывает характер того юридического действия, которое облечено в форму акта.[20] В таком расчленении целостного аналитического процесса отсутствуют единство и целеустремленность, а их может придать только классовая направленность всей источниковедческой работы. Диалекти-

---

[13] В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. XIV, стр. 91.
[14] А. С. Лаппо-Данилевский, цит. соч., стр. 82.
[15] Там же, стр. 91.
[16] Там же.
[17] К. Маркс. Философский манифест исторической школы права. Соч., т. I, стр. 210.
[18] А. С. Лаппо-Данилевский, цит. соч., стр. 92.
[19] В. И. Ленин. Соч., т. XIV, стр. 90.
[20] А. С. Лаппо-Данилевский, цит. соч., стр. 122, 124, 135, 158.

ческий подход к источникам не совместим с чисто формальными определениями, не учитывающими исторического развития общества в процессе классовой борьбы.

Эти дефекты методологии Лаппо-Данилевского дают особенно себя чувствовать в определении задач дипломатического и юридического анализа актов. Дипломатический анализ, по Лаппо-Данилевскому, с применением методов грамматического, графико-статистического и символически-аналитического, определяет типический формуляр подвергаемой анализу группы актов. «Клаузулы, явно преобладающие в составе данной группы, получают значение типических, т. е. средних, в отношении которых можно рассматривать и наблюдаемые от них уклонения». Типический формуляр, «представляя из себя как бы средний вывод из известного числа наблюдений над формулярами отдельных актов», «может быть представлен одним из них, но может и не совпасть ни с одним из них в его целокупности».[21]

Подобный метод установления «среднего» формуляра, не совпадающего с конкретными актовыми формулярами и имеющего «идеально-типический» характер, давно уже опорочен в глубоких исследованиях В. И. Ленина. В. И. Ленин подверг критике метод «средних» цифр, разбирая материалы фабрично-заводской и сельскохозяйственной статистики конца XIX в. Он отметил фиктивность этих цифр и затушевывание ими классовых противоречий.[22] Указания В. И. Ленина вполне применимы и при статистическом анализе актового материала. Цифровые данные могут оказать услугу исследователю лишь в той мере, в какой они иллюстрируют реальные общественные отношения. Использование статистических данных в целях создания «среднего» типического формуляра не оправдано научно.

Чисто формальный характер придает А. С. Лаппо-Данилевский юридическому анализу. «Без предварительного понятия об общем характере той юридической сделки, которая облечена в письменную форму частного акта (работа А. С. Лаппо-Данилевского посвящена именно частным актам.— *Л. Ч.*), нельзя уразуметь его смысл... При помощи юридического анализа можно также точнее провести границы между публичным и частным актом... Юридический анализ дает также возможность проводить различие между более или менее однородными актами, которые иногда смешиваются», и т. д.[23] Слабость методологии Лаппо-Данилевского заключается в отрыве формы актов от их содержания. «Характер юридической ссылки», облеченный в форму акта, не может быть раскрыт в результате анализа только юридического формуляра, оторванного от конкретных явлений общественной жизни. Маркс очень ярко показал, как старая форма часто используется для нового содержания. Подобное явление он очень метко назвал «заклинанием мертвых». «Как раз тогда, когда люди, повидимому, только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее, создают совершенно небывалое,— как раз в такие эпохи революционных кризисов они заботливо вызывают к себе на помощь духов прошедшего, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюм и в освященном древностью наряде, на чуждом языке, разыгрывают новый акт всемирной истории».[24] Поэтому анализ одной формы, в отрыве от содержания, мешает правильному пониманию актов — их классовой сущности и политической направленности.

---

[21] А. С. Лаппо-Данилевский, цит. соч., стр. 124, 143 и 146.

[22] В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 203; т. II, стр. 349, 351, 373—374; т. III, стр. 100—101; т. IV, стр. 5—9, 26—29 и т. д.

[23] А. С. Лаппо-Данилевский, цит. соч., стр. 158—160.

[24] К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Соч., т. VIII, стр. 323.

Свой очерк дипломатики А. С. Лаппо-Данилевский заканчивает определением сущности синтеза актов, следующего непосредственно за их анализом. «Синтез акта,— говорит автор,— состоит в выяснении того, что придает ему некоторое единство: цель, ввиду которой акт составлен, обуславливает, например, то, а не иное соотношение его элементов; интерес, удовлетворению которого он служит, придает ему более или менее цельный характер, и т. п.»[25] Однако разделение аналитических и синтетических процессов, предлагаемое Лаппо-Данилевским, носит механический характер. Диалектический метод связывает эти процессы в единый путь от «хаотического представления о целом» к «богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями», «от абстрактных определений» к «воспроизведению конкретного путем мышления». «Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное.»[26]

Марксистско-ленинская диалектика позволяет создать подлинно научное источниковедение, показывая полное методологическое бессилие в этом отношении формальной неокантианской логики.

На основе формального метода выявления типического формуляра актов феодальной эпохи построен ряд работ , опубликованных в сборнике трудов, посвященных Лаппо-Данилевскому, и в других изданиях.

При изучении актового материала XIV—XV вв. исследователи часто прибегают к техническим приемам его анализа, разработанным А. А. Шахматовым применительно к летописным сводам. Поэтому надо отдать себе отчет, в какой мере эти приемы представляют научную ценность.[27] Разработанная Шахматовым техника расслоения текстов на составные части применяется автором в ограниченном плане буржуазной методологии. В этом его слабость. Шахматов пытается раскрыть *историю текста* источника, но не ставит своей задачей за историей текста выявить движущие социальные силы. Сделать это можно было лишь при одном условии — при условии изучения законов развития феодального общества. Шахматов же в лучшем случае ограничивается признанием политической направленности и тенденциозности летописных сводов. История русского летописания в целом, в изображении Шахматова, выступает как чисто внешний процесс постепенного нарастания, пласт за пластом, литературного материала, как история различных летописных вариантов и редакций, комбинируемых отдельными сводчиками в ряде направлений. Но можно ли уловить за очень сложной и разветвленной генеалогической схемой летописных сводов, разработанной Шахматовым, движущие силы развития феодального общества и их отражение в идеологической области? Конечно, нет. История летописания XIV—XV вв., отраженная в схеме Шахматова, не вскрывает борьбы отдельных феодальных центров периода феодальной раздробленности, не показывает создание Русского государства в процессе борьбы великокняжеской власти, опирающейся на земельное дворянство и города, с боярской оппозицией, не дает никакого материала для суждения о формах господства класса феодалов, как организованной силы, над непосредственными производителями. А все эти явления истории феодального об-

---

[25] А. С. Лаппо-Данилевский, цит. соч., стр. 164.

[26] К. Маркс. Введение к «критике политической экономии». Соч., т. XII, ч. 1, стр. 190—191.

[27] А. А. Шахматов. Сборник Академии наук СССР. М.—Л., 1947.— Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947.— Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. Исторические записки, т. 25, М.— Л., 1948, стр. 293—333.

щества нашли какое-то выражение в летописных сводах, как памятниках русской публицистики XIV—XV вв. Поэтому надо решительно возражать против механического применения источниковедческих приемов Шахматова при изучении повествовательных памятников или актов.

Большинство буржуазных исследователей раннего феодализма обходятся без развернутой теории источниковедения. Применение же ими на практике ряда ошибочных источниковедческих приемов, вместе с общей неправильной методологией исследования, приводит к неверной характеристике исторических явлений. Ошибки, свойственные буржуазным авторам, повторяются иногда и в работах современных исследователей. Примером в этом отношении может служить С. Б. Веселовский, которому принадлежит ряд исследований по истории феодальных отношений в Северо-восточной Руси XIV—XV вв.[28]

Ошибка С. Б. Веселовского заключается в том, что при изучении источников он не пользуется диалектическим методом. Он берет сложившиеся и застывшие формулы актов и, не пытаясь раскрыть их происхождение в связи с историей производственных отношений, пользуется ими в закостеневшем виде для своих выводов, которые, естественно, приобретают антиисторический характер. В этом отношении показательна трактовка частной собственности в книгах С. Б. Веселовского. Актовый материал XIV—XV вв. рисует частную собственность на землю в Северо-восточной Руси в сложившемся виде. Историк, естественно, должен разрешить вопрос о генезисе феодального землевладения, а также о генезисе и эволюции тех правовых форм, в которые облекаются в грамотах XIV—XV вв. феодальные земельные отношения. Для формально-юридического мышления С. Б. Веселовского эта проблема вообще не встает, он склонен признавать существование частной собственности извечно и отрицать тем самым наличие в древней Руси первобытно-общинных отношений, предшествующих феодальным. Достаточно также посмотреть главы последнего исследования С. Б. Веселовского о феодальном землевладении («Вотчинное право», «Основные черты наследственного права», «Закуп-запродажа», «Земельная политика московских великих князей и первых царей» и т. д.), чтобы убедиться, что автора интересуют институты феодального права в отрыве от классовой и внутриклассовой борьбы в феодальном обществе. Автор излагает заимствованные из грамот нормы вотчинного, наследственного, залогового права, не пытаясь раскрыть происхождение и содержание этих норм в свете наблюдений над основными моментами в развитии феодального общества. С предельной ясностью буржуазный характер мышления сказывается в трактовке автором иммунитета. Иммунитетные грамоты С. Б. Веселовский расценивает исключительно как акты княжеского правотворчества, как форму организации государственного управления. Тем самым Веселовский не только не дает критического анализа жалованных княжеских грамот, но сам оказывается в плену той теории, которую проводят грамоты: иммунитет — это княжеское пожалование. Автор забывает, что задача историка — раскрыть классовый характер изучаемого явления и показать его возникновение и основные этапы развития. Иммунитет, как одна из форм господства феодалов над непосредственными производителями, является характерным признаком феодальной земельной собственности, зарождаясь в процессе разложения первобытно-общинных отношений, узурпации общинных земель и оформления класса феодалов. Великокняжеская власть использует иммунитет как готовую

---

[28] С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.— Село и деревня в Северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.— Л., 1933.— Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси, М.— Л., 1947.

форму организации классового господства и начинает путем выдачи жалованных грамот расценивать иммунитетные привилегии, как акты княжеской милости (бенефиции).

Общее направление всей исследовательской работы С. Б. Веселовского, отрывающего анализ правовых институтов от основных этапов развития феодального общества, приводит к созданию неправильной концепции по одной из кардинальных проблем XV в.— образованию Русского государства. Здесь автор так же некритически использует генеалогические росписи боярских и дворянских родословцев, как по вопросу об иммунитете он некритически воспользовался формулами жалованных княжеских грамот. В результате такой методологии причины создания Русского государства сводятся к факторам чисто биологического порядка, зафиксированным в генеалогических источниках: к «естественному размножению» или, наоборот, к «слабой рождаемости» и смертности среди землевладельцев XV века.

Вопросы актового источниковедения нельзя отрывать от вопросов архивоведения. В советской архивоведческой литературе появились труды: И. Л. Маяковского по истории архивного дела, в СССР[29] и К. Г. Митяева по теории и практике архивного дела.[30] В разделах своей книги, посвященных архивному делу в период феодальной раздробленности и «возникновению архивов в Русском централизованном государстве», И. Л. Маяковский правильно ставит вопрос о значении архивов как объектов борьбы между отдельными феодальными центрами, о стягивании в Москву материалов феодальных архивов в связи с образованием Русского централизованного государства. Словом, под исследование истории руского архивного дела в период раннего феодализма подведен исторический базис.[31]

Тем не менее, в некоторых отношениях книга И. Л. Маяковского оставляет открытым ряд вопросов. Это объясняется тем, что автор разрывает задачи архивоведения и источниковедения, что вряд ли оправдано методологически. О ряде мероприятий по централизации архивов в XIV—XV вв. в Москве автор судит не по самым документам, за которые шла борьба между отдельными феодальными центрами и которые хотело получить в свои руки московское правительство, а по случайным известиям летописей, показаниям позднейших описей и т. д. Поэтому в ряде случаев остается невыясненным, за какие документы и почему вели борьбу отдельные участники феодальных войн, чем вызвано стремление московского правительства получить определенный комплекс архивных материалов в свои руки и почему некоторые материалы оно уничтожило, а другие, наоборот, использовало в политических целях. При изучении истории архивного дела, таким образом, самое содержание документов, их классовая и политическая направленность остаются вне поля зрения автора. И самая централизация архивов в Москве в XV—XVI вв. получает несколько формальный характер.

Но в гораздо большей степени такой формальный подход к делу характеризует книгу К. Г. Митяева. Давая характеристику делопроизводства «доприказного и приказного периодов», он приводит голую схему классификации делопроизводственных материалов, лишенную всякого конкретно-исторического содержания.[32]

Я думаю, что такой разрыв задач архивоведения, документоведения и источниковедения не помогает историческому исследованию. Документ

---

[29] И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР, ч. I, М., 1941.
[30] К. Г. Митяев. Теория и практика архивного дела, М., 1946.
[31] И. Л. Маяковский, цит. соч., стр. 64, 73 и др.
[32] К. Г. Митяев, цит. соч., стр. 26 и сл.

интересен как исторический источник, а история архивов должна строиться так, чтобы документальное наследие служило целям марксистско-ленинского изучения общественного развития.

Ставя своей задачей построение марксистско-ленинского источниковедения периода раннего феодализма, я считал, что каждый памятник исторического прошлого следует рассматривать не изолированно, а в связи с историей того фонда, который сохранил его до нашего времени, историю же архивных фондов — в связи со всем ходом общественного развития. Так определилась тема настоящей работы: история феодальных архивов; так возникла интересная и важная задача реконструкции архивных собраний великих и удельных князей, городских феодальных республик, феодальных духовных корпораций XIV—XV вв. Материалы этих архивов отражают основные процессы истории феодального общества. Основной план исследования, его построение были продиктованы предпосылкой, что нельзя искусственно вырывать источник из того исторически сложившегося комплекса актов, в котором он занимал определенное место. А история архивов, в свою очередь, только тогда может сделаться актуальной и целеустремленной, если связать ее с основными моментами истории феодального общества, как общества антагонистического, развивавшегося в процессе классовой борьбы. При такой постановке темы многие памятники удалось заставить выступить в двоякой роли: в качестве источников, отражающих ту обстановку, в которой они непосредственно появились, и в качестве документов, которыми пользовались в каких-то политических целях в более позднее время. Договорные грамоты из архива Дмитрия Юрьевича Шемяки, попавшие вместе со всем этим архивом в Москву, не лежали мертвым кладом в великокняжеской казне, а служили орудием великокняжеской политики. Новгородско-московские докончания XIV и первой половины XV вв. приобрели самое актуальное значение в отношениях Ивана III с Великим Новгородом в 70-х годах XV столетия. Словом, выдвинув на первый план изучение феодальных архивов в связи с борьбой феодальных центров, мне удалось показать, что акты XIV—XV вв. имели более длительную историю, чем принято думать. Они продолжали жить долгое время после своего возникновения. Следя за политическими судьбами тех архивных собраний, в которых хранились интересующие его акты, исследователь получает возможность исчерпать все то, что они могут дать как исторический источник. Историк узнает, как во время междукняжеских усобиц 70—80-х годов XV в. участники борьбы неоднократно обращали свое внимание на документы феодальной войны второй четверти столетия, как московско-литовские отношения 90-х годов XV в. пробудили интерес к договорным грамотам с Литвой Дмитрия Донского, и т. д.

Придавая большое значение выяснению истории феодальных архивов в целях более полного и глубокого рассмотрения внутренних процессов, приведших к образованию Русского государства XIV—XV вв., я, естественным образом, считал необходимым внимательно присматриваться к внешности документов, подвергая их анализу с этой точки зрения. Воссоздать историю архивного фонда — значит также и проследить те пути, которые прошел со всем фондом каждый принадлежащий к его составу документ. Этому помогали и позднейшие пометы на обороте грамот, и приписки и поправки позднейшими чернилами в самом тексте, и привешенные к документам печати, и их формуляр и т. д. Только совокупными усилиями приемов ряда вспомогательных исторических дисциплин удалось рассеять легенду о новгородском происхождении докончальных грамот тверских князей XIII—XV вв. с Новгородом и установить, что перед нами фрагмент документального собрания, хранившегося до 1485 г. в Тверской великокняжеской казне. Только в результате применения приемов различ-

ных вспомогательных дисциплин можно было показать, как сложился московский великокняжеский архив Ивана III, вобравший в себя архивные фонды московских уделов, Рязани, Твери и т. д.

Таким образом, в моей монографии грань между документом напечатанным и до сих пор неопубликованным в известной степени стиралась, так как самый факт появления документа в печати не давал права ограничиться при его изучении печатным текстом. Обращение к оригиналу, хранящемуся в том или ином архиве, позволяло учесть при исследовании такие детали, которые ускользали от публикаторов и не могли быть воспроизведены при издании. Вопрос о взаимоотношении и происхождении отдельных редакций духовных грамот великих и удельных князей часто решался на основе изучения их почерков, выявления тех писцов, которыми написаны тексты. По-новому можно было осветить историю возникновения дошедших до нас редакций духовных грамот Ивана Калиты, его сына Ивана Ивановича, докончаний князей Ярослава Ярославича и Михаила Ярославича с Великим Новгородом и т. д. Сфрагистика, которая в работах А. В. Орежникова и Н. П. Лихачева сводилась к формальному описанию печатей, была исследована в исторических идеях.

§ 2. Выводы: документы феодальных, княжеских и городских архивов XIV—XV вв., как источник для изучения истории образования Русского государства

Основными источниками, которые дошли до нас в составе архивных фондов отдельных феодальных центров XIV—XV вв., являются духовные и договорные княжеские грамоты, а также договорные акты великих князей с Новгородом. Документы эти характеризуют, главным образом, политическую сторону процесса образования Русского государства. Поэтому, подводя итоги их изучению, надо дать их оценку в свете марксистско-ленинского учения о феодальном государстве и его функциях.

В отчетном докладе на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) И. В. Сталин указывал: «Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплоатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме».[33]

Эта глубокая характеристика функций феодального государства, сделанная И. В. Сталиным, дает руководящую нить исследователю источников раннего русского феодализма.

Духовные и договорные княжеские грамоты XIV—XV вв. надо рассматривать как документы, служившие орудием в осуществлении этих двух функций государства, являвшегося органом господствующего класса. Уже во второй четверти XIV в. духовные и договорные княжеские грамоты выполняют эту двойную роль. Они служат средством в дипломатических сношениях с Ордой и используются для оформления феодально-иерархических отношений внутри правящего класса, методами внеэкономического принуждения осуществлявшего свое господство над непосредственными производителями. В самых ранних, дошедших до нас, документах этого типа (духовной Ивана Калиты 1339 г. и договоре Семена Ивановича с братьями 1350—1351 гг.) выступают указанные две задачи великокняжеской власти: одна — внешнеполитическая, другая — касающаяся политики внутренней. Духовная Ивана Калиты преследовала цель добиться

[33] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1947, стр. 605.

перед Ордой закрепления великокняжеского достоинства за московским княжеским домом. В то же время эта грамота, так же как и докончание Семена Ивановича с братьями, устанавливала систему феодальной междукняжеской иерархии на основе признания территориального единства Московского княжества (при наличии уделов внутри его) и руководящей роли великого князя московского. Вся феодальная иерархия в целом противостояла в качестве антагонистического класса непосредственным производителям. В договорных грамотах постоянными являются формулы, запрещающие переходы крестьян («тяглых» и «письменных» людей).

Во второй половине XIV в. наблюдается развитие феодального договорного права, отражающего в формулах междукняжеских докончаний дальнейшее расширение и углубление двух основных функций феодального государства. В области внутренних отношений в пределах Московского княжества проводится последовательная линия политического усиления великого московского князя и подчинения ему князей удельных на основе формулы («А тобе, брату моему молодшему, мне служити без ослушания..., а мне тобе кормити по твоей службе»).

Правда, эта формула еще не окончательно завоевывает признание и укрепляется в договорных текстах. Но ее появление, несомненно, отражает наметившуюся тенденцию к централизации аппарата власти господствующего класса, облегчавшей ему задачу держать в узде эксплоатируемое большинство. Некоторые формулы договорных грамот (например, от организации обороны Москвы) являются прямым ответом господствующего класса на антифеодальные восстания. Политическое усиление власти великого князя московского связано с ростом его территориальных владений и превосходством в этом отношении над князьями удельными. Оно выражется в значительном наделении по духовной грамоте Дмитрия Донского его старшего наследника «на старейший путь». Владения великого князя и в количественном и в качественном отношениях превосходят уделы других князей московского дома.

Усиление политического единства внутри Московского княжества обеспечивает успехи, во-первых, в политической борьбе Москвы, как центра формирующегося Русского государства, с другими феодальными центрами: Рязанью, Тверью, Нижним-Новгородом; во-вторых, в области внешней политики. Формулы московско-рязанских и московско-тверских докончальных грамот второй половины XIV в. свидетельствуют о том, что в системе политических отношений Северо-восточной Руси Московское княжество получает первое место и претендует на руководящую роль в общерусской внешней политике.

В отношениях Московского княжества с Золотой Ордой решительный перелом наступает после знаменитой победы русских войск над полчищами Мамая на Куликовом поле в 1380 г. Военная победа русских войск обеспечивает дипломатическую победу московского правительства в Орде, которая вынуждена была признать вотчинные права князей московского дома на владимирское великое княжение.

Литовская опасность, которую особенно остро почувствовало московское феодальное правительство во время походов на Москву Ольгерда в 70-х годах XIV в., направила в княжение Дмитрия Донского интересы московской дипломатии в сторону разработки формул договорных взаимоотношений с Литовским государством. Намечался, правда, не осуществленный, план московско-литовского союза путем брака Ягайла с дочерью Дмитрия Донского. Этот план должен был помешать Кревской унии Польши и Литвы. Более позднее сближение московского правительства с правительством Витовта, закрепленное браком Василия I с Софьей Витовтовной, вызвало появление в духовной Дмитрия Донского фромулы о

передаче, в случае смерти Василия I, Московско-коломенского удела его брату, Юрию звенигородско-галицкому. Это распоряжение было продиктовано политической предусмотрительностью, боязнью, что смерть Василия I может повлечь за собой фактический переход под власть его тестя Витовта Московско-коломенского удела, с которым были связаны великокняжеские права.

Грамоты московского великокняжеского архива первой четверти XV в. отразили в своих формулах, прежде всего, ряд мероприятий московского правительства, касающихся подготовки присоединения к Москве великих княжеств Нижегородского и Муромского. Это присоединение, подготовленное всем ходом экономического развития, было осуществлено в результате искусной великокняжеской дипломатии.

Пересмотр текста московско-рязанского соглашения конца XIV в. выразился в том, что московское правительство взяло под свой контроль рязанско-ордынские и рязанско-литовские отношения. Перед Великим Новгородом правительство Василия I выдвинуло также требования, лишавшие Новгородскую феодальную республику права ведения самостоятельной внешней политики и стеснявшие новгородскую самостоятельность в области суда. Отказ новгородского правительства принять эти требования повлек за собой разрыв московско-новгородских отношений. В этих условиях правительство Василия I попыталось при помощи двинского боярства оторвать от Новгорода богатое Заволочье и тем самым подорвать силы Новгородской феодальной республики. Двинская уставная грамота должна была явиться средством борьбы московского правительства с Великим Новгородом. В то же время грамота является документом, оформляющим господство двинских бояр над непосредственными производителями. Наконец, в первой четверти XV в. были достигнуты новые дипломатические успехи в Золотой Орде. С этого времени княжеские духовные грамоты перестали утверждаться в Орде. Московское правительство сделало попытку решить вопрос о великом княжении независимо от Орды.

Вторая четверть XV в.— период длительной и сложной феодальной войны, время борьбы старой системы феодальной раздробленности с новой системой политической централизации.

Пристальный анализ договорных грамот этого времени позволяет раскрыть группировку социальных и политических сил на отдельных этапах войны. Междукняжеские союзы опирались на различные общественные силы. Удельно-княжеская коалиция, возглавляемая галицкими князьями — Юрием Дмитриевичем и его сыновьями — и находившая поддержку в реакционном боярстве удельных центров, выдвинула программу расчленения государственной территории на самостоятельные княжества. В частности, проектировалась реставрация Нижегородско-суздальского княжества на правах великого княжения.

Разгром удельно-княжеской коалиции великокняжеской властью, опиравшейся на дворянство и торгово-ремесленное население городов, ликвидация всех самостоятельных уделов (за исключением белозерско-верейского) повлекли за собой стягивание архивов ряда оппозиционных феодальных центров в Москву. Документы этих архивов были использованы в великокняжеской канцелярии в целях пересмотра формуляров доконча́льных грамот для выработки новых договорных текстов, отвечавших проводимой московским правительством политике централизации. Уже к концу 50-х годов XV в. отчетливо наметились результаты такой работы. Яжелбицкое соглашение, последовавшее за походом Василия II на Новгород 1456 г., подготовило, в противоположность старому, сложившемуся в течение веков, формуляру взаимоотношений Москвы и Новгорода,

формулы, отражавшие новые политические отношения. Такие условия, как требование заверять новгородские документы великокняжеской печатью и запрещение составлять грамоты на вече, подготавливали ликвидацию независимости Великого Новгорода и включение его в состав централизованного Русского государства. Менее решительной была в середине XV в. политика московского правительства в отношении Тверского княжества. Заключив наступательный и оборонительный союз с тверским великим князем Борисом Александровичем, Василий II не порвал своего соглашения с литовским великим князем Казимиром IV, которым они были связаны с 1449 г. В свою очередь, Борис Александрович также не нарушил своего договора с Казимиром IV, заключенного в 1449 г., одновременно с московско-литовским соглашением. Перекрестными договорами друг с другом и с Литвой Москва и Тверь стремились добиться политического равновесия.

Время массового и окончательного пересмотра формул договорного права падает на 70—80-е годы XV в. Московская великокняжеская канцелярия Ивана III провела в этом отношении большую и сложную работу. Прежде всего, в 1471—1476 гг. был подготовлен специальный сборник документов, относящихся к политическим взаимоотношениям Москвы и Великого Новгорода. Этот сборник был использован московским правительством во время походов на Новгород в 1471—1477 гг. для наступления на независимость этой боярской феодальной республики с использованием классовых противоречий в новгородском обществе. В целях политической централизации московское правительство потребовало в 70—80-х годах на пересмотр законодательные памятники Новгорода и Пскова (Новгородскую и Псковскую судные грамоты), которые были подвергнуты соответствующей редакции, проведенной в интересах Москвы, как политического центра Русского государства.

В 80-х годах, после нашествия Ахмата, во время которого были попытки со стороны удельно-княжеской оппозиции начать новую феодальную войну и помешать государственной обороне, московское правительство проводит политику сведения удельных князей на положение зависимых прекарных держателей своих уделов. Соответствующие видоизмененные новые формулы вносятся в тексты докончальных и духовных грамот. Пересмотр договорного формуляра коснулся и взаимоотношений Москвы с Тверью.

В 90-х годах XV в. канцелярия московского правительства также не оставляет работы над видоизменением старых, переживших себя, договорных текстов применительно к задачам текущей политики. Это требовалось, например, в связи с ликвидацией Угличского удела. Но в основном процесс ликвидации феодальной раздробленности был уже в это время завершен.

Изучение политической стороны процесса создания Русского государства представляет, несомненно, исторический интерес. Эту сторону имели в виду Маркс и Энгельс, когда говорили о феодализме, как «политической форме средневековых отношений производства общения».[34]

Подвергая анализу духовные и договорные грамоты XIV—XV вв. как источник по истории образования Русского государства, следует вспомнить указание Энгельса на то, что «рассмотрение общественных отношений ведет нас к рассмотрению отношений государственных», что мы «от экономики переходим к политике».[35]

---

[34] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 157.

[35] Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 443.

Все вышеизложенное свидетельствует о развитости, четкости и разработанности русского договорного феодального права XIV—XV вв., о большой культуре русской дипломатической службы. Русское государство не только не отставало в этом отношении от других феодальных государств, а шло впереди многих из них.

Гораздо в меньшей степени отражают духовные и договорные грамоты экономический процесс объединения русских земель (рост общественного разделения труда, развитие торговых связей и т. д.). Однако некоторые данные духовные и договорные грамоты содержат и в этом отношении. Таковы формулы грамот об охране торговли («путь чист без рубежа»), о единстве таможенного обложения и т. д., свидетельствующие о расширении экономических связей, подготавливавшем ликвидацию феодальной раздробленности. Материал, касающийся социально-экономических явлений XIV—XV вв., содержится, главным образом, в вотчинных монастырских архивах, которым посвящена вторая часть монографии.

В целом материал феодальных архивов XIV—XV вв. дает возможность воссоздать картину явлений общественной жизни периода феодальной раздробленности и проследить процесс образования Русского государства.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ ПРИ УКАЗАНИЯХ НА ИСТОЧНИКИ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии Наук, т. I, СПб., 1836.

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I, СПб., 1846.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою экспедициею, т. I, СПб., 1841.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. II, СПб., 1864.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою экспедициею, т. I, СПб., 1846.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, т. I, СПб., 1846; т. II, СПб., 1843; т. III, СПб., 1841; т. IV, СПб., 1848; т. V, СПб., 1851; т. VI, СПб., 1853; т. VII, СПб., 1856; т. VIII, СПб., 1859; т. X, СПб., 1885; т. XI, СПб., 1897; т. XII, СПб. 1901; т. XIV, СПб., 1910; т. XV, СПб., 1863; т. XVI, СПб., 1889; т. XVII, СПб., 1907; т. XVIII, СПб., 1913; т. XX, первая половина, СПб., 1910; т. XXI, первая половина, СПб., 1908; т. XXIII, СПб., 1910; т. XXIV, Пгр., 1921.

Р. И. Б.— Русская историческая библиотека, т. II, СПб., 1875; т. VI, СПб., 1880; т. XXXI, СПб., 1914.

СГГД — Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. I, М., 1813; ч. II, М., 1819; ч. V, СПб., 1841.

ЦГАДА—Центральный Государственный архив древних актов.

ЧОИДР—Чтения в Обществе истории и древностей Российских.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрам, новгородский тысяцкий— 300, 337.
Август, римский император — 250.
Авраамка, летописец — 388—389.
Аврам Степанович, новгородский воевода, двинский посадник — 403.
Агриппина Александровна, жена кн. Можайского Андрея Дмитриевича — 77.
Агриппина Васильевна, жена вел. кн. Рязанского Ивана Васильевича — 209.
Адриан Елевферьевич (Андриан Олферьевич), новгородский посадник — 271.
Адриан Захарьевич, новгородский посадник — 314.
Аксак-Темир — см. Тимур.
Албердов Андрей, боярин — 397.
Александр, король Польский и вел. кн. Литовский — 205—206, 208, 323.
Александр Белевут, боярин — 362.
Александр Васильевич, кн. Суздальский — 149.
Александр Иванович, новгородский посадник — 391.
Александр Иванович Брюхатый, кн. Суздальский — 88—89, 91—92.
Александр Климович, новгородский посадник — 287.
Александр Михайлович, вел. кн. Тверской — 14, 16, 27, 51, 207, 226, 232—234, 236—237, 292, 299—305, 309, 317, 321—322, 325, 337, 415, 417, 438—439, 442—443, 447.
Александр Патрикеевич, кн. Стародубский — 77.
Александр Ярославич Невский — 239, 255—256, 258—262, 267, 273, 276, 292, 297, 302—304, 352—353, 381, 415, 417, 436, 438—444, 446—447.
Александра, жена Ивана II Красного — 30.
Александра, жена кн. Нижегородско-суздальского Семена Дмитриевича — 68.
Алексей, архиепископ Новгородский — 312—313, 378, 380—381.
Алексей, митрополит — 25, 32, 42, 48—49, 57—58, 189.
Алексей Морткинич, новгородский посадник — 263.
Алексей Петрович Хвост, тысяцкий — 20—23.
Анания (монашеское имя Ивана Калиты) — 14.
Анастасия Михайловна, дочь кн. Верейского Михаила Андреевича — 178.
Андреев А. И.— 198.
Андреевский И. А.— 264.
Андрей Александрович, вел. кн. Владимирский — 233, 238, 267—272, 274—275, 277—278, 280, 287, 292, 297, 300, 304, 309, 337—338, 357.
Андрей Борисович, кн. Микулинский — 204.
Андрей Васильевич Большой, кн. Углицкий — 147, 157, 159—160, 163—164, 166—174, 180—181, 184—187, 189—192, 194—200, 202, 211—212, 214—216, 222, 349, 359.
Андрей Васильевич Меньшой, кн. Вологодский — 147, 157, 159—160, 163, 179—183, 186—188, 191, 196, 200, 214, 218, 222—223, 337, 359.
Андрей Владимирович, кн. Серпуховской — 74, 156.
Андрей Дмитриевич, кн. Белозерский — 404.
Андрей Дмитриевич, кн. Можайский — 17, 60—61, 75—80, 88, 90—91, 101—103, 134, 165, 176—177, 182—188, 205.
Андрей Иванович, кн., сын Ивана I Калиты — 16, 19—21, 26, 31, 41, 73.
Андрей Климович, новгородский посадник — 268—269, 271.
Андрей Ольгердович, кн. Полоцкий — 50—51.
Андрей Фрязин — 337.
Андреян Захаринич — см. Адриан Захарьевич.
Андриан Олферьевич — см. Адриан Елевферьевич.
Анна, кн., тетка Ивана II — 30.
Анна Васильевна, дочь вел. кн. Василия II — 210.
Анна Ивановна, жена вел. кн. Литовского Свидригайла — 230.
Антоний, патриарх Константинопольский — 378.
Арциховский А. В.— 241, 390.
Афанасий, епископ Волынский — 25.
Афанасий, епископ Коломенский — 25.
Афанасий Данилович, кн. Новгородский — 284.
Афанасий Евстафьевич (Офонас Остафьевич), новгородский посадник — 341.
Ахмат, хан Золотой Орды—9, 167—168, 180, 182—183, 196—197, 214, 349, 460.
Ахмыл — см. Федор Ахмыл.
Ачихожа, посол Золотой Орды — 38.

Баба — см. Иван Баба.
Базилевич К. В.— 349.
Байши, посол Золотой Орды —237—238.
Бантыш-Каменский Н. Н.— 209.
Барбашев А.— 328—329.

Басенок — см. Федор Васильевич Басенок.
Бахрушин С. В.— 4.
Безобразов Юрий — 215.
Белевут — см. Александр Белевут.
Белокуров С. А.— 10, 12, 217.
Беляев И. Д.— 72, 89, 240, 356, 375—377, 390, 398—399.
Беляев П. И.— 3, 431, 435, 447, 449.
Бердибек, хан Золотой Орды — 28.
Бигич, посол хана Улу-Махмета — 129.
Богдан Аввакумович (Обакумович), новгородский тысяцкий — 378.
Богдан Иосифович (Есипов), новгородский боярин — 347.
Богородицкий Исаак, посадник Новгородский — 350.
Богословский М. М.— 397, 403.
Божин Даниил Иванович, новгородский боярин — 388—389.
Болеслав Храбрый, король Польский— 242—243.
Болотников И., дьяк — 12.
Большое Гнездо — см. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо.
Бонифаций IX, папа римский — 328.
Борецкая Марфа Исааковна, новгородская посадница — 364.
Борзаковский В. С.— 52, 85, 268, 270, 285—286, 288, 293, 296—297, 300, 309, 313 319.
Борис Александрович, вел. кн. Тверской — 97, 124—125, 137—141, 146, 150, 154—155, 202, 227, 229—232 234, 237, 317—323, 325—330 332—333. 393—395, 460.
Борис Васильевич, кн. Волоцкий — 147, 157, 159—160, 163, 166—174, 180—183, 185—187, 189—192, 196—200, 202, 211—212, 215, 349, 359.
Борис Константинович, кн. Нижегородский — 44, 56, 64—65, 69, 74, 89.
Борис Константинович, тверской наместник в Кореле — 275.
Борис Юрьевич, посол Великого Новгорода — 331—332.
Бородатый — см. Степан Бородатый.
Босой — см. Касиан Босой.
Бреин Парфений, серпуховской сын боярский — 339.
Брюхатый — см. Александр Иванович Брюхатый.
Брюхо — см. Морозов Семен Борисович.
Бугославский С. А.— 259.
Будовниц И. У.— 9.
Булат-Салтан, хан Золотой Орды — 70.
Бутков П.— 300, 337.
Бутурлин Ф. Л., окольничий — 12.
Бывальцев—см. Феодосий (Бывальцев).

Варлаам, митрополит — 219.
Варфоломей Юрьевич, новгородский посадник — 263, 271, 300.
Василий I Дмитриевич, вел. кн. Московский — 9, 36, 39, 45, 57, 59—73, 75—92, 100—101, 104—107, 109, 115, 132, 156—158, 183—185, 188—191, 195, 197—198, 205, 215, 229, 330, 338, 357, 392—393, 397, 399—404, 458, 459.
Василий II Васильевич Темный, вел. кн. Московский — 6, 27, 62, 88—164, 166, 169—172, 174, 181, 184—185, 189—190, 193—195, 200—202, 205—207, 213, 215—216, 222—223, 318—319, 321—322, 326—327, 329—330, 332—333, 335—336, 339—341, 346, 350, 356—361, 370, 375, 392—393, 413—415, 418, 459, 460.
Василий III Васильевич, вел. кн. Московский — 11. 160, 180, 185, 211, 213, 218—223, 323, 352—353.
Василий Ананьевич (Онаньевич), новгородский посадник — 347—348.
Василий Васильевич Гребенка, кн. Суздальский — 149.
Василий Владимирович, кн. Серпуховской — 74, 156.
Василий Давыдович, кн. Ярославский— 18.
Василий Дмитриевич Кирдяпа, кн. Городецкий — 129.
Василий Иванович, кн. Рязанский — 99, 201, 207.
Василий Иосифович (Есифович, Есипович), новгородский посадник — 390—391.
Василий Михайлович, кн. Кашинский— 27, 33, 54.
Василий Михайлович Удалой, кн. Верейский — 165, 175, 177, 191, 197, 199,
Василий Никифорович (Микифорович), новгородский боярин — 347.
Василий Румянец, боярин нижегородский — 65.
Василий Юрьевич, двинский посадник — 403.
Василий Юрьевич, кн. Суздальский — 93, 129, 131—132, 147—148.
Василий Юрьевич Косой — 107, 110—111, 117—118, 120—124, 127—128, 151, 215, 359.
Василий Ярославич, кн. Костромской — 233, 263, 265, 276, 292, 297, 300, 304.
Василий Ярославич, кн. Серпуховско-боровский — 94—95, 98—99, 107—108, 110—111, 137—141, 145, 149, 151—153, 156—158, 160—161, 170, 174—175, 189, 199, 207, 215—216, 339—340, 370.
Василиса, дочь Василия I — 89, 132.
Василиса, дочь Семена Гордого — 54.
Василиса, жена вел. кн. Владимирского Андрея Александровича — 292.
Вассиан Рыло, архиепископ Ростовский — 179—180.
Ваттерман, пастор — 10.
Вахрамеев И. А.— 404.
Вельяминов Василий Васильевич, московский тысяцкий — 21—23, 27, 76.
Вельяминов Иван Васильевич, сын тысяцкого — 38, 54, 58, 311.
Веселовский С. Б.— 3, 19, 133, 349, 454, 455.
Веска — см. Игнат Веска.
Витовт, вел. кн. Литовский — 46, 62, 70—71, 81—82, 85—86, 90—92, 101, 104—106, 109, 115—116, 125, 155, 324—326, 328—329, 332, 400, 458, 459.

Владимир Андреевич, кн., псковский наместник — 413—415, 418.
Владимир Андреевич Храбрый, кн. Серпуховской — 29—46, 48—51, 53—56, 59—60, 63—80, 82—84, 88, 90, 98, 101, 107, 109, 134, 139, 153, 156, 159, 169, 183, 186—189, 195, 205, 222, 307—308, 311, 314—317, 339, 355—356.
Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. Киевский — 252, 433, 443.
Владимир Мстиславич, кн. Новгородский — 252.
Владимир Святославич, вел. кн. Киевский — 242, 250.
Владимир Ярославич, кн. Пронский — 46—47, 58.
Владимирский-Буданов М. Ф.— 246—247, 320, 366, 373—375, 382, 387, 392, 397—398, 411, 416—417, 445.
Ворков Борис, «первый помещик» — 18.
Воронцов М. С., кн.— 352, 424.
Всеволод Мстиславович, кн. Новгородский — 241.
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо — 249, 252—253.
Всеволожский Иван Дмитриевич, боярин — 104—108, 110—111, 125, 330.
Вячеслав, двинянин — 403.

Геннадий, игумен Троице-Сергиева монастыря — 132—133.
Герберштейн Сигизмунд — 16.
Геронтий, митрополит — 167, 176, 183, 191—193, 198.
Глеб, посол митрополита Филиппа — 422.
Голенин Василий, кн.— 216.
Голтяев Андрей Федорович, боярин — 183.
Голтяев Иван Федорович, боярин —113.
Голтяева Мария Федоровна — 160, 170—171, 174, 187, 190.
Голубинский Е. Е.— 219, 379.
Горбунов А. Н.— 404.
Гордый — см. Семен Иванович Гордый.
Горин Максим, дьяк — 216.
Горшков Иосиф (Есип), новгородский боярин — 347.
Гребенка — см. Василий Васильевич Гребенка.
Греков Б. Д.—4, 240—241, 352, 423—424, 427, 433—434, 447.
Грещник, писец,— 27.
Григорий Захарьевич (Захарьинич),новгородец — 331—332.
Грозные Очи — см. Дмитрий Михайлович Грозные Очи.
Грозный — см. Иван IV Васильевич Грозный.
Губа — см. Селезнев Василий Губа.
Гуреев — см. Яким Гурьевич (Гурьев).

Дабелов Х. Х., проф. юрьевского университета — 10.
Давыд, архиепископ Новгородский — 235, 283, 285—287, 294—295, 298.
Давыдов Владимир, серпуховской сын боярский — 339—340.
Давъкша, кн. Литовский — 326.
Далмат, архиепископ Новгородский — 239.
Даниил, новгородский посадник — 300, 337.
Даниил Александрович, кн. Московский — 71, 236, 267—268.
Даниил Борисович, кн., сын. кн. Нижегородско-суздальского Бориса Константиновича — 69, 74, 88—89.
Даниил Писцев, новгородец — 284.
Данилов Петр, дьяк — 12.
Даньяр, касимовский царевич—172, 201.
Дебольский В. Н.— 7, 436.
Дебольский Н. Н.— 404—405.
Дионисий, архиепископ Суздальский — 380, 402, 436, 441—442, 444.
Диттель И. Ф.— 198.
Дмитрий Александрович, вел. кн. Владимирский — 233, 239, 255—256, 258—260, 262, 267—269, 273—274, 276, 278, 280, 292, 297, 300, 304, 309, 352—353.
Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. Московский — 9, 17—18, 26—63, 65—67, 74—77, 79—80, 82—83, 85—87, 90—92, 101, 103—107, 109, 130, 149, 183, 185, 188—189, 195, 201—202, 205, 207—208, 215, 307—308, 311, 314—317, 337—340, 351, 354—356, 362, 365, 449, 456, 458.
Дмитрий Константинович, вел. кн. Нижегородско-суздальский — 32, 36, 68, 130—131.
Дмитрий Михайлович Грозные Очи, вел. кн. Тверской — 233, 284, 286, 288, 292, 297, 300, 304, 309.
Дмитрий Ольгердович, кн. Брянский — 46, 50.
Дмитрий Семенович, кн. Тарусский—83.
Дмитрий Юрьевич Красный, кн. Галицкий — 94—95, 110—111, 117—124, 128, 150.
Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. Галицкий — 93—98, 100, 102, 110—111, 117—133, 135—151, 154, 318—319, 321—322, 326—327, 330, 340, 345, 350, 356, 363, 393, 448, 456.
Добролюбов И.— 198.
Довмонт, кн. Псковский — 262.
Довнар-Запольский М. В.— 397.
Долматов Третьяк, дьяк — 420.
Донской — см. Дмитрий Иванович Донской.
Досифей, игумен Троице-Сергиева монастыря — 132.
Дубенский Д.— 254.
Дубенский Федор, дьяк — 129.
Дьяконов М. А.— 375, 411.
Дювернуа Н. Л.— 251, 373, 386—387, 416, 449.

Евдокия Дмитриевна, жена Дмитрия Донского — 66, 75—76, 79, 86, 158, 183—184.
Евпраксия (монашеское имя Елены Ольгердовны) — 156—157, 186.
Евсевий Новоторжец, посадский человек — 27.

Евстафий Сыта, новгородский наместник — 67.
Евфимий, архиепископ Новгородский — 96, 324, 331, 357, 363, 446.
Евфимий, епископ Тверской — 52.
Евфимий (Есип), псковский «ларник» — 410.
Евфросиния Полиевктовна, жена кн. Дмитровского Петра Дмитриевича — 76, 186.
Едигей, темник Золотой Орды — 70, 74, 81, 87, 89, 117.
Елена, дочь Ивана III — 208.
Елена, жена Ивана Калиты — 13.
Елена Ольгердовна — 36, 46, 49—50, 71—72, 156—157, 186, 311, 355.
Елена Стефановна, жена кн. Ивана Ивановича Молодого — 217.
Елисей, новгородский тысяцкий — 314, 316, 354.
Еремей Константинович, кн. Дорогобужский — 33.
Есип Филиппович — см. Иосиф (Есип) Филиппович.
Есипов — см. Богдан Иосифович.
Есиф — см. Иосиф (Есиф) Васильевич.

Жестов Яков, посол Василия II — 113.
Жирослав, новгородский тысяцкий — 239.

Заболоцкий Григорий Васильевич, новгородский наместник — 341.
Заболоцкий Константин Григорьевич, окольничий — 216.
Загоскин Н. П.— 375, 398.
Замытский Тимофей Петрович, сын боярский — 190.
Зарубин Н. Н.— 252.
Зачепин Леонтий, двинянин — 403.
Звенигородский Иван Александрович, кн., воевода — 428.
Зеленя-Салтан, хан Золотой Орды —89.
Зиновий, игумен Троице-Сергиева монастыря — 119, 127, 132.

Иван, двинский воевода — 397.
Иван, двинский дворянин — 403.
Иван, новгородский посадник — 314.
Иван, поп, духовник кн. Волоцкого Бориса Васильевича — 183.
Иван I Данилович Калита, вел. кн. Московский — 5, 7, 12—20, 22—25, 27, 29—32, 34, 38, 41, 61, 71, 105—106, 154, 250, 300, 317—319, 334, 337—338, 357, 403, 449, 457.
Иван II Иванович Красный, вел. кн. Московский — 13, 16—23, 25—32, 41—42, 60, 106, 207, 449.
Иван III Васильевич, вел. кн. Московский — 6—9, 41, 49, 51, 98, 138, 147—148, 152, 155, 157, 159—163, 165—187, 189,—200, 202—206, 208—223, 225, 228—229, 250, 322—325, 334—339, 341—342, 344—354, 357—358, 361, 363, 369, 371—377, 392, 395—396, 407, 409, 414, 416—424, 426, 428—430, 433—434, 436, 449, 456, 457, 460.
Иван IV Васильевич Грозный — 10, 214, 220, 225, 227, 347.
Иван Андреевич, кн. Можайский — 93—97, 100, 107—108, 110—114, 120, 125, 130—134, 136—148, 152, 154, 159, 161, 184—185, 190, 199, 207, 222, 338—340, 370.
Иван Афанасьевич, новгородский боярин — 347.
Иван Баба, кн. Друцкий — 120.
Иван Борисович, кн., сын кн. Нижегородско-суздальского Бориса Константиновича — 68—69, 71, 74, 88—89.
Иван Борисович, кн. Рузский — 211, 214, 217—220, 222—223.
Иван Васильевич, вел. кн. Рязанский — 198, 205—206, 208—212.
Иван Васильевич, кн., сын Василия I— 68, 73, 86—90, 158.
Иван Васильевич, кн. Серпуховско-боровский — 152—153, 338—339.
Иван Васильевич Горбатый, кн. Суздальско-нижегородский — 88, 147—149.
Иван Васильевич Стрига, кн., новгородский наместник — 323.
Иван Владимирович, кн. литовский — 333.
Иван Владимирович, кн. Пронский — 83, 108, 116.
Иван Владимирович, кн. Серпуховской — 63, 74, 134.
Иван Дмитриевич, кн., сын Донского — 60.
Иван Дмитриевич, кн., сын Шемяки — 154, 199, 340, 370.
Иван Дмитриевич, кн. Переяславский— 236, 267—269.
Иван Еремеевич, новгородский посадник — 314.
Иван Ермолаевич (Ермолинич), посол Великого Новгорода — 331—332.
Иван Иванович, кн. Рязанский —210—211.
Иван Иванович Малый, кн., сын Ивана II Красного — 28—32.
Иван Иванович Молодой, сын Ивана III — 165, 169, 171, 178, 191, 199 — 200, 202, 228, 369, 374, 395, 416.
Иван Коротопол, кн. Рязанский —22.
Иван Микитин — см. Иван Никитич.
Иван Михайлович, кн. Тверской — 65, 307.
Иван Никитич (Микитин), боярин — 397.
Иван Семенович, кн., сын Семена Гордого — 25.
Иван Уда, боярин — 362.
Иван Федорович, боярин — 87.
Иван Федорович, вел. кн. Рязанский — 99, 108, 110, 112, 114—117, 142 — 143, 149—150, 155, 191, 197—198, 200—201, 205—207.
Иван Юрьевич, кн. Зубцовский —125.
Иван Ярославич, кн. Серпуховской — 340.
Иванко, новгородец — 258, 273.
Иванов П.— 214, 313.
Игнат, Веска, новгородец — 284.
Игнатий, епископ Ростовский — 28.

Игорь, вел. кн. Киевский — 246—247, 250.
Иероним, архимандрит — 198.
Измаил, епископ Сарский —268.
Иконников В. С.—410.
Иловайский Д. И.— 46, 198.
Иоанн, архиепископ Новгородский — 398—401, 403.
Иона, архиепископ Новгородский —336, 422.
Иона, митрополит,— 96, 138, 146—148, 157—158, 363, 414—415, 418.
Иосиф, игумен Волоколамского монастыря — 217—219.
Иосиф Андреевич, кн. Дорогобужский — 204.
Иосиф (Есиф) Васильевич, новгородский боярин — 332.
Иосиф (Есип) Филиппович, двинский посадник — 403.
Исаков — см. Федор Исаакович.
Исидор, митрополит — 124.
Иулиания, жена кн. Волоцкого Бориса Васильевича —217.
Иулиания Александровна, жена вел. кн. Литовского Ольгерда — 50—51, 207—208.
Кавгадый, посол Золотой Орды —285, 287, 289, 293—294, 296.
Казимир IV, король Польский и вел. кн. Литовский — 143, 150, 155, 160, 167, 199—201, 203, 206, 214, 225, 229, 323—327, 329—333, 338—341, 343—345, 352—353, 363—368, 371, 373, 375. 426, 432, 446—447, 460.
Калачев Н. В.— 404, 411, 437—438.
Калека — см. Юрий Андреевич Калека.
Калита —см. Иван I Данилович (Калита).
Карамзин Н. М.— 13, 17, 20, 26—27, 32, 39, 46, 52, 55, 59, 63, 72, 86, 91, 103, 109, 111, 115, 118, 123, 129, 135, 156, 285—286, 288, 309, 313, 316, 341, 354—355, 373, 397—398.
Карибут Ольгердович, кн. литовский — 50.
Касиан Босой, старец Волоколамского монастыря — 218.
Кафенгауз Б. Б.— 411, 419, 424—425, 438.
Кейстут, вел. кн. Литовский — 46, 50—51.
Кеневич В.— 207.
Киприан, митрополит — 55—56, 64, 66—67, 69, 76, 78—79, 85—86, 203—204, 379, 381, 400—402, 407, 438—442, 444.
Кирдяпа — см. Василий Дмитриевич Кирдяпа.
Кирилл, митрополит — 263.
Кирилл Белозерский — 68—69.
Кирилл Хотунич, новгородец — 264, 275.
Кичи-Махмет, хан Золотой Орды — 108, 123, 126—127.
Клементий Артемьин — см. Климент Артемьевич.
Климент, архиепископ Новгородский,— 352.
Климент Артемьевич, новгородец —391.
Ключевский В. О.— 336.
Кобылин Образец, слуга князя Углицкого Андрея Васильевича Большого — 181.
Козьма Тарасьевич (Тарасьин), новгородский посол — 357.
Козьма Терентьевич, новгородский тысяцкий — 390.
Кондрат, новгородский тысяцкий — 260, 264.
Конон, двинский воевода — 397.
Константин Дмитриевич, кн., сын Донского — 27, 59, 72—73, 88—92, 101—103, 107—108, 110—112, 118, 151, 159, 169, 222, 392—393, 445.
Константин Добрынич, новгородский посадник — 243.
Константин Михайлович, кн. Тверской — 293.
Кончака (Кончаза), жена вел. кн. Московского Юрия Даниловича — 285.
Копанев А. И.— 18.
Коротопол — см. Иван Коротопол.
Косой — см. Василий Юрьевич Косой.
Костомаров Н. И.— 240.
Кострома, дьяк — 15.
Коцебу А.— 329.
Кочаков Б. М.— 334—335, 345, 373—374, 377, 384, 386—387, 395.
Кочин Г. Е.— 255, 270, 296—297, 309, 313, 319, 397—398.
Кошка — см. Федор Кошка.
Красный —см. Дмитрий Юрьевич Красный.
Красный —см. Иван II Иванович Красный.
Критский Андрей, атаман княжеской ватаги — 337.
Кулешин Василий, дьяк — 215.
Кулудар, дьяк — 146.
Куницын А.— 373.
Курбский Андрей Михайлович, кн.— 349.

Лакиер А.— 363.
Лаппо-Данилевский —5, 449—453.
Латкин В. Н.— 376—377, 398.
Лебедев В. И.— 4.
Ленин В. И.—3, 450—452.
Лихачев Д. С.— 5, 453.
Лихачев Н. П.— 10, 12, 51, 107, 125, 169, 184, 189—190, 205, 220, 225, 227—228, 231, 235—236, 259, 322, 335, 341, 457.
Личков, новгородский рыбник — 389.
Лошинский Иван Иванович, новгородский боярин — 347.
Лугвений — см. Семен (Лугвений) Ольгердович.
Лурье Я.— 125, 321.
Любавский М. К.— 4, 14, 17—18, 123, 207, 328, 359.

Макарий, митрополит — 352.
Максимейко Н. А.— 244.
Малеин А. И.— 16.
Малый — см. Иван Иванович Малый.

Мамай, темник Золотой Орды — 38, 47—48, 53, 55, 58—59, 307—308, 311, 458.
Мамат-Хожа, посол Золотой Орды — 29—30.
Мансуров Федор, дьяк — 219.
Мансырь-Усан, посол Золотой Орды — 107.
Мария Александровна, жена Семена Гордого — 26—28, 30.
Мария Андреевна, племянница Софии Палеолог — 199.
Мария Борисовна, жена Ивана III — 138, 199, 322.
Мария Ивановна, дочь кн. Серпуховского Ивана Владимировича — 157.
Мария Ярославна, жена Василия II — 107, 141, 156—157, 167, 170, 172—173, 194, 196, 350.
Маркс—450—453, 460.
Мартьянко, двинский дворянин — 403.
Матвей (Матфей) Петрович (Петров), новгородец — 341.
Матвей Фалелеевич, новгородский тысяцкий — 307, 312—314, 316.
Матуто, двинский дворянин — 403.
Махмет (Махамет, Магмет), хан Золотой Орды — 89, 104.
Машко, новгородский тысяцкий — 238.
Машко Андреевич, новгородец — 287.
Маяковский И. Л.— 225, 408, 455.
Медведь, слуга вел. кн. Рязанской Агриппины — 209—210.
Мезецкий Д. И., кн., окольничий —12.
Мейтланд—3.
Мейчик Д. М.—449.
Менгу-Темир, хан Золотой Орды — 237—238, 263, 266.
Миллер Г. Ф.— 12.
Митрофан, духовник Ивана III — 218.
Митяев К. Г.—455.
Михаил, новгородский посадник — 239.
Михаил Александрович, вел. кн. Тверской — 33—36, 38, 44, 46—49, 51—54, 56. 59—60, 65, 71, 84—86, 155, 226—227, 230, 232—237, 296—297, 306—313, 315—317, 322, 339, 355—356, 362, 365.
Михаил Александрович, наместник лопасненский — 23.
Михаил Андреевич, кн. Белозерский — 404—405, 436.
Михаил Андреевич, кн. Верейский — 93—98, 107—108, 111—114, 128, 134—137, 139—141, 145, 149—152, 162—167, 171, 174—179, 181—182, 184—189, 191—197, 202, 207, 218.
Михаил Борисович, вел. кн. Тверской—154, 189, 192, 198—199, 202—204.
Михаил Васильевич, кн. Кашинский — 54.
Михаил Всеволодович, кн. Черниговский — 249, 254.
Михаил Константинович, посол вел. кн. Тверского Михаила Александровича — 312.
Михаил Олелькович (Александрович), кн. Новгородский — 364.
Михаил Павлович (Павшинич), новгородский посадник — 271.
Михаил Туча, новгородский боярин — 347.
Михаил Федорович, новгородский посадник — 255, 264.
Михаил Ярославич — вел. кн. Тверской — 226—228, 231—238, 255, 266—275, 278—311, 313, 321, 357—358, 362, 449, 457.
Михайло, боярин, тесть тысяцкого В. В. Вельяминова — 22.
Михайлов М. М.— 376, 398.
Михайлов П. Е.— 418, 425, 431.
Моисей, архиепископ Новгородский — 300.
Молодой—см. Иван Иванович Молодой.
Мономах — см. Владимир Всеволодович Мономах.
Морозов Василий Борисович Тучко—349.
Морозов Иван Борисович — 348—349.
Морозов Семен, боярин — 110—111.
Морозов Семен Борисович Брюхо — 348—349.
Морткинич — см. Алексей Морткинич.
Мрочек-Дроздовский П. М.— 373, 376—377, 384, 386, 398—399, 437, 449.
Мстислав Давыдович, вел. кн. Смоленский — 246.
Мудрый — см. Ярослав Владимирович Мудрый.
Мурзакевич Н.— 410—411, 425, 437—438.
Муханов П. А.— 132—133, 144, 150, 203, 206, 208, 324—325, 329—330, 332.
Напиерский К. Э.— 238.
Нарушевич Адам — 354.
Насонов А. Н.— 5, 17, 22, 44, 56, 64, 74, 263, 270, 284—285, 293, 308—309, 321.
Наум Иванович, двинский посадник — 403.
Неволин К. А.— 330.
Невский — см. Александр Ярославич Невский.
Некомат Сурожанин — 38, 54, 58, 311.
Нестерко, писец — 28.
Нечаев Г., дьяк — 12.
Ниенштедт, автор ливонской хроники — 10.
Никитский А. И.— 379, 412, 416—417, 423, 431, 438.
Никифор Манускинич, новгородский посадник — 263.
Нил, патриарх Константинопольский — 378.
Новиков Н. И.— 10, 226, 349, 448.
Новоторжец — см. Евсевий Новоторжец.
Обобуров Борис Степанович, дьяк — 190.
Оболенский Ярослав Васильевич, кн., псковский наместник — 409, 417—425, 427—430, 432, 434, 436, 440.
Овчинников П. А.— 217.
Одостен, посол Готланда — 239.

Окаянный — см. Святополк Владимирович Окаянный.
Олег, вел. кн. Киевский — 246.
Олег Иванович, вел. кн. Рязанский — 23, 46—47, 51, 54—58, 80—83, 149, 202, 205.
Олисий — см. Елисей.
Ольгерд, вел. кн. Литовский — 22, 31, 33—34, 36, 45—50, 52—54, 59, 85, 207, 307, 311, 355, 458.
Орешников А. В.— 14—16, 28, 231, 235—236, 457.
Остафяй Сыта — см. Евстафий Сыта.
Офонас Остафьевич — см. Афанасий Евстафьевич.

Павел Ананьевич, новгородский посадник — 255, 264.
Павел Федорович, посол Новгорода Великого — 234, 318, 322.
Павлов-Сильванский Н. П.— 3, 18, 337, 341, 449.
Павша Ананьевич — см. Павел Ананьевич.
Паисий, игумен Троице-Сергиева монастыря — 179.
Палеолог — см. София Палеолог.
Панов Ф.— 373—374, 449.
Панфил, новгородский староста — 347.
Патрикеев Василий, кн.— 220.
Патрикеев, Иван Юрьевич, кн., боярин — 181, 183.
Пахман С. В.— 398.
Петр, воевода Волотский — 62.
Петр, митрополит—180, 196.
Петр Дмитриевич, кн. Дмитровский— 17, 41, 60—61, 75—80, 88, 90—91, 102—103, 106, 109, 159, 183—188, 205 222.
Пимен, митрополит — 32, 38, 40, 43—44, 59.
Пискарев А. Н.— 210—211.
Писцев — см. Даниил Писцев.
Платонов С. Ф.— 11, 160, 167, 174, 185, 187, 219, 242.
Плещеев М. Б., боярин — 138.
Поганок, повар Дмитрия Шемяки — 350
Погодин — М. П.— 434.
Покровский С. А.— 447.
Полинарьин Василий Исаакович, новгородский боярин — 347.
Полинарьин Лука Исаакович, новгородский боярин — 347.
Попов А. Н.— 330.
Посевьев Лука, серпуховской сын боярский — 339.
Пресняков А. Е.— 3, 7, 11, 14, 17, 24—25, 32, 35, 38—42, 45—46, 49—52, 55, 60—61, 63, 66, 68—72, 77—78, 81—82, 88, 91, 105, 107, 109, 111—116, 118, 120, 123—124, 129, 134—135, 137, 140, 142—143, 145—146, 151, 153—154, 159—160, 164, 166—167, 174—175, 182, 185, 187, 194, 209, 219—220, 241, 243, 255, 257—258, 268, 270, 272, 278, 286—288, 290, 293, 297, 299—300, 309, 313, 319, 341, 355—356, 379, 400—401, 438, 448, 449.
Приселков М. Д.— 4, 25, 106, 350—351.
Прозоровский Д.— 331.
Путятин Меньшой Г. Н., дьяк — 219.
Ратибор Клуксович, новгородский тысяцкий — 260, 263—265.
Рождественский С. В.— 338, 347, 359, 398—399.
Рожков Н. А.— 320, 389—390.
Рожкова М. К.— 416—417, 441, 443.
Роман Болдыжевич, новгородский посадник — 263.
Роман Семенович, кн. Новосильский—46.
Романчук, кн. Белозерский — 18.
Ромодановский Василий, кн., боярин — 175—176, 179, 218.
Ростислав Мстиславич, вел. кн. Смоленский — 246.
Румянец — см. Василий Румянец.
Рыбаков Б. А.— 254, 260, 443.
Рыло — см. Вассиан Рыло.
Рюрик, кн.— 250.

Сабуров М. Ф., боярин — 138.
Савко, двинянин — 403.
Сапега Александр, кн.— 354.
Сарыхожа, посол Золотой Орды — 36, 307.
Сатин Михаил, посол Дмитрия Шемяки — 142.
Сатылган, касимовский царевич — 212.
Свибло — см. Федор Свибло.
Свидригайло (Болеслав), вел. кн. Литовский — 104, 106, 109, 115, 227—230, 237, 323—326, 328—332, 364, 366—368.
Святополк Владимирович Окаянный — 239, 242—243, 250.
Святослав Иванович, кн. Смоленский — 46.
Святослав Игоревич, вел. князь Киевский—250.
Святослав Мстиславич, князь Новгородский — 253.
Сеид-Ахмет, хан Золотой Орды — 126.
Селезнев Василий Губа, новгородский боярин — 347—348.
Семен, кн. Новосильский — 30, 90.
Семен Александрович, кн. Суздальский — 132.
Семен Андреевич, новгородский боярин — 314.
Семен Васильевич, кн., сын Василия II — 147.
Семен Владимирович, кн. Серпуховской — 72, 74, 90, 156.
Семен Дмитриевич, кн. Нижегородско-суздальский — 68, 71.
Семен Иванович Гордый, вел. кн. Московский — 13, 15—17, 19—28, 30—32, 34, 43, 54, 60, 106, 457, 458.
Семен Климович, новгородский посадник — 238, 271.
Семен Михайлович, новгородский посадник — 268—269.
Семен (Лугвений) Ольгердович, кн. Новгородский — 325, 328—329, 332—333, 392.
Семен Семенович, кн., сын Семена Гордого — 25.

Сергеевич В. И.— 17, 26, 375, 427, 448.
Сергий Радонежский — 18, 37.
Сибом — 3.
Сигизмунд Кейстутович, вел. кн. Литовский — 125, 155, 230, 325, 329—330.
Сильвестр Леонтьевич, новгородский посадник — 314.
Симеон, архиепископ Новгородский — 390, 393, 446.
Симеон, епископ Владимирский— 268.
Симеон, епископ Рязанский — 209, 214.
Симон, митрополит — 220—221.
Скиргайло Ольгердович, кн. Литовский — 50.
Смирнов М.— 207—208.
Соболевский А. И.— 10.
Созонт (монашеское имя Семена Гордого) — 25.
Соловьев С. М.— 7—8, 17, 20, 26—27, 32, 35, 39—40, 46, 52, 55, 60—61, 63, 66, 109, 111, 118—120, 123, 127, 129, 134—135, 143, 145, 151, 154, 226, 240, 262, 267—268, 270, 285—286, 293, 309, 312—313, 355—356, 448.
Сомов Л.— 397—398.
Софья, дочь Дмитрия Донского — 208.
Софья, жена кн. Дмитрия Шемяки — 154, 340.
Софья Витовтовна, жена Василия I — 62, 87, 90, 106, 138, 140—141, 156—158, 160, 170, 183, 458.
Софья Палеолог, жена Ивана III — 199, 349.
Срезневский И. И.— 13—14, 20, 27—28, 32, 35, 39, 46, 52, 55, 58, 60, 63, 78, 231, 235, 252, 268, 270, 272, 278, 286, 293, 296—297, 299—300, 306, 311, 313, 316, 355.
Сталин И. В.— 4, 457.
Станислав Август, король Польский — 354.
Степан Борисович, новгородский боярин — 314.
Степан Бородатый, дьяк — 335, 349—350, 420.
Степанко, двинский дворянин — 403.
Степанко, новгородец — 388—390.
Стратонов И. А.— 242—243, 245, 399.
Стрига — см. Иван Васильевич Стрига.
Строев П. М.— 32, 162—163, 179, 202, 219.
Сыта — см. Евстафий Сыта.

Таитемерь, посол Золотой Орды — 284—286, 295.
Тайдула, ханша Золотой Орды — 25.
Тарасьин — см. Козьма Тарасьевич.
Татищев В. Н.— 213—214.
Татищев Мунт, слуга Ивана III — 181.
Твердислав, новгородский посадник — 253.
Телебуга, посол Золотой Орды — 285, 287, 293.
Тельпуховский Б.— 300, 337.
Темир-Кутлуй (Кутлук), хан Золотой Орды — 70, 329
Темный — см. Василий II Васильевич Темный.
Тидрик, посол Ганзы — 239.
Тимур — 64—66, 70.
Тиханов П. Н.— 434.
Тихомиров М. Н.— 5, 24, 26—27, 225, 251, 380—381, 401, 424, 431, 441—442.
Тобин Е. С.— 397—398.
Товлувий, воевода Золотой Орды — 23.
Тохта, хан Золотой Орды — 310.
Тохтамер, царевич Золотой Орды — 269.
Тохтамыш, хан Золотой Орды— 44, 50, 55—56, 58, 60—61, 64—66, 70, 328—329.
Трифон, игумен Кирилло-Белозерского монастыря — 138.
Тупинич Уласке, двинянин — 403.
Туча — см. Михаил Туча.
Тучин Григорий Михайлович, новгородский боярин — 347—348.
Тучко — см. Морозов Василий Борисович.

Уда — см. Иван Уда.
Удалой — см. Василий Михайлович Удалой.
Узбек, хан Золотой Орды — 16, 18, 284—285, 300—301, 310.
Улу-Махмет, татарский хан — 123—124, 127—129, 131, 135.
Ульяна, жена Ивана Калиты — 13, 30, 38, 42.
Устрялов Ф.— 411, 425, 449.
Ухтомский Василий, дьяк — 181—182.
Ушак, дьяк — 216.

Федор, кн. Ржевский — 284, 290.
Федор Ахмыл, новгородский посадник — 271.
Федор Борисович, кн. Волоцкий — 183, 217—219, 222.
Федор Васильевич, кн. Рязанский — 205, 208—213.
Федор Васильевич Басенок, боярин — 336.
Федор Елисеевич (Олисеев), новгородский тысяцкий — 332.
Федор Иванович, царь — 400.
Федор Исаакович (Исаков), новгородский боярин — 347.
Федор Кошка, боярин — 87.
Федор Львович, кн. Воротынский — 143.
Федор Михайлович, псковский наместник — 275.
Федор Ольгович, вел. кн. Рязанский — 57, 77—78, 80—84, 115, 197—198, 205, 208.
Федор Ростовский, кн., двинский наместник — 397—399.
Федор Свибло, боярин — 362.
Федор Тимофеевич, новгородский посадник — 378, 390.
Федор Юрьевич, кн. Суздальский — 93, 129, 131—132, 147—148.
Феогност, митрополит — 25.
Феодосий (Бывальцев), митрополит — 158, 162, 193, 202.

Феоктист, архиепископ Новгородский — 231—232, 270—271, 279—280, 282—283, 289—290, 295, 298, 301—304.
Феофан, архиепископ Новгородский — 228.
Феофил, архиепископ Новгородский — 348, 369, 371, 373, 380, 395.
Фетинья, дочь Ивана Калиты — 13.
Филипп, митрополит — 163—164, 192—194, 196, 342—343, 408, 422.
Филипп, новгородский тысяцкий — 314.
Филиппов А. Н.— 374—377, 398.
Фома, инок, автор Похвального слова Борису Александровичу — 125, 322, 326—328, 333.
Фотий, митрополит — 71, 90—92, 101—104, 444—445.
Фрязин — см. Андрей Фрязин.
Фюстель де Куланж — 3.

Хвост — Алексей Петрович Хвост.
Хомутов, сын боярский — 180.
Хотунич — см. Кирилл Хотунич.
Храбрый — см. Владимир Андреевич Храбрый.
Хрептович Иоахим — 354.

Чаев Н. С.— 363.
Чарторийский Александр Васильевич, кн., псковский наместник — 127, 413.
Чевгуй, посол Золотой Орды — 237—238.
Черепнин Л. В.— 144, 158, 251, 301, 311, 431, 453.
Чернов С. Н.— 423.
Чичерин Б. Н.— 7, 15, 17, 448.

Шадибег (Шадибек), хан Золотой Орды — 70, 80, 87.
Шайнох К.— 207.
Шаскольский И. П.— 301, 337.
Шахматов А. А.— 4—5, 226, 231, 235—236, 240—241, 249, 253, 255, 257, 261, 267—268, 270—272, 278, 286, 291—293, 297, 300, 309, 313, 324, 330, 369, 398—399, 402—403, 406, 427,449, 453—454.
Швитригайло — см. Свидригайло.
Шевкал, посол Золотой Орды — 301.
Шемяка — см. Дмитрий Юрьевич Шемяка.
Шиворд, посол гор. Риги — 239.
Шихмат, посол Золотой Орды — 63.
Шуйский Василий Васильевич, кн.— 338.
Шуйский Федор Юрьевич, кн., псковский наместник — 412.
Шумаков С. А.— 435, 449.

Щербина, дьяк — 143.

Экземплярский А. В.— 13—15, 18, 20, 32, 35—36, 39, 41, 46, 52, 55, 60—61, 63, 66, 68, 72, 77, 86, 88, 107, 109, 111—112, 115, 118, 123, 126—130, 134, 140, 143, 145, 154, 156, 193—194, 230, 292, 299—300, 309, 355.
Энгельман А.— 255, 259, 265.
Энгельман И.— 411, 416, 438, 449.
Энгельс Ф.—460.

Юрий Андреевич, кн. Новгородский — 262.
Юрий Андреевич Калека, новгородец — 287.
Юрий Васильевич, кн., сын Василия I — 68.
Юрий Васильевич, кн. Дмитровский — 147, 157—160, 163—164, 166—167, 169, 172, 191, 194—196, 200, 214, 218, 222.
Юрий Данилович, вел. кн. Московский — 226—228, 230, 233, 236—237, 272, 275, 284—285, 287—300, 302, 304, 309—310.
Юрий Дмитриевич, кн. Галицкий — 17, 20, 27, 39, 41, 59—61, 67, 78—80, 84, 88—96, 99—128, 150—152, 183, 205—206, 215, 321, 330, 356, 458, 459.
Юрий Иванович, кн. Дмитровский — 213, 215—216, 220—221.
Юрий Иванович, новгородский посадник — 312—314, 316.
Юрий Михайлович (Мишинич), новгородский посадник — 269, 271.
Юрий Патрикеевич, кн., воевода Василия II — 111, 123, 341.
Юрий Святославич, кн. Смоленский — 70—71, 81.
Юрий Семенович (Лугвеньевич), кн. Мстиславский — 333.
Юшков С. В.— 423, 441.

Ягайло, вел. кн. Литовский — 50—51, 55, 58, 62, 207—208, 328—329, 458.
Ядвига, королева польская — 51, 207—208, 328.
Яким, посол Великого Новгорода — 314.
Яким Гурьевич (Гуреев), новгородец — 341.
Яков, новгородский посадник — 314.
Яков Юрьевич, серпуховской наместник — 37.
Яковкин И. И.— 242, 245.
Яковлев А. И.—397—398.
Ярлык, дьяк — 157.
Ярослав Владимирович, кн. Новгородский — 252—254.
Ярослав Владимирович, кн. Серпуховской — 41, 72, 74, 90, 156.
Ярослав Владимирович Мудрый —239—251, 254, 353, 399, 427, 439.
Ярослав Всеволодович, вел. кн. Владимирский — 241, 272, 276, 302, 307, 359.
Ярослав Ярославич, вел. кн. Владимирский — 226, 231, 233, 237—238, 241, 252—256, 258—267, 272—277, 281, 292, 297, 300—305, 307, 357—359, 439, 449, 457.
Ясинский А. Н.— 10.

164015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Задачи и приемы изучения источников по истории русских феодальных отношений XIV—XV вв. 3

Глава первая

Документы московского великокняжеского архива XIV века

§ 1. Основные задачи, связанные с изучением документов московского великокняжеского архива 10

§ 2. Духовные грамоты Ивана Даниловича Калиты 12

§ 3. Договорная грамота великого князя Семена Ивановича с братьями 1350—1351 гг. и духовная Семена Ивановича 1353 г. 20

§ 4. Духовная грамота великого князя Ивана Ивановича 1358 г. 27

§ 5. Договорные грамоты великого князя Дмитрия Ивановича с удельным князем Владимиром Андреевичем серпуховским. 31

§ 6. Московско-литовские докончальные грамоты в княжение Дмитрия Ивановича. 45

§ 7. Договорные грамоты великого князя Дмитрия Ивановича с тверским и рязанским князьями. 51

§ 8. Духовные грамоты великого князя Дмитрия Ивановича 58

Глава вторая

Документы московского великокняжеского архива первой четверти XV века

§ 1. Договорные грамоты великого князя Василия Дмитриевича с удельными князьями московского дома. 63

§ 2. Документы, касающиеся взаимоотношений великого князя Василия Дмитриевича с Рязанью и Тверью 80

§ 3. Духовные грамоты великого князя Василия Дмитриевича 86

Глава третья

Документы московского великокняжеского архива второй четверти XV века

§ 1. Состав документов московского великокняжеского архива второй четверти XV в. 93

§ 2. Документы московского великокняжеского архива, относящиеся ко времени борьбы Василия II с Юрием Дмитриевичем галицким 100

§ 3. Документы, касающиеся взаимоотношений великого московского князя Василия II с Василием Косым, Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным Юрьевичеми второй половины 30-х и начала 40-х годов XV в. 117

§ 4. Документы, касающиеся борьбы Василия II с Дмитрием Шемякой во второй половине 40-х годов XV в. 128

§ 5. Докончальные грамоты Василия II 50-х годов XV в. 150

§ 6. Духовные грамоты вдовы серпуховского князя Владимира Андреевича— княгини Елены Ольгердовны (инокини Евпраксии) и великой княгини Софьи Витовтовны. 156

§ 7. Духовная грамота Василия Темного. 158

Глава четвертая

Московский великокняжеский архив при Иване III

§ 1. Пересмотр в 1481—1482 гг. формуляра договорных грамот московского великого князя с удельными князьями московского дома 162

§ 2. Изменение в 80-х годах XV в. формуляра духовных грамот удельных князей московского дома. 175

§ 3. Копийная книга духовных и договорных княжеских грамот начала 80-х годов XV в. и уничтожение духовных грамот удельных князей 183

§ 4. Договорные грамоты Ивана III с удельными князьями Андреем углицким и Борисом волоцким 1486 г. 189
§ 5. Копийная книга договорных княжеских грамот около 1486 г. и пересмотр формуляра московско-рязанских и московско-тверских докончаний . . . 191
§ 6. Списки договорных грамот рязанских князей и литовских документов и московско-литовские отношения 90-х годов XV в. 205
§ 7. Договорная грамота рязанских князей 1496 года 208
§ 8. Документы, связанные с присоединением к Москве Углицкого удела в 1491 г. и передачей Ивану III Рузы удельным князем Иваном Борисовичем в 1503 г. . 214
§ 9. Духовная грамота Ивана III 1504 г. 220

Глава пятая

Новгородские документы тверского великокняжеского архива

§ 1. Вопрос о новгородском государственном архиве периода независимости Великого Новгорода. 224
§ 2. Происхождение собрания новгородско-тверских договорных грамот XIII — XV веков. 226
§ 3. «Ярославовы грамоты» и формуляр новгородских договоров с великими князьями XIII—XV вв. 239
§ 4. Договорные грамоты Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем конца XIII в. 254
§ 5. Договорные грамоты Новгорода с великим князем Михаилом Ярославичем начала XIV в. 266
§ 6. Договорная грамота Новгорода с великим князем Александром Михайловичем 1327 г. 299
§ 7. Договорные грамоты Новгорода с великим князем Михаилом Александровичем конца XIV в. 306
§ 8. Договорные грамоты Новгорода с тверским князем Борисом Александровичем и с литовскими князьями первой половины XV в. 317

Глава шестая

Новгородские документы московского великокняжеского архива

§ 1. Сборник новгородских и двинских актов 1471—1476 гг. 334
§ 2. Договорная грамота Новгорода с князем Дмитрием Ивановичем 1375 г. . 354
§ 3. Яжелбицкая договорная грамота 1456 г. 356
§ 4. Договорная грамота Новгорода 1471 г. с польским королем Казимиром IV 363
§ 5. Коростынская договорная грамота 1471 г. 369
§ 6. Новгородская судная грамота. 373
§ 7. Двинская уставная грамота 1397 г. 397

Глава седьмая

Документальное наследие государственного архива Пскова XV века
(Псковская судная грамота)

§ 1. Государственный архив Пскова в XV в. 408
§ 2. Утверждение Псковской судной грамоты на вече в 1462 г. 411
§ 3. Запись текста Псковской судной грамоты, отправленного в Москву в 1474 г. 416
§ 4. Московская редакция Псковской судной грамоты 1484—1486 гг. 423
§ 5. История дошедшего до нас текста Псковской судной грамоты. «Правда» Александра Невского 1241 г. и приписки к ней архиепископа Дионисия 436
§ 6. Устав князя Александра Михайловича тверского первой половины XIV в. 442
§ 7. Редакции Псковской судной грамоты 1397 г., 1417 г. и 1435—1440 гг. . . . 444
Заключение 448
Именной указатель 462

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *И. У. Будовниц*. Технический редактор *И. И. Карпов*. Корректор *Н. Н. Певцова*

РИСО АН СССР № 3203. А-06633. Издат. № 1698. Тип. заказ № 974. Подп. к печ. 11/IX 1948.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 29¹/₂. Уч.-изд. 45,3. Тираж 5000 экз.
2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10.

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
257	9 сн.	пош ине,	пошлине.
267	29 св.	Александр Александрович,	Андрей Александрович
374	1 св.	классического	«классического»
457	17 св.	Орежникова	Орешникова
457	18 св.	идеях.	целях.
460	9 сн.	произв дства общения».	производства и общения».

40 РУБ.